ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЕРВЫЙ БЛИЦКРИГ АВГУСТ 1914

БАРБАРА ТАКМАН

Барбара Такман.
Первый Блицкриг. Август 1914.

Tuchman B. The Guns of August
Август 1914. — М.: 000 "Фирма "Издательство АСТ"; СПб.: Terra Fantastica, 1999. Сост. С. Переслегин. 640 с. — (Военно-историческая библиотека).

Документальное произведение может быть более захватывающим, чем самый увлекательный детектив, потому что действительность истории интереснее любого вымысла. Прославленная книга Барбары Такман — блестящее тому доказательство. Ее читают и перечитывают, переиздают и раскупают, она удостоена одной из высших литературных наград мира — Пулитцеровской премии. Как и почему началась Первая мировая война? Какая неумолимая логика событий постепенно затягивала державы, не желавшие, в сущности, воевать, в кровавый водоворот. Какие тайные механизмы истории, почти случайно пущенные в ход, дали толчок гигантской военной машине? Почему план Шлиффена, до секунды; до миллиметра выверенный лучшими специалистами германского генерального штаба, в итоге рухнул?..

С о д е р ж а н и е

От издателя
Необходимое предисловие. *О.Касимов* [7]
Похороны [37]

Планы [55]

«Пусть крайний справа коснется плечом пролива» [57]
Тень Седана [70]
«Каждый английский солдат...» [89]
Русский «паровой каток» [103]

Начало [117]

Первое августа, Берлин [121]
Первое августа, Париж и Лондон [135]
Ультиматум в Брюсселе [152]
«Мы вернемся домой до начала листопада» [168]

Битва [193]

Льеж и Эльзас [195]
Путь британских экспедиционных сил на континент [231]
Самбра и Маас [244]
Разгром: Лотарингия, Арденны, Шарлеруа, Монс. [271]
Казаки! [306]
Танненберг [337]
Пожары Лувуиа [358]
Отступление [373]
Париж — фронтовой город [405]
Клюк повернул [431]
Мы будем сражаться на Марне [451]
Послесловие [475]
Приложения [481]
Примечания
Комментарии

От издателя

Переизданием знаменитой книги Б. Такман «Августовские пушки» мы продолжаем новый научно-художественный сериал «Военно-историческая библиотека».

Работая над текстом Б. Такман, редакция пришла к выводу, что издание этой книги, самой по себе представляющей значительный интерес, должно быть снабжено обширным справочным аппаратом, чтобы, профессиональный читатель, любитель военной истории равно как и школьник, выбравший себе соответственную тему реферата, получили не только научно-художественный текст, повествующий о событиях с соблюдением «исторической правды», но и всю необходимую статистическую, военную, техническую, биографическую информацию, имеющую отношение к событиям, воссозданным американским историком.

Таким образом, редакция сочла необходимым дополнить книгу объемным комментарием и снабдить авторский текст картами. Ведь совершенно очевидно, что уровень информированности российского читателя и американского автора не совпадают. Каждый ли читатель сможет из полунамека Б. Такман сделать выводы о степени укомплектованности дивизий той или иной державы или припомнить весь набор дипломатических писем и документов, вызвавших необходимость принять то или иное стратегическое или политическое решение? Задачам фактического воссоздания реальности Такман в цифрах и фактах посвящаются Приложения: «Хронология политических событий лета — осени 1914 г.», «Военная статистика: численность, состав, структура, потенциальные возможности вооруженных сил противоборствующих сторон», «Мобилизация и развертывание», «Баланс сил в августе — сентябре 1914 г.».

Анализируя работы Б. Такман на предмет вписывания политических концепций и стратегических идей автора в контекст 90-х годов XX столетия, создатели Приложений пришли к идее комментированного издания, т. е. книги, содержащей не только авторский текст и адекватный справочный аппарат, но и представляющей реакцию на этот текст современных военных историков. Вы ознакомитесь не с критикой, но с анализом военно-исторических событий Первой Мировой войны, проясните для себя или обозначите те нюансы периода, которые в силу художественного замысла не были затронуты Б. Такман. «Комментарий к операциям августа 1914 г.» образует Приложение 5, состоящее из двух развернутых аналитических статей: «Мировой кризис 1914 года: очерк стратегического планирования» и «План Шлиффена в действии».

Помимо военно-публицистических работ и военно-экономической статистики, издание снабжено комментариями непосредственно по ходу текста. Дополнительные сведения о военных и политических деятелях, упоминающихся Б. Такман в «Августовских пушках», даны в «Биографическом указателе». Библиография в конце издания оформлена для скрупулезных читателей, которых интересуют источники, имена, их знаки в войне или так называемые анкетные характеристики, которые официально определяют официальную историю.

Издательская группа, готовя книгу, проделала большую исследовательскую работу, проявив таким образом свой интерес к событиям, свое творческое отношение к стратегическим принципам войны и дипломатии, свою заинтересованность в создании серии книг, посвященных войне как искусству.

В мире не так уж много книг, на которые можно сослаться как на художественное произведение, учебник стратегии и политический трактат одновременно. «Августовские

пушки» Барбары Такман, на наш взгляд, именно такая книга. Достройка значимых военно-исторических произведений до уровня «текст — учебник стратегии — современный учебник жизни» — задача нынешнего издания.

Необходимое предисловие

Если верно высказывание, что у каждой книги своя судьба, то Барбара Такман вытащила наисчастливейший лотерейный билет. Ее книга, впервые увидевшая свет в 1962 году, сразу приковала к себе на Западе пристальное внимание, стала объектом изучения, хотя она отнюдь не была задумана как очередная монография, призванная расширить горизонты исторической пауки. В самом деле, в книге не сообщается никаких фактов, которые были бы неизвестны специалистам, тщетно доискиваться в ней новых интерпретаций. Это понятно: давно ушли в прошлое актеры великой драмы августа 1914 года, оставив после себя кладбища по всей Европе и груды пожелтевших книг. Такман не смогла сделать большего, нежели пройти по следам бесчисленных историков.

И тем не менее книгу стали жадно читать, она выдержала много изданий. Это объясняется не только тем, что написана она живо и увлекательно. Поколение 60-х годов, живущее в густой тени ядерной угрозы, обращаясь к прошлому, ищет в нем те истоки, которые помогут понять настоящее. В современном неустойчивом мире повторение трагедии 1914 года грозит неисчислимыми бедствиями.

Успех Такман прежде всего объясняется тем, что она попыталась показать, как в тот фатальный август мир был втянут в кровавую бойню, как государственные деятели заблудились в политическом [8] лабиринте — обширном здании, возводившемся десятилетиями их собственными руками и с самыми, по их словам, добрыми намерениями.

Бурный успех книги «Августовские пушки» объясняется еще одним обстоятельством, пожалуй решающим. Книга, разумеется, чисто случайно появилась на витринах магазинов накануне конфронтации между США и СССР в октябре 1962 года и имела выдающегося читателя — Джона Ф. Кеннеди.

Президента Соединенных Штатов Д. Кеннеди, когда он прочел эту книгу, поразил необратимый лавинообразный процесс сползания к войне в условиях острого международного кризиса. Один из исследователей нового раздела в теории международных отношений «кризисной дипломатии», американский профессор О. Холсти заметил: осенью 1962 года «президент читал книгу Б. Такман «Августовские пушки", рассказ о первом месяце Первой Мировой войны. Книга произвела на него сильнейшее впечатление, ибо она показывает, как просчеты и неверные представления оказали воздействие на ход событий в 1914 году. Кеннеди часто ссылался на принятие решений, приведших к Первой Мировой войне, как на классический случай типичных ошибок, которых следует избегать в век ядерного оружия. Обсуждая, например, через несколько педель после его завершения кризис в бассейне Карибского моря (в октябре 1962 года), он утверждал: если припомнить историю нынешнего столетия, когда Первая Мировая война, в сущности, разразилась в результате ложной оценки другой стороны... тогда чрезвычайно трудно выносить суждения в Вашингтоне относительно того, к каким результатам в других странах приведут наши решения»{1}.

Общеизвестно, что в октябре 1962 года произошел процесс, противоположный случившемуся в августе 1914 года, — деэскалация международного кризиса.

Кеннеди совершенно не видел этого различия, полагая, что уроки 1914 года без малейших изменений пригодны для всех времен и всех без исключения государств. То, что он ошибался в универсальности этого принципа, вероятно, закономерно, но в данном случае

важно то, что американский президент в. сложнейшей обстановке осенью 1962 года признал его применимость к самим Соединенным Штатам.

Как писал Т. Соренсен, человек близкий Кеннеди и влиятельный: «...любимым словом Кеннеди с самого начала нашей работы с ним (1953) было «просчет'". Задолго до того, как Кеннеди прочел книгу Барбары Такман «Августовские пушки", которую он [9] рекомендовал своим сотрудникам, он еще студентом в Гарвардском университете прослушал курс о причинах Первой Мировой войны. Он говорил, что курс заставил его понять, «с какой быстротой государства, относительно незаинтересованные, за несколько дней погрузились в войну». Их лидеры говорили (как заявляют ныне их преемники), что военная мощь способствует сохранению мира, однако одна эта мощь не сработала. В 1963 году Кеннеди любил приводить обмен репликами между двумя германскими руководителями о причинах и расширении той войны. Бывший канцлер спрашивал: «Как же это случилось?», а его преемник отвечал: «Ах, если бы знать!».

«Если нашей планете, — говорил Кеннеди, — суждено когда-либо быть опустошенной ядерной войной и если выжившим в этом разрушении удастся преодолеть огонь, отравление, хаос и катастрофу, мне бы не хотелось, чтобы один из них спросил другого: «Как же это случилось?" и получил невероятный ответ: «Ах, если бы знать!»{2}.

Таков в общих чертах генезис популярности книги, удивительная своевременность обращения в наши дни к событиям, казалось бы, не очень близкого прошлого — августа 1914 года. Всего этого было более чем достаточно для создания оглушительной рекламы труду Такман, не говоря уже о том, что Кеннеди взял за правило раздавать книгу людям, посещавшим Белый дом, — заезжим премьерам (например, премьер-министру Англии Макмиллану), собственным генералам (тогда послу США во Франции генералу Гэвину) и многим другим. А привычки американского президента, как известно, считаются в том мире материалом, достойным первых страниц газет и аршинных заголовков. Легко представить, к каким последствиям привело появление американского президента в роли добровольного агента — распространи геля сочинения.

Книга Такман, конечно, поучительна в том отношении, что автор занятно рассказывает о проблемах, которые служат предметом изучения ученых-международников. Результаты их исследовании обычно сообщаются в статьях и книгах, малодоступных широкому читателю хотя бы по причине изобилия специальной терминологии и сухости изложения. Такман сумела перевести эти сентенции на живой язык в контексте событий, вызывающих жгучий интерес. Хотя ее исходная посылка о «случайном» характере войны едва ли выдерживает критику — военный пожар был неизбежен{102}, — тем не менее книга дает убедительный ответ, почему война разразилась именно в августе 1914 года, а не в другое время. Стечение обстоятельств тогда действительно оказалось роковым, а цепь случайностей дала новое качество.

Язык нот был сменен на язык пушек.

К тому, что сообщается в книге о фатальном поведении политических деятелей, остается добавить немногое: речь идет лишь о том, что некоторые действия, вызванные на первый взгляд только злой волей в те критические дни, ныне расшифрованы и поддаются анализу хотя бы благодаря достижениям психологии.

Историк Э. Тейлор, описывая события, приведшие к началу Первой Мировой войны, заметил:

> «Бюрократия старого мира просто скрылась в сугробах бури информации, которая обрушилась на нее. Самые острые и уравновешенные умы не могли больше осмысливать необработанные данные, которые в них вводились, и в каждой столице возникла тенденция — решения отставали от событий. В результате каждый новый шаг с любой стороны становился ложным шагом, усиливая всеобщее смятение»{3}.

Разумные основания для такого заключения есть. После первой мировой войны были опубликованы дипломатические документы пяти основных европейских держав (Германии, Франции, России, Англии и Австро-Венгрии). По подсчетам О. Холсти, в критический период, примерно месяц, предшествовавший развязыванию войны, Министерства иностранных дел в этих странах получили от своих посольств 5620 документов, состоявших почти из 1,5 миллиона слов. Причем объем переписки резко возрастал по мере приближения кульминационной точки кризиса. Именно в эти дни вызрела необходимость принимать важнейшие решения. В расчеты политиков властно вторгся фактор времени, упустить его в беге к войне, естественно, представлялось безумным расточительством. Количество вопросов, ждущих решения, увеличивалось, а время, оставшееся для этого, сокращалось.

Исследования психологов (Н. и Д. Макворс) показали интереснейшую закономерность — если увеличить необходимость принятия решений в пять раз в данный отрезок времени, то количество ошибок возрастает в пятнадцать раз{4}! Это частично объясняется тем, что во внимание принимаются не фактические данные, а стереотипы. Обдумывать решение просто нет времени, цепь умозаключений не строится, вместо нее вводится стереотип, отражающий не столько объективную реальность, сколько субъективное представление, в данном случае о противнике. А все это выпадает на долю людей, и без того находящихся под стрессом.

Американский посол в Лондоне Пейдж оставил такую зарисовку германского посла Лихновского, от точности оценок которого в немалой степени зависели решения в Берлине:

> «В три дня (5 августа 1914 года) нанес визит германскому послу. Он спустился в пижаме, вид рехнувшегося. Боюсь, что он действительно может сойти с ума... бедняга не спал несколько ночей».

Опыт 1914 года, утверждает Такман — и в этом пафос ее книги, — приводит к печальному заключению о том, что государственные деятели, в стрессовых ситуациях размышляющие о подлинных или мнимых интересах своих стран, не видят возможности изменить собственную политику, но считают, что перед противником буквально неограниченное количество альтернатив. В 1914 году они забыли, что в неприятельских столицах действовали столь же мощные ограничения на свободу выбора, как и в собственной. Каждая сторона торопилась действовать, дабы предотвратить гипотетическую реакцию или действия другой, мало представляя себе связь причин и следствий. В то же время тщетное ожидание «разумных» шагов противника укрепляло подозрение в его дьявольской скрытности, маскирующей лютую агрессивность. Коль скоро проблеска разума по ту сторону не наблюдалось, то повинен здесь-де только злой умысел, а это лишь ускоряло скатывание к войне.

Основной вывод О. Холсти касательно непосредственной предыстории Первой Мировой войны сводится к следующему:

«Четырнадцатый год дает почти классический пример дипломатического кризиса, который претерпел очень быструю эскалацию, выйдя за пределы расчетов и контроля лиц, ответственных за принятие решений в сфере внешней политики. Это не означает, что в 1914 году в европейских странах правили монархи, премьер-министры, парламенты и партии, испытывавшие глубокую и непоколебимую приверженность к миру. Равным образом нельзя отрицать, что соперничавшие честолюбивые имперские устремления, борьба в области торговли, гонка вооружений, союзы и жесткие военные планы могли быть источниками отсутствия стабильности на международной арене. Однако хотя эти и многие другие составные части международной системы 1914 года были важнейшими факторами, определявшими и ограничивавшими европейскую дипломатию, начало войны было результатом принятых или непринятых решений государственных деятелей в Вене, Белграде, Берлине, Петербурге, Париже и Лондоне»{5}.

Эту истину, соответствующую генеральному направлению современной политической мысли Запада, и стремится донести до сознания читателей Такман. Она попыталась также подтвердить военной историей личное суждение по поводу дипломатической истории: как события могут выйти из-под контроля людей. Для научной оценки всех этих концепций Такман их нужно рассмотреть в рамках проблемы в целом.

К августу 1914 года неотвратимо вела политика империалистических держав. Еще в конце XIX столетия классики марксизма-ленинизма с величайшей прозорливостью указали, что таков будет закономерный результат всей европейской политики. Достаточно напомнить часто цитирующееся в марксистской литературе гениальное предвидение Ф.Энгельса, относящееся к 1887 году:

«Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, — сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны;

абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы, только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет наконец свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу»{6}.

Почти за сорок лет до начала Первой Мировой войны Ф. Энгельс с поразительной точностью определил ее грядущие контуры — то, что она охватит весь мир, продлится до четырех лет и в дело будут введены многомиллионные армии. Он указал и на конечный результат неслыханной бойни — революционный подъем [13] в масштабах всего мира. Великий Октябрь в России делами подтвердил научное предвидение марксизма.

Обращаясь к прогнозу Энгельса 1887 года, В. И. Ленин подчеркивал, что чудесное пророчество есть сказка, но научное пророчество есть факт.

«Какое гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа!.. Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистического развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежними»{7}.

И если угодно, книга Такман — новое доказательство исторической правоты марксизма, хоть автор менее всего думала об этом. Интеллектуальная слепота поразила, казалось бы, неглупых людей — государственных деятелей и военачальников. Такман, ярко описывая эту картину, не перестает изумляться ей, но не находит аргументов для объяснения. Для марксистов же эта ситуация закономерна и понятна. Те политические деятели, которые вершили судьбами Европы в 1914 году, жили в двухмерном мире буржуазных представлений. Где им было усмотреть, что они разожгли пожар в трехмерном мире, в результате которого массы властно вторглись в политику! Быть может, иные из них неплохо разбирались в арифметике военной стратегии, но они не знали и не могли знать силу буржуазной ограниченности своего мировоззрения алгебры политической, социальной стратегии.

Если оказалось возможным вообще исследовать происхождение, ход и исход мировой войны 1914 — 1918 годов, то этому все историки мира обязаны победе Великого Октября. Придавая громадное значение тому, чтобы народы узнали правду о политике империалистических держав, Советское правительство приступило к публикации тайных договоров царского и Временного правительств. Сразу же после Октябрьской революции сотрудники Наркоминдела во главе с матросом Н. Г. Маркиным {103} занялись отбором и публикацией важнейших документов из архива МИД России. За полтора месяца осенью 1917 года вышли в свет семь выпусков «Сборника секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел». В них было помещено около 100 договоров, ряд других дипломатических материалов. Выполнив задание, Н. Г. Маркин уехал на Восточный фронт, где в 1918 году погиб смертью героя. Подготовленным под его руководством сборникам предстояла долгая жизнь. [14]

Не будет преувеличением сказать, что инициатива Советского правительства коренным образом изменила положение в области изучения международных отношений во всем мире. Пригвожденные к позорному столбу как организаторы невиданной войны, правительства западных стран приступили в 20-е годы к публикации собраний своих дипломатических документов. Цель этих изданий — а среди них были монументальные: немецкое — «Большая политика европейских кабинетов», 40 томов (1922 — 1927), английское — «Британские документы о происхождении войны 1898 — 1914 гг.», 11 томов (1926 — 1938) — заключалась в том, чтобы снять ответственность за войну с определенных правительств. Размах «войны документов», разразившейся по пятам за первой мировой войной, не могли предвидеть составители различных «цветных» книг, выпущенных в 1914 году (немецкой белой, английских синих, французской желтой, австро-венгерской красной и т. д.).

Хотя публикации документов, выходившие на Западе, были все без исключения тенденциозно составлены и события фальсифицировались, ученые тем не менее получили значительное количество новых документов. Их научная оценка оказалась возможной, ибо в Советском Союзе более двух десятилетий продолжалась систематическая

публикация документов из дипломатических архивов. Мнение серьезных историков единодушно — нельзя изучать все, что в той или иной мере связано с Первой Мировой войной, без учета советских изданий, многотомной публикации «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878 — 1917», в первую очередь ее третьей серии, покрывающей период 1914 — 1917 годов, вышедшей в 1931 — 1938 годах. Неоценимое значение имеют материалы журнала «Красный архив», выпускавшегося в 1922 — 1941 годах, не говоря уже об опубликовании обширной мемуарной литературы.

Советские историки были вооружены для творческого решения сложнейших вопросов того периода. Можно назвать многие десятки книг, вошедших в золотой фонд исторической науки, в которых подробно разобран период, описанный Такман. Таково, например, исследование Н. П. Полетика «Возникновение Первой Мировой войны (июльский кризис 1914 г.)», вышедшее в 1964 году. Изучение всей тематики, относящейся к августу 1914 года, невозможно без учета монографий А. С. Ерусалимского «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века», Ф. И. Нотовича «Дипломатическая борьба в годы Первой Мировой войны». Каждая из этих двух книг занимает более семисот страниц убористой печати...

По сравнению с этими и многими другими трудами по Первой Мировой войне, проделанное Такман, с точки зрения профессионального [15] историка, выглядит более чем скромным. Она, не зная русского языка, не могла использовать богатейшее собрание источников и обширную библиотеку литературы, накопленные в нашей стране. В результате, несмотря на порядочную работу, автор так и не смогла подойти к той оценке событий, которая дается в трудах историков-марксистов. Погрузившись в море фактов, Такман заключает:

«Продираясь через различные интерпретации, историк бредет, пытаясь найти истину относительно дней минувших и выяснить — «как это, собственно, происходило». Он обнаруживает, что истины субъективны и различны, они состоят из маленьких кусочков свидетельств различных очевидцев. Происходит примерно то же, что при рассматривании картины в калейдоскопе — стоит встряхнуть цилиндр, как бесчисленное множество разноцветных стеклышек образует новый узор. То те же стеклышки, которые мгновением ранее сложились в ином узоре. Эта причина и таится в записках о прошлых событиях, сделанных их участниками. Выполнить прославленный принцип «как это, собственно, происходило" никогда полностью не удается»{8}.

Иными словами, автор расписалась в собственной беспомощности. Будучи не в состоянии вскрыть смысл объективных исторических событий, она ставит во главу угла субъективные действия отдельных деятелей, не говоря уже о том, что оценки им даются весьма субъективные.

Тем не менее работа Б. Такман представляет несомненный интерес для советского читателя. Автору удалось нарисовать широкое и достаточно достоверное полотно событий, связанных с началом Первой Мировой войны. Внимание книги сконцентрировано на драматических событиях августа 1914 года, задавших тон дальнейшему развитию событий. Конечно, ограниченность документальной базы, на которой работала Такман, наложила отпечаток на книгу. Малообоснованным представляется, например, произвольное исключение из рассмотрения первого месяца войны Сербии, Австро-Венгрии и почти полное умолчание о сражениях, разыгравшихся в Галиции. Довольно пространный рассказ о боях в Восточной Пруссии отнюдь не

компенсирует умолчания об операциях русского Юго-Западного фронта. Необходимо сделать еще ряд замечаний, фактических уточнений.

Для советского читателя, естественно, представляет в первую голову интерес то, что относится к истории собственной страны. Поэтому по зрелому размышлению достаточно поднять только один [16] вопрос — дать некоторые замечания о Восточно-Прусской операции русских армий в августе 1914 года.

Вернемся к тому, о чем уже говорилось, — источникам. Такман с откровенностью характеризует документальную базу глав «Казаки!» и «Танненберг»: «Основными источниками для описания военных операций в этих главах являются: книга Головина «Из истории кампании 1914 года на русском фронте», работы Гурко, который был в армии Ренненкампфа, Нокса — в армии Самсонова, Хоффмана и Франсуа — в восьмой армии, Данилова и Бауэра, находившихся соответственно в главных штабах России и Германии, и, наконец, Айронсайда, собиравшего материал с обеих сторон»{9}. И все!

Не касаясь работ иностранных авторов, следует отметить, что все трое упомянутых русских авторов были эмигрантами, писавшими в специфических условиях. Книга начальника 1-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта В. И. Гурко «Война и революция в России 1914 — 1917 гг.» увидела свет в Нью-Йорке в переводе на английский язык уже в 1919 году. Книга генерал-квартирмейстера верховного главнокомандующего, генерала от инфантерии Ю. Н. Данилова «Россия в мировой войне» была издана в 1924 году (Такман пользовалась французским переводом 1927 года) и написана главным образом по памяти, а Восточно-Прусская операция 1914 года занимала в ней небольшое место. Между тем по ней автор восстанавливает происходившее в высших русских штабах. В свое время вокруг ценности этой работы в кругах белой эмиграции велись споры. Лица, имевшие непосредственное отношение к событиям 1914 года, нашли изложение Данилова неудовлетворительным.

Единственный серьезный труд, попавший в поле зрения Такман, — книга профессора генерал-лейтенанта Н. Н. Головина, впервые изданная в 1925 году Этот серьезнейший разбор Восточно-Прусской операции был переведен на английский язык и в 1933 году издан академией американской армии в Форт-Ливенворсе для поучения высшего командного состава вооруженных сил США.

Н.Н.Головин, открывший свой труд посвящением «Памяти павших на поле брани русских воинов», так объяснил, мотивы, побудившие его взяться за перо: «В нас говорило чувство долга защитить память той армии, которая, в полном смысле слова пожертвовав собой, дала победу своим союзникам».

Обращаясь к освещению августа 1914 года в Восточной Пруссии в начале 20-х годов, автор подчеркнул:

«Мы использовали для нашей работы печатные труды, вышедшие как за границей России, так и в самой России. Крупным недостатком первых является базирование [17] их исключительно на данных, сообщенных нашими бывшими врагами немцами. Подобной односторонности не избегли даже труды наших ближайших союзников французов... Вполне попятно, что с научной точки зрения ценность подобных трудов очень невелика... Наиболее ценными для нашей работы источниками являются печатные труды, изданные в Советской России»{10}.

В трудное время гражданской войны появились первые специальные исследования, посвященные Восточно-Прусской операции. В 1920 году Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914 — 1918 годов выпустила очерк относительно действий 1-й русской армии{11}. Видный советский военачальник И. И. Вацетис в 1923 году специально обратился к операциям в Восточной Пруссии, написав обстоятельную монографию{12}.

Во второй половине 20-х и в 30-е годы поток исследований вопроса нарастал. Все без исключения аспекты наступления русских армий в Восточной Пруссии в августе 1914 года были рассмотрены в общих и специальных трудах. Своего рода итогом двух десятилетий военно-исторической работы в СССР явилось издание в 1939 году Генеральным штабом РККА объемистого сборника материалов «Восточно-Прусская операция». Помещенные в нем восемьсот с лишним документов позволяют проследить деятельность русского верховного главнокомандующего, командования Северо-Западного фронта и армий, то есть оперативную деятельность русских войск до корпусов включительно. Можно уверенно утверждать, что никаких «открытий» в трактовке проблемы не предвидится, усилиями советской историографии начисто ликвидированы все «белые пятна» и взгляд на Восточно-Прусскую операцию 1914 года давно и прочно установился. Он выработан коллективными усилиями большой группы советских историков, отдавших многие годы жизни для работы над темой.

Существование тщательно разработанной, опирающейся на документы научной концепции относительно Восточно-Прусской операции в августе 1914 года делает настоятельно необходимым внесение определенных корректив в изложение Такман. Речь идет о том, чтобы углубить разбор описываемых событий, а главное, исправить методологический просчет автора. Уподобив историческую науку пресловутому «калейдоскопу», она не сумела должным образом «вписать» происходившее в Восточной Пруссии в августе 1914 года в общую картину коалиционной войны и научно оценить все последствия злополучного наступления там русских армий для хода и исхода боевых действий.

В 1914 году противники Германии — державы Антанты — подняли оружие в соответствии с имевшимися у них обязательствами. Еще в 1892 году в Петербурге была подписана франко-русская военная конвенция, предусматривавшая, что в случае нападения держав Тройственного союза Франция выставит против Германии 1,3 миллиона человек, Россия — 800 тысяч человек. Руководящей идеей российского Генерального штаба на протяжении последующих двадцати лет было сохранение за собой свободы стратегических действий, которые должны были привести к конечному поражению неприятеля. Иными словами — определения сроков и направления главного удара против Германии или Австро-Венгрии. Однако по мере того как политика царской камарильи приводила страну ко все большей зависимости от ее союзников, эти разумные соображения были отброшены. Вместо четкой формулировки §3 франко-русской военной конвенции 1892 года, где говорилось, что в случае войны против Германии Франция и Россия «предпримут решительные действия возможно скорее», русская сторона в 1911 — 1913 годах обязалась выставить на германском фронте обусловленную 800-тысячную армию на 15-й день мобилизации и в тот же час начать наступление.

В 1912 году при обмене мнениями между генералами Жилинским и Жоффром было даже определено направление главного удара против Германии в Восточной Пруссии от Нарева на Алленштейн. Установление срока перехода в наступление заведомо означало, что в дело может быть введена только треть русской армии, ибо она и планировалась к сосредоточению на пятнадцатый день стратегического развертывания. Для подхода

второй трети требовалось еще восемь дней, для сосредоточения же последней трети — дополнительно сорок дней. И это перед лицом противника, располагавшего развитой системой путей сообщения на куда меньшей территории, который заканчивал сосредоточение войск много раньше!

Обязательства перед Францией заранее создавали громадные трудности на всем русском фронте, ибо России предстояло иметь дело с двумя противниками — Австро-Венгрией и Германией. По русскому плану «А» (Германия направляет главные силы против Франции, как и случилось в 1914 году) основным противником признавалась Австро-Венгрия, против нее направлялось сорок восемь с половиной дивизий, против Германии — тридцать дивизий. [19]

В результате нигде русское командование не могло рассчитывать на превосходство в силах, необходимое для достижения решительного успеха. В то же время второстепенное значение Восточной Пруссии для России не оправдывало отвлечение на этот театр все же очень значительных сил. Но в Париже, памятуя о Седане, думали прежде всего о том, чтобы русская армия отвлекла максимальные германские силы на себя.

Анализируя русский план войны, русский исследователь профессор А.Коленковский отмечал:

> «Выбор австро-венгерского фронта для главной, решающей операции был правильным, так как в случае успеха можно было отделить Венгрию от Австрии, в то же время русские армии приблизились бы к восточной области Германии — Силезии, потеря которой для Германии имела несравненно большее оперативное и экономическое значение, нежели потеря Восточной Пруссии. В силу таких соображений русскому командованию следовало иметь против австрийцев по крайней мере полуторное превосходство в силах, план же предусматривал равенство в силах с противниками. Больше сил в начале войны было взять негде, а обязательства перед Францией требовали немедленного перехода в наступление против германцев в Восточной Пруссии... В общем, надо признать, что русский план не соответствовал имеющимся силам и не обеспечивал захвата инициативы, необходимой для достижения наступательных целей на двух театрах»{13}.

Руки русского командования были заранее связаны как в отношении выделения необходимых сил, так и сроков начала операции, которые заранее признавались производными от положения на франко-германском фронте. Говоря о планировании кампаний на русском фронте в полной зависимости от французов, Н. Н. Головин находил: «Обязательство начать решительные действия против Германии на пятнадцатый день мобилизации является в полном смысле слова роковым решением... Преступное по своему легкомыслию и стратегическому невежеству, это обязательство тяжелым грузом ложится на кампанию 1914 г. ...Это и полном смысле слова государственное преступление»{14}. Но разве нельзя было предвидеть печальные последствия всего этого? Что, все русское командование поголовно» состояло из слепцов, не видевших, что так рано армия не может наступать? Конечно, нет. Обнаружившееся в Восточной Пруссии в августе 1914 года было [20] очевидно на оперативно-стратегической игре, проведенной военным министром Сухомлиновым, начальником Генерального штаба Янушкевичем и начальником оперативного управления (генерал-квартирмейстером) Даниловым в Киеве в апреле 1914 года. И как бы в насмешку 90 процентов высших начальников встретили начало войны именно на тех должностях, которые они исполняли во время игры в Киеве.

Основное внимание во время нее, как случилось и в августе 1914 года, уделялось молниеносному овладению Восточной Пруссией. Участников игры нисколько не смущало, что планировался удар по расходящимся направлениям — на Восточную Пруссию и Галицию. Учитывая трудности сосредоточения русской армии, казалось, было бы необходимо обратить самое пристальное внимание на тыловое обеспечение. Для царских генералов этот вопрос представлялся невыразимо скучным, и, чтобы раз и навсегда разделаться с организацией и управлением армейского и войскового тыла, в игре постановили: «Перевозки и весь тыл фронтов и армий работают без задержек и перебоев». Предложения некоторых участников игры сообразовать темпы наступления с работой тыла были оставлены без внимания.

Как произошло и с началом войны, операции против Восточной Пруссии во время игры проводились так: 1-я русская армия продвигается с востока, 2-я армия наносит удар с юга. По замыслу командующего Северо-Западным фронтом обе армии должны были нанести решительный удар одновременно, по простейшие подсчеты во время игры показали — 2-я армия неизбежно запоздает. Над 1-й армией, уже ввязавшейся в сражение, нависает угроза поражения. Как быть? Сухомлинов, Янушкевич и Данилов находят великолепный выход — они выходят за пределы собственного фронта и дают вводную: английская экспедиционная армия уже высадилась на территории Франции, немцы на западном фронте стоят перед превосходящими силами. Германское верховное главнокомандование назначает не менее трех корпусов из числа находящихся в Восточной Пруссии на западный фронт. Они соответственно уходят, а оставшиеся немецкие войска оттягиваются за реку Апгерап. Восточная Пруссия оголена, следует новый скачок во времени, и на двадцать первый день с начала мобилизации Жилинский приступает к осуществлению «Канн» — ударами с севера и юго-запада от Мазурских озер окружает германские войска.

Дальше этого этапа русское командование не пошло, и, как заметил профессор В. А. Меликов, «руководство игрой правильно сделало, что остановило эти «успехи» Северо-Западного фронта именно на этом третьем ходе и не стало разыгрывать «Канны»». Во время игры предотвратить катастрофу Северо-Западного фронта [21] удалось просто — была «придумана» английская высадка во Франции и переброска этих германских сил на запад. В жизни произошло наоборот. И случилось это так.

Германия объявила войну России первого августа 1914 года. Стороны немедленно начали подготовку к предстоящим операциям. Над стратегическим развертыванием русской армии довлело желание Ставки немедленно оказать максимальную помощь союзной Франции, что подогревалось паническими обращениями из Парижа.

Десятого августа Ставка отдает первую директиву Северо-Западному фронту. В ней говорилось:

> «По имеющимся вполне достоверным данным, Германия направила свои главные силы против Франции, оставив против нас меньшую часть своих сил... Принимая во внимание, что война в Германии была объявлена сначала нам и что Франция как союзница наша считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам в силу тех же союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара германцев... Верховный главнокомандующий полагает, что армиям Северо-Западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное и планомерное наступление»{15}.

Составители директивы были уверены, что в предстоящих действиях противник будет раздавлен простым численным превосходством. Это и даст возможность осуществить приятные во всех отношениях «Канны». Недоигранное в Киеве будет завершено в реальной обстановке в Восточной Пруссии. В директиве численность русских армий определялась в батальонах — 208 батальонов, в то время как немцы могли противопоставить-де только 100 батальонов. Ставка рассчитывала на двойное превосходство. В действительности в конечном счете 1-я и 2-я армии ввели в дело 254 батальона и 1140 орудий против 199 немецких батальонов и 934 орудий, из них 188 тяжелых. Такое соотношение сил

> «с большой натяжкой, из-за отсутствия тяжелой артиллерии, давало русским полуторное превосходство при условии совместных действий 1-й и 2-й армий, а так как это условие было нарушено в течение всего периода операции, то немцы имели возможность, используя прекрасно развитую сеть железных дорог, сосредоточивать всегда превосходящие силы и наносить поражение русским армиям по частям»{16}. [22]

Но это не вся картина. Подсчет боевой силы по «батальонам» был уместен разве во времена Наполеона, когда людская масса в исполинских каре проламывала вражеский фронт. В XX веке на поле боя господствовал огонь, «ударная» тактика сменилась «огневой». В первую мировую войну нужно было считать дивизии, ибо пехотная дивизия давала в бою такое сочетание орудийного, пулеметного и ружейного огня, которое и определяло ее ударную мощь. В войне 1914 — 1918 годов 70 процентов потерь падали на долю орудийного огня, 20 процентов — ружейного и 10 процентов — на все остальные средства поражения, включая газы. Перегрузка полевой дивизии батальонами (в русской дивизии их было шестнадцать по сравнению с двенадцатью в немецкой) отнюдь не означала, что первая имела в эпоху «огневой» тактики превосходство над второй. Более показательно количество артиллерийских стволов — в состав русской дивизии входило шесть батарей (все легкие), в состав германской — двенадцать, из них три тяжелые.{104}

По директиве Ставки в момент, когда русские войска, подталкивались к поспешному наступлению в Восточной Пруссии, в 1-й и 2-й армиях значилось тринадцать пехотных дивизий, им противостояла 8-я немецкая армия, насчитывавшая четырнадцать пехотных дивизий.

«Преимущество в боевой силе в действительности было на немецкой стороне, — писал Н. Н. Головин. — ...Современная стратегия измеряет боевую силу армий числом дивизий, вводя при этом в виде поправки коэффициент сравнительной огневой силы дивизий каждой из сторон. В данном случае нужно считать, что огневая сила германской пехотной дивизии в среднем равняется огневой силе более чем полутора русских пехотных дивизий. Таким образом, на стороне немцев было полуторное превосходство в боевой силе»{17}.

К тому нужно добавить немецкие крепости, укрепленные позиции в районе Мазурских озер, развитую железнодорожную сеть восточно-прусского театра, дававшую возможность осуществлять борьбу по внутренним операционным линиям. Командование русской армии думало только о полевых частях немецкой армии, сбросив со счета ландвер. Этот промах совершили штабы всех противников Германии. Между тем части ландвера, в большинстве сформированные как гарнизоны крепостей, были использованы в первых же боях как полевые войска. Наконец, ландштурм — ополчение, которое в Восточной Пруссии, опираясь на регулярные части, создало плотную завесу перед многочисленной русской кавалерией. [23]

Это способствовало тому, что русское командование было вынуждено действовать в значительной степени вслепую. Как заметил И. Вацетис, вероятно именно в этой связи:

«8-я германская армия от 12 до 19 августа сидела в стратегическом мешке. Но русское командование не сумело использовать выгоды своего положения»{18}.

Можно только выразить глубочайшее изумление, как в этих тяжелейших условиях, созданных бездарным высшим командованием, доблестно сражался русский солдат. На поле брани зачастую исправлялись грубейшие ошибки Ставки и командования фронтом, были достигнуты победы, повернувшие в конечном итоге течение всей войны.

Пока в обстановке величайшей неразберихи русские войска подтягивались к исходным рубежам, в стане врага также далеко не все шло гладко — 8-я армия изготовилась к борьбе много раньше русских войск: принято считать, что начальный период войны для Германии был шестнадцать — семнадцать дней против сорока дней для России{19}. Полученный выигрыш во времени Притвиц не использовал.

«В отношении стратегической разведки в период стратегического сосредоточения и развертывания германских вооруженных сил в Восточной Пруссии дело обстояло весьма примитивно. Фактически до первого крупного пограничного столкновения сторон командование германской армии ничего существенного о развертывании русских корпусов не знало... В общем, вяло и бесцветно прошла боевая разведывательная деятельность 8-й германской армии. Ответственнейший период от момента выгрузки войск до сближения их на границе с противником оказался холостым для командования 8-й германской армии... Таким образом, не зная, как в действительности развертывается противник, Притвиц вынужден был ждать, когда произойдет первое крупное столкновение в пограничной полосе»{20}.

Утром семнадцатого августа 1-я русская армия Ренненкампфа на семидесятикилометровом фронте вступила в Восточную Пруссию. Против шести с половиной русских пехотных и пяти с половиной кавалерийских дивизий немцы выставили восемь с половиной пехотных и одну кавалерийскую дивизии. Русские войска имели 55 батарей, немецкие — 95, в том числе 22 тяжелые. Командир [24] I германского корпуса Франсуа по собственной инициативе в тот же день у Сталюпенена ввязался в бой с русскими войсками. Притвиц приказал ему после установления направления русского наступления, что и выяснил этот бой, немедленно отойти.

Франсуа в своих мемуарах, которые успел напечатать уже в 1920 году, чрезвычайно гордился своим ответом Притвицу:

«Доложите генералу фон Притвицу, что генерал Франсуа прервет бой, когда разобьет русских»{21}.

На деле, если на правом немецком фланге ему удалось нанести чувствительный удар, то левый фланг германских войск был разбит и они бежали, оставив даже орудия. Чтобы замаскировать поражение, он направил Притвицу победоносную реляцию. Командующий 8-й армией на основании ее преисполнился решимости дать бой русским.

В книге Такман изложение этого эпизода дается, конечно, по версии Франсуа, о которой немецкий военный исследователь К. Гессе еще в начале 20-х годов заметил: «Она не соответствует действительности»{22}.

Гессе — во время описываемых событий взводный в 5-м гренадерском полку корпуса Франсуа — на собственной шкуре испытал «полководческое искусство» своего командира.

В военной историографии деяния Франсуа в те дни получили должную оценку. Он, введя в заблуждение собственные штабы относительно боевых качеств русских войск, создал мираж легкой победы. Большой знаток истории Первой Мировой войны профессор А. М. Зайончковский в своем в ряде отношений классическом труде сухо отмечает:

«Обнаружив движение 2 корпусов в направлении Гумбинен — Инстербург, не выявив еще определенно направление Четвертого русского корпуса, германское командование решило обойти северный фланг этой группы, а у суетливого командира Первого корпуса генерала Франсуа эта мысль развилась даже в желание устроить ей шлиффеновские клещи. Эта предвзятая мысль о русской группировке и идея клещей послужили основным мотивом розыгрыша сражения у Гумбинена»{23}.

Двадцатого августа немецкие дивизии атаковали гумбиненскую группу русских войск. На немецкой стороне было 74,4 тысячи человек, на русской — 63,8 тысячи. Германские корпуса несколько превосходили русские и в артиллерии. Под впечатлением хвастливых сообщений Франсуа немецкие генералы погнали своих солдат в атаку, не озаботившись провести разведку. Войска шли в бой [25] «густыми цепями, почти колоннами со знаменами и пением, без достаточного применения к местности, там и сям виднелись гарцующие верхом командиры»{24}. Возмездие не замедлило — русские войска продемонстрировали отличную стрелковую выучку.

В общем обзоре войны немецкий полковник Р. Франц констатировал:

«20 августа впервые после полутора столетий в большом сражении встретились пруссаки и русские. Русские показали себя как очень серьезный противник. Хорошие по природе солдаты, они были дисциплинированны, имели хорошую боевую подготовку и были хорошо снаряжены. Они храбры, упорны, умело применяются к местности и мастера в закрытом размещении артиллерии и пулеметов. Особенно же искусны они оказались в полевой фортификации: как по мановению волшебного жезла вырастает ряд расположенных друг за другом окопов»{25}.

Последнее утверждение, стандартное в немецкой военной литературе, конечно, не соответствует истине. Уже один из первых отечественных исследователей вопроса, Л. А. Радус-Зепкович заключил:

«Русские были слабее немцев, артиллерия немцев была могущественнее, а не наоборот. Столь же фантастична и «сильно укрепленная позиция» русских. У них не только не было двадцатого августа сильно укрепленной позиции, но не было никакой «позиции» вообще, а имелось лишь местами налицо преимущество более раннего развертывания. Кажущиеся «значительно превосходные силы» противника, «сильно укрепленная позиция» и «могущественная артиллерия» — это обычный симптом игры нервов проигравшего бой»{26}.

Самонадеянный полководец Франсуа утром двадцатого августа одержал кое-какие успехи, по они дались дорогой ценой.

Вышеупомянутый Гессе так описывал наступление 71-й бригады, входившей в Первый корпус:

«Перед нами как бы разверзся ад... Врага не видно, только огонь тысяч винтовок, пулеметов и артиллерии. Части быстро редеют. Целыми рядами уже лежат убитые. Стоны и крики раздаются по всему полю. Своя артиллерия запаздывает с открытием огня, из пехотных частей посылаются настойчивые просьбы о скорейшем выезде артиллерии на позиции. Несколько батарей выезжают на открытую позицию на высотах, но почти немедленно мы видим, как между орудий рвутся снаряды, зарядные ящики уносятся во все стороны, по полю скачут лошади [26] без всадников. На батареях взлетают в воздух зарядные ящики. Пехота прижата русским огнем к земле, ничком прижавшись к земле, лежат люди, никто не смеет даже приподнять голову, не говоря уже о том, чтобы самому стрелять».

Когда днем последовала мощная контратака русских, части 1-го корпуса дрогнули и побежали. Только к пятнадцати часам Франсуа удалось восстановить управление деморализованным корпусом. Еще хуже пришлось Семнадцатому корпусу генерала Макензена, который был наголову разбит и ударился в бегство. Самые легкие на ногу к вечеру двадцатого августа оказались на рубеже реки Ангерап, покрыв за несколько часов более двадцати километров!

В официальном немецком описании войны о Семнадцатом корпусе сказано:

«Великолепно обученные войска, позднее всюду достойно проявившие себя, при первом столкновении с противником потеряли свою выдержку. Корпус тяжело пострадал. В одной пехоте потери достигли в круглых цифрах восьми тысяч человек — треть всех наличных сил, причем двести офицеров было убито и ранено»{27}.

Когда Притвицу и его штабу доложили о результатах сражения, он принял решение очистить Восточную Пруссию, уйти за Вислу и умолял прислать подкрепление. Естественно, никто в германских штабах не предполагал, что 1-я русская армия не разовьет успех.

«8-я германская армия в бою под Гумбиненом, — справедливо заметил И. И. Вацетис, — потерпела крупную неудачу, которая при продолжении боя могла бы обратиться в катастрофу»{28}.

Круги от поражения под Гумбиненом прошли по Восточной Пруссии, вызвав повальную панику, быстро достигли Берлина и наконец докатились до Кобленца, где находилось верховное главнокомандование германских вооруженных сил. Трудно переоценить тяжесть того гнетущего впечатления, которое Гумбинен произвел на германских военачальников. На фоне цепи побед на Западном фронте огромная неудача на Востоке. Было нетрудно представить себе ближайшие последствия — марш русской армии на Берлин, до которого от Восточной Пруссии рукой подать. Разочарование было тем сильнее, что самоуверенные германские генералы заранее обещали победу над русскими войсками. В действительности, подчеркивает А. М. Зайончковский,

«вместо того чтобы разбить и отбросить русскую армию к Неману, германцы вынуждены были, понеся потери, быстро отступать. При этом высшие начальники, а также [27] кадровые, резервные и ландверные войска не показали оперативного и тактического превосходства над русскими, а некоторые германские части не обнаружили и необходимой доблести, в чем германцы считали бесспорное превосходство за собой»{29}.

В Германии происходят те события, о которых в целом удовлетворительно рассказала Такман: Притвица и его начальника штаба Вальдерзее увольняют в отставку, Гинденбург

и Людендорф срочно выезжают командовать в Восточную Пруссию. Самое главное — Мольтке принимает решение об усилении Восточного фронта за счет Западного. В двадцатых числах августа в Кобленце происходит серия совещаний, на которых первоначально предлагается перебросить в Восточную Пруссию шесть корпусов и одну кавалерийскую дивизию{30}. Поразмыслив, — ограничиваются отправкой на восток двух корпусов — гвардейского резервного, Одиннадцатого армейского корпуса и 8-й саксонской кавдивизии. Пятый корпус пока задерживается в Меце в ожидании — в зависимости от развития обстановки — назначения также в Восточную Пруссию. Это происходит в преддверии решительного сражения в начале сентября на Западном фронте — битвы на Марне. Больше того, оба корпуса были взяты из ударной правофланговой группировки германской армии, заходившей на Париж. Тем самым подрывался в самой основе хваленый план Шлиффена, Гумбинен начисто стер в памяти Мольтке многолетние наставления Шлиффена, который даже на смертном одре в 1913 году бормотал: «Не ослабляйте, а усиливайте правый фланг!»

Последствия всего этого стали ясны в начале сентября, когда свершилось «чудо на Марне» — немцы были отбиты у ворот Парижа, у них не хватило сил для последнего удара...

И в эти дни, когда героизм русского солдата спасал Францию, требования Парижа усилить давление на немцев превратились в лавину, подавившую здравый смысл в Ставке русского верховного главнокомандования. Начиная с пятого августа, когда было передано отчаянное обращение французского правительства, посол Франции в Петербурге Палеолог обивает пороги русских ведомств, домогаясь ускорения наступления в Восточной Пруссии. Его мемуары рисуют поразительную картину. Прослышав, что даже Янушкевич и Жилинский (оба не бог весть какие стратеги) заявили: «Поспешное наступление в Восточную Пруссию осуждено на неудачу, так [28] как войска еще слишком разбросаны и перевозка встречает массу препятствий», посол тринадцатого августа заламывает руки, закатывает глаза и с крайней галльской экспансивностью восклицает: «Подумайте, какой тяжелый час пробил для Франции!»

Двадцать первого августа, то есть на другой день после Гумбинена, Палеолог помечает в своих записках:

«На бельгийском фронте наши операции принимают дурной оборот. Я поручил указание воздействовать на Императорское Правительство, дабы ускорить насколько возможно начало наступления русских армий». И наконец двадцать шестого августа Палеолог получает из Парижа телеграмму (текст которой набран в его книге курсивом): «Из самого надежного источника получены сведения, что два вражеских корпуса, находившихся против русских армий, переводятся сейчас на французскую границу. На восточной границе Германии их заменили части ландвера. План войны Большого германского Генерального штаба совершенно ясен, и нужно настаивать на необходимости самого решительного наступления русских армий на Берлин. Срочно предупредите российское правительство и настаивайте»{31}.

В тот день — двадцать шестого августа, когда в Париже сочинялась эта телеграмма, — происходил процесс, обратный описанному в ней, — два германских корпуса действительно были на колесах. Только направлялись они с запада на восток...

Под Гумбиненом русская армия до конца выполнила свой союзнический долг. Не сразу и не вдруг такая точка зрения утвердилась в оценке начального периода Первой Мировой войны, ибо только с течением времени, с появлением новых документов удалось

выработать научно обоснованный взгляд на значение этого сражения. В 1920 году Л. А. Радус-Зенкович задавал риторический вопрос: «Кто знает, не Гумбиненское ли сражение помешало императору Вильгельму осуществить его молниеносный удар на Францию и явилось, таким образом, первопричиной «затяжной войны» и окончательного поражения императорской Германии»?{32}

В вышедшей в начале 20-х годов книге французского генерала Дюпона «Германское высшее командование в 1914 г.» (предисловие к книге написал Жоффр) было сказано: «Два корпуса сняты с французского фронта: корпус, дублировавший гвардию, или гвардейский резервный отнимают от армии фон Бюлова, а Одиннадцатый армейский корпус от армии фон Гаузена. Их сопровождает [29] 8-я кавалерийская дивизия... В этом, быть может, и было наше спасение. Представьте себе, что гвардейский резервный корпус находился на своем месте седьмого сентября между Бюловым и Клюком, а Одиннадцатый армейский корпус с 8-й кавалерийской дивизией оставался в армии фон Гаузена у Фер-Шампенуаза. Какие последствия! От этой ошибки начальника Генерального штаба фон Мольтке другой Мольтке, его дядя, должен был перевернуться в гробу»{33}.

В 1937 году, в двадцать третью годовщину победы под Гумбиненом, в Париже вышла брошюра, в которой были собраны оценки этого сражения рядом крупных деятелей на Западе. Французский генерал Ниссель, видный военачальник в годы Первой Мировой войны, прямо заявил: «Всем нам отлично известно, насколько критическим было тогда (во время битвы на Марне) наше положение. Несомненно, что уменьшение германской армии на два корпуса и две дивизии, к чему немцы были принуждены, явилось той тяжестью, которая по воле судьбы склонила чашу весов на нашу сторону», У. Черчилль в статье, опубликованной в мае 1930 года в газете «Дейли телеграф», отметил:

«Очень немногие слышали о Гумбинене, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа. Русская контратака Третьего корпуса, тяжелые потери Макензена вызвали в 8-й немецкой армии панику, она покинула поле сражения, оставив на нем своих убитых и раненых, она признала факт, что была подавлена мощью России».

Собрав многие другие суждения в этом же ключе о победе под Гумбиненом, автор заключил:

«Надо признать справедливым промелькнувшее одно время в иностранной военной литературе выражение, что сражение на Марне, или, как его называют, «Чудо на Марне», было выиграно русскими казаками. Последнее, конечно, надо отнести на счет пристрастия иностранцев к употреблению слова «русский казак", но сущность всей фразы верна. Да. Чудо на Марне было предрешено двадцатого августа на поле встречи Семнадцатого немецкого и Третьего русского корпусов»{34}.

В советской историографии была последовательно разработана концепция об определяющем значении происходившего на русском фронте для судеб всей кампании 1914 года. «Трудно сказать, — писал Л. Коленковский, — как бы окончилась Марна, если не последовало бы ослабление 2-й и 3-й германских армий... В самые [30] напряженные дни Марны седьмого и восьмого сентября положение германцев в Сен-Гондских болотах и промежутке между 2-й и 3-й армиями могло быть иным, чем оно было на самом деле, то есть было бы более благоприятным для германцев, если бы в составе 2-й и 3-й армий остались посланные на восток корпуса»{35}. В наше время изложенные выше соображения относительно последствий операций русских войск в Восточной Пруссии в августе 1914 года для положения на фронте во Франции стали хрестоматийной истиной. На это положение неизменно указывают авторы современных трудов по истории Первой

Мировой войны, например Д. В. Бержховский и В.Ф.Ляхов{36}. В рецензии на эту книгу в «Военно-историческом журнале» особо выделено: «Они справедливо подчеркивают решающую роль русского фронта в провале германских планов войны»{37}.

В рамках всей коалиционной войны и следует рассматривать случившееся в конце августа 1914 года в Восточной Пруссии со 2-й армией генерала от кавалерии А. В. Самсонова. Брошенная в условиях полной оперативной неготовности к наступлению, армия Самсонова потерпела поражение. По ходу изложения этих событий в книге Такман к тексту сделаны нужные примечания и уточнения, к которым и отсылаем читателя. Здесь достаточно высказать несколько соображений о причинах неудачи 2-й русской армии. Вина за нее падает на Ставку и командование Северо-Западного фронта, которые, торопясь слепо выполнить настояния Франции, подталкивали Самсонова в гибельном марше навстречу превосходящим силам врага. Большую долю ответственности несет и Ренненкампф, остановивший свои войска после Гумбинена и не оказавший оперативного содействия 2-й армии. Весь комплекс вопросов, связанных с операциями армии Самсонова, тщательно исследован в советской историографии.

Во введении к сборнику документов о Восточно-Прусской операции сделан вывод (который подтверждается собранными в нем материалами):

«На полях Восточной Пруссии в кровопролитных боях проверялась военная доктрина и боевая выучка двух наиболее сильных противников. Русские войска по уровню своей тактической подготовки ни в какой степени не уступали Германии в период всех боев в Восточной Пруссии, нанеся Германии ряд тяжелых поражений. [31]

> ...В период августовского сражения Самсоновской армии русские разбили 6-ю и 70-ю ландверные бригады у Гросс-Бессау и Мюлена, ландверную дивизию Гольца и 3-ю резервную дивизию у Хохенштейна, 41-ю пехотную дивизию у Ваплица, 37-ю пехотную дивизию у Лана, Орлау, Франкенау; наконец, они нанесли поражение 2-й пехотной дивизии под Уздау. Но отдельные блестящие тактические успехи русских войск не были увязаны в общую победу. Германцы потерпели ряд жестоких поражений в рамках отдельных боев, но выиграли операцию в Восточной Пруссии»{38}.

Что касается действий А. В. Самсонова, то они также были предметом всестороннего рассмотрения в советской историографии. Были должным образом оценены как положительные, так и отрицательные стороны его командования 2-й армией. Еще в 1926 году Г. С. Иссерсон в труде, специально посвященном гибели армии Самсонова, указал:

«Над трупом погибшего солдата принято молчать, таково требование этики воинской чести. Никто не может утверждать, что генерал Самсонов этой чести не заслужил; он был, несомненно, честным и бравым солдатом и свободен, во всяком случае, от того тяжелого позора, которым покрыл себя, например, бежавший от своих войск командир Двадцать третьего корпуса генерал Кондратович. Но для военной истории генерал Самсонов — прежде всего командующий армией. Квалификация его самоубийства как акта глубокого отчаяния и отсутствия силы воли, дабы героическими усилиями организовать прорыв остатков своей армии, не требует особого доказательства. Для человека такой поступок, конечно, не бесчестен, но со стороны командующего армией он свидетельствует о глубокой неподготовленности к своим высоким обязанностям. На войне есть достаточно возможностей погибнуть с честью, и для этого не надо прибегать к самоубийству. Если бы генерал Самсонов нашел в себе достаточно воли объединить войска для организованного прорыва, если бы он с боем вышел из окружения хотя бы с одним полком своей армии,

если бы он, наконец, в последнем бою был сражен пулей противника, — история могла бы сказать: «Да, армия Самсонова потерпела грандиозное поражение, к тому было много глубоких причин, по она все же имела достойного командующего».

Но так не случилось, и так история сказать не может. Наоборот, она говорит: было бы неправильно считать генерала Самсонова и его действия единичными в русской армии: нет, и он и его действия были глубоко типичны. По своему концу они являются, [32] пожалуй, проявлением того самого благородного, что можно было найти в русской царской армии...

> Полная неподготовленность к управлению большими вооруженными массами, непонимание самой техники управления, притупленность оперативной восприимчивости и косность оперативной мысли - все эти черты, так наглядно выявившиеся в действиях Самсонова, были характерны для всей старой русской военной школы. Генерал Самсонов не мог быть в этом отношении исключением, и если он им был, как честный солдат, то разве только в лучшую для себя сторону»{39}.

Книга Г. С. Иссерсона вышла в серии работ, подготовленных Управлением по исследованию и использованию опыта войны штаба РККА{40}, и отражала взгляд советской военной науки на прискорбные обстоятельства поражения 2-й армии. В отличие от западной историографии, в которой неудача армии Самсонова выделялась и превращалась в объект отдельного рассказа, советские военные историки оценивали ее в комплексе происходившего тогда на всех фронтах Первой Мировой войны. Тогда получалась иная картина, чем, например, в немецкой историографии, на все лады превозносившей «Танненберг». Как заметил Г. С. Иссерсон, «то было только частным, поражением на частном театре войны»{41}, из которого сверхразрекламированные в Германии Людендорф и Гинденбург не сумели извлечь те преимущества, которые дало им в руки бездарное царское командование.

А. М. Зайончковский совершенно справедливо указал: «Германское командование не имело никаких оснований венчать себя лаврами Ганнибала и провозглашать «Танненберг" новыми «Каннами», но дело не в форме, по которой были разбиты 5 русских дивизий, а в том, что сами по себе «Канны" явились последним, случайным и при этом не главным этапом армейской операции 8-й германской армии. Русские войска в основном потерпели поражение не столько от германских войск, сколько от своих бездарных высших военачальников»{42}.

Слов нет, германское командование сумело извлечь оперативную пользу из разобщенного положения 1-й и 2-й русских армий. Перед Людендорфом и Гинденбургом открывались широкие [33] перспективы — не будет преувеличением сказать, что при умелом руководстве дальнейшими операциями они могли бы достигнуть решительного стратегического успеха на восточноевропейском театре войны. Направление наступления, которое привело бы к таким последствиям, диктовала жизнь — на русском Юго-Западном фронте развернулась Галицийская битва, австрийцев нещадно били, и они с тяжелыми потерями отступали. Австро-Венгрия обратилась с отчаянными просьбами к Германии помочь ударом на Седлец, что, кстати, Берлин обещал до войны. В Восточной Пруссии скопилось достаточно войск для проведения нужной операции — выгрузились и сосредоточились прибывшие из Франции два корпуса и кавалерийская дивизия. Но, вопреки очевидным стратегическим преимуществам такой операции, Людендорф и Гинденбург думали только о том, как вытеснить 1-ю русскую армию из Восточной Пруссии. На большее германское командование и не замахивалось.

Проанализировав создавшуюся тогда обстановку, И. И. Вацетис подчеркивал, что немцы вполне могли, «оставив временно генерала Ренненкампфа в покое, бросить четыре корпуса и две кавдивизии от Сольдау на Юго-Западный фронт в общем направлении на Люблин. Действуя так, генерал Гинденбург в сравнительно короткое время достиг бы неслыханных в военной истории результатов. Этим смелым ударом генерал Гинденбург разгромил бы не только Юго-Западный фронт, по и весь план кампании русского Главковерха. Без всякого сомнения, придя своевременно на помощь Австрии наступлением от Сольдау на Люблин, генерал Гинденбург совместно с австрийцами отбросил бы армии Юго-Западного фронта к Днепру»{43}. Но «смелости» у германского командования как раз не было; ошеломленное собственной победой над армией Самсонова, игравшей «в поддавки» на полях Восточной Пруссии, оно приступило к выталкиванию 1-й армии из Восточной Пруссии, что и было достигнуто в сентябре 1914 года. В этой операции были заморожены крупные германские силы, введение которых в дело никак не оправдывал конечный скромный результат.

Тем временем войска русского Юго-Западного фронта расправились с австрийской армией{105}. В период Галицийской битвы восемнадцатого августа — двадцать первого сентября 1914 года русские войска безостановочно гнали австрийские армии, которые были вынуждены оставить всю Восточную Галицию. Хотя окончательно разбить вооруженные силы Австро-Венгрии не удалось, численность австрийской армии сократилась почти наполовину, она потеряла до [34] четырехсот тысяч человек, из них более ста тысяч пленными. Ужасающий удар, обрушенный на Австро-Венгрию, надломил ее, положение на всем Восточном фронте изменилось. Открывалась дорога на Венгерскую равнину.

В августе-сентябре 1914 года случилось так, что русские войска в Восточной Пруссии, одержав блистательные тактические успехи проиграли операцию. В свою очередь, германский блок, добившись оперативных успехов на северном крыле фронта, потерпев поражение в Галиции, стратегически проиграл всю кампанию.

«Германское командование ценою принесения в жертву своей союзницы Австро-Венгрии оттеснило русских из Восточной Пруссии»{44}.

Солдаты русских армий, сражавшиеся и погибавшие в Восточной Пруссии, сковали значительные силы врага, не дали возможности Германии создать мощный кулак при наступлении на Париж и оказать содействие попавшей в беду Австро-Венгрии.

В коалиционной войне все взаимосвязано и все приходит в свои черед. И если нет оправданий русскому верховному командованию, бросившему 2-ю армию в неподготовленное наступление, в котором она была побеждена, то противники Германии оказались непобедимыми благодаря жертвам, понесенным Россией. Таков честный вердикт истории относительно Восточно-Прусской операции русской армии в августе 1914 года.

Б. Такман разделяет оценку значения сражения русских войск в Пруссии, о которой говорилось выше. Она пишет: «Чего бы она ни стоила России, эта жертва дала французам то, что они хотели: уменьшение германских сил на Западном фронте. Два дня опоздавшие к Танненбергу, отсутствовали на Марне» (с. 307). И в другом месте: «Если бы немцы не перебросили два корпуса на русский фронт, один из них защитил бы правый фланг Бюлова и прикрыл брешь между ним и Клюком; другой корпус поддержал бы Хаузена, и тогда Фоша, возможно, удалось бы разбить. Россия, верная союзническому долгу, начала наступление без соответствующей подготовки и оттянула на себя эти части» (с. 489). [37]

Похороны

Таким величественным и грандиозным было зрелище в то майское утро 1910 года, когда девять монархов ехали в траурном кортеже на похоронах короля Англии Эдуарда VII, что по притихшей в ожидании и одетой в траур толпе прокатился гул восхищения. В алом и голубом, зеленом и пурпурном, по трое в ряд суверены проехали через ворота — в шлемах с плюмажами, с золотыми аксельбантами, малиновыми лентами, в усыпанных брильянтами орденах, сверкавших на солнце.

За ними следовали пять прямых наследников, сорок императорских или королевских высочеств, семь королев — четыре вдовствующие и три правящие — а также множество специальных послов из некоронованных стран. Вместе они представляли семьдесят наций на этом самом большом и, очевидно, последнем в своем роде собрании королевской знати и чинов, когда-либо съезжавшихся в одно место. Колокола Биг Бена приглушенно пробили девять утра, когда кортеж покинул дворец. Однако часы истории указывали на закат, и солнце старого мира опускалось в угасающем зареве великолепия, которое должно было исчезнуть навсегда.

В центре первого ряда ехал новый король Георг V, слева от него находился герцог Коннот, [38] единственный из оставшихся в живых братьев покойного короля, а справа — Вильгельм II, император Германии. Ему, писала «Таймс», «принадлежит первое место среди прибывших из-за границы плакальщиков, даже в моменты наиболее напряженных отношений эта персона всегда пользовалась у нас популярностью». Он был на сером коне, одет в алую форму английского фельдмаршала, в руках держал маршальский жезл. Лицо кайзера со знаменитыми закрученными вверх усами было «мрачным, почти жестоким». О том, какие чувства волновали эту легковозбудимую, впечатлительную натуру, можно узнать из его писем. «Я горд назвать это место своим домом, быть членом этой королевской семьи», — писал он в Германию после того, как провел ночь в Виндзорском замке, в бывших апартаментах своей матери. Сентиментальность и грусть, вызванные печальными событиями, боролись с гордостью, проистекавшей из чувства превосходства над собравшимися монархами, и жгучей радостью по поводу исчезновения его дяди с европейского горизонта. Он приехал хоронить Эдуарда — проклятие своей жизни, главного творца, как считал Вильгельм, политики изоляции Германии. Эдуард, брат его матери, которого он не мог ничем ни запугать, ни поразить, своей массивной фигурой заслонял Германии солнце. «Это — сам Сатана. Трудно представить, какой он Сатана!»

Эти слова, сказанные кайзером перед тремястами гостями на обеде в Берлине в 1907 году, явились результатом одного из путешествий Эдуарда по Европе, предпринятого ради осуществления дьявольской идеи изоляции Германии. Он неспроста находился неделю в Париже, без всяких видимых причин посетил короля Испании (только что женившегося на его племяннице). Закончил же Эдуард свое путешествие визитом к королю Италии с явным намерением соблазнить его на выход из Тройственного союза с Германией и Австрией. Кайзер, известный в Европе крайней несдержанностью речи, в порыве неистовства тогда высказал одно из тех замечаний, которые периодически в течение двадцати лет его правления вызывали у дипломатов нервные потрясения.

Теперь, к счастью, творец политики изоляции был мертв, и его место занял Георг, который, как сказал кайзер Теодору Рузвельту за несколько дней до похорон, был «очень хорошим мальчиком» (сорока пяти лет, на шесть лет моложе кайзера). «Он настоящий англичанин и ненавидит всех иностранцев, [39] против чего я не возражаю, если, конечно, он не будет ненавидеть немцев больше, чем других». Сейчас Вильгельм уверенно ехал рядом с Георгом, отдавая честь знаменам первого королевского драгунского полка, где

значился почетным полковником. Когда-то он распространял свои фотографии, где он был снят в форме этого полка с загадочной надписью над факсимиле: «Я жду своего времени». Сегодня это время пришло — он выше всех в Европе.

За ним ехали два брата овдовевшей королевы — король Дании Фредерик и король Греции Георг, ее племянник король Норвегии Хаакон. Затем следовали три короля, которые в будущем лишатся своих тронов: Альфонс, король Испании, Мануэль — Португалии, и Фердинанд, король Болгарии, в шелковом тюрбане, раздражавший своих друзей-суверенов тем, что называл себя кесарем. Он хранил у себя в сундуках полный костюм византийского императора, приобретенный у театрального костюмера, надеясь на день, когда ему, может быть, удастся собрать все византийские владения под свой скипетр{106}.

Ослепленные зрелищем этих, по выражению газеты «Таймс», «красиво сидящих на конях принцев», немногие обратили внимание на девятого короля, единственного из всех, кому удалось стать действительно великим человеком. Несмотря на высокий рост и мастерское владение лошадью, Альберт, король Бельгии, не любивший пышных церемоний, выглядел в этой компании смущенным и рассеянным. Ему было тогда тридцать пять лет, и он находился на троне немногим более года. Позже, когда он стал известен миру как символ героизма и трагедии, у него был почти такой же рассеянный взгляд, как будто он мысленно находился в другом месте.

Будущая причина трагедии — высокий, осанистый, затянутый в корсет, с качающимся на шлеме плюмажем, эрцгерцог Австрии Франц-Фердинанд, наследник престарелого императора Франца-Иосифа, ехал справа от Альберта, а слева от него находился еще один отпрыск, который никогда не займет трона, — принц Юсуф, наследник турецкого султана. После королей ехали королевские высочества: принц Фусима, брат императора Японии, великий князь Михаил, брат русского царя, герцог Аоста в светло-голубом мундире, брат короля Италии, принц Карл, брат короля Швеции, супруг царствующей королевы Голландии принц Генрих, а также кронпринц Сербии, Румынии и Черногории Данило, «обаятельный, необычайно красивый [40] молодой человек с восхитительными манерами», похожий на возлюбленного «Веселой вдовы» не только именем. Он прибыл лишь накануне вечером в сопровождении «очаровательной молодой особы необыкновенной красоты» (к неудовольствию британских государственных деятелей) и представил ее как фрейлину своей жены, приехавшую в Лондон, чтобы сделать кое-какие покупки.

Затем следовали более мелкие представители германской королевской фамилии: великие герцоги Мекленбург-Шверина, Мекленбург-Стрелица, Шлезвиг-Голыптейна, Вальдек-Пирмонта, Кобурга, Сакскобурга и Сакс-Кобург-Гота, Саксонии, Гессена, Вюртемберга, Бадена, Баварии. Кронпринц Рупрехт из Баварии вскоре должен будет повести немецкую армию в бой. Там же находились принц Сиама, принц Персии, пять принцев бывшего французского орлеанского королевского дома, брат хедива Египта в феске с золотой кисточкой, принц Цзя-дао из Китая в вышитой светло-голубой одежде, династии которого оставалось длиться не более двух лет, а также брат кайзера, принц Пруссии Генрих, представлявший германский флот, главнокомандующим которого являлся. Среди всего этого величия можно было увидеть трех одетых в штатское господ: Гастон-Карлина из Швейцарии, Пишона, министра иностранных дел Франции, и бывшего президента Теодора Рузвельта, специального посланника Соединенных Штатов.

Эдуарда, ставшего причиной этого беспрецедентного сборища, часто называли «Дядей Европы» — это прозвище, если иметь в виду правящие дома Европы, следовало бы

понимать в буквальном смысле. Он был дядей не только кайзера Вильгельма, но также (по линии сестры своей жены) вдовствующей русской императрицы Марии и царя Николая П. Сама русская царица была его племянницей. Его дочь Мод являлась королевой Норвегии, другая племянница, Ена, была королевой Испании, а третья племянница, Мария, вскоре должна была стать королевой Румынии. Датская ветвь его жены, помимо того, что владела троном Дании, находилась в родстве по материнской линии с русским царем, а также снабдила королями Грецию и Норвегию. Другие родственники, отпрыски девяти сыновей и дочерей королевы Виктории, находились в избытке во всех королевских дворах Европы.

И все-таки не только семейные чувства или даже печаль и потрясение, вызванные смертью Эдуарда, — как известно, он [41] проболел всего один день и умер на следующий — послужили причиной неожиданного потока соболезнований по случаю его кончины. Это было действительным признанием великих заслуг Эдуарда как короля, оказавшего неоценимую услугу своей стране. За девять коротких лет его правления Англия отошла от блестящей изоляции, вынужденная согласиться на «взаимопонимание» и заверения в преданности (но не на союзы — Англия не любит определенности) с двумя своими старыми врагами — Францией и Россией — и еще одной многообещающей державой, Японией{107}. Изменение сил проявилось во всем мире и повлияло на отношения каждой страны с другими. Хотя Эдуард не выступал в качестве инициатора и не влиял на политику своей страны, его личная дипломатия способствовала этим изменениям.

Еще ребенком, находясь вместе с родителями с официальным визитом во Франции, он заявил Наполеону III: «У Вас прекрасная страна, и я хотел бы быть Вашим сыном». Это предпочтение всего французского в противовес или, скорее, в знак протеста против пристрастия матери ко всему немецкому продолжалось и после ее смерти и было воплощено в реальных делах. Когда Англия, с растущим беспокойством наблюдавшая за вызовом, который ей бросала программа усиления германского флота, решила забыть свои старые счеты с Францией, таланты Эдуарда — «короля-очарователя» — помогли ей плавно обойти все острые углы.

В 1903 году он направился в Париж, несмотря на предупреждения о том, что официальный государственный визит может встретить холодный прием. Встречавшая его толпа была мрачна и тиха. Лишь изредка раздавались насмешливые возгласы: «Да здравствуют буры!» и «Да здравствует Фашода!» {108} Но король не обратил на них никакого внимания. «Французы не любят нас», — пробормотал один из его адъютантов. «А почему они должны нас любить?» — парировал Эдуард, продолжая кланяться и улыбаться из открытого экипажа. В течение четырех дней он постоянно был на публике, осматривал войска в Венсенне, присутствовал на гонках в Лонгшамп, на торжественном представлении в опере, на государственном банкете в Елисее, завтракал на Кэ-д'Орсе, сумел преобразить холодок в улыбки, когда, смешавшись с толпой зрителей в антракте, высказал галантные комплименты одной знаменитой актрисе за кулисами. Повсюду он выступал [42] с изящными и полными такта речами о дружбе и своем восхищении французами, об их «славных традициях» и их «прекрасном городе», к которому он, по его признанию, привязан «многими счастливыми воспоминаниями». Он говорил о своем «искреннем удовольствии» от этого визита, о своей вере в то, что все старые разногласия, «к счастью, преодолены и забыты», что процветание Франции и Англии взаимосвязаны, что укрепление дружбы является его «постоянной заботой». Когда он уезжал, толпа кричала: «Да здравствует наш король!» «Редко можно наблюдать такое резкое изменение общего настроения, которое произошло здесь. Он завоевал сердца всех французов», — сообщал один бельгийский дипломат. Германский посол считал этот визит «весьма странным делом» и высказал мысль, что англо-французское сближение явилось результатом общей нелюбви к Германии. В тот же год после трудной работы,

выполненной министрами, преодолевшими много спорных вопросов, это «сближение» превратилось в англо-французскую Антанту, договор о которой был подписан в апреле 1904 года.

Германия могла бы иметь свою Антанту с Англией, если бы ее руководители, подозрительно относившиеся к английским намерениям, сами не отвергли заигрывания министра колоний Джозефа Чемберлена сначала в 1899 году, а затем в 1901-м{109}. Ни находившийся в тени Гольштейн, ни направлявший из-за кулис германскую политику элегантный и эрудированный канцлер Бюлов, ни даже сам кайзер не знали точно, в чем именно они подозревают Англию, однако были уверены в ее вероломстве. Кайзер всегда стремился заключить соглашение с Англией, но так, чтобы она даже не догадывалась о его желании подписать подобный договор. Однажды под влиянием всего английского и родственных чувств во время похорон королевы Виктории он позволил себе признаться Эдуарду: «Даже мышь не посмеет пошевелиться в Европе без нашего согласия». Так он представлял будущий англо-германский альянс. Но, как только англичане проявили признаки готовности, он и его министры стали действовать уклончиво, заподозрив какую-то хитрость. Опасаясь, что англичане будут иметь преимущества за столом переговоров, немцы предпочли вообще уйти от этого вопроса и полностью положиться на постоянно растущий флот, с тем чтобы запугать англичан и заставить согласиться на германские условия. [43]

Бисмарк советовал Германии полагаться в основном на сухопутные силы, но его последователи, ни каждый в отдельности, ни все вместе взятые, не были Бисмарками. Он неуклонно добивался достижения ясно видимых целей, они же стремились к более широким горизонтам, не имея четкой идеи в отношении того, что именно им нужно. Гольштейн был Макиавелли без политики, который действовал, исходя из одного принципа: подозревать всех и каждого. Бюлов не имел принципов, он был так скользок, жаловался его коллега адмирал Тирпиц, что по сравнению с ним угорь был пиявкой. Резкий, непостоянный, легко увлекающийся кайзер каждый час ставил разные цели, относясь к дипломатии как к упражнению в вечном движении.

Никто из них не верил, что Англия когда-нибудь придет к соглашению с Францией, и все предупреждения на этот счет, к том числе и наиболее обоснованное — от посла в Лондоне барона Эккардштейна, Гольштейн отметал как «наивные». На обеде в Малборо в 1902 году Эккардштейн видел, как Поль Камбон, французский посол, уединился в бильярдной комнате с Джозефом Чемберленом. Там в течение двадцати восьми минут они вели «оживленный разговор», из которого ему удалось подслушать только два слова — «Египет» и «Марокко» (и мемуарах барона не говорится, была ли дверь открыта или он слушал через замочную скважину). Позднее его пригласили в кабинет к королю, где Эдуард предложил ему уппмановскую сигару 1888 года и сообщил, что Англия собирается достичь урегулирования с Францией по спорным колониальным вопросам.

Когда Антанта стала фактом, гнев Вильгельма был страшен. Но еще более досадным и мучительным для кайзера был триумфальный визит Эдуарда в Париж. «Путешествующий кайзер» — так прозвали Вильгельма из-за частых поездок — получал необыкновенное удовольствие от церемониальных въездов в столицы других стран. Но больше всего ему хотелось посетить недосягаемый Париж. Он был везде, даже в Иерусалиме, где ради него открыли Яффские ворота, чтобы он смог проехать через них верхом на коне. Но Париж, центр всего, что было прекрасным, всего, что было желанным, всего того, чем не был Берлин, оставался закрытым для него. Он хотел услышать приветствия парижан, хотел, чтобы его наградили орденской лентой Почетного легиона через плечо. [44]

Он дважды извещал французов о своем императорском желании, но никакого приглашения не последовало. Он мог войти в Эльзас и выступать с речами, возвеличивающими победу в 1870 году, он мог принимать парады в Меце, но — и в этом, может быть, и заключается печальная участь королей — кайзер дожил до восьмидесяти двух лет и умер, так и не увидев Парижа.

Зависть к древним нациям пожирала его. Он жаловался Теодору Рузвельту, что английская знать во время поездок на континент никогда не заезжала в Берлин, а всегда отправлялась в Париж. Он считал, что его недооценивали. «За все долгие годы моего царствования, — сказал он как-то королю Италии, — мои коллеги, монархи Европы, не обращали внимания на то, что я говорил. Но скоро, когда мой великий флот подкрепит мои слова, они станут проявлять к нам больше уважения». Те же чувства испытывала и вся нация, страдавшая, как и ее император, от нестерпимой потребности признания.

Изобилуя энергией и честолюбием, сознавая свою силу, впитав идеи Ницше и Трейчке, эта нация считала себя наделенной правом господствовать и в то же время обманутой, потому что остальной мир отказывался признать это право. «Мы должны, — писал представитель германского милитаризма Фридрих фон Бернарди, — обеспечить германской нации и германскому духу на всем земном шаре то высокое уважение, которое они заслуживают... и которого они были лишены до сих пор». Он откровенно признавал лишь один способ достижения этой цели; и все Бернарди помельче, начиная с кайзера, стремились к этому уважению с помощью угроз и демонстраций силы. Они потрясали «железным кулаком», требовали своего «места под солнцем», славили добродетели меча в хвалебных песнях о «крови и железе» и «сверкающей броне». В Германии перефразировали принцип Рузвельта в международных делах — «Говори мягко, но держи большую дубину» на тевтонский вариант: «Ори и имей наготове большую пушку». Когда она была выдвинута, кайзер приказал своим войскам, отправлявшимся на подавление боксерского восстания в Китай, вести себя как гунны Аттилы (выбор гуннов в качестве германского прототипа был его собственным), когда пангерманские общества и военно-морские лиги непрерывно множились, другие нации ответили альянсами, после чего Германия завопила: «Окружение!» [45] Перепевы о том, что «Германия находится в полном окружении», назойливо повторялись более десятилетия.

Зарубежные визиты Эдуарда продолжались — Рим, Вена, Лиссабон, Мадрид. Он посещал не только королевские семьи. Каждый год он проходил курс лечения в Мариенбаде, где мог обмениваться мнениями с «Тигром Франции» Клемансо, своим ровесником, который занимал пост премьера в течение четырех лет во время царствования Эдуарда. У короля были две страсти — элегантная одежда и пестрая компания. Он пренебрег первой и стал восхищаться Клемансо. «Тигр» разделял мнение Наполеона о том, что Пруссия «вылупилась из пушечного ядра», и считал, что ядро летит во французскую сторону. Он работал, планировал, маневрировал под влиянием одной главной идеи: «В стремлении к господству Германия считает своей основной политической задачей уничтожение Франции». Он сказал Эдуарду, что, если наступит такое время, когда Франции понадобится помощь, морской мощи Англии будет недостаточно, напомнив, что Наполеон был разбит при Ватерлоо, а не у Трафальгара{110}.

В 1908 году Эдуард, к неудовольствию своих подданных, нанес официальный визит русскому царю на императорской яхте в Ревеле. Англичане рассматривали Россию как старого Прага времен Крыма, а что касается последних лет, то как угрозу, нависшую над Индией. Либералы и лейбористы считали Россию страной кнута, погромов и казненных революционеров 1905 года, а царя — как заявил Рамсей Макдональд — «обыкновенным убийцей». Неприязнь была взаимной. России не нравился союз Англии с Японией. Она

также ненавидела Англию за то, что та воспрепятствовала ее историческим посягательствам на Константинополь и Дарданеллы. Николай II слил два своих излюбленных предрассудка в одной фразе: «Англичанин — это жид».

Однако старые разногласия были не настолько серьезными, как новая реальность, и, следуя настояниям французов, жаждавших, чтобы их два союзника пришли к согласию, Англия и Россия в 1907 году подписали конвенцию. Считалось, что личная дружба между монархами рассеет оставшееся недоверие, и Эдуард отправился в Ревель. Он вел долгие переговоры с русским министром иностранных дел Извольским и танцевал с царицей под музыку из «Веселой вдовы» с таким успехом, что даже заставил ее рассмеяться — став, таким образом, первым [46] человеком, который смог достичь подобного эффекта с тех пор, как царица надела корону Романовых. Это был не пустяк, как могло бы показаться на первый взгляд, потому что царь, про которого вряд ли можно было сказать, что он правит Россией в прямом смысле этого слова, был деспотом, а им, в свою очередь, правила жена, женщина с сильной волей, хотя и слабым умом. Красивая, истеричная и болезненно подозрительная, она ненавидела всех, кроме своих близких и нескольких фанатичных или безумных шарлатанов, которые утешали ее отчаявшуюся душу. Царь, не наделенный умом и недостаточно образованный, по мнению кайзера, был способен лишь на то, «чтобы жить в деревне и выращивать турнепс».

Кайзер считал, что царь находится в его собственной сфере влияния, и пытался при помощи хитроумных уловок оторвать его от альянса с Францией, возникшего в результате собственной глупости Вильгельма.

Завет Бисмарка «дружить с Россией» и договор «Перестраховки», воплощавший этот завет, были забыты Вильгельмом, что явилось первой и самой худшей ошибкой его правления. Александр III, высокий, суровый русский царь тех времен, в 1892 году быстро изменил направление и вступил в альянс с республиканской Францией, пойдя даже на то, чтобы встать «смирно» при исполнении «Марсельезы». Кроме того, он относился с пренебрежением к Вильгельму, считая его «un garcon mal eleve»{45}, и постоянно оказывал ему чрезвычайно холодный прием. После того как Николай унаследовал трон, Вильгельм старался исправить свою ошибку, направляя молодому царю длинные письма (на английском языке), в которых давал советы, сообщал слухи и сплетни и распространялся на политические темы. Он обращался к нему: «дорогой Ники», а подписывался: «любящий тебя друг Вилли».

«Безбожная республика, запятнанная кровью монархов, не может быть подходящей компанией для тебя», — говорил он царю; «Ники, поверь моему слову, Бог проклял этот народ навеки». Истинные интересы Ники, как считал Вилли, заключены в союзе трех императоров — России, Австрии и Германии. И все же, помня насмешки старого царя, он не мог отказать себе в снисходительном тоне по отношению к его сыну. Он [47] обычно похлопывал Николая по плечу и говорил: «Советую тебе — побольше речей и побольше парадов, речей и парадов». Он предложил направить немецкие части для защиты Николая от его мятежных подданных, чем привел в бешенство царицу, ненависть которой к Вильгельму росла с каждым его визитом.

После того как кайзеру не удалось, в силу определенных причин, разъединить Россию и Францию, он разработал хитрый договор, который предусматривал взаимопомощь России и Германии в случае военного нападения. Царь после его подписания должен был пригласить французов присоединиться к этому договору. После поражения России в войне с Японией (кайзер сделал все, чтобы вовлечь Россию в эту войну) и последовавших

за ней революционных выступлений, когда режим оказался в своей наинизшей точке, кайзер пригласил царя на секретную встречу без министров в Бьорке, в Финском заливе.

Вильгельм прекрасно знал, что Россия не может заключить такой договор, не поступив вероломно по отношению к Франции, но полагал, что подписей монархов будет достаточно, чтобы преодолеть это затруднение. Николай подписал. Вильгельм пришел в восторг. Он ликвидировал фатальную ошибку, обеспечил тылы Германии и разорвал окружение. «Яркие слезы стояли в моих глазах», — писал он Бюлову, он был уверен, что дедушка (Вильгельм I, который, умирая, бормотал слова о войне на два фронта) с гордостью взирал на него. Он считал договор мастерским ударом немецкой дипломатии, что и было бы в действительности, если бы не ошибка в заголовке. Когда царь привез этот договор домой, его пораженные министры указали, что, взяв обязательство выступить на стороне Германии в случае возможной войны, Россия отказывается от своего союза с Францией — деталь, «ускользнувшая от внимания Вашего величества в потоке красноречия императора Вильгельма». Договор в Бьорке, не прожив и дня, прекратил свое существование.

Теперь Эдуард пытался завести дружбу с русским царем в Ревеле. Прочитав доклад германского посла об этой встрече, из которого следовало, что Эдуард действительно хотел мира, кайзер гневно написал на полях: «Ложь. Он хочет войны. Но хочет, чтобы начал ее я, а он бы избежал ответственности».

Год закончился неверным шагом кайзера, таившим в себе опасность взрыва. Он дал интервью газете «Дейли телеграф», высказав ряд своих идей в отношении того, кто с кем должен [48] воевать. Это привело в замешательство не только его соседей, но и соотечественников. Общественное неодобрение было таким явным, что кайзер даже слег, проболел три недели и в течение некоторого времени воздерживался от высказываний.

После этого случая никаких сенсационных известий не было. Последние два года первого десятилетия, когда Европа как бы наслаждалась благодатным солнечным днем истории, были самыми спокойными и тихими. Тысяча девятьсот десятый был годом мира и процветания. Второй этап Марокканских кризисов{46} и Балканских войн еще не наступил. Была опубликована новая книга Нормана Анжелла «Великая иллюзия», в которой доказывалось, что война невозможна. С помощью внушительных примеров и неоспоримых аргументов Анжелл утверждал, что при существующей взаимозависимости наций победитель будет страдать в одинаковой степени с жертвой — поэтому война невыгодна, и ни одна страна не проявит такой глупости, чтобы начать ее{111}.

Переведенная почти сразу на одиннадцать языков, «Великая иллюзия» превратилась в некий культ. В университетах Манчестера, Глазго и других промышленных городов появилось более 40 групп приверженцев, пропагандировавших ее догмы. Самым верным учеником Анжелла был человек, оказывавший большое влияние на военную политику, близкий друг короля и его советник виконт Эшер, председатель Военного комитета, созданного для проведения реорганизации британской армии после шока, вызванного ее неудачами в бурской войне. Лорд Эшер выступал с лекциями о «Великой иллюзии» в Кембридже и Сорбонне, утверждая, что «новые экономические факторы ясно доказывают всю бессмысленность агрессивных войн». Война XX века будет иметь такие масштабы, заявлял он, что ее неизбежные последствия в виде коммерческого краха, финансовой катастрофы и страданий людей настолько пропитают все идеями сдерживания, что сделают войну немыслимой. Он заявил в речи перед офицерами Клуба объединенных вооруженных сил в присутствии начальника Генерального штаба сэра Джона Френча,

председательствовавшего на собрании, что ввиду взаимного переплетения интересов наций развязывание войны с каждым днем становится более трудным и невозможным.

Германия, считал лорд Эшер, «принимает доктрину Нормана Анжелла так же, как и Великобритания». Как отнеслись кайзер и кронпринц к идеям «Великой иллюзии», экземпляры которой Эшер послал им, осталось неизвестно. Нет доказательств того, что Эшер направил эту книгу генералу фон Бернарди, который в 1910 году был занят написанием другой книги — «Германия и следующая война», опубликованной годом позже. Ей суждено было получить такое же влияние, как и книге Анжелла, хотя она была ее антиподом. Названия трех ее глав — «Право вести войну», «Долг вести войну», «Мировая держава или падение» — выражают ее основные тезисы.

Кавалерийский офицер Бернарди в 1870-м, в двадцать один год, стал первым немцем, проехавшим через Триумфальную арку, когда немцы взяли Париж. С тех пор флаги и слава интересовали его меньше, чем теория, философия и наука войны в применении к «Исторической миссии Германии» (так называлась одна из глав его книги).

Он служил начальником отдела военной истории Генерального штаба, был представителем интеллектуальной элиты этого туго думающего и много работающего учреждения, а также автором классического труда по кавалерии до того, как посвятил свою жизнь изучению идей Клаузевица, Трейчке и Дарвина, отразив их в книге, сделавшей его имя синонимом бога войны Марса.

«Война, — утверждал он, — является биологической необходимостью, это выполнение в человеческой среде естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно законы борьбы за существование». Нации, говорил он, должны прогрессировать или загнивать, «не может быть стояния на одном месте», и поэтому Германия должна выбрать «между мировым господством или падением».

Среди других наций Германия «в социально-политических аспектах стоит во главе всего культурного прогресса», но «зажата в узких, неестественных границах». Она не сможет достичь «своих великих моральных целей» без увеличения политической силы, расширенных сфер влияния и новой территории. Это увеличение мощи, «соответствующее нашему значению» и «которое мы вправе требовать», является политической необходимостью и «первой, самой главной обязанностью государства». [50] Бернарди, специально выделяя курсивом слова: «Мы должны сражаться за то, чего мы сейчас хотим достигнуть», без обиняков переходит к выводу: «Завоевание, таким образом, становится законом необходимости».

После доказательства этой «необходимости» (любимое слово германских военных мыслителей) Бернарди переходит к методу. Поскольку обязанность вести войну признана, вторая обязанность состоит в том, чтобы вести ее успешно. Для достижения успеха государство должно начать войну в «наиболее благоприятный момент», имея «признанное право обеспечить высокую привилегию такой инициативы». Наступательная война становится, таким образом, другой необходимостью, а отсюда второй неизбежный вывод: «На нас лежит обязанность, действуя в наступлении, нанести первый удар». Бернарди не разделял беспокойства кайзера о «презрении и ненависти», которые вызывает агрессор. Он также не пытался скрыть направления этого удара. «Немыслимо, — писал он, — чтобы Германия и Франция смогли когда-либо договориться в отношении своих проблем. Францию необходимо сокрушить совершенно, с тем чтобы она не смогла больше перейти нам дорогу», «она должна быть уничтожена раз и навсегда как великая держава».

Король Эдуард не дожил до появления работ Бернарди. В январе 1910 года он направил кайзеру свое ежегодное поздравление по случаю дня рождения и подарок — трость, — после чего уехал в Мариенбад и Биарриц. Через несколько месяцев он умер.

«Мы потеряли опору нашей внешней политики», — сказал Извольский{47}, услышав о его смерти. Это было преувеличением, потому что Эдуард являлся всего лишь инструментом, а не создателем новых союзов. Во Франции смерть короля вызвала «глубокие чувства» и «искреннюю скорбь», писала газета «Фигаро». В Париже, по ее словам, так же глубоко ощущали потерю «своего друга», как и в Лондоне. Фонарные столбы и витрины магазинов на Рю-де-ля-Пэ были одеты в такой же черный траур, как и на Пиккадилли, извозчики прикрепляли креповые ленты к ручкам хлыстов. Задрапированные в траур портреты покойного короля появлялись даже в провинциальных городах, что происходило обычно лишь при смерти выдающихся [51] граждан Франции. В Токио в знак признания союза между Англией и Японией на домах были вывешены перекрещенные флаги обеих стран, древки которых были убраны черным. В Германии, каковы ни были ее чувства, были соблюдены строгие правила последних почестей. Всем офицерам армии и флота было приказано носить траур в течение восьми дней, а корабли флота в своих территориальных водах почтили память короля орудийным салютом и приспустили флаги на мачтах. Члены рейхстага поднялись со своих мест, когда президент зачитывал послание о соболезновании, а кайзер лично нанес английскому послу визит, продолжавшийся полтора часа.

Члены королевской семьи в Лондоне на следующей неделе пыли всецело поглощены встречами знати, прибывавшей на вокзал Виктория. Кайзер приплыл на своей яхте «Гогенцоллерн» в сопровождении четырех английских эсминцев. Она бросила якорь в устье Темзы, и кайзер приехал поездом на вокзал Виктория, как обычный представитель королевской фамилии. На платформе был развернут пурпурный ковер, а там, где должен был остановиться его вагон, были сооружены ступеньки, также покрытые ковром такого же цвета. Поезд прибыл ровно в полдень, из вагона появилась хорошо известная фигура германского императора, который расцеловал встречавшего его короля Георга в обе щеки. После завтрака они вместе отправились в Вестминстерский собор, где покоилось тело Эдуарда. Гроза, разразившаяся накануне вечером, и пронизывающий дождь, ливший на следующее утро, не остановили подданных Эдуарда, терпеливо ждавших входа в зал в притихшей очереди. В тот день, в четверг 19 мая, она растянулась на пять миль.

Посередине обширного зала в мрачном величии стоял гроб, на нем лежали корона, держава и скипетр. По четырем его углам замерли в карауле четыре офицера; каждый представлял различные полки империи. Они стояли в традиционной траурной позе с преклоненными головами, их руки в белых перчатках были скрещены на эфесах шпаг. Кайзер взирал на обряд отдания почестей умершему императору с профессиональным интересом. Он произвел на него сильное впечатление, и многие годы спустя он помнил в деталях это зрелище во всем его великолепном средневековом убранстве. Он видел, как солнечные лучи пробивались сквозь узкие готические окна, зажигая драгоценные камни на короне, наблюдал, как менялся караул [52] у гроба, как четверо часовых промаршировали со шпагами, которые они сначала взяли наизготовку, а затем, встав на свои места, опустили острием вниз. Караул, который они сменили, как бы медленно заскользил и исчез через какой-то невидимый выход в тени. Возложив на гроб венок из алых и белых цветов, кайзер вместе с королем Георгом в молчаливой молитве опустился на колени. Встав, он сжал руку своего двоюродного брата в мужественном и сочувственном пожатии. Этот жест, о котором широко сообщалось, вызвал многочисленные благожелательные комментарии.

Поведение кайзера казалось безупречным. В душе же он не мог отказаться от благоприятной возможности завести новые интриги. За обедом, данным королем в тот вечер в Букингемском дворце, он, отведя в сторону французского министра иностранных дел Пишона, предложил, чтобы Франция в случае конфликта, когда Англия и Германия будут противостоять друг другу, поддержала Германию. Кайзер позднее отрицал, что он сказал тогда что-либо из ряда вон выходящее: он обсуждал лишь Марокко и «некоторые другие политические вопросы». Пишон же только осторожно высказал мысль, что язык «кайзера был дружественным и мирным».

На следующее утро во время процессии, первой, где он выступал с речью, поведение Вильгельма было примерным. Он крепко держал повод своей лошади, отстав на голову от лошади короля Георга. Конан-Дойль, бывший специальным корреспондентом во время этого события, писал, что «Вильгельм выглядел настолько благородно, что Англия не будет той доброй старой Англией, если сегодня снова не раскроет ему свои объятия». Когда процессия достигла Вестминстер-холла, Вильгельм первым спешился и рванулся к карете королевы Александры с такой проворностью, что успел к ней раньше королевских слуг, но королева собиралась выйти с другой стороны. Ловко обежав карету, опять впереди слуг, он оказался первым у двери, подал руку вдове и поцеловал ее «с любовью убитого горем племянника». К счастью, король Георг в это время подоспел на помощь своей матери и стал сопровождать сам, он знал — мать ненавидела кайзера, как по личным причинам, так и из-за Шлезвиг-Голынтейна.

Несмотря на то, что, когда Германия захватила эти владения у Дании, Вильгельму было всего восемь лет, она не забыла и не простила этого ни ему, ни его стране. Когда ее сын был [53] произведен в почетные полковники одного прусского полка — в это время он был с визитом в Берлине, она написала ему:

«Итак, Джорджи, мой мальчик, ты стал настоящим, живым, грязным немецким солдатом, в остроконечной каске и синей шинели! Да, не думала я, что доживу до такого! Но ничего... тебе просто не повезло, это не твоя ошибка».

Под приглушенный рокот барабанов и стоны волынок дюжина матросов вынесла гроб, завернутый в королевский штандарт. Ярко сверкнули на солнце сабли кавалеристов, замерших по команде «смирно». По пронзительному сигналу четырех свистков матросы поставили гроб на артиллерийский лафет, задрапированный в пурпурное, красное и белое. Кортеж двинулся между шеренгами гренадеров, они, как красные стены, обрамляли одетые в траур толпы людей. Никогда еще Лондон не был так переполнен народом, но никогда не был таким тихим. Рядом и позади орудийного лафета, который тянули лошади королевского артиллерийского полка, шли шестьдесят три адъютанта, все в чине полковников или капитанов первого ранга, все со званиями пэров; среди них было пять герцогов, четыре маркиза и тринадцать графов. Три фельдмаршала Англии — лорд Китченер, лорд Робертс и сэр Эвелин Вуд — ехали вместе. За ними двигались шесть адмиралов флота, а после них — одиноко — большой друг Эдуарда, порывистый, эксцентричный сэр Джон Фишер, со странным неанглийским лицом китайского мандарина, в прошлом первый морской лорд империи.

Поздравления из всех знаменитых полков — «Коулдстримс», «Гордон Хайлендерс», дворцовой кавалерии и боевой кавалерии, конной гвардии и улан, королевских мушкетеров, гусар и драгун, немецких, русских, австрийских и других иностранных кавалерийских частей, почетным полковником которых был Эдуард, а также адмиралы германского флота — все это, по неодобрительным высказываниям некоторых

наблюдателей, представляло чересчур огромный военный спектакль на похоронах человека, которого называли «Миротворцем».

Его лошадь, ведомая двумя грумами, с пустым седлом и перевернутыми сапогами в стременах, придавала всей картине оттенок простой человеческой скорби.

Далее шла торжественная процессия в старинных костюмах: оруженосцы в расшитых гербами средневековых плащах, королевские телохранители с булавами в белом, стремянные, [54] шотландские лучники, судьи в париках и черных мантиях, возглавляемые лордом — главным судьей в алом, епископы в пурпурных мантиях, иомены — гвардейцы в черных бархатных шляпах и гофрированных воротничках елизаветинских времен, эскорт трубачей, а за ними следовал строй королей; потом в застекленной карете ехали овдовевшая королева и ее сестра, вдовствующая русская императрица, а также другие королевы, дамы и восточные монархи — в двенадцати разнообразных экипажах. Длинная процессия двигалась через Уайтхолл, Мэлл, Пиккадилли и Парк в направлении Пэддингтонского вокзала, откуда поездом тело усопшего должны были отправить в Виндзор для похорон. Оркестр королевской конной гвардии исполнял «Марш смерти» из «Саула». Все чувствовали какую-то завершенность в медленной поступи процессии и торжественной музыке. Лорд Эшер записал в своем дневнике после похорон: «Никогда еще не чувствовалось такой опустошенности. Казалось, все маяки, обозначавшие фарватер нашей жизни, были сметены».

Планы

«Пусть крайний справа коснется плечом пролива»

Граф Альфред фон Шлиффен, начальник германского Генерального штаба с 1891 по 1906 год, был, как и все немецкие офицеры, воспитан на правиле Клаузевица: «Сердце Франции находится между Брюсселем и Парижем». Эта аксиома обескураживала, потому что путь, указываемый ею, был перекрыт нейтралитетом Бельгии, который сама Германия вместе с другими четырьмя великими державами гарантировала навечно. Шлиффен, полагая, что война предрешена и что Германия должна вступить в нее при условиях, обеспечивающих успех, решил помешать бельгийскому нейтралитету встать на пути Германии.

Из двух типов прусских офицеров — с бычьей шеей и осиной талией — он принадлежал ко второму. С моноклем на аскетическом лице, холодный и сдержанный, он с таким фанатизмом отдавался своей профессии, что, когда его адъютант в конце продолжавшейся всю ночь поездки штаба по Восточной Пруссии обратил его внимание на красоту реки Прегель, сверкавшей в лучах восходящего солнца, генерал, бросив короткий и тяжелый взгляд, ответил: «Незначительное препятствие». Это, решил он, можно было отнести и к нейтралитету Бельгии. Нейтральная [58] и независимая Бельгия была плодом творения Англии, или, вернее, самого способного министра иностранных дел Англии лорда Палмерстона. Побережье Бельгии было границей Англии, на полях Бельгии Веллингтон уничтожил самую страшную угрозу для Англии со времен Армады. Впоследствии Англия решила превратить этот участок открытой, легко доступной территории в нейтральную зону и после Наполеона, в соответствии с урегулированием, достигнутым на Венском конгрессе, договорилась с другими державами передать ее Королевству Нидерланды.

Недовольные союзом с протестантской страной, горя в лихорадке национализма XIX века, бельгийцы подняли восстание в 1830 году, вызвав международный конфликт. Голландцы сражались за возвращение своей провинции, французы, стремившиеся схватить то, что им когда-то принадлежало, также вмешались. Самодержавные государства Россия, Пруссия и Австрия, решившие держать Европу в тисках Венских соглашений, были готовы начать стрелять при первых признаках мятежа в любом месте.

Лорд Палмерстон обошел своими маневрами всех. Он знал, что подчиненная провинция всегда будет вечным искушением для того или иного соседа и что только независимое государство, полное решимости сохранить свою целостность, может служить в качестве зоны безопасности. После девяти лет трепки нервов, ловкости, неотступного движения к своей цели, прибегая к «давлению» силой английского флота, он обыграл всех претендентов и добился заключения международного договора, давшего Бельгии статус «независимого и нейтрального навечно государства». Договор был подписан в 1839 году Англией, Францией, Россией, Пруссией и Австро-Венгрией.

Начиная с 1892 года, когда Франция и Россия вступили в военный союз, было ясно, что четыре участника Бельгийского договора будут автоматически втянуты — двое против двух — в войну, которую Шлиффен должен был спланировать. Европа была складом мечей, сложенных так же осторожно, как и карточный домик, — нельзя было вытащить один из них, не задев другие. По условиям австро-германского союза, Германия обязана поддержать Австро-Венгрию во время любого конфликта с Россией. В соответствии с договором между Россией и Францией, оба его участника обязывались выступить против Германии, если кто-нибудь из них окажется втянутым в «оборонительную [59] войну» с ней. Эти обстоятельства делали неизбежным тот факт, что в ходе любой войны, которую

пришлось бы вести Германии, она будет вынуждена сражаться на два фронта — против Франции и России.

Какую роль будет играть Англия, оставалось неясным, она могла остаться нейтральной, могла при определенном условии выступить против Германии. То, что Бельгия могла стать таким условием, не было секретом. Во время франко-прусской войны 1870 года, когда Германия еще нетвердо стояла на ногах, Бисмарк был рад, получив намек от Англии, вновь заверить в незыблемости нейтралитета Бельгии. Гладстон добился подписания обеими воюющими сторонами соглашения с Англией, в соответствии с которым в случае нарушения нейтралитета Бельгии Англия будет сотрудничать с другой стороной с целью защиты Бельгии, хотя и не будет принимать участия в общих военных операциях. Несмотря на то, что формула Глад стона была не во всем практичной, у немцев не было оснований считать ее мотивы менее действенными в 1914 году, чем в 1870-м. Тем не менее Шлиффен решил в случае войны напасть на Францию через Бельгию.

Он основывался на «военной необходимости». В войне на два фронта Германия должна бросить все силы против «одного Прага, самого сильного, самого мощного, самого опасного, — таким может быть только Франция». Законченный Шлиффеном план на 1906 год — год, когда он ушел в отставку, — предусматривал, что за шесть недель семь восьмых всех вооруженных сил Германии сокрушат Францию, в то время как одна восьмая их будет держать Восточный фронт против русских до тех пор, пока основные силы армии не будут переброшены для борьбы со вторым врагом. Он выбрал Францию первой потому, что Россия могла сорвать быструю победу, отойдя в свои необозримые пространства, втянув Германию в бесконечную кампанию, как когда-то Наполеона. Франция же была под рукой, кроме того, она могла провести быструю мобилизацию. Германские и французские армии могли завершить мобилизацию в течение двух недель, то есть до начала генерального наступления на пятнадцатый день. России же в соответствии с германскими расчетами, ввиду огромных расстояний, многочисленности населения и слабого железнодорожного транспорта, потребуется шесть недель для организации генерального наступления, а к этому времени Франция уже будет разбита.[60]

С риском потерять Восточную Пруссию, это сердце юнкерства и Гогенцоллернов, которую защищали всего лишь девять дивизий, было трудно смириться, но Фридрих Великий говорил: «Лучше потерять провинцию, чем допустить разделение войск, необходимых для победы», и ничто так не утешает военные умы, как принципы великого, хотя и мертвого полководца. Только при применении превосходящих сил на Западе удастся добиться быстрой победы над Францией. Только стратегией охвата, используя Бельгию как проходную дорогу, германские армии смогли бы, по мнению Шлиффена, успешно атаковать Францию. Его доводы, с чисто военной точки зрения, казались безупречными.

Германская армия численностью в полтора миллиона теперь была в шесть раз больше, чем в 1870 году, и ей нужно было пространство для маневрирования. Французские укрепления, построенные вдоль границ с Эльзасом и Лотарингией после 1870 года, не давали немцам возможности совершить фронтальную атаку через общую границу.

Затяжная осада не давала благоприятных возможностей, а учитывая, что тылы французских позиций оставались открытыми, для быстрого поражения противника в битве на уничтожение только путем обхода можно было напасть на французов сзади и разгромить. Но французские оборонительные линии упирались своими краями в нейтральные территории — Швейцарию и Бельгию. Громадной германской армии не

хватало пространства для обхода французских армий, если бы она ограничилась лишь Францией. Немцы осуществили это в 1870 году, когда обе армии были небольшими, однако теперь речь шла о переброске миллионной армии для флангового обхода армии такой же численности. Пространство, дороги и железнодорожные магистрали играли главную роль. Равнины Фландрии их имели. В Бельгии было достаточно места для проведения заходов во фланги, являвшиеся составной частью формулы успеха Шлиффена. Фронтальное наступление, по его мысли, было обречено на поражение.

Первой заповедью Клаузевица, оракула германской военной науки, было быстрое достижение цели наступательной войны. Оккупация территории противника и установление контроля над его ресурсами было второстепенным делом. Основное — максимально быстрое принятие решений на начальном этапе. Время ставилось превыше всего. Все, что задерживало кампанию, [61] Клаузевиц решительно осуждал. «Постепенное уничтожение» противника, или война на истощение, были для него неприемлемы. Он писал во времена Ватерлоо, и его труды считались с тех пор библией стратегии.

Для достижения решительной победы Шлиффен выбрал стратегию времен битвы при Каннах, заимствовав ее у Ганнибала. Полководец, загипнотизировавший Шлиффена, был давным-давно мертв. Прошло две тысячи лет со времени классического двойного охвата, примененного Ганнибалом против римлян при Каннах. Полевые пушки и пулеметы заменили лук, стрелы и пращу, писал Шлиффен, но принципы стратегии остались неизменными. Вражеский фронт не является главной целью. Самое важное — сокрушить фланги противника и завершить уничтожение ударом в тыл. При Шлиффене обход стал фетишем, а фронтальный удар — анафемой для германского Генерального штаба.

Первый план Шлиффена, предусматривавший нарушение границ Бельгии, был составлен в 1899 году. Он предполагал прорыв через угол Бельгии восточнее Мааса. Расширяясь с каждым последующим годом, к 1905 году этот план включал огромный обходной маневр правым крылом немецкой армии, в ходе которого германские войска должны были пересечь Бельгию через Льеж и Брюссель, а затем повернуть на юг, где должны были воспользоваться преимуществами открытого ландшафта Фландрии для наступления на Францию. Все зависело от быстрых и решительных действий, и даже обходной путь через Фландрию требовал меньше времени, чем ведение осадных боев вдоль укрепленной линии на границе.

У Шлиффена не было достаточно дивизий, чтобы осуществить двойной охват Франции, как при Каннах. Вместо этого он решил положиться на мощное правое крыло, которое бы прошло через всю территорию Бельгии по обоим берегам Мааса и прочесало бы эту страну подобно гигантским граблям. Затем поиска пересекают франко-бельгийскую границу по всей ее ширине и через долину Уазы обрушиваются на Париж. Основная масса немецких сил оказалась бы между столицей и французскими армиями, которым во время их вынужденного отхода для борьбы с нависшей угрозой была бы навязана решающая битва на уничтожение вдали от их укрепленных районов. Существенным моментом в плане было намеренное ослабление левого крыла немецких армий на фронте Эльзас-Лотарингия, [62] чтобы завлечь французов в «мешок» между Мецем и Вогезами. Считалось, что французы, стремясь освободить потерянные провинции, ударят именно здесь, что, по мнению генералов, лишь способствовало бы успеху немецкого плена, так как немецкое левое крыло смогло бы удерживать их в «мешке» до победы основных сил в тылу французских армий. За этим планом всегда скрывалась тайная надежда Шлиффена на то, что по мере развертывания битвы удастся бросить в контрнаступление левое крыло и совершить настоящее двойное окружение — «колоссальные Канны» его мечты. Но,

строго экономя силы для своего правого крыла, он не поддался на это искушение. Однако заманчивые перспективы левого крыла не оставляли в покое его последователей.

Итак, немцы подошли к Бельгии. Решающая битва требовала охвата, а охват требовал бельгийской территории. Германский Генеральный штаб считал это военной необходимостью. Кайзер и канцлер согласились с этим более или менее единодушно. Идти ли на этот шаг, был ли он приемлемым ввиду возможной неблагоприятной реакции мирового общественного мнения, особенно нейтральных стран, — эти проблемы не имели никакого значения.

Единственным принимавшимся во внимание критерием был триумф германского оружия. Немцы после 1870 года усвоили урок, сводившийся к тому, что оружие и война были единственным источником германского величия.

В своей книге «Нация с оружием» фельдмаршал фон дер Гольц поучал:

«Мы завоевали наше положение благодаря остроте наших мечей, а не умов».

Принятие решения о нарушении нейтралитета Бельгии было делом нетрудным.

Греки верили: характер — это судьба. Принятие рокового решения было обусловлено многими столетиями немецкой философии: в ней были заложены семена самоуничтожения, ожидавшие своего часа. Она говорила устами Шлиффена, но ее создали Фихте, веривший, что германский народ избран Провидением, дабы занять высшее место в истории Вселенной;

Гегель, считавший, что немцы ведут остальной мир к славным вершинам принудительной культуры; Ницше, утверждавший, что сверхчеловек стоит выше обычного контроля; Трейчке, по которому усиление мощи является высшим моральным долгом государства, всего германского народа, называвшего своего временного правителя «всевышним». [63]

Цель — решающая битва — была продуктом побед над Австрией и Францией в 1866 и 1870 годах. Отшумевшие битвы, как и мертвые генералы, держат своей мертвой хваткой военные умы, и немцы, в не меньшей степени, чем другие народы, готовились к последней войне. Они поставили все на карту решающей битвы в образе Ганнибала, однако даже призрак Ганнибала мог бы напомнить Шлиффену о том, что, хотя карфагеняне выиграли битву при Каннах, войну выиграл Рим.

Старый фельдмаршал Мольтке{48} в 1890 году предсказал, что следующая война может продлиться семь лет или даже тридцать, потому что ресурсы современного государства настолько огромны, что оно не признает себя побежденным после одного военного поражения и не прекратит борьбы. Его племянник и тезка, который заместил Шлиффена на посту начальника Генерального штаба, также знавал моменты просветления, когда четко понимал справедливость предсказания дяди. В 1906 году в один из приступов неверия в Клаузевица он сказал кайзеру:

«Это будет национальная война, которая закончится не решающей битвой, а после длительной утомительной борьбы со страной, которая не будет побеждена до тех пор, пока не будут сломлены ее национальные силы. Это будет война, которая в высшей степени истощит наш народ, даже если мы и окажемся победителями». Однако следовать логике своих предсказаний противно человеческой натуре, тем более натуре Генерального штаба. Аморфная, без определения границ, концепция затяжной войны не могла быть так

научно разработана, как ортодоксальное, предсказанное и простое решение решающей битвы и короткой войны. Молодой Мольтке был уже начальником Генерального штаба, когда выступил со своим предсказанием, но ни он, ни его штаб, ни штаб любой другой страны не делали никаких попыток ориентироваться на длительную войну. Не считая двух Мольтке, один из которых был уже мертв, а второй [64] не проявлял твердости в достижении цели, некоторые военные стратеги в других странах не исключали возможность затяжной войны, однако все предпочитали верить, так же как банкиры и промышленники, что в силу общего расстройства экономической жизни всеобщая европейская война не может продолжаться более трех-четырех месяцев. Характерной чертой 1914 года, как и любой эпохи, была общая склонность, отмечавшаяся во всех странах, — не готовиться к худшей альтернативе, а действовать в соответствии с тем, что, как им казалось, было правдой.

Шлиффен, принявший стратегию «решающей битвы», поставил судьбу Германии в зависимость от нее. Он считал, что Франция нарушит нейтралитет Бельгии, как только развертывание германских войск на бельгийской границе ясно укажет на принятую стратегию, и, думал он, Германия должна сделать это первой и побыстрее.

«Бельгийский нейтралитет будет нарушен той или другой стороной», — гласил его тезис.

«Тот, кто войдет, в эту страну первым, оккупирует Брюссель и потребует военной компенсации в размере 1000 миллионов франков, одержит верх».

Контрибуция, которая позволяет вести войну за счет противника, а не за свой собственный, была вторичной задачей, поставленной Клаузевицем. Третью задачу он видел в том, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, что осуществляется «путем крупных побед и захватом вражеской столицы», помогая положить конец сопротивлению. Он знал, что материальные успехи позволят завоевать общественное мнение, но забыл, что моральная неудача может привести к его изменению, что также является риском в войне.

Но об этом французы всегда помнили, и это заставило их прийти к выводам, противоположным тем, которых ожидал Шлиффен. Бельгия также была для них путем для нападения через Арденны, если не через Фландрию, однако план их кампании запрещал использование бельгийской территории до тех пор, пока на нее не вступят первыми немцы. Логика этого дела для них была ясна: Бельгия была дорогой, открытой в обоих направлениях, кто использует ее первым — Германия или Франция, зависело от того, какая из этих стран стремилась сильнее к войне. Как заметил один французский генерал: «Тот, кто больше всего хочет войны, не может не желать нарушения нейтралитета Бельгии». [65]

Шлиффен и его штаб считали, что Бельгия не будет воевать и не добавит свои шесть дивизий к французской армии. Когда канцлер Бюлов, обсуждавший эту проблему со Шлиффеном в 1904-м, напомнил ему о предупреждении Бисмарка, что допускать добавления сил еще одной страны к силам противника Германии — противоречить «простому здравому смыслу», Шлиффен несколько раз поправил монокль в глазу, что было его привычкой, и сказал: «Конечно. Мы не стали глупее с тех пор». Бельгия не будет сопротивляться силой оружия, она удовлетворится протестами, заявил он.

Уверенность Германии объяснялась несколько смелыми расчетами на хорошо известную жадность Леопольда II, бывшего королем Бельгии во времена Шлиффена. Высокий, представительный, с черной бородой клином, он был окружен ореолом порока —

любовницы, деньги, жестокости в Конго и разные скандалы. По мнению австрийского императора Франца-Иосифа, Леопольд был «исключительно плохим человеком». Мало найдется людей, о которых можно так сказать, утверждал император, однако король Бельгии был именно таким. Поскольку Леопольд был жаден в довершение к своим другим порокам, то, по мнению кайзера, жадность возобладает над здравым смыслом, и поэтому он составил хитроумный план с целью заманить Леопольда в союз, пообещав ему французскую территорию. Когда кайзера захватывал какой-либо проект, он пытался немедленно осуществить его и обычно в случае неудачи приходил в состояние удивления и огорчения. В 1904 году он пригласил Леопольда посетить Берлин. Он говорил с ним «самым добрейшим языком в мире» о его гордых праотцах, графах Бургундских, и предложил воссоздать для него древнее герцогство Бургундия из Артуа, французской Фландрии и французских Арденн. Леопольд посмотрел на него «широко раскрыв рот» и попытался свести все к шутке, напомнив кайзеру, что со времен XV века многое изменилось. Во всяком случае, сказал он, его министры и парламент никогда не станут рассматривать такое предложение.

Так говорить не следовало бы, потому что кайзер пришел в свойственное ему состояние гнева и отчитал короля за то, что он питает большее уважение к парламенту и министрам, чем к персту божьему (который кайзер иногда путал со своей персоной). «Я сказал ему, — заявил Вильгельм канцлеру фон Бюлову, — что не позволю играть с собой. Тот, кто в случае европейской войны будет не со мной, тот будет против меня». [66]

Кайзер заявил, что он является солдатом школы Наполеона и Фридриха Великого, которые начинали свои войны с предупреждения противника: «Поэтому, если Бельгия не встанет на мою сторону, я должен буду руководствоваться исключительно стратегическими соображениями».

Подобное намерение, явившееся первой ясно выраженной угрозой разорвать договор, привело Леопольда II в замешательство. Он ехал на вокзал в каске, одетой задом наперед, и выглядел, по словам сопровождавшего его адъютанта, так, «как будто бы пережил какое-то потрясение».

Хотя план кайзера провалился, все еще считали, что Леопольд готов заложить нейтралитет Бельгии за кошелек в два миллиона фунтов стерлингов. Когда один французский офицер разведки узнал об этом после войны от немецкого офицера и выразил удивление такой щедростью, он получил ответ: «За это должны были заплатить французы». Даже после того как в 1909 году Леопольда на престоле сменил его племянник король Альберт, человек совершенно других качеств, в Германии продолжали думать, что сопротивление Бельгии явится лишь простой формальностью. Например, один германский дипломат предположил в 1911 году, что оно может принять форму «выстраивания бельгийской армии вдоль дорог, по которым пойдут германские войска».

Шлиффен выделил для захвата Бельгии тридцать четыре дивизии, которым одновременно поручалось разделаться с шестью бельгийскими дивизиями, если, хотя это и казалось немцам маловероятным, они все же решат оказать сопротивление. Немцы очень беспокоились, как бы этого не случилось, потому что сопротивление означало бы разрушение железных дорог и мостов и, как следствие, нарушение разработанного графика, которого рьяно придерживался германский Генеральный штаб.

Покорность Бельгии, с другой стороны, дала бы возможность не связывать немецкие дивизии задачей взятия крепостей на ее территории и, кроме того, позволила бы приглушить общественное недовольство по поводу этой акции Германии. Чтобы

отговорить Бельгию от бессмысленного сопротивления, Шлиффен предложил накануне вторжения направить ультиматум с требованием сдать все крепости, железные дороги и армию. В противном случае бельгийские укрепленные города были бы подвергнуты бомбардировке. Тяжелая артиллерия была готова при [67] необходимости превратить угрозу в реальность. Тяжелые орудия в любом случае потребуются в ходе дальнейшей кампании, писал Шлиффен в 1912 году. «Большой промышленный город Лилль, например, представляет прекрасную цель для бомбардировки».

Шлиффен хотел, чтобы его правое крыло вышло к Лиллю на западе, и тогда будет полностью завершен обход французов. «Когда вы направитесь во Францию, пусть крайний правый в строю касается плечом пролива Ла-Манш», — говорил он. Более того, принимая во внимание британскую воинственность, он предусматривал широкий прорыв, с тем чтобы заодно с французами разделаться и с английским экспедиционным корпусом. Он был более высокого мнения о возможностях английского флота, который мог организовать блокаду, чем об английской армии; поэтому он был полон решимости достичь быстрой победы над английскими и французскими сухопутными войсками и решить исход войны на ранних этапах до того, как военные действия Англии могут отразиться на экономическом положении Германии. Чтобы достичь этого, все силы должны быть брошены на усиление правого крыла. Его надо сделать помощнее, потому что плотность войск на километр определяла фронт наступления.

Используя только действующую армию, Шлиффену не хватило бы дивизий, чтобы сдерживать прорыв русских на восточном фронте и достигнуть численного превосходства над Францией для достижения быстрой победы. Решение было простым, если даже не революционным. Он решил использовать на фронтовых позициях войска резервистов. В соответствии с существовавшей военной доктриной, только самые молодые люди, недавно обученные, дисциплинированные, вымуштрованные в казармах, были годны для сражений. Резервисты, закончившие свой срок обязательной военной службы и вернувшиеся к гражданской жизни, рассматривались как сырой материал и не годились для использования на боевых линиях. За исключением людей моложе двадцати шести лет, которые направлялись в действующие части, резервисты формировались в отдельные дивизии, предназначенные для выполнения оккупационных задач и для тыловой службы. Шлиффен изменил это положение. Он добавил примерно двадцать резервных дивизий (их число менялось к зависимости от года составления плана) к пятидесяти или более маршевым дивизиям действующей армии. С увеличением численности войск давно задуманный им план обхода стал реально возможным. [68]

Сменивший его меланхоличный генерал Мольтке был в определенном смысле пессимист, которому недоставало готовности Шлиффена сконцентрировать все силы для одного маневра. Если девиз Шлиффена был «быть смелым, быть смелым», то Мольтке — «не слишком смелым». Его беспокоила слабость левого крыла, противостоящего французам, и недостаточность войск, оставленных в Восточной Пруссии для защиты от русских. Он даже спорил со своим штабом — желательно ли ведение оборонительной войны с Францией, однако отверг эту идею, потому что в этом случае исключалась бы всякая возможность «ведения боев с противником на его собственной территории». Штаб счел вторжение в Бельгию «полностью оправданным и необходимым», поскольку война будет борьбой за «оборону и существование Германии». План Шлиффена получил поддержку, а Мольтке утешил себя мыслью, которая, судя по его заявлению в 1913 году, сводилась к следующему: «Мы должны отбросить все банальности об ответственности агрессора... Только успех оправдывает войну». Однако, чтобы обезопасить себя повсюду, он стал, вопреки забываемым уже советам Шлиффена, каждый год брать силы у правого крыла и укреплять ими левое.

Мольтке рассчитывал составить левое крыло из восьми корпусов, численностью примерно 320 000 человек, которые должны были удерживать фронт в Эльзасе и Лотарингии южнее Мааса. Германский центр в составе 11 корпусов — около 400 000 человек — должен был вторгнуться во Францию через Люксембург и Арденны. Германское правое крыло, насчитывавшее 16 корпусов численностью в 700 000 солдат, стало бы наступать через Бельгию, смяло бы знаменитые ключевые укрепления Льежа и Намюра, защищавших долину Мезы (Мааса), стремительно форсировало реку и вышло на равнинную местность и прямые дороги на другом берегу. Каждый день такого марша был тщательно расписан заранее. Считалось, что бельгийцы не будут сражаться, но, если все же они отважатся так поступить, сила германского наступления, по мнению генералов, быстро заставит их сдаться. Графиком предусматривалось, что дороги через Льеж будут открыты на двенадцатый день мобилизации, Брюссель падет на девятнадцатый, французская граница будет пересечена на двадцать второй, на линию Тьонвилль — Сен-Квентин войска выйдут на тридцать первый, Париж и решительная победа — на тридцать девятый. [69]

План кампании был таким же четким и полным, как чертежи военного корабля. Помня предупреждение Клаузевица о том, что военные планы, в которых есть место для неожиданностей, могут привести к катастрофе, немцы с бесконечным усердием попытались предусмотреть любые обстоятельства. Штабные офицеры, прошедшие подготовку на маневрах и в военных училищах, умевшие дать правильный ответ при любом наборе исходных данных, как предполагалось, должны были справиться с неожиданностями. На случай таких неожиданностей — изменчивых, насмешливых и таящих в себе гибель — были приняты все меры предосторожности, но не было проявлено одного — гибкости.

В то время как план направить максимальное усилие против Франции принимал окончательные формы, опасения Мольтке и отношении России стали постепенно уменьшаться, особенно после того, как Генеральный штаб, основываясь на тщательном подсчете протяженности русских железнодорожных линий, пришел к убеждению, что Россия не будет готова к войне раньше 1916 года. Донесения шпионов о том, что среди русских поговаривают «о каких-то событиях, могущих начаться в 1916 году», еще больше укрепили мнение Генерального штаба и этом вопросе.

В 1914 году два события способствовали достижению Германией высшей степени готовности. В апреле Англия начала морские переговоры с русскими, а в июне сама Германия завершила расширение Кильского канала, давшего ее новым дредноутам прямой доступ из Северного моря в Балтику. Узнав об англо-русских переговорах, Мольтке заявил во время визита к своему австрийскому коллеге Конраду фон Готцендорфу в мае, что, «начиная с этого времени, любая отсрочка будет уменьшать наши шансы на успех».

Двумя неделями позже, 1 июня, он сказал барону Эккардштейну:

«Мы готовы, и теперь, чем скорее, тем лучше для нас».

Тень Седана

Однажды в 1913 году к генералу де Кастельно, заместителю начальника французского Генерального штаба, прибыл генерал Леба, военный губернатор Лилля, с возражениями против решения Генштаба отказаться от Лилля как от крепости. Расположенный в шестнадцати километрах от бельгийской границы и в шестидесяти пяти вглубь от пролива Ла-Манш, Лилль находился рядом с тем путем, который избрала бы вторгнувшаяся армия, если бы она наступала через Фландрию. В ответ на просьбу генерала Леба об обороне этого города генерал де Кастельно развернул карту и измерил линейкой расстояние от германской границы до Лилля через Бельгию. Нормальная плотность войск, необходимая для энергичного наступления, составляет пять-шесть солдат на каждый метр. Если немцы растянутся на запад до Лилля, то у них окажется по два на метр.

«Мы перережем их пополам!» — воскликнул он.

Германская действующая армия может располагать, объяснил он далее, на Западном фронте двадцатью пятью корпусами, общей численностью около миллиона человек.

«Вот, судите сами, — сказал Кастельно, вручая Леба линейку. — Если они дойдут до Лилля, — повторил [71] он с сардоническим удовлетворением, — что же, тем лучше для нас».

Французскую стратегию не страшила угроза охвата правым крылом немецких армий. Напротив, французский Генеральный штаб считал, что, чем сильнее немцы укрепят свое правое крыло, тем слабее они сделают свой центр и левое крыло, где французская армия планировала свой прорыв. Французская стратегия повернулась тылом к бельгийской границе, а фронтом к Рейну. Пока немцы будут совершать длинный обходный маневр, чтобы напасть на французский фланг, Франция ударит в двух направлениях, сомнет германский центр и левое крыло на каждой стороне укрепленной линии у Меца и победой в этом районе отрежет германское правое крыло от базы, таким образом обезвредив его. Это был смелый план, свидетельствующий о возрождении Франции после поражения под Седаном.

По условиям мирных соглашений, продиктованных Германией в Версале в 1871 году, Франция перенесла ампутацию, контрибуцию и оккупацию. Навязанные условия предусматривали даже триумфальный марш немецкой армии по Елисейским полям.

Когда французский парламент согласился с условиями мира, депутаты от Эльзаса и Лотарингии, в слезах покидавшие зал заседаний в Бордо, говорили:

«Мы провозглашаем, что эльзасцы и лотарингцы принадлежали и будут принадлежать к французской нации. Мы клянемся сами, от имени наших избирателей, от имени наших детей и детей их детей, что будем французами любыми средствами, добиваясь этого права у узурпатора».

Аннексии, против которой возражал даже Бисмарк, говоривший, что она будет ахиллесовой пятой новой германской империи, требовали старший Мольтке и его Генеральный штаб. Они настаивали и убеждали императора, что пограничные провинции у Меца, Страсбурга и по отрогам Вогез необходимо отрезать, чтобы навечно поставить Францию географически в положение обороняющегося. К этому они прибавили

тяжелейшую контрибуцию в пять миллиардов франков, стремясь закабалить ее на целое поколение, кроме того, оккупационная армия должна была находиться во Франции до окончания выплаты этой контрибуции. Одним колоссальным усилием французы собрали и выплатили всю эту сумму в три года, и с этого началось их возрождение.[72]

Память о Седане неподвижной черной тенью витала в сознании французов.

«Не говорите об этом никогда, но думайте постоянно», — советовал Гамбетта.

Более сорока лет мысль «опять» была единственным основополагающим фактором французской политики. В течение нескольких первых лет после 1870 года инстинкт и военная слабость диктовали крепостную стратегию. Франция огородила себя системой укрепленных лагерей, соединенных фортами. Две линии укреплений: Бельфор — Эпиналь и Туль — Верден — охраняли восточную границу, а одна: Мобеж — Валансьенн — Лилль — защищала западную сторону бельгийской границы, промежутки между ними были предназначены для направления вторгшихся сил противника в нужном для обороняющихся направлении.

За своими стенами, как сказал Виктор Гюго в одном из своих наиболее страстных призывов,

«Франция будет стремиться только к одному — восстановить свои силы, запастись энергией, лелеять свой священный гнев, воспитать молодое поколение так, чтобы создать армию всего народа, работать непрерывно, изучать методы и приемы наших врагов, чтобы стать снова великой Францией 1792 года, Францией «идеи с мечом". Тогда в один день она станет непобедимой. Тогда она вернет Эльзас-Лотарингию».

Первоначально Эльзас, не немецкий и не французский, постоянно переходил из рук в руки до тех пор, пока Людовик XIV не подтвердил прав Франции на него Вестфальским договором 1648 года. После того как Германия аннексировала Эльзас и часть Лотарингии в 1870 году, Бисмарк посоветовал предоставить их жителям как можно большую автономию и поощрять их сепаратистские тенденции, ибо, говаривал он, чем больше они будут считать себя эльзасцами, тем меньше французами. Его преемники не понимали, что это необходимо. Они не принимали во внимание желания своих новых подданных, не делали попыток привлечь их на свою сторону, управляли этими провинциями как рейхсляндом — «имперской территорией» — с помощью германских чиновников примерно так же, как африканскими колониями. Им удалось лишь озлобить население, хотя в 1911 году этим провинциям и была дарована конституция. Но было уже поздно. Взрыв возмущения германским правлением последовал в 1913 году в результате событий в Заберне, когда после обмена оскорблениями между жителями города и немецким гарнизоном один германский офицер ударил [73] саблей калеку-сапожника. Эти события привели к резкому публичному осуждению немецких порядков в рейхслянде, вызвали волну антигерманских настроений во всем мире и одновременно триумф милитаризма в Берлине, где офицер из Заберна стал героем, получив личные поздравления кронпринца.

Год 1870-й не означал для Германии окончательного урегулирования. Германский день в Европе, который, как полагали, начался после провозглашения Германской империи в Зеркальном зале Версаля, так и не засиял в полную силу, Франция не была сокрушена, в действительности французская империя расширялась в Северной Африке и Индокитае, и мир искусства, красоты и стиля был все еще у ног Парижа. Немцев съедала зависть к стране, которую они победили. «Живет, как бог во Франции», — гласила немецкая

поговорка. Вместе с тем они считали, что во французской культуре господствует декаданс, а сама страна ослаблена демократией.

«Невозможно, чтобы страна, в которой сменилось сорок два военных министра за сорок три года, сражалась эффективно», — объявил Ганс Дельбрюк, ведущий историк Германии.

Уверовав в превосходство над всеми по духу, силе, энергии, трудолюбию и национальной благодетели, немцы считали, что они по праву заслуживают господства в Европе. Работа, начатая под Седаном, должна быть завершена.

Франция же, оживая духом и телом, начала с раздражением относиться к тому, что ей все время приходится быть начеку и вечно выслушивать поучения своих руководителей о самообороне. После начала нового века ее дух восстал против тридцатилетней обороны и вытекающего отсюда признания своей неполноценности. Франция понимала, что она физически слабее Германии. У нее было меньше населения, рождаемость оставались низкой. Ей нужно было оружие, которого не имела Германия, чтобы с его помощью обрести веру в свои силы. «Идея с мечом» удовлетворяла этому требованию. Выраженная Бергсоном, она называлась «элан виталь» — всепобеждающий порыв, Вера в его силу убедила Францию, что человеческому духу вовсе не нужно склоняться перед заранее предреченными силами эволюции, которые Шопенгауэр и Гегель провозгласили непобедимыми. Дух Франции будет играть роль решающего фактора. Воля к победе, «элан», даст возможность Франции победить врага. Ее гений был в этом духе, духе славы, славы 1792 года, в несравненной «Марсельезе», лихой атаке генерала [74] Маргерита — героическом натиске кавалерии под Седаном. Тогда даже Вильгельм I, наблюдавший за ходом сражения, не мог удержаться от восклицания: «О эти храбрые ребята!»

Вера в дух Франции оживила во французском поколении послевоенных лет уверенность в судьбе своей страны. Именно эта вера разворачивала ее знамена, звучала в ее горнах, вооружала солдат и повела бы Францию к победе, если бы «опять» пробил ее час.

Переведенный на язык военных терминов, «элан виталь» Бергсона превратился в наступательную военную доктрину. По мере того как оборонительная стратегия уступала место наступательной, центр внимания постепенно перемещался с бельгийской границы на восток, где самым серьезным образом стали рассматривать возможность наступления французской армии с целью прорыва к Рейну. Для немцев окружной путь через Фландрию вел к Парижу, для французов же он был бесполезен. Они могли попасть в Берлин лишь самым коротким путем. Чем больше французский Генеральный штаб склонялся к мысли о наступлении, тем больше он концентрировал силы у исходного пункта атаки и тем меньше их оставалось для защиты бельгийской границы. Колыбелью наступательной доктрины была Эколь суперьер де ля гер — Высшая военная академия, представлявшая интеллектуальную элиту армии. Ее начальник генерал Фердинанд Фош был основоположником французской военной теории того времени. Ум Фоша, как и его сердце, имел два клапана — один служил для примешивания патриотического духа к его стратегии, другой — здравого смысла. С одной стороны, Фош проповедовал таинство воли, выраженное в его знаменитых афоризмах: «Воля к борьбе есть первое условие победы», или более сжато: «Виктуар се ля волонте» — «Победа — это воля», или еще: «Выигранная битва — это та битва, в которой вы не признаете себя побежденными». {112}

Практически это вылилось в знаменитый приказ при Марне о наступлении, когда ситуация диктовала отступление. Офицеры тех времен помнят, как он призывал: «В атаку,

в атаку!» Ожесточенно, непрерывно жестикулируя, он был весь в движении, как будто заряженный электрическим током. Почему, спрашивали его впоследствии, он начал наступление на Марне, когда с технической точки зрения он был разбит?

«Почему? Я не знаю, я верил в своих людей, у меня была воля. И тогда Бог был с нами». [75]

Будучи глубоким знатоком Клаузевица, Фош в противоположность своим немецким последователям Клаузевица не верил в обязательный успех графика сражения, разработанного заранее. Напротив, он даже учил предвидеть необходимость постоянно приспосабливаться и импровизировать, чтобы справиться с любыми обстоятельствами.

«Правила, — говаривал он, — хороши для подготовки, но в час опасности в них немного пользы... Нужно учиться думать».

Думать — значит предоставить место свободе инициативы, чтобы иррациональное победило материальное, чтобы воля взяла верх над обстоятельствами.

Но было бы «ребячеством» думать, предупреждал Фош, что лишь один моральный дух может победить. В своих довоенных лекциях и книгах «Принципы войны» и «Ведение войны» он после полетов в сферы метафизики неожиданно спускался в земную область тактики, рассуждая об охранениях передовых, их необходимости, элементах огневой мощи, о требованиях дисциплины и повиновении. Благодаря ему во время войны стал известен и еще один афоризм, в котором подытоживалась реалистическая часть его учения: «В чем суть проблемы?»

Несмотря на свое красноречие в вопросах тактики, именно «мистика» Фоша пленила умы его сторонников. Однажды в 1905 году, когда Клемансо рассматривал вопрос о назначении Фоша, в ту пору профессора, на пост начальника Военной академии, он направил одного частного агента с заданием послушать, что говорит Фош на лекциях. Агент в замешательстве доносил: «Этот офицер преподает метафизику настолько непонятно, будто хочет превратить своих учеников в идиотов». Хотя Клемансо все же назначил Фоша на этот пост, донесение в некотором смысле отражало правду. Принципы Фоша стали ловушкой для Франции не потому, что были запутанны и непонятны, а в силу их особой привлекательности. Их подхватил с особым энтузиазмом полковник Гранмезон, «пылкий и блестящий офицер», который был начальником Третьего бюро, или оперативного управления. В 1911 году он прочитал в Военной академии две лекции, имевшие далеко идущие последствия.

Полковник Гранмезон взял лишь самый верх, а не фундамент теории Фоша. Возвеличивая только лишь «элан», волю к победе, без учета обороны, он предложил военную философию, которая наэлектризовала его слушателей. Он размахивал перед их возбужденным взором «идеей с мечом», указывавшей им, каким образом Франция может победить. Сущность [76] ее сводилась к «оффенсив а утранс» — наступлению до предела. Только так можно было прийти к решающей битве Клаузевица, которая, «использованная до конца, является главным актом войны» и которую, начав, следовало довести до конца без колебаний, с предельным использованием всех человеческих возможностей. Захват инициативы является абсолютно необходимым. Заранее разработанные мероприятия, основанные на догматических суждениях о том, как будет действовать противник, являются преждевременными. Свобода действий достигается только путем навязывания своей воли противнику. «Все приказы командования должны вдохновляться решимостью захватить и удержать инициативу». Оборона забыта, сброшена со счетов, единственным

оправданием для нее может служить лишь «экономия сил на некоторых участках с точки зрения подключения их к наступлению».

Эти принципы оказали большое влияние на Генеральный штаб, подготовивший на их основе в течение последующих двух лет Полевой устав и новый план кампании, называвшийся «план-17», который был утвержден в мае 1913 года.

Через несколько месяцев после чтения Гранмезоном своих лекций президент республики Фальер объявил:

«Только наступление соответствует темпераменту французского солдата... Мы полны решимости выступить против противника без колебаний».

Новый Полевой устав, введенный правительством в октябре 1913 года в качестве основного руководства к обучению и действию французской армии, начинался громогласным и высокопарным заявлением: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме закона наступления». За этим следовали восемь заповедей, составленных из таких звонких фраз, как «решающая битва», «наступление без колебаний», «неистовость и упорство», «сломить волю противника», «безжалостное и неустанное преследование» со всем жаром верующего, уничтожающего ересь. Устав вытеснил и дискредитировал оборонительную концепцию.

«Только наступление, — возвещал он, — приводит к положительным результатам».

Седьмая заповедь, выделенная авторами курсивом, утверждала:

«Битвы, как ничто другое, являются борьбой моральных принципов. Поражение неизбежно, как только исчезает воля к победе. Успех приходит не к тому, кто меньше пострадал, а к тому, чья воля тверже и чей моральный дух крепче».

Нигде в этих восьми заповедях не упоминалось об огневой мощи или о том, что Фош называл «сюрте» — защита или оборона. Идея этого устава была увековечена в знаменитом словце, ставшем ходовым среди французского офицерского корпуса, — «лекран» — храбрость, отвага, или, проще, «не трусить». Под этим девизом французская армия и отправилась на войну в 1914 году.

В те годы, когда французская военная философия претерпевала изменения, география Франции оставалась прежней, положение ее границ было таким же, как в 1870 году, когда они были отодвинуты по воле Германии. Территориальные требования Германии, объяснял Вильгельм I императрице Евгении, заявившей протест, «не имеют другой цели, кроме как убрать плацдарм, с которого французские армии смогут атаковать нас в будущем». Немцы сами выдвинули вперед свой плацдарм, с которого Германия могла напасть на Францию. В то время как французская история и развитие после начала нового века требовали наступательной стратегии, ее география по-прежнему диктовала стратегию оборонительную.

В 1911 году, тогда же, когда полковник Гранмезон читал свои лекции, была сделана последняя попытка привязать Францию к стратегии обороны. На этом настаивал в Высшем военном совете не кто иной, как будущий командующий вооруженными силами генерал Мишель. Заместитель председателя совета в случае войны становился главнокомандующим. В докладе, точно отражавшем мышление Шлиффена, он дал оценку возможного направления наступления немцев, а также рекомендации для его отражения.

Он соглашался с тем, что, ввиду резко пересеченной местности и сильно укрепленной оборонительной линии на французской стороне общей с Германией границы, немцы не надеются выиграть быструю решающую битву в Лотарингии. Марш через Люксембург и узкий угол бельгийской территории восточнее реки Мааса также не давал им достаточного пространства для проведения своего излюбленного плана охвата. Только путем использования преимуществ всей Бельгии, утверждал он, немцы смогли бы провести то «немедленное, грубое и решительное наступление» против Франции, которое им необходимо было осуществить до того, как ее союзники смогут включиться в игру. Он указывал на давнее желание немцев овладеть портом Антверпен, что также давало им дополнительный повод для нападения через Фландрию. Мишель [78] предлагал, чтобы французская армия численностью в миллион человек встретила немцев на линии Верден — Намюр — Антверпен. Ее левое крыло, так же как правое Шлиффена, должно было «коснуться плечом» пролива Ла-Манш.

План генерала Мишеля был не только оборонительным по своему характеру, его осуществление зависело также от предложения, являвшегося неприемлемым для его коллег-офицеров. Чтобы противостоять многочисленной немецкой армии, которая, по его мнению, пойдет через Бельгию, генерал Мишель предложил удвоить число солдат действующей французской армии путем прикрепления к каждому полку действительной службы полка резервистов. Он не вызвал бы большего шума и возражений, даже если бы предложил причислить Мистингета к «бессмертным» Французской академии.

«Ле резер се зеро!» — «Резервисты — это ноль!» — такова была классическая догма французского офицерского корпуса. Мужчины, прошедшие обязательную военную подготовку в соответствии с законом о всеобщей воинской повинности и достигшие возраста 23 — 34 лет, зачислялись в резерв. При мобилизации наиболее молодые возрастные категории дополняли регулярные воинские части до уровня военного времени, остальные сводились в резервные полки, бригады и дивизии в соответствии с их местными географическими районами. Они предназначались только для тыловой службы или крепостных гарнизонов, так как считалось, что ввиду отсутствия в них подготовленного офицерского и сержантского состава их нельзя было присоединить к боевым полкам. Презрение регулярной армии к резервистам, которое разделяли и поддерживали правые партии, вызывалось отрицательным отношением к принципу «вооруженная нация». Смешать резервы с дивизиями действительной службы означало бы понижение наступательной силы армии. При защите страны, считали они, можно положиться только на действующую армию.[79]

У левых партий, хранящих в памяти образ генерала Буланже на коне, наоборот, армия ассоциировалась с государственными переворотами, и они полагали, что принцип «вооруженной нации» является единственной гарантией республики. Они утверждали, что несколько месяцев подготовки сделают любого гражданина пригодным для войны, и решительно сопротивлялись увеличению срока действительной службы до трех лет. Армия потребовала этой реформы в 1913 году не только из-за увеличения численности германских вооруженных сил, но и потому, что чем больше людей проходит военную подготовку в данный момент, тем в меньшей степени можно ориентироваться на резервные части. После острых споров, серьезно взбудораживших страну, закон о трехлетней действительной службе был все-таки принят в августе 1913 года.

Пренебрежение к резервистам поддерживалось новой доктриной наступательной войны, которая, как думали, могла быть успешно претворена на практике только с помощью солдат действительной службы. Чтобы нанести победоносный удар во время молниеносной войны, символ которой — штыковая атака, был необходим «элан» —

порыв, а «элан» не мог появиться у людей, привыкших к гражданской жизни и обремененных семейными заботами. Резервисты, смешанные с солдатами действительной службы, создадут «армию упадочную», не обладающую волей к победе. Подобные чувства, считалось, испытывали и за Рейном. Лозунг кайзера «Ни одного отца семейства на фронте» получил широкую поддержку. В среде французского Генерального штаба считалось непреложной истиной, что немцы не смешают действующие части с резервными, что, в свою очередь, дало основание рассчитывать на недостаточность сил Германии для выполнения двух задач сразу: направить мощное правое крыло в широкое наступление через Бельгию к западу от Мааса и одновременно иметь необходимое количество войск в центре и на левом фланге для отражения французского прорыва к Рейну.

Когда генерал Мишель представил свой план, министр обороны Мессими отнесся к нему как к безумной идее. Как председатель Верховного военного совета он не только пытался не допустить его принятия, но даже провел консультации с другими членами совета по вопросу отстранения Мишеля.

Мессими, цветущий, энергичный, почти неистовый человек, с толстой шеей, круглой головой и блестящими за очками глазами крестьянина, обладавший громким голосом, был когда-то профессиональным военным. В 1899 году, будучи тридцатилетним капитаном стрелкового полка, он подал в отставку в знак протеста против отказа пересмотра дела Дрейфуса. {113} В то горячее время весь офицерский корпус выступал против возможности признания невиновности Дрейфуса после вынесения ему приговора, утверждая, что это нанесло бы удар по престижу армии и идее ее непогрешимости. Мессими, который не смог [80] поставить верность армии выше принципов правосудия, решил посвятить себя политической карьере, задавшись целью «примирить армию с народом». Он принес в Военное министерство страсть к улучшениям. Обнаружив, что «большое число генералов не только не способно вести войска за собой, но даже следовать за ними», он воспользовался правилом Теодора Рузвельта: все генералы должны участвовать в маневрах верхом на коне. Когда возникали возражения и угрозы, что такой-то и такой-то собирается подать в отставку, он отвечал, что именно этого и добивается.

Он был назначен военным министром 30 июня 1911 года, после того как на этом посту за четыре месяца сменились четыре министра, и на другой же день столкнулся с проблемой «прыжка «Пантеры»{114} в Агадир, что предшествовало второму Марокканскому кризису. Ожидая мобилизации в любой момент, он обнаружил, что назначаемый главнокомандующим в случае войны генерал Мишель проявлял «колебания, нерешительность и был подавлен тем грузом обязанностей, который мог свалиться на него в любую минуту». По мнению Мессими, Мишель представлял «национальную опасность», занимая этот пост. «Сумасшедшее» предложение Мишеля явилось удобным поводом, чтобы избавиться от него.

Мишель, однако, отказался уйти, не представив сначала свой план на рассмотрение совета, в состав которого входили видные генералы Франции: Галлиени, великий колониальный завоеватель, По, однорукий ветеран 1870 года, Жоффр, молчаливый инженер, Дюбай, образец галантности, носивший свое кепи набекрень с изысканным шиком Второй империи. Всем им предстояло занять активные командные посты в 1914 году, а двое из них стали маршалами Франции. Никто из них не поддержал план Мишеля. Один из офицеров Военного министерства, присутствовавший на этом заседании, сказал: «Нет смысла обсуждать это предложение. Генерал Мишель не в своем уме».

Представлял ли этот вердикт мнение всех присутствовавших (Мишель позднее утверждал, что генерал Дюбай вначале согласился с ним) — или нет, но Мессими, который не скрывал своей враждебности к Мишелю, повел совет за собой. Судьбе было угодно, чтобы Мессими обладал сильным характером, а Мишель нет. Быть правым и оказаться поверженным — такое не прощается людям, занимающим ответственные посты, и Мишель должным образом поплатился за свою проницательность. Освобожденный [81] от своего поста, он был назначен военным губернатором Парижа, и в критический час предстоящего испытания он действительно проявил «колебания и нерешительность».

Мессими, решительно вытравивший ересь Мишеля об оборонительной стратегии, делал все от него зависящее, чтобы оснастить армию для ведения наступательных боев, однако, в свою очередь, потерпел поражение в осуществлении своего заветного проекта — изменении французской военной формы. Англичане одели своих солдат в хаки после бурской войны, а немцы собирались сменить синий цвет прусского мундира на защитный серый. Однако в 1912 году французские солдаты все еще продолжали носить те же голубые шинели, красные кепи и красные рейтузы, как и в 1830 году, когда дальность ружейного огня не превышала двухсот шагов и когда армии, сходившиеся на близкие дистанции, не испытывали необходимости в маскировке. Посетив балканский театр военных действий в 1912 году, Мессими сразу увидел те преимущества, которые давала болгарам их неброская однотонная форма, и, вернувшись домой, решил сделать французского солдата не таким заметным. Его проект, предусматривавший введение серо-голубого или серо-зеленого цвета для мундиров, вызвал целую бурю протестов. Армия с таким же гордым упрямством не хотела отказаться от красных рейтуз, как и принять на вооружение тяжелые орудия. Одеть французского солдата в какой-то грязный позорный цвет, заявляли защитники армии, означало бы пойти навстречу самым сокровенным надеждам сторонников Дрейфуса и фримасонов. Запретить все красочное, все, что оживляет вид солдата, писала «Эко де Пари», значит выступить как против «французского духа, так и военной службы». Мессими указывал, что эти понятия вряд ли можно считать синонимичными, однако его оппоненты оказались непробиваемыми. Во время слушания дела в парламенте бывший военный министр Этьен говорил от имени Франции.

> «Отменить красные рейтузы? — восклицал он. — Никогда! Ле панталон руж се ля Франс!» — «Красные рейтузы — это Франция».
>
> «Эта глупая и слепая привязанность к самому заметному из всех цветов, — писал впоследствии Мессими, — будет иметь жестокие последствия».

В это время, когда Франция все еще переживала агадирский кризис, он должен был назначить вместо Мишеля нового главнокомандующего на случай чрезвычайных обстоятельств. Он [82] собирался придать еще большее значение этому посту, совместив его с постом начальника Генерального штаба, одновременно ликвидировав пост начальника штаба при военном министре, который в то время занимал генерал Дюбай. Преемник Мишеля сконцентрировал бы в своих руках все бразды правления.

Сначала Мессими остановил свой выбор на генерале Галлиени, который отказался от этого предложения, объяснив, что он принимал участие в смещении генерала Мишеля и поэтому, заняв его место, будет чувствовать угрызения совести. Кроме того, ему оставалось два года до отставки, в которую он собирался уйти в шестьдесят четыре года, а также он считал, что назначение представителя колониальных войск вызовет недовольство в военной среде метрополии: «юн кестьон де бутон» — «вопрос мундира», — сказал он, указав на свои регалии. Генерал По, который следовал за ним по служебной лестнице, поставил условие предоставить ему право назначать по своему выбору

генералов на высшие командные должности. Это требование, исходящее от человека, известного своими реакционными взглядами, угрожало разжечь едва затихшую вражду между стоящей на крайних правых позициях армией и республикански настроенной нацией. Уважая его честность, правительство отвергло это условие. Мессими тогда посоветовался с Галлиени, и тот рекомендовал своего бывшего подчиненного во время службы на Мадагаскаре, «хладнокровного и методичного работника с гибким и точным умом». И предложение занять этот пост было сделано Жозефу Жаку Сезару Жоффру. В свое время он был начальником Инженерного корпуса, а теперь начальником службы тыла. Ему было пятьдесят девять лет.

Массивный, с брюшком, в мешковатом мундире, с мясистым лицом, которое украшали тяжелые, почти белые усы и под стать им мохнатые брови, с чистой молодой кожей, спокойными голубыми глазами и прямым безмятежным взглядом, он производил впечатление человека благочестивого и наивного — два качества, которые не были главными чертами его характера. Он не был выходцем из благородной семьи, не был выпускником Сен-Сира (Жоффр закончил менее аристократичный, но более научный Политехнический институт); не совершенствовал своих знаний в Военной академии. Как офицер Инженерного корпуса, он занимался такими неромантическими делами, как строительство укреплений и железных дорог, и принадлежал к роду войск, откуда, как считали, не могли появиться [83] высшие командные кадры. Он был старшим из одиннадцати детей мелкого буржуа, фабриканта винных бочек из французских Пиренеев. Его военная карьера отличалась малоприметными достижениями и исполнительностью на всех постах, которые он занимал: командир роты на Тайване и в Индокитае, майор в Судане и Тимбукту, штабной офицер в железнодорожном отделе Военного министерства, лектор в Артиллерийском училище, ответственный за фортификационные сооружения при Галлиени на Мадагаскаре с 1900 до 1905 года, дивизионный генерал в 1905 году, корпусной в 1908-м и, наконец, начальник службы тыла и член Военного совета с 1910 года.

Он не имел клерикальных, монархических или других, вызывающих беспокойство связей, во время дела Дрейфуса он был за границей. Его репутация хорошего республиканца была такой же безукоризненной, как и его руки с тщательно сделанным маникюром, выглядел он солидно и совершенно флегматично. Его выдающейся чертой была крайняя молчаливость, которая могла бы показаться у других признаком самоунижения, однако он, нося ее как ореол вокруг своего тучного, спокойного тела, внушал лишь уверенность. До отставки ему еще оставалось пять лет.

Жоффр не был подготовлен к утонченным приемам штабной работы и знал об этом своем недостатке. В один жаркий июльский день, когда двери в Военном министерстве на улице Святого Доминика были распахнуты настежь, кое-кто видел, как генерал По, взяв Жоффра за пуговицу мундира, говорил: «Полно, шер ами, мы дадим вам Кастельно. Он знает все про штабную работу, и все уладится само собой».

Кастельно, выпускник Сен-Сира и Военной академии, был, как и д'Артаньян, родом из Гаскони, где, как говорят, живут люди с горячим сердцем и холодной головой. Он страдал от своих семейных связей с маркизом, от сближения с иезуитами и от личного пристрастия к католицизму, который он исповедовал с таким усердием, что даже получил во время войны прозвище «ле капусин боте» — монах в сапогах. У него, однако, был большой опыт работы в Генеральном штабе. Жоффр предпочел бы Фоша, но, зная, что Мессими испытывает к нему объяснимую неприязнь, выслушал советы По и быстро им последовал.

«Э, — сказал Мессими с сожалением, когда Жоффр попросил назначить Кастельно своим заместителем. — Это вызовет [84] бурю протестов левых партий, и вы наживете себе множество врагов». Тем не менее с согласия президента и премьера, хотя и «состроившего мину», услышав о таком условии, оба назначения были утверждены одновременно. Один знакомый Жоффра, генерал, преследовавший какие-то личные цели, предупредил, что Кастельно может «спихнуть» его. «Избавиться от меня! Ну нет, — ответил невозмутимо Жоффр. — Мне он нужен на шесть месяцев, а потом я его назначу командующим корпусом». Последующие события подтвердили, что Кастельно оказался для него неоценимым и, когда началась война, он, Жоффр, поручил ему командование армией вместо корпуса.

Исключительная уверенность Жоффра в себе проявилась в следующем году, когда его адъютант, майор Александр, решил узнать его мнение о том, скоро ли начнется война.

«Разумеется, скоро, — ответил Жоффр. — Я всегда так считал. Она придет. Я буду сражаться и одержу победу. Мне всегда удавалось выполнять все, за что я брался, — как, например, в Судане. И снова будет так».

«В таком случае вас ждет маршальский жезл», — предположил адъютант, почувствовав трепет при этой мысли. «Да», — согласился Жоффр с хладнокровной лаконичностью.

Под руководством этой невозмутимой фигуры Генеральный штаб взялся в 1911 году за задачу пересмотра Полевого устава, переподготовки войск и составления нового плана кампании с целью замены устаревшего «плана-16».

Фош — направляющий ум штаба — оставил Военную академию, был повышен, затем переведен в действующую армию и, наконец, получил назначение в Нанси, где, по его выражению, граница 1870-го «как шрам перерезала грудь страны». Здесь он командовал XX корпусом, охранявшим границу, который ему суждено было скоро прославить. Он оставил за собой группу сторонников во французской армии, бывших его учениками и входивших в его окружение. Он также оставил после себя стратегический план, послуживший основой «плана-17». Завершенный в апреле 1913 года, он без возражений был принят вместе с Полевым уставом Верховным военным советом в мае того же года. Следующие восемь месяцев прошли в реорганизации армии в рамках этого плана и подготовке инструкций и приказов, мобилизации транспортных и тыловых служб, а также подготовке мест и графиков для развертывания и концентрации войск. К февралю 1914 года план был готов для рассылки по частям [85] каждому командующему из имевшихся тогда пяти армий. Каждый исполнитель получал лишь ту часть плана, которая непосредственно его касалась.

Основную идею этого плана Фош выразил следующим образом: «Мы должны попасть в Берлин, пройдя через Майнц», то есть форсировать Рейн у Майнца, расположенного в 200 километрах к северо-востоку от Нанси. Эта цель была, однако, выражена лишь как идея. В противовес плану Шлиффена «план-17» не содержал ясно выраженной общей директивы и точного графика операций. Это был не оперативный план, а план развертывания войск с указаниями возможных направлений наступления для каждой армии в зависимости от обстоятельств, но без конкретной цели. По существу, это был план ответных действий, отражения немецкого наступления, направления которого французы не могли с твердой уверенностью предсказать заранее, и поэтому он должен был представлять возможность, как сказал Жоффр, «для внесения изменений задним числом и исходя из реальной обстановки». Но главной и неизменной его задачей было: «Наступление!»

Короткая общая директива, выраженная в пяти предложениях, с грифом «секретно», была единственным документом, с которым были ознакомлены все генералы. Они должны были выполнять этот не подлежащий обсуждению план. Однако обсуждать в нем практически было нечего. Как и Полевой устав, и открывался выспренним выражением: «При любых обстоятельствах главнокомандующему надлежит выступить всеми объединенными силами, чтобы атаковать германские армии». Далее в директиве лишь сообщалось, что французская военная кампания будет состоять из двух крупных наступлений — слева и справа от немецкого укрепленного района Мец — Тьонвилль. Части справа, то есть южнее Меца, начнут атаку прямо на восток через старую границу с Лотариигией, в то время как второстепенная операция в Эльзасе предназначалась для того, чтобы вынести французский правый фланг к Рейну. Наступление левее или севернее Меца будет идти на север или, в случае нарушения врагом нейтралитета Бельгии, на северо-восток через Люксембург и бельгийские Арденны. Однако этот маневр мог осуществляться лишь «по приказу главнокомандующего». Главная цель, хотя об этом нигде и не говорилось, заключалась в прорыве к Рейну с одновременной изоляцией и окружением вторгшегося правого крыла немецких армий. [86]

Для этой задачи «план-17» предусматривал развертывание пяти французских армий от Бельфора в Эльзасе до Ирсона с перекрытием примерно трети длины франко-бельгийской границы. Оставшиеся два трети бельгийской границы от Ирсона до моря оказывались незащищенными. Именно вдоль этой полосы и хотел генерал Мишель оборонять Францию. Жоффр обнаружил его план в сейфе, когда занял кабинет Мишеля. По этому плану центр тяжести французских сил был перенесен на крайний левый участок фронта, который Жоффр оставил оголенным. Это был чисто оборонительный план, он не предусматривал возможности для захвата инициативы; он был, как сказал Жоффр после его тщательного изучения, «глупостью».

Французский Генеральный штаб, получивший большое количество данных, собранных Вторым бюро, или военной разведкой, указывавших на возможный охват правым крылом немецких армий, тем не менее считал, что аргументы против такого маневра являются более вескими, чем доказательства его подготовки. Он не придавал значения возможности наступления через Фландрию, хотя сведения об этом были получены при драматических обстоятельствах от одного офицера германского Генерального штаба, выдавшего в 1904 году ранний вариант плана Шлиффена. Во время трех встреч с офицером французской разведки в Брюсселе, Париже и Ницце этот немец приходил с головой, замотанной бинтами так, что из-под них торчал лишь седой ус да пара глаз, бросавших пронзительные взгляды. Документы, которые он передал за значительную сумму, показывали, что немцы планировали пройти через Бельгию в направлении Льеж — Намюр — Шерлеруа и вторгнуться во Францию по долине Уазы через Гиз, Нуайон и Компьен. Этот путь и был избран в 1914 году, доказав тем самым подлинность этих документов. Генерал Ланрезак, тогда начальник французского Генерального штаба, полагал, что эта информация «полностью совпадает с существующей в немецкой стратегии тенденцией, которая подчеркивает необходимость широкого охвата», однако многие его коллеги с этим были не согласны. Они не верили, что немцы смогут мобилизовать достаточное количество войск для маневрирования в таких масштабах, и подозревали, что эти сведения могли быть сфабрикованы с целью отвлечения внимания французов от реального места наступления. Французские стратеги затруднялись решить задачу со многими неизвестными величинами, одной из которых была Бельгия. Логичный французский [87] ум считал, что, если немцы нарушат нейтралитет Бельгии и атакуют Антверпен, это, без сомнения, вовлечет в войну Англию, которая выступит против них. Постижимо ли, чтобы немцы сами себе оказали плохую услугу? Напротив, что более вероятно, Германия

обратится к плану старшего Мольтке и совершит нападение сначала на Россию, которая не сможет быстро провести всеобщую мобилизацию.

Пытаясь предусмотреть «планом-17» ответ на одну из нескольких гипотез немецкой стратегии, Жоффр и Кастельно пришли к выводу, что наиболее вероятным следует считать вражеское наступление через плато Лотарингии. По их расчетам, немцы займут угол Бельгии к востоку от Мааса. Они оценивали силу немцев на Западном фронте — без использования частей резервистов на передовой линии — в двадцать шесть корпусов. «Растянуть такое количество войск до дальнего берега Мааса невозможно», — решил Кастельно. «Я придерживаюсь того же мнения», — сказал Жоффр.

Жан Жорес, великий лидер социалистов, думал по-другому. Ведя кампанию против закона о трехлетней воинской службе, он доказывал в своих речах и книге «Новая армия», что война будущего будет представлять борьбу массовых армий, с зачислением в нее всех граждан, к чему немцы и готовились, и что резервисты от двадцати пяти до тридцати трех лет находятся в расцвете сил и будут более стойкими, чем молодые люди, не отягощенные какой-либо ответственностью. Если Франция, говорил он, не использует резервистов на передовой, ее ожидает жестокая участь быть «поглощенной» противником.

Кроме сторонников «плана-17», находились военные критики, которые выдвигали веские аргументы в пользу оборонительной стратегии. Полковник Груар в книге «Будущая война», опубликованной в 1913 году, писал: «Мы должны прежде всего сосредоточить свое внимание на угрозе наступления немцев через Бельгию. Предвидя, насколько возможно, логические последствия начального этапа нашей кампании, можно не колеблясь утверждать, что если мы сразу же начнем наступление, то потерпим поражение». Но, если Франция подготовится к отражению наступления правого крыла немецких армий, «все шансы будут в нашу пользу».

В 1913 году Второе бюро собрало достаточно информации об использовании немцами резервистов в качестве солдат действующей армии, и французский Генеральный штаб уже не мог [88] игнорировать этот решающий фактор. В руки французов попали комментарии Мольтке на маневры 1913 года, где говорилось о таком использовании резервистов. Майор Мелот, бельгийский военный атташе в Берлине, сообщил о своих наблюдениях, касающихся необычайно большого призыва резервистов в Германии в 1913 году, из чего он заключил, что немцы формируют по одному корпусу резервистов на каждый корпус солдат действующей армии. Однако авторы «плана-17» не хотели менять своих убеждений. Они отвергли доказательства, говорившие о необходимости перехода к оборонительной стратегии, потому что их сердца и надежды, их подготовка и стратегия были неразрывно связаны с наступательной концепцией. Они убеждали сами себя в том, что немцы используют части резервистов только для охраны коммуникационных линий и для «пассивных фронтов», а также как крепостные и оккупационные войска. Они сами отклонили идею обороны границы с Бельгией, утверждая, что, если немцы растянут войска по всему правому флангу, вплоть до Фландрии, их центр окажется настолько тонок, что французы, по выражению Кастельно, разрежут его пополам. Усиление правого крыла германских армий даст французам преимущество в численности войск в центре и на левом фланге. Смысл этого был заключен в классической фразе Кастельно: «Тем лучше для нас!»

Генерал Леба, покидая улицу Святого Доминика, где он совещался по этому вопросу, сказал, обращаясь к своему заместителю: «У него три звезды на рукаве, а у меня две. Как я могу с ним спорить?»

«Каждый английский солдат...»

Начало разработки Англией и Францией совместных военных планов относится к 1905 году, когда Россия потерпела от японцев поражение, имевшее далеко идущие последствия: оно нарушило равновесие сил в Европе. Неожиданно и одновременно правительства всех стран поняли, что, если бы они выбрали этот момент для развязывания войны, Франция оказалась бы без союзника. Германия сразу же решила произвести пробу сил. Три недели спустя после поражения русских под Мукденом в 1905 году Франции был брошен вызов: 31 марта произошло сенсационное появление кайзера в Танжере. Французам стало ясно, что Германия вновь пытается прощупать возможность осуществления того «опять» и использует ее если не сейчас, то в скором времени.

«Как и другие, я приехал в Париж в тот день в девять утра, — писал поэт Шарль Пеги. — Как и многие, в одиннадцать тридцать я знал, что в течение этих двух часов начался новый период в истории моей жизни, в истории моей страны, в истории мира».

Что касается его жизни, то слова Пеги оказались пророческими. В августе 1914 года он пошел добровольцем на военную службу и был убит в бою под Марной 7 сентября. [90] Англия так же резко реагировала на вызов в Танжере. Ее военные институты в то время подвергались коренной перестройке, которой руководил комитет лорда Эшера. Кроме него, в комитет входил энергичный первый морской лорд сэр Джон Фишер, сотрясавший флот взрывами своих реформ, а также армейский офицер сэр Джордж Кларк, известный своими современными идеями в области стратегии империи. «Триумвират Эшера» создал имперский комитет обороны для руководства политикой, касающейся ведения войны, в который Эшер вошел как постоянный член, а Кларк — как секретарь. «Комитет Эшера» даровал армии пока безгрешный Генеральный штаб. Как раз в то время, когда кайзер, нервничая, разъезжал по улицам Танжера на слишком горячем белом коне, Генеральный штаб проводил теоретическую военную игру, основанную на предположении, что немцы пойдут через Бельгию широким фланговым маневром на север и запад от Мааса. Карта маневров заставила начальника отдела военных операций генерала Грирсона и генерала Робертсона сделать вывод, что шансов остановить немецкой наступление почти не будет, если «английские войска не прибудут на место боев быстро и в достаточном количестве».

В то Время англичане рассчитывали на ведение кампании в Бельгии только своими силами. Бальфур, консервативный премьер-министр, немедленно попросил представить ему доклад о том, как быстро удастся отправить четыре дивизии и высадить эти войска в Бельгии в случае вторжения Германии. В разгар кризиса, когда Грирсон и Робертсон находились на континенте, изучая местность вдоль франко-прусской границы, правительство Бальфура оказалось не у дел.

Нервы у всех сторон были напряжены до предела в ожидании, что Германия, возможно, воспользуется поражением России и начнет войну грядущим летом. Никаких, планов взаимодействия английских и французских армий еще не существовало. Поскольку Британия переживала муки предстоящих всеобщих выборов и все министры разъехались по стране, участвуя в предвыборной борьбе, французы были вынуждены сделать неофициальные предложения. Их военный атташе в Лондоне майор Угё вступил в контакт с активным и деятельным посредником полковником Репингтоном, военным обозревателем газеты «Таймс», который с благословения Эшера и Кларка начал переговоры.

В меморандуме, представленном французскому правительству, Репингтон спрашивал:

«Можем ли мы считать в принципе решенным вопрос о том, что Франция не пересечет бельгийских границ, если ее не вынудит к этому Германия, первой нарушив нейтралитет Бельгии?»

«Определенно да», — ответили французы.

Понимают ли французы, спрашивал полковник, намереваясь одновременно и предупредить и подсказать, что «любое нарушение бельгийского нейтралитета означает для нас автоматическое выполнение наших договорных обязательств?» За всю историю ни одно английское правительство не брало на себя обязательств автоматически предпринимать какие-либо действия в случае определенных обстоятельств, однако полковник, закусив удила, мчался во весь опор, опережая события.

«Франция всегда рассчитывала на это, — был несколько ошеломляющий ответ, — однако мы никогда не получали официальных подтверждений этому».

Посредством других наводящих вопросов полковник выяснил, что французы не очень верили в успех независимой английской кампании в Бельгии и считали, что объединенное командование — французское на суше и английское на море — совершенно необходимо». Тем временем на выборах победили либералы. Традиционно выступая против войны и авантюр за границей, они были уверены в том, что добрые намерения могут сохранить мир. Их новым министром иностранных дел стал сэр Эдвард Грей, переживший смерть своей жены, скончавшейся через месяц после его назначения на пост. Новый военный министр в кабинете, Ричард Холдейн был юристом и приверженцем немецкой философии. Когда его спросили в Комитете обороны, какую армию он хотел бы создать, он ответил: «Гегелевскую». «После этого разговор прекратился», — писал он.

Грей, которого французы пытались осторожно прощупать, дал понять, что у него нет намерения «отступать» от заверений, данных Франции его предшественником. В первую же неделю своего пребывания в кабинете он спросил Холдейна, разработаны ли Англией какие-либо мероприятия на случай выступления вместе с Францией при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Холдейн просмотрел все папки, но ничего не обнаружил. Проведенное им расследование показало, что переброска четырех дивизий на континент займет два месяца.

Грей поинтересовался, нельзя ли провести в качестве «военной меры предосторожности» переговоры двух Генеральных [92] штабов, не связывая при этом Англию какими-либо обязательствами. Холдейн проконсультировался с премьер-министром сэром Генри Кэмпбеллом-Баннерманом. Несмотря на свою партийную принадлежность, Кэмпбелл-Баннерман лично был любителем всего французского и даже иногда отправлялся на пароходе через пролив, чтобы пообедать в Кале. Он дал свое согласие на переговоры между штабами, хотя и с некоторыми оговорками, в отношении упора на «совместные приготовления». Приближаясь, по его мнению, при существующем положении дел «весьма близко к почетному взаимопониманию», страны могли нарушить привлекательную свободу Антанты. Дабы избежать подобных неприятностей, Холдейн устроил так, что для французов было составлено письмо, которое подписали генерал Грирсон и майор Уге, гласившее, что эти переговоры ни к чему не обязывают Англию. Установив такую безопасную формулу, он дал согласие на открытие переговоров. Таким образом, он, Грей и премьер-министр, не поставив в известность других членов кабинета, дали возможность событиям развиваться по воле военных.

С этого момента к делу приступили Генеральные штабы. Английские офицеры, среди которых был генерал Френч, прославивший свое имя во время англо-бурской войны, присутствовали в то лето на французских маневрах. Грирсон и Робертсон в сопровождении майора Уге вновь посетили пограничные районы. После консультаций с Генеральным штабом Франции они наметили базы высадки и опорные пункты на всем протяжении от Шарлеруа до Намюра и далее до Арденн, основываясь на предположении, что немцы начнут наступление через Бельгию.

«Триумвират Эшера» тем не менее стал принципиально возражать против использования британской армии как простого придатка французской, и, после того как напряжение, вызванное Марокканским кризисом, ослабло, совместное планирование, начатое в 1905 году, топталось на месте. Генерал Грирсон был смещен. В соответствии с господствующим тогда мнением, выразителем которого был лорд Эшер, предпочтение отдавалось проведению операции в Бельгии независимо от французского командования, поскольку вопрос защиты Антверпена и прилегающего побережья непосредственно затрагивал интересы Британии.

Лорд Фишер решительно требовал, чтобы Англия вела в основном войну на море. Он выражал сомнение по поводу боевых качеств французов, считая, что немцы разобьют их на суше и что нет смысла отправлять английскую армию на континент, где она лишь разделит участь побежденных.

Единственной сухопутной операцией, которую он поддерживал, был стремительный десант в тылу немцев. Он подобрал для него точное место — «десятимильная полоса твердого песка» в Восточной Пруссии. Здесь, всего лишь в ста пятидесяти километрах от Берлина, в ближайшем пункте от германской столицы, достижимом с моря, британские войска, доставленные кораблями, смогли бы захватить и удерживать плацдарм, то есть «занять делом миллион немцев». {115} Кроме этих боев, армия должна быть «использована исключительно для неожиданных ударов по побережью, освобождения Гельголанда и гарнизонной службы в Антверпене». По мысли Фишера, план кампании во Франции был «самоубийственным идиотизмом», а поскольку военное министерство отличалось некомпетентностью в военных делах, то армию следовало бы подключить к флоту «как его придаток».

Уже в 1910 году Фишер, достигший шестидесяти девяти лет, был освобожден от руководства Адмиралтейством с одновременным присвоением ему звания пэра, однако на этом его деятельность не закончилась.

После чрезвычайных событий 1905 — 1906 годов в течение последующих нескольких лет дело составления совместных планов с французами почти не двигалось вперед. За это время два человека, находившиеся на противоположных берегах пролива, подружились, что привело в дальнейшем к «наведению моста» через Ла-Манш.

В то время английский штабной колледж находился под командованием бригадного генерала Генри Вильсона, высокого, костлявого, неутомимого человека англо-ирландского происхождения, с лошадиным лицом, быстрого, нетерпеливого. В нем постоянно бурлили идеи, страсти, воображение, а больше всего избыток энергии. Еще во время службы в Военном министерстве он имел привычку бегать по утрам трусцой вокруг Гайд-парка, держа под мышкой газету, которую он читал, когда переходил на шаг. Воспитанный целой плеядой французских гувернанток, он свободно говорил по-французски. Меньший интерес вызывал у него немецкий язык. В 1909 году Шлиффен опубликовал в «Дойче ревю» статью без подписи, в которой протестовал против

изменений, внесенных в его план Мольтке, сменившим его на посту начальника Генерального штаба. Были [94] раскрыты основные контуры, если не детали, охвата французских и английских армий, личность автора статьи не вызывала сомнений. Когда один слушатель колледжа в Кэмберли обратил на это внимание командующего Вильсона, тот небрежно заметил: «Очень интересно».

В декабре 1909 года генералу Вильсону пришло в голову посетить своего коллегу, начальника Эколь суперьер — Военной академии — генерала Фоша. Он присутствовал на четырех лекциях и семинаре, после чего был вежливо приглашен Фошем на чай.

Генерал Вильсон, загоревшийся энтузиазмом после всего услышанного и увиденного, беседовал с ним более трех часов. Когда Фош смог наконец проводить своего посетителя к двери и, как надеялся, пожелать ему всего хорошего, Вильсон с восторгом заявил, что придет на другой день продолжить разговор и просмотреть дополнительные материалы. Фош не мог не прийти в восхищение от этого «элана» — «душевного подъема» англичанина. Во время второго разговора они открыли душу друг другу. Через месяц Вильсон вновь прибыл в Париж для участия еще в одной сессии. Фош принял приглашение приехать в Лондон весной, а Вильсон согласился нанести ответный визит французскому Генеральному штабу летом.

В Лондоне Фош был представлен Вильсоном Холдейну и другим руководителям Военного министерства. Ворвавшись в комнату одного из своих коллег, он крикнул:

«Я привел сюда Фоша — французского генерала. Запомни мои слова — этот парень будет командовать союзными армиями, когда начнется война».

В данном случае Вильсон уже имел в виду принцип единого командования и даже избрал человека для руководства им, хотя для того, чтобы его предсказание сбылось, потребовалось пройти через четыре года войны и оказаться на грани военного поражения.

После 1909 года в результате непрекращающихся визитов оба стали такими закадычными друзьями, что Вильсон стал своим человеком в семье француза и был приглашен на свадьбу дочери Фоша. Вместе со своим другом Анри Фош мог проводить часы «в задушевных беседах», как сказал один их знакомый. Прогуливаясь вдвоем, один высокий, а другой маленького роста, они обменивались мыслями, порою ведя жаркие споры. На Вильсона производила особенное впечатление та решительность и быстрота, с которой проводились занятия во Французской Военной академии. Офицеры-преподаватели постоянно подгоняли офицеров-слушателей: «Вит, вит!» — «Быстрей, быстрей!» — и «Алле, алле!» — «Живее, живее!» Введенная на занятиях штабного колледжа в Кэмберли, эта система гонки быстро получила прозвище «операция Вильсона «Алле»».

Во время своего второго визита в январе 1910 года Вильсон задал Фошу вопрос: «Какое наименьшее количество английских войск могло бы потребоваться для оказания вам практической помощи?»

> Ответ Фоша сверкнул как сталь рапиры: «Один английский солдат, а мы позаботимся, чтобы он сразу погиб».

В этой лаконичной фразе отразился взгляд французов на всю проблему союза с Англией.

Вильсон, однако, хотел, чтобы Англия взяла на себя определенные обязательства. Убежденный, что война с Германией неизбежна, он внушал своим коллегам и ученикам

мысль о необходимости срочных мер и сам полностью отдался осуществлению этой идеи. В 1910 году удобный случай представился. Он был назначен начальником оперативного управления — пост, на котором генерал Грирсон начал с французами переговоры на уровне штабов. Когда майор Уге прибыл с визитом к Вильсону, чтобы посетовать на отсутствие с 1906 года прогресса в решении этого важного вопроса англо-французского сотрудничества, он услышал в ответ: «Важный вопрос! Это вопрос жизни и смерти! Иначе и быть не может!»

Это послужило толчком к возобновлению совместного планирования. Вильсон не видел ничего, кроме Франции и Бельгии, и не бывал нигде, кроме этих двух стран. Во время своего первого визита в 1909 году, передвигаясь на поезде и на велосипеде, он в течение десяти дней осмотрел франко-бельгийскую и франко-германскую границу от Валансьенна до Бельфора. Он нашел, что «оценка германского наступления через Бельгию, данная Фошем, совпадает с моей и что важнейшая линия будет проходить через Верден и Намюр», другими словами, восточнее Мааса. В течение последующих четырех лет Вильсон совершал по три-четыре поездки ежегодно на велосипеде или на автомобиле по районам боев 1870 года или предполагаемым в будущем в Лотарингии и Эльзасе. Во время каждого визита он консультировался с Фошем, а после ухода Фоша — с Жоффром, Кастельно, Дюбвем и другими представителями французского Генерального штаба. [96]

В кабинете Вильсона в Военном министерстве всю стену занимала карта Бельгии. Те дороги, по которым, как считалось, двинутся немецкие войска, были обведены черной жирной линией. Когда Вильсон пришел в Военное министерство, он увидел, что из-за новых порядков, введенных Холдейном, прозванным «Шопенгауэром от генералов», регулярная армия была тщательно обучена, подготовлена и реорганизована для того, чтобы в любой момент суметь выполнить роль экспедиционного корпуса. Одновременно были осуществлены все мероприятия для доведения ее численности до уровня военного времени в случае мобилизации. Однако в отношении ее транспортировки через пролив Ла-Манш, размещения, обеспечения продовольствием, а также взаимодействия с французскими частями никаких планов не существовало.

Летаргия, охватившая штаб в отношении этих проблем, вызывала у Вильсона периодические приступы бешенства, о чем свидетельствует дневник:

«...Зол страшно... нет планов железнодорожных перевозок... нет планов пополнения конного состава... положение дел скандальное! Нет планов доставки войск в порты... нет планов использования портов, не спланирована переброска морем... абсолютно никаких медицинских приготовлений... затруднения с конным транспортом не преодолены... практически ничего нет, скандально! ...Ужасная неподготовленность...» И все же к марту 1911 года, несмотря на отсутствие и планов, и мероприятий, и лошадей, ему удалось составить график мобилизации, по которому «все шесть пехотных дивизий грузятся на транспорты на 4-й день, кавалерия — на 7-й день, артиллерия — на 9-й день».

Все это оказалось очень своевременным. Первого июля 1911 года «Пантера» подошла к Агадиру. Во всех правительственных кругах Европы витало слово: «Война». Вильсон поспешно прибыл в Париж как раз тогда, когда Военный совет Франции вывел из своего состава генерала Мишеля и полностью отказался от оборонительной стратегии. Вместе с генералом Дюбаем он составил меморандум, предусматривавший в случае вмешательства Англии высадку экспедиционного корпуса из шести пехотных и одной кавалерийской дивизии. В документе, подписанном Вильсоном и Дюбаем 20 июля, указывалась общая численность войск — 150 тысяч человек и 67 тысяч лошадей, которых надлежало

доставить в Гавр, Булонь и речной порт Руан между четвертым и двенадцатым днем мобилизации.

Из этих пунктов войска нужно было перебросить по железной дороге в район сосредоточения у Мобежа; достижение полной боеготовности намечалось на тринадцатый день мобилизации.

В действительности же соглашение между Дюбаем и Вильсоном привязывало в случае начала войны и вступления в нее Англии британскую армию к французской, причем она должна была продолжить французскую линию обороны и прикрыть левый фланг от обхода. Оно означало, как об этом с радостью писал майор Уге, что французы убедили Вильсона и английский Генеральный штаб не открывать «еще одного театра военных действий» и согласиться на совместные операции «на главном, то есть французском, фронте». Практически этому способствовали не только действия французов, но и позиция, занятая командованием английского флота, которое отказалось гарантировать безопасность высадки войск в портах, расположенных выше линии Дувр — Кале, что, в свою очередь, исключало десантирование поблизости или на территории самой Бельгии.

Как писал в своем дневнике Вильсон, после возвращения в Лондон он столкнулся с главным вопросом дня — начнет ли Германия войну против «французов и нас». После консультаций с Греем и Холдейном за завтраком он выступил с четкой программой из трех пунктов.

«Первое — мы должны объединиться с французами. Второе — мы должны провести мобилизацию в тот же день, что и Франция. Третье — мы должны отправить все шесть дивизий».

Вильсон чувствовал «глубокое неудовлетворение» по поводу той оценки, которую высказали оба штатских государственных деятеля. Однако ему сразу же представился еще один удобный случай дать правительству урок по вопросам ведения войны. Двадцать третьего августа премьер-министр Асквит (преемник Кэмпбелла-Баннермана с 1908 года) созвал специальное секретное совещание имперского Комитета обороны, чтобы определить стратегию Британии в случае войны. На заседании, продолжавшемся весь день, с разъяснением точки зрения армии утром выступил генерал Вильсон, а к вечеру слово взял адмирал сэр Артур Вильсон, рассказавший о стратегии флота. Помимо Асквита, Грея и Холдейна, присутствовали еще три члена кабинета: министр финансов Ллойд Джордж, первый лорд Адмиралтейства Маккена и министр внутренних дел, молодой человек тридцати семи лет, который, занимая не совсем подходящий для него пост, засыпал премьер-министра идеями по [98] вопросам стратегии армии и флота. Эти здравые и полезные замечания явились необычайно точным прогнозом хода будущих боев. Этот человек не имел также никаких сомнений относительно того, что нужно делать. Министром внутренних дел был Уинстон Черчилль.

Вильсон, которому, по его выражению, противостояла эта группа «невежд», будучи на заседании в сопровождении генерала Френча, «ничего не знавшего по данному вопросу», прикрепил большую карту Бельгии к стене и выступил с лекцией, продолжавшейся около двух часов. Он развеял множество иллюзий, объяснив, что Германия, рассчитывая на медленную мобилизацию России, направит основную часть своих сил против французов, используя преимущество в живой силе. Он правильно раскрыл сущность немецкого плана охвата правым крылом, но, воспитанный на французских теориях, оценил силы противника, находящиеся западнее Мааса, не более как в четыре дивизии. Он утверждал,

что если все шесть дивизий будут отправлены на фронт сразу же с началом войны, то шансы на то, чтобы остановить немцев, будут благоприятными.

Когда к вечеру наступила очередь адмирала, штатские были поражены, узнав, что план флота не имеет ничего общего с предложениями армии. Флот намеревался высадить экспедиционные войска не во Франции, а на «десятимильной полосе твердого песка» у северных берегов Восточной Пруссии, где десант оттянул бы «более чем значительное количество войск» из германских передовых эшелонов. Генералы сразу же бросились в бой против адмиральских доводов. Отсутствие лорда Фишера привело к тому, что Асквит в замешательстве отклонил этот план. Армия праздновала победу. Однако презрительные замечания в ее адрес еще долго срывались с уст Фишера.

«Подавляющее превосходство британского флота... — единственное средство, чтобы удержать немцев от захвата Парижа», — писал он своему другу спустя несколько месяцев.

> «Наши вояки глупо смешны в своих абсурдных идеях войны, но, к счастью, они бессильны. Мы должны захватить именно Антверпен, а не заниматься глупостями на границе в Вогезах».

Определенная логика в идее захвата Антверпена продолжала влиять на английское стратегическое мышление вплоть до последней минуты в 1914 году и даже позднее.

Это заседание в августе 1911 года, как и совещание французского Военного совета, отказавшегося от услуг генерала Мишеля, [99] оказало решающее воздействие на направление английской военной стратегии и имело далеко идущие последствия. Специальным решением в руководстве флота была произведена перетряска, и первым лордом Адмиралтейства стал, к счастью, энергичный министр внутренних дел, оказавшийся незаменимым человеком на этом посту в 1914 году.

Отзвуки секретного совещания Комитета имперской обороны вызвали гнев тех членов кабинета, которые на него не были приглашены и принадлежали к строго пацифистскому крылу партии. Генри Вильсон узнал, что его считали главным злодеем, замыслившим это совещание, и что даже раздавались голоса, требовавшие его головы. С этого момента в кабинете начался раскол, достигший апогея в решающие дни кризиса. Правительство придерживалось позиции, сводившейся к тому, что «беседы» военных были, по словам Холдейна, «всего лишь неофициальным и естественным результатом нашей дружбы с французами». Возможно, они были естественным результатом, но переговоры не могли быть неофициальными. Лорд Эшер подал премьер-министру весьма реалистичную мысль о том, что совместные планы, разработанные генеральными штабами, «определенно связали нас обязательствами сражаться, хочет этого кабинет или нет». Нигде не записано, какой ответ на этот злободневный вопрос дал Асквит, что же касается его сокровенных мыслей, то их редко удавалось узнать даже при самых благоприятных обстоятельствах.

В следующем, 1912 году с Францией было достигнуто морское соглашение. Оно явилось результатом одной важной миссии — не в Париж, а в Берлин. Пытаясь отговорить немцев от принятия нового закона о военно-морском флоте, предусматривавшего его расширение, Холдейн отправился на переговоры с кайзером, Бетман-Хольвегом, адмиралом Тирпицем и другими германскими лидерами. Это была последняя попытка добиться англо-германского взаимопонимания, но она провалилась. В качестве компенсации за сохранение своего флота на более низком уровне, чем английский, немцы требовали от Англии обещания придерживаться нейтралитета в случае войны между Германией и Францией. На это английская сторона ответила отказом.

Холдейн вернулся с убеждением, что рано или поздно придется дать отпор стремлению Германии к гегемонии в Европе:

«Познакомившись с германским Генеральным штабом, я понял, что, как только немецкая военная партия прочно сядет [100] в седло, война будет вестись не просто за захват Франции или России, а за достижение мирового господства».

Этот сделанный Холдейном вывод сильно повлиял на мышление либералов и их планы. Его первым результатом было заключение морского пакта с Францией, в соответствии с которым англичане обязались защищать пролив Ла-Манш и побережье Франции от нападения врага, дав французскому флоту возможность сосредоточиться в Средиземноморье.

Хотя условия соглашения не были известны кабинету в целом, его члены испытывали беспокойство, опасаясь, что дела зашли слишком далеко. Не удовлетворившись устной формулировкой «никаких обязательств», антивоенная группа настаивала, чтобы она была зафиксирована в письменном документе. Сэр Эдвард Грей был вынужден направить французскому послу Камбону письмо. Составленное и одобренное кабинетом, оно являло собой образец изворотливости. Переговоры между военными, говорилось в нем, оставляют в будущем обе стороны свободными при решении вопроса, «оказывать или нет взаимную помощь вооруженными силами». Морское соглашение «не было основано на обязательстве сотрудничать в войне». При военной угрозе обе стороны «примут во внимание» планы своих генеральных штабов и «затем решат, какое значение им придать».

Этот любопытный документ удовлетворял всех — французов, потому что теперь весь английский кабинет официально признал существование совместных планов, антивоенную группу, поскольку в нем было указано, что Англия «не связана обязательствами», и самого Грея, который был доволен тем, что ему удалось разработать формулу, спасшую его планы и успокоившую его противников. Добиваться заключения определенного союза, на чем настаивали в некоторых кругах, означало бы, по его словам, «вызвать раскол в кабинете». После Агадира, когда каждый год приносил новый кризис, а тучи на горизонте сгущались, предвещая приближающуюся бурю, совместная работа генеральных штабов стала вестись более интенсивно. Поездки сэра Генри Вильсона за границу участились. Он находил, что новый начальник французского Генерального штаба генерал Жоффр был «отличным, мужественным, спокойным офицером с сильным характером и большой решимостью», а Кастельно — «очень умным и эрудированным». Он разъезжал на велосипеде, продолжая осмотры бельгийской границы, [101] постоянно возвращаясь к излюбленному им месту боев 1870 года в Марс-ла-Тур около Меца, где всякий раз при виде скульптуры «Франция», воздвигнутой в память этих событий, его охватывало чувство боли. После одной такой поездки он записал:

«Я положил у ее подножия кусочек карты, бывшей при мне, на которой были отмечены районы концентрации британских сил на территории нашего союзника».

В 1912 году он изучил вновь построенные германские железнодорожные линии, сходившиеся к бельгийской границе в Аахене. В феврале того года разработка совместных англо-французских планов достигла такой стадии, что генерал Жоффр уже смог сообщить Высшему военному совету о своих расчетах на «английские шесть пехотных и одну кавалерийскую дивизию, а также две конные бригады, общей численностью 145 000 человек».

«Ль'Арме «W» — «Армия дубль ве», то есть английские поиска, названные так французами в честь Генри Вильсона, должны были высадиться в Булоне, Гавре и Руане, сконцентрироваться в районе Ирсон — Мобёж и достигнуть полной боеготовности на пятнадцатый день мобилизации. Позднее, в 1912 году, Вильсон присутствовал на маневрах совместно с Жоффром, Кастельно и русским великим князем Николаем, после чего отправился в Россию для переговоров с ее Генеральным штабом. В 1913 году он каждый месяц посещал Париж для совещаний с представителями французского Генерального штаба. Он также наблюдал за маневрами XX корпуса Фоша, охранявшего границу.

Пока Вильсон укреплял и совершенствовал связи с французами, новый начальник британского имперского Генерального штаба сэр Джон Френч попытался в 1912 году возродить идею о независимых военных действиях на территории Бельгии. Осторожное зондирование, проведенное английским военным атташе в Брюсселе, положило конец этим надеждам. Как выяснилось, бельгийцы упрямо придерживались принципа строгого соблюдения своего нейтралитета. Когда английский военный атташе поставил вопрос о возможных совместных мероприятиях и деле обеспечения высадки войск при условии, что Германия первой нарушит нейтралитет Бельгии, ему было сказано, что Англии придется подождать, пока к ней не обратятся с просьбой о помощи. Британскому посланнику, наводившему справки но своим каналам, было сказано, что, если британские [102] войска высадятся до вторжения Германии или без официальной просьбы об этом со стороны Бельгии, ее войска окажут им сопротивление.

Строгое соблюдение бельгийцами принципа нейтралитета подтвердило мысль, которую Англия непрерывно внушала французам: все будет зависеть от того, нарушит ли Германия первая нейтралитет этой страны. Лорд Эшер предупреждал майора Уге в 1911 году: «Никогда, ни под каким предлогом, не допускайте того, чтобы французским военным руководителям пришлось первым пересечь границы Бельгии!» Если они так поступят, Англия уже не сможет выступить на их стороне, если же это сделают немцы, то британские войска начнут военные действия против них. Камбон, французский посол в Лондоне, выразил эту мысль по-другому. Он подчеркнул, что только в случае нападения Германии на Бельгию Франция сможет рассчитывать на поддержку Англии.

Весной 1914 года совместная работа французского и английского генеральных, штабов закончилась составлением настолько тщательно разработанных планов, что каждый батальон знал пункт своего расквартирования и даже место, где его солдаты будут пить кофе. Количество выделяемых французской стороной железнодорожных вагонов, переводчиков, подготовка шифров и кодов, снабжение лошадей фуражом — все эти вопросы были либо решены, либо, как полагали, должны быть урегулированы к июлю. Сам факт того, что Вильсон и его офицеры находились в тесном контакте с французами, тщательно скрывался. Вся работа по «плану W», как называлась обоими штабами переброска британского экспедиционного корпуса, выполнялась в строжайшем секрете и была поручена только десяти офицерам, которые сами печатали на машинках документы, подшивали дела и выполняли другие канцелярские обязанности. Пока военные готовили будущие сражения, политические деятели, укрыв голову одеялом под лозунгом «Никаких обязательств», решительно отказывались вникать в их дела.

Русский «паровой каток»

Русский колосс оказывал волшебное действие на Европу. На шахматной доске военного планирования огромные размеры и людские резервы этой страны имели самый большой вес. Несмотря на ее неудачи в японской войне, мысль о «русском паровом катке» утешала и ободряла Францию и Англию.

Кавалерийская лавина казаков производила такое сильное впечатление на европейские умы, что многие газетные художники рисовали ее с подробнейшими деталями, находясь за тысячу километров от русского фронта. Казаки и неутомимые миллионы упорных, терпеливых русских мужиков, готовых умереть, создавали стереотип русской армии. Ее численность вызывала ужас: 1423000 человек в мирное время, еще 3115000 при мобилизации составляли вместе с 2000000 территориальных войск и рекрутов 6 500 000 человек.

Русская армия представлялась гигантской массой, пребывающей в летаргическом сне, но, пробужденная и пришедшая в движение, она неудержимо покатится вперед, волна за волной, невзирая на потери, заполняя ряды павших новыми силами. Усилия, предпринятые после войны с Японией, для устранения некомпетентности и коррупции в армии привели, как думали, [104] к некоторому улучшению положения. «Каждый французский политик находился под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов, потенциальной мощи и богатства», — писал сэр Эдуард Грей в апреле 1914 года в Париже, где он вел переговоры по вопросу заключения морского соглашения с русскими. Он и сам придерживался тех же взглядов.

«Русские ресурсы настолько велики, — сказал он как-то президенту Пуанкаре, — что в конечном итоге Германия будет истощена даже без нашей помощи России».

Для французов успех «плана-17» был испытанием сил всей нации и одним из величайших моментов в истории Европы. Чтобы обеспечить прорыв в центре, Франция нуждалась в помощи России, которая оттянула бы на себя часть германских сил. Проблема состояла в том, чтобы заставить русских начать наступление на Германию с тыла одновременно с началом военных действий французами и англичанами на Западном фронте, то есть как можно ближе к пятнадцатому дню мобилизации. Французам, как и другим в Европе, было известно, что Россия физически не в состоянии закончить мобилизацию и концентрацию своих войск к этому сроку, но для них было важно, чтобы русские начали наступление теми силами, которые окажутся у них в готовности. Западные страны были полны решимости принудить Германию вести войну на два фронта с самого начала, стремясь сократить численное превосходство немцев по отношению к своим армиям.

В 1911 году генерал Дюбай, начальник штаба Военного министерства, был отправлен в командировку в Россию, чтобы внушить русскому Генеральному штабу идею о необходимости захвата инициативы. Хотя большая часть русских войск должна была выступить против Австро-Венгрии и только половина ее частей могла быть готова к действиям на германском фронте на пятнадцатый день мобилизации, настроение в Петербурге было боевое и радужное. Дюбай добился обещания, что, как только передовые части займут исходные рубежи, русские, не дожидаясь окончания концентрации своих дивизий, нанесут удар через границы Восточной Пруссии на шестнадцатый день мобилизации. «Мы должны нацелиться на сердце Германии, — признавал царь в подписанном соглашении. — Задачей обеих наших сторон должен быть захват Берлина».

Пакт о немедленном русском наступлении был окончательно оформлен и детализирован на ежегодных штабных совещаниях, которые являлись характерной чертой франко-русского союза. [105]

В 1912 году генерал Жилинский, начальник русского Генерального штаба, прибыл в Париж, а в 1913 году генерал Жоффр направился в Россию. К тому времени русские военные круги уже были увлечены манящей идеей «элана» — порыва. После Маньчжурии им также нужно было чем-то компенсировать унизительные военные поражения и позорные недостатки своей армии. Лекции полковника Гранмезона, переведенные на русский язык, пользовались огромным успехом. Ослепленный доктриной «наступление до последнего», Генеральный штаб России зашел еще дальше. Генерал Жилинский обязался в 1912 году привести в боевую готовность 800000 солдат, предназначенных для германского фронта, на пятнадцатый день мобилизации, хотя русские железные дороги были явно не приспособлены для выполнения такой задачи. В 1913 году он перенес дату наступления на два дня вперед, хотя военные заводы страны производили не более двух третей требуемого количества артиллерийских снарядов и менее половины винтовочных патронов.

Союзники не беспокоились всерьез по поводу недостатков русской военной системы. Главные из них: плохая разведка, пренебрежение маскировкой, разглашение военных тайн, отсутствие мобильности, неповоротливость, безынициативность и недостаток способных генералов. Тем не менее Генеральные штабы полагали, что самое главное — это привести в движение русского гиганта, независимо от того, как он будет действовать. Это было довольно трудно. Во время мобилизации русского солдата надо было перебросить в среднем за тысячу километров, что в четыре раза больше, чем в среднем для германского солдата, а в России на каждый квадратный километр приходилось железных дорог в 10 раз меньше, чем в Германии. В качестве оборонительной меры русская железнодорожная колея была сделана шире, чем у немцев. Значительные французские ассигнования на железнодорожное строительство еще не дали результатов. Однако, даже если из 800 000 солдат, обещанных русскими для германского фронта, только половина смогла бы занять исходные позиции для начала наступления на пятнадцатый день мобилизации, их вторжение на германскую территорию произвело бы, как полагали, огромный эффект, несмотря на все недостатки русской военной машины.

Отправка современных армий для участия в сражениях на вражеской территории, учитывая в особенности неудобства, связанные с разными системами железных дорог, является весьма [106] рискованным и сложным предприятием, требующим колоссальных организационных усилий. Систематическое же внимание к деталям не было отличительной чертой русской армии.

Верхушка офицерского корпуса отяжелела от избытка престарелых генералов, утруждавших свои мозги только лишь карточной игрой. Несмотря на их явную бесполезность, они числились на действительной службе, что давало им право на дворцовые привилегии и сохраняло престиж. Офицеры назначались и получали повышение в основном благодаря связям в обществе или в деловом мире, и, несмотря на то, что среди них было много смелых и способных воинов, сама система не давала возможности лучшим из них попасть наверх. «Лень и отсутствие интереса к физическим упражнениям» неприятно поразила английского военного атташе, который во время посещения военного гарнизона на афганской границе не увидел «ни одного теннисного корта».

В ходе чистки после японской войны большое число офицеров ушло в отставку или было уволено со службы в связи с мерами по укреплению руководства армией. За один год в отставку были отправлены 341 генерал — почти столько же, сколько имелось во всей французской армии, — и 400 полковников, как не справляющихся со своими обязанностями. Несмотря на улучшения в денежном обеспечении и системе продвижения по службе, в 1913 году армии не хватало 3000 офицеров. После русско-японской войны много было сделано для того, чтобы избавиться от гнили в войсках, но сущность русского режима оставалась прежней.

«Этот психически ненормальный режим — так называл его граф Витте, самый рьяный его защитник, занимавший пост премьера в период 1903 — 1906 годов, — есть переплетение трусости, слепоты, лукавства и глупости».

Во главе его находился суверен, имевший лишь одну цель государственного правления — сохранение целостности абсолютной монархии, завещанной ему отцом. Лишенный интеллекта, энергии и не подготовленный для такой задачи, он находил утешение в личных фаворитах, предавался капризам и чудачествам — обычным развлечениям пустоголового самодержца. Отец его, Александр III, который из определенных соображений не хотел посвящать сына в премудрости правления страной до тридцати лет, к несчастью, неправильно высчитал примерную продолжительность своей жизни и умер, когда Николаю было двадцать шесть [107] лет. Новый царь, достигший теперь 46-летнего возраста, так ничему и не научился за прошедшие годы, а впечатление спокойствия, которое он производил, было в действительности апатией, безразличием ума, настолько не выдающегося, что его можно было сравнить с плоской поверхностью. Когда ему принесли телеграмму с сообщением о разгроме русского флота под Цусимой, царь, прочитав ее, запихнул в карман и отправился продолжать партию в теннис. Премьер Коковцев, возвратившийся из Берлина в ноябре 1913 года, лично представил царю доклад о германских приготовлениях к войне, Николай слушал, смотря на него напряженным, немигающим взором — «прямо мне в глаза». После длительной паузы, наступившей после окончания доклада, он, «как будто пробудившись от сна», сказал мрачно: «Да будет на то воля Божья». На самом же деле, как решил Коковцев, царю было просто скучно.

Основание режима покоилось на муравьиной куче тайной полиции, проникшей в каждое министерство, управление и провинциальный департамент в такой степени, что даже сам граф Витте был вынужден каждый год помещать свои мемуары и записки в банковский сейф во Франции. Когда другой премьер, Столыпин, был убит в 1911 году, то преступники, как выяснилось, являлись агентами тайной полиции, провокаторами, пытавшимися дискредитировать революционеров.

Опора режима — чиновники занимали промежуточное положение между царем и тайной полицией. Это был класс бюрократов и официальных должностных лиц, происходивших из дворянства и выполнявших основную работу по управлению государством. Они не подчинялись никакому конституционному органу, и лишь царь мог отправить их в отставку, что он часто и делал, будучи во власти дворцовых интриг и своей жены, отличавшейся крайней подозрительностью. В таких условиях способные люди недолго задерживались на важных постах. Частые уходы в отставку «по причине слабого здоровья» породили среди чиновников поговорку: «В наши дни у всех плохое здоровье».

Постоянно кипевшая недовольством, Россия при правлении Николая II страдала от стихийных бедствий, массовых убийств, военных поражений и мятежей. Кульминационным пунктом этого стала революция 1905 года.

В то время граф Витте посоветовал царю либо даровать конституцию, которой требовал народ, либо восстановить порядок [108] с помощью военной диктатуры. Николай скрепя сердце был вынужден согласиться с первым предложением, потому что двоюродный брат царя великий князь Николай, командовавший Петербургским военным округом, отказался взять на себя ответственность за выполнение второго. Великому князю Николаю не простили этого отступничества ни ярые монархисты, ни прибалтийские бароны немецкого происхождения, симпатизировавшие Германии, ни черносотенцы — «эти правые анархисты», ни другие реакционные группы, составлявшие оплот самодержавия. Они, как и многие немцы, в том числе и кайзер, считали, что общие интересы двух самодержцев, некогда входивших в союз трех императоров, делают Германию более подходящим союзником России, чем буржуазно-демократические страны Запада. Считая либералов своими главными врагами, русские реакционеры предпочли кайзера Думе, так же, как спустя много лет французские правые силы предпочли Гитлера Леону Блюму. Только выросшая за последние двадцать лет угроза со стороны самой Германии побудила царскую Россию отказаться от естественного намерения объединиться с этой страной и вступить в союз с республиканской Францией.

«В довершение всего эта угроза сблизила Россию и Англию, которая в течение столетия не допускала русских к Константинополю и из-за чего дядя царя, великий князь Владимир Александрович, в 1899 году сказал: «Надеюсь дожить до того дня, когда раздастся предсмертный хрип Англии. Ежечасно посылаю свои горячие мольбы об этом Господу»».

Приверженцы Владимира держали в своих руках двор, переживавший век Нерона, дамы из высшего общества наслаждались приключениями с немытым Распутиным. Но у России были и свои демократы, и либералы{49}. У нее были свои Левины, которые лихорадочно и мучительно размышляли о душе, социализме и земле, свои дяди Вани без надежд, было то особое качество, заставившее одного английского дипломата прийти к выводу, что «в России все немного сумасшедшие» — качество, называемое «ле шарм слав» — славянское очарование: полунебрежность, полубездеятельность, нечто вроде беспомощности [109] «конца века», повисшее, как туман, над городом на Неве, известном в мире как Санкт-Петербург, а который на самом деле был «Вишневым садом». Но никто не знал этого.

Что касается подготовки к войне, то в данном случае режим полагался на своего военного министра генерала Сухомлинова, ловкого, праздного, большого любителя удовольствий, толстяка шестидесяти лет.

Его коллега министр иностранных дел Сазонов сказал следующее.

«Его трудно заставить работать, но узнать у него правду — совершенно непосильная задача».

В 1877 году во время войны с турками Сухомлинов, бойкий кавалерийский офицер, был награжден Георгиевским крестом. Впоследствии он думал, что военных знаний, приобретенных во время этой кампании, вполне достаточно и что они совершенно не меняются с течением времени. Как военный министр, он отчитывал преподавателей академии Генштаба за проявление интереса к таким «новшествам», как преимущественное использование фактора огневой мощи в противовес штыку, сабле и пике.

Он говорил, что не может слышать фразу «современная война» без чувства раздражения:

«Какой война была, такой и осталась... все это зловредные новшества. Взять меня, к примеру. За последние двадцать лет я не прочел ни одного военного учебника».

В 1913 году он уволил пять преподавателей, которые распространяли порочную ересь «огневой тактики».

Природный ум Сухомлинова сочетался со склонностью к интригам и махинациям. Невысокий и мягкий, с лицом как у кота, аккуратными белыми усами и белой бородой, он обладал располагающей, почти кошачьей манерой завлекать таких людей, как царь, которым он стремился понравиться. Другие, как, например, французский посол Палеолог, испытывали к нему «недоверие с первого взгляда».

Учитывая, что от прихоти царя зависело назначение или смещение тех или иных людей на важные министерские посты, Сухомлинов завоевал и в дальнейшем удерживал его благосклонность, стараясь быть всегда подобострастным и занимательным, рассказывая анекдоты и разыгрывая всяческие забавные буффонады, избегал говорить о серьезных и неприятных делах и старательно способствовал возвеличиванию «друга» Распутина. В результате ему сходило с рук обвинение во взяточничестве и бездействии, ему простили грандиозный скандал с разводом и даже еще более громкий скандал в связи с делом к шпионаже. [110]

В 1906 году Сухомлинов, потеряв голову от любви к красивой 23-летней жене провинциального губернатора, избавился от ее мужа после развода, основанного на фиктивных доказательствах, женился на ней, вступив в брак в четвертый раз. Ленивый по природе, он все больше и больше перекладывал свою работу на плечи подчиненных, приберегая, по словам французского посла, «силы для брачных удовольствий с женой на 32 года моложе его». Молодая жена с удовольствием заказывала наряды в Париже, обедала в дорогих ресторанах и устраивала большие приемы. Для покрытия ее экстравагантных расходов Сухомлинов в скором времени успешно наловчился использовать командировочные, составленные из расчета поездок со скоростью в двадцать четыре лошадиные версты в день, используя в действительности для инспекционных поездок железную дорогу. За шестилетний период ему удалось положить на свой счет в банке 702 737 рублей, которые ему достались в результате знания всех тайных пружин фондовой биржи, в то время как общая, сумма полученного им жалованья составила 270000 рублей. Этому счастливому для него положению дел способствовали окружавшие его люди, которые ссужали ему деньги за военные пропуска, приглашения на маневры и предоставление других видов информации. Один из них, австриец по фамилии Альтшиллер, представивший фиктивные сведения для бракоразводного процесса Сухомлиновой, принимался как близкий друг в доме министра, а также в кабинете, где повсюду лежали без присмотра различные военные документы. В 1914 году после отъезда Альтшиллера выяснилось, что он был главным резидентом австрийской разведки в России.

Еще более нашумевшим было дело Мясоедова, любовника Сухомлиновой по мнению некоторых. Он являлся начальником железнодорожной полиции в пограничной зоне, но, тем не менее, был награжден кайзером пятью орденами и удостоился чести быть личным гостем германского монарха на завтраке в Роминтене, где неподалеку от границы находился охотничий домик императора. Не удивительно, что полковник Мясоедов был заподозрен в шпионаже. "Его арестовали и отдали под суд в 1912 году, однако в результате вмешательства Сухомлинова он был оправдан и смог в дальнейшем выполнять свои прежние обязанности в течение всего первого года войны. В 1915 году, когда его

защитник потерял пост министра в результате понесенных Россией поражений, Мясоедов был вновь арестован, осужден и повешен как шпион. [111]

Карьера Сухомлинова после 1914 года ознаменовалась весьма примечательными событиями. Как и Мясоедову, ему грозило судебное преследование, избежать которого удалось лишь благодаря личному вмешательству царя и царицы.

Таков был человек, являвшийся русским военным министром с 1908 до 1914 года. Будучи проводником идей реакционеров и пользуясь их поддержкой, его министерство готовилось к войне менее чем тщательно. Он немедленно прекратил проведение дальнейшей реформы армии, начатой после позора русско-японской войны. Генеральный штаб, получивший статус независимого учреждения с целью совершенствования современной военной науки, стал снова подчиняться военному министру, который имел исключительное право доступа к царю. Лишенный инициативы и власти, Генеральный штаб не имел ни способного, ни даже посредственного руководителя, обладавшего бы последовательностью и твердостью. За шесть лет, предшествовавших 1914 году, сменилось шесть начальников Генерального штаба, что оказало отнюдь не благотворное влияние на разработку военных планов{116}.

Сухомлинов переложил всю свою работу на других, однако вместе с тем он не допускал свободомыслия. Упрямо цепляясь за устаревшие теории и былую славу, он утверждал, что поражения России в прошлом объясняются скорее ошибками командиров, а не плохой подготовкой войск, неудовлетворительными боеготовностью или снабжением. Пребывая в неколебимой уверенности в превосходстве штыка над пулей, он не предпринимал никаких усилий для расширения строительства заводов по производству снарядов, винтовок и боеприпасов. Почти все воюющие страны, как выяснили впоследствии военные исследователи, не имели достаточного количества военного снаряжения и боеприпасов. Недостаток снарядов вызвал общенациональный скандал в Англии, во Франции поднялась буря возмущения в связи с нехваткой почти всего — начиная с артиллерийских снарядов и кончая солдатскими ботинками, а в России Сухомлинов не израсходовал даже правительственные фонды на производство боеприпасов. Россия начала войну, имея 850 снарядов на каждое орудие, по сравнению с 2000 — 3000 в западных армиях, хотя еще в 1912 году Сухомлинов согласился с компромиссным предложением о доведении этого количества до 1500 снарядов на орудие. В состав русской пехотной дивизии входило 7 батарей, а немецкой — 14. Вся русская армия имела 60 батарей [112] тяжелой артиллерии, в то время как в немецкой их насчитывалось 381. Предупреждения о том, что будущая война станет дуэлью огневой мощи, Сухомлинов презрительно отвергал.

Большее отвращение, чем к «огневой тактики», Сухомлинов испытывал только к великому князю Николаю. На восемь лет его моложе, он представлял реформистские тенденции внутри армии. Двухметрового роста, худой, с красивой головой и бородкой клином, великий князь казался воплощением галантности и импозантности. После русско-японской войны ему была поручена реорганизация вооруженных сил, и он возглавил Совет национальной обороны. Цель его была та же, что и «комитета Эшера» после англо-бурской войны. Но он не пошел по пути англичан, а сам оказался вовлеченным в летаргию и интриги высокопоставленных чиновников. Реакционеры в 1908 году добились упразднения Совета.

Профессиональный военный, служивший Генеральным инспектором кавалерии во время русско-японской войны и знавший лично почти весь офицерский корпус — поскольку каждый офицер, назначаемый на новый пост, был обязан представляться ему как

начальнику Санкт-Петербургского округа, — великий князь был предметом восхищения всей армии. Это объяснялось не столько его особыми способностями, сколько главным образом огромным ростом, внешностью и манерами, вызывавшими ужас или восхищение солдат, преданность либо зависть коллег.

Стремительного, порою грубого в отношениях с офицерами и нижними чинами, великого князя за пределами двора считали единственным «мужчиной» в царской семье. Солдаты-крестьяне, ни разу не видевшие его, рассказывали о нем истории, в которых он фигурировал как легендарный герой Святой Руси, вступивший в противоборство с «германской кликой» и продажностью двора. Отзвуки этих настроений не способствовали его популярности при дворе, вызывая особую неприязнь у царицы, презиравшей «Николашу», потому что тот ненавидел Распутина.

«У меня абсолютно нет веры в Н., — писала она мужу. — Он далеко не так умен, а своим выступлением против Божьего человека навлекает на свои труды проклятье, советы его нельзя назвать хорошими».

Она постоянно говорила, что великий князь готовит заговор, чтобы заставить царя отречься и самому занять престол, опираясь на популярность в армии.

Подозрения царя послужили причиной того, что великий князь не стал главнокомандующим русской армией во время [113] войны с Японией и впоследствии избежал позора. В любой последующей войне обойтись без него было невозможно, и довоенные планы предусматривали его назначение командующим на германский фронт. Сам же царь, как полагали, будет выступать как Верховный главнокомандующий и руководить операциями совместно с начальником Генерального штаба. Во Франции, куда великий князь неоднократно ездил на маневры и где попал под влияние Фоша, оптимизм которого разделял, его встречали бурными приветствиями. Это объяснялось восхищением его великолепной внешностью, олицетворявшей, как казалось, русское могущество, а также тем, что он не любил Германию. Французы с восторгом повторяли слова князя, переданные его адъютантом Коцебу, что мир будет жить без войны лишь в том случае, если Германия, поверженная раз и навсегда, будет разделена на маленькие государства, забавляющиеся своими собственными крошечными королевскими дворами. Не менее горячими друзьями Франции были и супруга великого князя Анастасия, и ее сестра Милица, вышедшая замуж за его брата Петра.

Как дочери короля Черногории Никиты, они любили Францию с такой же силой, с какой ненавидели Австро-Венгрию. Во время царского пикника в конце июля 1914 года, «черногорские соловьи», как называл Палеолог этих двух принцесс, окружили его и стали щебетать о начавшемся кризисе. «Приближается война... от Австрии ничего не останется... вы получите обратно Эльзас-Лотарингию... наши армии встретятся в Берлине». Одна из сестер показала послу украшенную драгоценностями шкатулку, в которой она хранила щепотку земли Лотарингии... а другая рассказала о том, как она посадила в своем саду семена лотарингского чертополоха.

На случай войны русский Генеральный штаб разработал два примерных плана кампании, их окончательный выбор зависел от намерений Германии. Если Германия обрушит массу своих войск на Францию, Россия выступит своими основными силами против Австро-Венгрии. В этом случае четыре армии повели бы наступление против Австрии, а две — против Германии.

План кампании на германском фронте предусматривал захват Восточной Пруссии с помощью 1-й и 2-й русских армий, двигающихся в двух направлениях — 1-я севернее, а 2-я южнее барьера, образованного Мазурскими озерами. Поскольку 1-я армия, получившая название «Вильно» по месту своей концентрации, имела в своем распоряжении прямую железнодорожную линию, [114] она могла выступить первой. Выступив двумя днями раньше 2-й, или «Варшавской», армии, эта группировка должна была вступить в сражение с немцами и «оттянуть на себя как можно больше вражеских войск». Тем временем 2-я армия должна была обойти водную преграду с юга и, выйдя немцам в тыл, отрезать им отступление к Висле. Успех этих «клещей» зависел от тщательно согласованных действий, с тем чтобы не дать немцам завязать бой с каждым крылом по отдельности. Враг должен «быть атакован энергично и решительно, в любом месте и в любое время». Сразу после окружения и разгрома немецкой армии русские войска должны были начать марш на Берлин, находившийся всего в 240 километрах за Вислой.

В планы немцев не входила сдача Восточной Пруссии. Это была земля, где выращивали гольштинский скот, где свиньи и цыплята разгуливали по обнесенным каменными заборами дворам, где создавали знаменитую тракененскую породу лошадей для германской армии. Огромные поместья принадлежали юнкерам, которые, к ужасу одной английской гувернантки, работавшей у них, стреляли лисиц, а не устраивали на них, как полагается, охоту на лошадях. Далее к востоку, ближе к России, лежала земля «тихих вод и темных лесов», широких озер, поросших камышом, сосновых и березовых рощ, многочисленных болот и ручьев. Наиболее известным местом был Ромintенский лес — охотничий заповедник Гогенцоллернов, простиравшийся на площади в 90 000 акров и граничивший с Россией. Сюда каждый год приезжал кайзер, в бриджах и шляпе с перьями, чтобы поохотиться на кабанов и оленей, а то и подстрелить русского лося, перешедшего без умысла границу и ставшего прекрасной целью для императорского ружья. Хотя коренное население было не тевтонским, а славянским, этот район находился под властью Германии, за исключением нескольких периодов польского правления, с тех пор как Тевтонский орден утвердился здесь в 1225 году.

Несмотря на поражение, понесенное от поляков и литовцев в великой битве под деревней Танненберг, вошедшей в историю как битва при Грюнвальде, рыцарский орден уцелел и вырос или, скорее, переродился в юнкеров. В Кенигсберге, главном городе этого района, первый суверен династии Гогенцоллернов был коронован королем Пруссии в 1701 году.

Восточная Пруссия, омываемая Балтийским морем, с «городом королей», где короновались прусские суверены, была страной, [115] которую немцы не могли с легкостью уступить. Вдоль реки Ангерапп, протекавшей по Инстербургской равнине, были тщательно подготовлены оборонительные рубежи, в восточном болотистом районе были проложены дороги, заводившие противника в ловушку.

Вся Восточная Пруссия была покрыта сетью железных дорог, предоставлявших обороняющейся армии преимущества в мобильности и быстроте переброски подкреплений с одного фронта на другой для отражения наступления каждого крыла противника.

Когда впервые был принят план Шлиффена, особых опасений в отношении Восточной Пруссии не было, потому что Россия, как предполагали, должна будет держать значительные силы против Японии на Дальнем Востоке. Германская дипломатия, несмотря на характерную для нее неповоротливость, рассчитывала, что сумеет обойти англо-японский договор{50}, рассматриваемый ею как неестественный альянс, и сделать Японию нейтральной, чтобы создать постоянную угрозу тылу русских. Специалистом

германского Генерального штаба по русским делам был подполковник Макс Хоффман, в задачу которого входила разработка возможного плана кампании русских в случае войны с Германией. Хоффману недавно перевалило за сорок. Он был высокого роста, крепкого телосложения, с круглой головой и такой короткой прусской стрижкой, что выглядел почти лысым. У него было добродушное лицо, но он производил впечатление человека решительного, носил очки в черной оправе и выщипывал брови так, что они приобрели форму идущей резко вверх кривой. Он так же тщательно ухаживал и за своими маленькими тонкими руками и гордился ими, как и безупречной складкой брюк. Несмотря на склонность к праздности, он отличался находчивостью. Будучи плохим наездником и фехтовальщиком, а также имея пристрастие к еде и вину, Хоффман, тем не менее, быстро соображал и здраво мыслил. Он был любезен, хитер, удачлив и презирал всех. В интервалах между выполнением своих военных обязанностей он пил вино и поедал сосиски в офицерском клубе с вечера до семи утра, а затем выводил свою роту на парад, после чего снова брался за сосиски и выпивал два литра мозельского вина еще до завтрака. [116]

После окончания штабного училища в 1898 году Хоффман провел шесть месяцев в России в качестве переводчика, а потом отслужил пять лет в русском отделе немецкого Генерального штаба при Шлиффене. Затем в качестве военного наблюдателя Германии он выехал на русско-японский фронт. Когда один японский генерал не разрешил ему наблюдать за ходом сражения с близлежащей сопки, этикет был забыт под напором того естественного немецкого качества, которое часто не дает возможности представителям этой нации произвести приятное впечатление на других.

«Ты, желтомордый дикарь, не смеешь не пускать меня на ту сопку!» — заорал Хоффман в присутствии других зарубежных военных представителей и одного, как минимум, военного корреспондента.

Принадлежа к расе, не уступающей немцам в чувстве собственного превосходства, японец заорал в ответ:

«Мы, японцы, платим за эту информацию своей кровью и не желаем делиться ею с кем бы то ни было!»

Протокол был нарушен полностью.

После своего возвращения в Генеральный штаб при Мольтке Хоффман возобновил работу над планом русской кампании. Некий полковник русского Генерального штаба в 1902 году продал ему за значительную сумму один из первых вариантов военного плана своей страны. Однако, как утверждал Хоффман в своих не всегда серьезных мемуарах, цены с тех пор настолько возросли, что стали не по карману немецкой военной разведке, имевшей весьма скудные средства. Ландшафт Восточной Пруссии делал план русской кампании вполне ясным и без этого: «клещи» с наступлением по обеим сторонам Мазурских озер. Проведенное Хоффманом изучение русской армии, факторов, определяющих се мобилизацию и средства переброски, позволили немцам судить о времени наступления. Немецкая армия, уступавшая в численности{51}, могла избрать любое направление для отражения наступления превосходящих сил, разделенных на два крыла. Она могла либо отступить, либо атаковать одно из крыльев раньше другого, что давало наибольший выигрыш. Жесткая формула, продиктованная Шлиффеном, гласила: «Нанести удар всеми имеющимися силами по ближайшей русской армии, находящейся в пределах досягаемости»{117}.

Какая-нибудь проклятая глупость на Балканах», предсказывал Бисмарк, явится искрой новой войны. Убийство сербскими националистами 28 июня 1914 года эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника австрийского престола, подтвердило это пророчество. С легкомысленной воинственностью престарелых империй Австро-Венгрия решила воспользоваться этим поводом, чтобы поглотить Сербию так же, как раньше, в 1909 году, Боснию и Герцеговину. В то время Россия, ослабленная войной с Японией, была вынуждена примириться с немецким ультиматумом, подкрепленным появлением кайзера в «сияющей броне», как он сам выразился, выступившего на стороне своего австрийского союзника. Теперь Россия, мстя за унижение и стремясь сохранить престиж великой славянской державы, была готова сама грозить такой же сверкающей броней. Пятого июля Германия заверила Австрию в том, что та может рассчитывать на «надежную поддержку» в случае, если принятые ею карательные меры против Сербии приведут к конфликту с Россией. Это явилось причиной потока необратимых событий: 23 июля Австрия предъявила ультиматум Сербии, 26 июля отклонила данный на него ответ (хотя кайзер, [120] уже проявлявший беспокойство, признавал, что этот документ не дает никаких оснований для начала войны), а 28 июля она объявила войну Сербии, 29 июля Белград подвергся обстрелу. В тот же день Россия привела в готовность свои войска на австрийской границе, а 30 июля, как и Австрия, объявила всеобщую мобилизацию. 31 июля Германия направила России ультиматум, требуя отменить в ближайшие двенадцать часов мобилизацию и «дать нам четкие объяснения по этому поводу». Война приближалась ко всем границам. Охваченные страхом, правительства делали отчаянные попытки остановить ее. Но все оказалось напрасным. На границах агенты, заметя кавалерийский патруль, доносили, что видят крупные перемещения войск, раздувая военный психоз. Генеральные штабы громко требовали сигнала к выступлению, стремясь опередить своих противников хотя бы на час. Придя в ужас при виде открывшейся бездны, государственные деятели, на которых лежала главная ответственность за судьбу своих стран, попытались отступить назад, но военные планы безжалостно толкали их все дальше вперед.

Начало

Первое августа, Берлин

В субботу первого августа в полдень срок ультиматума России, на который она так и не дала ответа, истек. Через час германскому послу в Петербурге была направлена телеграмма, в которой содержались инструкции об объявлении России войны в тот же день в 5 часов вечера. В 5 часов кайзер издал декрет о всеобщей мобилизации. Некоторые предварительные мероприятия были уже проведены накануне, после объявления «угрожающего положения». В пять тридцать канцлер Бетман-Хольвег, читая на ходу какой-то документ, в сопровождении министра иностранных дел Ягова поспешно спустился по ступеням Министерства иностранных дел, взял обыкновенное такси и умчался во дворец. Вскоре после этого генерала фон Мольтке, мрачного начальника Генерального штаба, ехавшего с приказом о мобилизации, подписанным кайзером, догнал на автомобиле курьер и передал срочную просьбу вернуться во дворец. Там Мольтке услышал последнее, отчаянное, вызвавшее слезы у Мольтке предложение кайзера, которое могло бы изменить историю двадцатого века.

Теперь, когда наступил решающий момент, кайзера обуял страх потерять Восточную Пруссию, [122] несмотря на шестинедельный запас времени, остававшийся у него, по мнению Генерального штаба, до полной мобилизации русских.

«Я ненавижу славян, — признался он одному австрийскому офицеру. — Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их».

Он радовался сообщениям о забастовках и беспорядках в Петербурге, напоминавших 1905 год, о толпах, разбивавших окна домов, «об ожесточенных стычках между революционерами и полицией». Престарелый посол граф Пурталес, который провел семь лет в России, пришел к выводу и постоянно заверял свое правительство в том, что эта страна не вступит в войну из-за страха революции. Капитан фон Эгеллинг, немецкий военный атташе, после объявления Россией мобилизации сообщал, что она «планирует не решительное наступление, а постепенное отступление, как в 1812 году». Эти мнения явились своеобразным рекордом ошибок германской дипломатии. Они утешили кайзера, составившего тридцать первого июля послание для «ориентировки» своего штаба, в котором он с радостью извещал о том, что, по свидетельствам его дипломатов, в русской армии и при дворе царило «настроение больного кота».

Первого августа в Берлине тысячи людей, заполнившие улицы, толпами стекавшиеся на площадь перед дворцом, были охвачены чувством напряженности и беспокойства. Хотя кайзер, выступивший накануне вечером с речью по поводу введения военного положения, и заявил, «что нас заставили взять в руки меч», люди все еще смутно надеялись, что русские ответят. Срок ультиматума истек. Один журналист, находившийся в толпе, чувствовал, «что воздух был наэлектризован слухами». Говорили, что Россия попросила отсрочки. Биржу охватила паника. Конец дня прошел почти в «невыносимом мучительном ожидании». Бетман-Хольвег опубликовал заявление, кончавшееся словами: «Если нам выпадет участь сражаться, да поможет нам Бог».

В пять часов у ворот дворца появился полицейский и объявил народу о мобилизации. Толпа послушно подхватила национальный гимн «Возблагодарим все Господа нашего». По Унтер-ден-Линден мчались автомобили, офицеры стоя размахивали платками и кричали: «Мобилизация!» Люди в угаре шовинизма бросались избивать мнимых русских шпионов, некоторых до смерти, давая выход своим патриотическим чувствам. [123]

Как только была нажата кнопка с надписью «мобилизация», автоматически пришел в действие огромный механизм призыва в армию, экипировки и транспортировки двух миллионов человек. Резервисты прибывали на указанные заранее пункты сбора, получали военную форму, снаряжение и оружие, сводились в роты и батальоны, к которым присоединились кавалерийские, артиллерийские, медицинские части, подразделения самокатчиков, сапожные мастерские, фургоны-кузницы, фургоны-пекарни, почтовые фургоны. Все они перевозились по железной дороге в места сосредоточения вблизи границ, где формировались дивизии, из дивизий — корпуса, из корпусов — армии, готовые двинуться в бой. Только один корпус — а их в германской армии насчитывалось 40 — требовал 170 железнодорожных вагонов для офицеров, 965 — для пехоты, 2960 — для кавалерии, 1915 — для артиллерии и служб снабжения; всего 6010 вагонов, или 140 поездов. Такое же количество вагонов требовалось для снабжения корпуса. С момента отдачи приказа все приходило в движение в соответствии с графиками, где указывались точные сведения, вплоть до количества вагонных осей, проходящих в определенное время по тому или иному мосту.

Уверенный в совершенстве своей системы, заместитель начальника Генерального штаба генерал Вальдерзее даже не вернулся в Берлин, когда разразился кризис, написав Ягову:

«Я остаюсь здесь. Мы в Генеральном штабе уже все готовы; нам пока нечего делать».

Это высокомерие было унаследовано от Мольтке — старшего или «великого» Мольтке, который в день мобилизации в 1870 году лежал у себя на диване и читал «Секрет леди Одли».

Его завидного спокойствия сейчас так недоставало во дворце. Оказавшись перед лицом не призрачной, а реальной угрозы войны на два фронта, сам кайзер теперь был в состоянии, близком к «настроению больного кота». Отличавшийся от типичного пруссака большим космополитизмом и трусостью, кайзер в действительности никогда не хотел всеобщей войны. Он добивался большей власти, большего престижа и прежде всего большего авторитета для Германии в решении международных вопросов, но для достижения этого он предпочитал пользоваться запугиванием, а не войнами против других народов. Он хотел славы гладиатора без сражений, а когда перспектива вооруженного конфликта становилась чересчур близкой, кайзер отступал, как, например, при Альхесирасе и Агадире. [124]

По мере нарастания напряжения пометки кайзера на полях телеграмм становились все более и более нервозными: «Ага! Обычный обман», «Проклятье!», «Он лжет», «Грей — лживая собака», «Болтовня!», «Негодяй — он либо идиот, либо спятил!»

Когда Россия приступила к мобилизации, он разразился горячей тирадой со зловещими предсказаниями, обрушившись не на «предателей-славян», а на своего хитроумного дядю:

«Мир захлестнет самая ужасная из всех войн, результатом которой будет разгром Германии. Англия, Франция и Россия вступили в заговор, чтобы нас уничтожить... такова горькая правда ситуации, которую медленно, но верно создавал Эдуард VII... Окружение Германии стало наконец свершившимся фактом. Мы сунули голову в петлю... Мертвый Эдуард сильнее меня живого!»

Преследуемый тенью покойного Эдуарда, кайзер с радостью принял бы любое предложение, которое помогло бы выбраться из создавшегося положения; с одной

стороны, ему грозила перспектива войны с Россией и Францией, а с другой — надвигающаяся опасность противоборства с Англией, пока еще хранившей молчание.

В последнюю минуту такая возможность была предоставлена. К Бетману пришел один из его коллег и стал упрашивать сделать все возможное, чтобы Германия избежала войны на два фронта. Достичь этого он предложил следующим образом. В течение многих лет обсуждалась идея предоставления автономии Эльзасу как федеральному государству в рамках Германской империи. Если бы такое предложение было принято эльзасцами, Франция не имела бы оснований начать военные действия для возвращения утерянной провинции. Совсем недавно — 16 июля — Французский социалистический конгресс высказался в пользу подобного решения вопроса об Эльзасе. Однако германская военщина продолжала настаивать на сохранении гарнизонов в этой провинции, ее политические права ограничивались «военной необходимостью». Немцы предоставили ей конституцию лишь в 1911 году, а вопрос об автономии так и остался нерешенным. Коллега Бетмана настаивал на срочном, публичном и официальном предложении проведения конференции по Эльзасу. Конференцию удалось бы затянуть, однако даже ее безрезультатность лишила бы Францию моральных предпосылок для начала военных действий, по крайней мере на период рассмотрения такого предложения. Германия, выиграв время, бросила бы все силы против России. На Западе [125] сохранилось бы стабильное положение, и Англия не вступила

бы в борьбу.

Автор этих предложений остался неизвестен — может быть, он не существовал вообще. Однако главное не в этом. Удобный случай представился, канцлер мог бы им воспользоваться. Чтобы осуществить этот замысел, нужна была смелость, а Бетман, несмотря на свою внушительную внешность — высокий рост, серьезный взгляд, аккуратно подстриженные усы и бороду, — был, как называл Тафта Теодор Рузвельт, «слабым человеком с добрыми намерениями». Вместо того чтобы побудить Францию придерживаться нейтралитета, Германия направила ей одновременно с Россией ультиматум. Германское правительство требовало в ближайшие восемнадцать часов ответ — останется ли Франция нейтральной в случае русско-германской войны, и если да, то Германия, в качестве подтверждения этого нейтралитета, настаивала «на передаче ей крепостей Ту ль и Верден, которые сначала будут оккупированы, а после окончания войны возвращены». Другими словами, немцы добивались ключей от дверей Франции.

Барон фон Шён, германский посол в Париже, не мог заставить себя передать это «наглое требование» в момент, когда, как ему казалось, французский нейтралитет дал бы Германии такое колоссальное преимущество, что она должна была скорее сама предложить хорошую плату, а не выступать с угрозами. Он представил французам ноту о соблюдении нейтралитета, не включив в нее требование о передаче крепостей, которое, тем не менее, стало известно французам, потому что инструкции послу были перехвачены и расшифрованы. Когда Шён в одиннадцать утра первого августа попросил ответа, ему было заявлено, что Франция «будет действовать, исходя из своих интересов».

В пять часов в Министерстве иностранных дел в Берлине раздался телефонный звонок. Заместитель министра Циммерманн, взявший трубку, сказал, обращаясь к сидевшему перед его столом редактору газеты «Берлине? Тагеблатт»: «Мольтке хочет знать, не пора ли начинать». В это время в ход событий вмешалась только что расшифрованная телеграмма из Лондона. Она вселяла надежду на то, что, если выступление против Франции будет немедленно отменено, Германия может рассчитывать на войну на одном фронте. Взяв ее с собой, Бетман и Ягов бросились на такси во дворец. [126]

Эта телеграмма, которую направил посол граф Лихновский из Лондона, сообщала о предложении Англии (как его понял Лихновский): «В том случае, если мы не нападаем на Францию, Англия останется нейтральной и гарантирует нейтралитет Франции».

Посол принадлежал к тому типу немцев, которые копировали все английское — спорт, одежду, образ жизни — и говорили по-английски, стараясь изо всех сил стать моделью английского джентльмена. Его друзья-дворяне графы Плесе, Блюхер и Мюнстер были женаты на англичанках. В 1911 году на одном из обедов в Берлине в честь английского генерала почтенный гость был удивлен, узнав, что все сорок приглашенных немцев, в том числе Бетман-Хольвег и адмирал Тирпиц, бегло говорили по-английски. Лихновский отличался от своих соотечественников тем, что был не только манерами, но и сердцем англофилом. Он прибыл в Лондон с намерением сделать все, чтобы он сам и его страна понравились англичанам. Английское общество засыпало его приглашениями на уик-энды за городом. Для посла не было большей трагедии, чем война между страной, где он родился, и страной, которую он любил всем сердцем, поэтому он хватался за любую соломинку, чтобы предотвратить катастрофу.

Когда в то утро министр иностранных дел сэр Эдвард Грей позвонил ему в перерыве между заседаниями кабинета, Лихновский, мучимый крайним беспокойством, понял слова Грея как предложение Англии о собственном нейтралитете и сохранении нейтралитета Франции в ходе русско-германской войны при условии, что Германия даст обещание не нападать на Францию.

В действительности же Грей имел в виду иное. Со своими обычными недомолвками он дал обещание поддерживать нейтралитет Франции лишь в том случае, если Германия даст заверения сохранить нейтралитет как по отношению к Франции, так и России, другими словами, не начинать военных действий против этих держав, пока не станут известны результаты усилий по урегулированию сербской проблемы. Находясь в течение восьми лет на посту министра иностранных дел, в тот период, когда, по выражению Бюлова, «боснийские» кризисы следовали один за другим, Грей достиг совершенства в манере речи, которая не содержала почти никакого смысла. Он избегал прямых и ясных высказываний, возведя это в принцип, как утверждал один из его коллег. Не удивительно, что, раз [127] говаривая с ним по телефону, Лихновский, находившийся в смятении перед лицом надвигавшейся трагедии, неверно понял смысл его слов.

Кайзер ухватился за указанную Лихновским возможность избежать войны на два фронта. Речь шла о минутах. Мобилизованные части неудержимо катились к французской границе. Первый акт войны — захват железнодорожного узла в Люксембурге, нейтралитет которого гарантировали пять держав, в том числе и Германия, должен был по графику начаться через час. Необходимо было все остановить, остановить немедленно, но каким образом? Где Мольтке? Мольтке уже покинул дворец. Вдогонку на автомобиле с завывающей сиреной был послан адъютант, который и привез его обратно.

Теперь кайзер снова был самим собой, став всемогущим главнокомандующим, сверкая новыми идеями, планируя, предлагая и направляя. Он прочел Мольтке телеграмму и сказал с торжеством: «Теперь мы можем начать войну только с Россией. Мы просто отправим всю нашу армию на Восток!»

Придя в ужас при мысли о том, что придется дать задний ход всей машине мобилизации, Мольтке отказался наотрез. В течение последних десяти лет, сначала на посту заместителя Шлиффена, а затем его преемника, вся деятельность Мольтке сводилась к планированию Дня — дер Таг, ради которого накапливалась вся энергия Германии и с которого

начинался марш окончательного покорения Европы. Мольтке ощущал на себе гнетущую, почти невыносимую ответственность.

У высокого, грузного, лысого Мольтке, которому исполнилось уже шестьдесят шесть, постоянно было такое выражение лица, как будто он переживал глубокое горе, отчего кайзер прозвал его «дер Трауриге Юлиус», что можно перевести как «Мрачный Юлиус», хотя в действительности его звали Хельмут. У него было слабое здоровье, и он ежегодно лечился в Карлсбаде. Возможно, что причиной мрачности была тень его великого дяди. Из окна красного кирпичного здания Генерального штаба на Кёнигплац, где Мольтке жил и работал, он мог видеть конную статую своего тезки, героя 1870 года, который, как и Бисмарк, был создателем Германской империи. Племянник был плохим наездником, имевшим привычку сползать с лошади во время выездов штаба; кроме этого, что было еще хуже, он был последователем христианского учения, проявляя особый интерес к антропософизмам и другим культам. За эту [128] неподобающую для прусского офицера слабость его считали «мягким». Вдобавок ко всему он занимался живописью, играл на виолончели, носил в кармане «Фауста» Гёте и начал переводить «Пеллея и Мелисанду» Метерлинка.

Склонный по натуре к самоанализу и сомнениям, он заявил кайзеру во время церемонии своего назначения в 1906 году: «Я не знаю, как я буду вести себя в случае военной кампании. Я очень критически отношусь к самому себе...» Однако он не был робким ни в политике, ни в личном плане. В 1911 году, недовольный отступлением Германии в Агадирском кризисе, Мольтке писал Конраду фон Хотцендорфу, что, если дела пойдут еще хуже, он подаст в отставку, предложит распустить армию и «отдать всех нас под защиту Японии, после чего мы спокойно сможем делать деньги и превращаться в идиотов». Он не побоялся возразить кайзеру, заявив «довольно грубо» в 1900 году, что пекинская экспедиция была «сумасбродной авантюрой». Когда ему был предложен пост начальника Генерального штаба, Мольтке спросил кайзера, «уж не думает ли он выиграть главный приз дважды в одной лотерее?» — мысль, которая, несомненно, повлияла на выбор кайзера. Он согласился занять свой пост лишь при условии, что кайзер откажется от своей привычки побеждать во всех военных играх, практически лишая маневры всякого смысла. Удивительно, но кайзер покорно повиновался.

Теперь в этот решающий вечер первого августа Мольтке был настроен больше не позволять кайзеру вмешиваться в серьезные военные вопросы или препятствовать проведению заранее намеченных мероприятий. Повернуть в обратную сторону — с запада на восток — миллионную армию в момент выступления требовало большего присутствия духа, чем тогда имел Мольтке. Перед его мысленным взором проходили видения смешавшихся войск, выходящих уже на исходные рубежи: запасы здесь, солдаты там, боеприпасы, затерявшиеся в пути, роты без офицеров, дивизии без штабов; 11000 железнодорожных составов, имевших точное расписание прибытия на такой-то путь в такое-то время в пределах десяти минут, — все смешалось в невообразимом хаосе, вызванном крушением самого совершенного в истории плана переброски войск.

«Ваше величество, — сказал Мольтке кайзеру, — это невозможно сделать. Нельзя импровизировать, передислоцируя миллионы солдат. Ваше величество настаивает на отправке всей [129] армии на восток, однако войска не будут готовы к бою. Это будет неорганизованная вооруженная толпа, не имеющая системы снабжения. Чтобы создать эту систему, потребовался год упорнейшего труда».

Мольтке закончил свою речь фразой, которая стала оправданием вторжения в Бельгию, подводной войны против Соединенных Штатов, той неизбежной фразой, когда военные

планы начинают диктовать политику — «раз они разработаны и утверждены, изменить их невозможно».

В действительности же все можно было изменить. Германский Генеральный штаб, несмотря на то, что с 1905 года предусматривал сначала открытие военных действий против Франции, имел в своих сейфах вариант плана кампании против России, который намечал отправку на восток всей армии и наличных железнодорожных составов.

«Не стройте больше крепостей, стройте железные дороги», — приказывал Мольтке-старший, строивший свои стратегические планы на основе железнодорожных карт. Одна из завещанных им догм гласила, что железные дороги — ключ войны. В Германии система железных дорог находилась под контролем военных. К каждой железнодорожной линии был прикреплен офицер Генерального штаба, ни один путь не мог быть проложен или изменен без согласия этого учреждения. Ежегодные мобилизационные военные игры оттачивали опыт чиновников железнодорожного ведомства. Телеграммы с сообщениями о перерезанных дорогах и взорванных мостах давали возможность развить способности железнодорожников к импровизации и отправке поездов по окружным линиям. Говорили, что лучшие умы военной академии направлялись в железнодорожные отделы, что они часто оканчивали свой путь в психиатрических больницах.

Когда фраза Мольтке «Это невозможно сделать» появилась в его опубликованных после войны мемуарах, генерал фон Штааб, начальник Отдела железных дорог, принял ее как укор в свой и руководимого им ведомства адрес и, обидевшись, написал книгу, где доказывал возможность осуществления такого решения. На картах и графиках он показал, каким образом, если бы ему было дано указание первого августа, он смог бы перебросить четыре из семи армий на Восточный фронт к пятнадцатому августа, оставив три из них для защиты запада. Матиас Эрцбергер, заместитель председателя рейхстага и лидер католической центристской партии, также ост: шил ряд свидетельств по [130] этому вопросу. Он утверждает, что сам Мольтке через шесть месяцев после этих событий признал, что нападение на Францию на начальном этапе было ошибкой и что вместо этого «большую часть армии следовало сначала направить на восток, чтобы сразить русский «паровой каток»; операции же на западе можно было ограничить ведением пограничных боев».

В тот вечер первого августа Мольтке, цеплявшийся за разработанный план, не нашел в себе сил пойти на это. «Твой дядя дал бы мне другой совет», — сказал ему кайзер с горечью. Этот укор «больно ранил меня, — писал Мольтке впоследствии. — Я никогда не обманывался и не считал себя равным старому фельдмаршалу». Так или иначе, Мольтке продолжал упорствовать. «Мой протест, основанный на том, что сохранить мир между Францией и Германией в условиях мобилизации обеих стран невозможно, остался без внимания. Постепенно всех охватила нервозность, и никто не разделял моего мнения».

Наконец, когда Мольтке все же убедил кайзера, что мобилизационный план изменить нельзя, группа, в которую входили Бетман и Ягов, составила телеграмму для Англии, в которой выражалось сожаление по поводу «невозможности остановить продвижение германских армий» в направлении французской границы. Телеграмма гарантировала, что граница не будет нарушена ранее семи часов вечера третьего августа, что в общем-то ничего не стоило немцам, поскольку их военные планы не предусматривали ее перехода ранее этого срока. Ягов отправил спешную телеграмму германскому послу в Париж, где уже в четыре часа вышел указ о мобилизации. Он просил посла «в течение некоторого времени удержать Францию от каких-либо действий». Кроме того, кайзер направил личную телеграмму королю Георгу, сообщая, что по «техническим причинам» в этот

поздний час мобилизацию нельзя остановить, но, что, «если Франция предложит мне нейтралитет, который должен быть гарантирован мощью английского флота и армии, я, разумеется, воздержусь от военных действий против Франции и использую мои войска в другом месте. Я надеюсь, что Франция не станет нервничать».

До семи часов — срока, когда 16-я дивизия по плану должна была войти в Люксембург, — оставались минуты. Бетман возбужденно доказывал, что в Люксембург нельзя входить ни при каких обстоятельствах, пока не получен ответ из Англии. Кайзер немедленно, не уведомив Мольтке, приказал своему адъютанту [131] связаться по телефону и телеграфу со штабом 16-й дивизии в Трире и отменить намеченную операцию. У Мольтке вновь пронеслись мысли о грозящей катастрофе. Железнодорожные линии Люксембурга имели важное значение для наступления против Франции через Бельгию.

«В этот момент, — говорится в его мемуарах, — мне казалось, что мое сердце вот-вот разорвется».

Несмотря на все уговоры Мольтке, кайзер не уступил ни на йоту. Напротив, он даже добавил к телеграмме королю Георгу в Лондон следующую завершающую фразу: «Моим войскам на границе направлен по телефону и телеграфу приказ, запрещающий вступать на территорию Франции». Это было небольшое, но важное отклонение от истины — кайзер не мог признаться Англии, что его замысел, осуществление которого задерживалось, включал нарушение нейтралитета Бельгии. Это могло стать поводом для вступления Англии, еще не принявшей никакого решения, в войну.

В тот день, который должен был стать кульминацией его карьеры, Мольтке, по собственным словам, чувствовал себя «раздавленным» и, вернувшись к себе в Генеральный штаб, «заплакал горькими слезами от унижения и отчаяния». Адъютант принес ему на подпись приказ об отмене люксембургской операции, и он «бросил перо на стол и отказался подписывать этот документ». Этот первый после мобилизации приказ, сводивший практически все тщательные приготовления к нулю, мог быть, по его мнению, воспринят как свидетельство «колебаний и нерешительности». «Делайте что хотите с этой телеграммой, — сказал он адъютанту, — я не подпишу ее».

В одиннадцать часов, когда Мольтке все еще был занят своими мрачными мыслями, его вновь вызвали во дворец. Кайзер, одетый подобающим образом для данного события — на нем была военная шинель, накинутая поверх ночной рубашки, — принял его в своей спальне. От Лихновского поступила телеграмма, он извещал, что в ходе дальнейшей беседы с Греем он понял свою ошибку, о чем извещал с печалью: «Позитивного предложения Англии в целом ожидать не следует». «Теперь вы можете делать все что хотите», — сказал кайзер и отправился спать. Мольтке, главнокомандующий, которому предстояло теперь руководить всей военной кампанией, решавшей судьбу Германии, был потрясен до глубины души.

«Это было моим первым военным испытанием, — писал он [132] впоследствии — не никогда не удалось до конца оправиться от этого удара. Что-то во мне надломилось, и уже никогда я не смог стать таким, как прежде».

Как и остальной мир — мог бы добавить он. Приказ кайзера не прибыл в Трир вовремя. В семь часов, как и было предусмотрено планом, были перейдены первые рубежи войны, при этом отличилась пехотная рота 69-го полка под командованием некоего лейтенанта Фельдмана. На люксембургской стороне границы, на склонах Арденн, примерно в двенадцати милях от бельгийского города Бастонь, находился маленький город, который

немцы называли Ульфлинген. На холмистых пастбищах, окружавших его, паслись коровы; на крутых, покрытых брусчаткой улицах даже в разгар августовской жатвы не увидишь и клочка сена — таковы уж были строгие законы поддержания чистоты в великом герцогстве. На окраине городка располагались железнодорожная станция и телеграф, где сходились линии из Германии и Бельгии. Целью немцев был захват этих объектов, что и сделала рота Фельдмана, прибывшая на грузовиках. С неизменным талантом к бестактности немцы решили нарушить нейтралитет Бельгии в месте, официальным и исконным именем которого было — Труа Вьерж — Три Девственницы. Они олицетворяли веру, надежду, любовь, но история, с ее склонностью к удивительным совпадениям, сделала так, что в глазах всех они стали символами Люксембурга, Бельгии и Франции.

В 19.30 прибыл второй отряд (очевидно, после получения телеграммы кайзера) с приказом первой группе отойти, поскольку была «совершена ошибка». Тем временем министр иностранных дел Люксембурга Эйшен телеграфом передал сообщение о свершившемся в Лондон, Париж и Брюссель и направил протест в Берлин. «Три Девственницы» сделали свое дело. В полночь Мольтке отменил приказ об отходе, а к концу следующего дня, второго августа, все «Великое герцогство» было оккупировано.

С тех пор историков неизменно мучает вопрос: «Что было бы, если бы немцы в 1914 году отправились на восток, ограничившись лишь обороной на западе?» Генерал фон Штааб показал, что повернуть большую часть сил против России было технически осуществимо. Однако смогли бы немцы в силу своего темперамента удержаться от нападения на Францию — это уже другой вопрос.

В семь часов в Петербурге, примерно в то же время, когда немцы входили в Люксембург, посол Пурталес, с покрасневшими [133] водянистыми голубыми глазами и трясущейся белой бородкой клинышком, вручил дрожащими руками Сазонову, русскому министру иностранных дел, ноту об объявлении Германией войны России.

— На вас падет проклятие народов! — воскликнул Сазонов.

— Мы защищаем нашу честь, — ответил германский посол.

— Ваша честь здесь ни при чем. Но есть ведь суд Всевышнего.

— Это верно, — сказал Пурталес и, бормоча: «суд Всевышнего, суд Всевышнего», спотыкаясь, отошел к окну, оперся на него и расплакался.

«Вот как закончилась моя миссия», — произнес он, когда немного пришел в себя. Сазонов похлопал его по плечу, они обнялись, Пурталес поплелся к двери и, с трудом открыв ее дрожащей рукой, вышел, еле слышно повторяя: «До свидания, до свидания».

Эта трогательная сцена дошла до нас в том виде, как ее записал Сазонов, с художественными добавлениями французского посла Палеолога, основанными, очевидно, на рассказах русского министра иностранных дел. Пурталес же вспоминает, что он три раза потребовал ответа на ультиматум, и после того, как Сазонов трижды дал отрицательный ответ, он «вручил ему ноту, руководствуясь инструкцией»{52}.

«Зачем ее вообще нужно было вручать?» Такой вопрос задавал адмирал фон Тирпиц, морской министр, накануне вечером, когда составлялась декларация о войне. Говоря, по его признанию, «скорее инстинктивно, чем повинуясь доводам рассудка», он требовал

ответа на вопрос: зачем нужно объявлять войну и брать на себя позор стороны, совершающей нападение, если Германия не планирует вторжения в Россию? Этот вопрос был особенно уместен, если учесть, что Германия намеревалась возложить на Россию всю тяжесть вины за развязывание войны, чтобы убедить свой народ в том, что он сражается лишь в целях самообороны, а также добиться от Италии согласия на принятие обязательств в рамках Тройственного союза. [134]

Италия была обязана выступить на стороне своих союзников лишь в случае оборонительной войны, она, как было широко известно, тяготилась своей зависимостью и лишь ждала удобного случая, чтобы вырваться из петли. Эта проблема мучила Бетмана. Если Австрия будет продолжать отвергать одну за другой все попытки Сербии пойти на уступки, тогда, предупреждал он, «будет трудно возложить на Россию вину за пожар в Европе», что поставит нас «в глазах нашего собственного народа в крайне невыгодное положение». Однако его никто не хотел слушать. Когда настал день мобилизации, германский дипломатический протокол потребовал, чтобы война была объявлена по всей форме. Как вспоминает Тирпиц, юристы из Министерства иностранных дел настаивали, что юридически такие действия вполне оправданны. «За пределами Германии, — сокрушался Тирпиц, — этого никто не поймет».

Во Франции поняли острее, чем он думал.

Первое августа, Париж и Лондон

Главной целью французской политики было вступить в войну, имея Англию в качестве союзника. Чтобы достичь этого и помочь своим друзьям в Англии преодолеть инертность и возражения против этого шага как в кабинете, так и в стране, Франция должна была четко показать, кто же нападал и кто подвергался нападению. Физический акт агрессии и весь позор за его свершение должны были пасть на Германию. Она должна сыграть свою роль, но, опасаясь, как бы какой-нибудь излишне ревностный солдат или военный патруль не пересек границу, французское правительство приняло смелое и необычное решение — тридцатого июля оно приказало осуществить отвод войск на десять километров на всем протяжении границы с Германией — от Швейцарии до Люксембурга.

Этот отвод был предложен премьером Рене Вивиани, красноречивым оратором-социалистом, ранее занимавшимся в основном проблемами рабочего движения и социального обеспечения. Он был интересным явлением во французской политике: премьер-министр одновременно исполнял обязанности министра иностранных дел. Он возглавлял кабинет немногим более шести недель и только что — двадцать девятое июля — вернулся [136] из России, где находился вместе с президентом Пуанкаре с официальным визитом. Австрия подождала, когда Вивиани и Пуанкаре отправятся в морское путешествие, а затем опубликовала ультиматум Сербии. Получив это известие, президент и премьер отменили намеченный визит в Копенгаген и поспешили домой.

В Париже они узнали, что германские войска заняли позиции всего лишь в нескольких сотнях метров от границы. Они еще ничего не знали о мобилизациях в Австрии и России. Еще теплились надежды на выход из кризиса путем переговоров. Вивиани «преследовала мысль, что война может вспыхнуть из-за выстрелов в лесной роще, из-за стычки двух патрулей, из-за угрожающего жеста... мрачного взгляда, грубого слова».

Пока оставался хоть малейший шанс на решение кризиса без войны, кабинет согласился на десятикилометровый отвод войск. Приказ, переданный по телеграфу командующим корпусами, предназначался, как им сказали, «для того, чтобы добиться сотрудничества наших английских соседей». В Англию была направлена телеграмма, информирующая об этом решении, и одновременно с ней начат отвод войск. Этот акт, предпринятый непосредственно накануне вторжения, был рискованным и намеренно предпринятым ради политического эффекта.

Это был шанс, к которому, по словам Вивиани, «никто в истории до этого не прибегал» и мог бы добавить как Сирано:

«О, и какой жест!»

Отвод войск был для французского главнокомандующего горьким жестом потому, что он был воспитан на наступательной доктрине — наступление, и ничего другого, кроме наступления. Он мог бы оказаться для генерала Жоффра таким же потрясением, как и первое военное испытание для Мольтке, но сердце французского командующего выдержало.

С момента возвращения премьера и президента Жоффр постоянно требовал от правительства отдать приказ о мобилизации или, по крайней мере, провести предварительные мероприятия, отменить отпуска, которые были предоставлены многим солдатам на время жатвы, и провести переброску войск прикрытия к границам. Он подкреплял свои требования донесениями разведки, указывавшими на то, что Германия

уже предприняла ряд предварительных шагов в ожидании мобилизации. Он использовал все свое влияние, чтобы убедить членов нового кабинета — предыдущий, девятый за последние пять лет, просуществовал [137] не более трех дней. Нынешнее правительство отличалось тем, что в него не вошли наиболее способные политические деятели Франции. Бриан, Клемансо, Кайо — все бывшие премьеры находились в оппозиции. Вивиани, по собственному признанию, испытывал чувство «страшного нервного напряжения», которое, по свидетельству Мессими, занимавшего пост военного министра, «в августовские дни превратилось в постоянное состояние». Морской министр Гутье, бывший врач, занявший этот пост после того, как его предшественник позорно оскандалился, был настолько потрясен событиями, что даже «забыл» отдать приказ военным кораблям войти в пролив Ла-Манш. Его пришлось тоже срочно заменить, назначив на этот пост министра общественного образования.

И только президент обладал умом, опытом, стремлением к достижению цели, но не конституционными полномочиями. Пуанкаре был юристом, экономистом, членом Французской академии; занимал пост министра финансов, был премьером и министром иностранных дел, в 1912 году и после выборов в январе 1913 года стал президентом страны.

Сильный характер порождает властность, особенно во времена кризиса, и неискушенный кабинет охотно положился на способности и твердую волю человека, который конституционно был нулем. Родом из Лотарингии, Пуанкаре десятилетним мальчиком видел, как по улицам его родного города Бар-ле-Дюк маршировали солдаты в остроконечных немецких касках. Немцы приписывали ему самые воинственные намерения, это объяснялось частично тем, что, находясь на посту премьера во время Агадирского кризиса, Пуанкаре проявил твердость, а возможно, еще и тем, что он использовал все свое влияние, чтобы протолкнуть в 1913 году закон о трехлетней военной службе, несмотря на сопротивление социалистов, находившихся в оппозиции. Все это вместе с его хладнокровием, сдержанностью, целеустремленностью не способствовало, однако, росту его популярности в стране. Результаты выборов были не в пользу правительства, закон о трехлетней военной службе чуть было не провалился, среди рабочих и крестьян росло недовольство. Июль, жаркий и сырой, изобиловал бурями и летними грозами. Шел суд над мадам Кайо, застрелившей редактора газеты «Фигаро». Каждый день судебного процесса вскрывал новые неприятные упущения в системе финансов, прессе, судах и правительстве. [138]

Но настал день, когда французы, пробудившись утром, увидели, что сообщения о мадам Кайо перекочевали на вторую страницу, и вдруг осознали страшную, неожиданную правду о том, что Франции угрожает война. И страну, отличавшуюся бурными политическими страстями и скандалами, охватило единое чувство. Возвратившихся из России Пуанкаре и Вивиани на улицах встретили одним возгласом, повторявшимся до бесконечности: «Вив ля Франс!» — «Да здравствует Франция!»

Жоффр заявил правительству, что если он не получит приказа сформировать и отправить к границе войска прикрытия в составе пяти армейских корпусов, то немцы «войдут во Францию без единого выстрела». Он принял предложение о десятикилометровом отводе войск, уже занявших позиции, не из раболепства перед гражданской властью — раболепства у него было не более, чем у Юлия Цезаря, — а скорее из желания наиболее убедительно доказать необходимость в войсках прикрытия. Правительство, не желавшее принимать никаких мер, пока шел молниеносный обмен дипломатическими предложениями по телеграфу, надеясь все-таки на достижение соглашения, разрешило

ему приступить к выполнению «сокращенного варианта», то есть без призыва резервистов.

На следующий день, тридцать первого июля, в 4.30 друг Мессими в Амстердаме, принадлежавший к финансовым кругам, сообщил по телефону о том, что в Германии введено «угрожающее положение», что часом позже было официально подтверждено сообщением из Берлина. Это было не чем иным, как «скрытой формой мобилизации», заявил своему кабинету разгневанный Мессими. Его друг в Амстердаме сообщил, что война неизбежна и что Германия к ней уже готова, начиная «с кайзера и кончая последним фрицем». Обстановка, вызванная этой новостью, усугубилась телеграммой от Поля Камбона, французского посла в Лондоне, в которой он сообщал, что Англия проявляет «сдержанность». Камбон посвятил каждый день своего шестнадцатилетнего пребывания в Лондоне достижению единственной цели — добиться поддержки Англии в нужное время, но сейчас он вынужден был телеграфировать, что английское правительство, как кажется, ожидает какого-то нового хода событий, Этот конфликт пока еще не «затрагивал интересов Англии».

Жоффр прибыл с новым докладом о передвижениях германских войск, чтобы настоять на отдаче приказа о мобилизации. [139]

Ему разрешили разослать свой приказ о «войсках прикрытия», но не более, так как только что поступили сведения об обращении русского царя к кайзеру. Кабинет продолжал заседать, а Мессими в это время сгорал от нетерпения, негодуя по поводу процедуры, обязывавшей каждого министра выступать по очереди.

В семь часов вечера того же дня барон фон Шён прибыл в Министерство иностранных дел, в одиннадцатый раз за последние семь дней, и представил ноту, в которой Германия требовала разъяснений по поводу дальнейшего курса французской политики. Он сказал, что приедет за ответом на следующий день в час дня. А кабинет все заседал, обсуждая финансовые мероприятия, созыв парламента и указ о введении осадного положения. Париж нетерпеливо и тревожно ждал его решения. Кто-то тронувшийся умом выстрелом из пистолета через окно кафе убил Жана Жореса. Признанный деятель международного социализма, неутомимый борец против трехлетнего плана военной службы, он был в глазах ультрапатриотов символом пацифизма{118}.

В девять часов бледный адъютант сообщил кабинету ошеломляющую новость: Жорес убит! Это событие, грозившее серьезными беспорядками, привело министров в замешательство. Уличные баррикады, стычки, даже мятеж — вот перспектива накануне войны. Министры снова начали спорить о выполнении плана «Карне Б» — автоматического ареста в день мобилизации известных агитаторов, анархистов, пацифистов и подозреваемых в шпионаже. Префект полиции и бывший премьер Клемансо советовали министру внутренних дел Мальви немедленно приступить к выполнению плана. Вивиани и его сторонники, надеясь сохранить единство нации, выступали против. Они твердо стояли на своем. Было арестовано несколько иностранцев, подозреваемых в шпионаже, но ни одного француза. На случай беспорядков войска в ту ночь находились в состоянии полной боевой готовности. Но ничего не произошло, и на следующее утро преобладало лишь ощущение глубокого горя и чувство тихого спокойствия, а из 2501 человека, числившегося в списке неблагонадежных, 80 процентов подали заявление о добровольном зачислении на военную службу.

В два часа ночи президента Пуанкаре разбудил неугомонный русский посол Извольский, бывший министр иностранных дел, отличавшийся необычайной активностью. Крайне

удрученный и возбужденный, он хотел знать: «Что намеревается предпринять [140] Франция?» Извольский не сомневался в позиции Пуанкаре, однако его, как и многих других русских государственных деятелей, преследовали опасения, что в решающую минуту французский парламент, которому никогда не сообщали условий военного договора с Россией, может отказаться ратифицировать его. Эти условия подчеркивали, что, «если Россия подвергнется нападению со стороны Германии или Австрии при поддержке Германии, Франция использует все имеющиеся у нее силы для выступления против Германии». Как только Германия или Австрия объявят мобилизацию, «Франция и Россия, считая, что предварительного заключения соглашения по этому вопросу не требуется, немедленно и одновременно мобилизуют все свои вооруженные силы и перебрасывают их как можно ближе к границам... Эти силы должны со всей возможной скоростью развернуть полные боевые действия с тем, чтобы Германии пришлось сражаться сразу на западе и на востоке».

Условия казались совершенно определенными. Но, обеспокоенно спрашивал Извольский, признает ли их французский парламент? В России власть была абсолютной, поэтому Франция «могла быть уверена в нас», однако «во Франции правительство бессильно без парламента, который незнаком с текстом договора 1892 года... Какие есть гарантии, что парламент поддержит инициативу правительства?»

«Если Германия нападет», заявил Пуанкаре еще в 1912 году, парламент «несомненно» последует за правительством.

И теперь, среди ночи, снова встретившись с Извольским, Пуанкаре заверил его, что кабинет будет созван через несколько часов, чтобы дать необходимый ответ. В тот же час русский военный атташе при всех регалиях появился в спальне Мессими, чтобы задать тот же вопрос. Мессими позвонил премьеру Вивиани, который, несмотря на изнеможение после вечерних событий, еще не спал.

Он нервно посоветовал:

«Спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие!»

Но сохранение спокойствия оказалось не таким простым делом. Испытывая, с одной стороны, нажим русских, требовавших определенности, а с другой — Жоффра, настаивавшего на мобилизации, французское правительство вынуждено было не предпринимать никаких действий, чтобы показать Англии, что Франция начнет войну лишь в целях самообороны.

На следующее утро первого августа в восемь часов Жоффр прибыл в Военное министерство на улице Святого Доминика и [141] «взволнованным голосом, так контрастировавшим с его прежним спокойствием», просил Мессими добиться согласия правительства на мобилизацию. По его подсчетам, приказ о ней должен быть издан не позднее четырех часов дня, чтобы его можно было отправить на центральный почтамт для рассылки телеграфом по всей Франции, — только в этом случае мобилизация могла начаться в полночь. В девять утра он вместе с Мессими прибыл на заседание кабинета, где представил свой ультиматум: дальнейшая задержка приказа о всеобщей мобилизации на сутки приведет к потере 15 — 20 километров французской территории, и, если приказ не будет отдан теперь, он снимает с себя обязанности главнокомандующего. Перед кабинетом встала еще одна проблема.

Пуанкаре высказался за принятие решительных мер, Вивиани, защищавший антивоенные настроения, все еще надеялся, что время само даст ответ. В одиннадцать часов он прибыл в Министерство иностранных дел, чтобы встретиться с фон Шёном, который, испытывая муки беспокойства, прибыл на два часа раньше срока для получения ответа на вопрос Германии, заданный днем раньше: останется ли Франция нейтральной в русско-германской войне. «Мой вопрос довольно наивен, — сказал огорченно посол, — потому что нам известно о существовании между вашими странами договора о союзе».

Вивиани дал ответ, который был предварительно согласован с Пуанкаре: «Франция будет действовать в соответствии со своими интересами». Как только Шён ушел, вбежал Извольский с новостью о германском ультиматуме России. Вивиани снова отправился на заседание кабинета, на котором было решено объявить мобилизацию. Приказ был подписан и отдан Мессими, однако Вивиани, все еще надеясь на какой-нибудь спасительный поворот событий, настоял на том, чтобы военный министр не оглашал его до 15.30. Одновременно было подтверждено решение о десятикилометровом отводе войск. Мессими лично по телефону передал этот приказ командующим корпусов: «По приказу президента Республики ни одна часть, ни один патруль, ни одно подразделение, ни один солдат не должны заходить восточнее указанной линии. Любой нарушивший этот приказ подлежит военно-полевому суду». Особое предупреждение было направлено XX корпусу, которым командовал генерал Фош. В этом районе, как сообщали надежные источники, эскадрон кирасир «нос к носу» столкнулся с отрядом улан. [142]

В 15.30, как и было условлено, генерал Эбенер из штаба Жоффра в сопровождении двух офицеров прибыл в Военное министерство за получением приказа о мобилизации. Мессими вручил его в мертвой тишине, у него, как, наверное. А у других присутствовавших, от волнения пересохло в горле. «Думая о гигантских и неисчислимых последствиях, которые мог вызвать этот клочок бумаги, мы все четверо слышали биение наших сердец». Министр пожал руки трем офицерам, которые, отдав честь, отправились с приказом в Министерство почт.

В четыре часа дня на стенах Парижа появился первый плакат с сообщением о мобилизации (один из них все еще хранится под стеклом на углу площади Согласия и улицы Рояль). В Арменонвилле, в Булонском лесу, где собирался высший свет, танцы и чаепитие неожиданно были прерваны управляющим. Выйдя вперед, он дал оркестру знак замолчать: «Объявлена мобилизация. Она начинается сегодня в полночь. Играйте «Марсельезу»». В городе улицы уже опустели, так как Военное министерство приступило к реквизированию транспорта.

Группы резервистов с узелками и прощальными букетами цветов маршировали в направлении Восточного вокзала, мимо кричащих и машущих в знак приветствия парижан. Одна группа остановилась, чтобы положить цветы к подножию задрапированной в черное статуи Страсбурга на площади Согласия. Толпа плакала и кричала: «Вив л'Эльзас» — «Да здравствует Эльзас!», затем со статуи было сорвано траурное покрывало, надетое в 1870 году. Оркестры в ресторанах играли французские, русские и английские гимны. «Подумать только, ведь все это играют венгры», — сказал кто-то.

Англичане, находившиеся в толпе, слыша звуки своего гимна, как бы вселявшие надежду во французов, не испытывали особой радости, как и сэр Фрэнсис Берти, розовощекий и упитанный английский посол, входивший в это время в здание на Кэ д'Орсэ. Он был одет в серый фрак и серый цилиндр, а в руках держал зеленый зонтик от солнца. Сэр Фрэнсис чувствовал «стыд и укоры совести». Он приказал закрыть ворота посольства, потому что

толпа, как писал он в своем дневнике, может завтра закричать «Продажный Альбион!», несмотря на сегодняшнее «Да здравствует Англия!».

В Лондоне эта же мысль тяжелым грузом давила на участников беседы — Камбона, человека невысокого роста, с белой бородой, и сэра Эдварда Грея. Когда последний заявил, [143] необходимо подождать «дальнейшего развития событий», потому что конфликт между Россией, Австрией и Германией не «затрагивал интересов» Англии, безупречно выдержанный и всегда держащийся с исключительным достоинством Камбон не удержался от резкого замечания. «Не собирается ли Англия выжидать, не вмешиваясь до тех пор, пока французская территория не будет целиком оккупирована?» — спросил он. В таком случае ее помощь может оказаться «весьма запоздалой».

Грей, с тонкими сжатыми губами и римским носом, пытался скрыть те же душевные переживания. Он искренне верил, что оказание помощи Франции было в интересах Англии, он даже был готов подать в отставку, если его правительство откажется сделать это. По его мнению, события должны привести Англию именно к такому решению, но в тот момент он не мог сделать никаких официальных заявлений. У него не хватило также духа выразить свое мнение неофициально. Его манеры, благодаря которым он производил на английскую публику впечатление мужественного и молчаливого человека, вселяющего уверенность, иностранные коллеги Грея называли «ледяными». Он лишь высказал мысль, которую разделяли почти все, что «бельгийский нейтралитет может оказаться одним из факторов». На это надеялся не только Грей.

Затруднения, испытываемые Англией, объяснялись отсутствием единства взглядов как внутри самого кабинета, так и среди различных политических партий. Кабинет разделился еще со времен англо-бурской войны на либералов, представленных Асквитом, Холдейном и Черчиллем, и «литл инглэндерс» — англичан, выступавших против имперской политики, которых поддерживали все остальные. Наследники Гладстона, они, как и их покойный лидер, с большой настороженностью относились к любому вмешательству за границей и считали единственной достойной целью внешней политики помощь угнетенным народам. В остальном международные вопросы являлись, по их мнению, лишь помехой внутренним делам — реформе избирательной системы, свободной торговле, гомрулю {119} (программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи) и вето лордов (борьба с проектом вето палаты лордов). Они были склонны считать Францию декадентствующей и легкомысленной стрекозой и отнеслись бы к Германии как к трудолюбивому и достойному уважения муравью, если бы не угрожающие позы и воинственный рык кайзера и пангерманских [144] милитаристов, которые значительно сдерживали их чувства. Они никогда не поддержали бы войны на стороне Франции, но появление на арене Бельгии, «маленькой страны, обратившейся к Англии с призывом о помощи, могло бы резко изменить дело.

С другой стороны, группа Грея в кабинете поддерживала основополагающую предпосылку консерваторов и том, что национальные интересы Англии связаны с сохранением Франции. Эти доводы были удивительно точно выражены самим Греем:

«Если Германия начнет господствовать на континенте, это будет неприемлемым как для нас, так и для других, потому что мы окажемся в изоляции».

В этой эпической фразе отражена вся суть внешней политики Англии, которая сводилась к тому, что в том случае, если будет брошен вызов, Англии придется взяться за оружие, чтобы избежать этих «неприемлемых» последствий. Однако Грей не мог официально

заявить об этом, чтобы не вызвать глубокого раскола в правительстве и стране, что накануне войны могло бы оказаться роковым.

Англия была единственной европейской страной, где не существовало обязательной военной службы. Во время войны ей приходилось рассчитывать на добровольцев. Несогласие по военным вопросам и выход из кабинета означали бы создание антивоенной партии с катастрофическими последствиями в деле пополнения армии.

Если для Франции главная цель состояла в том, чтобы вступить в войну вместе с Англией, то для Англии основной задачей было начать войну, имея единое правительство.

В этом был корень проблемы. В ходе заседаний кабинета выявились сильные позиции группы, выступавшей против вступления в войну. Ее лидер, лорд Морли, старый друг Гладстона и его биограф, полагал, что он может рассчитывать на поддержку «восьми или девяти членов кабинета, готовых согласиться с нами» в случае выступления против решения, которое Черчилль поддерживает с «демонической энергией», а Грей — с «настойчивой простотой». После дискуссий в кабинете Морли стало ясно, что нейтралитет Бельгии «был вторичным по отношению к вопросу о нашем нейтралитете в борьбе между Францией и Германией». В свою очередь, Грей четко сознавал, что лишь нарушение бельгийского нейтралитета убедило бы пацифистскую партию в существовании германской угрозы и необходимости вступления в войну в национальных интересах. [145]

Первого августа в кабинете и парламенте мнения значительно разошлись. В тот день двенадцать из восемнадцати членов кабинета выступили против того, чтобы дать Франции заверения о ее поддержке в случае войны. В этот же день либеральная фракция в палате общин 19 голосами против четырех (со многими воздержавшимися) приняла предложение о невмешательстве Англии независимо от того, что «произойдет в Бельгии или где-нибудь в другом месте». Журнал «Панч» опубликовал на той неделе «Строки», выражающие мнение среднего английского патриота:

Зачем идти мне с вами в бой,
Коль этот бой совсем не мой?
Почистить всей Европы карту
И воевать в чужой войне —
Вот для чего нужна Антанта,
И не одна, а сразу две.

Средний патриот уже исчерпал свой обычный запас беспокойства и негодования за время ирландского кризиса, который еще не закончился. Мятеж в Кэрэке был своего рода английским вариантом дела мадам Кайо. В результате билля о гомруле Ольстер угрожал вооруженным восстанием, протестуя против автономии Ирландии, а английские войска, размещенные в Кэрэке, отказались применить оружие против сторонников Ольстера. Генерал Гаф, командующий войсками в Кэрэке, подал в отставку вместе со своими офицерами. За ним подал в отставку начальник Генерального штаба Джон Френч, после чего последовала отставка полковника Джона Сили, преемника Холдейна на посту военного министра.

Армия вышла из повиновения, страна была охвачена расколом и недовольством, дворцовая конференция партийных лидеров и короля закончилась ничем. Ллойд Джордж зловеще говорил «о самом серьезном вопросе, поднятом в этой стране со времен Стюартов», часто повторялись слова «гражданская война» и «восстание»; одна немецкая

фирма по производству оружия, питая большие надежды, отправила 40000 винтовок и миллион патронов в Ольстер. Тем временем пост военного министра оставался свободным, и его обязанности совмещал премьер Асквит, у которого не было времени и еще меньше желания заниматься делами армии.

Асквит, однако, имел необычайно активного первого лорда Адмиралтейства. Черчилль был единственным английским [146] министром, который был твердо убежден в том, что именно должна делать Англия, и без колебаний шел к поставленной цели. Двадцать шестого июля, когда Австрия отвергла ответ Сербии и за десять дней до того, как английское правительство определило свою позицию, Черчилль издал приказ, имевший огромное значение.

Двадцать шестого июля британский флот без всякой связи с разразившимся кризисом проводил пробную мобилизацию и маневры, имея численность экипажей по табелям военного времени. На следующее утро в 7 часов корабли эскадры должны были рассредоточиться — одни направлялись на учения в дальние моря, другие в свои порты, где часть экипажей направлялась в учебные команды, третьи — в доки, на ремонт. Как вспоминал впоследствии первый лорд Адмиралтейства, в воскресенье, двадцать шестого июля, стояла «прекрасная погода». Узнав о новостях из Австрии, он решил поступить так, «чтобы дипломатическая ситуация не определила военно-морскую и чтобы английский флот занял «исходные боевые позиции еще до того, как Германия узнает, будем мы участвовать в войне или нет, и, следовательно, по возможности еще до того, как мы сами примем решение об этом. Курсив был сделан рукой Черчилля. После консультаций с принцем Бэттенбергом, первым морским лордом, он направил приказ флоту не рассредоточиваться.

Затем он информировал о своем решении Грея и с его согласия передал сведения об этом в газеты, надеясь, что эта весть, возможно, произведет «отрезвляющий эффект» на Берлин и Вену.

Держать все корабли флота вместе было еще недостаточно, следовало, как подчеркивал Черчилль, вывести его на «боевые позиции». Главной задачей флота, по мнению адмирала Мэхена, этого Клаузевица военно-морской науки, было оставаться «флотом существующим». В случае войны английский флот, от которого зависела жизнь этой островной нации, должен был взять под свой контроль все торговые морские пути, защитить от вторжения как Британские острова, так и пролив Ла-Манш и французское побережье, выполняя свои обязательства по договору с Францией. Флот должен был обладать достаточной силой, чтобы выиграть любое морское сражение, навязанное германским флотом, и, кроме того, ему следовало остерегаться грозного оружия неведомой силы, которое называлось торпедой. Адмиралтейство преследовал страх неожиданной и необъявленной торпедной атаки. [147]

Двадцать восьмого июля Черчилль отдал приказ своему флоту направиться в район военно-морской базы Скапа-Флоу, далеко на севере, у окутанных туманом Оркнейских островов в Северном море. Корабли покинули Портлэнд двадцать девятого, и к вечеру того же дня их цепочка, растянувшись на восемнадцать миль, прошла через Па-де-Кале, направляясь на север не столько в поисках славы, сколько в целях предосторожности, «Неожиданная торпедная атака, — писал первый лорд Адмиралтейства, — стала, по крайней мере, исчезнувшим кошмаром».

Подготовив флот к военным действиям, Черчилль обратил свой ум и энергию, бившую ключом, на срочную подготовку страны к войне. Двадцать девятого июля он убедил

Асквита разрешить отправку предупредительных телеграмм, которые были условным сигналом Военного министерства и Адмиралтейства о введении предварительного военного положения. Англия не могла объявить угрожающего положения, как Германия, или осадного положения, как Франция, чем фактически вводились законы военного времени, но предварительное военное положение считалось «гениальным изобретением... позволявшим принять определенные меры по приказу военного министра без ссылок на кабинет... в то время, когда была дорога каждая минута».

Время подгоняло не знающего покоя Черчилля, который, предвидя развал либерального правительства, решил искать поддержки у своей старой партии консерваторов. Коалиция была не по вкусу премьер-министру, стремившемуся вступить в войну, имея единое правительство. Семидесятишестилетний лорд Морли, по общему мнению, не остался бы в правительстве в случае войны. Не Морли, а куда более энергичный министр финансов Ллойд Джордж был той ключевой фигурой, потерю которого правительство не могло допустить как в силу его недюжинных административных способностей, так и из-за огромного влияния на избирателей. Обладая острым умом, честолюбием и увлекающим слушателей уэльсским красноречием, Ллойд Джордж больше склонялся к пацифистам, но мог неожиданно занять и другую позицию. Недавно он испытал ряд неудач, нанесших вред его популярности. Он наблюдал за подъемом нового соперника, претендовавшего на руководство партией, которого лорд Морли называл «этот великолепный кондотьер из Адмиралтейства». Он мог, по мнению некоторых своих коллег, достичь политических преимуществ, сыграв против Черчилля [148] своей «мирной картой». В общем, Ллойд Джордж представлял собой неопределенную и опасную величину.

Асквит, не имевший намерения ввергать раздираемую разногласиями страну в войну, с приводящим в бешенство спокойствием продолжал ждать событий, способных изменить точку зрения пацифистов.

Тридцать первого июля в своем дневнике он бесстрастно записал:

«Главный вопрос заключался в том, следовало ли нам вступать в войну или остаться в стороне? Разумеется, всем хотелось остаться в стороне».

В ходе заседаний кабинета тридцать первого июля Грей, занимавший менее пассивную позицию, высказался довольно прямо. Он заявил, что политика Германии является политикой «европейского агрессора, такого же, как Наполеон» (имя Наполеона имело для Англии лишь одно значение). Наступило время, убеждал он министров, когда откладывать дальше решение — поддержать Антанту или соблюдать нейтралитет — уже невозможно. Он сказал, что если будет избран нейтралитет, то он не будет тем человеком, которому, придется проводить эту политику. Подразумевавшаяся угроза подать в отставку прозвучала так, как будто он уже сделал это.

«Казалось, будто все разом ахнули», — писал один из министров. На несколько мгновений воцарилась мертвая тишина, члены кабинета замерли, неожиданно пораженные мыслью о том, что их существование как правительства поставлено под сомнение. Никакого решения принято не было, и заседание пришлось отложить.

В ту пятницу, канун августовских банковских каникул, фондовая биржа закрылась в 10.00 утра, охваченная волной финансовой паники, начавшейся в Нью-Йорке после того, как Австрия объявила войну Сербии. Стали закрываться и другие европейские биржи. Сити дрожал, предвещая гибель и крушение международных финансов. По свидетельству Ллойд Джорджа, банкиры и бизнесмены приходили в «ужас» при мысли о войне, которая

разрушила бы «всю кредитную систему с центром в Лондоне». Управляющий Английского банка посетил в субботу Ллойд Джорджа и информировал его о том, что Сити «решительно выступает против нашего вступления» в войну.

В ту пятницу лидеры консерваторов собрались на совещание в Лондоне, чтобы обсудить кризис. Многих пришлось вызвать из-за города, где они проводили конец недели. Душа, сердце и движущая сила англо-французских «переговоров» — Генри [149] Вильсон стремительно подбегал то к одному, то к другому участнику совещания, умоляя, требуя, доказывая необходимость немедленного принятия решения. Он твердил, что нерешительные либералы станут причиной позора Англии, если отступят в этот момент. Общепринятым эвфемизмом совместных планов Генерального штаба были «переговоры». Формула «никаких обязательств», разработанная первоначально Холдейном и вызвавшая недовольство Кэмбелла-Баннермана, отклоненная лордом Эшером и упомянутая в 1912 году Греем в письме к Камбону, все еще отражала официальную позицию правительства, несмотря на всю свою бессмысленность.

И действительно, война, как говорил Клаузевиц, является продолжением национальной политики, это же относится и к военным планам. Англо-французские планы, разрабатываемые в мельчайших подробностях в течение девяти лет, были не игрой, не фантазией или упражнениями на бумаге с целью отвлечь и занять умы военных, чтобы они не натворили других бед. Планы были либо продолжением политики, либо ничем. Они ничем не отличались от соглашений между Францией и Россией или Германией и Австрией, кроме заключительной юридической фикции, что они не «обязывают» Англию предпринимать какие-либо действия. Члены парламента или правительства, которым это не нравилось, просто закрывали глаза, а другие, как загипнотизированные, верили в эту выдумку.

Камбон, встречаясь с лидерами оппозиции после мучительного интервью с Греем, теперь полностью пренебрегал дипломатическим тактом. «Все наши планы составлялись совместно. Наши Генеральные штабы проводили консультации. Вы видели все наши расчеты и графики. Взгляните на наш флот! Он весь находится в Средиземном море в результате договоренности с вами, и наши берега открыты врагу. Вы сделали нас беззащитными!» Он повторял: если Англия не вступит в войну, Франция никогда ей этого не простит. Он заканчивал свои тирады, с горечью восклицая: «А честь? Знает ли Англия, что

такое честь!»

У разных людей представления о чести разные, и Грей знал, что до вторжения в Бельгию переубедить пацифистов не удастся. В тот же день он отправил французскому и германскому правительствам телеграммы с просьбой дать официальные подтверждения в том, что они будут уважать нейтралитет Бельгии, «если другие державы не нарушат его». Через час после получения [150] этой телеграммы — поздно вечером тридцать первого июля — французы прислали положительный ответ. От Германии ответа получено не было.

На следующий день, первого августа, этот вопрос был вынесен на обсуждение кабинета. Ллойд Джордж водил пальцем по карте, показывая путь немцев, который, как он считал, будет пролегать через ближний угол по кратчайшей линии в направлении Парижа, но, по его словам, это будет «незначительное нарушение». Когда Черчилль потребовал предоставления ему полномочий для мобилизации флота, то есть призыва моряков-резервистов, кабинет после «резких споров» высказался против. Когда Грей попросил

санкционировать выполнение обязательств перед французским флотом, лорд Морли, Джон Бэрнс, сэр Джон Саймон и Льюис Харкорт стали угрожать отставкой. За пределами кабинета распространялись слухи о последних демаршах кайзера и русского царя и о германских ультиматумах. Грей вышел из зала заседаний, чтобы поговорить с Лихновским по телефону, тот неправильно его понял, невольно вызвав, таким образом, бурю в душе генерала Мольтке. Он также встретился с Камбоном и заявил ему: «Франция сейчас должна сама принять решение, не рассчитывая на помощь, которую мы в настоящий момент не в состоянии оказать». Он вернулся на заседание кабинета, а Камбон, бледный и растерянный, сел в кресло в кабинете своего старого друга сэра Артура Николсона, постоянного заместителя министра. «Они собираются бросить нас», — сказал он.

Редактору газеты «Таймс», спросившему его, что он собирается делать, Камбон ответил:

«Я подожду, чтобы узнать, не пора ли вычеркнуть слово «честь» из английского словаря».

Никто из членов кабинета не хотел сжигать за собой мосты. Отставками только угрожали, но их не подавали. Асквит, проявляя сдержанность, говорил мало, он ждал развития событий дня, подходившего к концу в атмосфере лихорадочного обмена депешами и растущего безумия. В этот день Мольтке отказался двинуть армии на восток, лейтенант Фельдман захватил Труа-Вьерж в Люксембурге. Мессими подтвердил по телефону приказ о десятикилометровом отводе войск, а первый лорд Адмиралтейства принимал своих друзей из оппозиции, среди которых находились будущие лорды — Бивербрук и Биркенхед. Чтобы скоротать время, проходившее в напряженном ожидании, гости после обеда сели играть в бридж. Игру прервало [151] появление курьера с портфелем для срочных донесений. Вынув из кармана ключ, Черчилль открыл его и достал листок бумаги, содержавший лишь одну фразу: «Германия объявила войну России». Он сообщил об этом своим друзьям, переоделся и вышел из дому «как человек, отправляющийся заниматься привычной работой».

Черчилль пересек Хорс гарде перейд и оказался на Даунинг-стрит, прошел через садовую калитку, вошел в дом, где на втором этаже встретился с Греем, Холдейном, ставшим теперь лордом-канцлером, и лордом Крю, министром по делам Индии. Черчилль сообщил им, «что решил немедленно мобилизовать флот, несмотря на решение кабинета».

Асквит ничего не ответил, но, как показалось Черчиллю, был «совершенно согласен».

Провожая Черчилля, Грей сказал:

«Я только что сделал очень важную вещь. Я заявил Камбону, что мы не допустим германский флот в пролив Ла-Манш».

По крайней мере именно так понял Черчилль смысл слов Грея, избегавшего четких и ясных формулировок. Из этого следовало, что английский флот взял на себя определенные обязательства. Дал ли Грей такое обещание или же только намеревался выступить с ним на следующее утро, как утверждают некоторые историки, не суть важно; «как бы то ни было, Черчилль лишь еще больше уверовал в правильность своего решения». Он вернулся в Адмиралтейство и «отдал приказ начать мобилизацию».

Как и этот приказ, так и обещание Грея выполнить условия морского соглашения с Францией шли вразрез с мнением большинства членов кабинета. На следующий день кабинет должен был либо одобрить эти решения, либо уйти в отставку. К этому времени,

по мнению Грея, уже должны были прибыть сообщения о «развитии событий» в Бельгии. Грей чувствовал, что в своих расчетах он, так же как и французы, мог с уверенностью положиться на Германию. [153]

Ультиматум в Брюсселе

В запертом сейфе фон Белова-Салеске, германского посланника в Брюсселе, хранился запечатанный конверт, доставленный двадцать девятого июля из Берлина специальным курьером с приказом «не вскрывать до получения специальных инструкций по телеграфу из Германии». В воскресенье, второго августа, Белов получил телеграмму с указанием немедленно вскрыть конверт и передать содержащуюся в нем ноту в тот же день в восемь вечера, причем «сделать это таким образом, чтобы у бельгийского правительства сложилось впечатление, что все инструкции были получены вами сегодня впервые». Он должен был потребовать, чтобы бельгийцы дали ответ на ноту в ближайшие двенадцать часов. Ему предлагалось отправить ответ телеграфом в Берлин и «одновременно с курьером на автомобиле доставить его генералу фон Эмиху в отель «Юнион» в Аахене». Аахен, или Э-ля-Шапель, был ближайшим немецким городом от Льежа, восточных ворот в Бельгию.

Посланник фон Белов, высокий, прямой холостяк, с остроконечными усами и желто-зеленым мундштуком, который он постоянно сжимал в зубах, получил назначение на этот пост в начале 1914 года. Когда посетители, приходившие в немецкое посольство, обращали внимание на серебряный поднос, лежавший на его письменном столе, посол говорил:

«Я предвестник несчастий. Когда я был в Турции, там произошла революция. Когда я был в Китае, там началось боксерское восстание, один из выстрелов в окно продырявил этот поднос». И, поднося мундштук с сигаретой к губам широким, изящным жестом, добавлял: «Но теперь я отдыхаю. В Брюсселе ничего не случается».

После прибытия запечатанного конверта его покою пришел конец. В полдень первого августа он принял прибывшего к нему с визитом заместителя министра иностранных дел Бельгии барона де Бассомпьера, тот сообщил, что вечерние газеты собираются опубликовать ответ Франции на ноту Грея, в котором будет дано обещание уважать нейтралитет Бельгии. Ввиду отсутствия аналогичного ответа Германии, Бассомпьер спросил фон Белова, не желает ли тот сделать какое-либо заявление. Германский посланник не имел на это полномочий. Поэтому, прибегнув к дипломатическому маневру, он откинулся в кресле и, уставившись в одну точку на потолке, повторил слово в слово то, что только что сказал ему бельгийский представитель, как будто проиграв граммофонную пластинку. Поднявшись, он заверил гостя, что «Бельгии нечего опасаться Германии», и на этом откланялся.

На следующее утро он давал те же заверения Давиньону, министру иностранных дел, которого разбудили в шесть утра, чтобы сообщить о вторжении германских войск в Люксембург. Тот решил потребовать объяснений у германского посла. Вернувшись в посольство, Белов успокоил встревоженных журналистов таким афоризмом: «Может гореть крыша вашего соседа, но ваш дом будет в безопасности».

Многие в Бельгии, как в официальных кругах, так и вне их, были склонны верить его словам либо в силу своих прогерманских настроений, либо теша себя иллюзорными надеждами, либо просто уверовав в добрую волю стран — гарантов бельгийского нейтралитета.

Эта страна, независимость которой обещали уважать, прожила без войн семьдесят пять лет — самый длительный период мира в ее истории. Военные пути пролегали через территорию Бельгии еще со времен Цезаря. Здесь велась долгая и ожесточенная борьба

между Карлом Смелым, герцогом Бургундским, и королем Франции Людовиком XI. Через территорию Бельгии [154] испанцы совершали опустошительные набеги на Голландию. Здесь произошла «кровавая битва» между войсками Мальборо и французами при Мальплакё, здесь Наполеон встретился с Веллингтоном при Ватерлоо, здесь народ восставал против своих правителей — бургундских, французских, испанских, габсбургских, голландских — вплоть до свержения власти Оранского дома в 1830 году. Затем при Леопольде Сакс-Кобургском, дяде королевы Виктории по материнской линии, бельгийцы достигли процветания и утвердились как нация: позже они растрачивали свою энергию в братоубийственных схватках между фламандцами и валонами, католиками и протестантами, а также в спорах по поводу социализма или на каком языке им говорить, французском или фламандском. Они страстно надеялись в то же время, что соседи не нарушат их беспокойного счастья.

Король, премьер-министр и начальник Генерального штаба уже не разделяли общей уверенности, но они не могли, как в силу обязанностей, вытекающих из соблюдения нейтралитета, так и собственной веры в нейтралитет, начать разработку планов для отражения нападения. До последней минуты они не решались поверить, что одна из стран-гарантов развяжет агрессию.

Узнав, что тридцать первого июля Германия объявила у себя «угрожаемое положение», они приказали начать в полночь мобилизацию бельгийской армии. Ночью и на следующий день полицейские обходили дома и вручали повестки. Люди, поднятые с постелей или прервавшие работу, собирали узелки, прощались с близкими и отправлялись к местам сбора своих полков. Бельгия, строго соблюдавшая нейтралитет, еще не решила, какой план военных действий ей избрать, поэтому мобилизация не была направлена против определенного противника. Это была мобилизация без развертывания войск. Бельгия, обязавшись, как и страны-гаранты, придерживаться нейтралитета, не могла проводить каких-либо явных военных мероприятий, если ей никто не угрожал.

К вечеру первого августа, когда прошло уже более суток, а Германия все еще не ответила на запрос Грея, король Альберт решился на последний шаг, направив кайзеру личное послание. Он составил его с помощью своей жены, королевы Елизаветы, урожденной немки, дочери баварского герцога.

В послании признавалось, что по «политическим мотивам» выступать с открытым заявлением «не всегда удобно», но, тем не менее, «узы родства и дружбы», как надеялся король Альберт, [155] могли бы побудить кайзера дать в частном и конфиденциальном порядке заверения в отношении уважения бельгийского нейтралитета.

Упоминание о родстве — мать короля Альберта, принцесса Мари Гогенцоллерн-Сигмарингенская, принадлежала к дальней католической ветви прусской королевской фамилии — оказалось напрасным, кайзер так и не прислал ответа.

Вместо него появился ультиматум, находившийся в сейфе фон Белова более четырех дней. Он был предъявлен в семь часов вечера второго августа.

Лакей, просунув голову в кабинет заместителя министра иностранных дел, срывающимся от волнения голосом известил: «К господину Давиньону только что прибыл немецкий посланник!» Через пятнадцать минут уже видели, как Белов ехал по улице де ля Луа, держа шляпу в руках, на лбу у него выступила испарина, он курил, поднося сигарету ко рту частыми, резкими движениями, напоминая этим механическую игрушку.

Едва «этот надменный тип» покинул здание, оба заместителя бросились в кабинет к министру, где Давиньон, обычно невозмутимый и уравновешенный оптимист, сидел необычайно бледный и растерянный. «Плохие, очень плохие новости», — сказал он, подавая им только что полученную ноту. Барон де Гаффье, политический секретарь, медленно вслух перевел ее, а Бассомпьер, сидя за столом министра, записывал каждое слово, обращая внимание на каждую двусмысленную фразу, чтобы убедиться в ее правильном переводе. Давиньон и постоянный заместитель министра барон ван дер Эльст напряженно слушали, сидя в двух креслах по обеим сторонам камина.

Обсуждение любого вопроса Давиньон заканчивал фразой:

«Я уверен, что все окончится хорошо», поскольку ван дер Эльст своими оценками убедил в прошлом правительство, что интенсивное вооружение Германии связано лишь с наступлением на восток и не представляет никакой угрозы для Бельгии.

Когда перевод был закончен, в комнату вошел барон де Броквилль, высокий брюнет с изящными манерами, решительный вид которого подчеркивали энергично закрученные вверх усы и темные глаза. Он одновременно занимал пост премьера и военного министра. Когда ему зачитывали ультиматум, все присутствовавшие ловили каждое слово с таким напряжением, какое, очевидно, и рассчитывали вызвать авторы этой ноты. Документ был составлен с большой тщательностью, возможно, [156] даже с подсознательным чувством того, что ему предстоит стать одним из решающих документов истории.

Генерал Мольтке подготовил собственный первоначальный вариант. Двадцать шестого июля, за два дня до объявления Австрией войны Сербии, за четыре дня до мобилизации в Австрии и России и в тот же день, когда Германия и Австрия отклонили предложение сэра Эдварда Грея о конференции пяти держав, Мольтке направил этот проект ультиматума в Министерство иностранных дел. Заместитель министра Циммерман и политический секретарь Штумм изменили его, и после внесения поправок министром иностранных дел Яговым и канцлером Бетманом-Хольвегом он был отослан двадцать девятого июля в Брюссель. Необычайные усилия, приложенные немцами, свидетельствовали о том огромном значении, которое придавалось ими этому документу.

Германия получила «надежную информацию», говорилось в ноте, о предполагаемом продвижении французских войск вдоль линии Живё — Намюр, «что не оставляет сомнений в отношении намерения Франции напасть на Германию через бельгийскую территорию». (Поскольку бельгийцы не видели признаков передвижения французских войск, которого в действительности и не было, это обвинение не произвело на них никакого впечатления.)

Так как Германия, утверждалось далее, не может рассчитывать на то, что бельгийская армия остановит французское наступление, она вынуждена в «целях самосохранения» «предвосхитить это вражеское нападение». Германское правительство будет «очень сожалеть», если Бельгия станет рассматривать вступление ее войск на свою территорию «как враждебный акт». С другой стороны, если Бельгия займет позицию «благосклонного нейтралитета», Германия возьмет на себя обязательство «уйти с ее территории, как только будет заключен мир», возместить все потери, причиненные германской армией, и «гарантировать при заключении мира суверенные права и независимость королевства». В первоначальном варианте это предложение заканчивалось так: «...и отнестись с самым доброжелательным пониманием к любым требованиям Бельгии о выплате компенсации за счет Франции». В последний момент Белов получил указание вычеркнуть это упоминание о взятке.

Если Бельгия откажется пропустить германские войска через свою территорию, говорилось в конце ноты, она будет считаться [157] врагом Германии и будущие отношения с ней будут решаться с помощью «оружия». Бельгийцы должны были дать «недвусмысленный ответ» в течение двенадцати часов.

После чтения ноты на несколько минут «установилась трагическая тишина, казавшаяся бесконечно долгой», вспоминает Бассомпьер. Каждый находившийся в комнате думал о выборе, перед которым стояла страна. Маленькая по размерам и недавно получившая свободу, Бельгия упрямо цеплялась за независимость. Однако никому из собравшихся не было необходимости объяснять, к каким последствиям приведет решение об обороне. Страна подвергнется нападению, дома — разрушению, люди — репрессиям.

Немцы, стоявшие у дверей Бельгии, обладали десятикратным перевесом в силе, поэтому окончательный исход борьбы не вызывал сомнений. С другой стороны, если бы бельгийцы уступили требованиям Германии, они стали бы соучастниками нападения на Францию и нарушителями собственного нейтралитета, не считая того, что они добровольно соглашались на оккупацию, получив взамен почти ничего не значащее обязательство, что победоносная Германия в будущем, возможно, и отведет свои войска. В любом случае их ждала оккупация, а уступить, кроме того, означало потерять еще и честь.

«Если нам суждено быть разбитыми, — писал о своих переживаниях Бассомпьер, — то лучше быть разбитыми со славой».

ван дер Эльст первым нарушил тишину в кабинете. «Итак, мы готовы?» — спросил премьер.

«Да, мы готовы, — ответил де Броквилль. — Да, — повторил он, как бы убеждая самого себя, — за исключением одного — у нас еще нет тяжелой артиллерии».

Только в прошлом году правительство добилось от парламента одобрения увеличения военных ассигнований, который неохотно пошел на этот шаг, придерживаясь строгого соблюдения нейтралитета. Заказ на тяжелые орудия был дан фирме Крупна, которая, естественно, задержала поставки.

Прошел один час из предоставленных двенадцати. Бассомпьер и Гаффье начали составлять проект ответа, в то время как их коллеги стали созывать министров на заседание Государственного совета, назначенное на девять часов. Им не было нужды спрашивать, каким оно должно быть. Броквилль отправился во дворец, чтобы информировать короля. [158] Ощущая лежащую на нем ответственность руководителя, король Альберт необычайно чутко следил за развитием событий за границей.

Он не был рожден, чтобы вступить на престол. Младший сын младшего брата короля Леопольда, он рос незамеченным в глубине дворца под присмотром наставника-швейцарца, бывшего менее чем посредственностью. Семейная жизнь Кобургов была далеко не радостной. Сын Леопольда умер, а в 1891 году умер и его племянник, Бодуэн, старший брат Альберта, и Альберт в шестнадцать лет остался единственным наследником трона. Старый король, тяжело переживавший смерть сына и Бодуэна, на которого он перенес всю отеческую любовь, сначала не обращал внимания на Альберта, называя его «запечатанным конвертом».

Но внутри «конверта» скрывалась огромная физическая и интеллектуальная энергия, которая была характерна двум великим современникам — Теодору Рузвельту и Уинстону Черчиллю, хотя в остальном он нисколько не походил на них. Он был более склонен к самоанализу, они же почти все свое внимание уделяли окружающему. И все же он чем-то походил на Теодора Рузвельта — их вкусы, если не темперамент, во многом совпадали: любовь к природе, увлечение спортом, верховой ездой, альпинизмом, интерес к естественным наукам и проблемам охраны природы. Альберт, как и Рузвельт, буквально пожирал книги, прочитывая ежедневно не менее двух по любой отрасли — литературе, военной науке, медицине, иудаизму, авиации. Он ездил на мотоцикле и мог водить самолет. Особенную страсть он питал к горам, путешествуя инкогнито чуть ли не по всей Европе. Как прямой наследник, он совершил поездку в Африку, чтобы на месте ознакомиться с колониальными проблемами. Он с одинаковым усердием изучал армию, угольные шахты Боринажа или «Красную страну» валлонов. «Когда король говорит, кажется, что он собирается что-то строить», — сказал как-то один из его министров.

В 1900 году он женился на Елизавете Виттельсбах, дочери герцога, который занимался в мюнхенском госпитале лечением глазных болезней. Взаимная любовь, трое детей, образцовая семейная жизнь — все это находилось в резком контрасте с неподобающим поведением прежних правителей, и поэтому, когда в 1909-м он вступил на престол вместо короля Леопольда II, к всеобщей радости и облегчению, это послужило одной из причин роста его популярности. Новые король и королева, как и [159] прежде, не заботились о пышности, принимали кого хотели, проявляли интерес и любовь к путешествиям, оставаясь равнодушными к опасностям, этикету и критике. Эта королевская чета стояла ближе, пожалуй, к богеме, а не к буржуазии.

Альберт был кадетом военного училища в то время, когда там учился будущий начальник Генерального штаба Эмиль Галз. Сын сапожника, Гале был отправлен учиться на деньги, собранные его деревней. Позднее он стал преподавателем военной академии и подал в отставку, когда не смог больше мириться с пропагандированием теории отчаянного наступления, которую бельгийский Генеральный штаб перенял от своих французских коллег без учета реальных условий. Гале также покинул католическую церковь и стал протестантом. Пессимистически настроенный, чрезвычайно строгий и последовательный, он необычайно серьезно относился к своей профессии, как и ко всему остальному. Говорили, что он ежедневно читал Библию и никто не видел улыбки на его лице. Король слушал его лекции, встречался с ним на маневрах. Взгляды Гале произвели на него сильное впечатление: наступление ради наступления и при любых обстоятельствах было опасным делом — навязывать сражение следует только в случае уверенности в достижении важного успеха, а наступательные бои «требуют превосходства в силах».

Несмотря на то, что Гале был всего лишь капитаном, сыном сапожника и в католической стране стал протестантом, король выбрал его своим военным советником, учредив для этого специальный пост.

Поскольку по бельгийской конституции король становился главнокомандующим только во время войны, он и Гале не могли в мирное время своими опасениями или идеями повлиять на Генеральный штаб. Это учреждение цеплялось за пример событий 1870 года, когда ни один прусский или французский солдат не переступил бельгийскую границу, хотя, если бы французы и вступили на ее территорию, им было бы достаточно места, чтобы отступить.

Однако, по мнению короля Альберта и Гале, несмотря на то, что теперь армии были увеличены до огромных размеров, если война разразится, они пойдут по старым военным

дорогам и столкнутся на аренах прошлых боев. Их убежденность в этом росла с каждым годом.

Кайзер дал это понять совершенно недвусмысленно в интервью, которое тогда, в 1904 году, привело Леопольда II в замешательство. [160]

Возвратившись домой, король постепенно оправился от этого шока, полагая, что Вильгельм был крайне непостоянен и его вряд ли можно было принимать всерьез. С этим суждением согласился также ван дер Эльст, которому король рассказал о своей беседе с кайзером.

И в самом деле, во время ответного визита в Брюссель в 1910 году Вильгельм сделал все, чтобы успокоить бельгийцев. Он сказал ван дер Эльсту, что Бельгии не следует опасаться Германии. «У вас не будет оснований для жалоб на Германию... Я отлично понимаю позицию вашей страны... Я никогда не поставлю ее в ложное положение».

Большинство бельгийцев ему верило. Они всерьез принимали данные им гарантии независимости. Бельгия с пренебрежением относилась к своей армии, обороне границ, крепостям, всему, что ставило под сомнение договор о нейтралитете.

Безразличие общества к событиям за границей, занятость парламента исключительно внутриэкономическими проблемами привели к тому, что армия пришла в такой упадок, что находилась примерно на уровне турецкой. Солдаты были плохо дисциплинированны, расхлябаны, неопрятны, не отдавали честь, не слушались в строю и отказывались ходить в ногу.

Офицерский корпус был не лучше. Поскольку армия считалась излишней и почти абсурдом, она не привлекала к себе лучших умов или способных и честолюбивых молодых людей. Тот, кто выбирал военную карьеру и проходил через военную академию, впитывал в себя французскую доктрину «порыва», «наступления не на жизнь, а на смерть». Они придерживались поразительной формулы: «Главное в том, что мы должны атаковать. Тогда с нами будут считаться».

Несмотря на все величие идеи, эта формула плохо согласовывалась с реальным положением Бельгии, её доктрина наступления, которая так странно утвердилась в умах членов Генерального штаба, не вязалась с обязательствами Бельгии уважать нейтралитет, что требовало, в свою очередь, ориентации лишь на оборонительную стратегию. Нейтралитет запрещал бельгийским военным разрабатывать свои планы в сотрудничестве с какой-либо страной и заставлял их считать врагом того, кто первым переступит границу, будь то англичане, французы или немцы. В таких условиях трудно разработать четкий план военной кампании. [161]

Бельгийская армия состояла из шести пехотных и одной кавалерийской дивизии по сравнению с тридцатью четырьмя дивизиями, которым, согласно немецким планам, предстояло пройти через территорию Бельгии. Обучение и вооружение бельгийской армии были крайне недостаточны, огневая подготовка низкой: запасы боеприпасов позволяли проводить стрельбы всего два раза в неделю из расчета по одному выстрелу на человека. Обязательная воинская повинность, введенная лишь в 1913 году, сделала армию еще более непопулярной. В тот год, когда из-за границы были слышны грозные раскаты приближающейся бури, парламент неохотно согласился увеличить численность армии с 13 до 33 тысяч человек, но средства на укрепление обороны Антверпена обязался выделить при условии, что расходы на это будут возмещены за счет сокращения

длительности военной службы. Генеральный штаб был создан только в 1910 году по настоянию короля.

Эффективность этого органа была ограничена глубокими расхождениями во взглядах входивших в его состав офицеров. Одни отстаивали наступательный план, в соответствии с которым армия при угрозе войны сосредоточивалась на границах. Другие выступали за оборонительную стратегию и предлагали сконцентрировать силы на внутренних рубежах. Третья группа, в которую входили король Альберт и капитан Гале, ратовала за оборону на позициях, находящихся в максимальной близости от угрожаемых границ, чтобы не подвергать риску коммуникации, ведущие к укрепленной базе в Антверпене.

Пока на европейском горизонте сгущались тучи, офицеры бельгийского штаба растратили энергию на споры, так и не разработав плана концентрации войск. Их затруднения усугублялись еще и тем, что они не могли решить, кто же будет их противником. Наконец был выработан компромиссный проект, составленный лишь в общих чертах, без железнодорожных графиков, указаний пунктов снабжения и казарм.

В 1910 году короля Альберта пригласили в Берлин, так же как девять лет тому назад его дядю. Кайзер устроил в его честь королевский обед, стол был украшен фиалками и накрыт на пятьдесят пять персон, среди присутствующих были военный 1 министр генерал Фалькенхайн, министр имперского флота адмирал Тирпиц, начальник Генерального штаба генерал Мольтке и канцлер Бетман-Хольвег. Бельгийский посол барон Бейенс отметил, что король выглядел весь обед необычно мрачным. Он [162] видел, что после обеда король разговаривал с Мольтке. Лицо Альберта, слушавшего генерала, с каждой минутой все больше темнело. Покидая дворец, король сказал Бейенсу: «Приходите завтра в девять. Я должен поговорить с вами».

Утром он совершил прогулку с Бейенсом от Бранденбургских ворот, мимо блестевших белым мрамором и застывших в героических позах скульптур Гогенцоллернов, заботливо укутанных туманом, до Тиргартена, где они смогли поговорить «без помех». Альберт признался, что уже в начале своего визита он был шокирован кайзером, когда на одном из балов тот указал ему на генерала фон Клюка, который, по его словам, выбран «возглавить марш на Париж». Затем вечером накануне обеда кайзер отвел Альберта в сторону для личной беседы и разразился истерической тирадой против Франции. По его словам, Франция не прекращала провоцировать его. Из-за позиции, занятой этой страной, война с ней не только неизбежна, она вот-вот разразится. Французская пресса наводнена злобными угрозами в адрес Германии, закон об обязательной военной службе явился враждебным актом, и движущая сила всей Франции кроется в ненасытной жажде реванша. Альберт попытался разубедить кайзера — он знает французов лучше, каждый год посещает эту страну и может заверить кайзера в том, что этот народ не только не агрессивен, но, напротив, искренне стремится к миру. Напрасно. Кайзер продолжал твердить о неизбежности войны.

После обеда этот припев подхватил Мольтке:

«Война с Францией приближается, на этот раз мы должны покончить с этим раз и навсегда, вашему величеству трудно представить, каким неудержимым энтузиазмом будет охвачена Германия в решающий день».

Германская армия непобедима, ничто не может противостоять натиску тевтонцев, ужасные разрушения отметят их путь, их победа не вызывает сомнений.

Обеспокоенный причиной этих поразительных откровений, а также их содержанием, Альберт мог лишь прийти к выводу, что они были предназначены для того, чтобы запугать Бельгию и заставить ее пойти на сговор с Германией. Очевидно, немцы приняли определенное решение. Нужно было предупредить Францию. Он дал инструкции Бейенсу информировать обо всем Жюля Камбона, французского посла в Берлине, и попросить передать эти сведения в самых сильных выражениях президенту Пуанкаре. [163]

Позднее он узнал, что майор Мелотт на том же обеде выслушал от Мольтке еще более поразительные вещи: война с Францией «неизбежна», она намного «ближе, чем вы думаете». Мольтке, обычно проявлявший большую сдержанность в разговорах с иностранными военными атташе, на этот раз «распоясался». Судя по его словам, Германия не хочет войны, однако Генеральный штаб «находится в состоянии готовности натянутого лука». Он сказал, что «Франция должна решительно прекратить провоцировать и раздражать нас, ибо в противном случае нам придется прибегнуть к действиям. Чем скорее, тем лучше. Мы сыты по горло этими постоянными тревогами». В качестве примеров этих провокаций, не считая «крупных дел», Мольтке назвал холодный прием, оказанный германским авиаторам в Париже, и бойкот парижским обществом майора Винтерфельда, германского военного атташе. На это горько жаловалась мать майора. А что касается Англии, что ж, германский флот создан не для того, чтобы прятаться в гаванях. Он пойдет в наступление и, возможно, будет разбит. Пусть Германия потеряет свои корабли, но Англия утратит свое господство на морях, которое перейдет к Соединенным Штатам. Только они окажутся победителями в европейской войне. Англия это знает, сказал генерал, сделав неожиданный логический поворот, и, вероятно, останется нейтральной.

Но Мольтке еще не договорил. Что же делать Бельгии, спросил он майора Мелотта, если мощная иностранная армия вторгнется на ее территорию? Атташе ответил, что Бельгия будет защищать свой нейтралитет. Пытаясь узнать, ограничится ли Бельгия протестом, как думали немцы, или будет сражаться, Мольтке попросил его быть более конкретным. Когда Мелотт сказал: «Мы выступим всеми имеющимися у нас силами против державы, посягнувшей на наши границы», Мольтке как бы между прочим заметил, что одних благих намерений недостаточно. «Вы также должны иметь армию, способную выполнить задачи, вытекающие из обязательств по сохранению вашего нейтралитета».

Вернувшись в Брюссель, король Альберт немедленно потребовал представить ему доклад о ходе разработки мобилизационных планов, но узнал, что никакого прогресса в этом деле не достигнуто. Немедля король добился согласия де Броквилля на составление плана кампании, основанного на предположении германского вторжения. Ему также удалось назначить своего [164] протеже, которого поддерживал также и Гале, — энергичного полковника де Рикеля ответственным за эту работу.

Ее намечалось закончить в апреле, но к этому сроку она не была выполнена. В июле все еще продолжалось рассмотрение четырех независимых планов концентрации войск.

Неудачи не поколебали решимости короля. Его политика была отражена в меморандуме, который Гале составил сразу после берлинского визита. «Мы полны решимости объявить войну любой державе, намеренно нарушившей наши границы, и воевать с использованием всех наших сил и ресурсов, и если потребуется, то и за пределами нашей территории. Мы не прекратим военных действий даже тогда, когда захватчик отступит, вплоть до заключения всеобщего мира».

Второго августа король Альберт, председательствовавший на заседании открывшегося Государственного совета, в девять часов вечера во дворце, начал свое выступление словами: «Наш ответ должен быть «нет», невзирая на последствия. Наш долг — защитить территориальную целостность страны, и мы должны добиваться этой цели». Он предупредил, чтобы никто из присутствующих не питал никаких иллюзий: последствия будут самыми серьезными и страшными, враг беспощаден. Премьер де Броквилль призвал колеблющихся не верить обещаниям Германии освободить бельгийскую территорию после войны. «Если Германия победит, — сказал он, — Бельгия, независимо от занятой ею позиции, окажется присоединенной к Германской империи».

Один престарелый министр, недавно принимавший в своем доме герцога Шлезвиг-Гольштейна, шурина кайзера, не мог сдержать гнева, вызванного вероломством своего гостя, который только накануне заверял его в дружбе Германии. Он не переставал сердито ворчать и возмущаться по этому поводу в течение всего заседания.

Когда генерал Селер, начальник штаба, встал и начал объяснять суть оборонительной стратегии, которую нужно было принять, его заместитель полковник де Рикель процедил сквозь зубы: «Мы должны ударить их в самое уязвимое место». Отношения этих офицеров, по свидетельству одного из коллег, были «заметно лишены взаимных любезностей». Получив слово, де Рикель удивил своих слушателей тем, что предложил опередить врага, атаковав его на собственной территории до того, как он сможет пересечь бельгийскую границу. [165]

В полночь заседание было отложено. Комитет в составе премьера, министра иностранных дел и министра юстиции приступил к составлению проекта ответа. Они целиком были поглощены этой работой, когда во двор, освещаемый лишь светом окон первого этажа, въехал автомобиль. Пораженным министрам сообщили о прибытии германского посланника. Была половина второго ночи. Что ему нужно в такой час?

Ночной визит герра фон Белова был вызван растущей тревогой его правительства по поводу того, какой эффект произвел германский ультиматум на бельгийцев. Немцы долгие годы сами себе говорили, что Бельгия не будет сражаться, но, когда этот час наступил, они, хотя и с опозданием, начали терзаться сомнениями. Если бы Бельгия мужественно и громко заявила «нет», то это произвело бы на нейтральные страны в других частях мира впечатление, крайне неблагоприятное для Германии. Однако Германия пеклась не столько об отношении к ней нейтральных государств, сколько о той задержке, которая нарушила бы составленные графики. Бельгийская армия, решив сражаться, «а не выстроиться вдоль дороги», отвлекла бы на себя шесть дивизий, необходимых для марша на Париж. Разрушение железных дорог и мостов изменило бы направление движения германских войск, пути подвоза и вызвало бы целую цепь других неприятных событий.

Поразмыслив, германское правительство направило герра фон Белова среди ночи во дворец, чтобы попытаться повлиять на ответ бельгийцев, выдвинув новые обвинения против Франции. Он информировал ван дер Эльста о том, что французские дирижабли сбрасывали бомбы и что французские патрули пересекли границу.

— Где произошли эти события? — спросил ван дер Эльст.

— В Германии, — последовал ответ.

— В таком случае я не могу считать эти сведения достоверными.

Германский посланник попытался было объяснить, что французы не уважают международное право и поэтому следует ожидать, что они нарушат нейтралитет Бельгии. Однако этот хитроумный логический прием не достиг своей цели. Ван дер Эльст указал своему посетителю на дверь.

В два тридцать ночи совет вновь собрался во дворце, чтобы одобрить ответ, составленный министрами.

Бельгийское правительство, говорилось в нем, «принесло бы в жертву честь своей страны и свои обязательства перед Европой», [166] если бы приняло германские предложения. Оно объявляло о своей «решимости отразить всеми имеющимися в его распоряжении средствами любое посягательство на права своей страны».

После принятия без каких-либо изменений предложенного ответа в совете начались споры по поводу требования короля не просить страны-гаранты о помощи до тех пор, пока немцы не вступят на бельгийскую территорию. Несмотря на сильные возражения, Альберту удалось добиться своего. В четыре часа утра совещание совета закончилось. Министр, последним выходивший из кабинета, видел, как король Альберт стоял лицом к окну, держа в руках копию ответа, и глядел вдаль, туда, где начинался рассвет.

В ту ночь второго августа в Берлине также шло совещание. Бетман-Хольвег, генерал фон Мольтке и адмирал Тирпиц, собравшись в доме канцлера, обсуждали вопрос об объявлении войны Франции. Такое же совещание, но в отношении России, они провели прошлой ночью. Тирпиц «снова и снова» жаловался, что он не может понять, зачем вообще понадобились эти декларации о войне. В них всегда ощущается «агрессивный оттенок», армия может выступить «без подобных вещей». Бетман указал, что объявить войну Франции необходимо потому, что Германия хочет пройти через территорию Бельгии. Тирпиц повторил предупреждения Лихновского из Лондона, что вторжение в Бельгию автоматически вовлечет в войну Англию: он предложил отсрочить, если возможно, вступление войск в Бельгию. Мольтке, придя в ужас при мысли об еще одной угрозе его графикам, сразу заявил, что это «невозможно», ничто не должно мешать нормальной работе «механизма транспортировки».

Сам он, по его словам, не придавал большого значения объявлениям войны. Враждебные действия французов уже сделали войну фактом. Он имел в виду сообщения о так называемых французских бомбардировках в районе Нюрнберга, о которых германская пресса в тот день в экстренных выпусках газет трубила с такой силой, что берлинцы стали с опасением посматривать на небо. В действительности же никакой бомбардировки не было. Теперь, в силу германской логики, из-за этих бомбардировок необходимо было официально объявить войну.

Тирпиц продолжал выступать против этого. У мирового сообщества, утверждал он, нет сомнений в том, что французы, «по меньшей мере, в душе агрессоры, но из-за небрежности германских политиков, не разъяснявших этого миру достаточно [167] ясно, вторжение в Бельгию, которое представляет собой «чисто чрезвычайную меру"», может быть неправильно воспринято «в роковом свете грубого акта насилия».

Брюссель. Третье августа, четыре часа утра. После окончания заседания Государственного совета Давиньон вернулся в Министерство иностранных дел и дал указание своему политическому секретарю барону де Гаффье вручить ответ Бельгии германскому посланнику. Точно в семь утра, когда истекли двенадцать часов, указанные в ультиматуме, Гаффье позвонил у дверей германского посольства и вручил ответ герру

фон Белову. По пути домой он слышал крики газетчиков, продававших утренние выпуски с текстом ультиматума и ответом на него бельгийцев. Раздавались громкие возгласы людей, читавших газеты и собиравшихся в возбужденные группы. Решительное «нет» Бельгии вызвало радостное одобрение. Многие полагали, что немцы скорее обойдут Бельгию, чем рискнут подвергнуться всеобщему осуждению. «Немцы опасны, но они не маньяки» — так люди успокаивали друг друга.

Даже во дворце и в некоторых министерствах все еще продолжали надеяться. Трудно было поверить, что немцы намеренно начнут войну, поставив себя в неудобное положение. Последняя надежда исчезла, когда третьего августа был получен запоздалый ответ кайзера на послание короля Альберта. Это была еще одна попытка побудить бельгийцев сдаться без борьбы. «Только чувства искренней дружбы к Бельгии», телеграфировал кайзер, заставили его обратиться с таким серьезным требованием. Возможность поддержания прежних и настоящих отношений «полностью находится в руках Вашего Величества».

«За кого он меня принимает?» — воскликнул король Альберт, дав волю гневу впервые с момента начала кризиса. Приняв на себя верховное командование, он сразу же приказал взорвать мосты через Маас у Льежа, а также железнодорожные туннели и мосты на границе с Люксембургом. Он все еще не решался направить Англии и Франции просьбу о помощи и предложение военного союза. Бельгийский нейтралитет был плодом коллективных усилий европейских держав. Король Альберт не мог заставить себя подписать ему смертный приговор до тех пор, пока не произошло открытого вторжения.

«Мы вернемся домой до начала листопада»

Лондон. Второе августа, воскресенье. За несколько часов до вручения Бельгии германского ультиматума Грей попросил кабинет министров предоставить ему Полномочия отдать приказ английскому флоту о защите французского побережья пролива Ла-Манш. Для английского кабинета самый трудный и тяжелый момент наступает тогда, когда требуется принять быстрое, четкое и твердое решение. В течение всего долгого дня министры спорили, уходили от решения, отказываясь или не желая связывать себя окончательными обязательствами.

Франция восприняла войну как своего рода свидетельство «национального рока», несмотря на то, что многие в глубине души предпочли бы избежать ее. Почти с благоговейным трепетом один иностранный наблюдатель сообщал о подъеме «национального духа» и «полном отсутствии волнений» в народе, патриотизм которого, как утверждали, подорван анархическими тенденциями, способными в случае войны привести к фатальным последствиям. Бельгия, где свершилось редкое событие — появился герой, вошедший потом в историю, была вне себя от радостного сознания, что ее ведет безупречный король, смело сделавший выбор: смириться или [169] сопротивляться. Она приняла решение менее чем за три часа, отдавая себе отчет в том, что оно может оказаться самоубийственным.

У Англии не было ни Альберта, ни Эльзаса. Ее оружие было наготове, а воля — нет. В течение последних десяти лет она училась воевать и готовилась к войне, которая теперь надвигалась на нее. С 1905 года в Англии действовала система, называвшаяся «Военная книга». Все приказы военного времени были готовы для подписания, конверты имели точные адреса, объявления и прокламации были либо уже напечатаны, либо набраны. Король, покидая Лондон, всегда имел при себе документы, требовавшие немедленного подписания. Цель этих мероприятий была одна — покончить с неразберихой.

Появление германского флота в проливе Ла-Манш явилось бы для Англии вызовом, равным вызову брошенному в старину испанской армаде, и кабинет, заседавший в воскресенье, неохотно согласился на требования Грея. Письменное заверение, которое он вручил в тот же день Камбону, гласило: «Если германский флот войдет в пролив Ла-Манш или приблизится к французским берегам через Северное море, чтобы предпринять враждебные акции, или будет угрожать французским судам, английский флот всеми имеющимися средствами окажет помощь Франции». Грей, однако, добавил, что это «обещание» не обязывает Англию вступить в войну с Германией, если «германский флот не совершит действий, указанных выше». Отражая опасения кабинета, Грей сказал, что Англия, не уверенная в надежной защите своих берегов, не может «без риска отправить военные силы за пределы страны».

Камбон спросил, не является ли это заявление вообще отказом от военных действий. Грей ответил: его слова «относились лишь к настоящему моменту». Камбон предложил, чтобы Англия в качестве «моральной поддержки» направила на континент две дивизии. «Отправка таких небольших сил или даже четырех дивизий — по мнению Грея — была чревата большим риском и не дала бы даже минимального эффекта». Он добавил, что морские обязательства Англии нельзя оглашать до тех пор, пока парламент не будет информирован о них. Это должно произойти на следующий день.

Наполовину в отчаянии, но все еще надеясь, Камбон направил своему правительству совершенно секретную телеграмму, в которой и сообщил о заверении Англии. Телеграмма пришла [170] в Париж в тот же день в половине девятого вечера. Хотя это было «хромое» обязательство, намного меньше того, на что надеялась Франция, посол рассчитывал, что оно могло бы привести к полному военному участию Англии, ибо, как он выразился впоследствии, страны «наполовину» не воюют.

Морские обязательства, однако, были вырваны у кабинета ценой раскола, который Асквит всеми силами старался предотвратить. Два министра, лорд Морли и Джон Бэрнс, подали в отставку, а грозный и таинственный Ллойд Джордж все еще «сомневался». По мнению Морли, кабинет должен был «развалиться в тот же день», а Асквит признал, что «мы находимся на грани полного развала».

Черчилль, всегда готовый предвосхитить события, поставил целью включить представителей своей партии консерваторов в коалиционное правительство. Как только закончилось заседание кабинета, он отправился на встречу с Бальфуром, бывшим премьер-министром, который, как и многие руководители этой партии, придерживался мнения, что Англия должна довести политику, приведшую к созданию Антанты, до своего логического, хотя и печального, завершения. Черчилль сообщил ему, что, как ожидают, примерно половина либерального кабинета подаст в отставку, если будет объявлена война. Его партия, ответил Бальфур, готова войти в коалицию, если возникнет необходимость, но в этом случае, по его мнению, страна будет расколота антивоенным движением, которое возглавят вышедшие из правительства либералы.

О германском ультиматуме пока ничего не было известно.

Черчилль, Бальфур, Холдейн и Грей исходили из угрозы гегемонии Германии в Европе после падения Франции. Однако политика поддержки Франции разрабатывалась за закрытыми дверями, и общественность о ней ничего не знала. Большинство либерального правительства отвергало ее. Ни правительство, ни страна не имели единых взглядов по этой проблеме. Многим англичанам, если не всем, этот кризис представлялся продолжением давней ссоры между Германией и Францией, не имевшей никакого отношения к Англии. Чтобы превратить ее в глазах общественности в дело, затрагивавшее Англию, необходимо было нарушение нейтралитета Бельгии, плода английской внешней политики. Каждый шаг захватчиков стал бы ударом по договору, который создала и подписала сама Англия. Грей решил потребовать у кабинета рассматривать это [171] вторжение как «казус белли», то есть случай, являющийся поводом к войне.

В тот вечер, когда он обедал вместе с Холдейном, курьер Министерства иностранных дел принес портфель для донесений, где была телеграмма, сообщавшая, как писал об этом Холдейн, «что Германия намеревается вторгнуться в Бельгию». Что это была за телеграмма и от кого она поступила, было неясно, однако Грей считал ее подлинной.

— Что Вы думаете по этому поводу? — спросил Грей, передавая телеграмму Холдейну.

— Немедленная мобилизация, — ответил тот.

Они сразу встали из-за стола и поехали на Даунинг-стрит. Там был премьер-министр и несколько гостей. Попросив министра пройти в отдельную комнату, они показали ему телеграмму и попросили полномочий для объявления мобилизации. Асквит согласился. Холдейн предложил, чтобы его временно вновь назначили главой Военного министерства, принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства. Премьер-министр будет завтра

слишком занят и вряд ли сможет выполнять обязанности военного министра. Асквит снова согласился, и довольно охотно, потому что ему очень не нравился фельдмаршал лорд Китченер Хартумский, известный своим деспотизмом, именно его прочили на это место.

Следующий день — понедельник, выходной день банковских служащих, — был ясным и солнечным. Лондон был забит толпами, которые ринулись не на взморье, а в столицу, узнав о надвигающемся кризисе. В полдень перед Уайтхоллом стало так многолюдно, что прекратилось движение и гул многотысячной толпы был слышен в зале, где продолжались бесконечные заседания кабинета, который никак не мог решить, сражаться за Бельгию или нет.

Принявший руководство Военным министерством, Холдейн уже отправлял мобилизационные телеграммы о призыве резервистов и солдат территориальных частей. В одиннадцать часов кабинет получил известие о том, что Бельгия выставила свои шесть дивизий против Германской империи. Через час министрам представили декларацию консервативной партии, составленную еще до предъявления германского ультиматума Бельгии. В ней подчеркивалось, что колебания в отношении поддержки Франции и России окажутся «фатальными для чести и безопасности Соединенного королевства». Вопрос о союзе с [172] Россией уже и так стоял поперек горла либеральным министрам. Двое из них — сэр Джон Саймон и лорд Бошамп — подали в отставку, однако главная фигура, Ллойд Джордж, узнав о событиях в Бельгии, решил остаться в правительстве.

В три часа дня третьего августа Грей должен был выступить с первым официальным и публичным заявлением правительства по поводу кризиса. От него зависела судьба всей Европы, так же как и Англии. Задачей Грея являлось повести страну в бой, объединив ее. Ему предстояло убедить в этом собственную партию, по традиции пацифистскую. Объяснить старейшему и опытнейшему парламенту в мире, как Англия, никогда не дававшая обязательств, взяла на себя обязательство поддержать Францию, показать, что Бельгия — лишь повод, а истинная причина во Франции. Он должен был обратиться с призывом к чести Англии, пояснив, что решающим фактором остается защита ее интересов. Ему предстояло выступить в парламенте, где более трехсот лет традиционно велись дебаты по проблемам внешней политики. Не обладая блеском красноречия Бэрка или силой убеждения Питта, мастерством Каннинга или напористостью Палмерстона, риторикой Гладстона или живым умом Дизраэли, он должен был отстаивать проводимый им внешнеполитический курс, который не мог предотвратить войну. Оправдать настоящее, сравнить его с прошлым и заглянуть в будущее — такой была цель, стоявшая перед Греем.

Ему не хватило времени написать речь. В последний час, когда он попытался было набросать тезисы, объявили о прибытии германского посла. Вошедший Лихновский тревожно спросил: что решило правительство? Что собирается сказать Грей в палате общин? Не будет ли это объявлением войны? Грей ответил, что это будет не объявление войны, а «заявление об условиях». Не является ли нейтралитет одним из этих условий? — спросил Лихновский. Он стал «умолять» Грея не делать этого. Посол не знал планов германского Генерального штаба, но не мог поверить, чтобы они включали «серьезное» нарушение нейтралитета, хотя германские войска, «возможно, и пересекут небольшой угол Бельгии». В таком случае, сказал Лихновский, повторяя вечную формулу человеческого смирения перед судьбой, «вряд ли что можно изменить».

Они разговаривали в дверях, подгоняемые своими срочными делами. Грей пытался выкроить несколько минут покоя, чтобы поработать над речью, а Лихновский — оттянуть

момент, когда [173] будет брошен вызов. Они расстались и уже никогда больше не встречались официально.

Палата общин собралась в полном составе, впервые после 1893 года, когда Гладстон выступил с биллем с гомруле. Чтобы разместить всех присутствовавших, в проходах установили дополнительные кресла. Галерея дипломатов была полна, пустовали лишь два места, означая отсутствие германского и австрийского послов. Члены палаты лордов заполнили галерею для посетителей — стрейнджерс гэллери — и среди них — фельдмаршал лорд Роберте, давно и безуспешно добивавшийся введения обязательной воинской повинности. Напряженная тишина, когда впервые за много лет никто не смел шевельнуться, передать записку или, наклонившись к соседу, поболтать шепотом, вдруг была нарушена грохотом падающего кресла, о которое споткнулся в проходе капеллан, удалявшийся от спикера. Все взоры остановились на скамье для членов правительства, где между Асквитом с бесстрастным мягким лицом и Ллойд Джорджем, которого сильно старили всклокоченные волосы и бесцветные щеки, сидел Грей.

Он встал, и все увидели его «бледное, изможденное и усталое» лицо. Несмотря на то, что Грей в течение последних двадцати девяти лет был членом палаты общин и восемь лет занимал правительственное кресло, парламент мало знал, а страна и того меньше, как именно проводит он внешнеполитический курс Англии. Почти никому не удавалось вопросами загнать министра иностранных дел в ловушку и выудить у него определенный и ясный ответ. И все же его уклончивость, которая у другого, менее осторожного государственного деятеля подверглась бы резкой критике, в данном случае воспринималась без подозрений. Такой английский, такой типичный для этой страны политик, такой сдержанный, Грей, по общему мнению, никак не мог с безрассудной легкостью включаться в международные споры. Он не любил внешнюю политику и не получал удовольствий от своей работы: напротив, он относился к ней как к неприятной, но необходимой обязанности. В субботу и воскресенье он не мчался, как многие, на континент, а уезжал в глубь Англии. Он не знал иностранных языков, если не считать французского, которым владел как школьник.

Вдовец в пятьдесят два года, бездетный, необщительный, он, казалось, относился к земным страстям с таким же безразличием, как и к своей работе. Форель в ручьях и голоса птиц — вот, [174] пожалуй, и все страсти, которые владели этим человеком, отгородившимся от мира каменной стеной.

Говоря медленно, но с видимым волнением, Грей призвал палату общин подойти к кризису с точки зрения «британских интересов, британской чести и британских обязательств». Он рассказал историю о военных «беседах» с Францией. По его словам, «никакие секретные соглашения» с Францией не обязывают парламент и не ограничивают Англию в выборе своего собственного курса. Он сказал, что Франция вступила в войну, выполняя «долг чести» по отношению к России, но «мы не участвуем во франко-русском союзе, мы даже не знаем условий этого союза». Казалось, он слишком увлекся доказательством неучастия Англии в каких-либо соглашениях. Обеспокоенный консерватор Дерби прошептал сердито на ухо своему соседу: «Боже мой, они собираются бросить Бельгию на произвол судьбы!»

Затем Грей сообщил о договоренности с Францией в отношении взаимодействия флотов. Он рассказал, что в соответствии с заключенным соглашением «весь французский флот сосредоточен в Средиземноморье». Северное и западное побережья Франции оказались «абсолютно незащищенными». По его «убеждению», если бы германский флот прошел через пролив и обрушился на незащищенные берега Франции, «мы не смогли бы стоять

спокойно в стороне, наблюдая за происходящим на наших глазах, бесстрастно сложа руки и ничего не предпринимая». Со скамей оппозиции раздались приветственные крики, в то время как либералы молча слушали, «мрачно соглашаясь».

Оправдывая уже принятые Англией обязательства защищать берега Франции вдоль пролива Ла-Манш, Грей выдвинул спорный аргумент о «британских интересах» и британских торговых путях в Средиземном море. Это был запутанный клубок, и министр поспешил перейти «к более серьезным проблемам, становящимся серьезнее с каждым часом», а именно к нейтралитету Бельгии.

Чтобы подать этот вопрос должным образом, Грей, умышленно не надеясь на собственное красноречие, воспользовался цитатой из громоподобной речи Гладстона, произнесенной в 1870 году:

«Могла бы Англия стоять в стороне и спокойно наблюдать за совершением гнуснейшего преступления, навеки запятнавшего позором страницы истории, и превратиться таким образом в соучастника в грехе?» У Гладстона позаимствовал [175] он и фразу, выражающую основную идею: Англия должна выступить «против чрезмерного расширения какой бы то ни было державы».

Своими словами он сказал следующее: «Я прошу палату общин подумать, чем, с точки зрения британских интересов, мы рискуем. Если Франция будет поставлена на колени... если Бельгия падет... а затем Голландия и Дания... если в этот критический час мы откажемся от обязательств чести и интересов, вытекающих из договора о бельгийском нейтралитете... Я не могу поверить ни на минуту, что в конце этой войны, даже если бы мы и не приняли в ней участия, нам удалось бы исправить случившееся и предотвратить падение всей Западной Европы под давлением единственной господствующей державы... Мы и тогда потеряем, как мне кажется, наше доброе имя, уважение и репутацию в глазах всего мира, кроме того, мы окажемся перед лицом серьезнейших и тяжелейших экономических затруднений».

Он поставил перед ними «проблемы и выбор». Парламент, слушавший его с «напряженнейшим вниманием» более полутора часов, разразился бурными аплодисментами, красноречиво говорившими об одобрении. Минуты, когда отдельной личности удается повести за собой нацию, запоминаются навечно, и речь Грея, как кажется, стала одним из поворотных моментов, по которым люди впоследствии отсчитывают ход истории. Но голоса недовольных все же раздавались — убедить в чем-либо всех до одного членов палаты общин или добиться среди них единства было невозможно. Рамсей Макдональд, выступая от имени лейбористов, сказал, что Британия должна оставаться нейтральной, Кейр Харди угрожал поднять рабочий класс на борьбу против войны, затем в кулуарах парламента группа либералов приняла резолюцию, осуждавшую Грея за попытку втянуть страну в войну без достаточных на то оснований. Но, по убеждению Асквита, в целом «наши крайние любители мира утихли, хотя не исключено, что через некоторое время они вновь обретут дар речи». Два министра, подавшие в отставку утром, после уговоров вернулись вечером в кабинет; по общему мнению, Грею удалось повести за собой страну.

«Что нам теперь делать?» — спросил Черчилль Грея, когда они вместе выходили из палаты общин. «Теперь, — ответил Грей, — мы отправим немцам ультиматум с требованием прекратить в течение двадцати четырех часов вторжение в Бельгию». [176]

Спустя несколько часов, обращаясь к Камбону, Грей сказал: «Если они откажутся, начнется война». Несмотря на то, что британскому министру пришлось ждать еще сутки, прежде чем отправить ультиматум, опасения Лихновского полностью оправдались — нарушение нейтралитета Бельгии стало поводом английского участия в войне.

Немцы шли на этот риск потому, что рассчитывали на короткую войну, и потому, что, несмотря на раздавшиеся в последнюю минуту мольбы и увещевания гражданских руководителей, опасавшихся действий Англии, германский Генеральный штаб уже сделал поправки на ее воинственность и сбросил это обстоятельство со счетов, как не имеющее или почти не имеющее никакого значения в войне, которая, по мнению военных, должна закончиться через четыре месяца.

Покойный Клаузевиц и еще здравствовавший Норман Анжелл, непонятый профессор, вместе пытались вдолбить в европейские умы концепцию молниеносной войны. Быстрая, решающая победа стала свидетельством германской ортодоксальности.

«Вы вернетесь домой еще до того, как с деревьев опадут листья», — заявил кайзер в начале августа солдатам, отправлявшимся на фронт.

В дневнике одного человека, близкого к придворным кругам, была сделана такая запись, датированная девятым августа: «Зашедший днем граф Опперсдорф сказал, что эти события не продлятся больше десяти недель», а по мнению графа Хохберга — не более восьми, после чего «вы и я увидимся в Лондоне».

Некий германский офицер, отправлявшийся на войну, рассчитывал позавтракать в кафе «Де ля Пэ» в Париже в день Седана (2 сентября). Русские офицеры думали прибыть в Берлин примерно в это же время, полагая, что война продлится самое большее шесть недель. Один из офицеров царской гвардии спрашивал совета у личного врача царя, взять ли ему сразу с собой парадную форму для въезда в Берлин или лучше, чтобы ее выслали на фронт потом, с первым курьером. Английского офицера, служившего военным атташе в Брюсселе и потому считавшегося очень осведомленным, после прибытия в полк попросили высказаться по поводу длительности войны. Он ответил, что это ему неизвестно, однако «имеются финансовые причины, из-за которых великие державы долго не выдержат». Он слышал это от премьер-министра, «сказавшего, что так думает лорд Холдейн». [177]

В Петербурге обсуждался вопрос не о том, смогут ли русские победить, а сколько на это потребуется времени — два или три месяца. Пессимистов, утверждавших, что война продлится шесть месяцев, обвиняли в пораженчестве.

«Василий Федорович (Вильгельм, сын Фридриха, то есть кайзер) совершил ошибку, он не выдержит», — всерьез верил русский министр юстиции.

Он был недалек от истины. Германия, не строившая расчетов на длительную кампанию, имела в начале войны запас нитратов для производства пушечного пороха всего на шесть месяцев. И лишь открытый тогда способ получения азота из воздуха позволил ей продолжить войну. Французы, так же делая ставку на стремительность кампании, решили не рисковать войсками и сдали немцам железорудный район в Лотарингии, исходя из того, что вернут его после победы. В результате они потеряли восемьдесят процентов рудных запасов и чуть было не проиграли войну. Англичане, проявляя, как всегда, осторожность, «смутно рассчитывали на победу в течение нескольких месяцев, не зная точно, где, когда и как они ее одержат».

Неизвестно, благодаря чему, инстинкту или интеллекту, но три военных ума предвидели, что черная тень ляжет не на месяцы, а на годы. Один из них, Мольтке, предсказывал «длительную, изнуряющую борьбу». Другим был Жоффр. Отвечая в 1912 году на вопросы министров, он заявил, что, если Франция выиграет первую битву, борьба Германии примет национальный характер, и наоборот. В любом случае в войну будут втянуты другие страны, и в результате война станет «бесконечной». И все же ни он, ни Мольтке, возглавляя Генеральные штабы своих стран с 1911 и 1906 года соответственно, предвидя войну, не учли в своих пленах того, что это может быть война на истощение.

Третьим, и единственным, кто действовал на основе своих предвидений, был лорд Китченер, хотя и не принимавший участия в подготовке первоначальных планов. Четвертого августа его поспешно назначили военным министром, когда он уже собрался сесть на пароход и отплыть в Египет. Китченер, обладая беспредельными способностями оракула, предсказал, что война продлится три года. Своему недоверчивому коллеге он сказал: «Да, три года, для начала. Такая нация, как Германия, взявшись за это дело, бросит его лишь тогда, когда будет разбита наголову. А это потребует очень много времени. И ни одна живая душа не скажет, сколько именно». [178]

Кроме Китченера, настаивавшего с первых дней своего пребывания на посту военного министра на подготовке многомиллионной армии для войны, которая будет длиться годами, никто не составлял планов, рассчитанных более чем на три или четыре месяца. В Германии идея молниеносной войны вызывала уверенность в том, что благодаря быстроте кампании военное вмешательство Англии не будет иметь значения.

«Если бы кто-нибудь сказал мне заранее, что Англия поднимет оружие против нас!» — стонал кайзер, выступая на обеде в ставке на второй день войны. Прозвучал чей-то несмелый голос: «Меттерних», имея в виду германского посла в Лондоне. В 1912 году он был смещен за свою надоедливую привычку твердить о том, что усиление германского флота приведет к столкновению с Англией, и не позднее 1915 года.

Как заявил Холдейн кайзеру в 1912 году, Англия никогда не согласится взять под свой контроль французские порты на побережье пролива Ла-Манш. Он напомнил ему тогда о договорных обязательствах в отношении Бельгии. В 1912 году принц Генрих Прусский спросил в упор своего двоюродного брата короля Георга: «В случае войны между Германией и Австрией, с одной стороны, и Францией и Россией — с другой, выступит ли Англия в поддержку двух последних упомянутых держав?» Король Георг ответил: «Без сомнения да, но при определенных обстоятельствах».

Несмотря на эти предупреждения, кайзер отказывался верить сведениям, хотя, как он знал, они были достоверными. По свидетельству одного из его приближенных, предоставив Австрии свободу действий пятого июля, он вернулся на яхту, убежденный в нейтралитете Англии. Его два приятеля со студенческих дней в Бонне — Бетмаи и Ягов, которых кайзер назначил на государственные посты лишь в силу своей сентиментальной слабости к собратьям по студенческому корпорантству, носившим черно-белые ленты и обращавшимся друг к другу на «ты», — периодически утешали себя взаимными заверениями в нейтралитете Англии, подобно горячо верующим католикам, перебирающим четки.

Мольтке и его Генеральный штаб не нуждались ни в Грее, ни в ком-нибудь еще, кто продиктовал бы им по слогам, какие действия предпримет Англия. Они считали вопрос о вмешательстве Англии решенным и не вызывающим сомнений. «Чем больше англичан,

тем лучше», — сказал Мольтке адмиралу Тирпицу; [179] чем больше английских солдат высадится на континенте, тем больше их будет уничтожено в решающей битве.

Естественный пессимизм лишил Мольтке иллюзий, созданных стремлением выдавать желаемое за действительное. В меморандуме, составленном в 1913 году, он изложил обстановку так, как ее не смогли описать сами англичане. Мольтке утверждал: если Германия вступит на территорию Бельгии без ее согласия, тогда Англия выступит, и притом обязательно, на стороне наших врагов. Об этом она объявила еще в 1870 году. По его мнению, никто в Англии не поверит обещаниям Германии освободить бельгийскую территорию после нанесения поражения Франции. Мольтке полагал, что в случае войны между Германией и Францией Англия вмешается независимо от того, нарушит или нет германская армия нейтралитет Бельгии, «так как англичане боятся гегемонии Германии и, придерживаясь принципов поддержания равновесия сил, сделают все, чтобы не допустить усиления Германии как державы».

«В годы, непосредственно предшествовавшие войне, у нас не было никаких сомнений в отношении незамедлительной высадки Британского экспедиционного корпуса на континенте», — свидетельствовал генерал фон Кюль, представитель высших кругов германского Генерального штаба. По мысли германских генералов, британский экспедиционный корпус будет мобилизован на одиннадцатый день войны, направлен в порты погрузки на двенадцатый и полностью переброшен во Францию на четырнадцатый. Эти расчеты оказались практически точными.

Штаб германских военно-морских сил также не испытывал никаких иллюзий. «Англия займет враждебную позицию в случае войны», — гласила телеграмма из Адмиралтейства, переданная одиннадцатого июля на борт «Шарнхорста» в Тихом океане, на котором находился адмирал фон Шпее.

Через два часа после окончания речи Грея в палате общин произошло самое значительное с 1870 года событие, надолго запечатлевшееся в памяти каждого человека по обеим сторонам Рейна: Германия объявила войну Франции. Для немцев, по словам кронпринца, она означала «военное решение» напряженной ситуации, конец кошмара изоляции.

«Радостно вновь сознавать себя живыми», — с восторгом писала одна немецкая газета в специальном выпуске, озаглавленном «Благословение оружия». Немцы, утверждала она, «упиваются счастьем... Мы [180] так долго ждали этого часа... Меч, который заставили нас взять в руки, не будет вложен в ножны, пока мы не добьемся своих целей и не расширим территорию, как этого требует необходимость».

Но не все переживали состояние экстаза. Депутаты левого крыла, вызванные в рейхстаг, замечали друг в друге «депрессию» и «нервозность». Один из них, признавая готовность проголосовать за все военные кредиты, пробормотал: «Мы не можем позволить им уничтожить рейх». Другой все время ворчал: «Эта некомпетентная дипломатия, эта некомпетентная дипломатия».

Во Францию первый сигнал поступил в шесть пятнадцать, когда в кабинете Вивиани зазвонил телефон и в трубке раздался голос американского посла Майрона Геррика. Задыхаясь, сквозь слезы он сообщил, что к нему только что обратились с просьбой взять под свое покровительство германское посольство и поднять на его флагштоке американский флаг. Как заявил Геррик, он согласился на это, отказавшись лишь вывесить флаг.

Немедленно поняв, что это означает, Вивиани приготовился к неизбежному визиту германского посла. О его прибытии было доложено буквально через несколько минут. Фон Шён, женатый на бельгийке, вошел с мрачным видом. Он начал с жалобы — по дороге сюда одна дама просунула голову в окно экипажа и «оскорбила меня и моего императора». Вивиани, чьи нервы были напряжены до предела мучительными событиями последних дней, спросил, не является ли эта жалоба единственной причиной визита германского посла. Шён признал, что у него есть и другие поручения, и, развернув привезенный с собой документ, огласил его содержание. По свидетельству Пуанкаре, именно это и было истинной причиной смущения посла, имевшего «честную душу». В ноте Франция обвинялась в «организованных нападениях» и воздушных бомбардировках Нюрнберга и Карлсруэ, нарушениях французскими авиаторами, совершавшими полеты над территорией этой страны, бельгийского нейтралитета. Вследствие этих действий «Германская империя считает себя в состоянии войны с Францией».

Вивиани официально отклонил эти обвинения, включенные в ноту не для того, чтобы произвести впечатление на правительство Франции, знавшее, разумеется, об их необоснованности, а для того, чтобы внушить германской общественности мысль, что немцы стали жертвой агрессии Франции. [181]

Вивиани проводил фон Шёна к двери и затем, словно желая оттянуть момент расставания, вышел вместе с ним из здания и, спустившись по ступеням подъезда, почти приблизился к машине посла. Эти два представителя «наследственных врагов» остановились, молча переживая несчастье, поклонились друг другу, не сказав ни слова, и через несколько мгновений фон Шён исчез в сгущавшихся сумерках.

В тот вечер в Уайтхолле сэр Эдвард Грей, стоя у окна вместе с одним из своих друзей, глядел вниз, где зажигались уличные фонари. «Во всей Европе гаснут огни. Наше поколение не увидит, как они будут снова загораться».

Брюссель. Четвертое августа, шесть часов утра. Германский посланник нанес последний визит в Министерство иностранных дел. Он вручил ноту: ввиду отклонения предложений германского правительства, имеющего самые «благородные намерения», Германия будет вынуждена предпринять меры для обеспечения своей безопасности, «если необходимо, силой оружия». Это «если необходимо» все еще оставляло для Бельгии возможность переменить свое решение.

В тот день американский посланник Брэнд Уитлок, которого попросили взять под свое покровительство германскую миссию, войдя в кабинет, застал фон Белова и его первого секретаря Штумма сидящими в креслах и не делавшими никаких попыток упаковать свое имущество. Их нервы были истощены «почти до предела». Белов сидел почти неподвижно: два престарелых чиновника, вооружившись свечами, сургучом и полосками бумаги, опечатывали дубовые шкафы, в которых хранились архивы. «О, несчастные глупцы! — вполголоса повторял фон Штумм. — Почему они не уйдут с дороги, по которой на них движется «паровой каток»? Мы не хотим делать им больно, но, если они останутся на нашем пути, мы втопчем их в грязь, смешаем с землей. О, несчастные глупцы!»

И лишь позднее многие в Германии стали задаваться вопросом, кто же в действительности оказался глупцом в тот день. Это был день, который, как заявил впоследствии австрийский министр иностранных дел граф Чернин, «стал началом нашей величайшей катастрофы», день, когда, по признанию кронпринца, «мы, немцы, проиграли первое сражение в глазах всего мира».

Четвертое августа. Две минуты девятого. В то утро первая волна серо-зеленых шинелей перекатилась через границы Бельгии у Гуммериха, в тридцати километрах от Льежа. Бельгийские [182] жандармы, находившиеся в сторожевых будках, открыли огонь.

Выделенные из основных германских армий для наступления на Льеж войска под командованием генерала фон Эммиха включали шесть пехотных бригад, каждая с артиллерией и другой военной техникой, и три кавалерийские дивизии. К вечеру они вышли к городу Визе на Маасе, которому первому было суждено превратиться в руины.

Вплоть до последней минуты многие все еще верили, что германские армии обойдут бельгийские границы. Зачем им намеренно обзаводиться еще двумя врагами? Германский ультиматум Бельгии не больше чем трюк, он предназначен лишь для того, «чтобы нам первыми пришлось вступить на землю Бельгии», — писал Мессими в своем приказе, запрещая французским войскам, «даже патрулям или одиночным всадникам», пересекать пограничную линию.

По этой ли причине, или по другим соображениям, однако Грей еще не направил немцам английского ультиматума. Король Альберт не обратился к странам-гарантам за военной помощью. Он также опасался, что ультиматум может оказаться «колоссальным обманом». Если бы он преждевременно призвал английские войска, их присутствие вовлекло бы Бельгию в войну помимо ее воли. Кроме того, могло быть и так, что, утвердившись на бельгийской земле, соседи не будут торопиться с уходом. И лишь тяжелый топот колонн германских войск, двигавшихся к Льежу, положил конец всем сомнениям и не оставил другого выбора. В полдень четвертого августа король обратился к странам-гарантам с призывом к «совместным и согласованным действиям».

В Берлине Мольтке все еще надеялся, что после первых выстрелов, произведенных для спасения чести, бельгийцы, возможно, согласятся «на достижение взаимопонимания». Поэтому германская нота говорила просто «о силе оружия» и не упоминала об объявлении войны. Когда бельгийский посол барон Бейенс пришел к Ягову утром в день вторжения, чтобы потребовать свой паспорт, германский министр поспешил к нему навстречу с вопросом: «Итак, что вы хотите мне сказать?» — еще надеясь на что-то. Он вновь повторил германское предложение уважать нейтралитет Бельгии и возместить все убытки, если не будут уничтожены железные дороги, мосты и туннели и войскам будет предоставлено право свободного прохода, что [183] означало отказ от обороны Льежа. Когда Бейенс уже уходил, Ягов шел за ним и говорил с надеждой в голосе: «Может быть, у нас еще найдется, что обсудить».

В Брюсселе, через час после вторжения, король Альберт, одетый в простую военную форму, отправился на заседание парламента. Маленькая процессия неспешно двигалась по улице Рояль. Во главе ее в открытой коляске ехали королева и ее трое детей, за ней еще два экипажа и последним, верхом, — король. Дома вдоль всего пути были украшены флагами и цветами, восторженные люди стояли по обеим сторонам пути. Незнакомцы обменивались рукопожатиями, смеясь и крича, каждый ощущал, по свидетельству очевидца, единение с соотечественником, «общие узы любви и ненависти».

После того как королева, депутаты и публика заняли свои места, в зал заседаний вошел король. Бросив на кафедру коротким жестом фуражку и перчатки, он начал говорить. Его голос лишь иногда выдавал волнение.

И когда, напомнив о конгрессе 1830 года, который создал независимую Бельгию, король обратился с вопросом: «Господа, решили бы вы без колебаний сохранить в

неприкосновенности священный дар наших предков?» — депутаты, движимые одним чувством, воскликнули: «Да! Да! Да!»

Американский посланник Уитлок описал эту сцену в своем дневнике. Его внимание привлек двенадцатилетний наследник, одетый в матросский костюмчик. С напряженным вниманием, не отрываясь, смотрел он на отца. Посланник спрашивал себя:

«О чем думает этот мальчик?.. Вспомнит ли он когда-нибудь через много лет эту сцену? И каким образом? При каких обстоятельствах?» Мальчик в матросском костюмчике, будущий король Леопольд III, капитулировал в 1940 году, когда повторилось германское вторжение.

На улицах после окончания речи короля энтузиазм напоминал лихорадку. Солдаты, которых еще вчера презирали, превратились в героев. Люди кричали: «Долой немцев! Смерть убийцам! Да здравствует независимая Бельгия!»

В это же время в Париже французские солдаты в красных штанах, в похожих на широкие юбки темно-синих шинелях, с передними полами, засунутыми углами под ремни, с песнями маршировали по улицам.

Однорукий генерал По, очень популярный из-за своего увечья, сопровождал войска верхом на коне. Как ветеран [184] войны 1870 года, он приколол к мундиру ленту с зелеными и черными полосами. Проезжали кавалерийские полки кирасиров, в блестящих нагрудных металлических пластинах, с длинными черными хвостами из конского волоса, не догадывавшиеся, что уже превратились в анахронизм, за ними двигались огромные клети с самолетами, платформы с длинными пушками — так называемые семидесятипятки, гордость французской армии. Весь день поток людей, лошадей, оружия и военных грузов вливался под сводчатые порталы Северного и Восточного вокзалов.

На совместном заседании сената и палаты депутатов бледный, как смерть, Вивиани превзошел самого себя в пламенном красноречии, произнеся величайшую, по общему мнению, речь. Это, между прочим, говорили о всех, кто выступал в тот день.

В портфеле Вивиани лежал текст договора Франции с Россией, но никто не задал никаких вопросов на эту тему. Бурными приветствиями парламент встретил его объявление о том, что Италия, «с ясным предвидением, характерным для латинского интеллекта», заявила о своем нейтралитете.

Итальянский нейтралитет дал Франции дополнительно четыре дивизии, или 80 тысяч человек, занятых охраной ее южных границ. После того как Вивиани кончил говорить, была зачитана речь президента Пуанкаре, который был очень занят и не смог лично присутствовать на заседании парламента. Эту речь слушали стоя. Франция, взывал он, выступает в глазах мира защитницей Свободы, Справедливости и Разума, удачно перефразировав традиционный французский клич. После того как были прочитаны последние строки послания, на трибуну поднялся генерал Жоффр и обратился к президенту с прощальным приветствием перед отъездом на фронт.

В Берлине лил дождь, когда депутаты собрались на заседание, чтобы выслушать тронную речь кайзера. Через окна рейхстага, где должна была состояться предварительная встреча с канцлером, был слышен бесконечный цокот лошадиных подков. Это кавалерия, эскадрон за эскадроном, шла по мокрым и блестевшим от дождя улицам. Руководители партий встретились с Бетманом в комнате, которую украшала громадная картина,

запечатлевшая знаменательное зрелище: кайзер Вильгельм I победоносно топчет своим конем французский флаг.[185] Император был изображен вместе с Бисмарком и фельдмаршалом Мольтке.

Бетман призвал депутатов «быть единодушными» в своих решениях. «Мы будем единодушны, ваше превосходительство», — покорно ответил представитель либералов.

Всезнайка Эрцбергер, который был докладчиком от Комитета по военным делам и близким другом канцлера, считался своим человеком на германском Олимпе. Сейчас он носился среди депутатов, заверяя каждого, что сербы будут разбиты «теперь уже наверняка к понедельнику» и что все идет хорошо.

После службы в кафедральном соборе депутаты дружно промаршировали к дворцу. Все двери тщательно охранялись, каждый вход был перекрыт натянутым канатом; народным представителям пришлось четыре раза предъявить свои пропуска, прежде чем они достигли Белого зала.

В сопровождении нескольких генералов тихо вошел кайзер и сел на трон. Бетман, одетый в форму драгуна, вынул из королевского портфеля текст речи и передал его кайзеру, который, поднявшись (он выглядел маленьким рядом с канцлером), начал читать написанное; на голове его был шлем, а свободную руку он положил на эфес сабли. Не упоминая Бельгии, он заявил: «Мы вынули меч с чистой совестью и чистыми руками». Война спровоцирована Сербией при поддержке России. После рассуждений о несправедливостях русских депутаты заулюлюкали и закричали: «Позор!» Покончив с подготовленной частью речи, кайзер, повысив голос, объявил: «С этого дня я не признаю никаких партий, для меня существуют только немцы!» — и пригласил руководителей партий выйти вперед для рукопожатия. В течение этой церемонии рейхстаг сотрясался от приветственных криков и возгласов, выражавших бурную радость.

В три часа депутаты вновь собрались на заседание, чтобы заслушать обращение канцлера, одобрить военные кредиты и принять решение о временном прекращении работы рейхстага. Социал-демократы единодушно согласились голосовать вместе с другими и последние часы своих депутатских обязанностей провели в оживленных консультациях по поводу того, следует ли присоединиться к «Хох!» в честь кайзера. К общему удовлетворению, они решили крикнуть «Хох!» «кайзеру, народу, стране». [186]

Когда Бетман вышел на трибуну, все стали мучительно ждать, что же он скажет о Бельгии. Год тому назад министр иностранных дел Ягов заявил на секретном совещании процедурного комитета рейхстага, что Германия никогда не нарушит нейтралитета Бельгии, а генерал фон Хееринг, тогдашний военный министр, дал обещание от имени верховного командования уважать ее нейтралитет в случае войны до тех пор, пока он не будет нарушен врагами Германии.

Четвертого августа депутаты еще не знали, что в то утро немецкие армии уже вторглись в Бельгию. Им объявили об ультиматуме, но ничего об ответе Бельгии, потому что германское правительство, пытаясь создать впечатление о ее молчаливом согласии, хотело представить сопротивление бельгийской армии как самостоятельное и никогда не опубликовывало ответной ноты короля Альберта.

Наши войска, сообщил Бетман напряженно слушавшей аудитории, оккупировали Люксембург и, возможно (это слово не имело смысла, так как германские войска перешли границы восемь часов тому назад), уже находятся в Бельгии. (Всеобщее смятение.)

Правда, Франция дала обязательство уважать ее нейтралитет, но «мы знали, что она была готова вторгнуться в Бельгию», и «мы не могли ждать». Разумеется, это был случай военной необходимости, а «необходимость не знает законов».

До сих пор депутаты, как правые, так и левые, презиравшие Бетмана или не доверявшие ему, слушали его затаив дыхание. Однако следующая фраза вызвала сенсацию. «Наше вторжение в Бельгию противоречит международному праву, но зло, — я говорю откровенно, — которое мы совершаем, будет превращено в добро, как только наши военные цели будут достигнуты». Адмирал Тирпиц назвал это самой большой глупостью, сказанной когда-либо германским дипломатом, а Конрад Гауссман, лидер либеральной партии, считал лучшей частью речи канцлера. Поскольку, как думали он и его коллеги из левых партий, акт признания вины — «меа кульпа» — совершен публично, вся ответственность с них снимается, и поэтому они встретили это заявление канцлера приветственными возгласами: «Зер рихтиг!» — «Очень верно!» В этот день Бетман уже произнес несколько афоризмов, но в заключение он сказал настолько поразительную вещь, что она сделала его имя бессмертным. По его словам, всякий, кому угрожали бы [187] такие же опасности, как немцам, думал бы лишь о том, как

«пробить себе путь».

Военный кредит в пять миллиардов марок был одобрен единогласно{53}. После этого рейхстаг постановил прервать свои заседания на четыре месяца, то есть на то время, пока будет длиться война, — так думали почти все. Бетман закончил сессию рейхстага заверениями, в которых сквозили нотки приветствия гладиаторов: «Какова бы ни была наша участь, четвертое августа 1914 года войдет навечно в историю как один из величайших дней Германии!»

Лондон. Четвертое августа, семь часов вечера. Англия наконец направила Германии ответ, который многие ждали с мучительным беспокойством. Утром британское правительство набралось решимости, достаточной для того, чтобы отправить ультиматум. Это было сделано в два приема. Сначала Грей потребовал у Германии отказаться от своих притязаний на Бельгию и прислать в Лондон «немедленный ответ». Но, поскольку в ноте не содержалось точных пределов времени и не упоминалось о каких-либо санкциях, технически ее нельзя было считать ультиматумом. Грей ждал до тех пор, пока не получил известий о вторжении немцев в Бельгию, и тогда отправил новое послание, где говорилось, что Англия «считает своим долгом сохранить нейтралитет Бельгии и выполнить условия договора, подписанного не только нами, но и Германией». Английский посол должен был потребовать в полночь «удовлетворительный ответ» и в случае отказа — свой паспорт.[188]

Почему же ультиматум не был отправлен накануне вечером, сразу же после того, как парламент ясно выразил поддержку Грею? Это можно объяснить только нерешительностью правительства. Какой «удовлетворительный ответ» надеялось оно получить от Германия, если не считать покорного согласия вывести свои войска из Бельгии, границы которой были намеренно и безвозвратно нарушены в то же утро, и зачем Англии потребовалось ждать этого фантастического и несбыточного события до утра, остается совершенно непонятным.

В Берлине английский посол сэр Эдвард Гошен вручил ультиматум канцлеру, с которым у него состоялся исторический разговор. Посол нашел Бетмана «чрезвычайно взволнованным». Как пишет сам Бетман, «моя кровь закипала при мысли об этой лицемерной ссылке на Бельгию, что, разумеется, не было причиной вступления Англии в

войну». Негодование вынудило Бетмана пуститься в разглагольствования. Он сказал, что Англия совершает «немыслимое», решаясь на войну с «родственной нацией». Это все равно что «ударить сзади человека, борющегося за свою жизнь с двумя разбойниками». В результате этого «последнего, страшного шага» Англия берет на себя ответственность за все ужасные события, которые могут последовать, и «все это лишь за одно слово — «нейтралитет» — за клочок бумаги»...

Почти не придав значения этой фразе, Гошен включил ее в свой отчет об этом интервью. Он ответил Бетману, что если со стратегической точки зрения вступление Германии в Бельгию равносильно вопросу о жизни и смерти, то же самое можно сказать и об Англии — сохранение неприкосновенности Бельгии для нее не менее важно. «Ваше превосходительство слишком взволнованы, слишком потрясены известием о нашем шаге и настолько не расположены прислушаться к доводам рассудка, что дальнейший спор бесполезен».

Когда он выходил от канцлера, двое людей в служебном автомобиле газеты «Берлине? Тагеблатт» уже ездили по улицам Берлина и разбрасывали листовки (хотя срок ультиматума истекал только в полночь) о том, что Англия объявила войну.

Дико орущая толпа уже через час стала бить стекла в здании английского посольства. Англия за одну ночь превратилась в злейшего врага, и ей адресовалось «Расовое предательство!» — излюбленное слово для выражения ненависти.

Кайзер в одном из своих наиболее глубокомысленных комментариев по поводу войны заявил:

«Подумать только, Георг и Ники сыграли против [189] меня! Если бы моя бабушка была жива, она не допустила бы этого!»

Пока толпы на Вильгельмштрассе, пронзительно вопя, требовали отмщения, подавленные депутаты левых партий собрались в кафе и сокрушались по поводу происходящего.

«Весь мир поднимается против нас, — сказал один из них. — Германизм имеет трех врагов в мире — романские народы, славян и англосаксов, сейчас они все объединились против нас».

«Благодаря нашей дипломатии у нас остался один друг — Австрия, да и ту приходится поддерживать, — заявил другой».

«По крайней мере, хорошо лишь то, что война быстро кончится, — утешил их третий. — Через четыре месяца наступит мир. С точки зрения экономики и финансов, мы вряд ли протянем дольше».

«Остается лишь одна надежда на турок и японцев, — вставил еще кто-то».

Вечером посетители кафе стали беспокойно оглядываться по сторонам — издалека с улицы слышались гомон приближавшейся толпы и крики «ура». Один из современников писал в своем дневнике: «Они подходили все ближе и ближе. Люди прислушивались, затем начали вскакивать с мест. Крики «ура" становились все громче. Они эхом прокатывались по Потсдамской площади. Казалось, что надвигался шторм. Посетители, оставив еду, выбегали из ресторанов на улицу. Меня увлек этот людской поток. «Что случилось?" — «Япония объявила войну России!" — кричали из толпы. Ура! Ура! Буйное

выражение радости. Люди обнимают друг друга. «Да здравствует Япония! Ура! Ура!" Бесконечное ликование. Кто-то закричал: «К японскому посольству!" И толпа, неудержимо увлекая всех, хлынула к посольству и окружила его. «Да здравствует Япония! Да здравствует Япония!" — раздавались пылкие возгласы, пока наконец не появился японский посол и, заикаясь от смущенья, выразил благодарность за это неожиданное и, как казалось ему, незаслуженное проявление признательности.

На другой день стало известно о ложности этих слухов, но берлинцы только лишь через две недели поняли, насколько незаслуженным было это проявление признательности.

Когда посол Лихновский и его штат покидали Англию, один из друзей, пришедших проводить его на лондонский вокзал Виктория, был поражен «грустной и тяжелой» атмосферой прощания. Немецкие дипломаты ругали правительство за то, что оно [190] решилось на войну, имея союзником лишь Австрию.

«Какие у нас шансы, когда на нас нападают со всех сторон? Неужели у Германии нет друзей?» — мрачно спросил один из дипломатов.

«Сиам, как мне говорили», — ответил его коллега.

Не успела Англия направить ультиматум, как кабинет вновь стали раздирать споры о том, следует ли направлять во Францию экспедиционный корпус. Объявив о вступлении в войну, министры начали рассуждать, каким образом Англия сможет помочь европейским странам.

В соответствии с совместными планами английские экспедиционные силы в составе шести дивизий должны были прибыть во Францию между четвертым и двенадцатым днем мобилизации и занять боевые позиции на крайнем левом фланге французской оборонительной линии на пятнадцатый день. График и так уже был сорван, потому что мобилизацию в Англии намечалось объявить на два дня позже, чем во Франции. Таким образом, английский первый день мобилизации (пятое августа) отстал от французского на трое суток, что грозило дальнейшими задержками.

Страх вторжения в Англию парализовал кабинет Асквита. В 1909 году после специального изучения этой проблемы Комитет имперской обороны пришел к заключению, что вторжение в Англию можно считать «практически маловероятным». Даже если немцы, опасаясь достаточно мощных сил внутренней обороны, создадут крупную десантную группировку, английский флот смог бы перехватить ее и без труда уничтожить в море. Несмотря на заверения в том, что английский флот в состоянии обеспечить надежную оборону Британских островов, четвертого августа английские руководители никак не могли набраться мужества, чтобы направить свою регулярную армию на континент. Выдвигались предложения о переброске не всех шести дивизий, а лишь части, об отсрочке десанта и даже об отказе от этой идеи. Адмиралу Джеллико заявили, что в «настоящее время» нет необходимости в запланированном эскортировании экспедиционного корпуса через пролив Ла-Манш.

Никто в Военном министерстве не мог привести в движение Британский экспедиционный корпус без указания правительства, которое все еще не находило в себе мужества для такого шага. В самом Военном министерстве дела также шли из рук вон плохо, по-видимому из-за того, что в течение четырех месяцев там не было руководителя. [191]

Асквит уже склонялся к тому, чтобы пригласить лорда Китченера в Лондон, однако еще не решался предложить ему пост военного министра. Стремительный и неугомонный, сэр Генри Вильсон, беспристрастный дневник которого вызвал такое смятение после войны, чувствовал «отвращение при виде подобного положения дел». Бедный Камбон был не в лучшем состоянии, когда, вооружившись картой, он отправился к Грею, чтобы доказать, как важно для Франции растянуть левый фланг обороны с помощью шести английских дивизий. Грей пообещал доложить об этом кабинету министров.

Генерал Вильсон, придя в бешенство от отсрочек, которые он относил за счет «греховной» нерешительности Грея, с негодованием показывал своим друзьям из оппозиции копию мобилизационного приказа, содержавшего вместо слов «мобилизовать и осуществить погрузку на суда» лишь «мобилизовать». Одно только это, утверждал он, приведет к отставанию от графика на четыре дня.

Бальфур взялся подстегнуть правительство. Он направил Холдейну письмо, заявляя, что весь смысл Антанты и военных приготовлений заключается в сохранении Франции как государства, ибо в случае ее падения «будущее Европы станет развиваться в катастрофическом для нас направлении». Главное заключается в том, утверждал он, чтобы «ударить быстро и ударить всеми имеющимися силами».

Придя к Холдейну за разъяснением причин нерешительности правительства, Бальфур не преминул заметить, что у кабинета нет «ясных идей и определенных целей».

Днем четвертого августа, примерно в тот же час, когда Бетман зачитывал свое обращение к рейхстагу, а Вивиани выступал в палате депутатов, Асквит объявил палате общин о получении послания, «собственноручно подписанного его величеством». Спикер встал со своего места, а члены парламента обнажили головы, пока оглашалась «Прокламация об объявлении мобилизации». Затем Асквит, держа слегка дрожащей рукой копию отпечатанного на машинке ультиматума, зачитал его содержание. Этот документ только что телеграфом был отправлен в Германию. Раздался одобрительный гул, когда Асквит дошел до слов: «удовлетворительный ответ в полночь».

Оставалось лишь подождать до полуночи (двадцати трех часов по английскому времени). В девять часов вечера из перехваченной и расшифрованной телеграммы правительство узнало [198] о том, что Германия решила объявить состояние войны с Англией с момента, когда посол потребует свой паспорт.

Поспешно собравшись на новое заседание, министры долго спорили, объявить войну немедленно или подождать до срока истечения ультиматума. Решили ждать. В тишине, погрузившись в свои мысли, они сидели вокруг зеленого стола в плохо освещенном зале для заседаний, как будто чувствуя тени тех, кто в такие же роковые минуты истории за много лет до них собирался в этой комнате.

Глаза всех были устремлены на часы, стрелки которых приближались к решающему часу. «Бом!» — раздался первый из одиннадцати ударов Биг Бена. Каждый из них отдавался в сердце Ллойд Джорджа, склонного, как все кельты, к мелодраме, ударами судьбы: «Рок, рок, рок!»

Через двадцать минут была отправлена телеграмма военным:

«Война, Германия, действуйте». Где и как должна была действовать армия, все еще оставалось нерешенным. Этот вопрос был оставлен на усмотрение военного совета, назначенного на следующий день.

Британское правительство отправилось спать, объявив войну, но не став от этого воинственнее.

На другой день штурмом Льежа началась первая битва войны. Как написал в этот день Мольтке Конраду фон Хотцендорфу, Европа вступала в «борьбу, которая определит ход истории на последующие сто лет».

Битва

Льеж и Эльзас

Сосредоточение армий еще продолжалось, а передовые отряды германских и французских войск, как через огромную вращающуюся дверь, уже выходили на поля сражений. Немцы шли с востока, а французы с запада. Противники стремились прежде всего оказаться на крайних правых от себя точках этой вращающейся двери, удаленных друг от друга на пятьсот километров. Немцы будут, не обращая внимания на действия французов, идти вперед, на штурм Льежа и его двенадцати фортов, которые следовало уничтожить, чтобы открыть дороги через Бельгию для армий правого крыла. Французы, также не обращая внимания на передвижение войск противника слева от себя, ринутся в Верхний Эльзас, скорее по сентиментальным, чем стратегическим причинам, надеясь вступить в войну на волне национального энтузиазма и вызвать восстание местного населения против Германии. Стратегически этот маневр имел целью закрепить французский правый фланг на Рейне.

Льеж, подобно воротам средневекового замка, преграждал доступ Германии в Бельгию. Построенный на крутом холме на левом берегу Мааса, этот город вместе с 50-километровой цепью [196] фортов считался в Европе наиболее грозным оборонительным рубежом. Десять лет назад Порт-Артур, прежде чем пасть, выдержал девятимесячную осаду. Согласно мировому общественному мнению, Льеж, без сомнения, мог подтвердить рекорд Порт-Артура или вообще оказаться неприступным.

Вдоль бельгийских и французских границ сконцентрировались германские армии численностью в 1 500 000 человек. По порядку номеров на крайнем правом фланге с немецкой стороны у Льежа находилась 2-я армия, на крайнем левом фланге, в Эльзасе, — 7-я; 6-я и 7-я образовывали германское левое крыло из шестнадцати дивизий; 4-я и 5-я входили в центральную группировку из двадцати дивизий; 1-я, 2-я, 3-я армии составляли правое крыло, включавшее тридцать четыре дивизии, которым и предстояло пройти через Бельгию. Правому крылу придавался отдельный кавалерийский корпус из трех дивизий. Армиями правого крыла командовали генералы фон Клюк, фон Бюлов и фон Хаузен, первые два являлись ветеранами 1870 года. Кавалерийский корпус находился под командованием генерала фон Марвица.

Поскольку 1-й армии Клюка предстояло проделать самый длинный путь, скорость, с которой она двигалась, оказывала влияние на движение всех остальных войск. Сосредоточившись к северу от Аахена, она должна была двинуться по дорогам, сходившимся к пяти мостам через Маас у Льежа. Таким образом, захват этого города превратился в задачу первостепенной важности: успех этой операции решал все.

Пушки фортов Льежа контролировали пространство между голландской границей и поросшим лесом холмистым подножием Арденн, поэтому мосты этого города являлись единственной удобной переправой через Маас. Железнодорожный узел, соединявший Бельгию с Германией и северной частью Франции, имел жизненное значение для снабжения наступающих германских армий. Не захватив Льежа и не обезвредив его форты, германское правое крыло не смогло бы продвинуться вперед.

Специальная «маасская армия» в составе шести бригад под командой генерала фон Эммиха была выделена из 2-й армии, чтобы открыть путь через Льеж. Эти части, как предполагали, смогут выполнить свою задачу еще до того, как основные армии закончат сосредоточение.

В довоенные годы кайзер, не сдержавшись, как-то неосторожно заметил одному английскому офицеру во время [197] маневров: «Я пройду через Бельгию вот так!» — и взмахом руки резко рассек воздух. Объявленное Бельгией во всеуслышание желание сражаться немцы считали не более чем «яростью спящей овцы»; так охарактеризовал однажды своих политических противников некий прусский государственный деятель. Когда Льеж падет, 1-я и 2-я армии выйдут на одну линию с ним, тогда и начнется главное наступление немцев.

Анри Бриальмонд, замечательный инженер-фортификатор своего времени, построил по настоянию Леопольда II укрепления Льежа и Намюра в 80-х годах. Расположенные на возвышенной местности вокруг каждого из этих городов форты по замыслу их строителя предназначались для отражения захватчика, подходившего с любого направления. Льежские форты находились по обоим берегам реки примерно на расстоянии шести-восьми километров от города и трех-четырех друг от друга. Шесть фортов, защищавшие на восточном берегу столицу от Германии, и шесть на западном кольцом опоясывали город. [198]

Они напоминали упрятанные под землю средневековые замки. На поверхности виднелась лишь треугольная насыпь с выступавшими башнями, куда при помощи подъемников доставлялись орудийные установки, скрытые в глубине. Все остальное находилось под землей. Наклонные шахты вели к подземным камерам и соединяли башни со складами боеприпасов и пунктами управления огнем. Шесть крупных фортов и располагавшиеся между ними шесть более мелких укреплений имели в общей сложности 400 орудий. Самыми тяжелыми из них были 8-дюймовые (210-миллиметровые) гаубицы. По углам насыпи бельгийцы установили башни меньшего размера для скорострельных пушек и пулеметов, державших под огнем нижние пологие скаты фортов. Их окружали крепостные рвы без воды в двенадцать метров глубиной. Каждая крепость имела прожектор на наблюдательной вышке. Гарнизоны больших фортов состояли из 400 человек каждый — по две артиллерийские и одной пехотной роте. Построенные скорее как передовые посты для защиты границ, эти оборонительные сооружения не предназначались для того, чтобы выдержать длительную осаду при отступлении. Промежутки между ними должны были удерживаться пехотными частями. Возлагая слишком большие надежды на это великое творение Бриальмонда, бельгийцы не сделали почти ничего для их модернизации. Форты обслуживал второразрядный гарнизон, набранный из солдат самых старших призывных возрастов, причем на роту приходился всего один офицер. Опасаясь дать Германии малейший повод для обвинений в несоблюдении Бельгией нейтралитета, приказ о создании траншей и полос заграждений из колючей проволоки для защиты интервалов между фортами, а также об уничтожении зарослей леса и снесения домов для улучшения обзора при стрельбе не отдавался до второго августа. Когда война приблизилась к Льежу, эти работы еще только разворачивались.

Со своей стороны, немцы верили, что Бельгия примет ультиматум или в крайнем случае окажет лишь незначительное сопротивление для сохранения престижа, и поэтому не доставили в район боев свое новое секретное оружие — гигантские осадные орудия громадной величины и необычайной разрушительной силы.

Перевозить эти колоссы по дорогам было почти невозможно. Одно орудие, построенное заводами «Шкоды», австрийской фирмой по производству вооружений, представляло собой [199] 12,5-дюймовую (305-миллиметровую) мортиру; другое было создано «Круппом» в Эссене. Это чудовище калибром 16,5 дюйма (420 миллиметров), длиною более девяти метров и весом в девяносто восемь тонн стреляло 520-килограммовым

снарядом метровой величины на расстояние в пятнадцать километров. Для его обслуживания требовалось 200 человек. В то время самыми крупными считались 13,5-дюймовые морские английские орудия, а на суше — 11-дюймовые стационарные гаубицы береговой артиллерии. Япония после безуспешной шестимесячной осады Порт-Артура сняла эти пушки со своих береговых укреплений и перебросила в Маньчжурию, но русская крепость держалась еще три месяца, несмотря на обстрел из этих орудий.

Немецкие планы не допускали подобной задержки при взятии бельгийских фортов. Мольтке сказал Конраду фон Хотцендорфу, что, по его оценкам, победа будет достигнута на тридцать девятый день войны, после чего на сороковой день, обещал он, германские войска отправятся на помощь Австрии. Бельгийцы, как считали, не будут сражаться, тем не менее немецкая пунктуальность требовала предусмотреть любые неожиданности. Задача заключалась в том, чтобы создать мощнейшие осадные орудия, которые можно было бы перевозить по суше. Такая пушка, мортира или короткоствольная гаубица с большим углом возвышения смогла бы своими снарядами пробить верхние перекрытия фортов и в то же время, не имея прицельности длинноствольных пушек, обладала бы достаточной точностью поражения отдельных целей.

Фирма «Крупп», соблюдая строжайшую секретность, изготовила модель 420-миллиметровой пушки в 1909 году. Распухший гигант с отрезанным стволом на испытательных стрельбах показал себя неплохо, но оказался слишком громоздким для транспортировки. При перевозке по железным дорогам орудие пришлось разделить на две секции, причем каждую тащил отдельный локомотив. Доставить такую пушку на позицию можно было, лишь проложив железнодорожную ветку. «Крупп» продолжала работать над этой моделью еще четыре года, стремясь создать транспортабельную конструкцию из нескольких секций. В феврале 1914 года такое орудие было изготовлено и успешно испытано в Куммерсдорфе, к большому удовлетворению кайзера, присутствовавшего при этом событии. И все же при перевозке этого орудия с помощью устройств, приводимых в движение паровыми и бензиновыми двигателями, а в некоторых случаях [200] и упряжкой из десятков лошадей, возникали значительные трудности. Конструкцию необходимо было усовершенствовать, и срок окончания работ перенесли на первое октября 1914тода.

Выпущенная в 1910 году 305-миллиметровая «Шкода» обладала большей мобильностью. Три секции, передвигавшиеся тягачами, — сама пушка и портативное основание, могли перемещаться со скоростью двадцать четыре — тридцать шесть километров в день. Вместо шин на их колеса надевались бесконечные ленты, которые тогда с ужасом называли «железными ступнями». На позиции устанавливали стальное основание, к нему болтами крепили станок и уже на нем — орудие. Вся процедура длилась не более сорока минут. Разборка происходила так же быстро, что уменьшало возможность захвата орудия противником. Эти пушки поворачивались вправо или влево на угол в 60° и имели дальность стрельбы одиннадцать километров. И крупповское и австрийское орудия стреляли бронебойным снарядом со взрывателем замедленного действия, поэтому взрыв происходил уже после попадания в цель.

Когда в августе началась война, несколько австрийских 305-миллиметровых пушек находилось в Германии. Их «сдал в аренду» Конрад фон Хотцендорф, так как немецкие орудия еще не были готовы. Крупп уже выпустил к этому времени пять 420-миллиметровых пушек для перевозки по рельсам и две — по шоссейным дорогам, однако они еще требовали доводки для облегчения транспортировки. Второго августа правительство потребовало срочно привести их в состояние готовности. Когда началось вторжение в Бельгию, работа над этими моделями велась круглосуточно; орудия, станки

для них, дополнительное оборудование, моторы — все это тщательно проверялось и испытывалось; на случай чрезвычайных обстоятельств выделялись упряжки лошадей, механики, шоферы и артиллерийская обслуга получали последние наставления от инженеров фирмы.

Мольтке все еще надеялся обойтись без осадных орудий. Более того, немцы верили, что им удастся взять форты простым штурмом, если бельгийцы проявят неблагоразумие и начнут сопротивляться. Ни одна из деталей этой операции не ускользнула от внимания. Ее разработкой занялся офицер Генерального штаба, один из самых преданных учеников Шлиффена.

Необыкновенное трудолюбие и гранитная твердость духа помогли капитану Эриху Людендорфу побороть предубеждения, связанные с отсутствием приставки «фон» в его фамилии, [201] и добиться заветных красных лампасов офицера Генерального штаба, куда он был направлен в 1895 году, когда ему было тридцать лет. Плотный, со светлыми усами, круглым двойным подбородком и выпуклостью на загривке, которую Эмерсон называл отличительным признаком зверя, он не принадлежал к аристократическому типу в противоположность Шлиффену. Однако Людендорф взял за образец твердый, замкнутый характер своего кумира.

Намеренно отказываясь от друзей и знакомств, этот человек, которому суждено было через два года первому после Фридриха Великого обрести огромную власть над судьбой и народом Германии, оставался почти никому не известным и никем не любимым. О нем не судачили, как водится, никто не мог припомнить сделанных им метких замечаний, и, даже когда он стал возвышаться, о нем не рассказывали сопутствующих анекдотов: это был человек без тени.

Считая Шлиффена одним «из величайших солдат истории», Людендорф как сотрудник, а впоследствии, с 1904 до 1913 год, и начальник мобилизационного отдела Генерального штаба делал все, чтобы претворить в жизнь план своего хозяина. По его словам, весь Генеральный штаб был убежден в правильности стратегического замысла, ибо «никто не верил в бельгийский нейтралитет». В случае войны Людендорф надеялся стать начальником оперативного управления, однако в 1913 году его после ссоры с тогдашним военным министром генералом фон Хееринго м вывели из состава Генерального штаба и отправили командовать полком. В апреле 1914-го он получил чин генерала. Ему было приказано занять пост заместителя начальника штаба 2-й армии, как только война начнется. В этом качестве второго августа он прибыл в «маасскую армию» Эммиха, которой поручали захватить Льеж. В задачу Людендорфа входило поддержание связи между ударными силами и главным командованием.

Третьего августа король Альберт, не испытывая никаких иллюзий, принял на себя обязанности главнокомандующего. План, составленный им и Гале на основе гипотезы о германском вторжении, не получил поддержки. Они предлагали, чтобы все шесть бельгийских дивизий заняли рубежи вдоль естественного барьера по реке Маас, где они смогли бы усилить фортификационные позиции Льежа и Намюра. Но Генеральный штаб и его новый начальник, генерал Сельерс де Моранвилль, с презрением отнеслись к попыткам короля и какого-то капитана [202] Гале навязать им свою волю и, колеблясь между наступательной и оборонительной стратегией, не отдали никаких приказов о передислокации армий за Маас.

В соответствии с принципами строгого нейтралитета шесть дивизий располагались таким образом, чтобы дать отпор любому врагу: 1-я дивизия стояла в Генте против англичан, 2-я

— в Антверпене, 3-я — в Льеже против немцев, 4-я и 5-я — в Намюре, Шарлеруа и Монсе против французов, 6-я и кавалерийская дивизии размещались в Брюсселе. План Сельерса заключался в том, чтобы, когда враг будет определен, сконцентрировать армию в центре страны на пути захватчика, предоставив гарнизонам Антверпена, Льежа и Намюра возможность защищаться своими силами.

Стремление придерживаться существующего плана всегда сильнее желания изменить его. Кайзер не мог изменить планов Мольтке, Китченер — планов Генри Вильсона, Ланрезак — Жоффра. Король Альберт, став третьего августа официально главнокомандующим и начальником генерала Сельерса, уже не смог организовать развертывание войск вдоль Мааса, так как время было упущено. Принятая стратегия заключалась в сосредоточении бельгийской армии перед Лувэном на реке Жет в сорока милях к востоку от Брюсселя, где было решено создать оборонительные рубежи. Король мог добиться лишь того, чтобы 3-я дивизия осталась в Льеже, а 4-я — в Намюре с целью укрепления пограничных гарнизонов. Ранее предполагалось присоединять эти части к полевой армии в центре страны.

На пост командира 3-й дивизии и губернатора Льежа король настоял в январе 1914 года выдвинуть своего протеже, шестидесятидвухлетнего генерала Лемана, возглавлявшего военную академию. Бывший офицер инженерного корпуса Леман провел последние тридцать лет — не считая шестилетнего перерыва, когда он служил в штабе инженерных войск, — в военной академии; у него в свое время учился король Альберт. В течение семи месяцев без поддержки Генерального штаба он пытался реорганизовать оборону фортов. Когда же разразился кризис, на его голову обрушился поток противоречивых приказов. Первого августа генерал Сельерс приказал вывести из Льежа одну бригаду, то есть одну треть 3-й дивизии. По просьбе Лемана король отменил этот приказ. Третьего августа генерал Сельерс, в свою очередь, приостановил приказ короля об уничтожении мостов выше Льежа на том основании, что они необходимы для [203] передвижений бельгийской армии. И снова после жалобы Лемана король поддержал генерала в споре с начальником Генерального штаба, а в личном письме призвал Лемана «удерживать до конца позиции, которые вам доверили оборонять».

Потребности обороны страны превышали имевшиеся для этого средства. В бельгийской армии на одного солдата приходилось в два раза меньше пулеметов, этого основного оружия обороны, чем в германской. У нее вообще не было тяжелой полевой артиллерии для защиты промежутков между фортами.

В соответствии с новыми оборонительными планами намечалось к 1926 году довести численность армии до 150 000 человек, резервистов — до 70 000 и крепостных войск — до 130 000. Однако к осуществлению этого проекта практически не приступали. В августе 1914 года армии удалось набрать 117 000 солдат, призвав всех подготовленных резервистов, а оставшимися категориями укомплектовали крепостные войска. Гражданская гвардия — бравые жандармы в цилиндрах и ярко-зеленых мундирах — была включена в состав действующей армии. Многие обязанности, выполнявшиеся ими, взяли на себя бойскауты. Солдаты действующей армии не умели окапываться, да и не имели для этого инструментов. Не хватало транспортных средств, палаток и полевых кухонь; котлы и другую посуду пришлось собирать по фермам и деревням. Телефонная связь находилась в плачевном состоянии. В войсках, находившихся накануне боев, царил хаос.

Волна энтузиазма, окутанная туманом иллюзий, несла и увлекала за собой армию. Солдаты, ставшие вдруг популярными, были поражены обилием даров в виде пищи, поцелуев и пива. Часто походный порядок нарушался, солдаты беспорядочно брели по

улицам, хвастаясь своей формой и радостно приветствуя друзей. Родители шли вместе с сыновьями, чтобы посмотреть на войну. Мимо проносились шикарные лимузины, реквизированные как транспорт, груженные булками и мясными тушами. Вслед им неслись крики приветствий. Так же радостно встречали появление пулеметов, которые, как тележки с молоком, тянули собаки.

Четвертого августа, на заре, когда начиналось тихое, прозрачное, солнечное утро, первые захватчики, кавалерийские части фон Марвица, перешли границу Бельгии в семидесяти милях от Брюсселя. Кавалеристы держали в руках четырехметровые пики со стальными наконечниками и были вооружены [204] целым арсеналом висевших на них сабель, пистолетов и ружей. Крестьяне, собиравшие урожай на придорожных полях, жители деревень, смотревшие на них из окон, замирали и в страхе шептали: «Уланы!» Чужестранное слово, напоминавшее о диких нашествиях татарских конников, будило в Европе древние воспоминания о варварских завоеваниях. Немцы, выполняя историческую миссию навязывания своей «культуры» другим народам, оказывали предпочтение устрашающим языковым моделям; кайзер, например, любил произносить слово «гунны».

Действуя как авангард вторжения, этот кавалерийский отряд должен был вести разведку позиций бельгийской и французской армий, сообщить о возможной высадке англичан, а также помешать подобным разведывательным действиям противника против германской армии, выходившей на исходные рубежи.

В первый день в задачу передовых эскадронов, поддерживаемых пехотой, перевозимой на автомобилях, входило овладеть переправами через Маас до того, как будут разрушены мосты, а также захватить фермы и деревни, как источники продовольствия и фуража. В Варсаже, деревне, расположенной близ границы, бургомистр Флете, повязав через плечо ленту — отличительный знак власти, — стоял на главной площади, а мимо него, цокая копытами по бельгийской брусчатке, проезжала немецкая кавалерия. К нему подъехал командир эскадрона и с вежливой улыбкой протянул отпечатанную прокламацию, в которой Германия выражала «сожаление» по поводу того, что ей пришлось войти в Бельгию, «повинуясь необходимости». Как говорилось в ней, Германия не хочет кровопролития, но путь ее войскам должен быть открыт. Попытки разрушения мостов, туннелей и железнодорожных линий будут рассматриваться как враждебные акты. В деревнях вдоль всей границы от Голландии до Люксембурга уланы разбрасывали эти прокламации, снимали бельгийские флаги с мэрий, поднимали вместо них германские, с черными орлами, и продолжали двигаться вперед, ободренные заверениями своих командиров в том, что бельгийцы воевать не будут.

За ними, заняв дороги, ведущие к Льежу, шли бесконечными рядами пехотинцы ударной группировки Эммиха. Зелено-серое однообразие нарушали лишь номера полков, написанные красной краской на остроконечных шлемах. За ними двигалась полевая артиллерия на конной тяге. Скрипели новые кожаные сапоги и солдатское снаряжение. Обгоняя всех, проносились [205] самокатчики, захватывавшие перекрестки дорог, деревенские дома и тянувшие телефонные линии. Расчищая дорогу гудками рожков, ехали автомобили со штабными офицерами с моноклями; их денщики с револьверами наготове сидели впереди, сзади, на багажниках, пристегнутые ремнями лежали чемоданы. Каждый полк имел свои полевые кухни. Повара на ходу, стоя на подножках, помешивали солдатскую похлебку.

Кайзер, как рассказывают, ввел в германской армии походные кухни после того, как впервые увидел их на русских маневрах. Совершенство оборудования и точность движения поиск были такими, что казалось, захватчики идут парадным маршем.

Каждый солдат нес двадцать шесть килограммов: винтовка и боеприпасы, ранец, котелок, шанцевый инструмент, тесак и множество других предметов, пристегнутых к портупее. В одном из [206] мешков ранца хранился «железный паек» — две банки мясных консервов, две банки овощных, две коробки галет, пачка молотого кофе и фляжка со шнапсом, которую разрешалось открывать только по распоряжению офицера. Ежедневно проводилась проверка содержимого фляжки, чтобы ее владелец — не дай Бог! — не поддался искушению. В другом мешке лежали нитки, иголки, бинты и лейкопластырь, в третьем — спички, шоколад и табак. На шеях офицеров болтались бинокли и кожаные планшеты с картами, показывающими заданный маршрут полка, чтобы ни один немец не оказался в положении некоего английского офицера, жаловавшегося, что бой — это процесс, происходящий, как нарочно, на стыке двух карт. Марш сопровождался песнями. Солдаты пели: «Германия превыше всего», «Стража на Рейне», «Слава тебе в победном венце». Пели на отдыхе, во время марша, пели на постоях, пели во время попоек. Те, кто в течение последующих тридцати дней пережил ужас и конвульсии разгоравшейся войны, вспоминают как самую худшую и жестокую пытку непрекращающееся солдатское пение.

Бригады генерала фон Эммиха, подступавшие к Льежу с севера, востока и юга, выйдя к Маасу, увидели взорванные выше и ниже города мосты. Когда они попытались переправиться на понтонах, бельгийская пехота открыла огонь, и немцы, к своему удивлению, оказались в центре настоящего боя: по ним стреляли боевыми патронами, убивали и ранили. Их было 60 000, а бельгийцев 25 000. К вечеру немцы форсировали реку у Визе, к северу от города. Бригадам, атаковавшим с юга, продвинуться не удалось; части, наступавшие в центре, у изгиба реки, вышли на линию фортов, еще не достигнув ее берегов.

В течение дня, когда сапоги, копыта и колеса германской армии двигались, подминая зрелую пшеницу на полях, стрельба постепенно усилилась, а с ней и раздражение немцев, которым раньше говорили, что бельгийцы — это «бумажные солдатики». Удивленные и взбешенные оказанным сопротивлением, немецкие солдаты, находившиеся в состоянии крайнего нервного напряжения, оказались чрезвычайно чувствительными к первым крикам «Снайперы!». В их воображении сразу же возникал образ горящих злобой крестьян или горожан, стреляющих по ним из-за каждого угла и изгороди. Сразу же появилось оправдание — «в нас стреляли», ставшее сигналом для развязывания репрессий против мирного населения от Визе до ворот Парижа. С первого дня фигура беспощадного «франтирера» [207] (французского партизана), сохранившегося в памяти со времен войны 1870 года, приобрела четкие очертания и впоследствии благодаря фантазии, подстегиваемой страхом, достигла гигантских размеров.

Однако дух сопротивления, нашедший вскоре отражение в знаменитой подпольной газете «Либр Бельжик», в то утро еще не пробудился в сердцах жителей пограничных городов. Бельгийское правительство, знавшее характер врага, дало указание расклеить в населенных пунктах вдоль границы объявления с приказом сдать имеющееся оружие местным властям, немцы расстреливали тех, кто хранил его. Плакаты призывали жителей не сопротивляться, не оскорблять врага и не выходить на улицы, чтобы избежать «любого предлога для репрессий», которые могут вылиться в кровопролитие, грабежи и массовые убийства ни в чем не повинных людей. После таких суровых предупреждений население, охваченное ужасом, при виде захватчиков вряд ли пыталось остановить вооруженные до зубов войска с помощью охотничьих ружей, с которыми ходили на зайцев. И все-таки немцы в первый же день вторжения расстреливали не только мирных граждан, но и бельгийских священников, что делалось с далеко идущими целями.

Шестого августа генерал-майор Карл Ульрих фон Бюлов, брат экс-канцлера и командир кавалерийской дивизии, штурмовавшей Льеж, выразил своему сослуживцу неодобрение по поводу происшедших накануне произвольных казней бельгийских священников. Слухи о планах бельгийского духовенства организовать «франтирерскую» войну вопреки предостережению гражданского правительства через двадцать четыре часа после вторжения были не чем иным, как германской выдумкой. Что касается Бельгии, то эту акцию немцы предприняли как первый опыт устрашения населения в соответствии с теорией, созданной римском императором Калигулой: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

Кроме того, немцы в первый же день расстреляли шесть заложников в Варсаже и сожгли для устрашения деревню Баттис. «Ее сожгли, буквально стерли с лица земли», — писал один немецкий офицер, проходивший через нее с войсками несколько дней спустя.

«Разумеется, наше наступление носит зверский характер, — писал Мольтке Конраду фон Хотцендорфу пятого августа, — но мы боремся за нашу жизнь, и тот, кто посмеет встать на нашем [208] пути, должен подумать о последствиях?».

Он, к сожалению, не думал о последствиях для Германии. Но процесс, в результате которого Бельгия станет для Германия Немезидой, уже начался.

Пятого августа бригады Эммиха пошли в наступление на четыре восточных форта, наиболее удаленных от Льежа. После канонады полевых орудий в бой двинулась пехота. Легкие снаряды не произвели никакого действия на форты, и бельгийские батареи обрушили на немцев лавину огня, полностью уничтожив их передовые части. Рота за ротой немцы пытались пройти в промежутках между фортами, где бельгийцы еще не закончили строительства оборонительных линий. На некоторых участках им удалось прорваться к склонам фортов, не простреливавшихся из орудий, но здесь немецких солдат косили пулеметы. Кое-где кучи трупов достигали метровой высоты. У форта Баршон бельгийцы, увидев, что цепь немцев дрогнула, бросились в штыки и отогнали их. Немецкое командование вновь и вновь гнало солдат на штурм, не щадя их жизней, зная о богатых резервах, которые восполнят потери.

«Они даже не старались рассредоточиться, — описывал позднее эти события один бельгийский офицер. — Они шли плотными рядами, почти плечом к плечу, пока мы не валили их огнем на землю. Они падали друг на друга, образуя страшную баррикаду из убитых и раненых. Мы даже стали опасаться, что она закроет нам обзор и мы не сможем вести прицельный огонь. Гора трупов уже стала огромной, и мы думали, стрелять ли прямо в нее или выходить и самим растаскивать трупы... Поверите или нет, эта настоящая стена из мертвых и умирающих позволила немцам подползти ближе и броситься на передние скаты фортов, но им не удалось пробежать и половины пути — наши пулеметы и винтовки разом смели их прочь. Разумеется, мы тоже несли потери, но они были незначительными по сравнению с той бойней, которую мы учинили противнику».

Военная машина, пожиравшая с каждой новой войной все большее число жертв — сотни тысяч при Сомме, более миллиона при Вердене, — усиленно набирала обороты уже на второй день боев под Льежем. Придя в бессильное бешенство от первой задержки своего наступления, немецкие генералы бессмысленно гнали людей на форты, не считаясь с потерями, лишь бы уложиться в указанные графиками сроки.

Той же ночью пятого августа бригады Эммиха перегруппировались, чтобы возобновить атаки в полночь. Генерал Людендорф, [209] сопровождавшие 14-ю бригаду,

находившуюся в центре наступающих частей, нашел, что состояние войск надежное, хотя и «возбужденное».

Впереди грозно маячили орудийные башни. Многие офицеры сомневались, что пехота сможет прорваться сквозь их огонь. Распространился слух об уничтожении целой роты самокатчиков, посланной днем на разведку. Одна из колонн вышла не на ту дорогу и столкнулась с другой колонной; все смешалось, движение войск прекратилось. Людендорф, отправившийся выяснить причину задержки, встретил по дороге денщика генерала фон Вюссова, командовавшего 14-й бригадой. Солдат, держа под уздцы оседланного коня, сообщил, что генерал был убит пулеметным огнем.

Людендорф с неожиданной смелостью решил попытать счастья. Он принял командование бригадой и дал сигнал к наступлению, чтобы прорваться через промежуток между фортами Флерон и Д'Эвенье. Когда атака началась и люди стали падать под огнем, Людендорф впервые в жизни услышал «особенный глухой стук от удара пуль в человеческие тела».

В силу какой-то особенной прихоти войны пушки форта Флерон, удаленного на два километра от места атаки, огня не открыли. В деревне, где развернулась рукопашная схватка, Людендорф приказал открыть стрельбу из полевой гаубицы по домам «справа и слева» и таким образом расчистил путь своей бригаде. К двум часам дня шестого августа его части прорвались через кольцо фортов и заняли высоты на правом берегу Мааса, откуда открывался вид на Льеж и Цитадель — внушительный, но не используемый для обороны форт, подступавший прямо к реке. Здесь к ним присоединился генерал фон Эммих. Немцы с растущей тревогой наблюдали за опустевшими дорогами — части других бригад так и не появились, 14-я бригада оказалась изолированной внутри кольца фортов. Наведя пушки на Цитадель, немцы открыли огонь, чтобы дать сигнал другим бригадам и «запугать коменданта крепости и его людей».

Рассвирепев от сопротивления бельгийцев, которые, как подсказывал здравый смысл, должны были отдать свою территорию, немцы весь август упорно стремились «устрашить», сломить их. Бывший военный атташе в Брюсселе, лично знавший генерала Ломана, отправился с белым флагом в бельгийский штаб. Ему поручили уговорить или, если это не поможет, угрозами заставить Лемана сдать город. Парламентер заявил, что [210] «цеппелины» разрушат Льеж в случае отказа пропустить немцев через город. Переговоры оказались безрезультатными, и шестого августа «цеппелин L-Z» вылетел из Кельна, чтобы ударить с воздуха по Льежу. Сбросив тринадцать бомб и убив при этом девять мирных граждан, он первым совершил воздушный налет, который стал обычным делом в войнах XX века.

После бомбардировки Людендорф отправил к бельгийцам еще одного парламентера с белым флагом, но и на этот раз Леман отказался сдать город. Тогда немцы прибегли к военной хитрости. Отряд из тридцати рядовых и шести офицеров, переодетых в военную форму, похожую на английскую, без знаков отличия, подъехал на автомобилях к штаб-квартире Лемана на улице Сент-Фуа. Немцы потребовали срочно вызвать генерала. Адъютант командующего, полковник Маршан, подойдя к двери, крикнул: «Это не англичане, это немцы!» — и тут же упал, сраженный пулями. Его товарищи немедленно отомстили за него. Как говорилось в 1914 году в одном смелом и откровенном сообщении,

«обезумев от гнева при виде этого подлого нарушения правил цивилизованного ведения войны, они были беспощадны».

Воспользовавшись сумятицей, Леман незаметно вышел из здания и уехал в форт Лонсэн, где и продолжал руководить обороной.

Ему стало ясно, что теперь, когда немецкая бригада прорвалась сквозь кольцо фортов, удержать Льеж фактически было невозможно. Если бы бригадам, наступающим с севера и юга, удалось смять оборону и выйти к городу, то находящаяся в нем 3-я дивизия была бы окружена и отрезана от остальной армии. Загнав бельгийскую дивизию в западню, немцы уничтожили бы ее полностью. Разведка доносила Леману, что в наступлении на Льеж участвуют четыре армейских корпуса, то есть восемь дивизий против одной. В действительности войска Эммиха не подразделялись на корпуса и вместе со срочно отправленными к Льежу подкреплениями насчитывали не более пяти дивизий. Одна 3-я бельгийская дивизия не смогла бы защитить не только Льеж, но и себя. Утром шестого августа Леман, зная о намерении короля сохранить армию и сосредоточить ее у Антверпена независимо от хода военных действий в других частях страны, отдал приказ 3-й дивизии отступать от Льежа и присоединиться к бельгийским войскам у Лувэна. Это означало, что город падет, но форты будут продолжать сопротивление; даже за Льеж нельзя было жертвовать дивизией, так как решалась судьба всей [211] Бельгии. Если королю не удастся с армией закрепиться хотя бы на клочке бельгийской территории, он будет зависеть от милости не только врага, но и союзников.

Шестого августа Брюссель находился в состоянии радостного возбуждения после новостей об отражении вчерашнего немецкого наступления. «Великая победа Бельгии!» — гласили заголовки экстренных выпусков. Счастливые, разгоряченные граждане, собираясь в кафе, поздравляли друг друга; опьяненные успехами армии, они всю ночь праздновали победу и на следующее утро восторженно читали бельгийскую военную сводку, в которой сообщалось, что 125 000 германских солдат «не достигли никакого успеха и три армейских корпуса, атаковавшие Льеж, отрезаны и практически обезврежены». С не меньшим оптимизмом союзная пресса писала «о полном разгроме немцев», о капитуляции нескольких германских полков, о 20 000 убитых и раненых с германской стороны, о повсеместных успехах защитников Льежа, о «решительном отпоре захватчикам» и об «остановке» их наступления. Что означал отход 3-й дивизии, каким образом вписывался он в эту радужную картину, оставалось загадкой.

В Лувэне, в штабе бельгийской армии, размещавшемся в здании городской ратуши, царила такая же атмосфера уверенности, как если бы бельгийская армия насчитывала тридцать четыре дивизии против шести германских, а не наоборот. Оперативный отдел Генерального штаба «выдвигал дерзкие идеи немедленного наступления».

Король сразу же наложил вето на эти планы. По размерам атакующих Льеж сил и по подтвердившимся сообщениям о приближающихся пяти германских корпусах он распознал стратегию охвата Шлиффена. Однако оставалась еще возможность остановить врага на реке Жет, между Антверпеном и Парижем, при условии своевременного подхода французских и английских войск. Король уже направил два срочных послания президенту Пуанкаре. На этом этапе войны он, как и все бельгийцы, надеялся, что союзники окажут помощь Бельгии на ее территории. «Где французы? Где англичане?!» — спрашивали люди друг друга. В одной из деревень женщина преподнесла цветы, увязанные лентами, составлявшими цвета английского флага, солдату в незнакомой военной форме цвета хаки, которую она приняла за английскую. Смутившись, солдат объяснил, что он немец. [212]

Во Франции Пуанкаре и Мессими, который с присущим ему темпераментом предложил немедленно направить для помощи Бельгии пять корпусов, не смогли переубедить

молчаливого и упрямого Жоффра, отказывавшегося выделить из своих сил хотя бы бригаду, не говоря уже об изменении составленного им плана развертывания войск. Три кавалерийские дивизии под командованием генерала Сордё должны были войти в Бельгию шестого августа для разведки германских сил к востоку от Мааса, однако, как говорил Жоффр, только отказ англичан прислать войска вынудил его растянуть левый фланг. Поздно вечером пятого августа пришло сообщение из Лондона о решении Военного совета, заседавшего всю ночь, направить на континент четыре вместо шести дивизий плюс кавалерию. Несмотря на свое разочарование, Жоффр наотрез отказался перебрасывать какие-либо части на левый фланг, чтобы усилить его ввиду недостаточного количества английских войск. Он все отдал центру, где готовилось французское наступление. Не считая кавалерии, в Бельгию был отправлен лишь один офицер Генерального штаба, полковник Брекар, с письмом к королю Альберту. В нем бельгийской армии предлагалось, временно отказавшись от решительных действий, отойти к Намюру, где, вступив во взаимодействие с французской армией, после завершения сосредоточения всех войск принять участие в совместном генеральном наступлении. Четыре французские дивизии, сообщал Жоффр, будут посланы в Намюр, но смогут прибыть туда не ранее пятнадцатого августа.

По мысли французского командующего, бельгийская армия, забыв о собственных интересах ради борьбы на общем фронте, должна была действовать в качестве крыла французской армии в соответствии со стратегией Франции. По мнению же короля Альберта, четко представлявшего опасность, исходившую от правого крыла германских армий, бельгийская армия, заняв позиции у Намюра, оказалась бы отрезанной наступающими германскими войсками от своей базы в Антверпене. Затем немцы оттеснили бы ее на территорию Франции. Король Альберт в первую очередь хотел, чтобы бельгийская армия закрепилась на родной земле, поэтому интересы общей стратегии имели для него второстепенное значение. Он решил любой ценой оставить открытым путь для отступления к Антверпену. Чисто военные соображения указывали на Намюр, а исторические и национальные — на Антверпен, но, запертая в этом районе, армия [213] не смогла бы больше оказывать непосредственного влияния на общий ход войны в Европе.

«При чрезвычайных обстоятельствах бельгийская армия будет вынуждена отступить к Антверпену», — сказал король полковнику Брекару. Сильно разочарованный Брекар уведомил Жоффра, что бельгийцы, по-видимому, не будут участвовать вместе с французами в общем наступлении.

Седьмого августа французское правительство, незнакомое с «планом-17», запрещавшим прийти на помощь Бельгии, наградило Большим крестом Почетного легиона Льеж, а короля Альберта — военной медалью. Этот жест, не совсем уместный в данной ситуации, выразил тем не менее восхищение всего мира стойкостью Бельгии. Она не только «сражалась за независимость Европы», но и являлась защитником чести, заявил председатель Национального собрания. Она завоевала «бессмертное признание» тем, что развеяла миф о непобедимости германских армий, писала лондонская «Таймс».

Поток восхищения нарастал, а жители Льежа провели ночь в подвалах своих домов — первую из тех бесчисленных ночей, которые выпали на долю европейцев XX века. После воздушного налета «цеппелина» Льеж в ту же ночь обстреляла полевая артиллерия Людендорфа: рвавшиеся со страшным грохотом снаряды должны были заставить город сдаться. Этот метод оказался таким же бесплодным, как и бомбардировка Парижа из дальнобойных орудий «Большая Берта» в 1918 году или налеты фашистской авиации и ракет «фау-2» на Лондон в следующую войну.

После этого Эммих и Людендорф решили, не дожидаясь подхода других бригад, войти в город. Не встречая сопротивления — к этому времени 3-я дивизия уже покинула город, — 14-я бригада прошла два оставшихся невзорванными моста. Людендорф, думая, что Цитадель взята передовыми частями, направился к ней по крутой извилистой дороге в штабном автомобиле, сопровождаемый одним лишь адъютантом. Въехав во двор, он не увидел ни одного германского солдата, авангард, по-видимому, еще не подошел. Тем не менее он, не колеблясь, забарабанил по воротам, которые открылись, и ему осталось лишь принять капитуляцию от бельгийских солдат, находившихся внутри крепости. Людендорфу было сорок девять лет, вдвое больше, чем Наполеону в 1793-м, но Льеж оказался его Ту лоном. [214]

Внизу, в городе, генерал Эммих, не найдя Лемана, арестовал мэра, которого предупредил, что Льеж будет обстрелян и сожжен дотла, если форты не прекратят сопротивление. Он предложил мэру отправиться к генералу Леману или королю, чтобы уговорить их сдаться. Несмотря на обещание обеспечить безопасный проход через немецкие позиции, мэр решительно отказался. К вечеру сквозь линию фортов пробились и вошли в Льеж еще три немецкие бригады.

В шесть часов вечера по улицам Аахена на автомобиле промчался офицер, доставивший в штаб 2-й армии сообщение о том, что генерал Эммих взял Льеж и в это время ведет переговоры с мэром. Пока раздавались крики и восклицания «Хох!», была перехвачена телеграмма от Эммиха, которую он отправил своей жене: «Ура, мы в Льеже!» В восемь часов вечера офицер связи привез новое донесение Эммиха. Хотя генерала Лемана захватить не удалось, взяты в плен епископ и бургомистр; Цитадель сдалась, сам город эвакуирован бельгийскими войсками, однако никакой информации о фортах пока нет.

В Берлине, где главный штаб оставался до конца периода сосредоточения армий, кайзер пришел в состояние экстаза. Вначале, когда оказалось, что бельгийцы все-таки будут сражаться, Вильгельм часто упрекал Мольтке: «Видишь, из-за тебя англичане без всяких причин кинулись на меня». Однако после падения Льежа кайзер стал называть его «милейший Юлиус». Мольтке написал по этому случаю: «Он меня восторженно расцеловал». Однако мысль об англичанах не давала кайзеру покоя.

Десятого августа американский посол Джерард, прибыв к императору, чтобы вручить ноту с предложением президента Вильсона о посредничестве, нашел монарха в «подавленном расположении духа». Сидя в дворцовом саду за зеленым железным столом под солнечным зонтиком, с лежащей перед ним грудой бумаг и телеграмм и с двумя таксами, расположившимися у его ног, кайзер жаловался: «Англичане изменили всю ситуацию — упрямый народ, — они будут расширять войну, и скоро она не кончится».

Горькая правда заключалась в том, что ни один из фортов после падения города еще не был взят, когда Людендорф выехал из Льежа для доклада. Он настаивал на немедленной доставке к Льежу осадных орудий: бельгийцы не желали сдаваться. [215] Срок выступления 1-й армии Клюка, начинавшей операцию, уже пришлось перенести с десятого на тринадцатое.

Тем временем в Эссене, где неподвижно застыли отвратительные черные осадные мортиры, шла лихорадочная работа по подготовке транспорта и обучению артиллерийской прислуги. К девятому августа два орудия, способные передвигаться по обычным дорогам, были полностью собраны и в ту же ночь погружены на железнодорожные платформы. Немцы берегли их гусеницы и хотели доставить поездом как можно ближе к месту боев. Состав отправили из Эссена десятого августа, а к вечеру

поезд уже достиг Бельгии, как вдруг, не доезжая тридцати километров до Льежа, остановился. Впереди был разрушенный взрывом вход в туннель. Это произошло в одиннадцать часов вечера. Были предприняты бешеные усилия расчистить пути, но все оказалось напрасным. Гигантские пушки пришлось снять с платформ и везти по дороге. И хотя до цели оставалось не более восемнадцати километров, одна поломка за другой стали причиной частых остановок. Моторы отказывали, постромки рвались, на дорогах встречались различные препятствия, и часто, чтобы сдвинуть с места этих великанов, приходилось обращаться к помощи войск. В течение двух дней шла трудная молчаливая борьба с этими отказывавшимися двигаться монстрами.

Пока осадные орудия тащили по дорогам, германское правительство в последний раз попыталось убедить Бельгию дать согласие на проход войск через ее территорию. Девятого августа Джерарда попросили направить своему коллеге в Брюсселе ноту для представления бельгийскому правительству. «Теперь, когда бельгийская армия поддержала свою честь сопротивлением превосходящим силам», — говорилось в ней, — германское правительство «просит» короля Бельгии и его правительство уберечь Бельгию от «дальнейших ужасов войны». Германия была готова на любую сделку с Бельгией, лишь бы добиться права свободного прохода для своих армий. Кайзер не скупился на «торжественные заверения» в том, что Германия не посягает на бельгийскую территорию. Как говорилось в ноте, немецкие войска покинут Бельгию, как только наступит перелом в ходе войны. Американские представительства как в Гааге, так и Брюсселе отказались передать подобные предложения. Но благодаря услугам голландского правительства эта нота наконец попала к королю Альберту. Он отверг ее. [216]

Проявленные им мужество и упорство перед лицом страшной угрозы, нависшей над его страной, казались почти фантастическими даже союзникам. Никто не ждал героизма от Бельгии. «В действительности, — сказал король Альберт после войны, услышав высокую оценку одного государственного деятеля его поведения, — в то время нас заставили поступать героически». В 1914 году у французов были сомнения на этот счет, и восьмого августа они послали в Брюссель министра иностранных дел Бартело, чтобы выяснить у короля, верны ли слухи о намерениях Бельгии заключить перемирие с Германией.

Бартело, которому было поручено обещать все, вынужден был сообщить королю, что Франция не изменит своих стратегических планов. Альберт попытался еще раз внушить французам мысль об угрозе, исходящей от мощного правого крыла германских армий, которое, возможно, двинется в наступление через Фландрию. В этом случае, заявил король, бельгийская армия будет вынуждена отойти к Антверпену. Бельгия перейдет к наступательным операциям лишь в том случае, когда «будет чувствоваться приближение союзных армий», добавил он.

Мир думал, судя по авторитетному мнению военного корреспондента «Таймс», что германские силы, атаковавшие Льеж, «оказались прилично потрепанными». Тогда это утверждение можно было считать приблизительно верным. Хваленая германская армия, которая, как считали, легко справится со «спящей овцой», не смогла взять бельгийских фортов штурмом. После девятого августа ее движение остановилось — ей понадобились подкрепления, но не в виде живой силы. Армия ждала, когда подвезут осадные орудия.

Во Франции генерал Жоффр и его штаб упорно и решительно, как и раньше, не желали обращать внимания на Фландрию, они с прежней горячностью готовились к рывку на Рейн. Пять французских армий состояли из семидесяти дивизий, то есть имели такую же численность, как и немцы на западном фронте. Нумерация армий зависела от их расположения — от 1-й на правом фланге до 5-й на левом. Разделенные укрепленным

районом Верден — Туль, они концентрировались двумя группами, как и немецкие армии, по обеим сторонам участка Мец — Тьонвилль. Противостоящие германским 7-й и 6-й в Эльзасе и Лотарингии, 1-я и 2-я армии составляли французское правое крыло, имевшее задачу энергичным натиском отбросить [217] немцев назад на Рейн и одновременно забить мощный клин между левым крылом и центром германских сил.

На крайнем правом фланге находилась специальная ударная группа, равная по численности армии Эммиха у Льежа. Ей поручалось первой прорваться в Эльзас. Выделенные из состава 1-й армии, эти ударные силы включили VII корпус и 8-ю кавалерийскую дивизию, которым предстояло освободить Мю-луз и Кольмар и закрепиться на Рейне в том месте, где сходятся границы Германии, Эльзаса и Швейцарии.

Рядом с этой группой находилась 1-я армия под командованием генерала Дюбая. Он, как говорили, не признавал невозможного, сочетал упорство с неограниченной энергией и по некоторым причинам, скрытым в сложных и запутанных ходах французской армейской политики, был в плохих отношениях с генералом де Кастельно, своим непосредственным соседом слева. Кастельно покинул Генеральный штаб, чтобы возглавить 2-ю армию, державшую фронт вокруг Нанси.

Готовясь к великому наступлению в соответствии с «планом-17» через германский центр, 3-я, 4-я и 5-я армии стояли по другую сторону от Вердена. Занимаемые ими позиции растянулись от Вердена до Ирсона, 5-я армия, имевшая открытый фланг, была развернута на северо-восток для наступления через Арденны, а не на север, где она встретила бы наступающие силы германского правого крыла. Позиции на левом фланге этой армии, с центром у когда-то мощной, а теперь заброшенной крепости Мобёж, предстояло удерживать англичанам, которые, как теперь стало известно, не присылали всех обещанных войск. Недостаточность сил в этом районе не очень беспокоила Жоффра и его штаб, потому что они сконцентрировали все внимание на других направлениях. Однако это обстоятельство вызывало сильную тревогу у командующего 5-й армией генерала Ланрезака.

Ему предстояло выдержать напор правого крыла германских армий, и он слишком хорошо видел все опасности своего положения. Его предшественник на этом посту, генерал Галлиени, после тщательного изучения местности и провала всех своих попыток убедить Генеральный штаб в необходимости модернизации фортификационных сооружений Мобёжа понимал всю трудность создавшегося положения. Когда Галлиени в феврале 1914 года достиг возрастного предела, Жоффр назначил на его место Ланрезака, «настоящего льва», интеллектуальные [218] способности которого у него вызывали восхищение. В 1911 году Жоффр включил его в число трех кандидатов на пост заместителя начальника Генерального штаба. Благодаря своему «выдающемуся интеллекту» Ланрезак считался звездой Генерального штаба, прощавшего ему язвительность, несдержанность и грубые выражения, к которым он прибегал для ясности, точности и логической выразительности своих лекций. В шестьдесят два года он, так же как Жоффр, Кастельно и По, был типичным французским генералом — с густыми усами и солидным брюшком.

В мае 1914 года, когда каждого генерала ознакомили с касающимися его частями «плана-17», Ланрезак сразу же указал на опасность, грозящую открытому флангу его армии, если немцы вдруг ударят всеми силами западнее Мааса. Генеральный штаб отверг эти возражения — «чем сильнее германское правое крыло, тем лучше для нас». За несколько дней до мобилизации Ланрезак изложил свои возражения в письме Жоффру, которое вызвало после войны целый поток критики и противоречивых суждений над могилой «плана-17». Как писал один из знавших Ланрезака офицеров, тон этого письма был не

смелым вызовом плану, а скорее профессорской критикой научной работы ученика. Наступательные планы для 5-й армии, писал он, основаны на предположении, что немцы двинутся через Седан, хотя, вероятнее всего, они совершат обходный маневр дальше на север через Намюр, Динан и Живё.

«Несомненно, — поучал профессор, — как только 5-я армия начнет наступление в направлении Нёфшато (в Арденнах), она уже не сможет отразить удара немцев севернее».

Именно в этом и заключалось главное, однако Лонрезак, как бы защищаясь, уменьшил силу своих аргументов, добавив:

«Подчеркиваю, что это всего лишь предположения». Жоффр получил это письмо первого августа, в день мобилизации, и решил, что оно «совершенно неуместно», тем более когда «весь мой день занят решением важных вопросов». Ланрезак так и не получил ответа. В то же время Жоффр развеял опасения генерала Рюффе, командующего 3-й армией, который выразил беспокойство в отношении возможного «парадного марша немцев через Бельгию». С характерной лаконичностью Жоффр сказал: «Вы ошибаетесь». Он считал, что главнокомандующий должен не объяснять, а приказывать. Генералу следовало не думать, а выполнять приказы. Если генерал получил от него [219] указание, он должен был действовать со спокойной совестью, как велит ему долг.

Третьего августа, когда Германия объявила войну, Жоффр собрал генералов на совещание. Они надеялись наконец услышать его объяснения общестратегических задач «плана-17». Но этого не произошло, Жоффр выразительно молчал в ответ на их замечания. Затем слово взял Дюбай, заявив, что для ведения наступления его армии требуются подкрепления, которых ему не давали. Жоффр тогда произнес одну из своих загадочных фраз: «Возможно, это ваш план, а не мой». Поскольку никто не знал, как понять это изречение, Дюбай, решив, что его не поняли, вновь изложил свои доводы. Жоффр «со своей обычной блаженной улыбкой» произнес то же самое: «Возможно, это ваш план, а не мой». Дело в том, что, по мысли Жоффра, в безграничном хаосе войны решающую роль играл не сам план, а та энергия и воля, с какими он проводится в жизнь. Победа, верил он, приходит не в результате блестящего плана; выигрывает тот, кто обладает колоссальной твердостью духа и уверенностью; Жоффр считал, что он наделен именно такими качествами.

Четвертого августа он разместил главный штаб в Витри-ле-Франсуа на Марне, на полпути между Парижем и Нанси. Это место находилось примерно на равном расстоянии, в ста тридцати — ста сорока километрах от каждого из пяти армейских штабов. Не в пример Мольтке, который во время своего недолгого пребывания на посту главнокомандующего ни разу не побывал на фронте и не посетил ни одного полевого штаба, Жоффр находился в постоянном и личном контакте с командующими армиями. Он объезжал войска, удобно усевшись на заднем сиденье мчавшегося с бешеной скоростью автомобиля, им управлял его личный шофер Жорж Буйо, трижды завоевавший «Большой приз» на автогонках.

Считалось, что немецкие генералы, получавшие для исполнения четко составленные планы, не нуждались в постоянной опеке. Французские же генералы, по выражению Фоша, «должны были мыслить», однако Жоффр, все время подозревая, что их воля слабеет в дополнение к другим недостаткам личного плана, любил держать их под постоянным наблюдением. После маневров 1913 года он уволил в отставку пять генералов. Это вызвало сенсацию в общественных кругах и возбуждение в гарнизонах — ничего подобного ранее не случалось. В августе, когда пошли в ход не холостые, а боевые патроны, Жоффр стал [220]

смещать генералов одного за другим при первых признаках того, что, по его мнению, было проявлением некомпетентности или недостаточного рвения. Это рвение, своеобразный энтузиазм и порыв достигли своей наивысшей точки в штабе в Витри, расположенном на поросших лесом спокойных берегах Марны, игравшей золотисто-зелеными отблесками в августовском солнце. В школьном здании, где размещался главный штаб, между оперативным отделом, или Третьим бюро, занимавшим классные комнаты, и разведывательным отделом, или Вторым бюро, засевшим в гимнастическом зале, где гимнастические снаряды были придвинуты к стене, а кольца подвязаны к потолку, существовала глубокая, непреодолимая пропасть. Весь день Второе бюро собирало информацию, допрашивало пленных, строило хитроумные предположения и передавало свои сводки соседям. В них подчеркивалась активность германской армии к западу от Мааса. Весь день Третье бюро читало сводки, критиковало их, спорило и отказывалось им верить, если они подтверждали выводы, в соответствии с которыми французам пришлось бы менять планы своего наступления.

Каждое утро в восемь часов Жоффр председательствовал на совещаниях начальников отделов; величественный и неподвижный арбитр никогда не был куклой в руках своего окружения, как могли бы подумать непосвященные, обратившие внимание на его молчаливость и совершенно голый письменный стол. Он не держал на столе бумаг и не развешивал карт на стенах; Жоффр ничего не писал и мало говорил. Планы за него составляли другие, говорил Фош, а «он взвешивал и решал». Мало кто не дрожал в его присутствии. Он все время жаловался, что штаб плохо информирует его о событиях. Когда один из офицеров упомянул о статье в последнем выпуске «Иллюстрасьон», которую командующий еще не видел, Жоффр сердито воскликнул: «Видите, от меня все утаивают!» У него была привычка тереть лоб и бормотать: «Бедный Жоффр». Как штаб скоро догадался, этот жест означал отказ Жоффра выполнить то, о чем его просили.

Он злился на всякого, кто заставлял его переменить решение при всех. Как Талейран, командующий не одобрял излишнего старания. Не обладая интеллектом Ланрезака или творческим умом Фоша, он в силу своего характера полагался на тех, кого подобрал в свой штаб. Но он оставался хозяином, почти деспотом, ревниво охранявшим свою власть, приходя в гнев при [221] малейших посягательствах на нее. Когда предложили, чтобы Галлиени, назначенный президентом Пуанкаре преемником Жоффра на случай чрезвычайных обстоятельств, разместился в главном штабе, командующий категорически высказался против этого.

«Его трудно поместить здесь, — признался он Мессими. — Я всегда был под его командой. Он все время бесил меня».

Это было откровением, проливавшим свет на личные отношения Жоффра и Галлиени, которым было суждено сыграть определенную роль в роковые часы перед битвой на Марне. После того как Жоффр отказался пустить его в свой штаб, Галлиени остался в Париже без дела.

Наступил долгожданный час, когда французский флаг вновь должен был взвиться над Эльзасом. Войска прикрытия, находившиеся в густых сосновых рощах Вогез, рвались в бой. Перед ними лежала надолго запоминающаяся картина гор с озерами и водопадами, сырым восхитительным запахом лесов, где густые мхи покрывали землю между соснами. Пастбища на вершинах холмов, скот, пасшийся на лугах, перемежались с участками леса. Впереди, сквозь туман, проступали розовые очертания самой высокой горы Вогез — Баллон-д'Эльзас. Патрули, которые осмеливались забираться на вершины гор, видели внизу, на потерянной территории, красные крыши домов, церковные шпили и крошечную

блестящую линию Мозеля. В этом месте перейти реку вброд не составляло труда; она мелка и свежа, потому что рядом находились ее истоки. Белые квадраты с цветущим картофелем следовали за алыми посевами бобов и серо-зелеными, пурпурными рядами капусты. Стога сена, подобно маленьким толстеньким пирамидкам, нанесенным на холст кистью художника, усыпали поля. Земля вошла в зенит своего плодородия, щедро согретая ярким солнцем. Она была удивительно хороша, и за нее стоило сражаться. Неудивительно, что «Иллюстрасьон» в первом выпуске о войне изобразила на рисунке Францию в виде бравого солдата-фронтовика, восторженно поднявшего на руки прекрасную девушку — Эльзас.

Военное министерство уже напечатало для расклейки на стенах освобожденных городов прокламации с обращением к местному населению. Разведка с самолетов показала, что в этом районе можно было легко прорвать оборону противника — слишком легко, думал командующий VII корпусом генерал Боино, опасавшийся «угодить в мышеловку». Вечером шестого августа его адъютант прибыл к генералу Дюбаю и передал ему [222] мнение Бонно об операции в районе Мюлуза (Милхауза), которую тот считал «ненадежной и опасной». Командир корпуса тревожился за свой правый фланг и тыл. Дюбай выразил эти сомнения на совещании генералов третьего августа. Главный штаб посчитал их падением наступательного духа. Опасения командиров в начале операции, несмотря на их обоснованность, слишком часто оказывались замаскированным предложением об отступлении.

Согласно французской военной доктрине, захват инициативы был более важным, чем тщательная оценка сил противника. Успех зависел от боевых качеств командиров, поэтому, по мнению Жоффра и его окружения, осторожность и колебания, проявленные в начале наступления, ведут к катастрофическим последствиям. Главный штаб требовал начать операцию в Эльзасе как можно быстрее. Подчиняясь этому приказу, Дюбай позвонил генералу Бонно по телефону и спросил, все ли готово. Получив утвердительный ответ, Дюбай приказал начать наступление на следующее утро.

В пять часов утра седьмого августа, за несколько часов до вступления бригады Людендорфа в Льеж, VII корпус перешел через гребень Вогез, смел пограничные заставы и пошел в классическую штыковую атаку на Альткирк, город с четырехтысячным населением, расположенный на пути к Мюлузу. Альткирк был взят после шестичасового боя; потери убитыми и ранеными составили 100 человек. Это была не последняя штыковая атака войны, символом которой вскоре стали залитые грязью окопы, впрочем, они могли бы с таким же успехом стать и ее эмблемой. Выполненный в лучшем стиле и в духе устава 1913 года, этот штурм казался выражением «доблести», апофеозом славы.

Как сообщала французская сводка, наступил час «неописуемого волнения». Пограничные столбы, вырванные из земли, с триумфом пронесли по улицам города. Однако генерал Бонно, мучимый тревогой, не решался двинуться на Мюлуз. Раздраженный его медлительностью, главный штаб на следующее утро издал категорический приказ о том, чтобы Мюлуз в тот же день был взят, а мосты через Рейн разрушены. Восьмого августа VIII корпус без единого выстрела занял Мюлуз, примерно через час после ухода оттуда последних германских войск, отошедших дальше на север.

Французская кавалерия в сверкающих на солнце кирасах с султанами из черного конского волоса галопом проходила по [223] улицам. Лишившись дара речи от ее неожиданного появления, люди сначала только смотрели на эту сцену, некоторые утирали слезы, затем их охватила радость. На главной площади состоялся большой парад французских войск, продолжавшийся более двух часов. Оркестр играл «Марсельезу» и «Самбру и Маас».

Красные, белые и синие цветы украшали пушки. Расклеенная на стенах прокламация Жоффра называла французских солдат «славным авангардом великой цепи реванша... на знаменах которого начертано «Право и свобода»». Из толпы солдатам бросали шоколад, печенье и трубки с табаком. Из всех окон махали флажками и платками, и даже крыши были усеяны людьми.

Однако не все радостно встретили французские войска. Среди жителей города было много немцев, поселившихся здесь после 1870 года. Один офицер, проезжавший через толпу, видел кое-где «серьезные и бесстрастные лица с трубками в зубах. Мне показалось, что эти люди подсчитывали нас». И действительно, некоторые из них вечером поспешно ушли из города, чтобы сообщить сведения о французских дивизиях.

Немецкие подкрепления, срочно переброшенные из Страсбурга, начали сосредоточиваться вокруг Мюлуза. Генерал Бонне, не веривший в успех операции с самого начала, сделал все возможное, чтобы предотвратить окружение. Когда утром девятого августа начались бои, его левый фланг у Серне держался мужественно и стойко, но части справа, слишком долго занимавшие позиции в секторе, где никто не угрожал, не смогли вовремя прийти на помощь своим товарищам. Главный штаб наконец счел необходимым отправить в район боев подкрепления, чего ранее так добивался Дюбай, и в район боев срочно выступила одна резервная дивизия. Однако к этому времени сложилось такое положение, когда для укрепления фронта требовалось по меньшей мере две дивизии. Сражение длилось почти сутки, и к семи часам утра десятого августа французы, отброшенные назад, под угрозой окружения вынуждены были отступить.

Унижение, перенесенное армией после хвастливой риторики коммюнике и прокламаций, рухнувшие надежды, лелеянные военными более сорока лет, не могли сравниться со страданиями местного населения, подвергнувшегося жестоким репрессиям. Власти, получив доносы немецких граждан, учинили расправу над теми, кто проявил слишком большой энтузиазм при встрече французов. [224]

Отступивший VII корпус находился в десяти километрах от Бельфора. В главном штабе с новой силой разгорелась вражда между фронтовыми и штабными офицерами. Окончательно убедившись в отсутствии «порыва» у Бонно, Жоффр начал «рубить головы», чем особенно славился весь период его командования. Генерал Бонно стал первым из «лиможей» — так называли отстраненных от командования офицеров потому, что их отсылали сначала в Лимож, где они получали направления для прохождения дальнейшей службы в тылу. Жоффр сместил также командира 8-й дивизии и еще одного дивизионного генерала, обвинив их в «некомпетентности».

Упрямо придерживаясь первоначального плана освободить Эльзас и приковать силы немцев к этому фронту, Жоффр добавил VII корпусу одну регулярную дивизию и три дивизии резервистов, создав специальную эльзасскую армию, которая должна была возобновить наступление на правом фланге. Командовать ею стал генерал По, вызванный из отставки. Пока его армия сосредоточивалась, на всех других фронтах положение резко обострилось.1 Четырнадцатого августа, когда генерал По должен был двинуть свою армию вперед, над Эльзасом потянулись к югу стаи аистов — на два месяца раньше обычного.

Народ Франции еще не догадывался о случившемся. Главный штаб достиг вершин мастерства, составляя туманные и совершенно непонятные для широкой публики сводки. Жоффр придерживался твердого принципа — население не должно ничего знать. На

фронт не пустили ни одного журналиста, в военных сообщениях запрещалось указывать фамилии генералов, имена погибших или раненых и номера полков.

Чтобы враг не смог воспользоваться полезной информацией, главный штаб позаимствовал у японцев принцип: вести войну «молчаливо и анонимно». Франция была разделена на тыловую и военную зоны, в последней диктатором являлся Жоффр. Не только простые граждане, но даже сам президент страны, не говоря уже о презренных депутатах, не могли появиться в военной зоне без его специального разрешения. Именно он, а не президент Франции поставил подпись под прокламацией с обращением к народу Эльзаса.

Министры, протестуя, говорили, что они знают о передвижениях германской армии больше, чем о французской. Даже Пуанкаре, которому Жоффр, считая себя независимым от военного министра, направлял доклады о положении на фронтах, [225] жаловался, что ему ничего не сообщают о неудачах французской армии. Однажды, когда президент готовился посетить части 3-й армии, Жоффр дал «строгие указания» их командирам не обсуждать с президентом никаких вопросов стратегии или внешней политики. «О беседах с ним следует представить доклад». Всем генералам запрещалось объяснять членам правительства сущность тех или иных военных операций.

«В докладах, которые я посылаю наверх, — говорил Жоффр своим подчиненным, — я никогда не сообщаю о целях текущих операций или моих намерениях».

Очень скоро эта система под давлением общественного мнения рухнула. Однако в августе, когда сметались границы, захватывались целые страны, армии совершали броски на огромные расстояния, а земля от Сербии до Бельгии сотрясалась от грохота орудий, плохие новости с фронтов действительно были редкостью.

Несмотря на тысячу ревностных хроникеров, понять весь смысл происходящих в тот месяц исторических событий было нелегко. Как-то генерал Галлиени, одетый в штатское, обедал девятого августа вместе с другом в маленьком кафе Парижа. Он вдруг услышал, как за соседним столиком редактор газеты «Таи» сказал своему приятелю: «Могу сообщить тебе, что генерал Галлиени с тридцатью тысячами солдат час назад вошел в Кольмар». Наклонившись к своему собеседнику, Галлиени тихо произнес: «Вот так пишется история».

Пока мир восхищался продолжавшимся сопротивлением фортов, а лондонская «Дейли мейл» цитировала единодушное мнение авторитетов о том, что «они никогда не будут взяты», пока еще продолжалось наращивание армий, многие в глубокой тревоге ждали, какую именно стратегию выберут немцы. Одним из них был Галлиени. «Что же готовится на германском фронте? — спрашивал он с беспокойством. — Что кроется за массовой концентрацией войск под Льежем? От этих немцев всегда можно ожидать чего-нибудь огромного».

Ответ на этот вопрос должна была дать посланная туда французская кавалерия под командованием генерала Сорде. Натиск кирасиров оказался таким стремительным, что они быстро ушли слишком далеко вперед. Французы пересекли границу Бельгии шестого августа и двинулись вдоль Мааса, чтобы собрать данные о численности и цели сосредоточения германских армий. Делая в день по шестьдесят километров, они за [226] три дня покрыли сто восемьдесят километров и вскоре, миновав Нёфшато, оказались в пятнадцати километрах от Льежа. Кавалеристы во время остановок не спешивались и не расседлывали коней, которые стали выбиваться из сил, не выдерживая такого бешеного

темпа. После дневного отдыха кавалерия продолжила разведку в Арденнах и к западу от Мааса, почти достигнув Шарлеруа.

Очень скоро французы поняли, что противник крупными силами форсировал Маас. Скопления войск на германской стороне границы прикрывала активная германская кавалерия. Французам так и не удалось провести лихую кавалерийскую атаку, которой всегда по традиции начинались войны. Хотя дальше к северу, в районе Лувэна и Брюсселя, где шло немецкое наступление, германская кавалерия прибегала к стремительным сабельным ударам, здесь она избегала прямых стычек и создала мощный непробиваемый заслон, поддерживаемый батальонами самокатчиков и отрядами егерей на автомобилях. Атаки французов сдерживались огнем пулеметов.

Это обескураживало. Кавалеристы обеих сторон все еще верили в силу сабли, «белое оружие», несмотря на опыт гражданской войны в Америке, когда генерал Морган, используя своих спешившихся конников как пехоту, часто восклицал: «Эй, ребята, опять показались эти дураки с саблями, а ну-ка задайте им жару!»

Во время русско-японской войны английский военный наблюдатель, в будущем генерал, Ян Гамильтон сказал: единственно, на что способна кавалерия перед лицом пулеметных гнезд, — варить рис для пехотинцев. Это замечание заставило Военное министерство недоумевать: не повредился ли умом наблюдатель после стольких месяцев пребывания на Востоке? Когда Макс Хоффман, еще один будущий генерал, который также в качестве наблюдателя находился на русско-японском фронте, пришел примерно к такому же заключению, генерал Мольтке заявил: «Никогда еще не было таких полоумных способов ведения войны!»

В 1914 году использование немцами пулеметов и отказ от кавалерийских атак оказались очень эффективным методом прикрытия своих войск.

Донесения Сордё об отсутствии больших скоплений германских войск, готовых ринуться на левый фланг французов, еще больше убедили главный штаб в правильности своих расчетов.[227]

Однако король Альберт и генерал Ланрезак, войска которых стояли на пути противника, все яснее представляли себе контуры германской стратегии охвата. Такого же мнения был и генерал Фурнье, комендант французской крепости Мобёж. Он сообщил в главный штаб, что седьмого августа германская кавалерия вошла в Уй на Маасе.

Согласно имевшимся у него сведениям, эти части прикрывали продвижение пяти или шести корпусов. По всей вероятности, немцы решили переправиться через Маас, потому что в Уй находился единственный мост, связывавший Льеж с Намюром.

Мобеж, предупреждал комендант, не сможет сдержать продвижения такой массы войск.

Главному штабу донесение о пяти-шести вражеских корпусах показалось вымыслом перепуганного пораженца. Как считал в августе Жоффр, чтобы добиться успеха, нужно было прежде всего вырвать с корнем слабодушие и трусость. Он немедленно отстранил Фурнье от командования. Позднее, после проведения расследования, главный штаб отменил этот приказ. Тем временем выяснилось, что для укрепления обороны Мобежа потребуется по меньшей мере две недели.

Тревога генерала Ланрезака, получившего донесение из Уй, усилилась. Восьмого августа он отправил в главный штаб своего заместителя генерала Эли д'Уасселя, чтобы тот доказал Жоффру существование угрозы охвата с фланга, исходящей от правого крыла германских армий. Главный штаб назвал высказанные опасения «преждевременными»; такой маневр «не соответствовал бы средствам, имевшимся в распоряжении противника».

Из Бельгии поступали новые доказательства подготовки мощного наступления, однако «творцы плана-17» всему находили свое объяснение: бригады, замеченные в районе Уй, выполняли «особое задание», или источники информации считались «подозрительными», нападение на Льеж было предпринято только для захвата плацдарма. Десятого августа Генеральный штаб вновь выразил «убеждение в том, что главного наступления немцев через Бельгию не будет».

Озабоченный подготовкой собственного наступления, французский Генеральный штаб хотел знать точно, будет ли бельгийская армия сдерживать натиск немцев до присоединения к ней 5-й армии и английских войск. Жоффр отправил к королю Альберту еще одного эмиссара, полковника Адельберта, с личным посланием от президента Пуанкаре, в котором выражалась [228] надежда на «согласованные действия обеих армий». Этот офицер, прибывший в Брюссель одиннадцатого августа, получил тот же ответ, что и его предшественники, а именно: если немецкое наступление будет развиваться так, как это предвидит король Альберт, то Бельгия не станет рисковать своей армией, которая может оказаться отрезанной от Антверпена.

Полковник Адельберт, горячий сторонник идеи «порыва», не решался доложить о пессимизме короля главному штабу. Он был избавлен от этой тяжелой обязанности, потому что на следующий день началось сражение, из которого бельгийцы вышли увенчанными славой.

Уланы, пробивавшиеся к Лувэну, были встречены мощным огнем спешенных бельгийских кавалеристов под командованием генерала де Витта у моста в районе Элена. Используя своих конников и другие пехотные части, де Витт повторил успех генерала Моргана в Теннесси. С шести утра до восьми вечера дружные винтовочные залпы его солдат сдерживали непрерывные сабельные атаки германских кавалеристов. Поле боя усеяли трупы уланов из отборных эскадронов фон Марвица. В конце дня остатки кавалерийского отряда отошли. Славная победа, которую счастливые корреспонденты называли решающей битвой войны, вызвала у бельгийских генералов и их французских коллег прилив энтузиазма: они уже видели себя в Берлине. Полковник Адельберт информировал главный штаб о том, что «отступление германской кавалерии следует считать окончательным. По-видимому, немцы отложили или даже отказались от намерения наступать через центральную часть Бельгии».

Этот оптимизм казался оправданным ввиду продолжающегося сопротивления фортов вокруг Льежа. Каждое утро заголовки бельгийских газет с триумфом возвещали: «Форты будут держаться вечно!» Двенадцатого августа, в день битвы под Эленом, прибыли германские осадные орудия, чтобы покончить с этим хвастовством.

Льеж был отрезан от окружающего мира, и, когда огромные черные пушки привезли на его окраины и установили неподалеку от фортов, единственными свидетелями этого зрелища были лишь местные жители. Один из них сравнил этих монстров с «обожравшимися слизнями». Сидящие на корточках чудища имели бочкообразные стволы, утолщенные цилиндрами амортизаторов, уродовавших их спины, подобно опухолевым наростам. Орудия стояли, обратив свои пасти к небу. К вечеру двенадцатого

[229] августа одно из них было приведено в боевую готовность и нацелено на форт Понтисс. Артиллеристы, закрыв глаза, уши и рты специальными повязками, растянулись на земле, приготовившись к выстрелу, который производился электрически с расстояния триста метров. В шесть тридцать вечера Льеж содрогнулся от грохота. Снаряд, описав дугу, поднялся на высоту 1200 метров и через минуту достиг цели. Над фортом поднялось коническое облако пыли, дыма и обломков. К этому времени к Льежу уже доставили 305-миллиметровые орудия «Шкода», которые начали обстрел других фортов. За стрельбой с церковных колоколен и аэростатов наблюдали корректировщики. Защитники фортов слышали душераздирающий вой снарядов, чувствовали, как с каждым выстрелом они ложились все ближе и ближе. Наконец благодаря усилиям корректировщиков снаряды стали с оглушительным грохотом рваться прямо над головой, пробивая бетонные перекрытия. Снова и снова падали снаряды, разрывая людей на куски, удушая их едким пороховым дымом. Рушились потолки и галереи; огонь, дым и оглушительный грохот наполнили казематы, солдаты доходили до «истерики, обезумев от ужасного чувства ожидания следующего выстрела».

До того как в дело вступили пушки, только один форт был взят штурмом. Форт Понтисс, выдержав сорок пять выстрелов за сутки бомбардировки, оказался настолько разрушенным, что его без труда тринадцатого августа захватила пехота. В тот же день пали еще два форта, а четырнадцатого августа — остальные, расположенные на востоке и севере от города. Немцы уничтожили их орудия; путь к северу от города стал свободен. Началось продвижение войск 1-й армии фон Клюка.

Осадные орудия затем перебросили к западным фортам. Одно из 420-миллиметровых орудий немцы повезли к форту Лонсэн через весь город. Селестэн Демлблон, депутат от Льежа, находился в это время на площади Святого Петра, когда вдруг увидел «артиллерийское орудие таких колоссальных размеров, что даже не верилось глазам». Монстра, разделенного на две части, тащили 36 лошадей. Мостовая сотрясалась. Толпа безмолвно, оцепенев от ужаса, наблюдала за перемещением этой фантастической машины. Слоны Ганнибала наверняка меньше удивили римлян! Солдаты, сопровождавшие орудия, шли напряженно, почти с ритуальной торжественностью. Это был Вельзевул в образе пушки! В парке д'Аврой орудие собрали и точно [230] нацелили на форт. И вот раздался ужасающий грохот, толпу отбросило назад, земля колыхнулась, как при землетрясении, и в соседних домах вылетели стекла.

К шестнадцатому августа немцы захватили одиннадцать из двенадцати фортов; держался только форт Лонсэн. В перерывах между бомбардировками к генералу Леману шли парламентеры с белыми флагами, требуя капитуляции. Генерал решительно отверг эти предложения. Шестнадцатого августа в склад боеприпасов угодил немецкий снаряд и взорвал форт изнутри. Немцы, ворвавшиеся через проломы, обнаружили под обломками стены казавшееся безжизненным тело генерала Лемана, его адъютант с почерневшим от копоти лицом неподвижно стоял рядом. «Отдайте почести генералу, он мертв», — сказал он. Но Леман был жив, он находился в бессознательном состоянии. Его привели в чувство и отнесли на носилках к генералу Эммиху.

Вручая ему свою саблю, Леман сказал:

«Я был взят в плен в бессознательном состоянии. Отметьте этот факт в своем донесении».

«Эта сабля достойно защитила вашу воинскую честь, — ответил Эммих. — Возьмите ее».

Позднее Леман писал королю Альберту из германского плена:

«Я бы с радостью отдал свою жизнь, но смерть отказалась от меня».

Его противники, генералы Эммих и Людендорф, были удостоены высшей военной награды — сине-бело-золотого креста «За заслуги».

На другой день после падения форта Лонсэн 2-я и 3-я армии перешли в наступление. Начался марш правого крыла германских армий через Бельгию. Немцы не планировали наступления раньше пятнадцатого августа, поэтому Льеж задержал движение германских войск всего на два дня, а не на две недели, как думали все. Но Бельгия дала союзникам не передышку на два дня или две недели, а повод для войны и пример ее ведения.

Путь британских экспедиционных сил на континент

Задержка с прикрытием левого обнаженного фланга генерала Ланрезака была вызвана спорами и противоречиями у англичан, которые должны были оборонять этот участок.

Вместо того чтобы автоматически вступить в действие пятого августа, в первый день войны, как это было в военных планах континентальных держав, план английского Генерального штаба, разработанный Генри Вильсоном до мельчайших подробностей, подлежал рассмотрению Комитета обороны империи.

Когда Комитет собрался на свое заседание уже в качестве Военного совета, в состав которого вошли известные гражданские и военные деятели, среди них находился колосс, являвшийся одновременно и гражданским и военным лицом. Сам фельдмаршал лорд Китченер, новый военный министр, как и его коллеги, не проявлял особых восторгов по поводу своего назначения. Члены правительства нервничали из-за того, что среди них впервые со времен генерала Монка, служившего при Карле II, находился профессиональный военный.

Генералы боялись, что он или использует свое положение, или под нажимом правительства вмешается [232] в дела отправки экспедиционных сил во Францию. Их опасения оправдались: Китченер незамедлительно выразил свое глубокое недовольство стратегией, политикой и ролью, которые предназначались английской армии в соответствии с англо-французским планом.

Его полномочия, учитывая двойственное положение, были, однако, не совсем ясны. Англия вступила в войну с туманными представлениями о том, что верховная власть оставалась за премьер-министром, но без конкретного определения, на основании чьих советов он должен был действовать и чье же мнение являлось окончательным. Внутри армии строевые офицеры презирали штабных, считая, что у последних «ум канарейки, а манеры вельмож», но обе группы были одинаково настроены против вмешательства в военные дела гражданских министров, называя их «фраками». Гражданские, в свою очередь, считали военных не иначе как «твердолобыми».

Между этими двумя группами, неизвестно кого и что представляя, находился лорд Китченер, который относился к целям экспедиционных сил с большим недоверием, а к их главнокомандующему — без всякого восторга. Если не с тем же вулканическим пылом, как когда-то адмирал Фишер, Китченер решительно проявлял несогласие с планом Генерального штаба «привязать» английскую армию к хвосту французской стратегии.

Не участвуя лично в планировании войны на континенте, Китченер мог оценить истинные возможности экспедиционных сил и не верил, что их шесть дивизий могут повлиять на исход предстоящей схватки между семьюдесятью германскими и семьюдесятью французскими дивизиями.

Хотя он и был профессиональным военным — «наиболее способным из тех, с кем мне приходилось встречаться за всю жизнь», — как сказал лорд Кромер, когда Китченер прибыл, чтобы возглавить Хартумскую кампанию, — его карьера проходила на высотах английского Олимпа. Он занимался только крупными проблемами: Индией, Египтом, вопросами, касающимися Британской империи в целом.

Никто никогда не видел, чтобы он заметил или заговорил с простым солдатом. Подобно Клаузевицу, он считал войну продолжением политики и исходил из этой концепции. В

отличие от Генри Вильсона и Генерального штаба он не был поглощен планами высадки, железнодорожными расписаниями, лошадьми, нарядами на постой, накладными и тому подобным. Находясь [233] на некотором расстоянии, он мог рассматривать войну целиком, в свете отношений между державами, и осознать то огромное усилие для национальной военизации, которое должно было потребоваться в предстоящем длительном вооруженном столкновении.

«Мы должны быть готовы, — заявил он, — направить на поле сражения миллионные армии и обеспечить их всем необходимым в течение нескольких лет».

Его аудитория была поражена и готова возражать, но он был неумолим. Для того чтобы вести войну в Европе и выиграть ее, Англия должна иметь армию в семьдесят дивизий, равную континентальным армиям, а, по его подсчетам, такая армия достигнет полной силы только на третий год, а это означало, что война будет длится минимум в течение этого времени.

Регулярную армию с ее офицерами и особенно сержантами он считал необходимой в качестве ядра для обучения большей армии, создание которой имел в виду. Расстаться с ней в ближайшем сражении при неблагоприятных условиях и там, где в конечном счете ее присутствие не являлось решающим, было бы, по его мнению, преступной глупостью.

Отсутствие воинской повинности — вот в чем заключалась главная разница между английской и континентальной армиями. Регулярная армия скорее была предназначена для службы в колониях, а не для защиты метрополии, что было возложено на территориальные войска. Поскольку герцог Веллингтон в свое время завел непреложное правило — новобранцы для колониальных войск «должны быть добровольцами», военный потенциал Англии во многом зависел от волонтеров, в результате чего другие государства не знали толком, насколько значительно будет участие Англии. Хотя лорд Роберте, старший из фельдмаршалов, которому было уже более семидесяти, в течение многих лет только при поддержке единственного члена кабинета министров, Уинстона Черчилля, боролся за воинскую повинность, лейбористы активно выступали против, и ни одно правительство не рискнуло бы согласиться на призыв в армию, ибо это немедленно означало бы его отставку. Военные возможности Англии на Британских островах составляли шесть пехотных и одну кавалерийскую дивизии регулярной армии плюс четыре дивизии колониальных войск общей численностью 60 000 человек и четырнадцать дивизий территориальных войск. Трехсоттысячный резерв был разделен на два класса: специальный резерв, которого [234]

едва хватало на пополнение регулярной армии до военной численности и сохранение ее боеспособности в течение нескольких недель боевых действий, и национальный резерв, обеспечивающий замену в территориальных войсках.

По мнению Китченера, «территориальные» были необученными, бесполезными «любителями», к которым он относился с таким же откровенным недоверием, как французы к своим резервистам, и не принимал их в расчет.

В возрасте двадцати лет Китченер сражался в качестве волонтера во французской армии в 1870 году и прекрасно говорил по-французски. Питал он или нет после этого какие-либо особые симпатии к Франции — неизвестно, но поклонником французской стратегии не был. Во время событий в Агадире он заявил Оборонному комитету империи, что немцы «разделаются с французами, как с куропатками». Он, однако, направил Комитету послание, как свидетельствует лорд Эшер, в котором сообщал, что «если они воображают,

что он собирается командовать армией во Франции, то пусть они сначала отправятся к черту».

То, что в 1914 году Англия поручила ему Военное министерство и таким образом поставила себе на службу единственного человека, который был готов настаивать на подготовке к длительной войне, было сделано не из-за его убеждений, а из-за престижа, которым он пользовался.

Не обладая талантом бюрократа из административного учреждения и не имея вкуса к «зеленой тоске» заседаний кабинета министров, после привычного проконсульского «пусть будет так», Китченер приложил все усилия, чтобы избежать уготованной ему судьбы. Правительство и генералы, более знакомые с отрицательными качествами его характера, чем с его даром предвидения, были бы рады, если бы он вернулся в Египет, но не могли обойтись без него. Его назначили военным министром не потому, что его суждения не были похожи на точку зрения других, а потому, что его присутствие было необходимо, чтобы «успокоить общественное мнение».

Со времен Хартума страна испытывала чуть ли не религиозную веру в Китченера. Между ним и публикой существовал тот же самый мистический союз, который потом возник между народом Франции и «папой Жоффром» или между германским народом и Гинденбургом. Инициалы «К и К» стали магической формулой, а его знаменитые усы были таким же национальным символом для Англии, как «красные штаны» для Франции. [235]

Властный, высокий и широкоплечий, он напоминал викторианского Ричарда Львиное Сердце, разве только таилось что-то невысказанное в его гордо поблескивавших глазах. Начиная с седьмого августа усы, глаза и указующий перст над призывом «Твоя страна нуждается в тебе» проникали в душу каждого англичанина, глядя с известного всем плаката. Вступление Англии в войну без него было так же немыслимо, как воскресенье без церкви.

Военный совет, однако, не очень-то прислушивался к предсказаниям Китченера в тот момент, когда каждый думал о предстоящей немедленной отправке шести дивизий во Францию.

«Мы так и не узнали, — писал потом Грей, — как или в результате каких выводов он сделал свое предсказание о сроках войны».

Но Китченер сделал еще одно предсказание — способ предстоящего германского наступления к западу от Мааса. Этот вывод также потом считался следствием «некоего дара прозрения», а не «знанием сроков и расстояний», как заявил один из офицеров Генерального штаба.

На деле же, как и король Альберт, Китченер видел в немецком наступлении на Льеж тень идеи Шлиффена — обход правым флангом. Он не считал, что Германия нарушила нейтралитет Бельгии и бросила тем самым Англии вызов только лишь для того, чтоб произвести «совсем небольшое вторжение», как назвал его Ллойд Джордж, через Арденны. Избежав ответственности за предвоенное планирование, он не мог теперь возражать против отправки шести дивизий во Францию, но и не видел причин для посылки их на смерть на такой невыгодной и так далеко продвинутой позиции, как та, которую предлагали французы под Мобежем, где, по его мнению, на них обрушится вся

мощь германской армии. Вместо этого он предложил, чтобы экспедиционные силы сосредоточились у Амьена, на сто десять километров ближе.

Пораженные такой решительной переменой плана при всей ее кажущейся незначительности, генералы убедились в подтверждении их самых худших ожиданий. Небольшого роста, крепко скроенный генерал сэр Джон Френч, которому предстояло командовать экспедиционными войсками, был настроен особенно агрессивно. Его обычный апоплексический вид да еще тесный стоячий кавалерийский воротник создавали впечатление, что он постоянно задыхался, что и происходило на самом деле, если не физически, то фигурально. Когда в 1912 году его [236] назначили начальником Генерального штаба, он сразу же заявил Генри Вильсону, что намеревается подготовить армию для войны с Германией, считая эту войну «эвентуальной неизбежностью». С тех пор он номинально отвечал за совместные с Францией планы, хотя французский план кампании ему практически не был знаком, как, однако, и германский план. Подобно Жоффру, он был назначен начальником штаба, не имея ни опыта штабной работы, ни соответствующего образования.

Выбор его кандидатуры, как и назначение Китченера военным министром, зависел не от его личных качеств, а от чина и репутации. Во многих колониальных сражениях, в которых создавался военный авторитет Великобритании, сэр Джон продемонстрировал храбрость и выдержку, и, как кто-то сказал, «практическую хватку в малой тактике».

Доблесть Френча в сочетании с популярностью далеко продвинули его. Подобно адмиралу Милну, он плыл в потоке придворного окружения короля. Являясь кавалерийским офицером, он считал себя принадлежащим к армейской элите. Дружба с лордом Эшером не являлась помехой, а политически он был связан с либералами, которые пришли к власти в 1906 году. В 1907-м он стал генеральным инспектором, в 1908-м сопровождал короля Эдуарда во время государственного визита и встречи с русским царем в Ревеле, в 1912-м был назначен начальником Генерального штаба, в 1913-м получил звание фельдмаршала. В шестьдесят два года он занимал второй пост после Китченера, которого был на два года моложе, хотя и выглядел старше. Никто не сомневался, что в случае войны он будет командовать экспедиционными силами.

В марте 1914 года, когда бунт в Кэрэке, словно свод, сотрясенный Самсоном, обрушился на головы военным, он вынужден был уйти в отставку, подведя, казалось, своей карьере черту. Вместо этого он оказался в фаворе у правительства, считавшего, что восстание было делом рук оппозиции. «Френч славный малый, и мне он нравится», — писал Грей. Через четыре месяца, когда разразился кризис, его вернули в армию и тридцатого июля назначили главнокомандующим на случай вступления Англии в войну.

Не привыкший к научным занятиям и отвыкший от чтения, по крайней мере после своих боевых успехов, Френч был известен более своим плохим характером, чем умственными способностями.

«Я не думаю, чтобы он был умен, — поделился как-то [237] король Георг V со своим дядей, — и в добавление ко всему у него еще и ужасный характер».

Как и его французский коллега, Френч был необразован и отличался от Жоффра в основном тем, что тот был крайне тверд в своих решениях, а Френч как-то особенно поддавался влиянию настроений людей и предрассудкам. У него, как говорили, «был темперамент ртути, присущий ирландцам и кавалеристам». Жоффр был непреклонен при любых обстоятельствах, а сэр Джон легко переходил от агрессивных крайностей в

хорошие времена до глубокой депрессии в плохие. Импульсивный и легко верящий слухам, он, по мнению лорда Эшера, имел «сердце романтического ребенка».

Когда Китченер поставил под сомнение назначение, а следовательно, и цель британских экспедиционных сил, члены совета, по мнению Генри Вильсона, «в большинстве своем не представлявшие их целей, как идиоты начали обсуждать вопросы стратегии». Сэр Джон Френч неожиданно «вылез со смешным предложением идти на Антверпен», утверждая, что, поскольку мобилизация в Англии и так отстает от графика, следует принять во внимание возможность сотрудничества с бельгийской армией. Хейг, который, как и Вильсон, вел дневник, «дрожал от того, с какой небрежностью» его начальник изменял планы. Новый начальник Генерального штаба сэр Чарлз Дуглас заявил: все готово для высадки во Франции, и ее подвижной состав ждет, чтобы доставить войска, поэтому любые изменения, предпринятые в последний момент, могут иметь «серьезные последствия».

Ни одна проблема так не беспокоила Генеральный штаб, как несчастная разница между вместимостью английских и французских железнодорожных вагонов. Математические расчеты, касавшиеся перевозки войск с одной стороны пролива на другую, были такими запутанными, что транспортных офицеров бросало в дрожь при одном упоминании о возможных изменениях планов.

К счастью для генеральских умов, предложение о высадке в Антверпене было отвергнуто Уинстоном Черчиллем, которому двумя месяцами позже пришлось отправиться туда самому, чтобы осуществить отважную, но безнадежную попытку высадки двух бригад морской пехоты и дивизии территориальных войск в последнем и безрезультатном усилии спасти важный для союзников бельгийский порт. Но пятого августа он заявил, что флот не сможет прикрыть транспорты с войсками, идущие но более длинному маршруту через Северное море до Шельды, в [238] то время как форсирование Дуврского пролива может быть абсолютно гарантировано.

Флот имел достаточно времени, чтобы подготовиться к форсированию, и, считая момент благоприятным, Черчилль настаивал на том, чтобы все шесть дивизий были отправлены немедленно. Его поддерживали Холдейн и лорд Роберте. Теперь поднялся спор по поводу того, сколько посылать дивизий, оставить ли одну или больше до тех пор, пока территориальные войска не будут обучены или пока из Индии не будет доставлено пополнение.

Китченер вновь предложил свою идею относительно высадки в Амьене, найдя поддержку со стороны своего друга и будущего командующего Галлиполийской кампанией сэра Яна Гамильтона, который, однако, полагал, что британские экспедиционные силы должны прибыть на место как можно скорее. Грирсон говорил о «решающем количестве в решающем месте». Сэр Джон Френч, самый решительный из всех решительных, предлагал, что «мы должны начать сейчас, а пункт назначения выбрать потом».

Было решено немедленно заказать транспорты для всех шести дивизий, отложив решение о месте назначения до прибытия представителя французского Генерального штаба, срочно высланного по настоятельной просьбе Китченера, а также провести с ним консультации относительно стратегии французов.

В течение двадцати четырех часов совет изменил свое решение и сократил число отправляемых дивизий до четырех из-за страха германского вторжения в Англию.

Сведения относительно состава британских экспедиционных сил в тайне удержать не удалось. Влиятельная «Вестминстер газет», орган либералов, осудила «безрассудное» обнажение страны. Со стороны оппозиции выступил лорд Нортклиф с протестом против посылки хотя бы одного солдата. Хотя Адмиралтейство подтвердило заключение Комитета обороны империи в 1909 году о том, что серьезное вторжение в Англию невозможно, видения вражеского десанта на восточном побережье не исчезали.

К огромному неудовольствию Генри Вильсона, Китченер, отвечавший теперь за безопасность Англии, вернул в Англию одну дивизию, которая должна была отправиться во Францию прямо из Ирландии, и выделил две бригады из состава других дивизий для охраны восточного побережья, «безнадежно спутав, таким образом, все наши планы». [239]

Было решено сразу же отправить четыре дивизии и кавалерию — погрузка должна была начаться девятого августа, — 4-ю дивизию отправить позднее, а 6-ю оставить в Англии. После заседания совета у Китченера сложилось впечатление, которого, правда, не было у генералов, что на Амьене остановились как на районе сосредоточения.

Когда прибыл полковник Угё, спешно направленный французским Генеральным штабом, Вильсон информировал его о сроках погрузки. Это вызвало гнев Китченера и обвинения в нарушении секретности. Вильсон «огрызнулся», не желая, как он писал, «выслушивать выговоры» от Китченера, «особенно когда он болтает всякую ерунду, как сегодня». Так началась, или, вернее, усилилась, взаимная антипатия, которая сыграла отнюдь не положительную роль в будущей судьбе английских экспедиционных сил. Вильсона, теснее всех английских офицеров связанного с французами и сэром Джоном Френчем, Китченер считал самоуверенным и высокомерным и игнорировал его. В свою очередь, Вильсон называл Китченера «сумасшедшим» и «таким же врагом Англии, как и Мольтке», передавая свою неприязнь подозрительному по природе и легковозбудимому главнокомандующему — Френчу.

С шестого по десятое августа, пока немцы под Льежем ожидали прибытия своих осадных орудий, а французы то брали, то сдавали Мюлуз, 80 000 английских солдат экспедиционных сил с 30 000 лошадей, 315 орудиями и 125 пулеметами собирались в Саутгемптоне и Портсмуте. Офицерские сабли заново оттачивались в соответствии с приказом, предписывавшим производить наточку сабель на третий день мобилизации, хотя нужны они были разве что для парадов. По словам же официального историка, это была «самая обученная, самая организованная и самая снаряженная английская армия из всех, которые когда-либо отправлялись на войну».

Девятого августа началась погрузка. Транспорты отваливали с интервалами в десять минут. Каждое покидавшее гавань судно оставшиеся провожали гудками и свистками, а с палуб раздавались восторженные крики. Шум стоял такой оглушительный, что, казалось, генерал фон Клюк не мог не слышать его у Льежа. Поскольку флот торжественно заявил, что он блокировал пролив, за безопасность форсирования никто не беспокоился.

Когда первые английские солдаты высадились в Руане, их встретили с такой помпой, вспоминает французский свидетель, [240] как будто они прибыли, чтобы совершить ритуал искупления для Жанны д'Арк.

В Булони высадка происходила у подножия колонны, воздвигнутой в честь Наполеона на том самом месте, откуда он собирался начать вторжение в Англию.

В Гавре весь французский гарнизон забрался на крыши казарм и громкими криками приветствовал своих союзников, спускавшихся по сходням с пароходов под палящим полуденным зноем. В тот вечер кроваво-красное солнце садилось под отдаленные раскаты грома надвигавшейся летней грозы.

На следующий день в Брюсселе тоже видели английских союзников, правда, не все. Хью Гибсон, секретарь американской миссии, приехавший навестить английского военного атташе, войдя в его кабинет без доклада, увидел английского офицера в полевой форме, грязного и небритого, писавшего за столом. Выпроваживавшему его атташе, Гибсон шутя заметил, не прячет ли тот всю английскую армию в доме. Действительно, место высадки англичан было так хорошо засекречено, что немцы до тех пор не знали, где и когда те высадились, пока не столкнулись с экспедиционным корпусом под Монсом.

А в Англии антипатии между генералами становились все более заметными. Как-то во время инспекционного визита король спросил Хейга, который был своим человеком при дворе, каково его мнение о Джоне Френче в качестве главнокомандующего.

Хейг посчитал своим долгом ответить:

«Я испытываю большие сомнения по поводу того, является ли его характер достаточно ровным, а военные знания достаточно глубокими, чтобы позволить ему быть хорошим командующим».

После того как король уехал, Хейг записал в своем дневнике, что военные идеи сэра Джона во время бурской войны «часто шокировали меня», и добавил свое «невысокое мнение» о сэре Арчибальде Мэррее, «старой бабе», подчиняющемся «по своей слабости» глупым приказам, чтобы только не связываться с сэром Джоном из-за скверного характера последнего. По мнению Хейга, оба «совсем не годятся для занимаемых должностей». Своему приятелю он как-то заметил, что сэр Джон слушать Мэррея не будет, а «положится на Вильсона, что еще хуже», так как Вильсон не солдат, а «политикан», а это, пояснил Хейг, «синоним мошенника и ростовщика».

Изливая свои чувства подобным образом, лощеный, франтоватый и светский Хейг, имевший друзей во всех нужных [241] местах, а за плечами блестящую карьеру, в пятьдесят три года готовился к будущим успехам. Он, у которого во время Суданской кампании в личном обозе был «верблюд, нагруженный кларетом», привык, чтобы у него все получалось.

Одиннадцатого августа, то есть через три дня после отплытия во Францию, сэр Джон Френч впервые узнал некоторые интересные факты о германской армии. Он и генерал Колуэлл, из оперативного отдела, посетили начальника разведки, который начал рассказывать им о германской системе использования резервов.

«Он называл свежие резервные и сверхрезервные дивизии, — писал Колуэлл, — как фокусник достает вазы с золотыми рыбками из своего кармана. Казалось, что он делает это нарочно. Невозможно было не злиться на него».

Это были те же самые сведения, которые стали известны французской разведке весной 1914 года, но слишком поздно, чтобы повлиять на Генеральный штаб или заставить его изменить оценку правого крыла немцев. Они также опоздали, чтобы изменить и английскую точку зрения. Для этого нужно было времени гораздо больше того, которое оставалось.

На следующий день во время заключительного заседания совета развернулась борьба по вопросам стратегии между Китченером и генералами. Помимо Китченера, присутствовали сэр Джон Френч, Мэррей, Вильсон, Уге и два других французских офицера. Хотя Китченер не мог слышать разрывов 420-миллиметровых снарядов, открывавших путь через Льеж, он чутьем угадал это и предположил, что немцы прорвутся «большими силами» на краю фланга у Мааса. Одним жестом показав обходный германский маневр на большой настенной карте, он утверждал, что, если британские экспедиционные силы будут сконцентрированы у Мобежа, их сомнут раньше, чем они подготовятся к битве. Им придется отступить, а это фатально скажется на моральном духе войск, впервые после Крымской кампании столкнувшихся с врагом в Европе. Он настаивал на концентрации сил ближе, у Амьена, чтобы обеспечить свободу действий.

Шесть его противников, три англичанина и три француза, горячо настаивали на необходимости придерживаться первоначального плана. Сэр Джон Френч, проинструктированный Вильсоном после своего предложения идти на Антверпен, теперь утверждал, что любые изменения «сорвут» французский план кампании, и настаивал на выдвижении к Мобежу. Французы подчеркивали необходимость занятия англичанами левого [242] фланга их позиций. Вильсон внутренне кипел по поводу «предательского» предложения сосредоточиться у Амьена. Китченер заявил, что считает французский план кампании неясным и что вместо наступления, против которого «лично он возражает», союзникам следует дождаться наступления немцев и отразить его. Спор продолжался в течение трех часов, пока Китченер, все еще не убежденный, постепенно не сдался.

План существовал в течение пяти лет, и Китченер с самого начала не соглашался с ним. Теперь, когда войска уже плыли к континенту, ничего не оставалось, как согласиться с ним, потому что не было времени составить другой.

В качестве последней тщетной попытки или заранее продуманного шага, чтобы снять с себя ответственность, Китченер, взяв с собою Френча, доложил обо всем премьер-министру. «Ничего не зная обо всем этом», как писал Вильсон в своем дневнике, Асквит поступил так, как и следовало ожидать. Выслушав мнение Китченера и познакомившись с точкой зрения обоих Генеральных штабов, он согласился с последней. Уменьшенные с шести до четырех дивизий, британские экспедиционные силы начали действовать в соответствии с планом. Победу одержала инерция предопределенных планов.

Китченер, однако, в отличие от французского и германского военных министров продолжал руководить военными усилиями, и его указания Френчу в отношении действий английских экспедиционных сил во Франции отражали его желание ограничить потери на первых стадиях войны.

Китченер, думая о миллионной армии, которую ему еще предстояло создать, заставил британские экспедиционные силы осуществлять задачи, несовместимые друг с другом.

«Особой задачей войск, находящихся под Вашим командованием, является, — писал он, — поддерживать, и взаимодействовать с французской армией... и помогать французам в предотвращении или отражении попыток вторжения Германии на французскую или бельгийскую территории...» С некоторым оптимизмом он добавлял: «...и в конечном результате восстановить нейтралитет Бельгии», что было равносильно предложению о возвращении утраченной девственности. Поскольку «численный состав английских войск и возможности пополнения крайне ограничены», то, имея эти соображения «постоянно в виду», необходимо проявлять «максимум осмотрительности в отношении потерь». [243]

Напоминая о неодобрительном отношении Китченера к французской наступательной стратегии, в его приказе говорилось: в случае, если к англичанам обратятся с просьбой принять участие в каких-либо «продвижениях вперед» без участия французских крупных сил, когда англичане могут «подвергнуться ненужному нападению», сэр Джон должен сначала проконсультироваться со своим правительством, а также «хорошо понимать, что Ваше командование является абсолютно независимым и что Вы ни в коем случае и ни в каком смысле не подчиняетесь никакому союзному генералу».

Вряд ли можно придумать указания более конкретные. Одним росчерком Китченер отменял принцип объединенного командования. Его главный мотив — сохранение английской армии в качестве ядра на будущее — практически сводил к нулю приказ «поддерживать» и «взаимодействовать» с французами. Это правило еще долго мешало военным усилиям союзников даже после того, как сэр Джон был заменен другим, а сам Китченер погиб.

Пятнадцатого августа Джон Френч, Мэррей, Вильсон и офицер штаба майор сэр Хирвард Уэйк прибыли в Амьен, где английские войска дожидались дальнейшего продвижения в район концентрации у Ле-Като и Мобежа. В тот день, когда они начали движение, армия Клюка выступила из Льежа.

Британских солдат, весело маршировавших по дорогам, ведущим к Ле-Като и Монсу, французы встречали с энтузиазмом и возгласами: «Да здравствуют англичане!» Радушный прием заставил Китченера обратиться к войскам с призывом. Он предупреждал, что англичане могут столкнуться с «соблазнами — вином и женщинами», которых «должны избегать». Чем дальше на север шли англичане, тем радостнее их встречали. Их зацеловывали и засыпали цветами. На улицах ждали столы, уставленные вином и снедью, от платы за них французы отказывались. С балконов свисали красивые скатерти с нашитыми белыми полосами, образовывавшими Андреевский крест — основу английского флага. Солдаты бросали эмблемы своих полков, фуражки и ремни смеющимся девушкам и тем, кто просил сувениры. Вскоре английская армия шагала в крестьянских вязаных колпаках и с веревками вместо брючных ремней. На всем пути, как вспоминал один кавалерийский офицер, «нас обнимали и приветствовали люди, которые скоро должны были увидеть наши спины беглецов». Вспоминая марш английских войск на Монс, он называл его «путем, усыпанным розами».

Самбра и Маас

На Западном фронте пятнадцатый день был днем окончания периода концентрации войск и предварительных стычек. Настал период наступления. Французское правое крыло, начиная наступление на оккупированную немцами Лотарингию, двинулось по старой дороге, каких так много во Франции и Бельгии и по которым веками, независимо от силы, заставляющей людей сражаться друг с другом, проходили их легионы. К востоку от Нанси французы миновали каменный столб с надписью: «Здесь в год 362 Йовинус победил тевтонские орды».

В то время как на краю правого фланга армия генерала По возобновила наступление в Эльзасе, 1-я и 2-я армии генералов Дюбая и де Кастельно миновали два естественных коридора в Лотарингии, определявших направление французского наступления. Один коридор вел к Саре-буру, цели армии Дюбая, а второй, минуя кольцо холмов вокруг Нанси, называемое Гран-Куроннё, вел через Шато-Сален в долину, которую замыкала естественная крепость Моранж — цель армии де Кастельно.

Немцы, ожидая наступления французов, укрепили район колючей проволокой, траншеями и огневыми точками. Как в Саребуре, так и в [245] Моранже они имели хорошо подготовленные позиции, откуда их могли выбить только знаменитый «элан» или бомбардировка тяжелой артиллерии. Французы рассчитывали на первый.

«Слава Богу, у нас нет ее! — воскликнул офицер Генерального штаба в 1909 году, когда его спросили о 105-миллиметровой тяжелой полевой артиллерии. — Сила французской армии в легкости ее артиллерии».

В 1911 году Военный совет предложил взять на вооружение 105-миллиметровые орудия, но сами артиллеристы, верные знаменитым французским 75-миллиметровкам, упорно возражали.

Они презрительно относились к тяжелой полевой артиллерии, считая, что она замедлит французское наступление, и признавали ее, как и пулеметы, только в качестве оборонительного оружия. Военный министр Мессими и генерал Дюбай, бывший тогда в Генеральном штабе, ввели все-таки несколько 105-миллиметровых батарей, но из-за изменений в правительстве и продолжавшегося недоверия со стороны артиллерийского корпуса к 1914 году во французской армии было всего лишь несколько таких орудий.

С германской стороны фронт в Лотарингии удерживали 6-я армия Рупрехта, кронпринца Баварии, и 7-я армия генерала фон Хеерингена, который с девятого августа подчинялся Рупрехту. Задача кронпринца состояла в том, чтобы удержать на своем фронте как можно больше французских войск, не давая им передислоцироваться на главное направление против германского правого фланга. В соответствии со стратегией Шлиффена Рупрехт должен был выполнить эту задачу, отступая и заманивая французов в «мешок», где им пришлось бы вести затяжное сражение, имея удлиненные коммуникации, а решающие события должны разыграться в другом месте. Суть этого плана заключалась в том, чтобы заманить противника как можно дальше и, уступая тактическую победу, нанести стратегическое поражение.

Как и план для Восточной Пруссии, подобная стратегия имела психологические опасности.

В тот час, когда зазвучат фанфары и его коллеги увидят приближающуюся победу, Рупрехт должен будет подчиниться и отступить, что было отнюдь не заманчивой перспективой для храброго командира с жаждой славы, принадлежавшего к королевской фамилии.

Прямой, привлекательный, с ясным взглядом, небольшими усами, Рупрехт совсем не был похож на своих капризных предков, [246] двух Людовиков, королей Баварии, чьи многочисленные и богатые приключениями любовные связи привели одного к отречению, а другого к безумию.

Он происходил от менее эксцентричной фамильной ветви, которая дала регента сумасшедшему королю. В качестве прямого потомка Генриетты, дочери Карла I Английского, он был законным наследником британского трона со стороны Стюартов. В память короля Карла белые розы каждый год украшали дворец в Баварии в день рождения короля. Рупрехт был связан с англичанами через свою жену Элизабет, сестра которой вышла замуж за короля Бельгии Альберта. Однако баварская армия была полностью германской. Генерал Дюбай после первых дней сражения писал, что эти «варвары», перед тем как оставить город, разграбили дома, где были расквартированы, вспороли кресла и матрацы, разбросали содержимое чуланов, сорвали занавески, поломали и побили мебель, украшения и посуду. Но пока еще это были выходки неохотно отступавших солдат. Лотарингии предстояло увидеть худшее.

В течение первых четырех дней наступления Дюбая и Кастельно немцы в соответствии с планом медленно отступали, ведя с французами арьергардные бои. Французы в своих голубых шинелях и красных штанах двигались по прямым дорогам, обсаженным деревьями. На каждом подъеме они могли видеть далеко вокруг шахматные доски полей: зеленые от клевера, золотые от созревавшей пшеницы, коричневые от вспаханной земли или помеченные ровными рядами стогов.

Над землей, которая когда-то была французской, громко хлопали выстрелы 75-миллиметровых орудий. В первых боях с немцами, оказывавшими не очень-то активное сопротивление, французы одерживали победы, хотя порой германская тяжелая артиллерия оставляла в их рядах ужасающие следы.

Семнадцатого августа XX корпус армии Кастельно, которым командовал генерал Фош, занял Шато-Сален и вышел к Моранжу. Восемнадцатого армия Дюбая взяла Саребур. Все ликовали, расчет на наступление оправдался, войска уже видели себя на Рейне. В этот момент «план-17» начал путаться, и эта путаница продолжалась много дней.

На бельгийском фронте генерал Ланрезак все это время засыпал Генеральный штаб требованиями разрешить ему развернуться на север, навстречу приближавшемуся германскому правому флангу, а не на северо-восток для предполагаемого [247] наступления против немецкого центра через Арденны. Он видел, что германские войска окружают его, двигаясь на запад от Мааса. Он настаивал, чтобы ему разрешили переместить часть своей армии на левый берег Мааса, в угол, который она образовывала с Самброй, где он бы блокировал дальнейшее продвижение противника. Здесь он мог удерживать позицию вдоль Самбры, берущей начало в Северной Франции и текущей на северо-восток через Бельгию, огибая угольный район Боринаж и сливаясь с Маасом у Намюра. Вдоль его берегов поднимались терриконы пустой породы, баржи с углем выходили на него у Шарлеруа, города, название которого после 1914 года звучало для французов так же печально, как и Седан.

Ланрезак бомбардировал главный штаб рапортами с данными, полученными от собственной разведки, о германских частях, которые производили массовое маневрирование и выходили по обе стороны Льежа сотнями тысяч, возможно, около 700 000, «может быть, даже два миллиона». Генеральный штаб считал эти цифры ошибочными. Ланрезак утверждал, что большие германские силы выйдут на его фланг через Намюр, Динан и Живё как раз в то время, когда 5-я армия вступит в Арденны. Когда его начальник штаба, чье настроение с каждым днем все сильнее портилось, прибыл в главный штаб, чтобы лично доложить о происходящем, принявший его офицер воскликнул:

«Что, опять?! Ваш Ланрезак все еще беспокоится, что его обходят слева? Этого не случится, а если и случится, то тем лучше». Таков был основной тезис в главном штабе.

И все же, хотя главный штаб и не хотел отвлекаться от главного наступления, которое должно было начаться пятнадцатого августа, он не мог игнорировать возможность обходного маневра со стороны германского правого фланга. Двенадцатого августа Жоффр разрешил Ланрезаку перевести свой левый корпус в Динан. «Давно бы пора», — заметил ядовито Ланрезак, но этот маневр уже ничего не давал. Ланрезак настаивал, чтобы всю его армию перевели на запад. Жоффр отказал, требуя от 5-й армии оставаться в прежнем положении и выполнить назначенную ей роль в Арденнах. Всегда ревниво охранявший свой авторитет, он заявил Ланрезаку: «Ответственность за срыв охватывающего маневра лежит не на вас». Раздраженный слепотой других, как все люди, обладающие быстрым умом, и привыкший, как знаток стратегии, к уважению, Ланрезак продолжал [248] докучать главному штабу. Жоффру надоела постоянная критика и настойчивость Ланрезака. Он считал, что святой долг генералов быть львами в бою, но покорными псами распоряжениям свыше. Этому идеалу Ланрезак с его собственным мнением и обостренным чувством опасности не соответствовал.

«Мое беспокойство, — позже писал он, — росло с каждым часом».

Четырнадцатого августа, в последний день перед наступлением, он лично отправился в Витри.

Ланрезак нашел Жоффра в кабинете в присутствии генералов Белина и Бертло, начальника и помощника начальника штаба. Белин, когда-то известный своей живостью, выглядел явно утомленным. Бертло, быстрый и умный, как и его английский коллега Генри Вильсон, был неисправимым оптимистом, неспособным по природе своей предвидеть беду. Он весил девяносто два килограмма и, капитулировав перед августовской жарой, сменил военный мундир на простую рубашку и шлепанцы. Ланрезак, чье лицо креола еще более потемнело от беспокойства, наслаивал, что немцы появятся на его левом фланге как раз тогда, когда он глубоко втянется в Арденны, где трудные условия местности сделают быстрый успех сомнительным, а поворот назад — невозможным.

Говоря своим, как называл его Пуанкаре, «сладким, как крем», голосом, Жоффр сказал Ланрезаку, что его страхи «преждевременны», и добавил: «У нас сложилось впечатление, что у немцев там ничего не готово», подразумевая под «там» запад от Мааса. Белин и Бертло также повторили, что «там ничего не готово», и попытались одновременно успокоить и ободрить Ланрезака. Они внушали ему, чтобы он забыл об обходе и думал только о наступлении. Ланрезак покинул главный штаб, по его словам, «со смертью в душе».

Вернувшись в штаб 5-й армии, находившийся в Ретеле у подножия Арденн, он нашел на своем столе донесение от начальника разведки главного штаба. Оно лишь только усилило его чувство обреченности. Донесение оценивало силы противника за Маасом в восемь армейских корпусов и четыре или шесть кавалерийских дивизий, что было явной недооценкой. Ланрезак немедленно послал своего адъютанта с письмом к Жоффру, обращая его внимание на донесение, «исходящее из вашего собственного штаба», и настаивал, чтобы перемещение 5-й армии в район между Самброй и Маасом было «изучено и подготовлено с этого самого момента». [249]

Тем временем в Витри прибыл еще один обеспокоенный посетитель, чтобы попытаться убедить главный штаб в опасности, нависшей на левом фланге.

Когда Жоффр отказался включить Галлиени в состав штаба и Мессими дал ему должность в Военном министерстве, к нему стекались все донесения. Хотя среди них не было разведсводок главного штаба, так как Жоффр систематически отказывался посылать их правительству, Галлиени имел достаточно информации, чтобы определить размеры того огромного потока войск, который должен был обрушиться на Францию. Это было то самое «великое наводнение», которое предсказал Жорес, предвидя использование резервов на передовой линии.

Галлиени предложил Мессими поехать в Витри и заставить Жоффра изменить планы, но Мессими, бывший почти на двадцать лет моложе Жоффра и побаивающийся его, сказал, чтобы Галлиени ехал сам, именно ему Жоффр был многим обязан в своей карьере и поэтому прислушается к его словам. Это было явной недооценкой Жоффра, он всегда слушал того, кого хотел. Когда Галлиени приехал, Жоффр уделил ему всего несколько минут и отослал к Белину и Бертло, которые повторили то же самое, что говорили Ланрезаку. Главный штаб упорно закрывал глаза на явные факты и не хотел считать германское продвижение к западу от Мааса серьезной угрозой. Галлиени так и доложил Мессими, вернувшись из главного штаба.

И все же в тот вечер, под давлением неопровержимых доказательств, главный штаб заколебался. Отвечая на последнее срочное донесение Ланрезака, Жоффр согласился «изучить» предлагаемое перемещение 5-й армии и разрешить «предварительные мероприятия» для маневра, хотя он все еще настаивал, что угроза флангу Ланрезака «была далека» от непосредственной и ее определенность «совсем не абсолютна».

К следующему утру, пятнадцатого августа, эта угроза стала еще более очевидной. Главный штаб, взвинченный до предела в ожидании наступления, озадаченно следил за левым флангом. В девять часов утра Ланрезаку сообщили по телефону, что он может подготовиться к маневру, но не осуществлять его без прямого приказа главнокомандующего. В течение дня в главный штаб поступили новые донесения: германская кавалерия, численностью до 10 000 человек, форсировала Маас у Уй; затем пришло сообщение, что противник атакует Динан и уже захватил Цитадель, расположенную на высокой скале на правом [250] берегу. В следующем донесении сообщалось, что противник предпринял попытку форсирования общими силами, но был встречен I корпусом Ланрезака, выдвинувшимся с левого берега, и в жестоком бою отброшен через мост обратно (в этом бою одним из первых раненых был двадцатичетырехлетний лейтенант по имени Шарль де Голль). Это был тот самый корпус, которому разрешили перейти реку двенадцатого августа.

Теперь уже угрозу слева невозможно было преуменьшить. В семь часов вечера Ланрезаку передали по телефону прямой приказ Жоффра передвинуть 5-ю армию в угол между

Самброй и Маасом, а через час приказ был подтвержден письменно. Приказ — специальное распоряжение №10 — изменял планы ровно настолько, чтобы избежать угрозы охвата, но не настолько, чтобы отказаться от плана наступления №17. В нем говорилось, что противник, «очевидно, предпринимает главные усилия силами своего правого фланга к северу от Живё» (как будто Ланрезак не знал этого), предлагая главным силам 5-й армии двинуться на северо-запад, чтобы «действовать совместно с английской и "бельгийской армиями против войск противника на севере». Один корпус 5-й армии должен был остаться повернутым на северо-восток, чтобы поддержать 4-ю армию, на которую теперь была возложена задача проведения наступления в Арденнах. Фактически в соответствии с этим приказом порядки 5-й армии должны были растянуться на запад на более широком фронте без получения дополнительных сил. {120}

Приказ № 10 требовал от генерала де Лангля де Кари, командующего 4-й армией, приготовиться к наступлению «в общем направлении на Нёфшато», то есть прямо в сердце Арденн. Для того чтобы усилить эту армию, Жоффр предпринял сложный обмен частями между армиями де Кастельно, Ланрезака и де Лангля. В результате этого два корпуса, обученные Ланрезаком, были взяты у него и заменены другими, совершенно новыми. Хотя в составе новых частей были две очень боеспособные дивизии из Северной Африки, перемещения и изменения в последнюю минуту только лишь усилили недовольство Ланрезака.

В то время как вся французская армия была нацелена на восток, ему не оставалось ничего другого, как защищать неприкрытый фланг Франции от удара, который, по его мнению, должен был погубить ее. Он считал, что на его долю выпала самая тяжелая задача — хотя главный штаб придерживался другого мнения — при самых малых средствах. Его настроение [251]не стало лучше оттого, что ему предстояло действовать совместно с двумя независимыми армиями — английской и бельгийской, командующие которых были выше его в чине и совершенно незнакомы ему. Его солдаты должны были совершить в августовскую жару восьмидесятикилометровый марш за пять дней, и даже если им удастся достичь Самбры раньше немцев, он боялся, что будет все равно слишком поздно. Немцы выйдут к ней в таком количестве, что остановить их будет невозможно.

Куда же запропастились англичане, которые должны были уже выйти на его левый фланг? До сих пор еще никто не видел их. Хотя он и мог узнать их точное местонахождение в главном штабе, Ланрезак больше ему не верил и мрачно подозревал, что Франция оказалась жертвой какого-то хитрого английского трюка. Либо британские экспедиционные силы были мифом, либо доигрывали последний матч в крикет перед тем, как вступить в войну, но он поверит в существование экспедиционных сил только тогда, когда увидит лично кого-нибудь из английских офицеров.

Ежедневно высылались разведывательные дозоры, в состав которых почему-то входил английский офицер связи при 5-й армии лейтенант Спирс, весьма странное осуществление функций офицера связи, что, кстати, Спирс так и не объяснил в своей знаменитой книге, но им не удалось обнаружить ни одного солдата в хаки. Это еще больше усиливало пораженческое настроение Ланрезака. «Мое беспокойство, — писал он, — достигло предела».

Одновременно с приказом №10 Жоффр попросил Мессими перевести три территориальные дивизии с побережья, чтобы заполнить промежуток между Мобёжем и Ла-Маншем. Он выскребал остатки, чтобы организовать хоть какую-нибудь оборону против германского правого фланга, ни за что не соглашаясь взять хотя бы одну дивизию из состава войск, которые должны были вести взлелеянное им наступление. Он все еще не

хотел признать, что противник навязал ему свою волю. Никакие Ланрезаки, Галлиени и разведсводки в мире не могли поколебать его убеждения в том, что чем сильнее окажется правый фланг немцев, тем более обещающим будут французские перспективы на захват инициативы в центре.

Марш немецких войск через Бельгию был подобен нашествию южноамериканских муравьев, которые периодически неожиданно выходят из джунглей, пожирая все на своем пути, [252] не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Армия фон Клюка шла с севера от Льежа, а армия фон Бюлова к югу от города, вдоль долины Мааса, на Намюр.

«Маас — драгоценное ожерелье, — как-то сказал король Альберт, — а Намюр — жемчужина его».

Часть армии Бюлова форсировала реку около Уй, на полпути между Льежем и Намюром, чтобы двинуться по обоим берегам на вторую прославленную бельгийскую крепость. Кольцо фортов, окружавших Намюр и построенных так же, как у Льежа, было последним бастионом перед Францией. Надеясь на железный кулак своих осадных орудий, которые так хорошо поработали в Льеже, а теперь шли в обозе Бюлова к своей второй цели, немцы рассчитывали покончить с Намюром за три дня. Слева от фон Бюлова была 3-я армия генерала фон Хаузена, двигавшаяся на Динан. Обе армии должны были сойтись у слияния Самбры и Мааса, в том самом треугольнике, куда спешила армия Ланрезака. Но в то время как на фронте стратегия Шлиффена разворачивалась по плану, в штабе этот план дал трещину.

Шестнадцатого августа германский главный штаб, остававшийся в Берлине до конца концентрации войск, переехал на Рейн в Кобленц, примерно в ста тридцати километрах позади центра германского фронта. Здесь, мечтал Шлиффен, главнокомандующий — не Наполеон, наблюдающий за битвой с вершины холма, сидя на белой лошади, а «современный Александр» — будет управлять сражением «из обширного дома, где под рукой были бы телефон, телеграф и радио, а около него — целый флот ожидавших приказа автомобилей и мотоциклов. Здесь, в удобном кресле, у большого стола, современный главнокомандующий наблюдал бы за ходом боя по карте. Отсюда он бы передавал по телефону вдохновляющие слова, и здесь бы он получал донесения от командующих армиями и корпусами, а также сведения с воздушных шаров и дирижаблей, наблюдавших за маневрами противника».

Действительность жестоко изменила эту счастливую картину. Современным Александром оказался Мольтке. По его собственному признанию, он так и не оправился после бурной сцены с кайзером в первую ночь войны. «Вдохновляющих слов», которые он должен был сказать своим командирам по телефону, он просто не знал, но даже если бы они у него и были, они не дошли бы до адресатов из-за плохой связи. [253]

Ничто не доставляло немцам столько хлопот, когда они вступили на территорию противника, как связь. Бельгийцы перерезали телеграфные и телефонные провода, мощная радиостанция на Эйфелевой башне создавала такие помехи, что радиосообщения приходилось передавать по три или четыре раза, пока что-то удавалось разобрать. Единственная радиостанция штаба была так перегружена, что проходило от восьми до двенадцати часов, прежде чем их отправляли. Это было одно из «препятствий», которого германский Генеральный штаб не запланировал, увлекшись легкостью, с какой обеспечивалась связь во время маневров.

Изощренные выходки сопротивлявшихся бельгийцев и опасение русского «парового катка», вламывавшегося через Восточную Пруссию, весьма беспокоили Генеральный штаб. Начались трения. Культ субординации, развитый прусскими офицерами, больнее всего ударил по ним же самим и их союзникам. Генерал фон Штейн, заместитель начальника штаба, который считался умным, обходительным и трудолюбивым, характеризовался австрийским офицером связи при штабе как грубый, бестактный и спесивый человек. Полковник Бауэр из оперативного отдела ненавидел своего начальника, полковника Таппена, за его «язвительный тон» и «зазнайство» перед подчиненными. Офицеры жаловались, что Мольтке запретил шампанское в столовой, а порции за столом кайзера были такими маленькими, что после его обеда приходилось наедаться бутербродами.

С началом французского наступления в Лотарингии Мольтке стал сомневаться — следовало ли ему полностью полагаться на правое крыло, как советовал Шлиффен? Он и его штаб полагали, что французы переместят свои главные силы на левый фланг и окажут сопротивление правому крылу немцев. Так же упорно, как Ланрезак посылал разведчиков, чтобы обнаружить англичан, германский Генеральный штаб искал свидетельств больших перемещений французских войск к западу от Мааса и до семнадцатого августа ничего не обнаружил. Извечная проблема войны, состоявшая в том, что противник отказывался вести себя так, как ему следовало бы в своих лучших интересах, спутала немцев.

Из наступления в Лотарингии и отсутствия действий на западе немцы сделали вывод, что французы концентрируют свои главные силы для наступления через Лотарингию между Мецем и Вогезами, и задали себе вопрос, не следует ли им перестроить [254] свою стратегию. Если это было направление главного наступления французов, не смогли бы они, перебросив силы на свой левый фланг, провести решающее сражение в Лотарингии до того, как правый фланг добьется этого обходным маневром? Не могли бы они устроить настоящие Канны, совершив двойной охват, который был все-таки у Шлиффена на уме? Обсуждением этой заманчивой перспективы и даже предварительным переносом центра тяжести на левый фланг и занимался Генеральный штаб с четырнадцатого по семнадцатое августа. Семнадцатого немцы решили, что французы не проводят концентрации сил в Лотарингии, как казалось, и вернулись к первоначальному плану Шлиффена.

Но если верность учения хоть раз была поставлена под сомнение, ему нет истинной веры. С этого момента Генеральный штаб не забыл о возможностях на левом фланге. Мысленно Мольтке был за альтернативную стратегию, зависящую от того, что сделает противник. Поразительная простота плана Шлиффена, заключавшаяся в сосредоточении главных усилий на одном фланге, и твердая верность плану независимо от действий врага были нарушены. План, который казался таким безукоризненным на бумаге, лопнул под давлением неопределенностей и, прежде всего, эмоций войны. Лишив себя удобств заранее разработанной стратегии, Мольтке начал мучиться от нерешительности, когда надо было принять решение. Шестнадцатого августа принц Рупрехт срочно потребовал такого решения.

Он требовал разрешения контратаковать. Его штаб находился в Сент-Авольде, заштатном городишке, утонувшем во впадине на краю грязного угольного района Саара. На запад перед кронпринцем под голубым небом расстилалась удобная, слегка холмистая местность, не имевшая каких-либо значительных препятствий до самого Мозеля, а там, на горизонте, сверкал приз — Нанси, жемчужина Лотарингии.

Рупрехт утверждал, что поставленная перед ним задача — удержать на своем фронте как можно больше французских войск — будет выполнена лучшим образом, если он атакует,

что было прямо противоположно стратегии «мешка». В течение трех дней, с шестнадцатого по восемнадцатое августа, шло обсуждение этого вопроса между штабом Рупрехта и Генеральным штабом, к счастью, вся телефонная линия проходила по германской территории. Было ли французское наступление основным? Они не предпринимали ничего «серьезного» ни в Эльзасе, [255] ни к западу от Мааса. Что бы это значило? Предположим, что французы откажутся двигаться дальше и не попадут в «мешок»? Если Рупрехт будет продолжать отступление, не образуется ли разрыв между ним и 5-й армией, его соседом справа, и не ударят ли французы туда? Не принесет ли это поражения правому флангу?

Рупрехт и его начальник штаба генерал Крафт фон Дельмензинген согласились, что так может случиться. Они докладывали, что их войска с нетерпением ждут приказа о наступлении, и поэтому позорно навязывать отступление войскам, «рвущимся вперед». Более того, неразумно сдавать территорию в Лотарингии в самом начале войны, даже временно, если к этому не принуждает противник.

Соблазненный, но все еще опасающийся главный штаб не мог принять решения. Майор Цольнер был послан в штаб в Сент-Авольде, чтобы обсудить вопрос лично. Он сообщил, что главный штаб рассматривает изменения в запланированном отступлении, но не может целиком отказаться от маневра, имеющего целью заманить французов в «мешок». Вернулся он, так ничего и не решив.

Не успел он уехать, как воздушная разведка донесла, что французы в одном месте отходят назад к Гран-Куроннё. Это было «незамедлительно истолковано» штабом 6-й армии как доказательство того, что противник не собирается двигаться вперед, в «мешок», и поэтому лучшее, что можно сделать, это атаковать его как можно скорее.

Нужно было решать. Последовали новые телефонные разговоры между Рупрехтом и фон Крафтом на одном конце линии и фон Штейном и Таппеном на другом. Из главного штаба прибыл новый офицер, майор Доммес, — это было семнадцатого августа — с сообщением, что контрнаступление желательно. Главный штаб уверен, что французы перебрасывают войска на свой западный фланг и не «привязаны» к Лотарингии. Он сообщил также об успехе осадных орудий под Льежем, что делало линию французских фортов не такой страшной. По мнению главного штаба, англичане еще не высадились на континенте, и если здесь, в Лотарингии, произойдет быстрое и решительное сражение, они могут не высадиться вообще. Но конечно, сказал майор Доммес, по приказанию Мольтке он должен предупредить о всех трудностях контрнаступления. Главная из них фронтальная атака — анафема германской военной доктрины, поскольку [256] обходный маневр в условиях холмистой местности и наличия французских фортов невозможен.

Рупрехт ответил, что в контратаке меньше риска, чем в дальнейшем отступлении. Он застигнет противника врасплох и, возможно, опрокинет его. Он и его штаб рассмотрели все возможные рискованные ситуации и намереваются справиться с ними. После обычного красноречивого восхваления наступательного духа своих доблестных войск Рупрехт объявил, что он атакует, если не получит совершенно определенного приказа из главного штаба, запрещающего это.

«Либо разрешите мне атаковать, — воскликнул он, — либо дайте конкретный приказ!»

Возбужденный «решительным тоном» Рупрехта, Доммес поспешил в главный штаб за дальнейшими указаниями, а в штабе Рупрехта «мы ждали, не зная, придет ли запрещающий приказ или нет». Они ждали все утро восемнадцатого, а когда не получили

никаких известий до второй половины дня, фон Крафт позвонил фон Штейну, желая знать, ожидать ли приказа. Снова говорили о преимуществах и возможных неблагоприятных последствиях. Выведенный из терпения, Крафт потребовал определенного «да» или «нет».

«Нет, мы не запрещаем вам атаковать, — ответил фон Штейн, и в голосе его не прозвучало уверенности современного Александра Македонского. — Решайте, как подсказывает вам разум».

«Решение уже принято. Мы атакуем!»

«Ну что ж, тогда начинайте, и поможет вам Бог!»

Так немцы отказались от «мешка», 6-й и 7-й армиям был дан приказ повернуть назад и приготовиться к контрнаступлению.

Тем временем англичане, которые, по мнению немцев, еще не высадились, двигались к отведенной им позиции на левом фланге французского фронта.

Главнокомандующий сэр Джон Френч прибыл во Францию четырнадцатого августа с Мэрреем, Вильсоном и Угё, состоявшим теперь при английском командовании в качестве офицера связи. Они провели ночь в Амьене и на следующий день отправились в Париж, чтобы встретиться с президентом, премьер-министром и военным министром. «Да здравствует генерал Френч!» — кричала двадцатитысячная толпа, заполонившая площадь перед Северным вокзалом и прилегавшие улицы. «Гип, гип ура! Да здравствует Англия! Да здравствует Франция!» На всем пути до английского посольства толпа, по мнению [257] некоторых, больше той, которая встречала Блерио после его перелета через пролив, кричала, размахивала шляпами, платками и просто руками.

Пуанкаре был удивлен, увидев, что его гость — человек «спокойных манер... и не очень похож на военного», с опущенными книзу усами; его можно было скорее принять за подрядчика, а не за храброго кавалерийского командира. Он казался медлительным и методичным, без особого блеска и, несмотря на то что имел зятя-француза и летний дом в Нормандии, едва ли мог связать несколько слов по-французски. Он поразил Пуанкаре, объявив, что английские войска не будут готовы к занятию своих позиций в течение десяти дней, то есть до двадцать четвертого августа. И это было тогда, когда Ланрезак считал, что двадцатого августа может быть слишком поздно.

«Как нас обманули! — писал Пуанкаре в своем дневнике. — Мы думали, что они готовы до последней пуговицы, а теперь они не выходят на позиции!»

С момента высадки во Франции сэр Джон Френч вдруг стал проявлять предпочтение к «выжидательной позиции», непонятное нежелание ввести в бой британские экспедиционные силы. Стояло ли за этим настойчивое предупреждение Китченера насчет «ненужных потерь», или же до сознания Джона Френча дошло, что, помимо экспедиционных сил, у Англии не было обученного резерва, чтобы занять их место, или, оказавшись на близком расстоянии от страшного врага, он почувствовал всю тяжесть ответственности, или его природная храбрость с годами испарилась и остались только слова, или ему просто не очень-то хотелось сражаться за чужую землю и чужой дом? Об этом лучше судить тому, кто оказывался в подобном же положении.

Ясно было одно: с самых первых встреч союзников с Френчем они были разочарованы (хотя и по-разному), напуганы или взбешены. Казалось, что главная цель, ради которой британские экспедиционные силы прибыли во Францию, — не дать Германии сломать ее — была непонятна ему или, по крайней мере, он не видел смысла спешить. А его военная самостоятельность, которую так подчеркивал Китченер, означала, что он мог «по собственному выбору назначать время для сражения и для отдыха», как выразился Пуанкаре, независимо от того, что Германия могла тем временем одолеть Францию.

Все тот же Клаузевиц указывал, что союзная армия, действующая независимо, нежелательна, но если присутствия ее [258] нельзя избежать, то важно, по меньшей мере, чтобы ее командующий «был бы не максимально осмотрительным и осторожным, а максимально предприимчивым». В течение следующих трех недель, наиболее напряженных в войне, верность подчеркнутой мысли Клаузевица стала особенно очевидной.

На следующий день, шестнадцатого августа, сэр Джон посетил Генеральный штаб в Витри, и Жоффр обнаружил, что он «твердо придерживается своих идей» и «стремится не скомпрометировать свою армию». На Джона Френча этот визит не произвел особого впечатления, возможно, из-за привычной чувствительности, присущей английским офицерам, к социальному происхождению. Борьба за «республиканизацию» французской армии привела к увеличению, с английской точки зрения, «неджентльменов». Несколько месяцев спустя Френч писал Китченеру, что «они низкого происхождения, и всегда приходится помнить, из какого класса вышло большинство их генералов». Французский главнокомандующий не составлял исключения — он был сыном торговца.

Воспользовавшись встречей, Жоффр вежливо, но настойчиво выразил свое желание, чтобы британские экспедиционные силы вступили в действие на Самбре вместе с Ланрезаком двадцать первого августа. В противоположность тому, что он ответил Пуанкаре, Френч обещал сделать все возможное, чтобы успеть к этому сроку. Он попросил также, поскольку ему приходилось удерживать обнаженный фланг французской линии, чтобы Жоффр передал «непосредственно под мое командование» кавалерию Сордё и две резервные дивизии. Жоффр, конечно, отказался.

Донося о своем визите Китченеру, сэр Джон Френч сообщал, что на него «большое впечатление» произвели генерал Бертло и его штаб, которые были «целеустремленными, спокойными и уверенными» и продемонстрировали «полное отсутствие суеты и паники». Своего мнения о Жоффре он не излагал, ограничившись замечанием о том, что, по-видимому, француз сознавал важность «выжидательной позиции», это было ошибочным суждением, говорящим само за себя.

Следующий визит был утром семнадцатого августа к Ланрезаку. Напряженность, которая царила в штабе 5-й армии, прорвалась наружу — начальник штаба Эли д'Уассель, обращаясь к Угё, когда тот приехал вместе с так долго и безуспешно разыскиваемыми англичанами, воскликнул:

«Ну наконец-то вы [259] объявились. Я бы не сказал, что слишком скоро. Если нас разобьют, то этим мы будем обязаны вам».

Генерал Ланрезак появился на ступеньках, выйдя из дома, чтобы приветствовать прибывших. Их появление все же не рассеяло его подозрений в том, что они могут оказаться генералами без дивизий. Все сказанное в последующие полчаса не очень-то разубедило его в обратном. Не зная толком языка друг друга, два генерала уединились,

чтобы посовещаться без переводчиков. Акт довольно сомнительного значения, и объяснение лейтенанта Спирса, что они это сделали по соображениям секретности, вряд ли было достаточным. Вскоре оба генерала присоединились к членам своих штабов, многие из которых прекрасно владели обоими языками, и перешли в помещение оперативного отдела. Сэр Джон Френч уставился на карту, указал на какое-то место на Маасе и попытался спросить по-французски, полагает ли генерал Ланрезак, что немцы форсируют реку в месте, которое носило непроизносимое для англичан название Уй. Поскольку мост у Уй был единственным между Льежем и Намюром, а войска фон Бюлова как раз в этот момент переправлялись по нему на противоположный берег, то вопрос Френча был только риторическим. Он запнулся на первой фразе, не зная, как сказать «пересечь реку». Ему помог Вильсон, подсказав по-французски, по, когда Френч дошел до слова «Уй», он снова запнулся.

«Что он говорит? Что он говорит?» — торопил Ланрезак. Ему объяснили, что английский главнокомандующий хочет знать, не думает ли он, что немцы перейдут реку у Уй.

«Скажите маршалу, — ответил Ланрезак, — я думаю, что немцы пришли к Маасу ловить рыбу».

Тон, к которому он прибегал обычно, отвечая на глупый вопрос во время своих знаменитых лекций, вряд ли годился для беседы с фельдмаршалом дружественной армии.

«Что он говорит?» — забеспокоился Френч, уловивший интонацию, но больше ничего не понявший.

«Он говорит, что немцы собираются перейти на другую сторону реки, сэр», — без запинки «перевел» Вильсон.

Итак, взаимопонимания не получилось с самого начала. Наряды на постой и линии связи, являвшиеся всегда причиной противоречий между соседствующими армиями, вызвали первые недоразумения. Затем последовали более серьезные, касающиеся использования кавалерии, причем каждый командующий хотел, чтобы стратегическую разведку проводил другой. [260]

Усталый и наполовину расковавшийся корпус Сордё, который Жоффр придал Ланрезаку, только что был снова пущен в ход, на этот раз чтобы установить контакт с бельгийцами к северу от Самбры в надежде уговорить их не отступать к Антверпену. Ланрезак, как и англичане, крайне нуждался в информации о расположении частей противника и направлении их движения.

Он хотел использовать свежую кавалерийскую дивизию англичан. Френч не соглашался. Придя во Францию только с четырьмя дивизиями вместо шести, он хотел придержать кавалерию в качестве резерва. Ланрезак не так понял его, предположив, что Френч хочет использовать кавалеристов как пехоту, смертельно обидев лихого кавалериста, героя конного прорыва под Кимберли.

Наиболее серьезным из всех разногласий был спор относительно даты, когда британские экспедиционные силы будут готовы вступить в боевые действия. Хотя накануне сэр Джон сказал Жоффру, что будет готов к двадцать первому, он теперь передумал. Сделал это он либо в отместку за обиду, нанесенную Ланрезаком, либо по причине нервозной неопределенности. Теперь он назначил двадцать четвертое число, которое назвал Пуанкаре. Для Ланрезака это было уж чересчур. «Полагает ли английский генерал, что

противник будет ждать его?» — мысленно недоумевал он. Очевидно, как он и знал с самого начала, на англичан нельзя было положиться. Разошлись они с «красными лицами».

Ланрезак информировал Жоффра, что англичане не будут готовы «по крайней мере до 24-го». Их кавалерия будет использована как конная пехота, и на нее «нельзя рассчитывать ни для каких других целей». Он поставил вопрос о путанице с дорогами между французами и англичанами «на случай отступления». Эта фраза была громом среди ясного неба в главном штабе. Ланрезак — «настоящий лев» наступления — уже готовился отступать.

Сэр Джон Френч также был поражен, прибыв в свой штаб, который временно размещался в Ле-Като, узнав, что командующий II корпусом, его старый товарищ генерал Грирсон, неожиданно скончался в поезде вблизи Амьена. Просьба Френча, чтобы Китченер прислал взамен Грирсона определенного, нужного Френчу генерала — «пожалуйста, сделайте, как я прошу», — была отклонена. Китченер прислал генерала сэра Горация Смит-Дориэна, с которым Френч никогда не ладил, так [2б1] как оба были чрезмерно самоуверенными. Как Хейг, Смит-Дориэн не питал особого уважения к главнокомандующему и стремился действовать по собственной инициативе. Обида на Китченера вылилась в антипатию к Смит-Дориэну и нашла свое отражение в слабой и запутанной книге, которую Френч назвал «1914», признанной известным рецензентом «одной из самых скверных из когда-либо написанных книг».

В штабе бельгийской армии в Лувэне семнадцатого августа, в тот день, когда Френч встречался с Ланрезаком, а Рупрехт требовал разрешения на контратаку, премьер-министр де Броквиль и король Альберт обсуждали вопрос о переводе правительства из Брюсселя в Антверпен.

Части армии фон Клюка, превосходящие бельгийскую в четыре или пять раз, штурмовали бельгийскую оборону в двадцати четырех километрах у реки Жет, 8000 солдат фон Бюлова форсировали Уй в пятидесяти километрах и двигались на Намюр. Если пал Льеж, то что может сделать Намюр? Период накапливания сил миновал, основное германское наступление начало развертываться, а армии гарантов Бельгии еще не прибыли. «Мы — одни», — сказал король де Броквилю. Немцы, предполагал он, пройдут через Центральную Бельгию и займут Брюссель, хотя «конечный итог событий еще не определен». Правда, в этот день французскую кавалерию ожидали у Намюра. Жоффр, информируя короля Альберта о рейде кавалерии, заверил его, что по самым точным оценкам главного штаба германские части к западу от Мааса были не чем иным, как просто «заслоном». Он обещал, что вскоре прибудут французские дивизии, которые будут взаимодействовать с бельгийцами в их отпоре врагу. Король Альберт был уверен, что германские войска у Жета и Уй не были «заслоном». Печальное решение о переводе правительства из столицы было принято. Восемнадцатого августа король приказал армии отступить от Жета к укрепленной позиции у Антверпена и перевести штаб из Лувэна на двадцать четыре километра, в Малин.

Этот приказ вызвал «невероятные опасения» среди представителей наступательной школы бельгийского Генерального штаба и особенно у полковника Адельберта, личного представителя президента Пуанкаре. Энергичный и прекрасно подготовленный для наступательной войны, Адельберт «менее всего» был пригоден для дипломатических поручений, как признавал французский посланник в Бельгии. [262]

«Вы собираетесь отступить перед каким-то кавалерийским заслоном?» — бушевал полковник.

Пораженный и возмущенный, он обвинил бельгийцев в том, что они «покидали» французов без предупреждения «как раз в тот момент, когда французский кавалерийский корпус появился к северу от Самбры и Мааса». Военные последствия, говорил он, будут тяжелыми, моральный успех немцев — большим, а Брюссель будет открыт «набегам германской кавалерии». Так он оценивал противника, который через два дня, располагая силами свыше четверти миллиона человек, взял Брюссель. Однако, несмотря на его ошибочное мнение и грубый тон, беспокойство полковника Адельберта было понятно с точки зрения французов. Отступление к Антверпену означало, что бельгийская армия уйдет с фланга союзного фронта как раз накануне-великого французского наступления.

В течение всего дня восемнадцатого августа решение короля несколько раз менялось — намереваясь спасти бельгийскую армию от уничтожения, он не желал оставлять выгодные позиции как раз тогда, когда могла подойти французская помощь.

На исходе дня дилемма, стоявшая перед королем, была разрешена приказом Жоффра №13. Основные французские усилия будут предприняты в другом направлении, а Бельгия должна была охранять проход к западу от Мааса при возможной поддержке 5-й армии и англичан. Король Альберт больше не колебался. Он подтвердил свой приказ об отступлении к Антверпену, и в ту же ночь пять бельгийских дивизий снялись со своих позиций у Жета и отошли к укрепленному району у Антверпена, которого достигли двадцатого августа.

Приказ Жоффра №13 был сигналом «приготовиться» для большого наступления на германский центр. Приказ был адресован 3-й, 4-й и 5-й армиям и доводился до сведения бельгийцев и англичан. Он предписывал 3-й и 4-й армиям генералов Рюффе и де Лангля де Кари подготовиться к атаке через Арденны, оставляя 5-й армии выбор, зависящий от окончательной оценки германских сил к западу от Мааса. В первом случае Ланрезак должен был атаковать в северном направлении через Самбру «в полном взаимодействии с бельгийской и английской армиями», а в другом, если противник двинет «только часть своей правофланговой группировки», к западу от Мааса. Ланрезаку предстояло вновь пересечь реку и поддержать главное наступление через Арденны, предоставив бельгийской и английской [263] армиям задачу борьбы с германскими силами к северу от Самбры и Мааса.

Это был невозможный приказ. Он требовал от армии Ланрезака — представлявшей не сплоченное соединение, а разношерстную массу, состоящую из трех корпусов и семи отдельных дивизий, растянувшихся более чем на пятидесятикилометровом фронте, совершавших в этот момент движение к Самбре, — выбрать два пути, причем во втором случае вернуться на первоначальную позицию, с которой Ланрезак с таким трудом ушел только три дня тому назад.

Ожидать, пока Жоффр выберет одно из направлений, означало бы для армии Ланрезака полный паралич, а фраза «только часть правого крыла противника» лишь подтвердила потерю доверия к главному штабу. Игнорируя второе направление, Ланрезак двинулся к Самбре. Он сообщил Жоффру, что достигнет позиции к двадцатому августа и контратакует войска противника, пытающиеся форсировать реку между Намюром и Шарлеруа, и «отбросит его назад в Самбру».

На марше его батальоны пели «Самбру и Маас», памятную и любимую песню французской армии 1870 года.

Причиной появления приказа №13 было твердое решение Генерального штаба осуществить «план-17», отражавший все его надежды на победу в результате решающего сражения. В августе, когда война только еще начиналась, господствовало мнение, что ее можно быстро закончить одной решающей битной. Генеральный штаб упорно верил, как бы силен ни был германский правый фланг, французское наступление через центр поможет изолировать и уничтожить его. В ту ночь Месгими, обеспокоенный слабо защищенной границей ниже Самбры, позвонил Жоффру и получил ответ, что главнокомандующий спит. Страх перед Жоффром пересилил беспокойство, и министр просил не будить генерала.

Бертло успокаивающе сказал Мессими:

«Если немцы сделают глупость и совершат обходный маневр через Северную Бельгию, тем лучше. Чем больше солдат будет у них на правом крыле, тем легче будет нам прорваться через их центр».

В тот день германское правое крыло уже шло по Бельгии. Фон Клюк приближался к Брюсселю, фон Бюлов наступал на Намюр, а фон Хаузен на Динан. Намюр, удерживаемый 4-й бельгийской дивизией и своим гарнизоном, одиноко стоял перед [2б4] противником. Считалось, что он является неприступной крепостью. Даже те, кто учитывал опыт Льежа, думали, что Намюр продержится по крайней мере до тех пор, пока Ланрезак не перейдет Самбру, а затем присоединится к защитникам Намюра, заняв оборону по линии фортов. Старший офицер Дюрю, бьющий военный атташе в Брюсселе, посланный офицером связи в Намюр, мрачно доносил Ланрезаку девятнадцатого августа — по его мнению, крепость долго не продержится. У отрезанных от остальной армии ее защитников было плохое моральное состояние и не хватало боеприпасов. Многие не соглашались с этим, но Дюрю был по-прежнему полон пессимизма.

Восемнадцатого августа авангард фон Клюка достиг Жеты и не нашел бельгийской армии. Уничтожение этой армии как раз и было задачей фон Клюка. Он рассчитывал выполнить ее, нанеся удар между войсками бельгийцев и Антверпеном, окружить их, не дав дойти до укрепленного района. Но он опоздал. Маневр короля Альберта спас армию, сохранил ее и превратил в угрозу тылу фон Клюка, когда позднее тот повернул на юг для марша на Париж.

«Им всегда удавалось ускользнуть от нас, и поэтому мы не сумели нанести решительного поражения и не дать уйти к Антверпену», — доносил он своему Генеральному штабу.

Фон Клюку вскоре пришлось поворачивать на юг, не только имея в своем тылу бельгийцев, но и столкнуться с новым противником — англичанами, которые появились перед его фронтом. Немцы рассчитывали, что логически лучшим местом для английской высадки будут порты, ближайшие к бельгийскому фронту, поэтому конная разведка фон Клюка, поддавшись этому удивительному человеческому качеству видеть то, что хочется, там, где его нет, аккуратно донесла, что англичане высаживаются тринадцатого августа у Остенде, Кале и Дюнкерка. Это означало, что в любой момент они могли оказаться перед фронтом фон Клюка. На самом же деле их, конечно, там не было. Они высаживались гораздо дальше — в Булони, Руане и Гавре. Сообщение о высадке в Остенде, однако, заставило Генеральный штаб забеспокоиться, поскольку при повороте на юг правое крыло

фон Клюка могло оказаться под ударом англичан, а если бы он развернул свой левый фланг, чтобы встретить их, между ним и фон Бюловом оказался бы промежуток.

Чтобы предотвратить эту опасность, Генеральный штаб семнадцатого августа передал Клюка, к его большому неудовольствию, [265] в подчинение фон Бюлову. Как мог Генеральный штаб действовать, зная донесение из Остенде о высадке англичан, и в тот же самый день сообщить Рупрехту, что они еще не высадились и могут вообще не сделать этого, остается одной из тайн войны, которую можно объяснить разве что при помощи черной магии. Возможно, группа, занимавшаяся в главном штабе левым крылом, располагала сведениями, отличными от тех, которые были у группы, отвечавшей за правое крыло, а между собой они не консультировались.

Обоим командующим 1-й и 2-й армиями не хватало двух лет до семидесяти. Фон Клюк, черноволосый, свирепый, выглядел моложе своих лет в противоположность фон Бюлову, который со своими седыми усами и припухшим лицом казался старше.

Фон Клюк, раненный в войне 1870 года и получивший благородную приставку «фон» в пятьдесят лет, был выбран перед войной на главную роль в будущем марше на Париж. Это его армия должна была стать молотом на правом фланге, она должна была задавать скорость продвижения остальным войскам. Это она обладала самой большой ударной силой, имея плотность в 18 000 человек на милю по фронту по сравнению с 13 000 у фон Бюлова и 3300 у Рупрехта. Но, опасаясь разрыва между армиями, Генеральный штаб решил, что фон Бюлову, находящемуся в центре правого крыла, будет удобнее удерживать все три армии на одной линии. Фон Клюк, недовольный своим подчинением, оспаривал все приказы фон Бюлова, касающиеся ежедневного продвижения, вызвав настоящий хаос, чему очень способствовала плохая связь. Через десять дней Генеральный штаб был вынужден отменить приказ, причем разрыв между армиями все-таки произошел.

Бельгийцы действовали на нервы фон Клюку даже больше, чем фон Бюлов. Их армия, оказав серьезное сопротивление, сломала график немецкого продвижения и, взрывая железные дороги и мосты, срывала доставку боеприпасов, продовольствия, медикаментов, почты и тому подобного, заставляла немцев тратить значительные усилия, чтобы обеспечить тыловые функции. Местные жители блокировали дороги и, что было хуже всего, перерезали телефонные и телеграфные провода, нарушая связь не только между германскими армиями и Генеральным штабом, но и между корпусами. Эта «чрезвычайно агрессивная партизанская война», как назвал ее фон Клюк, и особенно [266] франтиреры-снайперы, стрелявшие по германским солдатам, выводили из себя его и командиров.

С самого начала вступления армии в Бельгию ему пришлось предпринять, по его собственным словам, «жестокие и непреклонные меры, такие как «расстрел отдельных лиц и сжигание домов», чтобы противодействовать «предательству» местного населения. Сожженные деревни и мертвые заложники отмечали путь 1-й армии.

Девятнадцатого августа, после того как немцы форсировали Жету и не обнаружили бельгийской армии, отступившей ночью, они обрушили свой гнев на Аэршот, маленький городок между Жетой и Брюсселем, он первый подвергся массовым казням. В Аэршоте было расстреляно сто пятьдесят жителей. Количество жертв росло, к ним добавились те, которых расстреляла армия фон Бюлова на подступах к Арденнам и в Тамине, и шестьсот шестьдесят четыре человека, убитые солдатами Хаузена в Динане.

Процедура везде была почти одинаковой. Жителей собирали на главной площади, мужчин в одной стороне, женщин — в другой. Затем отбирался каждый десятый, второй или все, в зависимости от каприза офицера, командовавшего экзекуцией. Их отводили на ближайшее поле или на пустырь за железнодорожной станцией и расстреливали. В Бельгии много городов, на кладбищах которых стоят рядами одинаковые памятники с надписью под именем: «Расстрелян немцами в 1914 году». К ним теперь прибавились и другие с той же надписью, но другой датой — 1944.

Генерал фон Хаузен, командующий 3-й армией, как и фон Клюк, считал, что «вероломство» бельгийцев, «умножавших препятствия» германской армии, требовало наказания «самым решительным образом и без малейших колебаний». В подобные меры входили «аресты заложников из числа известных людей, например владельцев поместий, мэров, священников, сжигание домов и ферм и казнь лиц, пойманных во время свершения ими враждебных актов». Большинство солдат в армии Хаузена составляли саксонцы, и вскоре «саксонец» стало синонимом слова «варвар».

Сам Хаузен не мог понять «враждебности бельгийского народа». Его каждый раз удивляло, когда он обнаруживал, «как нас ненавидят». Он жаловался на поведение семейства д'Эггремон, в чьем роскошном замке, состоящем из сорока комнат с [267] садом, оранжереями и конюшнями на пятьдесят лошадей, ему пришлось провести ночь. Старый граф ходил, «сжав кулаки в карманах», оба сына не явились к обеду. Сам хозяин на обед опоздал и хранил упорное молчание, не отвечая даже на вопросы. Так продолжалось до самого отъезда генерала, несмотря на то что он приказал своей военной полиции не конфисковывать коллекцию китайского и японского оружия, собранную графом д'Эггремоном во время дипломатической службы на Востоке.

Германская карательная кампания не явилась спонтанным ответом на сопротивление бельгийцев. Она подготавливалась заранее, с обычной германской тщательностью и педантичностью, и предназначалась для экономии времени и людей, во имя этого нужно было быстро приручить бельгийцев. Бельгийское сопротивление, потребовав оставить войска в тылу для его подавления, срывало планы.

Как только немцы входили в город, его стены начинали белеть заранее отпечатанными объявлениями, наклеенными на каждом доме и предостерегавшими население от совершения «враждебных» актов. Наказанием для гражданских лиц, стрелявших в солдат, была смерть, как и за различные менее тяжкие преступления. «Любой подошедший ближе двухсот метров к аэроплану или воздушному шару будет застрелен на месте» владельцы домов, в которых найдут спрятанное оружие, будут расстреляны. Все, кто укрывает у себя бельгийских солдат, будут отправлены на «постоянные» каторжные работы в Германию. Деревни, в которых будут совершены «враждебные» акты, «будут сожжены». Если же подобные акты произойдут «на дороге между двумя деревнями, к жителям обеих деревень будут применены те же меры». Короче говоря, провозглашались следующие принципы: все наказания будут осуществляться без пощады, отвечать будет вся община, заложники будут взяты в большом количестве. Эта практика коллективной ответственности, которую так энергично осудила Женевская конвенция, потрясла мир 1914 года, веривший в человеческий прогресс.

Фон Клюк сетовал, что применяемые методы «все-таки медленно действовали против причиняемого зла». Бельгийское население продолжало демонстрировать самую непримиримую враждебность. «Эти злостные акты со стороны населения сказывались на жизнедеятельности нашей армии». Карательные акции становились более частыми и жестокими. Мир узнавал [268] о горящих деревнях, дорогах, забитых беженцами

расстрелянных мэрах и бургомистрах от союзных, американских журналистов и журналистов из нейтральных стран. Столкнувшись с запрещением Жоффра и Китченера о допуске журналистов на фронт, они собрались в Бельгии с первого дня войны.

Девятнадцатого августа, когда в Аэршоте, в сорока километрах от Брюсселя, прозвучали залпы, бельгийская столица была странно спокойна. Правительство покинуло город накануне. Флаги все еще украшали улицы, ярко вспыхивая на солнце красными и желтыми полотнищами. В свои последние часы бельгийская столица, казалось, расцвела еще больше, постепенно становясь тихой, почти мудрой. В самом конце дня увидели первых французов — эскадрон измученных людей и лошадей, медленно проехавших по авеню де-ла-Туазон-д'Ор. Спустя несколько часов по опустевшим улицам промчались четыре автомашины, в которых сидели офицеры в незнакомой форме цвета хаки. Брюссельцы удивленно проводили их взглядами, раздались возгласы: «Англичане!» Союзники Бельгии наконец-то появились, но слишком поздно. Девятнадцатого через город продолжал идти поток беженцев. Флаги сняли, население предупредили о возможной воздушной бомбардировке.

Двадцатого августа германские войска заняли Брюссель. Неожиданно на улицах появились эскадроны улан с пиками наготове. Они были предвестниками мрачного парада, невероятного по своей мощи и величию.

Он начался в час дня с серо-зеленых колонн пехоты, в которых маршировали выбритые солдаты, в начищенных сапогах и с примкнутыми штыками, сверкавшими на солнце. Затем появилась такая же серо-зеленая кавалерия с черными и белыми флажками, трепыхавшимися на пиках, как будто вернувшаяся из средних веков. Подковы бесчисленных лошадиных копыт, непрестанно цокавших по мостовой, казались способными затоптать все, что бы ни встретилось на их пути. За ними прогромыхали тяжелые артиллерийские орудия. Рокотали барабаны. Хриплые голоса ревели песню победы «Хайль дир им зигескранц» на мотив «Боже, храни короля». Они все шли, бригада за бригадой, колонна за колонной. Молчаливые толпы, наблюдавшие это бесконечное шествие, были поражены его завершенностью и единообразием. Затем, запряженные четверками лошадей, появились походные кухни. Разведенный в них огонь и изрыгавшие дым трубы произвели не меньшее впечатление, [269] чем грузовики, оборудованные под сапожные мастерские. Сапожники за своими столами заколачивали гвозди в подметки, а солдаты, чьи сапоги находились в ремонте, стояли на подножках.

Парад проходил по одной стороне бульвара, чтобы не мешать проезду офицеров штаба в автомобилях, а посыльным на велосипедах и мотоциклах обгонять процессию.

Шли часы, а марш победителей продолжался. Три дня и три ночи 320 000 солдат армии фон Клюка шли через Брюссель. Был назначен германский генерал-губернатор, над ратушей поднят германский флаг, часы поставлены по германскому времени, на столицу была возложена контрибуция в пятьдесят миллионов франков (десять миллионов долларов), которую нужно было выплатить через десять дней, на провинцию Брабант — четыреста пятьдесят миллионов франков (девяносто миллионов долларов).

В Берлине после сообщений о взятии Брюсселя зазвонили колокола, на улицах раздавались радостные возгласы, незнакомые обнимались, и царило «всеобщее ликование».

Двадцатого августа Франция еще собиралась наступать. Ланрезак достиг Самбры, англичане стояли с ним вровень. Сэр Джон Френч после многих колебаний заверил

Жоффра, что будет готов вступить в боевые действия на следующий день. Но из Лотарингии поступили плохие новости.

Рупрехт начал свое контрнаступление мощнейшим ударом, 2-я армия Кастельно, из состава которой Жоффр взял один корпус для бельгийского фронта, отступала, Дюбай доносил, что немцы упорно атакуют. В Эльзасе генерал По, действовавший против ограниченных немецких сил, взял обратно Мюлуз и весь прилегающий район, но теперь, с уходом Ланрезака на Самбру, войска По были нужны, чтобы занять его место для наступления в центре, даже Эльзас — величайшая жертва, был положен на алтарь «плана-17».

Хотя и ожидалось, что Эльзас, как и железорудные шахты в Брийё, будет возвращен после победы, огорчение генерала почувствовалось в каждой строке его воззвания к народу, который он только что освободил.

> «На севере начинается великая битва, которая решит судьбу Франции, а с ней и Эльзаса. Именно туда посылает главнокомандующий все силы нации, чтобы предпринять решительное наступление. С большой грустью мы должны оставить Эльзас. Жестокая необходимость [270] эльзасскую армию и ее командующего подчиниться тому, что вызвано крайней необходимостью».

После всего этого у французов оставался небольшой клочок территории вокруг Танна. Эльзасу пришлось еще долгие годы ждать окончательного избавления.

На Самбре, где Ланрезак должен был на следующий день предпринять наступление, «двадцатое было волнующим днем для войск, — по словам лейтенанта Спирса. — Напряжение ощущалось даже в воздухе. Все чувствовали, что великая битва близка. Моральный дух 5-й армии был необычайно высок. Все были уверены в успехе». Но командующий генерал д'Амад, командир группы, состоявшей из трех территориальных дивизий, которые Жоффр в последнюю минуту все-таки послал на позиции левее англичан, был обеспокоен.

В ответ на его запрос в главный штаб генерал Бертло ответил:

«Сведения о германских войсках в Бельгии сильно преувеличены. Причин для беспокойства нет. Диспозиции, занятые по моему приказу, в настоящее время считаются достаточными».

В три часа дня генерал де Лангль де Кари, командующий 4-й армией, доложил о движении противника через его фронт и спрашивал Жоффра, не следует ли предпринять наступление немедленно. В главном штабе господствовало твердое убеждение в том, что чем больше немцы перемещаются вправо, тем слабее их центр.

«Я понимаю ваше нетерпение, — ответил Жоффр, — но, по моему мнению, время для наступления еще не пришло... Чем более район (Арденн) будет ослаблен к моменту наступления, тем лучше будут результаты продвижения 4-й армии, поддерживаемой 3-й. Поэтому крайне важно дать противнику возможность пройти мимо нас в северо-западном направлении без преждевременного нападения на него».

В девять часов вечера он решил, что время пришло, и отдал приказ начать наступление немедленно. Это был великий час.

Ночью двадцатого августа Жоффр сообщал Мессими:

«Есть основания ожидать успешного развития операции».

Разгром: Лотарингия, Арденны, Шарлеруа, Монс

Генри Вильсон писал в своем дневнике двадцать первого августа: «Страшно подумать и в то же время радостно, что еще до конца этой недели произойдет битва, о которой еще не слышал мир». В тот момент, когда он писал эти слова, великая битва уже началась. С двадцатого по двадцать четвертое августа весь западный фронт гремел сражением, вернее — четырьмя сражениями, известными в истории под общим названием Приграничного. Начавшись справа, в Лотарингии, где бои шли уже с четырнадцатого августа, они прокатились вдоль всей границы. Исход в Лотарингии повлиял на сражение в Арденнах, оно сказалось на битве у Самбры и Мааса (известных как битва при Шарлеруа), а Шарлеруа отразилось на Монсе.

К утру двадцатого августа 1-я армия генерала Дюбая и 2-я армия генерала де Кастельно встретились в Лотарингии с подготовленной обороной германских войск у Саребура и Моранжа и были наказаны за легкомыслие. Наступление быстро захлебнулось, натолкнувшись на тяжелую артиллерию, колючую проволоку и пулеметные гнезда.

Рассматривая тактику наступления, французский полевой устав предусматривал, что за двадцатисекундный [272] бросок в атаку пехота успеет покрыть пятьдесят метров, пока противник изготовится к стрельбе, прицелится и выстрелит. Вся эта «гимнастика, которой мы столько занимались на маневрах», как потом горько сетовал один французский солдат, оказалась никчемной на поле боя. Чтобы открыть пулеметный огонь, немцам нужно было всего восемь секунд, а не двадцать.

Полевой устав также рассчитывал, что шрапнельные снаряды, выпущенные из 75-миллиметровых орудий, «нейтрализуют» оборону, заставив противника «пригнуться и стрелять не глядя». Но вместо этого, как предупреждал Ян Гамильтон, исходя из опыта русско-японской войны, обороняющийся, находящийся в траншеях с бруствером, не боится шрапнели и ведет огонь по атакующим через амбразуры.

Несмотря на все препятствия, оба французских генерала отдали приказ о наступлении двадцатого августа. Без поддержки артиллерийского огня их войска бросились на германские укрепленные позиции. Контратака Рупрехта, которую ему все-таки разрешил Генеральный штаб, началась в то же утро с убийственной артиллерийской подготовки, оставляя во французских боевых порядках зияющие пустоты. XX корпус Фоша армии Кастельно был на главном направлении наступления, которое приостановилось перед укреплением Моранжа.

Баварцы, чей боевой дух так не хотелось сдерживать Рупрехту, контратаковали и вклинились во французскую территорию. В ответ на возглас «Франтиреры!» немедленно начинались грабеж, расстрелы и пожары.

В старинном городке Номени, находящемся в долине Мозеля между Мецем и Нанси, двадцатого августа были расстреляны или заколоты штыками пятьдесят жителей, а оставшиеся целыми после артиллерийской подготовки дома были сожжены по приказу полковника фон Ханнапеля, командира 8-го баварского полка.

Ведя тяжелые бои по всему фронту, армия Кастельно подверглась на левом фланге упорной атаке германского отряда из гарнизона Меца. Видя, что левый фланг отходит и все резервы уже пущены в ход, Кастельно понял, что надежды на наступление рухнули, и вышел из боя. Оставалась только оборона.

Но вряд ли он сознавал, что долгом французской армии было не наступление, а оборона французской земли, как предполагал один из критиков «плана-17». Кастельно приказал общее [274] отступление на линию обороны у Гран-Куроннё потому, что у него не оставалось другого выхода. На его правом фланге 1-я армия Дюбая еще удерживала свои позиции и, несмотря на большие потери, даже продвинулась вперед. Когда из-за отступления Кастельно ее правый фланг оказался открытым, Жоффр приказал 1-й армии также отступить, чтобы быть на одной линии с соседом. Нежелание Дюбая сдавать территорию, завоеванную в результате семидневных боев, было очень велико, и его давняя антипатия к Кастельно отнюдь не уменьшилась в результате отхода, которого «положение моей армии совсем не требовало».

Хотя французы еще не понимали этого, бойня у Моранжа задула яркое пламя наступательной доктрины. Ей пришел конец в Лотарингии, где к концу дня остались только ряды трупов, лежавших в странных позах там, где неожиданная смерть застигла солдат. Это был один из тех уроков, как заметил позднее кто-то из уцелевших, «при помощи которых Бог учит порядку королей». Сила обороны впервые проявила себя у Моранжа. Позднее она превратила войну мобильную в четырехлетнюю позиционную, поглотившую целое поколение европейского населения.

Фош, духовный отец «плана-17», человек, который учил, что «существует только один способ защиты — нападение, как только мы к нему будем готовы», видел и пережил все это. В течение четырех долгих лет бесконечного, безжалостного и бесполезного убийства воюющие стороны бились лбами о стену обороны. Фошу в конце концов удалось насладиться победой. Но потом, в следующей войне, преподанный урок оказался ложным.

Двадцать первого августа генерал де Кастельно узнал, что его сын был убит в бою. Своему штабу, который пытался выразить ему соболезнование, он после минутного молчания сказал слова, впоследствии ставшие чем-то вроде лозунга во Франции: «Будем продолжать, господа».

На следующий день грохот тяжелой артиллерии Рупрехта не умолкал. Четыре тысячи снарядов упали на Сент-Женевьев, вблизи Номени, в течение семидесятипятичасовой бомбардировки. Кастельно считал положение настолько серьезным, что подумывал об оставлении Гран-Куроннё и Нанси. «Я прибыл в Нанси 21-го, — писал потом Фош, — они хотели эвакуировать его. Я сказал, что враг находился от Нанси в пяти днях пути и что на его пути стоит XX корпус. Без сопротивления XX корпус не пропустит их!» Фош доказывал, что, имея за спиной укрепленную [275] позицию, лучшей защитой было нападение, и добился своего. Двадцать второго августа такая возможность представилась. Между французскими укрепленными районами Ту ля и Эпиналя был естественный просвет, называемый Труэ-де-Шарм, где французы намеревались остановить немецкое продвижение. Разведка показала, что Рупрехт, наступая на Шарм, подставил французам свой фланг.

Решение о маневре Рупрехта было принято в результате еще одного долгого телефонного разговора с главным штабом. Успех германских армий левого крыла, отбросивших французов от Саребура и Моранжа, имел два результата: Рупрехт получил Железный крест сразу двух степеней, первой и второй, и возродил надежду Генерального штаба на проведение решающего сражения в Лотарингии. Возможно, в конечном счете немцы могли осуществить фронтальную атаку. Возможно также, что Туль и Эпиналь окажутся такими же уязвимыми, как и Льеж, а Молель — не большим препятствием, чем Маас. Возможно, наконец, что двум армиям левого крыла удастся прорваться через французскую укрепленную линию и во взаимодействии с правым крылом осуществить

настоящие «Канны» — двойной охват. Но мнению полковника Таппена, эта перспектива очень манила Генеральный штаб. Подобно улыбке ветреной соблазнительницы, она победила многолетнюю верность правому крылу.

В то время как эта идея обсуждалась Мольтке и его советниками, позвонил генерал Крафт фон Дельмензинген, начальник штаба Рупрехта. Он хотел знать, продолжать ли наступление или остановиться. Первоначально предполагалось, что, как только армии Рупрехта остановят французское наступление и стабилизируют свой фронт, они организуют оборону и выделят все возможные силы для усиления правого крыла. Предусматривалась и другая альтернатива, известная как «вариант 3», по которой намечалось наступление через Мозель, но только по прямому распоряжению Генерального штаба.

«Мы должны точно знать, как будет продолжаться операция, — требовал Крафт. — Я полагаю, что «вариант 3" действует».

«Нет, нет, — отвечал полковник Таппен, начальник оперативного отдела. — Мольтке еще не решил. Если Вы подождете V телефона минут пять, я, может быть, передам Вам желаемый приказ. — Менее чем через пять минут он ответил: — Действовать в направлении Эпиналя». [276]

Крафт был поражен.

«В течение этих пяти минут я почувствовал, что было принято решение, чреватое самыми непредвиденными за всю войну последствиями».

«Действовать в направлении Эпиналя» означало наступление через Труэ-де-Шарм — фронтальную атаку на французские укрепленные линии, вместо того чтобы сберечь 6-ю и 7-ю армии в качестве подкрепления для правого фланга. Рупрехт атаковал согласно приказу двадцать третьего августа. Фош отбил атаку и контратаковал. В последующие дни 6-я и 7-я германские армии завязали тяжелые бои с 1-й и 2-й французскими армиями, которые поддерживала артиллерия Бельфора, Эпиналя и Туля. Но сражение происходило не только между ними.

Провал наступления в Лотарингии не обескуражил Жоффра. В контрнаступлении Рупрехта, в котором активно участвовало и германское левое крыло, он увидел удобный момент для начала своего наступления против германского центра.

Уже зная об отступлении Кастельно от Моранжа, Жоффр ночью двадцатого августа дал сигнал к наступлению в Арденнах, центральному и главному маневру «плана-17». В то же самое время, когда 3-я и 4-я армии вступили в Арденны, он приказал 5-й армии начать наступление через Самбру против «северной группы» противника, как называл главный штаб правое крыло германской армии. Он отдал этот приказ, даже получив известие от полковника Адельберта и Джона Френча о том, что бельгийцы и англичане не окажут ожидаемой поддержки. Бельгийская армия, за исключением одной дивизии у Намюра, вышла из соприкосновения с противником, а английская армия, как сообщил ее командующий, не будет готова еще в течение трех или четырех дней.

Помимо этих изменений, сражение в Лотарингии продемонстрировало серьезные ошибки в принципах ведения боя. Они были признаны еще шестнадцатого августа, когда Жоффр разослал всем командующим инструкции относительно необходимости «ожидать

артиллерийской подготовки» и избегать «необдуманного попадания под огонь противника».

Тем не менее Франция придерживалась «плана-17» как единственного средства для достижения решающей победы, а он требовал наступления теперь или никогда. Единственной альтернативой было бы сразу переключиться на защиту границ, но это по самому духу для французского военного организма было невозможно. [277]

Более того, Генеральный штаб был убежден, что у французских армий будет численное превосходство в центре. Французы не могли отделаться от теории, доминировавшей над всем планированием, что немцы в центре будут ослаблены. Исходя из этой уверенности, Жоффр и отдал приказ о всеобщем наступлении в Арденнах и на Самбре двадцать первого августа.

Местность в Арденнах не годилась для наступления. Она была покрыта лесом, холмами и медленно поднималась вверх с французской стороны. Между холмами было много оврагов, прорезанных многочисленными ручьями. Цезарь, которому потребовалось десять дней, чтобы пройти через Арденны, назвал их леса «местом, полным ужасов», с грязными дорогами и постоянными туманами. И хотя с тех пор многое изменилось — появились дороги, деревни и два или три города, а густые леса, удобные для засад, оставались.

Французские штабные офицеры неоднократно изучали эту местность до 1914 года и знали ее. Несмотря на их предупреждения, Арденны все же были выбраны местом для прорыва:

предполагалось, что здесь, в центре, сила немцев будет наименьшей, французы убедили себя в удобстве использования этой местности для боя, исходя из теории, что ее труднодоступность, как заявил Жоффр, «делает ее благоприятной для стороны, которая, как наша, слабее в тяжелой артиллерии, но сильнее в полевой». Мемуары Жоффра, несмотря на повторяющееся «я», были составлены и написаны группой военных авторов и представляют тщательную и фактически официальную точку зрения Генерального штаба, господствовавшую до и в течение 1914 года.

Двадцатого августа французский штаб, сочтя, что движение немцев через фронт является маршем к Маасу, решил, что Арденны сравнительно «свободны» от противника. Поскольку Жоффр намеревался сделать свое наступление неожиданным, он запретил производить поиск разведчиков, опасаясь, что те войдут в соприкосновение с противником до главной схватки, Французы своего добились, но их тоже ждала неожиданность.

Нижний угол Арденн вклинивается во Францию в верхней части Лотарингии, в железорудном районе Брийё, оккупированном прусской армией в 1870 году. Тогда железная руда там еще не была обнаружена, и район не входил в ту часть Лотарингии, которая была аннексирована Германией. Центром района был Лонгви, стоявший на берегу Шьера, и честь взять [278] его была предоставлена кронпринцу, командующему германской 5-й армией.

Тридцатидвухлетний королевский отпрыск был узкогрудым, сутулым созданием с лицом лисы и совсем не походил на своих пятерых крепышей братьев, которых императрица с годичными промежутками дарила мужу. Кронпринц производил впечатление физической хрупкости и, по словам одного американского наблюдателя, «весьма заурядных умственных способностей», в отличие от своего отца. Позер, любитель внешних эффектов, он страдал от антагонизма к своей родне, обычного у старших сыновей всех

королей, и выражал его также обычным способом — политическим соперничеством и мотовством. Он выставлял себя поборником наиболее агрессивного милитаристского курса, и в берлинских магазинах продавалась его фотография с надписью: «Только полагаясь на меч, мы можем добиться места под солнцем. Места, принадлежащего нам по праву, но добровольно нам не уступаемого».

Задача 5-й армии кронпринца вместе с 4-й армией герцога Вюртембергского заключалась в том, что они должны были играть роль оси правого крыла, медленно двигаясь вперед в центре, в то время как оно совершало свой охватывающий маневр, 4-я армия должна была наступать через северные Арденны на Нёфшато, а 5-я — через южные Арденны на Виртон и два французских города-крепости — Лонгви и Монмеди. Штаб кронпринца был в Тьоивиле, называемом немцами Диденхофен. Окруженный «мрачно настроенным» населением, завидуя славе тех, кто взял Льеж, и продвижению правого крыла, кронпринц и его штаб лихорадочно жаждали действий. Наконец девятнадцатого августа поступил приказ о выступлении.

Против армии принца располагалась французская 3-я армия под командованием генерала Рюффе. Единственный проповедник тяжелой артиллерии, он был известен под прозвищем «поэт пушек» за красноречивое их воспевание. Он не только ставил под сомнение всемогущество 75-миллиметровок, но даже осмелился предложить и использовать в качестве наступательного оружия самолеты и ратовал за создание военно-воздушного флота в составе 3000 самолетов.

Идея его не понравилась. «Ну, это для спорта!» — воскликнул генерал Фош в 1910 году, считая, что в военном отношении пригодность авиации «равна нулю». Но на проходивших на следующий год маневрах генерал Галлиени при помощи авиаразведки [279] захватил полковника Главного военного совета со всем его штабом. К 1914 году Франция уже имела аэропланы в армии, а генерала Рюффе все еще считали человеком «слишком пылкого воображения». К тому же он обычно никогда не слушал штабных офицеров, указывавших, что ему делать, и нажил врагов в главном штабе еще до того, как вошел в Арденны. Штаб его находился в Вердене, а задача, поставленная перед армией, заключалась в том, чтобы отбросить противника на линию Мец — Тьонвиль и блокировать его там, возвратив в ходе наступления район Брийё. Пока он теснил бы немцев справа, от германского центра, 4-я армия генерала Лангля де Кари, должна была наступать слева. Обе французские армии прорвались бы через центр и оторвали бы германское правое крыло у самого плеча.

Генерал де Лангль, ветеран 1870 года, был оставлен в должности, несмотря на то что достиг предельного возраста — шестидесяти четырех лет — за месяц до начала войны. По виду это был энергичный, быстрый человек, похожий этим на Фоша, готовый, как и тот, если судить по фотографиям, немедленно взяться за дело.

Он действительно стремился к наступлению, был готов к нему и отказывался верить тревожным известиям. Его кавалерия в бою под Нёфшато встретила серьезное сопротивление и была вынуждена отступить. Разведка, произведенная офицером штаба на автомобиле, дала новый повод для беспокойства. Этот офицер беседовал в Арлоне с чиновником правительства Люксембурга, который встревоженно сообщил о сосредоточении германских войск в ближайшем лесу. На обратном пути автомобиль разведки был обстрелян, но в штабе 4-й армии это донесение сочли пессимистическим. Всех переполнял дух геройства, а не рассудочность. Наступил момент действий без колебаний. Только после сражения генерал де Лангль вспомнил, что не одобрял приказа Жоффра наступать, не проведя предварительной разведки.

Впоследствии он писал:

«Генеральный штаб хотел неожиданности, но с ней столкнулись мы сами».

Генерал Рюффе был более обеспокоен, чем его сосед. Он серьезнее отнесся к сообщениям бельгийских крестьян о концентрации германских войск в лесах. Когда он доложил главному штабу свою оценку сил противника, стоящих перед ним, гам на нее не обратили никакого внимания и, как он утверждал, даже не прочли его донесения. [280]

Утром двадцать первого августа на Арденны опустился густой туман. В течение девятнадцатого и двадцатого 4-я и 5-я германские армии продвигались вперед, окапываясь. Ожидалось французское наступление, хотя и не было известно где и когда. В густом тумане французские конные патрули, высланные в разведку, «ехали словно слепые». «Армии противников, двигавшиеся через леса и холмы и видевшие только на несколько шагов вперед, наткнулись друг на друга, не понимая, кто же перед ними». Как только первые подразделения вошли в соприкосновение и командиры поняли, что начинается бой, немцы немедленно окопались. Французские же офицеры, избегавшие во время обучения войск тренировать солдат в окапывании, опасаясь, что они будут грязными, и имевшие в подразделениях всего по нескольку кирок и лопат, повели солдат в штыковую атаку. Их смели пулеметы. В некоторых местах французские 75-миллиметровки нанесли урон и немцам, которые также были застигнуты врасплох.

В первый день бои носили характер предварительных стычек, но двадцать второго нижние Арденны были охвачены настоящей битвой. В боях под Виртоном и Тинтиньи, Россиньолем и Нёфшато пушки изрыгали огонь, люди бросались друг на друга, падали раненые, росло число убитых. У Россиньоля алжирцы 3-й французской колониальной дивизии были окружены VI корпусом армии кронпринца и сражались в течение шести часов, пока от них не осталась маленькая горстка. Командир их дивизии генерал Раффанель и командир бригады генерал Рондони были убиты. В августе 1914 года среди генералов были такие же потери, как и среди солдат.

Под Виртоном французский VI корпус под командой генерала Саррэля ударил во фланг германскому корпусу, открыв огонь из 75-миллиметровых орудий.

> «Потом поле боя представляло невероятную картину, — сообщал один французский офицер с ужасом. — Тысячи мертвых продолжали стоять, поддерживаемые сзади рядами тел, лежащих друг на друге по нисходящей кривой от горизонтали до угла в 60 градусов».

Французские офицеры из Сен-Сира шли в бой с белыми плюмажами на кепи и в белых перчатках, умереть в которых считалось шиком.

Кронпринц не хотел отставать от Рупрехта, о победах которого у Саребура и Моранжа стало известно. Он призвал солдат сравняться со своими товарищами «в славе и самопожертвовании». [282]

Кронпринц перевел свой штаб в Эш в Люксембург и следил за боем по огромным картам, приколотым к стене. Всякая задержка была пыткой, телефонная связь с Кобленцем — ужасной; Генеральный штаб находился «слишком далеко»; битва была страшной, потери — огромными. Лонгви еще не взят, сообщил он, но «мы думаем, что приостановим вражеское наступление»; докладывают, что французские войска в беспорядке отступают.

Так и было. Перед самым боем взбешенный генерал Рюффе обнаружил, что три резервные дивизии общей численностью в 50 000 человек больше не являлись частью его армии. Жоффр забрал их из-за угрозы наступления Рупрехта, чтобы создать специальную «армию Лотарингии», составленную из трех этих дивизий и других четырех, взятых еще где-то.

«Армия Лотарингии» начала приобретать форму под командой генерала Монури двадцать первого августа между Верденом и Нанси, чтобы поддержать армию Кастельно и прикрыть правый фланг наступления через Арденны. Этот предпринятый в последний момент маневр, явившийся примером спасительной гибкости французской армии, сейчас дал отрицательный результат. Он уменьшил силы Рюффе, заставил бездействовать семь дивизий, когда они были так нужны.

Рюффе впоследствии утверждал, что, имей он эти 50000 человек, которым он уже отдал приказ, битва при Виртоне была бы выиграна. Гнев его не имел границ, ему было не до вежливости. Во время боя к нему прибыл офицер Генерального штаба.

Рюффе взорвался:

«Вы там, в Генеральном штабе, никогда не читаете донесений, которые мы вам посылаем. Вы знаете о враге не больше, чем устрицы... Скажите главнокомандующему, что его операции спланированы хуже, чем в 1870 году, — он ничего не видит, во всем полная некомпетентность».

Подобные слова на Олимпе успехом не пользуются, тем более что Жоффр и его второстепенные божества намеревались свалить все неудачи на некомпетентность командиров, солдат и на Рюффе в том числе.

В тот же самый день, двадцать второго августа, генерал де Лангль переживал самый волнующий момент. Он ждал сообщений с фронта. Привязав себя «с болью» к штабу в Стенне на Маасе, в тридцати километрах от Седана, он получал донесения одно хуже другого. [283]

К концу дня стало известно об ужасных потерях, понесенных колониальным корпусом. Еще один корпус из-за неправильных действий его командира, как полагал де Лангль, отступал, ставя в тяжелое положение соседей.

«Серьезная обстановка у Тинтиньи; все силы брошены, но нет ощутимых результатов», — доносил он Жоффру, добавляя, что тяжелые потери и дезорганизация сделали невозможным выполнение приказов на 23 августа.

Жоффр же просто не верил всему этому. С откровенным самодовольством он сообщал Мессими даже после получения донесения де Лангля, что армии были нацелены туда, «где противник наиболее уязвим и где мы имеем численное превосходство». Генеральный штаб сделал свою работу. Теперь была очередь за войсками и их командирами, «которые должны были воспользоваться этим преимуществом». Это же он повторил и де Ланглю, присовокупив, что перед его армией всего три корпуса противника и он должен возобновить наступление.

На деле же французские армии в Арденнах не имели никаких преимуществ, даже наоборот. Армия кронпринца включала, помимо трех корпусов, обнаруженных французами, два резервных корпуса с теми же номерами, что и действующие, так же было

и в 8-й армии герцога Вюртенбергского. Вместе они насчитывали гораздо больше солдат и орудий, чем французские 3-я и 4-я армии.

Сражение продолжалось и в течение двадцать третьего августа, но к концу дня уже стало понятно, что французская стрела сломалась, не пронзив цели. В конечном счете противник оказался не таким уж уязвимым в Арденнах. Несмотря на огромную силу правого фланга, центр отнюдь не был слабым. Французы не смогли «разрезать противника пополам».

Обе французские армии в Арденнах отступали, 3-я к Вердену, а 4-я к Стене и Седану. Железорудный район Брийё не был возвращен и еще четыре года поставлял немцам вооружение, без которого германская армия не могла бы сражаться.

Однако вечером двадцать третьего августа Жоффр еще не осознавал всех размеров поражения в Арденнах. Наступление «временно приостановилось, — телеграфировал он Мессими, — но я предприму все усилия, чтобы возобновить его».

Армия кронпринца в тот день обошла Лонгви, оставив крепость осадным войскам, и в соответствии с приказом намеревалась сбить французскую 3-ю армию с позиций под Верденом. Принц, которого только месяц назад отец предупредил, чтобы [284] он подчинялся начальнику штаба во всем и «поступал так, как он тебе скажет», был «глубоко тронут» в день триумфа, когда получил телеграмму от «папы Вильгельма» с извещением о награждении. Как и Рупрехт, он удостоился Железного креста 1-й и 2-й степени. Телеграмма была пущена по рукам, чтобы все члены штаба могли прочитать ее. Вскоре сам принц, одетый в «белоснежный мундир», как позднее написал один из его почитателей, будет расхаживать между двумя шеренгами солдат, раздавая Железные кресты из корзинки, которую держал адъютант. В тот день, сообщал представитель союзного австрийского командования, избежать получения Железного креста 2-й степени можно было, только совершив самоубийство. Сегодня «герой Лонгви», как его вскоре стали называть, завоевал славу, равную славе Рупрехта, и если среди ликования тень Шлиффена ворчала по поводу «обычных фронтальных успехов» без применения обходов и общего уничтожения или презрительно ссылалась на «погоню за медалями», никто ее не слышал.

Тем временем на Самбре 5-я армия Ланрезака получила приказ наступать через реку, «опираясь на крепость Намюр», пройти левым флангом у Шарлеруа и сломить «северную группу» врага. Один корпус 5-й армии должен был удерживать угол между сливающимися реками, чтобы прикрыть линию Мааса от немецкого наступления с востока. Хотя Жоффр не имел полномочий командовать англичанами, его приказ требовал от Френча «взаимодействовать в этой операции», наступая в «общем направлении на Суаньй», то есть через канал Монса. Канал являлся продолжением Самбры, по нему через Шельду суда шли в Ла-Манш. Он входил в состав водного пути, создаваемого Самброй от Намюра до Шарлеруа, и далее доходя до Шельды, как раз поперек направления движения германского правого крыла.

В соответствии с графиком армия фон Клюка должна была достичь водного рубежа к двадцать третьему августа, тогда как армии Бюлова следовало, по пути атаковав Намюр, выйти на рубеж раньше и форсировать его к этому времени.

По графику англичан, составленному в соответствии с приказами Джона френча, британские экспедиционные силы также должны были выйти к каналу двадцать третьего.

Ни одна из армий еще не знала об этом совпадении. Передовые отряды английских колонн по расписанию выходили на линию канала раньше — двадцать второго. [285]

Двадцать первого, в тот день, когда Ланрезаку было приказано пересечь Самбру, английские войска, которые, как планировалось, «будут взаимодействовать», отставали от французов на день пути. Но обеим армиям из-за опоздания англичан и плохой связи, явившейся результатом антипатии между командующими, пришлось вести два различных сражения, у Шарлеруа и у Монса, хотя их штабы находились всего в пятидесяти километрах друг от друга.

Наступательная доктрина уже была мертва в сердце Ланрезака. Он не мог видеть полной картины, такой ясной теперь — движения трех германских армий к его фронту, но чувствовал их присутствие. 3-я армия Хаузена шла на него с востока, 2-я армия Бюлова — с севера, и 1-я армия Клюка наступала на английскую армию слева от него. Ланрезак не знал их названий или номеров, но чувствовал, что они были близко. Он догадывался или сделал вывод из донесений разведки, что на него шла сила больше той, с которой он мог справиться. Его оценка расходилась с оценкой генштаба.

Ланрезаку и Генеральному штабу одни и те же сообщения о германской силе к западу от Мааса представлялись по-разному. Генеральный штаб видел слабый германский центр в Арденнах, а Ланрезак — громадный вал, прямо на пути которого была 5-я армия. Генеральный штаб оценивал количество германских войск к западу от Мааса в 17 или 18 дивизий. Против них, как он считал, 13 дивизий Ланрезака, резервная группа из двух дивизий, 5 английских дивизий и одна бельгийская у Намюра, всего 21 дивизия, что, по мнению штаба, давало значительное численное преимущество.

По плану Жоффра эти силы должны были удерживать немцев за Самброй, пока французские 3-я и 4-я армии не прорвут германский центр в Арденнах, а затем все вместе они должны были наступать на север и выбросить немцев из Бельгии.

Штаб англичан, которым фактически руководил Вильсон, согласился с оценкой французского Генерального штаба. В своем дневнике двадцатого августа Вильсон записал те же цифры — 17 или 18 германских дивизий к западу от Мааса — и с радостью сделал вывод: «Чем больше, тем лучше, так как это ослабит их центр». А в Англии, далеко от фронта, лорда Китченера мучили беспокойство и плохие предчувствия. Девятнадцатого августа он телеграфировал Джону Френчу, что движение немцев к северу и западу от Мааса, о котором он его [286] предупреждал, «развивается вполне определенно». Он просил держать его в курсе всех событий и на следующий день опять повторил эту просьбу.

На самом же деле в этот момент силы немцев были равны 30 дивизиям: 7 полевых и 5 резервных корпусов, 5 кавалерийских дивизий и другие части. Армия фон Хаузена, еще не пересекшая Маас к этому времени, входила в состав правого крыла, она имела еще 4 корпуса, или 8 дивизий. Во время «Приграничного сражения» германское численное превосходство было полтора к одному, теперь же силы правого крыла превосходили силы союзников вдвое.

Вся эта мощь нацеливалась на армию Ланрезака, и он знал это. Он считал после той памятной встречи с их командующим, что англичане не были готовы и на них нельзя положиться. Он знал, что бельгийская оборона под Намюром разваливалась. Один из новых корпусов, приданных ему после недавнего обмена частями, должен был удерживать его левый фланг к западу от Шарлеруа, но двадцать первого августа он еще не

вышел на свои позиции. Если бы Ланрезак начал наступление через Самбру, как ему предписывалось, то, по его мнению, немцы обошли бы его слева, и тогда перед ними открывался свободный путь на Париж. Итак, тот принцип, которому он учил в Сен-Сире и в Высшей школе, принцип французской армии «атаковать врага, где бы его ни встретили», был уничтожен.

Ланрезак колебался. Он писал Жоффру, что, если он предпримет наступление к северу от Самбры, «5-й армии придется вести сражение в одиночку», так как англичане еще не будут готовы действовать совместно. Если же они должны наступать одновременно, то 5-й армии придется ждать до двадцать третьего, а то и до двадцать четвертого. Жоффр ответил:

«Я оставляю право определять сроки наступления за Вами».

Противник, однако, не был столь сговорчив.

Отряды армии Бюлова, главные силы которой уже атаковали Намюр, двадцать первого августа форсировали Самбру в двух местах между Намюром и Шарлеруа. Ланрезак отдал приказ: пока наступление откладывается из-за «ожидания соседних армий», войска должны препятствовать всем попыткам немцев форсировать реку.

Из-за того что французы не умели строить оборону, чему их даже не учили, X корпус, удерживавший этот сектор, не окопался, не поставил проволочных заграждений и вообще никак [287] не организовал оборону южного берега, а намеревался просто броситься в контратаку даже без артиллерийской подготовки. После острого столкновения французы были отброшены назад, и к ночи противник занял деревню Талин и еще одну деревню на южном берегу реки.

Сквозь трескотню винтовочных выстрелов и грохот разрывающихся снарядов послышался более глубокий звук, как будто где-то далеко начали колотить в огромный барабан: германские осадные орудия начали бомбардировку фортов Намюра.

Привезенные из-под Льежа 420-миллиметровые и 305-миллиметровые орудия установили на цементных площадках, и они начали засыпать снарядами вторую бельгийскую крепость. Снаряды летели «с долгим воющим звуком», — писала англичанка, возглавлявшая английский добровольческий санитарный корпус в Намюре. Казалось, что они падали точно туда, где находились свидетели.

Город стал неузнаваем за два дня ужасных разрушений, страдая от смерти, сыпавшейся с неба. Повторилось то же самое, что было в Льеже: горькие газы от разрывов снарядов, бетон, осыпавшийся как штукатурка, сходящие с ума люди в подземных казематах фортов. Отрезанные от остальной бельгийской армии, войска гарнизона и 4-я дивизия чувствовали себя покинутыми.

Дюрю, тот самый офицер связи Ланрезака в Намюре, вернулся в штаб 5-й армии убежденным, что, если защитники крепости не получат французскую помощь, форты не продержатся и дня.

«Они должны увидеть французские войска, идущие с развернутым знаменем и с оркестром. Оркестр должен быть обязательно», — настаивал он.

Три французских батальона — целый полк, 3000 человек — были посланы в Намюр той же ночью и присоединились к осажденным на следующее утро. Теперь их было 37 000, а с германской стороны с двадцать первого по двадцать четвертое августа участвовало в осаде от 107 000 до 153 000 человек при 400 — 500 артиллерийских орудиях.

Вечером двадцать первого августа Френч сообщал Китченеру, что, по его мнению, до двадцать четвертого не произойдет ничего серьезного.

«Я полагаю, что хорошо знаю ситуацию, и считаю ее благоприятной для нас», — писал он.

Однако он не знал ее так хорошо, как ему казалось. На следующий день, когда английские войска шагали по дороге на Монс «в общем направлении на Суаньи», кавалерийская разведка сообщила о германском корпусе, также двигавшемся по дороге [288] Монс —

Брюссель на Суаньи. Похоже, что противник решил не дожидаться назначенного Френчем срока — двадцать четвертое августа.

Еще более тревожные сведения были доставлены английским летчиком, который обнаружил на западе другой германский корпус, имевший целью обойти англичан слева. Над англичанами нависла ясная угроза, очевидная пока лишь только их разведке. Обход, о котором столько говорил Китченер, перестал быть теорией, а превратился в движущиеся колонны живых людей.

Офицеры штаба, находившиеся под влиянием Генри Вильсона, не придали этому значения. Принявшие при его посредстве французскую стратегию, они не более французского Генерального штаба были склонны беспокоиться из-за германского правого крыла.

«Сведения, которые вы получили и передали для главнокомандующего, являются несколько преувеличенными», — заявили они разведчикам и оставили расположение без изменений.

Англичане чувствовали, что идут по местам былых триумфов. В пятнадцати километрах к югу от Монса они прошли через Мальплакё на границе между Францией и Бельгией и видели стоящий у дороги монумент в честь победы герцога Мальборо над Людовиком XIV, воспетой во французской народной песне. Впереди, между Монсом и Брюсселем, лежало Ватерлоо. Возвращение на это победное поле почти в день сотой годовщины знаменитой битвы вселяло в англичан уверенность.

В то время как головные части их колонн приближались двадцать второго к Монсу, кавалерийский патруль в составе полуэскадрона, разведывавший дорогу к северу от канала, заметил четырех всадников. Их форма была незнакомой. В следующий момент, увидев англичан, все четверо остановились. Наступила минутная пауза, и те и другие поняли, что перед ними враги. Германские уланы повернули и бросились назад к своему эскадрону, англичане начали преследование и настигли их на улицах Суаньи. В короткой схватке уланы «запутались в своих длинных пиках и вынуждены были бросить их», англичане убили троих или четверых и вернулись победителями. Капитан Хорнби, командир эскадрона, был награжден орденом как «первый английский офицер, убивший немца кавалерийской саблей нового образца». Война началась по всем правилам и обещала самые ободряющие результаты. [289]

После первого столкновения с врагом на дороге в Суаньи, как и ожидалось, штаб не увидел причин изменять оценку сил противника или его положения. Силы немцев, противостоящие англичанам, Вильсон оценил, возможно, в два корпуса и одну кавалерийскую дивизию, которые были слабее или, по крайней мере, равны двум корпусам и кавалерийской дивизии английских экспедиционных сил. Настойчивость Вильсона, его хорошее настроение, признанное знание местности и французов были более убедительными, чем доклады офицеров разведки. Особенно если учитывать традицию оперативного отдела принижать их оценки, ибо разведка всегда предполагает худшее.

Смерть сэра Джеймса Грирсона, который среди англичан был самым лучшим знатоком германской военной теории и практики, лишила теории Вильсона, повторявшего идеи французского Генерального штаба, оппонента, что и придало им больше убедительности. Сражение следующего дня ожидалось с уверенностью, разделяемой офицерами штаба и командирами корпусов, что вряд ли можно было сказать о сэре Джоне Френче.

Его настроение все еще было мрачным, а колебания почти такими же, как у Ланрезака. Двадцать первого августа в штаб приехал генерал Смит-Дорриен, только что прибывший но Францию, чтобы заменить Грирсона. Ему было приказано «дать бой на линии канала Кондё». Когда же он спросил, означало это наступление или оборону, то услышал: «Подчиняйтесь приказам».

Главное, что волновало Френча, — это отсутствие информации о планах Ланрезака относительно сражения на его правом фланге и опасения разрыва, открывавшегося между ними. Двадцать второго Френч в автомобиле отправился к своему неприятному соседу, чтобы посовещаться с ним. Но по пути узнал, что Ланрезак выехал вперед, в штаб корпуса в Метте, где в это время корпус вел активный бой. Он вернулся обратно, так и не встретившись с французом. По прибытии в штаб он узнал приятную новость: 4-я дивизия, оставленная с самого начала в Англии, прибыла во Францию и уже была на марше, чтобы соединиться с основными силами. Сгущающаяся тень неизвестного германского наступления через Бельгию и отход бельгийской армии к Антверпену заставили Китченера послать эту дивизию.

Генерал фон Клюк более, чем англичане, был удивлен кавалерийской стычкой на дороге в Суаньи. До этого момента — [290] настолько эффективными были французские и английские меры предосторожности — он не знал, что перед ним были англичане. О том, что высадка состоялась, он прочел в бельгийской газете, опубликовавшей официальное коммюнике, извещавшее Китченера о благополучном прибытии британских экспедиционных сил «на землю Франции». Это объявление, сделанное двадцатого августа, было единственным, из которого сама Англия, весь мир и противник узнали о высадке войск. Клюк все еще думал, что они высадились в Остенде, Дюнкерке и Кале. Ему хотелось так думать, поскольку его намерением было «атаковать и рассеять» англичан вместе с бельгийцами до встречи с французами.

Теперь ему приходилось беспокоиться о возможном выступлении бельгийцев из Антверпена у него в тылу и вероятном нападении на его фланг англичан, тайно развертывавшихся, как он думал, где-то справа от него в Бельгии. Он все время пытался продвинуть свою армию на запад, чтобы найти англичан. Но Бюлов постоянно заставлял его удерживать ровный фронт. Клюк протестовал. Бюлов настаивал.

«Иначе, — говорил он, — 1-я армия уйдет слишком далеко вперед и не сможет поддержать 2-ю армию».

Обнаружив англичан прямо перед собой, Клюк снова попытался двинуться на запад, чтобы отыскать фланг противника. Когда Бюлов вновь помешал ему, Клюк обратился с яростным протестом в Генеральный штаб.

Представление Генерального штаба о местонахождении британских войск было еще более туманным, чем мнение союзников о положении германского правого крыла. «Мы полагаем, что никакой серьезной высадки не имело места», — ответил штаб и отклонил предложение Клюка.

Лишенный возможности обойти противника и обреченный на фронтальную атаку, Клюк в гневе рванулся к Монсу. Двадцать третьего августа он приказал пересечь канал, занять территорию к югу от него и оттеснить противника назад к Мобежу, отрезав его отступление с запада.

В тот день Бюлову досталось столько же хлопот с Хаузеном, находившимся слева, что и с Клюком справа. Если Клюк рвался вперед, то Хаузен любил отставать.

Имея на другом берегу Самбры передовые части своей армии, действовавшие против X корпуса Ланрезака, Бюлов рассчитывал провести совместное большое наступление силами своей и армии Хаузена и уничтожить противника. Но к двадцать втором [291] Хаузен еще не был готов. Бюлов сердито жаловался на «недостаточное взаимодействие» со стороны своего соседа. Хаузен же не менее сердито жаловался на постоянные требования Бюлова о помощи.

Решив больше не ждать, Бюлов бросил три корпуса в отчаянную атаку вдоль линии Самбры.

В течение этого и последующего дней армии Бюлова и Ланрезака сцепились в схватке, известной под названием «битвы у Шарлеруа». Армия Хаузена вступила в действие в конце первого дня. Это были те самые два дня, когда французские 3-я и 4-я армии пытались противостоять катастрофе, ведя бой в тумане в лесистых Арденнах.

Ланрезак находился в Метте, стремясь руководить боем, но его деятельность состояла в основном в беспокойном ожидании донесений от командиров дивизий и корпусов. Они, в свою очередь, едва могли определить положение своих частей, либо попавших под сильный огонь, либо ведущих уличный бой, либо выходящих из боя измотанными, с тяжелыми потерями.

Живое донесение достигло Метте раньше письменного. На площадь, которую беспокойно мерил шагами Ланрезак, не усидевший со своим штабом в доме, въехал автомобиль с раненым офицером. В нем узнали генерала Боэ, командира одной из дивизий X корпуса.

Бледный, с глазами, полными трагедии, он прошептал с трудом Эли д'Уасселю:

«Скажите ему... скажите генералу... мы держались... как только могли».

III корпус, находившийся перед Шарлеруа, слева от X корпуса, сообщал об «ужасных потерях». В течение дня немцы овладели городом, расположенным по обеим сторонам реки, и теперь французы отчаянно пытались выбить их. Когда немцы пошли в атаку плотными рядами — таков был их обычай, пока французы не отучили их, — они стали хорошей мишенью для семидесятипяток. Но орудия, которые могли производить до 15 выстрелов в минуту, не имели достаточно снарядов, и поэтому скорость стрельбы не

превышала 2,25 выстрела. В Шарлеруа гурки из двух алжирских дивизий, записавшиеся в их состав добровольно, сражались так же отважно, как и их отцы при Осдане. Один батальон атаковал германскую батарею, заколол штыками расчеты и возвратился, имея всего лишь двух человек ранеными из 1030.

Французы были либо деморализованы, либо взбешены огнем артиллерии противника, до которой не могли добраться. [292] Они испытывали беспомощную ярость перед немецкими аэропланами, выполнявшими роль артиллерийских наблюдателей, чей полет над французскими позициями обязательно сопровождался новым дождем снарядов.

К вечеру Ланрезаку пришлось доложить: X корпус «вынужден отойти», понеся «тяжелые потери»; III корпус «ведет тяжелый бой»; «большие потери» в офицерах; XVIII корпус на левом фланге цел, но кавалерийский корпус генерала Сордё, находящийся на самом краю левого фланга, «сильно измотан» и также отошел, оставляя промежуток между 5-й армией и англичанами. Оказалось, что промежуток этот был равен пятнадцати километрам, что было вполне достаточно для прохода вражеского корпуса. Положение Ланрезака было настолько острым, что заставило его обратиться письменно к Френчу с просьбой, чтобы тот атаковал правый фланг фон Бюлова и тем самым ослабил нажим противника на французов. Сэр Джон ответил, что не сможет выполнить этой просьбы, но обещал удерживать канал Монс в течение двадцати четырех часов.

В течение ночи, положение Ланрезака еще более усложнилось, Хаузен привел на Маас четыре свежих корпуса и триста сорок пушек. Ночью он атаковал и получил плацдарм за рекой, который контратаковал I корпус д'Эспри, чьей задачей было удерживать Маас вдоль правого фланга Ланрезака. Это был единственный в 5-й армии корпус, укрепивший свои позиции траншеями.

Намерение Хаузена в соответствии с приказом главного штаба заключалось в наступлении на юго-запад в направлении Живё, где он собирался выйти в тыл армии Ланрезака, чтобы зажать ее между своими войсками и армией Бюлова и уничтожить. Однако Бюлов, части которого в этом секторе понесли такие же большие потери, как и французы, хотел провести массированное и окончательное наступление. Он приказал Хаузену атаковать прямо на запад в направлении Метте, где находились главные силы 5-й армии, вместо юго-западного направления, по которому эта армия отступала. Хаузен подчинился, но это было ошибкой. Весь день двадцать третьего августа он потратил на фронтальную атаку твердо удерживаемых позиций корпуса д'Эспри, оставив свободной ту лазейку, через которую ускользнула возможность осуществить уничтожение 5-й армии.

Весь жаркий день двадцать третьего августа летнее небо было запятнано грязно-черными клубами разрывов снарядов. Французы [293] немедленно окрестили их «мармитами», так называется чугунный суповой горшок, являющийся неотъемлемой частью любой французской кухни. «Мармиты падали дождем», — вот все, что запомнил за целый день один усталый французский солдат.

В некоторых местах французы еще атаковали, пытаясь отбросить немцев за Самбру, в других — удерживали позиции, в третьих — в беспорядке отступали.

Дороги были забиты длинными колоннами бельгийских беженцев, покрытых пылью, нагруженных детьми и узлами. Они толкали тележки, тупо, устало и бесконечно двигаясь без всякой цели, лишь бы только уйти подальше от этого ужасного пушечного рева на севере.

Колонны беженцев проходили через Филипвиль, в двадцати милях от Шарлеруа, где в тот день был штаб Ланрезака. Стоя на площади, широко расставив ноги в красных штанах, сцепив за спиной руки, Ланрезак молча следил за ними. На фоне черного мундира его смуглое лицо казалось почти бледным, когда-то полные щеки впали. «Крайнее беспокойство терзало» его. Враг давил со всех сторон. От Генерального штаба не поступало никаких указаний, лишь был прислан запрос о мнении относительно сложившейся ситуации. Ланрезак просто физически ощущал разрыв в фронте, оставленный в результате отступления кавалерии Сордё.

В полдень пришло известие, предвиденное, но все же невероятное: 4-я бельгийская дивизия эвакуирует Намюр. Город на слиянии Самбры и Мааса, форты на холмах за ним — все это скоро окажется в руках Бюлова. От генерала де Лангля де Кари, командующего 4-й армией, которому Ланрезак этим утром направил письмо с просьбой усилить сектор, где смыкались их армии, ответа все еще не было.

Штаб Ланрезака уговаривал своего командира разрешить контратаку корпусу д'Эспри, тот обнаружил блестящую возможность: преследуя отступавший X корпус, немцы подставили ему свой фланг. Другие настаивали на контратаке на краю левого фланга силами XVIII корпуса, чтобы облегчить положение англичан, выдерживавших весь тот день у Монса натиск всей армии фон Клюка. К неудовольствию сторонников наступления, Ланрезак отказался. Он продолжал молчать, не отдавая никаких распоряжений, ждал. В споре, который потом его критики и сторонники вели несколько лет по поводу битвы у Шарлеруа, [294] каждый гадал, что же происходило в душе генерала Ланрезака в тот день. Одним он казался как бы завороженным, парализованным, другим — человеком, трезво взвешивающим шансы в неясной и опасной ситуации. Оставшись без руководства главного штаба, он должен был принять собственное решение.

Вечером произошло решающее событие дня. Войска армии Хаузена расширили плацдарм на Маасе у Онё к югу от Динана. Д'Эспри немедленно направил туда бригаду под командой генерала Манжина, чтобы ликвидировать опасность, угрожавшую 5-й армии с тыла. В то же самое время пришло известие от генерала де Лангля.

Хуже быть не могло; 4-я армия не только не имела успеха в Арденнах, как гласило полученное ранее сообщение из главного штаба, но ей пришлось отступить, оставив неприкрытым участок Мааса между Седаном и правым флангом Ланрезака. Присутствие саксонцев Хаузена в Онё теперь уже выглядело серьезнее.

Ланрезак полагал, что эти силы были авангардом армии, а отступление де Лангля даст ему свободу действий, поэтому его надо было отбросить немедленно назад, иначе он усилится. Он еще не знал, что позднее бригада генерала Манжина в блестящей рукопашной выбьет саксонцев из Онё.

В довершение ко всему поступило известие, что III корпус, находившийся перед Шарлеруа, был атакован, выбит с позиций и теперь откатывался назад. Офицер Дюрю прибыл с сообщением, что немцы захватили северные форты Намюра и вошли в город. Ланрезак вернулся в штаб и «получил подтверждение, что 4-я армия, отступавшая с самого утра, оставляет правый фланг 5-й армии совершенно неприкрытым».

Опасность, возникшая на правом фланге, казалась Ланрезаку «особенно острой».

Чтобы спасти Францию от второго Седана, необходимо было спасти 5-ю армию от уничтожения. Теперь ему было ясно, что французские армии отступали по всему фронту

от Вогез до Самбры. Пока армии существовали, поражение не было неизбежным, как при Седане, борьба еще могла продолжаться. Но если 5-я армия будет уничтожена, весь фронт развалится и последует полное поражение. Контрнаступление, каким бы быстрым и решительным оно ни было, не могло спасти положения в целом.

Наконец Ланрезак заговорил. Он отдал приказ об общем отступлении. Он знал, что его сочтут паникером, которого следует [295] отстранить от командования, что, кстати, и случилось потом. Он вспоминал, что сказал одному из своих офицеров:

«Нас побили, но это зло еще можно исправить. Пока живет 5-я армия, Франция не потеряна». Эта фраза напоминает строку из мемуаров, но, возможно, он и произнес ее. В трагические моменты звучат выспренние слова, особенно на французском языке.

Ланрезак принял свое решение, не проконсультировавшись с главнокомандующим, и знал, что тот не одобрит его.

«Противник угрожает моему правому флангу на Маасе, — доносил он. — Онё занят, Живё — под угрозой, Намюр сдан».

Из-за сложившегося положения и «задержки 4-й армии» он приказал 5-й армии отступить. С этим донесением умерли последние надежды Франции победить давнего врага в короткой войне. Последнее французское наступление провалилось.

Жоффр действительно был недоволен, но сказал об этом не и ту ночь. В туманную воскресную ночь двадцать третьего августа, когда рушился весь французский план, когда никто не знал, что же происходит в различных секторах, когда призрак Седана стоял не только перед Ланрезаком, но и перед другими, Генеральный штаб ничего не сказал по поводу отступления 5-й армии. Это случилось позднее, когда ему нужен был «козел отпущения» для оправдания провала «плана-17». В тот час, когда Ланрезак принял свое решение, никто в главном штабе не сказал, что ему только «казалось», будто противник угрожал его правому флангу, как утверждали это после войны.

С самого раннего утра англичане, находившиеся на левом крае, вели дуэль с армией фон Клюка через двадцатиметровый канал Монс. Августовское солнце, проглянувшее через туман и дождь, обещало жаркий день. Звонили церковные колокола, как и каждое воскресенье, жители деревень шли к утренней мессе в своих воскресных костюмах.

Канал, окруженный железнодорожными ветками и промышленными дворами, был грязным от копоти, распространял запах сбрасываемых химических отходов. Среди небольших огородов, лужков и садов везде торчали похожие на остроконечные шапки серые пики терриконов, придавая пейзажу фантастический, необычный вид. Война казалась здесь незаметной.

Англичане заняли позиции по обеим сторонам Монса, II корпус под командованием генерала Смит-Дорриена растянулся на [296] двадцатипятикилометровом фронте вдоль канала между Монсом и Кондё и на выступе к востоку от Монса, где канал делает петлю шириной приблизительно в три километра и глубиной в два с небольшим.

Находящийся справа от II корпуса, I корпус генерала Хейга держал фронт по диагонали между Монсом и левым крылом армии Ланрезака. Кавалерийская дивизия генерала Алленби, который впоследствии взял Иерусалим, находилась в резерве. Напротив Хейга проходил стык между армиями Клюка и Бюлова. Клюк все время придерживался

западного направления, и поэтому корпус Хейга не подвергся нападению двадцать третьего августа в сражении, которое потом вошло в историю под названием «битвы на Монсе».

Штаб Джона Френча находился в Ле-Като, в пятидесяти километрах южнее Монса. Свои пять дивизий Френч разместил на фронте в сорок километров, тогда как тринадцать дивизий Ланрезака занимали восемьдесят километров. Обеспокоенный донесением своей воздушной и кавалерийской разведки, неуверенный в соседе, недовольный изломанной линией фронта, которая давала противнику разнообразные возможности, Френч так же не хотел начинать наступление, как и Ланрезак.

В ночь перед сражением он собрал старших штабных офицеров обоих корпусов и кавалерийской дивизии в Ле-Като и сообщил им, что «из-за отступления французской 5-й армии» английское наступление не состоится. За исключением X корпуса, не соприкасавшегося с англичанами, 5-я армия еще не отступала, но Френчу нужно было свалить на кого-нибудь вину.

Те же самые «товарищеские» чувства заставили генерала Ланрезака днем раньше свалить вину за свое неудавшееся наступление на англичан, которые не появились на своей позиции. Поскольку тогда Ланрезак приказал своему корпусу удерживать линию вдоль Самбры вместо наступления через нее, Френч отдал приказ удерживать канал. Несмотря на Генри Вильсона, все еще мечтавшего о великом наступлении на север, чтобы выбросить немцев из Бельгии, командиры узнали о возможности совсем другого маневра. Генерал Смит-Дорриен приказал в два тридцать утра приготовить мосты через канал к взрыву. Это было разумной предосторожностью, не учитывавшейся французами и явившейся причиной ужасных французских потерь в августе 1914 года. За пять минут до начала боя Смит-Дорриен отдал еще один приказ, предписывавший командирам [297] уничтожить мосты по своему усмотрению «в том случае, если отступление будет необходимо».

В шесть часов утра, когда Джон Френч отдал свои, или своего штаба, последние указания командирам корпусов, оценка сил противника, с которым им предстояло столкнуться, была все той же: один, по крайней мере два корпуса и кавалерия. На самом же деле в этот момент фон Клюк имел четыре корпуса и три кавалерийские дивизии, то есть 160 000 человек при 600 орудиях стояли против английских экспедиционных сил, насчитывавших 70 000 человек и 300 .орудий. Один из резервных корпусов Клюка находился на подходе на расстоянии одного дня пути, а второй закрывал Антверпен.

В девять часов утра германские пушки открыли огонь по английским позициям. Первая атака была направлена на выступ, образуемый изгибом канала. Главной целью атаки был мост у Ними в крайней северной точке выступа. Наступая плотным строем, немцы явились «наиболее удобной мишенью» для английских стрелков, хорошо окопавшихся и открывших такой частый и меткий огонь, что немцы приняли его за пулеметный. После того как несколько волн атакующих были отбиты, немцы подтянули подкрепления и опять начали атаку все в тех же плотных боевых порядках. Получившие приказ «упорно сопротивляться», англичане продолжали вести огонь, несмотря на многочисленных раненых.

С десяти тридцати бой перекинулся на прямой отрезок канала, расположенный к западу, где немцы начали вводить в сражение батареи сначала III, а затем и IV корпуса.

К трем часам дня после непрерывного шестичасового боя англичане больше не могли противостоять на выступе нажиму противника. Взорвав мост в Ними, они отступили на подготовленную вторую линию обороны в трех или пяти километрах от первой. Сдача выступа поставила в затруднительное положение войска, удерживавшие прямой участок канала, и они тоже начали отходить примерно в пять часов вечера. В Жеманне, где изгиб переходит в прямую часть канала, и у Мариетта, и трех километрах к западу, положение неожиданно осложнилось, когда было обнаружено, что мосты взорвать нельзя из-за отсутствия запалов.

Бросок немцев через канал в самый разгар отхода мог превратить планомерное отступление в бегство и даже иметь результатом прорыв. Капитан корпуса королевских инженеров [298]

Райт бросился под мост у Мариетта и, цепляясь руками за фермы, попытался вставить запалы. В Жеманне такую же попытку предприняли капрал и рядовой, работая под непрерывным огнем в течение полутора часов. Они сумели взорвать мост, и оба получили по ордену, но капитану Райту, уже раненному, предпринявшему вторую попытку, этого сделать не удалось. Он тоже получил крест Виктории, а три недели спустя был убит на Эне.

В течение всего вечера части выходили из боя под непрерывным обстрелом. Один полк прикрывал отход другого до тех пор, пока все не достигли второй линии обороны. Немцы, понесшие в течение дня не меньшие потери, не предпринимали серьезных попыток форсирования по уцелевшим мостам и не преследовали отступавших. Наоборот, в сумерках англичане слышали сигналы трубы «Прекратить огонь!», потом традиционное вечернее пение, и над каналом воцарилась тишина.

К счастью для англичан, Клюк не воспользовался своим более чем двойным преимуществом. Из-за приказов Бюлова, задерживавших его, Клюку не удалось обнаружить фланг противника и обойти его, поэтому он атаковал англичан в лоб своими двумя корпусами, III и IV, и понес тяжелые потери, являющиеся результатом фронтальной атаки. Один германский капитан из III корпуса обнаружил, что является единственным оставшимся в роте офицером и единственным командиром роты во всем батальоне. «Вы — моя единственная опора, — причитал майор. — Батальон разбит, мой гордый, замечательный батальон», полк «расстрелян», осталась «горстка».

Командир полка, который, как и большинство, мог судить о ходе боя только по тому, что происходило с его частью, провел беспокойную ночь.

«Если бы англичане имели хоть малейшее представление о нашем состоянии и надумали контратаковать, они бы просто задавили нас», — сказал он наутро.

Ни один из фланговых корпусов фон Клюка, II на правом фланге и IX на левом, не участвовал в бою. Как и вся 1-я армия, они прошли двести сорок километров за одиннадцать дней и растянулись по дорогам на несколько часов марша к тылу от обоих центральных корпусов. Если бы все атаковали двадцать третьего августа одновременно, результат мог быть совсем иной.

Днем фон Клюк, поняв свою ошибку, приказал корпусам в центре удерживать англичан до тех пор, пока не подтянутся отставшие, чтобы осуществить обход и завершить его общим [299] уничтожением противника. Но до того, как это случилось, англичанам пришлось решительно изменить планы.

Генри Вильсон все еще мысленно наступал со средневековым блеском по «плану-17», не зная, что в изменившейся ситуации этот план уже был не нужен. Подобно Жоффру, настаивавшему на наступлении даже спустя шесть часов после получения донесения де Лангля о катастрофе в Арденнах, Вильсон уже после оставления позиций у канала и на следующий день стремился к наступлению. Он сделал «тщательные подсчеты» и пришел к выводу, что «перед нами только один корпус и одна кавалерийская дивизия, в крайнем случае два корпуса». Он «убедил» Френча и Мэррея, что это было так, «в результате чего мне поручили составить приказ на наступление на следующий день». В восемь часов вечера, когда он только что закончил эту работу, поступившая от Жоффра телеграмма свела ее на нет. В ней Жоффр сообщал, что на основании собранных данных силы противника, находящегося перед англичанами, составляли три корпуса и две кавалерийские дивизии. Это было гораздо убедительнее, чем расчеты Вильсона, и сразу же положило конец всяким мыслям о наступлении. Но это было еще не все.

В одиннадцать часов вечера прибыл лейтенант Спирс после спешной поездки в штаб 5-й армии и сообщил горькую весть — генерал Ланрезак выходит из боя и отводит армию на позиции, находящиеся в тылу англичан. Реакция Спирса на решение, принятое без консультации с англичанами и не доведенное до их сведения, была подобна поведению полковника Адельберта, когда тот узнал о намерении короля Альберта отойти к Антверпену.

Отступление Ланрезака, в результате которого английские экспедиционные войска как бы повисали в воздухе, ставило их в крайне опасное положение. На поспешном совещании было решено отвести войска немедленно, как только будут составлены приказы на отступление и доставлены войскам. Задержка с доставкой приказа Смит-Дорриену, выбравшему странное место для своего штаба, стоила потом многих жизней.

Штаб корпуса расположился в скромном частном загородном доме, называвшемся весьма напыщенно Шато-де-ля-Рош у Сар-ля-Брюйера, он был на хуторе без телеграфа или телефона, на малозаметной проселочной дороге, найти которую было трудно и днем, не говоря уже о середине ночи. Даже Мальборо и Веллингтон не пренебрегали более удобным, хотя и не очень [300] аристократическим помещением для штаба, но всегда на главной дороге, один в аббатстве, а другой в таверне. Приказ Смит-Дорриену должен был быть доставлен на автомобиле и достиг его только в три часа утра, в то время как корпус Хейга, не участвовавший в бою, получил свой приказ по телеграфу часом раньше и был готов к отступлению до рассвета.

К этому времени подтянулись два германских фланговых корпуса, атака немцев была возобновлена, и отступление II корпуса, находившегося накануне весь день под огнем, проводилось снова в тех же условиях. В суматохе один из батальонов так и не получил своего приказа и сражался до тех пор, пока не был окружен, а его солдаты убиты, ранены или взяты в плен. Удалось уйти только двум офицерам с двумястами солдатами.

Так закончился первый день боя для англичан, не сражавшихся с европейским противником с Крымской войны и не ступавших на европейскую землю со времен битвы при Ватерлоо. Разочарование было горьким: для I корпуса потому, что он спешил в пыли и по жаре на позиции, а теперь шел обратно, практически не сделав и выстрела, а для II, гордого своей стойкостью перед прославленным противником и не знавшего ничего о его превосходящей силе, об отходе 5-й армии, из-за непонятного приказа на отступление.

И для Вильсона это было «жестоким» разочарованием. Он обвинял во всем Китченера и кабинет, пославших четыре дивизии вместо шести. Если бы были посланы все шесть,

заявил он с той великолепной неспособностью признавать ошибки, которая потом сделала его фельдмаршалом, то «это отступление было бы наступлением, а поражение — победой».

Самоуверенность и легкомыслие Вильсона начали таять, а Джон Френч впал в уныние. Пребывание во Франции всего лишь немногим более недели с невероятным напряжением, беспокойством и ответственностью, к которым добавилось несправедливое отношение Ланрезака, а также крушение планов в первый же день сражения расстроили его и разочаровали. На следующий день он закончил свой доклад Китченеру предложением: «Я полагаю, что следует обратить серьезное внимание на защиту Гавра». Гавр находился в устье Сены, почти в ста пятидесяти километрах к югу от первоначального места высадки в Булони. Френч уже начал подумывать о возвращении.

Так закончилось сражение за Монс. В качестве первого участия Англии в том, что впоследствии стало Великой битвой. [301]

Ей ретроспективно были приданы все качества исключительности и в британском пантеоне было отведено место, равное битвам при Гастингсе и Ажинкуре. Создавались легенды, подобно легенде об ангелах Монса. Все живые были храбрецами, а все мертвые — героями. Составлялись хроники каждого полка вплоть до последнего часа и последней пули, пока битва за Монс не засверкала через туман такой доблести и славы, что уже казалась победой. Нет сомнения, что под Монсом англичане храбро сражались, лучше, чем некоторые французские части, но не лучше и многих других, не лучше бельгийцев у Эелена, или «турков» у Шарлеруа, или не лучше бригады генерала Манжина у Онё.

Сражение, до того как началось отступление, продолжалось девять часов, в нем участвовало две дивизии, или 35 000 английских солдат, было потеряно 1600 человек, продвижение армии фон Клюка было задержано на один день. Во время «Приграничного сражения», частью которого являлась битва за Монс, семьдесят французских дивизий, или около 1 250 000 человек, участвовали в боях в различных местах и в разное время в течение четырех дней. Французские потери за эти четыре дня достигли 140000 человек, то есть вдвое превосходили [302] численность всех британских экспедиционных сил во Франции в то время.

После Шарлеруа и Монса Бельгия лежала покрытая обломками от разрушенных домов и изуродованная следами боев. Грязная солома, которую солдаты использовали для постелей, валялась на улицах вместе с рваной бумагой и окровавленными бинтами.

«И над всем этим — запах — писал Уилл Гервин, — о котором не упоминает ни одна книга о войне. Запах полумиллиона немывшихся людей... Он висел над каждым городом, через который прошли немцы».

С ним смешивался запах крови и лекарств, лошадиного навоза и мертвых тел. Предполагалось, что убитых будут хоронить свои же войска ночью, но часто трупов было слишком много, а времени слишком мало, поэтому его не оставалось для мертвых лошадей, чьи трупы валялись, раздутые и зловонные. Бельгийские крестьяне, пытавшиеся расчистить свои поля от мертвых, после того как прошли армии, были похожи на тех, с лопатами, изображенных на картинах Милле.

Среди трупов валялись и останки «плана-17», и яркие обрывки французского полевого устава: «...французская армия отныне не знает другого закона, кроме наступления... только наступление ведет к положительным результатам».

Жоффр, стоявший посреди обломков всех французских надежд, под бременем ответственности за катастрофу, за поругание границ Франции, за отступающие или еще сражающиеся армии, оставался непонятно спокойным. Немедленно свалив вину на исполнителей и отпустив грехи составителям планов, он сохранял полную и непоколебимую уверенность в себе и Франции и в том, что, поступая так, выполнил важное и единственное требование, так необходимое в грядущих днях всеобщего бедствия.

Утром двадцать четвертого августа, сказав, что «от фактов не уйдешь», он сообщил Мессими: армия «обречена на оборонительные действия» и должна держаться, опираясь на свои укрепленные позиции, стремясь измотать противника, и ждать удобного момента для возобновления наступления. Он немедленно взялся за устройство оборонительных рубежей и подготовку перегруппировки своей армии, чтобы создать массу, способную перейти в наступление с оборонительной линии, которую он намеревался создать на Сомме. Его ободрила телеграмма от Палеолога из Петербурга, и он надеялся, что немцы в любой [303] момент снимут войска с западного фронта, чтобы противостоять угрозе со стороны России. Даже накануне катастрофы он с нетерпением ждал начала движения русского «парового катка». Но вместо этого пришла немногословная телеграмма, сообщавшая, что в Восточной Пруссии улаживаются «серьезные стратегические проблемы», и обещавшая «дальнейшие наступательные операции».

Кроме переформирования самой неотложной задачей Жоффра было найти причину катастрофы. Без всяких колебаний он обнаружил ее «в серьезных недостатках у командующих». Некоторые действительно не выдержали огромной ответственности. Артиллерийскому генералу, начальнику артиллерии, пришлось принять на себя командование III корпусом под Шарлеруа после того, как командира корпуса не могли нигде найти во время самой критической фазы боя. В сражении в Арденнах командир дивизии V корпуса совершил самоубийство. Люди, как и планы, не выдерживали тех составных компонентов боя, которые отсутствовали на маневрах, — опасности, смерти и настоящих выстрелов.

Но Жоффр, допускавший, что планы могут быть слабыми, не прощал слабостей людям. Запросив список всех генералов, которые проявили слабость или некомпетентность, он безжалостной рукой вычеркивал их из списков.

Не признавая, как и Генри Вильсон, ошибок в теории или стратегии, он приписывал провал наступления, «несмотря на численное превосходство, которого, как я полагал, я добился для армий», «недостатку наступательного духа». Ему бы следовало сказать «избытку», а не «недостатку». У Моранжа в Лотарингии, Россиньоля в Арденнах, Тамина на Самбре — везде было не слишком мало, а слишком много наступательного рвения, которое и явилось причиной неудачи.

В «Замечаниях для всех армий», опубликованных на следующий день после поражения, Генеральный штаб заменил слона «недостаток наступательного духа» на «неправильное понимание» наступательного духа. В них говорилось, что полевой устав был «неправильно понят или плохо выполнялся». Пехота начинала атаки со слишком большой дистанции и без артиллерийской поддержки, неся, таким образом, большие потери от пулеметного огня, которых можно было избежать. Отныне при занятии местности «ее следовало немедленно подготовить. Должны быть выкопаны окопы». «Главная ошибка» состояла [304] в отсутствии координации между артиллерией и пехотой, которую «крайне необходимо» исправить, 75-миллиметровые пушки должны вести огонь с максимальной дистанции. «Наконец, нам следует перенять у противника применение аэропланов для

подготовки артиллерийского наступления». Несмотря на множество французских военных ошибок, было заметно желание извлечь пользу из их печального опыта, по крайней мере в области тактики, Генеральный штаб не был так скор в признании собственных стратегических ошибок. Даже двадцать четвертого августа, когда разведка сделала поразительное открытие, обнаружив, что немецкие резервные корпуса, следовавшие за полевыми, имели те же самые номера. Таким образом, это было первым доказательством использования резервов на передовой линии, объяснением, почему немцам удавалось быть одинаково сильными одновременно и на правом фланге, и в центре. Однако это не вызвало у Жоффра сомнений, не был ли «план-17» построен на ошибочной основе. Он продолжал считать его хорошим планом, не удавшимся из-за плохого исполнения. После войны ему пришлось давать показания в парламенте по поводу катастрофы, в результате которой Франция оказалась открытой для вторжения. Его попросили сообщить мнение относительно предвоенной теории Генерального штаба — чем сильнее германский правый фланг, тем лучше для Франции.

«Я и сейчас так считаю, — ответил Жоффр. — Доказательством этому является наше «Приграничное сражение», спланированное как раз таким образом, и если бы оно закончилось успешно, наш путь был бы открыт... Более того, оно было бы выиграно, если бы 4-я и 5-я армии лучше сражались, то германские наступающие войска были бы уничтожены».

Но в то августовское утро 1914 года, когда началось отступление, он не обвинял 4-ю, а тем более 5-ю армии и их командующих. И хотя англичане обвиняли генерала Ланрезака, неизвестный представитель английской армии недвусмысленно заявил, что решение Ланрезака отступить, вместо того чтобы контратаковать двадцать третьего августа, спасло от «еще одного Седана».

О настойчивом предложении Ланрезака перевести 5-ю армию к Шарлеруа, на запад от Мааса, тот же представитель сказал:

«Нет сомнения, что это изменение плана спасло британские экспедиционные силы и, возможно, французские армии от уничтожения». [305]

Двадцать четвертого августа было ясно только одно: французские армии отступают, и противник неутомимо продвигается вперед. Размеры поражения не были известны публике до двадцать пятого, когда немцы объявили о взятии Намюра и 5000 пленных. Это известие поразило недоверчивый мир. Лондонская «Таймс» писала перед этим, что Намюр выдержит шестимесячную осаду, а он пал через четыре дня. В Англии говорили с явным желанием преуменьшения, что «падение Намюра всеми признается как явная неудача... значительно сократившая шансы на быстрое окончание войны».

Насколько эти шансы сокращены и как далеко отодвинулось окончание войны, еще никто не знал. Никто не осознавал, что по количеству действующих войск и по уровню потерь, понесенных за сравнительно короткий период боевых действий, величайшая битва в войне уже совершилась. Никто еще не мог предвидеть ее последствий: полная оккупация Бельгии и Северной Франции предоставила в распоряжение Германии промышленные мощности обеих стран — мануфактуры Льежа, уголь Боринажа, железную руду Лотарингии, фабрики Лилля, реки, железные дороги, сельское хозяйство, и кроме того, эта оккупация, питавшая германские амбиции и укреплявшая решение Франции сражаться до последнего в вопросах восстановления и репарации, мешала попыткам последней пойти на компромиссный мир, или «мир без победы», затянув войну на долгие четыре года.

Все это стало ясно позднее. Двадцать четвертого августа немцы почувствовали огромный прилив самоуверенности. Впереди они видели только разбитые армии, гениальность Шлиффена была доказана, казалось, что решительная победа уже находится в руках Германии.

Во Франции президент Пуанкаре записал в своем дневнике:

«Мы должны согласиться на отступление и оккупацию. Так закончились иллюзии последних двух недель. Теперь будущее Франции зависит от ее способности сопротивляться».

Одной храбрости оказалось недостаточно.

Казаки!

Пятого августа французский посол в Петербурге Палеолог проезжал мимо казачьего полка, отправлявшегося на фронт. Его командир, увидев на автомобиле французский флажок, наклонился с седла, чтобы обнять посла, и попросил разрешения провести перед ним свой полк.

Посол торжественно приветствовал проезжавших мимо него казаков, а полковник громко воскликнул:

«Мы разгоним этих грязных пруссаков! Никакой Пруссии, никакой Германии! Вильгельма — на Святую Елену!»

Русские, чья ссора с Австро-Венгрией явилась поводом к войне, были благодарны Франции за союзническую поддержку и стремились так же преданно поддержать французский план. «Наша основная цель, — вынужден был объявить царь с большей смелостью, чем испытывал на самом деле, — уничтожение германской армии». Он заверил французов, что считает действия против Австрии «второстепенными», и приказал великому князю «во что бы то ни стало открыть путь на Берлин и как можно скорее».

Великий князь в самые последние дни кризиса был назначен главнокомандующим, несмотря на отчаянное соперничество Сухомлинова, который сам очень хотел занять этот пост. Даже русское [307] правительство в последние дни Романовых не сошло еще с ума, чтобы доверить прогермански настроенному Сухомлинову вести войну против Германии. Однако он продолжал оставаться военным министром.

С самого начала войны французы были не уверены в том, что Россия действительно выполнит свои обещания, они торопили своего союзника.

«Я умоляю Ваше величество, — просил Палеолог во время аудиенции пятого августа, — приказать Вашим армиям начать немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной».

Не довольствуясь только визитом к царю, Палеолог посетил великого князя, который заверил посла, что намеревается начать решительное наступление четырнадцатого августа, то есть, в соответствии с обещанием, на пятнадцатый день мобилизации, не ожидая полной концентрации войск. Известный своими энергичными, даже порой непечатными выражениями, великий князь тут же составил средневековое изысканное послание к Жоффру. «Твердо уверенный в победе», он выступит против врага, имея рядом со своим штандартом флаг Французской республики, подаренный ему Жоффром во время маневров в 1912 году.

Разрыв, который существовал между данными французам обещаниями и готовностью к действиям, был слишком очевиден. Возможно, это стало причиной слез великого князя, которые, как говорят, он пролил, когда был назначен верховным главнокомандующим. По его словам, он «был совершенно не готов к этой роли и, получив царский приказ, плакал навзрыд, потому что не знал, как приступить к своим обязанностям». Являвшийся, по мнению одного ведущего русского военного историка, «чрезвычайно подготовленным» к выполнению возложенной на него задачи, великий князь, вероятно, плакал не столько о

себе, сколько о России и мире. Предчувствие, охватившее некоторых лиц в 1914 году, заставляло их трепетать за судьбы человечества.

В то время слезы проливали даже самые храбрые и решительные. Мессими, открывая заседание кабинета министров пятого августа речью, полной отваги и уверенности, остановился посередине ее, закрыл лицо руками и зарыдал. Уинстон Черчилль, желая удачи и победы британскому экспедиционному корпусу, когда провожал Генри Вильсона, «рыдал так, что не мог закончить фразы». В Петербурге могли переживать те же самые эмоции. [308]

На коллег великого князя нельзя было надежно опереться. Начальником штаба верховного главнокомандующего в 1914 году был генерал Янушкевич, молодой человек сорока четырех лет, с черными усами и вьющимися волосами, известный в основном тем, что не носил бороды. Военный министр отзывался о нем как о «все еще ребенке».

Больше придворный, чем солдат, он не участвовал в русско-японской войне. Служил в том же гвардейском полку, что и Николай II, — причина не хуже другой для быстрого продвижения по службе. Он окончил академию Генерального штаба, был ее начальником, служил в военном министерстве. Когда началась война, он находился на должности начальника Генерального штаба всего лишь три месяца. Как и германский кронпринц, он был полностью под влиянием своего заместителя, сухого и молчаливого генерала Данилова, усидчивого работника и строгого службиста, который был мозгом штаба.

Предшественник Янушкевича, генерал Жилинский, предпочел уйти с поста начальника Генерального штаба и уговорил Сухомлинова, чтобы тот назначил его командующим Варшавским военным округом. Теперь он, находясь в подчинении великого князя, командовал всем Северо-западным фронтом, развернутым против Германии.

Во время русско-японской войны он был ни плохим, ни хорошим начальником штаба у главнокомандующего генерала Куропаткина, где многие погубили свои репутации, сумев остаться в высших сферах, не имея, однако, ни личной популярности, ни военного таланта.

Россия не сделала никаких приготовлений, чтобы выполнить сжатый до предела срок начала наступления, обещанного французам. Пришлось прибегать к импровизации в самый последний момент. Было приказано подготовить план «ускоренной мобилизации», опускавший некоторые промежуточные стадии, чтобы выиграть несколько дней.

Поток телеграмм из Парижа, вручавшихся красноречивым Палеологом, поддерживал нажим. Шестого августа в приказе Генерального штаба говорилось, что важно подготовиться «к энергичному наступлению против Германии в возможно ближайшее время, чтобы облегчить положение французов, но, конечно, только тогда, когда будут накоплены достаточные силы». К десятому августа, однако, условие «достаточных сил» было снято.

В приказах от этого числа можно было прочитать:

«Естественно [309] необходимо и нам поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев. Поддержка эта должна выразиться в возможно скорейшем нашем наступлении против оставленных в Восточной Пруссии немецких сил».

Русским 1-й и 2-й армиям приказано было находиться «в готовности» начать наступление к четырнадцатому дню мобилизации (13 августа), хотя им и придется начать без завершения подготовки тыла, что произойдет к двадцатому дню мобилизации (19 августа).

Трудности организации были огромными. Как однажды признался сам великий князь, в такой огромной империи, как Россия, когда отдается приказ, никто не уверен в том, что он дошел по назначению. Недостаток телефонных проводов и телеграфного оборудования, а также обученных связистов делал надежную или быструю связь невозможной. Темпы подготовки замедлялись еще и недостатком автомобилей. В 1914 году армия имела четыреста восемнадцать грузовиков, двести пятьдесят девять легковых и два санитарных автомобиля. (Она имела, однако, триста двадцать самолетов.) В результате припасы доставлялись на станции погрузки на лошадях.

Хуже всего обстояло дело с поставками. После русско-японской войны в результате судебных процессов было обнаружено, что в этом деле господствовали коррупция и воровство. Даже московский губернатор генерал Рейнбот был обвинен во взяточничестве при организации военных поставок и заключен в тюрьму. Но у него оказалось достаточно связей для того, чтобы добиться помилования и получить назначение на другой пост. Собрав поставщиков на первое заседание, главнокомандующий, великий князь, начал со слов: «Только без воровства, господа».

В последний час пятнадцатого дня мобилизации, в одиннадцать часов вечера, в теплую летнюю погоду великий князь покинул столицу и отправился в свой полевой штаб в Барановичах, являвшихся железнодорожным узлом на Московско-Варшавской железной дороге и находившихся примерно посередине между германским и австрийским фронтами.

Великий князь, его штаб и провожающие собрались на платформе вокзала, ожидая царя, который должен был прибыть, чтобы попрощаться со своим верховным главнокомандующим. Однако ревность царицы одержала верх над вежливостью, и царь так и не появился. Раздались тихие слова прощания и молитвы, отъезжавшие молча сели в вагоны, и поезд тихо тронулся. [310]

На фронте все еще шел процесс формирования армий. Русская кавалерия проводила разведку германской территории с самого начала войны. Ее разъезды имели меньше успеха в проникновении за германские позиции, чем кричащие заголовки и невероятные истории о казачьей жестокости, появлявшиеся в германских газетах{54}. Четвертого августа во Франкфурте один германский офицер слышал, что в городе собираются разместить около тридцати тысяч беженцев из Восточной Пруссии. Требования спасти Пруссию от нашествия славянских орд начали поступать в германский Генеральный штаб, пытавшийся сконцентрировать все военные усилия против Франции.

На рассвете двенадцатого августа передовой отряд 1-й армии генерала Ренненкампфа, состоявший из кавалерийской дивизии генерала Гурко и поддерживаемый пехотной дивизией, начал вторжение в Восточную Пруссию и занял город Маргграбов, стоящий в пяти километрах от границы{55}. Стреляя на скаку, русские ворвались в город и обнаружили, что он покинут германскими войсками. Магазины были закрыты, но жители выглядывали из-за ставней. В сельской местности люди уходили [311] еще до прихода войск, как будто их кто-то предварительно извещал.

В первое же утро русские увидели столбы черного дыма, поднимавшиеся там, куда они двигались, а приблизившись, обнаружили, что горели не дома или скотные дворы, а кучи соломы, подожженные бежавшими жителями, чтобы показать направление движения врагов.

Везде были признаки педантичной немецкой подготовки. На вершинах холмов были построены деревянные наблюдательные вышки. Местным мальчишкам от двенадцати до четырнадцати лет были выданы велосипеды, чтобы они служили посыльными. Германские солдаты, оставленные в качестве разведчиков, были одеты в крестьянскую и даже женскую одежду. Многие были разоблачены. Но еще больше не поймано, как заметил генерал Гурко, — нельзя же было задирать юбки каждой женщине в Восточной Пруссии.

Получив донесения генерала Гурко об оставленных городах и бегущем населении и сделав вывод, что немцы не планировали серьезного сопротивления так далеко на восток от своей базы на Висле, генерал Ренненкампф решил продвинуться как можно западнее, не заботясь о снабжении.

Худощавый, с хорошей выправкой, прямым взглядом и выразительными, закрученными вверх усами, в шестьдесят один год он заслужил репутацию смелого, решительного и тактически искусного офицера во время боксерского восстания русско-японской войны, в которой командовал кавалерийской дивизией, и во время карательной экспедиции в Чите, где он безжалостно расправился с остатками революции 1905 года. Его военная карьера несколько пострадала из-за германского происхождения и каких-то неясных дел, которые, по словам генерала Гурко, «значительно подорвали его репутацию». Когда в последующие недели поведение Ренненкампфа заставило вспомнить все это, его коллеги тем не менее оставались убежденными в его верности России.

Не обращая внимания на предостережения командующего Северо-западным фронтом генерала Жилинского, настроенного пессимистично с самого начала, поспешно сформировав свои три армейских корпуса и пять с половиной кавалерийских дивизий, Ренненкампф семнадцатого августа начал наступление. Его 1-я армия, насчитывавшая около двухсот тысяч человек, пересекла границу на пятидесятипятикилометровом фронте, разделенном [312] Ромintенским лесом. Целью наступления был Инстербургский промежуток, находящийся в шестидесяти километрах от границы, или на расстоянии трехдневного марша. Он представлял собой пятидесятикилометровое открытое пространство, лежащее между укрепленным кенигсбергским районом с севера и Мазурскими озерами с юга.

Это была земля маленьких деревень и больших ферм с неогороженными полями и широкими перспективами, открывавшимися с небольших случайных холмов. Сюда должна была прийти 1-я армия и, войдя в соприкосновение с германскими главными силами, дожидаться 2-й армии Самсонова, который, обойдя озера с юга, должен был нанести решающий удар по германскому флангу и тылу. Обе русские армии должны были соединить фронты в районе Алленштейна.

Линия, на которую должен был выйти Самсонов, находилась на уровне Алленштейна, в семидесяти километрах от границы, то есть в трех с половиной или четырехдневном пути, если все будет хорошо. Однако между его исходными позициями и целью наступления было много препятствий, способных вызвать неожиданные затруднения, которые Клаузевиц называл «помехами» войны.

Из-за отсутствия проходящей с востока на запад железной дороги через русскую часть Польши к Восточной Пруссии армия Самсонова выходила к границе на два дня позже Ренненкампфа, находясь на марше неделю. Ее маршрут проходил по песчаным дорогам и глухомани с лесами и болотами, лишенной населения, если не считать нескольких мелких польских деревень. Находясь на вражеской территории, армия должна была страдать от недостатка продовольствия и фуража.

В отличие от Ренненкампфа генерал Самсонов не знал этого района и не был знаком с войсками и штабом, которыми ему предстояло командовать.

Восемнадцатилетним юношей он участвовал в турецкой кампании 1877 года, в сорок три года он уже был генералом, командовал кавалерийской дивизией в русско-японской войне, а с 1909 года являлся губернатором Туркестана. Когда началась война, ему было пятьдесят пять лет, и он находился в отпуске на лечении на Кавказе и поэтому не смог прибыть в Варшаву и в штаб 2-й армии до двенадцатого августа.

Связь между его армией и армией Ренненкампфа, а также со штабом Жилинского, который должен был координировать [313] действия их обоих, оставляла желать лучшего. Проведя всю кампанию на штабной игре в апреле, где участвовало большинство тех же генералов и офицеров, которые приняли участие в войне в августе, русский Генеральный штаб знал о предстоящих трудностях. Хотя игра, во время которой Сухомлинов выполнял роль верховного главнокомандующего, показала, что 1-я армия выступала преждевременно, с началом войны был принят тот же график. Учитывая, что Ренненкампф выступил на два дня раньше, а Самсонову на марш требовалось четыре дня, перед германскими войсками в течение шести дней должна была быть только одна русская армия.

Семнадцатого августа два кавалерийских корпуса Ренненкампфа, находившиеся на левом и правом флангах, получили приказ не только прикрыть продвижение армии, но и перерезать обе железнодорожные ветки, чтобы помешать эвакуации германского подвижного состава. Применяя умышленно колею другой ширины в качестве оборонительной меры против германского вторжения, русские не могли использовать свой железнодорожный транспорт и воспользоваться неоценимой сетью железных дорог в Восточной Пруссии, не захватив германские паровозы и вагоны. Русская армия, все больше углублявшаяся во вражескую территорию, почти сразу же обогнала свои еще не укомплектованные гужевые обозы. Из-за отсутствия проводов, необходимых для прокладывания своих собственных линий связи, русские зависели от германских линий и станций, а найдя их разрушенными, вынуждены были прибегать к радиосвязи, посылая сообщения открытым текстом из-за того, что в дивизионных штабах не было кодов и шифровальщиков.

Не хватало самолетов для проведения воздушной разведки и артиллерийского наблюдения, поскольку почти все они были отправлены на австрийский фронт. При виде самолета, незнакомого им до сих пор, русские солдаты открывали по нему огонь, убежденные в том, что подобное хитрое изобретение, как летающая машина, может быть только германским{56}.

Пехотинцы имели четырехгранные штыки, примкнутые к винтовкам: они удлиняли их, до человеческого роста, и в рукопашном бою это давало преимущество над немцами. Однако по [314] огневой мощности и эффективности из-за большого количества артиллерии две германские дивизии были равны трем русским. К недостаткам русского командования можно также отнести ненависть, которую питали друг к другу военный министр

Сухомлинов и верховный главнокомандующий, великий князь. Связь между фронтом и тылом была плохая, снабжение нечетким. Уже через месяц войны нехватка патронов и снарядов была настолько велика (при полном безразличии или бездействии военного министерства), что восьмого сентября великий князь был вынужден обратиться непосредственно к царю. На австрийском фронте, докладывал он, боевые действия приходится приостановить, пока не будет накоплен запас по сто снарядов на орудие.

«В настоящий момент мы имеем только двадцать пять снарядов на орудие. Я обращаюсь к Вашему Величеству с просьбой ускорить отправку снарядов».

Возглас «Казаки!», раздавшийся из Восточной Пруссии, повлиял на решение Германии оставить минимальные силы для обороны. Находившаяся там 8-я армия, состоявшая из четырех с половиной корпусов, кавалерийской дивизии, гарнизона Кенигсберга и нескольких территориальных бригад, по количеству солдат была приблизительно равна одной из русских армий. Приказ Мольтке гласил, что она должна защищать Восточную и Западную Пруссию, но не вступать в бой с превосходящими силами или отходить в укрепленный район Кенигсберга. Если она обнаружит, что столкнулась с превосходящими силами противника, то должна отойти к Висле, оставив Восточную Пруссию. Подобный приказ содержал «психологическую опасность для слабых волей» — таково было мнение полковника Макса Хоффмана, заместителя начальника оперативного отдела 8-й армии.

Хоффман слабым считал командующего армией генерал-лейтенанта фон Притвица унд Гаффрона. Придворный фаворит Притвиц сделал быструю карьеру потому, как свидетельствует один из его коллег, что «знал, как привлечь внимание кайзера за столом, рассказывая смешные истории и пикантные слухи». Шестидесятилетний, очень тучный, он был германским вариантом Фальстафа, «внушительный, полный сознания своего значения, безжалостный и самовлюбленный». Прозванный «толстяком», он не имел интеллектуальных или военных интересов и никогда не делал лишних движений, если мог избежать их. Мольтке, считавший его неподходящим для занимаемой должности, [315] в течение нескольких лет безуспешно пытался заменить его. Связи Притвица служили ему надежной защитой. Единственное, что мог сделать Мольтке, это назначить своего собственного заместителя, графа фон Вальдерзее, начальником штаба Притвица. В августе Вальдерзее, не оправившийся еще после операции, был, по мнению Хоффмана, «слабым конкурентом», а поскольку Притвиц вообще им не был, Хоффман считал, что действительная власть в 8-й армии находилась в руках самого подготовленного офицера, то есть его самого.

Беспокойство за Восточную Пруссию еще более возросло, когда пятнадцатого августа Япония встала на сторону союзников, что освободило большое количество русских войск. Германская дипломатия никогда не умела сохранять или приобретать друзей. У Японии были собственные соображения, касающиеся интересов в европейской войне, которые хорошо понимала ее будущая жертва.

«Япония намеревается воспользоваться этой войной, чтобы получить контроль над Китаем», — предсказывал президент Юань Шикай.

Как и оказалось, Япония по-своему воспользовалась войной и то время, как европейские державы были слишком заняты, чтобы помешать ей. Она навязала Китаю известное двадцать одно требование, нарушила его суверенитет и вторглась на его территорию, что впоследствии сказалось на истории двадцатого века. Для начала самым первым результатом присоединения Японии к союзникам было освобождение русских войск, стоявших против Японии на Дальнем Востоке. Предвидя увеличение «славянских орд»,

немцы стали еще больше нервничать по поводу оставления Восточной Пруссии, которую защищала только одна 8-я армия.

С самого начала генералу фон Притвицу пришлось трудно с командиром I корпуса генералом фон Франсуа — светлоглазым потомком гугенотов, который в пятьдесят восемь лет был чем-то вроде германского Фоша. Этот корпус был сформирован из уроженцев Восточной Пруссии, а его командир, решительно настроенный не допустить ни одного русского на прусскую землю, угрожал нарушить стратегию 8-й армии, слишком выдвигаясь вперед.

На основании расчетов Хоффмана 8-я армия полагала, что Ренненкампф начнет наступление первым, и намеревалась встретиться с ним в бою девятнадцатого или двадцатого августа в районе Гумбинена, приблизительно в сорока километрах от русской границы, до того как русские выйдут к Инстербургскому [316] промежутку. Три с половиной корпуса, включая I корпус Франсуа, и кавалерийская дивизия были высланы навстречу им, а четвертый корпус был направлен на юго-восток, чтобы встретить армию Самсонова.

Шестнадцатого августа штаб 8-й армии выдвинулся вперед, в Бартенштейн, поближе к Инстербургу. Тут обнаружилось, что Франсуа уже прошел Гумбинен. Он решил начать наступление сразу же, в то время как план Хоффмана заключался в том, чтобы дать армии Ренненкампфа возможность углубиться максимально на запад во время его двухдневного марша: чем дальше она оторвется от своей базы снабжения, тем будет уязвимее. Хоффман не хотел, чтобы продвижение Ренненкампфа было приостановлено, наоборот, нужно было, чтобы русские достигли Гумбинена как можно скорее, тогда у немцев будет время, чтобы справиться с одной армией до подхода Самсонова.

Продвижение Франсуа дальше Гумбинена, в котором он разместил свой штаб шестнадцатого августа, угрожало тем, что придется за ним подтягивать всю 8-ю армию, чтобы прикрыть его фланги, растянувшись тем самым более своих возможностей. Шестнадцатого числа Притвиц приказал Франсуа остановиться.

Тот энергично возражал по телефону, доказывая, что чем ближе к России он встретит противника, тем меньше опасности для германской территории. Притвиц отвечал, что частью Восточной Пруссии придется неизбежно пожертвовать, и направил письменный приказ, напомнив Франсуа, что «единоначальником» является только он, и снова запретил дальнейшее продвижение. Франсуа игнорировал приказ. В час дня семнадцатого августа Притвиц получил от Франсуа донесение, что он уже вступил в соприкосновение с противником в Сталюпенене, в тридцати двух километрах от Гумбинена, и только восьми — от русской границы.

В то утро, когда армия Ренненкампфа пересекла границу, ее III корпус, находящийся в центре отнюдь не по плану, а из-за отсутствия координации, начал движение на несколько часов раньше остальных двух. Обнаружив силы Франсуа у Сталюпенена, русские начали атаку. Бой развернулся в нескольких километрах к востоку от города. Генерал фон Франсуа и штаб наблюдали за его ходом с колокольни городской церкви, когда «в самом разгаре нервного напряжения» неожиданно зазвонил церковный колокол, стереотруба закачалась на треноге, а взбешенные офицеры обрушили град тевтонских ругательств [317] на несчастного члена городского совета, посчитавшего своим долгом предупредить жителей о приближении русских.

Не меньший гнев бушевал в штабе 8-й армии после получения донесения от Франсуа. По телефону и телеграфу ему было приказано приостановить боевые действия, к нему выехал генерал-майор, чтобы лично подтвердить приказ.

Карабкаясь по лестнице на колокольню и находясь не в меньшем возмущении, которое только что царило здесь, он закричал генералу Франсуа:

«Командующий приказывает немедленно прекратить бой и отступить к Гумбинену!»

Взбешенный тоном и манерой обращения, Франсуа ответил:

«Сообщите генералу фон Притвицу, что генерал фон Франсуа прекратит бой, когда разобьет русских!»

Тем временем с правого фланга была послана германская бригада с пятью артиллерийскими батареями, чтобы атаковать русских с тыла. Из-за преждевременного наступления III русского корпуса, особенно его 27-й дивизии, которая вела бой у Сталюпенена, между ней и соседним корпусом образовался разрыв слева, не защищенный от германского нападения. Полк, на который обрушились немцы, дрогнул и побежал, заставив отступить и 27-ю дивизию, оставившую немцам три тысячи пленных{57}. Хотя армия Ренненкампфа вышла на назначенный [318] рубеж в тот же день, 27-ю дивизию пришлось отвести к границе на переформирование, задержав наступление на целый день.

Сияя от победы, Франсуа, эвакуировав Сталюпенен, отступил ночью к Гумбинену, убежденный в оправданности неповиновения.

Несмотря на задержку, армия Ренненкампфа возобновила наступление. Но уже девятнадцатого августа она начала страдать из-за недостатков снабжения. Находясь всего лишь на расстоянии пятнадцати километров от своей границы, командиры корпусов начали докладывать о том, что запасы не поступают и что они не могут связаться друг с другом и со штабом армии. А перед ними дороги были разбиты стадами коров и овец, угоняемыми уходящим населением.

Бегство жителей и отступление корпуса Франсуа{58} заставили Ренненкампфа и его начальника, командующего Северо-восточным фронтом генерала Жилинского, поверить, что немцы эвакуируются из Восточной Пруссии. Это не устраивало русских, поскольку если германская армия так быстро отступит, она избежит уничтожения в результате планируемых русских клещей. Поэтому двадцатого числа Ренненкампф приказал остановиться, но не из-за собственных трудностей, а для того, чтобы вовлечь противника в сражение, предоставив тем самым 2-й армии Самсонова возможность подтянуться для решительного удара по германскому тылу.

Генерала Франсуа не нужно было уговаривать. Почуяв запах боя, он девятнадцатого августа телефонировал фон Притвицу в штаб 8-й армии, требуя разрешить ему контратаковать вместо отступления. Это блестящая возможность, настаивал он, поскольку русское наступление было не равномерным и не настойчивым. Он чувствительно описал бегство жителей и страстно восставал против позорного оставления прусской земли ненавистным славянам.

Притвиц колебался. Намереваясь дать бой за Гумбиненом, 8-я армия хорошо подготовила позиции вдоль реки Ангерапп. Но слишком раннее выступление фон Франсуа изменило план, и теперь его корпус находился в пятнадцати километрах к [319] востоку от

Гумбинена. Позволить ему атаковать означало принять бой далеко от позиций на Ангераппе, заставить два с половиной корпуса подтянуться к нему, отойдя еще дальше от XX корпуса, высланного, чтобы следить за армией Самсонова с юга, и лишив этот корпус поддержки, которой он мог потребовать в любое время.

С другой стороны, вид германской армии, отступавшей без серьезного сражения, пусть даже только на тридцать километров и на виду у испуганного населения, был нетерпим. Решение еще более усложнилось, когда немцы перехватили приказ Ренненкампфа остановиться. Приказ был отдан русским командирам корпусов по радио с применением простого кода, который германский профессор математики, призванный на войну и служивший в штабе 8-й армии в качестве криптографа, без труда расшифровал.

Возник вопрос: надолго ли остановился Ренненкампф? Сроки, в которые немцы могли свободно сражаться с одной русской армией в отсутствие другой, истекали. К этому вечеру три из шести дней, бывших в запасе, уже прошли. Если немцы будут ждать Ренненкампфа на реке Ангерапп, они могут оказаться сразу между двумя армиями. Как раз в этот момент было получено сообщение от XX корпуса, извещавшее, что армия Самсонова в то утро перешла границу.

Надвигалась вторая половина клещей. Немцы должны либо сразу же двинуться на Ренненкампфа, отказавшись от своих подготовленных позиций на Ангераппе, либо оторваться от Ренненкампфа и повернуться против Самсонова. Притвиц и его штаб остановились на первом решении и приказали Франсуа атаковать на следующее утро, двадцатого августа. Единственная сложность заключалась в том, что остальные два с половиной корпуса, послушно ожидавшие на реке Ангерапп, не могли действовать одновременно с ним.

Перед рассветом тяжелая артиллерия Франсуа открыла огонь, застав русских врасплох. Обстрел продолжался полчаса. В четыре часа утра его пехота двинулась вперед, плохо различимая в предрассветных сумерках, пока не вышла на расстояние ружейного выстрела от русских позиций. С наступлением утра бой разгорался, как огонь, постепенно охватывавший хворост. Русские батареи открыли огонь по приближавшимся серым цепям, и неожиданно белая дорога, лежавшая на их пути, стала серой от покрывших ее трупов. Поднялась вторая серая [320] волна, приблизилась. Русские уже могли различить остроконечные шлемы. Снова ударили батареи, снова волна легла и снова поднялась следующая. Русские пушки, боезапас которых исчислялся двумястами двадцатью четырьмя выстрелами на день, вели огонь, требовавший четыреста сорок снарядов в день. В небе появился самолет с черными крестами и начал бомбить русские батареи. Серые волны приближались. Они уже были на расстоянии пятисот метров, когда русские пушки вдруг замолчали. Кончились снаряды.

Две дивизии Франсуа отрезали 28-ю дивизию русских, потери которой составляли шестьдесят процентов, она была фактически уничтожена. Кавалерия Франсуа с тремя батареями на конной тяге, далеко обойдя русский край и не встречая сопротивления кавалерии противника, не имевшей артиллерии, атаковала русский обоз. Таковы были успехи корпуса, действовавшего против правого фланга Ренненкампфа{59} левом фланге положение было совсем другим. [321]

Здесь, предупрежденные звуками артиллерийской подготовки корпуса Франсуа, русские были готовы к сражению, которое развернулось на пятидесятикилометровом фронте.

В центре германский XVII корпус не вышел на рубеж наступления до восьми часов утра, отстав от Франсуа на четыре часа, а на правом германском фланге I резервный корпус появился только в полдень. Командовал XVII корпусом генерал Август фон Макензен, еще один из тех генералов, которые участвовали в войне 1870 года и теперь были практически стариками.

Генерал Отто фон Белов командовал I резервным корпусом. Вечером девятнадцатого числа, когда был получен неожиданный приказ присоединиться к Франсуа и начать наступление за Гумбиненом на следующее утро, он находился за Ангераппом. Поспешно собрав свои части, Макензен ночью перешел реку и оказался среди беженцев, телег и скота, двигавшихся по дорогам. Пока войска построились в боевые порядки и подошли достаточно близко, чтобы начать бой, преимущества неожиданного нападения были утеряны, и русские открыли огонь первыми.

Результат обстрела от тяжелых орудий{60} бывает самым ужасающим для тех, кто оказывается под огнем. В данном, хотя и редком в 1914 году, случае под огнем оказались германские войска. Пехота была прижата к земле и лежала, не смея поднять голову, рвались патронные и снарядные ящики, носились обезумевшие лошади. Во второй половине дня 35-я дивизия дрогнула под огнем. Одна рота бросила оружие и побежала, за ней вторая, паника охватила целый полк, потом его соседей. Вскоре по полям и дорогам в тыл бежали батальоны. Офицеры дивизии, штаба и сам Макензен бросились к ним наперерез в автомобилях, пытаясь остановить бегущих. Тщетно. Они остановились только через двадцать километров. [322]

Находившийся справа от Макензена I резервный корпус фон Белова не мог помочь соседу, потому что вышел еще позднее, а когда достиг назначенного рубежа у Гольдапа на краю Роминтенского леса, он сразу же был атакован русскими. Отступление корпуса Макензена открыло левый фланг Белова. Это также заставило его отойти, чтобы прикрыть отступление Макензена и защитить себя, а 3-я резервная дивизия под командованием генерала фон Моргена выступила с рубежа реки Ангерапп последней и прибыла только к вечеру, когда все уже было кончено. И хотя немцы отступили в порядке, а русские понесли тяжелые потери от корпуса Франсуа, сражение под Гумбиненом в целом было победой русских.

Притвиц видел, что ему грозило. Настойчивое русское преследование через взломанный германский центр могло продолжаться до самого Инстербургского промежутка, раскалывая 8-ю армию и отбрасывая корпус Франсуа на север, под прикрытие кенигсбергского укрепленного района, против чего особенно предупреждал Генеральный штаб. Для того чтобы спасти 8-ю армию и не дать разделить ее, Притвиц, считая такой выход единственным, решил отступить за Вислу.

Мольтке сказал ему:

«Не давайте расколоть армию. Не уходите с Вислы, но в крайнем случае можете оставить район к востоку от нее». {121}

Притвиц решил, что крайний случай наступил, особенно после разговора по телефону с Макензеном, который живо описал панику, охватившую его войска.

В шесть часов вечера двадцатого августа Притвиц позвонил Франсуа и сообщил ему, что, несмотря на успех на его участке, армия должна отступить за Вислу. Словно пораженный громом, Франсуа начал протестовать, утверждая, что из-за своих собственных потерь

русские не смогут осуществить энергичное преследование, и просил Притвица передумать. Он повесил трубку с чувством, что командующий колеблется, согласившись обдумать предложение{61}. [323]

В штабе, когда постепенно улеглась суматоха, обнаружили нечто удивительное: русские не преследовали. В русском штабе Ренненкампф отдал приказ начать преследование между тремя и четырьмя часами дня, но, получив донесение о том, что отход Макензена прикрывает тяжелая артиллерия, отменил приказ в четыре тридцать. Он не знал точно, насколько был ослаблен германский центр, и поэтому ждал. Когда совершенно измученный штабной офицер попросил разрешения отправиться спать, он ответил, что тот может лечь не раздеваясь.

Через час Ренненкампф разбудил его и сказал:

«Теперь можете раздеться, противник отступает».

Эти слова долго и много обсуждались военными историками, которые слетаются на поле сражения уже после того, когда оно закончится. Особенно усердствовал Хоффман, который описывает этот случай со злорадной усмешкой и в весьма искаженном виде. Историки достаточно справедливо указывают, что, когда противник отступает, его нужно преследовать, а не спать. Из-за памятного исхода сражения под Танненбергом, преддверием которого был Гумбинен, остановка Ренненкампфа вызвала бурю горячих споров, объяснений и осуждений, не исключая и ссылок на его немецкое происхождение и прямых обвинений в предательстве.

Наиболее возможное объяснение было сделано на сто лет раньше Клаузевицем.

«Вся тяжесть разумного в армии, — писал он о проблеме преследования, — требует отдыха и пополнений. Оно требует от командира исключительной способности видеть и чувствовать дальше настоящего момента и действовать немедленно, чтобы добиться того результата, который сейчас кажется всего лишь украшением победы — роскоши триумфа».

Предвидел или нет Ренненкампф эти конечные результаты, факт заключается в том, что он не мог или думал, что не мог, заставить себя броситься за бегущим врагом и вырвать окончательную победу. Его тыл работал плохо, наступать дальше значило окончательно оторваться от него. Преследуя, он бы удлинял пути подвоза на вражеской территории, в то время как противник, отступая, сокращал свои. Он не мог воспользоваться германской железной дорогой, не захватив немецкого подвижного состава, и у него не было железнодорожных бригад, чтобы переделать колею. Его обоз был в хаотичном состоянии после нападения германской кавалерии; его собственная кавалерия [324] правого фланга действовала плохо; он потерял почти дивизию. Поэтому он решил оставаться на месте.

Вечер был жарким. Полковник Хоффман стоял у дома, в котором разместился штаб, обсуждая прошедший бой и перспективы на следующий день со своим непосредственным начальником генерал-майором Грюнертом, вместе с которым он надеялся управлять более слабыми Притвицем и Вальдерзее. Как раз в этот момент им было доставлено донесение от генерала Шольца, командира XX корпуса. Он сообщал, что огромная русская армия перешла границу силами IV, V корпусов и наступает на фронте шириной восемьдесят-девяносто километров. Хоффман со своей обычной манерой, когда никто не мог понять, говорит он серьезно или шутит, предложил «скрыть» донесение от Притвица и Вальдерзее, которые, по его мнению, «не могли управлять своими нервами». Однако

замысел Хоффмана не удался, так как именно в этот момент Притвиц и Вальдерзее вышли из дома, и по их лицам можно было узнать, что они также прочли донесение. Притвиц предложил всем войти в дом и провести совещание.

«Господа, — сказал он, — если мы будем продолжать действовать против Виленской армии, Варшавская армия выйдет к нам в тыл и отрежет от Вислы. Мы должны оторваться от Виленской армии и отступить за Вислу».

Он не говорил больше «к Висле», а «за Вислу».

Хоффман и Грюнерт немедленно возразили, утверждая, что можно закончить бой с Виленской армией за два или три дня и все еще останется время, чтобы встретить опасность с юга, а до этого корпус Шольца «как-нибудь сам справится».

Притвиц резко оборвал его. Решения принимал он и Вальдерзее. Он настаивал на том, что угроза со стороны южной русской армии была слишком велика. Хоффман должен отдать необходимые распоряжения относительно отхода за Вислу. Хоффман ответил, что левый фланг южной армии был уже ближе к Висле, чем немцы, и при помощи карты продемонстрировал, что отступление стало невозможным. Он попросил «указаний», как осуществить его. Притвиц выслал всех из комнаты и позвонил по телефону в Генеральный штаб в Кобленц, сообщил о своем решении отступить к Висле, если не за нее. Он добавил, что из-за летней жары вода невысока и что он сомневается, удастся ли ему удержать реку без подкреплений. [325]

Мольтке был поражен. Вот чем закончилась деятельность этого толстого идиота во главе 8-й армии. Отдать Восточную Пруссию означало понести огромное моральное поражение, а также потерять самый ценный зерновой и мясо-молочный район. Хуже того, если русские форсируют Вислу, они будут угрожать не только Берлину, но и австрийскому флангу, и даже Вене. Подкрепления! Откуда он мог взять подкрепления, кроме как с Западного фронта, где все войска вплоть до последнего введены в действие. Снятие войск с Западного фронта теперь означало бы проигрыш кампании против Франции. Мольтке был слишком поражен или находился слишком далеко от места действия, чтобы подумать об отмене приказа Притвица. Он приказал своему штабу выяснить истинное положение вещей в результате прямых бесед с Франсуа, Макензеном и другими командирами корпусов.

Тем временем в штабе 8-й армии Хоффман и Грюнерт пытались убедить Вальдерзее, что отступление не выход из положения. Наоборот, Хоффман предлагал маневр, посредством которого 8-я армия, используя внутренние коммуникации и железные дороги, могла бы встретить обе русские армии и, если ситуация сложится так, как он предполагает, обрушить все свои силы на одну из них.

Он рассчитывал, если армия Ренненкампфа не начнет преследования на следующий день, а он полагал, что не начнет, вывести I корпус Франсуа и доставить его окружным путем по железной дороге на юг для усиления XX корпуса Шольца. Франсуа должен занять рубеж на его правом фланге, напротив левого крыла Самсонова, находящегося ближе всего к Висле и поэтому представлявшего наибольшую угрозу. Дивизия генерала фон Моргена, которая не участвовала в деле под Гумбиненом, также будет отправлена в поддержку Шольцу, но другой дорогой. Доставка войск со всем их вооружением, запасами, лошадьми и боеприпасами, составление поездов, погрузка на станциях, заполненных беженцами, перевод поездов с одной ветки на другую — все это будет

сложным делом, но Хоффман был уверен, что германская железнодорожная система, над которой поработало столько умных голов, справится с задачей.

Пока будет производиться эта переброска, отступление корпусов Макензена и фон Белова должно производиться в южном направлении в течение еще одного двухдневного марша, чтобы, [326] окончательно оторвавшись от противника, они оказались километров на 50 ближе к южному фронту. Отсюда, если все сойдет хорошо, они пройдут кратчайшим маршрутом и займут позиции на левом крыле Шольца, которого они достигнут вскоре после того, как Франсуа прибудет на правое. Таким образом, вся армия в составе четырех с половиной корпусов будет на месте, чтобы встретить южную армию русских. Кавалерия и резервы из Кенигсберга будут оставлены в качестве заслона перед армией Ренненкампфа.

Успех этого маневра был возможен при одном условии; если армия Ренненкампфа не двинется дальше. Хоффман был уверен, что тот останется на месте день или больше, чтобы дать войскам отдых, переформироваться и наладить линии снабжения. Его уверенность базировалась не на каком-то мистическом озарении или сверхъестественном предвидении, а просто на уверенности, что Ренненкампф остановился по естественным причинам. Во всяком случае, корпуса Макензена и фон Белова не тронутся с места в течение еще двух или трех дней. К этому времени будут ясны при помощи перехваченных радиосообщений намерения Ренненкампфа.

Таковы были доводы Хоффмана, и они убедили Вальдерзее. Каким образом Вальдерзее уговорил Притвица или просто разрешил Хоффману подготовить необходимые приказы без одобрения Притвица — история умалчивает. Поскольку штаб не знал, что Притвиц тем временем доложил Генеральному штабу о своем намерении отступить к Висле, никто не побеспокоился известить верховное командование о том, что от идеи отступления отказались.

На следующее утро два офицера из штаба Мольтке, с трудом дозвонившись по полевым телефонам, переговорили с каждым командиром корпуса, от которых они узнали, что положение было серьезным, но что решение об отступлении все же принято преждевременно. Поскольку Притвиц хотел отступать, Мольтке решил заменить его. В то время как он обсуждал этот вопрос со своим заместителем фон Штейном, полковник Хоффман наслаждался приятным сознанием своей правоты. Разведка доложила, что в армии Ренненкампфа все спокойно: «они совсем не преследуют нас».

Немедленно был отдан приказ о перемещении корпуса Франсуа на юг. Франсуа, по его собственным словам, был весь во власти эмоций и даже всплакнул, покидая Гумбинен. Разрешивший [327] все-таки этот маневр Притвиц сразу же пожалел о сделанном. В тот же вечер он позвонил в Генеральный штаб и снова сообщил фон Штейну и Мольтке, что предложение его штаба выступить против Варшавской армии было «невозможным, слишком смелым». Он заявил, что у него нет гарантии, что он удержит Вислу со своей «горсткой людей». Он должен иметь подкрепление. Это решило вопрос о его снятии.

Восточный фронт был готов развалиться. Нужен был кто-то смелый, сильный и решительный, чтобы немедленно взять командование в свои руки. Никогда заранее нельзя сказать, как тот или иной командир поведет себя в крайних ситуациях войны, но Генеральному штабу повезло, он знал такого офицера, который только неделю назад показал себя в бою, — Людендорф, герой Льежа. Он будет хорошим начальником штаба 8-й армии.

По германской системе командования, осуществляемого двумя лицами, начальник штаба был не менее важным лицом, чем командир, а порой, в зависимости от опыта и темперамента, и выше его.

В это время Людендорф находился со 2-й армией фон Бюлова на окраинах Намюра, где после успеха с Льежем он руководил штурмом второй большой бельгийской крепости. Он находился на пороге Франции в критический момент, но на Восточном фронте он был нужнее. Мольтке и фон Штейн согласились с тем, что его следовало отозвать. Немедленно на автомобиле был послан капитан штаба с письмом, врученным генералу Людендорфу в девять утра двадцать второго августа.

«Вы можете спасти положение на Востоке, — писал фон Штейн. — Я не знаю другого человека, которому бы я так абсолютно доверял».

Он извинялся за то, что отзывал Людендорфа в момент решающих действий, «которые, дай Бог, будут окончательными», но жертва была «неминуемой».

«Конечно, Вы не будете нести ответственности за то, что уже произошло на Востоке, но с Вашей энергией Вы можете предотвратить худшее».

Через пятнадцать минут Людендорф выехал на том же автомобиле из штаба. По пути он проехал через Вавр, который «только накануне, когда я проезжал его, был мирным городом. Теперь он горел. Здесь жители тоже стреляли в наших солдат». [328]

В шесть часов вечера Людендорф прибыл в Кобленц. В течение трех часов он получил сведения об обстановке на Востоке, был принят Мольтке, «выглядевшим очень усталым», и кайзером, который был «очень спокоен», но глубоко задет вторжением в Восточную Пруссию. Людендорф отдал несколько приказов 8-й армии и в девять часов вечера отбыл специальным поездом на Восточный фронт. Приказы, которые он отдал, содержали, помимо распоряжения Хоффману и Грюнерту встретить его в Мариенбурге, указания корпусу Франсуа отправиться по железной дороге на поддержку XX корпуса Шольца на юге, корпусам Макензена и фон Белова завершить отрыв от противника, отдыхать и переформироваться в течение двадцать третьего августа. Фактически это были приказы Хоффмана, олицетворявшие идеал германской военной академии, в которой все слушатели, получившие задачу, давали одинаковый ответ. Возможно также, что Людендорф видел телеграфную копию приказа Хоффмана.

Пока они ехали через Бельгию, капитан из штаба сообщил Людендорфу, что в качестве командующего 8-й армией Генеральный штаб выбрал отставного генерала, но еще не было известно, согласится ли он на это назначение. Его имя было Пауль фон Бенкендорф унд Гинденбург. Людендорф не знал его. Позднее, перед отъездом из Кобленца, ему сообщили, что генерал фон Гинденбург принял назначение и сядет в поезд в Ганновере в четыре часа утра.

Решив вопрос с начальником штаба, Генеральный штаб стал подыскивать командующего армией. Людендорф, как все признавали, был человеком незаурядных способностей, но чтобы «комплект был полным, нужен был настоящий «фон». Перебрали имена всех отставных командиров корпуса, и тут фон Штейн вспомнил, что накануне войны он получил письмо от бывшего товарища, «Не забудь меня, если окажется, что где-то нужен командир» — и сообщавшее, что его автор еще «крепок». Как раз тот, кто нужен. Он происходил из старой юнкерской семьи, жившей в Пруссии столетия. Служил в Генеральном штабе у Шлиффена, прошел все ступени до начальника штаба корпуса и

ушел в отставку в 1911 году в возрасте шестидесяти пяти лет. Через два месяца ему будет шестьдесят восемь, но он был не старше Клюка, Бюлова и Хаузена, трех генералов правого крыла. Теперь на востоке, после паники Притвица, был нужен человек без нервов, а Гинденбург был [329] известен абсолютной невозмутимостью. Мольтке одобрил, кайзер дал свое согласие. Отставному генералу была направлена телеграмма.

Гинденбург был дома в Ганновере, когда в три часа дня пришла телеграмма, спрашивавшая, примет ли он «немедленное назначение». Он ответил: «Я готов». Вторая телеграмма предписывала ему немедленно выехать на восток и принять командование 8-й армией. Генеральный штаб даже не приглашал его в Кобленц для переговоров. В телеграмме предписывалось, что он должен сесть на поезд в Ганновере, и сообщалось, что его начальником штаба будет генерал Людендорф, который встретится с ним в поезде по пути. У Гинденбурга хватило времени только на то, чтобы заказать новую серую форму, и он выехал, к его большому смущению, в старом синем мундире прусского генерала.

Когда о снятии Притвица стало известно, принцесса Блюхер в дневнике записала: «Его место занял некий генерал Гинденбург, человек весьма преклонного возрасте». Газетчики поспешно разыскивали материал о новом командующем, что было довольно трудно сделать, поскольку в списках военных он числился как Бенкендорф.

Они с удовольствием обнаружили, что он сражался под Седаном и заслужил Железный крест второй степени, а также был ветераном более ранней кампании 1866 года. Его предки, Бенкендорфы, были среди тевтонских рыцарей, осевших в Восточной Пруссии, а имя Гинденбург было добавлено в восемнадцатом веке в результате женитьбы какого-то их прадеда. Он родился в Позене, в Восточной Пруссии, и в начале своей карьеры в качестве офицера штаба 1 корпуса, стоявшего под Кенигсбергом, изучал проблему влияния Мазурских озер на возможные военные действия, что вскоре стало изюминкой легенды о том, что Гинденбург спланировал сражение под Танненбергом еще тридцать лет назад. Вырос он в имении своего деда в Недеке в Западной Пруссии, где, как он вспоминал, мальчиком любил разговаривать со старым садовником, который две недели работал у Фридриха Великого.

Гинденбург уже ждал на перроне в Ганновере, когда в четыре часа утра подошел поезд. Генерал Людендорф, которого он до этого никогда не видел, быстро вышел из вагона для доклада. Пока они ехали на восток, он подробно рассказал [330] о сложившейся ситуации и тех распоряжениях, которые уже отдал. Гинденбург выслушал и одобрил. Так, по пути к сражению, сделавшему их знаменитыми, родился союз, который до самого конца правил имперской Германией. Когда позднее Гинденбург стал фельдмаршалом, он получил прозвище «Маршал что ты скажешь» из-за привычки вместо ответа на заданный вопрос поворачиваться к Людендорфу со словами: «Что ты скажешь?»

Характерно, что первым лицом, которого Генеральный штаб информировал об изменениях в командовании 8-й армии, был начальник железных дорог Восточного фронта генерал-майор Керстен. Днем двадцать второго августа, еще до того как отправился специальный поезд, он вошел к Хоффману «с очень озадаченным лицом» и показал ему телеграмму, извещавшую, что на следующий день в Мариенбург прибудет специальный поезд, который доставит нового командующего и нового начальника штаба. Таким образом Притвиц и Вальдерзее узнали о своем смещении. Часом позднее Притвиц получил телеграмму, сообщавшую, что он и Вальдерзее переведены «в список резерва».

«Он уехал от нас, — вспоминает Хоффман, — без единого слова по поводу того, как с ним поступили».

Людендорф сразу проявил твердость. Несмотря на то что он хорошо знал Хоффмана, прожив с ним четыре года в одном доме в Берлине, когда оба они работали в Генеральном штабе, он тем не менее передал свои приказы по телеграфу индивидуально каждому командиру корпуса, а не через штаб 8-й армии. Хоффман и Грюнерт почувствовали себя оскорбленными. Прием, который они оказали новому начальству в Мариенбурге, как вспоминал Людендорф, «был далеко не радушный».

Предстояло решить основной вопрос, от которого зависела судьба кампании. Должны ли корпуса Макензена и фон Белова оставаться там, где они были, в качестве защиты против дальнейшего наступления Ренненкампфа, или им следует передислоцироваться на юг в соответствии с планом Хоффмана, чтобы противостоять правому крылу Самсонова? Надежд на разгром армии Самсонова другим способом, кроме как всеми силами 8-й армии, не было. В тот день, двадцать третьего августа, корпус Франсуа заканчивал сложный процесс погрузки на пяти различных железнодорожных станциях между Инстербургом и Кенигсбергом и направлялся на южный фронт. Потребуются [331] еще два дня для того, чтобы после многих железнодорожных маневров прибыть на место, разгрузиться и приготовиться к бою. Дивизия фон Моргена также находилась в пути, но по другой ветке. Корпуса Макензена и фон Белова пока не двигались.

Конная разведка продолжала сообщать о «пассивности» армии Ренненкампфа. Между ней, Макензеном и фон Беловым было всего каких-нибудь пятьдесят — семьдесят километров, и, если их двинуть на юг против другой русской армии, он все еще мог, если бы захотел, догнать их и напасть с тыла. Хоффман считал, что Макензену и фон Белову следует выступить немедленно. Людендорф, покинувший Намюр всего тридцать шесть часов назад, оказавшись в новой ситуации, колебался: оба решения могли стать фатальными, и за их исход пришлось бы отвечать ему. Гинденбург, находившийся в отставке всего сутки назад, полагался на Людендорфа.

С русской же стороны командование испытывало трудности со сроками, в которые клещи должны были одновременно сомкнуться вокруг противника. Препятствий было такое множество, они так переплетались, что начальники штабов с самого начала были настроены крайне пессимистически.

Командующий Северо-западным фронтом генерал Жилинский, задачей которого было координировать движение армий Самсонова и Ренненкампфа, не нашел лучшего способа, как непрестанно торопить их. Поскольку Ренненкампф начал первым и первым завязал бои, Жилинский стал засыпать Самсонова приказами поспешить. В то же время Жилинский сам получал бесчисленное количество телеграмм от французов с теми же просьбами. С целью ослабления нажима на них на Западном фронте французы дали указания своему послу «настаивать на необходимости решительного русского наступления но что бы то ни стало на Берлин».

Самсонов, бывший командир кавалерийской дивизии в русско-японской войне, этот «простой и добрый» человек, как охарактеризовал его английский офицер связи при 2-й армии, не имел никакого опыта и не подходил для командования армией из тринадцати дивизий.

Он работал с незнакомым ему штабом и дивизионными командирами. Из-за того, что русская армия была организована ни по региональному принципу, резервисты, число которых в [332] полку достигало иногда двух третей, были незнакомы унтер-офицерам и офицерам. Недостаток офицеров и низкий уровень грамотности солдат, а порой и полное ее отсутствие, затрудняли доведение приказов до подразделений.

Почти такое же положение было и со связистами. На телеграфной станции в Варшаве один штабной офицер обнаружил, к своему ужасу, кипу телеграмм, адресованных 2-й армии и не отправленных потому, что с ее штабом не было установлено никакой связи. Офицер собрал их и отправил с посыльным на автомобиле. У штабов корпусов хватило проводов только на то, чтобы установить связь с дивизионными штабами, связь же между соседями и со штабом армии поддерживалась по радио.

Из-за спешки сроки сосредоточения войск были сокращены на четыре дня, и поэтому организация тыловых служб не была закончена. Одному корпусу пришлось поделиться снарядами с другим, чей обоз еще не подошел, нарушив тем самым свой расчет боеприпасов. Полевые пекарни отсутствовали. Для того чтобы армия могла жить на вражеской территории, необходимо было создать команды для реквизирования продовольствия у населения, которое следовало бы высылать под прикрытием кавалерийского конвоя, но никто об этом не заботился. Нужно было усилить лошадиные упряжки, чтобы тащить тяжелые повозки и орудия по песчаным дорогам. В некоторых случаях приходилось выпрягать лошадей из одних повозок, подпрягая их к другим, повторяя эту процедуру снова и снова.

Девятнадцатого августа Жилинский писал: «Задержка в наступлении 2-й армии ставит в тяжелое положение 1-ю армию... Поэтому ускорьте наступление 2-й армии и возможно энергично развейте ее операции». Это было не так. Девятнадцатого числа Самсонов пересек границу в соответствии с расписанием, но Жилинский был настолько уверен в его опоздании, что не поверил. «Армия наступает со времени Вашего приказания безостановочно, делая переходы свыше двадцати верст по пескам, посему ускорить не могу», — ответил Самсонов. Он сообщил, что солдаты находятся на марше по двенадцать часов в день без привалов. Они измотаны, и поэтому большей скорости движения достичь невозможно. Территория опустошена, лошади давно не получали овса, нет продовольствия. [334]

В тот день XV корпус под командованием генерала Мартоса вошел в соприкосновение с XX германским корпусом генерала Шольца. Начался бой. Немцы, не получив подкреплений, отступили. Углубившись на германскую территорию на пятнадцать километров, генерал Мартос захватил Сольдау и Нейденбург, в котором всего несколько часов назад находился штаб генерале Шольца.

Когда казачьи патрули вошли в город, жители начали стрелять по ним из окон. Тогда Мартос приказал обстрелять город из пушек, разрушив большинство зданий на главной площади{62}.

Двадцать третьего августа, в тот день, когда Людендорф и Гинденбург прибыли на Восточный фронт, русские VI и XIII корпуса, находящиеся справа от Мартоса, захватили несколько деревень. Генерал Шольц, еще не получивший подкреплений, если не считать небольших сил, подошедших с Вислы, снова отступил. Игнорируя бездействие Ренненкампфа на севере, Жилинский продолжал засыпать Самсонова приказами. Он сообщал, что немцы поспешно отступают, «перед вами противник, по-видимому, оставил лишь незначительные силы... Энергично наступайте... Движение ваше имеет целью наступления [335] навстречу противнику, отступающему перед армией ген. Ренненкампфа, пресечь немцам отход к Висле»{63}.

Это был, конечно, первоначальный план, но он основывался на том, что Ренненкампф удержит немцев на севере. Фактически же в тот день Ренненкампф потерял

соприкосновение с противником. Двадцать третьего он снова начал наступать, но в неправильном направлении.

Вместо того чтобы двинуться в сторону, на юг, и соединиться с Самсоновым у озер, он пошел прямо на запад, намереваясь отрезать Кенигсберг, опасаясь, что Франсуа атакует его фланг, если он двинется на юг. Хотя этот маневр не имел ничего общего с первоначальным планом, Жилинский не поправил его. Находясь в полном неведении, как и Ренненкампф, в отношении передвижения германских войск, он полагал, что они поступают так, как планировали русские, то есть отступают к Висле, и по-прежнему торопил Самсонова.

Вечером двадцать третьего августа корпус генерала Мартоса, ободренный отступлением врага, выдвинулся из Нейденбурга и вышел на позиции, в семистах метрах от немецких.

Корпус Шольца окопался между деревнями Орлау и Франкенау. Русские получили приказ взять траншеи во что бы то ни стало. Всю ночь они пролежали на исходных позициях, а к рассвету проползли еще на сотню метров вперед. После сигнала к атаке они преодолели оставшиеся шестьсот за три броска, ложась и вскакивая под огнем немецких пулеметов. Когда волна одетых в белые гимнастерки фигур с примкнутыми штыками достигла окопов, немцы, бросив свои пулеметы, бежали. К концу дня германцы отступили. Русские захватили два орудия и пленных, но потери их самих достигли четырех тысяч человек.

Несмотря на то что германские потери были меньшими, Шольц отступил перед превосходящими силами еще на пятнадцать километров, став штабом на ночь в деревне Танненберг. Самсонов, подгоняемый Жилинским, требовавшим, чтобы он вышел на установленный рубеж, где смог бы отрезать отступающего врага, отдал приказы всем своим корпусам, указав исходные рубежи и маршруты на следующий день. За Нейденбургом со связью стало еще хуже. В конце концов [336] приказы Самсонова начали передавать открытым текстом по радио{64}.

До этого момента 8-я армия еще не решила, посылать ли корпуса Макензена и фон Белова против правого крыла Самсонова. Гинденбург и его штаб прибыли в Танненберг, чтобы посовещаться с Шольцем, который был «мрачен, но уверен». Тот вечер, записал Хоффман, «был самым трудным из всего сражения». Пока штаб заседал, связист принес перехваченные приказы Самсонова на следующий день, двадцать пятого августа. Хотя они и не раскрывали намерений Ренненкампфа, которые составляли основной вопрос, из них немцы узнали, где они могут ожидать русские войска. Тогда 8-я армия приняла решение бросить все свои силы против Самсонова. Макензену и фон Белову были отданы приказы повернуться к Ренненкампфу спиной и начать свой марш на юг немедленно.

Танненберг

Обеспокоенный сознанием того, что Ренненкампф находится у него в тылу, Людендорф спешил завязать сражение с Самсоновым. Первая стадия боя по его приказу должна была начаться двадцать пятого августа атакой I корпуса Франсуа на Уздау с намерением обхода левого фланга Самсонова.

Франсуа отказался. Его тяжелая артиллерия и некоторые пехотные части все еще выгружались и не подошли. Атаковать без полной артиллерийской поддержки и запаса снарядов, как он утверждал, означало риск неудачи. Если путь отступления Самсонова останется открытым, он может избежать планируемого для него уничтожения. Франсуа поддержали Хоффман и генерал Шольц, который, хотя и вел бой с русскими накануне, заверил Франсуа по телефону, что он удержит свои позиции без немедленной поддержки.

Столкнувшись с неподчинением уже на второй день своего командования, взбешенный Людендорф приехал в штаб Франсуа с Гинденбургом и Хоффманом.

В ответ на настойчивые требования Людендорфа Франсуа отвечал:

«Если будет отдан приказ, я, конечно, начну, но солдатам придется сражаться штыками».

Чтобы поддержать [338] свой авторитет, Людендорф отклонил доводы Франсуа и повторил свой приказ. Во время этого разговора Гинденбург все время молчал и послушно уехал с Людендорфом.

Хоффман, ехавший в другой машине, остановился на железнодорожной станции Монтово, ближайшем пункте, имевшем телеграфную и телефонную связь со штабом. Здесь он получил две перехваченные русские радиограммы, обе посланные открытым текстом, одну от Ренненкампфа в пять тридцать утра, а вторую от Самсонова в шесть часов утра. Приказ Ренненкампфа на марш, устанавливавший расстояние марша, показывал, что его рубеж на будущий день будет достаточно далеко, чтобы угрожать германской армии с тыла. Из приказа Самсонова, являвшегося результатом боя с Шольцем накануне, было ясно, что он неправильно истолковал отход последнего, приняв его за полное отступление, и давал точные направления и сроки преследования, как он думал, пораженного врага.

Никогда еще, если не считать случая, когда греческий предатель провел войска через Фермопильский проход, полководцу в руки не сваливалась такая удача{65}.

Излишняя подробность телеграммы сделала генерал-майора Грюнерта, непосредственного начальника Хоффмана, излишне подозрительным. Как сообщает Хоффман, «он в который раз озабоченно спрашивал меня, следует ли нам верить ей? А почему бы нет?.. Лично я, в принципе, верил каждому ее слову».

Хоффман утверждал, что знал о ссоре между Ренненкампфом и Самсоновым, имевшей место еще в русско-японскую войну, где был германским наблюдателем. Он говорит, что сибирские казаки Самсонова, продемонстрировав храбрость в бою, вынуждены были сдать Ентайскиё угольные шахты из-за того, что кавалерийская дивизия Ренненкампфа не поддержала их и оставалась на месте, несмотря на неоднократные приказы, и что Самсонов ударил Ренненкампфа во время ссоры по этому поводу на перроне Мукденского вокзала.

Вполне очевидно, с гордостью заключал Хоффман, Ренненкампф будет не очень-то спешить на помощь Самсонову. Поскольку [339] вопрос скорее касается не помощи Самсонову, а выигрыша или проигрыша сражения, сомнительно, чтобы Хоффман верил своей сказке или только притворялся, что верит. Рассказывал ее он, однако, всегда с удовольствием.

С перехваченными сообщениями Хоффман и Грюнерт бросились догонять Гинденбурга и Людендорфа на автомобиле, а догнав, передали телеграммы прямо на ходу. Пришлось остановиться, чтобы совместно обсудить создавшееся положение. Оказалось, что атаке, которую на следующий день должны были начать корпуса Макензена и фон Белова против правого фланга Самсонова, Ренненкампф препятствовать не будет. В соответствии с различными интерпретациями всех четверых генерал Франсуа то мог, то не мог отложить свою атаку до тех пор, пока не подтянется вся его пехота и артиллерия. Не желая поступиться хотя бы каплей авторитета, Людендорф, возвратившись в штаб, повторил свой приказ.

В то же самое время были отданы распоряжения о выполнении Генерального плана двойного обхода на следующий день, двадцать шестого августа. На германском левом фланге корпус Макензена, поддерживаемый Беловым, должен был атаковать правый край Самсонова, который вышел к Бишофсбургу, имея кавалерию у Сенсбурга, то есть находился перед озерами, где он должен был соединиться с Ренненкампфом, окажись тот здесь. Но его отсутствие оставляло открытым фланг, который германцы хотели обойти. В центре XX корпус Шольца, теперь поддерживаемый дивизией ландвера и 3-й резервной дивизией генерала фон Моргена, должен был возобновить бой, который он вел накануне. На правом фланге, как и было приказано ему, Франсуа должен был начать наступление, чтобы обойти левый фланг Самсонова.

Все приказы были разосланы до полуночи двадцать пятого августа. На другое утро, в день начала главного сражения, Людендорфа чуть не хватил удар, когда авиаразведка донесла о движении Ренненкампфа в сторону Самсонова. Хотя Гинденбург был уверен, что 8-я армия «может без малейшего колебания» оставить против Ренненкампфа только заслон, Людендорфа снова охватило беспокойство.

«Проклятый призрак Ренненкампфа висел на северо-востоке как угрожающая грозовая туча, — писал он. — Стоит только ему достать нас, и мы будем разбиты».

Он начал испытывать те же страхи, что и Притвиц, и колебаться, следует ли бросить все свои силы против Самсонова [340] или же отказаться от наступления против 2-й армии и повернуть против 1-й.

Герой Льежа «похоже, немного растерялся», с удовольствием пишет Хоффман, который из всех военных мемуаристов наиболее склонен приписывать собственные слабости своим коллегам.

Даже Гинденбург признает, что «серьезные сомнения» охватили его начальника штаба и что в этот момент, как он утверждает, именно он успокоил Людендорфа. По его словам, «мы преодолели внутренние сомнения».

Новое осложнение возникло, когда штаб обнаружил, что Франсуа, все еще ждавший свою артиллерию, не вступил в бой, как было приказано. Людендорф неукоснительно требовал, чтобы атака началась в полдень. Франсуа отвечал, что исходные позиции, которые, по мнению штаба, были уже заняты, занять не удалось, вызвав тем самым настоящий взрыв

недовольства в штабе и, как называет его Хоффман, «весьма недружелюбный» ответ Людендорфа. В течение дня Франсуа удалось протянуть время и дождаться нужного ему момента.

Неожиданный срочный телефонный звонок из Генерального штаба в Кобленце прервал споры с Франсуа. Людендорф, которому и без того хватало беспокойства, взял трубку и приказал Хоффману по параллельному телефону тоже послушать, «чего они хотят». К своему удивлению, он услышал голос полковника Таппена из оперативного отдела Генерального штаба, предлагающего выслать Людендорфу подкрепления в составе трех корпусов и кавалерийской дивизии. Только что побывавший на западном фронте, а до этого работавший над мобилизационными планами, Людендорф, зная до последней цифры необходимую плотность войск на километр наступления, не верил своим ушам.

Выполнение плана Шлиффена требовало использования каждого солдата для того, чтобы усилить правый фланг. Что же заставило Генеральный штаб ослабить фронт на целых три корпуса в разгар наступления? Смущенный, он ответил Таппену, что подкрепления «не особенно» нужны на востоке и в любом случае прибудут слишком поздно для участия в сражении, которое уже начинается. Таппен повторил, что может их все-таки выслать.

Причина этого критического решения крылась в панике, охватившей Генеральный штаб, когда русские начали свое наступление через две недели после мобилизации вместо шести, как рассчитывали немцы. Но решающим фактором, как сообщает [341] Таппен, была «великая победа» на французских границах, «породившая в Генеральном штабе мнение, что решающая битва на западе уже состоялась и была выиграна». Исходя из этого, Мольтке решил двадцать пятого августа, «несмотря на возражения», направить подкрепления, чтобы спасти Восточную Пруссию от русских.

Жалобы беженцев, юнкерские поместья, оставленные мародерствующим казакам, слезные мольбы высокородных дам к императрице спасти семейные земли и сокровища, возымели свое действие. Для того чтобы возбудить чувства и настроить их против русских, германское правительство умышленно распределило беженцев по различным городам и в конечном счете само себя напугало.

Председатель восточнопрусского бундесрата прибыл в Генеральный штаб просить о защите родины.

Управляющий Круппа писал в своем дневнике двадцать пятого августа:

«Люди повсюду говорили: «Ба, да русские никогда не закончат своей мобилизации... Мы можем еще долго обороняться».

Но сегодня все думают по-другому, и уже слышны разговоры об оставлении Восточной Пруссии».

Кайзер был глубоко озабочен. Молотке сам всегда волновался по поводу слабой обороны на востоке, поскольку, как он писал перед войной, «все успехи на западном фронте ничего не будут стоить, если русские придут в Берлин».

Два из тех корпусов, которые он отзывал теперь с Западного фронта, участвовали во взятии Намюра на стыке между германскими 2-й и 3-й армиями, и теперь, после падения бельгийской крепости, генерал Бюлов заявил, что может обойтись без них. Вместе с 8-й кавалерийской дивизией они были сняты с позиций двадцать шестого августа и походным

порядком — бельгийские железные дороги были разрушены — дошли до ближайших германских железнодорожных станций, чтобы «как можно скорее» отправиться на Восточный фронт. Третий корпус прибыл уже на станцию в Тьонвиле, когда осторожные голоса в Генеральном штабе заставили Мольтке отменить свой приказ.

А в тысяче трехстах километрах на восток генерал Самсонов готовился возобновить бой двадцать шестого августа. На его правом фланге был VI корпус генерала Благовещенского, вышедший на отведенную позицию для встречи с 1-й армией у озер, но Самсонов оставил этот корпус в некоторой изоляции, выдвинув основные силы своей армии западнее. И хотя это [342] уводило его дальше от Ренненкампфа или, вернее, от того места, где тот должен быть, направление было выбрано правильно, думал Самсонов, чтобы встать между Вислой и германцами, отступавшими, как предполагалось, на запад. Целью Самсонова была линия Алленштейн — Остероде, где он мог оседлать главную германскую железную дорогу и откуда, как информировал Жилинского двадцать третьего августа, «будет легче наступать в сердце Германии».

Уже было очевидно, что его измученные и полуголодные солдаты, которые, спотыкаясь, едва добрели до границы, вряд ли годились для боя, не говоря уже о марше в сердце Германии.

Продовольствие не поступало, солдаты съели неприкосновенный запас, деревни были покинуты, сено и овес не убраны, мало что можно было достать для людей и лошадей. Все командиры корпусов требовали остановки. Офицер Генерального штаба доносил в штаб Жилинского о «мизерном» продовольственном обеспечении войск. «Не знаю, как еще солдаты выдерживают. Необходимо организовать реквизицию». Находившийся в Волковыске в трехстах километрах по прямой от линии фронта, а по железной дороге еще дальше, Жилинский был слишком далек, чтобы обратить внимание на эти донесения. Он все так же настаивал на продолжении наступления Самсонова, «чтобы встретить врага, отступавшего перед генералом Ренненкампфом, и отрезать его от Вислы».

Это представление о действиях противника было основано на донесениях Ренненкампфа, а поскольку он не имел соприкосновения с немцами со времени боя под Гумбиненом, сообщения об их передвижениях были чистейшим вымыслом.

Теперь уже, однако, Самсонов понял, исходя из данных о железнодорожных перевозках и другой разведывательной информации, что перед ним была не отступающая, а передислоцировавшаяся армия, шедшая с ним на сближение.

Поступали сообщения о концентрации новой группировки противника — это был корпус Франсуа — против его левого фланга. Сознавая опасность, нависавшую слева, Самсонов послал к Жилинскому офицера, чтобы объяснить необходимость поворота армии на запад вместо продолжения движения на север. С презрением тыловика к фронтовику Жилинский принял это предложение за желание перейти к обороне и «грубо» ответил офицеру:

«Видеть противника там, где его нет, — трусость. Я не разрешу генералу Самсонову праздновать труса. [343] Я настаиваю на том, чтобы он продолжал наступление».

Его стратегия, как сказал один из коллег, походила на игру в «поддавки», целью которой является потеря одной стороной всех своих шашек.

В ночь на двадцать пятое августа, как раз тогда, когда Людендорф отдавал распоряжения, Самсонов расставил свои силы. Центр, состоявший из XV и XIII корпусов генералов Мартоса и Клюева, вместе с дивизией генерала Кондратовича из XXIII корпуса должны были осуществлять главное наступление на линию Алленштейн — Остероде. Левый фланг армии предстояло удерживать I корпусу генерала Артамонова при поддержке еще одной дивизии XXIII корпуса. На восьмидесяти километрах одинокий VI корпус прикрывал правый фланг.

При слабой разведке, осуществляемой русской кавалерией, Самсонов не знал, что корпус Макензена, который видели бегущим в панике с полей Гумбинена, переформировался и, идя форсированным маршем, вместе с корпусом фон Белова приближается к его правому флангу. Сначала Самсонов распорядился, чтобы VI корпус удерживал свои позиции «с целью прикрытия правого фланга армии», а затем передумал и приказал ему «идти полной скоростью» и поддержать наступление центра на Алленштейн.

В последнюю минуту, утром двадцать шестого, приказ этот был отменен и восстановлен в силе предыдущий, о прикрытии правого фланга. Но к этому времени VI корпус уже был на марше, двигаясь к центру.

Далеко в тылу русское верховное командование предчувствовало беду.

Двадцать четвертого августа военный министр Сухомлинов, который до этого не беспокоился о том, чтобы строить оружейные заводы, поскольку не верил в огневую силу, писал генералу Янушкевичу, безбородому начальнику Генерального штаба:

«Ради Бога, распорядитесь, чтобы собирали винтовки. Мы отправили сербам сто пятьдесят тысяч, наши резервы почти исчерпаны, а производство очень незначительно».

Хотя некоторые военные от излишнего пыла и провозглашали «Вильгельма — на Святую Елену!», общее настроение в верхах было невеселым.

Они вступили в войну без уверенности и до сих пор не приобрели ее. Слухи о пессимистических настроениях в Генеральном штабе достигли французского посла в Петербурге. Двадцать шестого августа он узнал от Сазонова мнение Жилинского, [344]

что «наступление в Восточной Пруссии обречено на провал». Говорили, что Янушкевич согласен с ним и решительно возражает против наступления. Генерал Данилов, заместитель начальника Генерального штаба, настаивал, однако, на том, что Россия не может подвести Францию и должна наступать, несмотря на «несомненный риск».

Данилов был вместе с великим князем в ставке в Барановичах. Спокойное место в лесу, где ставка находилась в течение года, было выбрано потому, что Барановичи стояли на стыке северо-южной железной дороги с главной линией Москва — Варшава. Отсюда производилось руководство обоими фронтами, германским и австрийским. Великий князь со своей свитой, старшими офицерами Генерального штаба и союзными военными атташе, жил и ел в вагонах, потому что оказалось, что дом, предназначенный для верховного главнокомандующего, находился слишком далеко от дома начальника станции, где разместились оперативный и разведывательный отделы. Для защиты вагонов от солнца над ними были возведены навесы, а также проложены деревянные тротуары, в станционном саду устроен легкий павильон с занавесками, где летом была столовая.

Все было просто, за удобствами не гнались. Помехой являлись только низкие двери, входя в которые очень высокий великий князь всегда набивал шишки. Поэтому все притолоки белели наклеенными бумажками, чтобы обратить его внимание и заставить вовремя нагнуться.

Данилов был обеспокоен очевидной потерей Ренненкампфом контакта с противником и плохой связью, в результате чего Жилинский не знал толком, где же находятся армии, которые также не знали о местонахождении друг друга. Когда ставке стало известно, что Самсонов двадцать четвертого — двадцать пятого августа столкнулся с противником и собирался возобновить бой, беспокойство по поводу того, что Ренненкампф не сможет замкнуть вторую часть клещей, значительно возросло.

Двадцать шестого августа великий князь посетил Жилинского в его штабе в Волковыске, требуя, чтобы Рённенкампф двинулся вперед. Начав свое неспешное преследование, Рённенкампф прошел через позиции на Ангераппе, которые 8-я армия покинула, передислоцировавшись на юг. Следы поспешного отхода подтвердили его мнение о разбитом противнике. Как вспоминает один из офицеров его штаба, Рённенкампф считал, что стремительное преследование врага ошибочно, так [345] как он тогда слишком быстро отойдет к Висле и Самсонов не сможет его отрезать. Рённенкампф не предпринял никаких усилий, чтобы следовать за противником достаточно близко, не теряя его из виду, но это совсем не тревожило Жилинского, который легко согласился с вариантом Ренненкампфа.

В приказе, направленном Жилинским Ренненкампфу на следующий день после посещения великого князя, указывалось, что 1-я армия должна преследовать врага, который, как считалось, все еще отступает, и принять меры против возможной германской вылазки из кенигсбергской крепости на ее фланге. Предполагалось, что блокирование Кенигсберга будут производить шесть резервных дивизий, но они еще не подошли. Теперь Жилинский предписывал Ренненкампфу обложить Кенигсберг силами двух корпусов, пока не прибудут резервные дивизии, и организовать «преследование остальными силами армии той части войска противника, которая, не укрывшись в Кенигсберге, стала бы отступать к Висле». Предполагая, что противник отступает, Жилинский не мог представить себе, что немцы угрожают Самсонову, и не заставил Ренненкампфа поторопиться, чтобы соединиться с правым флангом Самсонова, как вначале планировалось. Он только сообщил ему, что «совокупные действия» 1-й и 2-й армий должны быть направлены на то, чтобы отжать отступающих германцев от Вислы к морю. Но поскольку обе русские армии не находились ни в соприкосновении друг с другом, ни двигались друг к другу навстречу, слово «совокупные» было вряд ли уместным.

Утром двадцать шестого августа VI корпус русских начал свой марш к центру, не зная, что действует по уже отмененному приказу. Одна из дивизий находилась в движении, когда в другой получили известие, что противник обнаружен в десяти километрах к северу позади от нее.

Предположив, что это были те вражеские войска, которые отступали от Ренненкампфа, командир русской дивизии решил повернуться и атаковать их.

Обнаруженным противником был на деле корпус Макензена, выдвигавшийся на рубеж атаки. Макензен атаковал, отбивавшиеся отчаянно русские обратились за помощью к дивизии, находящейся на марше и отошедшей уже на четырнадцать километров. Она повернула назад и, пройдя в общей сложности тридцать километров, столкнулась к исходу дня со вторым корпусом германцев, корпусом Белова. [346] Обе дивизии утратили между собой связь. Командир корпуса генерал Благовещенский «потерял голову» (это

выражение было применено одним из английских историков). Командир дивизии, которая вела бой весь день и потеряла пять тысяч человек и шестнадцать орудий, решил отступить по собственной инициативе. В течение ночи в результате противоречивых приказов суматоха усилилась, части перепутались на дорогах, и к утру VI корпус находился в полном беспорядке и продолжал отступать.

Пока все это происходило, два с половиной корпуса, находившиеся в центре, начали наступление. Войска генерала Мартоса были в середине и вели упорный бой. Его сосед слева, дивизия XXIII корпуса, была контратакована и отброшена назад, обнажив фланг. Находившийся справа, XIII корпус генерала Клюева взял Алленштейн, но, узнав, что Мартосу приходится тяжело, пошел ему на помощь, оставив Алленштейн VI корпусу, который, как думали, был на подходе, но VI корпус так и не появился, и у Алленштейна остался неприкрытый промежуток.

В нескольких километрах от фронта в штабе 2-й армии в Нейденбурге Самсонов обедал со своим начальником штаба, генералом Постовским и английским военным атташе майором Ноксом, когда разбитая дивизия XXIII корпуса появилась на улицах. Среди солдат началась паника. Дребезжание санитарной фуры вызывало крики «Уланы!». Услышав шум, Самсонов и Постовский, нервный человек в пенсне, известный по непонятным причинам под прозвищем «сумасшедший мулла»{66}, пристегивая сабли, выбежали на улицу.

Первое, что бросилось в глаза, это вид солдат. Люди были «ужасно измучены... три дня они не видели хлеба...». В течение [347] двух дней солдаты не получали продовольствия, «ни один из обозов не подошел», — сообщил им один из полковых командиров.

Еще не получив всех сведений о том, что произошло с VI корпусом, Самсонов к концу дня понял, что теперь задача состояла не в том, чтобы обойти противника, а в том, чтобы самому избежать этого. Он тем не менее решил не выходить из боя, а возобновить его на следующий день силами центрального корпуса с целью задержать немцев до подхода Ренненкампфа, который бы нанес решительный удар. Он направил распоряжение генералу Артамонову, командиру I корпуса, держащему фронт против Франсуа на русском левом фланге, «прикрывать фланг армии... любой ценой». Он был уверен, что «даже сильно превосходящий противник не сможет сломить сопротивление славного I корпуса», добавляя, что успех боя зависел от его стойкости.

На следующее утро, двадцать седьмого августа, наступил так ожидаемый момент наступления Франсуа. Его артиллерия наконец прибыла. В четыре часа утра, до наступления рассвета, ураганный обстрел обрушился на позиции I корпуса в Уздау.

Германское главное командование, Гинденбург, невозмутимо спокойный, Людендорф, серьезный и напряженный, со следовавшим по пятам Хоффманом, покинуло временный штаб в Лобау, в двадцати километрах от фронта, и разместилось на холме, с которого Людендорф намеревался «наблюдать на месте» взаимодействие корпусов Франсуа и Шольца. Не успели они еще взойти на холм, как поступило донесение о том, что Уздау взят. Почти немедленно пришло второе известие, опровергавшее первое.

Артиллерийский обстрел продолжался. В русских окопах солдаты «I славного корпуса», голодные, как и их товарищи по XXIII корпусу, утратившие желание сражаться, бежали от дождя снарядов. Убитых было не менее, чем спасшихся. К одиннадцати часам дня I корпус покинул поле боя, который был выигран только одной артиллерией. Людендорф

почувствовал, что оборона русской 2-й армии теперь «прорвана», хотя выполнение его преждевременных приказов могло бы привести к поражению.

Но 2-я армия еще не была разбита. Людендорф обнаружил, что «в противоположность другим войнам» здесь сражение не выигрывается за один день. Продвижение Франсуа все еще [348] задерживалось к востоку от Уздау{67}; два русских корпуса в центре продолжали атаковать; над германским тылом все еще нависала угроза нападения Ренненкампфа.

Дороги были забиты беженцами и стадами, люди уходили целыми деревнями. Германские солдаты тоже были измучены, и им тоже мерещилось преследование в цокоте копыт. Крики «они идут», прокатившись по колонне, превращались в паническое: «Казаки!»

Возвратившись в Лобау, главное командование в ужасе узнало, что корпус Франсуа бежит и «остатки» его частей уже в Монтове. Срочный телефонный разговор подтвердил, что отступающие войска I корпуса, группы павших духом солдат, действительно обнаружены перед железнодорожной станцией. Если фланг Франсуа поддался, то тогда все сражение может быть проиграно. На какой-то ужасный момент возникло видение проигранной кампании, отступление за Вислу и оставление Восточной Пруссии, то видение, которое возникало перед Притвицем. Потом было установлено, что солдаты в Монтове принадлежали к батальону, бежавшему из-под Уздау.

В конце дня правда о том, что немцы «не отступают за Вислу», а наступают на Самсонова, дошла все-таки до штаба Жилинского. Он наконец телеграфировал Ренненкампфу, что 2-я армия ведет тяжелый бой и что он должен помочь, «двинув свой левый фланг вперед, насколько возможно», но указанные рубежи были много западнее и недалеко продвинуты, а о быстроте действий или форсированных маршах указаний не поступило.

Бой шел уже третий день. Две армии теперь уже ввели в бой все свои силы, накатывались друг на друга, схватившись, расходились и снова сталкивались в боях, проходивших на фронте протяженностью в шестьдесят пять километров. Один полк продвигался вперед, его сосед, наоборот, отступал, в промежуток вклинивался противник или же, непонятно почему, оставлял его [349] незанятым. Ревели пушки, кавалерийские эскадроны, пехотные части, тяжелые батареи на конной тяге двигались через деревни и леса, между озерами, по полям и дорогам. Снаряды рвались в домах и на улицах деревень. Батальон, наступавший под прикрытием артиллерии, исчезал за завесой дыма и тумана, навстречу неизвестной судьбе. Колонны пленных, конвоируемых в тыл, мешали движению войск. Бригады брали позиции или сдавали их, подключались не к тем линиям связи, путая свои дивизии с чужими. Командиры не знали, где их части, сновали штабные автомобили, в небе висели германские самолеты, стремясь произвести разведку, командующие армиями пытались понять, что происходит, и отдавали приказы, которые могли быть не получены, или не выполнены, или не соответствовали положению на фронте, когда достигали адресатов.

Триста тысяч человек выступили друг против друга, маневрировали и контрманеврировали, стреляли, напивались, если им везло и они занимали деревню, или сидели на земле в лесу с приятелями, когда наступала ночь, а на следующий день бой начинался снова. Шло огромное сражение на Восточном фронте.

Двадцать восьмого августа генерал Франсуа начал бой на рассвете еще одним артиллерийским шквалом. Людендорф приказал ему повернуть левее, чтобы помочь корпусу Шольца, который, как он полагал, был «сильно измотан». Не слушая приказа, Франсуа придерживался строго восточного направления, намереваясь завершить обход

фланга Самсонова и отрезать его отступление. После неповиновения Франсуа накануне Людендорф теперь чуть ли не просил его подчиняться приказам: I корпус «окажет самую большую услугу армии, выполняя эти указания», — сказал он. Не обращая внимания, Франсуа двигался на восток, выставляя на дорогах заслоны, чтобы помешать противнику прорваться.

Беспокоясь за центр, Гинденбург и Людендорф ожидали исхода сражения в штабе Шольца у деревни Фрогенау, находящейся в двух километрах от еще меньшей деревушки Танненберг. Приказы помечались «Фрогенау».

Людендорфа опять мучили опасения по поводу Ренненкампфа. Беспокоящийся из-за корпуса Шольца, злой на Франсуа и на очень «ненадежную полевую телефонную связь», соединявшую его с этим непослушным командиром, не имея вообще никакой телефонной связи с корпусами Макензена и фон Белова, он был «далеко не удовлетворен». Макензен и Белов, [350] запутавшись в противоречивых приказах, требовавших идти сначала в одном направлении, а потом в другом, послали в штаб офицера на аэроплане, чтобы добиться ясности. Его встретил «далеко не дружественный прием» из-за того, что ни один из корпусов не находился там, где должен быть. Ко второй половине дня, однако, оба уже вполне удовлетворительно продвигались: Макензен преследовал сломленное правое крыло русских, а фон Белов шел к промежутку у Алленштейна, чтобы атаковать русский центр. Теперь продвижение Франсуа казалось более оправданным, и Людендорф отдал ему приказ двигаться в направлении, в котором тот уже действовал.

Как раз в тот момент, когда в германском штабе начало складываться приятное убеждение в грядущей победе, пришло сообщение о том, что армия Ренненкампфа находится на марше. Но расстояние, покрытое им за день, создавало уверенность, что он опоздает. Действительно, ночной привал, ближайшего корпуса Ренненкампфа находился в тридцати пяти километрах от Бишофсбурга, где двумя днями ранее был разбит VI русский корпус. Медленно двигаясь по вражеской территории, к концу следующего дня, двадцать девятого августа, Ренненкампф прошел всего около пятнадцати километров на запад, а не на юг, и еще не установил контакта с Самсоновым. Это сделать так и не удалось.

Поражение «славного I корпуса», на чье сопротивление Самсонов так надеялся, в добавление к разгрому VI корпуса на правом фланге предрекло конец. Оба фланга были смяты, его кавалерия, единственное, в чем он превосходил немцев, развернутая слишком широко по флангам, не сыграла полезной роли в сражении и в настоящий момент была изолирована. Подвоз боеприпасов и продовольствия, а также, связь были в полном хаосе, сражались пока еще только крепкие XV и XIII корпуса. В своем штабе в Нейденбурге он уже слышал грохот приближающихся орудий Франсуа. Ему оставалось сделать только одно. Он телеграфировал Жилинскому, что выезжает на поле боя, а потом, приказав передатчик и личные вещи отправить в Россию, оборвал связь с тылом.

Причины этого решения, как потом говорили, «он унес с собой в могилу», но их нетрудно понять. Армия, которая была поручена ему, рассыпалась у него в руках. Он снова стал кавалерийским офицером и командиром дивизии и сделал то, что хорошо знал. С семерыми членами своего штаба на лошадях, [351] взятых у казаков, он ускакал, чтобы лично командовать под огнем, в седле, где он чувствовал себя как дома.

Двадцать восьмого августа на окраине Нейденбурга он попрощался с майором Ноксом. Самсонов сидел на земле, окруженный своим штабом, и изучал карту. Он встал, отвел Нокса в сторону и сообщил, что положение критическое. Он сказал, что его должность и долг призывают быть с армией, но поскольку долг Нокса состоял в том, чтобы правильно

информировать свое правительство о происходящем на русском фронте, он советует ему возвратиться, «пока еще есть время».

Он сел на коня и, повернувшись в седле, сказал с мудрой улыбкой:

«Сегодня удача на стороне врага, в другой раз она будет на нашей» — и ускакал.

Позднее генерал Мартос, руководивший боем в своем секторе с вершины холма и только что приказавший, чтобы колонну пленных немцев увели в тыл, очень удивился, когда увидел командующего армией верхом в сопровождении штаба.

Узнав, что уходящая колонна — пленные, Самсонов подъехал к Мартосу, нагнулся с седла, обнял его и сказал печально:

«Вы один спасете нас».

Но он знал, как обстоят дела, и в ту же ночь отдал приказ об отступлении тем, кто был когда-то 2-й армией.

Отступление в течение последующих двух дней, двадцать девятого и тридцатого августа, было ужасным. Два корпуса центра, которые сражались дольше и лучше всех, продвинувшись дальше всех, отступали последними, имея меньше всего шансов оторваться от противника, и почти полностью пали жертвой германского обхода. Корпус генерала Клюева все еще наступал, когда Белов прорвался справа через оставленный у Алленштейна промежуток и завершил обход русского центра. Корпуса Клюева и Мартоса безнадежно бились в лесах и болотах, совершая бесплодные марши и маневры в попытках перегруппироваться и организовать оборону, в то время как германское кольцо смыкалось все плотнее.

В болотистой местности, где дороги редки, немцы установили кордоны с пулеметами на каждом перекрестке. Солдаты корпуса Мартоса последние четыре дня просто голодали. За последние сорок часов своего существования корпус Клюева прошел семьдесят километров вообще без какого-либо довольствия, лошади были непоены и некормлены.

Двадцать девятого августа генерал Мартос с несколькими членами своего штаба и пятью казаками пытался найти выход [352] из леса. Повсюду стреляли. Генерал-майор Мачуговский, начальник штаба Мартоса, был убит пулеметной очередью. Постепенно погибли все, кроме одного офицера штаба, двух казаков и самого Мартоса. Походная сумка осталась у пропавшего неизвестно куда адъютанта, и Мартос с самого утра не ел, не пил и не курил. Одна из лошадей пала, остальных вели в поводу. Наступила ночь. Путники пытались ориентироваться по звездам, но они были закрыты облаками. Послышался шум приближавшихся солдат, и они решили, что это свои, так как лошади тянули в том направлении. Неожиданно вспыхнул германский прожектор и стал шарить по лесу, нащупывая их. Мартос пытался ускакать, но лошадь под ним была убита и он упал вместе с ней. Его схватили германские солдаты.

Потом в «грязной маленькой гостинице» в Остероде, куда был доставлен пленный Мартос, появился Людендорф и, говоря на чистом русском языке, потешался над побежденными и хвалился, что теперь русская граница открыта для вторжения. Вошел Гинденбург и, «увидя меня взволнованным, долго жал мне руки, прося успокоиться».

На плохом русском языке с сильным акцентом он обещал вернуть Мартосу саблю и затем, поклонившись, сказал:

«Я желаю Вам более счастливых дней».

В лесах к северу от Нейденбурга остатки корпуса Мартоса были уничтожены или взяты в плен. Только одному офицеру из XV корпуса удалось вернуться в Россию{68}.

В пятнадцати километрах к востоку от Нейденбурга остатки XIII корпуса генерала Клюева, которого тоже взяли в плен, заняли круговую оборону. С четырьмя орудиями, захваченными [353] в лесу у немцев, они отбивались от врага всю ночь 30 августа, пока хватило снарядов и патронов и большинство не было убито.

Последнюю русскую атаку в тот день с большой отвагой провел генерал Сирелиус{69}, занявший место смещенного командира 1 корпуса генерала Артамонова. Собрав разрозненные полки и артиллерию, не участвовавшие в сражении, что составило приблизительно дивизию, он предпринял наступление, прорвав позиции Франсуа и снова взяв Нейденбург. Но было слишком поздно. Это последнее действие 2-й русской армии было проведено без ведома генерала Самсонова, так как он был мертв.

Ночью двадцать девятого августа он так же, как и Мартос, попал в окружение в другой части леса. Проехав через лес, примыкавший к железной дороге, он и его спутники достигли Нилленбурга, находившегося всего в десяти километрах от русской границы, но немцы прибыли туда раньше них. Генерал и его группа дождались в лесу наступления темноты и затем, поскольку верхом по вязкому болоту было не проехать, двинулись пешком. Спички кончились, и поэтому они не могли сверить свой путь по компасу. Брели в темноте, взявшись за руки, чтобы не потеряться.

Самсонов, страдавший от астмы, заметно слабел. Он все повторял Пестовскому, своему начальнику штаба:

«Царь доверился мне. Как я встречусь с ним после такого разгрома?»

Пройдя девять километров, они остановились отдохнуть.

В час ночи Самсонов отполз под сосны, где было темнее. В тишине ночи щелкнул выстрел. Постовский знал, что это значило. Еще раньше Самсонов сказал ему о своем намерении совершить самоубийство, но Постовский думал, что отговорил его. Теперь он был уверен, что генерал мертв. Офицеры штаба пытались найти тело в темноте, но не смогли. Они решили дождаться утра, но, когда небо стало светлеть, услышали приближавшихся немцев. Русским пришлось бросить поиски и двинуться к границе, где они столкнулись с казачьим патрулем и наконец оказались в безопасности. Тело Самсонова было найдено немцами и похоронено в Вилленбурге, откуда оно с помощью Красного Креста в 1916 году было перевезено женой для похорон в России. [354]

Тишина царила во 2-й армии. Радио в штабе Жилинского молчало, в течение двух дней от Самсонова ничего не было слышно. Но теперь было уже слишком поздно. Жилинский приказал кавалерии Ренненкампфа прорваться через германские позиции у Алленштейна и выяснить, что случилось со 2-й армией. Но эта задача не была выполнена, потому что 8-я армия, уничтожив одну половину клещей, которые должны были раздавить ее, разворачивалась, чтобы расправиться с другой.

Почти с ужасом осознали немцы размеры своей победы. Количество убитых, пленных, захваченных орудий было огромно: взято девяносто две тысячи пленных, а по некоторым данным, даже больше{70}. Потребовалось шестьдесят поездов, чтобы в течение недели после сражения перевезти их в тыл. Орудий по разным подсчетам потеряно от трехсот до пятисот из шестисот, которыми располагала 2-я армия. Доставшихся лошадей табунами сгоняли в поспешно построенные загоны. Хотя и не существует какой-то твердо установленной цифры количества убитых и раненых, она превышает тридцать тысяч. Практически перестали существовать XV и XIII корпуса, от них осталось пятьдесят офицеров и две тысячи сто солдат. В двух фланговых корпусах, VI и I, отступивших первыми, уцелело приблизительно по дивизии, в XXIII — около бригады.

Победители тоже понесли тяжелые потери; усталость и шестидневное напряжение непрерывных боев сказывались на нервах. Когда Нейденбург, переходивший из рук в руки четыре раза, был снова взят германцами тридцать первого августа, солдат военной полиции пытался остановить автомобиль, пересекавший главную площадь. Когда машина, в которой находился генерал фон Морген, не остановилась на окрик «стой!», полицейский завопил: «Русские!» и выстрелил. Вслед за тем по автомобилю грохнул залп, в результате был убит шофер и ранен офицер, сидевший рядом с генералом. В ту же самую [355] ночь, едва не убитый несколько часов назад своими же солдатами, генерал был разбужен денщиком, который с криком «Русские пришли!» выскочил из дома, схватив одежду генерала. К своему «крайнему раздражению», фон Моргену пришлось выбежать на улицу, на ходу затягивая ремень с кобурой револьвера поверх нижнего белья.

Для очень многих, за исключением нескольких офицеров, то было первое боевое крещение огнем. Возбужденная фантазия под влиянием страха, волнения, усталости и кровопролитного недельного сражения породила выдумку о том, как будто тысячи русских утонули в болотах, их по самые шеи затягивала трясина, и немцам приходилось приканчивать их из пулеметов.

«У меня в ушах будут звучать их крики до самого смертного дня», — признавался один офицер своим друзьям в Германии.

«Широко распространившийся рассказ о русских, загнанных в болота и погибших там, — чистая выдумка, — писал Людендорф, — так как поблизости не было ни одного болота».

Когда стали известны размеры поражения русских, германское командование начало считать, что оно выиграло, как писал Хоффман в своем дневнике, «одну из величайших побед в истории». Было решено, если верить Хоффману, то по его, а если Людендорфу, то по «моему предложению», назвать сражение «битвой под Танненбергом» в качестве запоздалой компенсации за давнее поражение, которое здесь понесли тевтонские рыцари от поляков и литовцев{71}. Несмотря на свой второй триумф, еще больший, чем под Льежем, Людендорф не ликовал, «поскольку волнения, которые мне доставляла неизвестность о намерениях армии Ренненкампфа, были слишком велики». Теперь, однако, он мог с большей уверенностью повернуться против Ренненкампфа, прибавив к своим силам два дополнительных корпуса, которые Мольтке посылал ему с Западного фронта.

Своим триумфом Людендорф во многом был обязан другим:

Хоффману, который хотя и исходил из неправильных предпосылок, но был уверен, что Ренненкампф откажется от преследования, разработавшему план и составившему приказы, повернувшие 8-ю армию на Самсонова; Франсуа, не подчинившемуся приказам

Людендорфа и осуществившему обход левого фланги русской армии; Гинденбургу, успокоившему Людендорфа в [356] критический момент, и наконец, прежде всего фактору, который не был учтен при тщательном германском планировании, — русской радиосвязи.

Людендорф потом уже привык и ждал русских телеграмм, которые его штаб дешифровал или переводил на немецкий и представлял ему ежедневно в одиннадцать часов вечера. Если они опаздывали, Людендорф начинал нервничать и появлялся лично у связистов, чтобы выяснить, в чем дело.

Хоффман считает, что победу под Танненбергом одержали именно благодаря перехваченным телеграммам.

«У нас был союзник — наш враг, — говорил он. — Мы знали все планы противника».

Для публики же спасителем Восточной Пруссии был номинальный командующий — Гинденбург. Престарелый генерал, вытащенный из отставки в старомодном синем мундире, превратился в титана.

Триумф в Восточной Пруссии, невероятно раздутый по сравнению с его настоящим значением, создал для Германии миф о Гинденбурге. Даже хитрое злоязычие Хоффмана не могло повредить ему.

Позднее, уже в качестве начальника штаба Восточного фронта, водя гостей по полям Танненберга, он рассказывал:

«Вот здесь фельдмаршал спал перед сражением, здесь он спал после сражения, а вот здесь — во время сражения».

В России суть катастрофы не сразу дошла до общественного сознания, притушенная громадной победой, одержанной в то же самое время над австрийцами на галицийском фронте. В количественном отношении она была даже больше той, которую одержали немцы под Танненбергом, и произвела на врага такой же эффект. В серии сражений, происходивших с двадцать шестого августа по десятое сентября и закончившихся битвой при Лемберге, русские убили и ранили двести пятьдесят тысяч, захватили сто тысяч пленных, заставили австрийцев за восемнадцать дней отступить на двести пятьдесят километров, нанесли поражение австро-венгерской армии, особенно ее офицерскому корпусу, от которого она никогда уже не оправилась. Это обескровило Австро-Венгрию.

Но 2-я русская армия больше не существовала, генерал Самсонов был мертв, а из пяти его командиров корпусов двое были в плену, а остальные смещены с постов как несправившиеся.

После сражения у Мазурских озер под нажимом немцев генерал Ренненкампф «потерял голову», по обычному выражению Жилинского, бросил армию и на автомобиле умчался к границе, [357] завершив тем самым крах своей репутации и заслужив позорное изгнание из армии, что повлекло за собой и смещение Жилинского. В телеграмме великому князю Жилинский обвинял Ренненкампфа в паническом бегстве. Это возмутило великого князя, считавшего, что главная вина лежит на Жилинском. Поэтому он доложил царю, что это Жилинский «сам потерял голову и не способен управлять боевыми действиями», в результате чего к жертвам Танненберга прибавилась еще одна.

Это сражение обнажило плохую подготовку войск, недостатки снабжения, некомпетентность генералов и слабую организацию. Новый военный министр Гучков утверждал, что у него «сложилось твердое убеждение в том, что война была проиграна» после Танненберга.

Поражение прибавило новой смелости прогерманским группам, которые открыто начали агитировать за выход из войны. Граф Витте был уверен, что война погубит Россию, а Распутин, что она приведет к краху режима. Министерства юстиции и внутренних дел представили царю меморандум, настаивая на скорейшем мире с Германией на том основании, что продолжение дружбы с союзниками будет фатальным. Возможность не замедлила представиться. Вскоре Германия сделала России предложение о заключении сепаратного мира, переговоры о котором продолжались в течение 1915 и 1916 годов.

Либо из-за верности союзникам и Лондонскому пакту, боязни договора с Германией, нечувствительности к нарастанию революционного движения или же просто из-за паралича власти русские не приняли предложения Германии. Война продолжалась среди все растущего хаоса.

После катастрофы генерал маркиз де Лагиш, французский военный атташе, прибыл, чтобы выразить сочувствие главнокомандующему.

«Мы счастливы принести такие жертвы ради наших союзников», — галантно ответил великий князь.

Чего бы она ни стоила России, эта жертва дала французам то, что они хотели: уменьшение германских сил на Западном фронте. Два корпуса, опоздавшие к Танненбергу, отсутствовали на Марне.

Пожары Лувэна

В 1915 году появилась написанная в эмиграции книга Эмиля Верхарна, ведущего бельгийского поэта.

В предпосланном ей посвящении он писал:

«Пишущий эту книгу был когда-то пацифистом... Для него не было большего или более неожиданного разочарования. Это настолько сильно коснулось его, что он почувствовал себя другим человеком. И все же, как ему кажется, в этом вызванном в нем состоянии ненависти, унижающем его сознание, он посвящает эти страницы с глубоким чувством человеку, которым он был когда-то».

Из всего, что было когда-то написано об этом, написанное Верхарном является наиболее острым примером того, что война и оккупация делают с сознанием очевидца.

Когда закончилось «Приграничное сражение», война продолжалась всего двадцать дней и за это время сумела породить как среди воюющих, так и нейтральных страсти, точки зрения, идеи и вопросы, которые определили ее будущее и будущее истории. Мир, каким он привык быть, и идеи, формировавшие его, исчезли, как прошлое Верхарна, в августовских событиях и событиях последующих месяцев. Все составляющие — братство социалистов, переплетение финансов и [359] торговли, другие экономические факторы — все то, что должно было сделать войну невозможной, ничто не сработало, когда пришло время. Национализм, как бешеный порыв ветра, налетел и вымел все.

Люди вступали в войну с различными чувствами и идеями. Среди ее участников одни пацифисты и социалисты сердцем были против войны, другие, вроде Рупперта Брука, приветствовали ее.

«Да будь благословен Господь, сравнявший нас единым часом», — писал он в своем стихотворении «1914».

Немцы испытывали те же чувства. Война должна была быть, писал Томас Манн, «очищением, освобождением, великой надеждой. Победа Германии будет победой души. Германская душа, — пояснял он, — противоположна пацифистскому идеалу цивилизации, поскольку не является ли мир элементом, разрушающим общество?». Эта концепция, зеркальное отражение основной германской милитаристской теории о том, что война облагораживает, была очень недалека от сентенций Рупперта Брука и в то время ее придерживалось немало уважаемых людей, в числе которых был и Теодор Рузвельт. К 1914 году, не считая окраинных войн на Балканах, Европейский континент не переживал подобных потрясений в течение целого поколения, и, по мнению одного наблюдателя, приветственное отношение к войне зависело в какой-то степени от «неосознанной скучности мира».

Там, где Брук усматривал чистоту и благородство, Манн видел более положительную цель. Поскольку немцы являются, как он говорил, самыми образованными, дисциплинированными и миролюбивыми из всех народов, они заслуживают того, чтобы быть и самыми сильными, чтобы господствовать, создать «германский мир» из того, «что со всякими возможными оправданиями называется германской войной».

Хотя Манн писал это в 1917 году, он вспоминал 1914 год, который должен был стать германским 1789-м, установлением германской идеи в истории, воцарением Kultur, выполнением германской исторической миссии.

В августе, сидя в кафе в Аахене, один немецкий ученый сказал американскому журналисту Ирвину Коббу:

«Мы, немцы, являемся наиболее трудолюбивой, честной и лучше всех образованной нацией в Европе. Россия отстаивает реакцию, Англия — эгоизм и вероломство, Франция — декадентство, Германия — прогресс. Германская Kultur просветит мир, и после этой войны другой не будет». [360]

Немецкий делец, сидевший с ними, имел более конкретные цели. Россия должна быть подчинена настолько, чтобы никогда больше славянская угроза не нависала над Европой: Великобритания должна быть совершенно повержена и лишена флота, Индии и Египта; Франция — заплатить такую контрибуцию, от которой бы она никогда не оправилась; Бельгия должна отдать свое побережье, поскольку Германии нужны порты в проливе; Япония будет наказана в свое время. Союз «всех тевтонских и скандинавских народов в Европе, включая Болгарию, будет пользоваться абсолютным господством от Северного до Черного моря. У Европы будет новая карта, в центре которой — Германия».

Подобные разговоры еще за несколько лет до войны не способствовали развитию дружественных чувств по отношению к Германии.

«Мы часто действовали миру на нервы, — признает Бетман-Хольвег, — часто объявляли о праве Германии вести за собой мир. Это, — поясняет он, — истолковывалось как стремление к мировому господству, но на самом деле являлось «неуравновешенной запальчивостью мальчишества».

Но мир ее такой не считал. В германском тоне была дерзость, содержавшая скорее угрозу, чем мальчишество. У мира «разболелась голова, и ему надоело... — писал Бернард Шоу в 1914 году, — германское бряцание оружием. ...Мы были крайне раздражены прусским милитаризмом, его презрением к нам, человеческому счастью и здравому смыслу, и мы просто поднялись и пошли против него».

Одни сделали это с ясным пониманием задач, удовлетворяющих по крайней мере их; другие — только с туманным представлением, почему и куда; третьи вообще ничего себе не представляли.

Герберт Уэллс принадлежал к первой категории. Врагом, объявил он в печати четвертого августа, является германский империализм и милитаризм, «чудовищное тщеславие, порожденное в 1870-м». Победа Германии, «крови и оружия, прославляющих тевтонский киплингизм», означала бы «постоянное воцарение бога войны над всеми человеческими делами». Поражение Германии «может», Уэллс не говорит «должно», «открыть путь к разоружению и миру во всем мире».

Очень слабо представлял себе эти вопросы английский резервист, объяснявший, например, одному пассажиру:

«Я еду сражаться с этими чертовыми бельгийцами, вот куда я еду».

К третьей [361] категории, сражавшейся без каких-либо целей, принадлежал майор сэр Том Бриджес, командир эскадрона, убивший первых немцев на дороге в Суаньи.

«К Германии не было ненависти, — говорил он. — Мы были готовы сражаться с любым врагом... и даже с французами. Нашим девизом было: «Что нужно сделать? Мы сделаем это»».

Сводившим старые счеты французам не было необходимости объясняться. Германцы стояли у их ворот, этого было достаточно. Однако здесь тоже ощущалась «великая надежда». Бергсон считал, что, хотя полная победа союзников потребует «огромных жертв», их результатом вместе с «обновлением и расширением Франции будет моральная регенерация Европы. Тогда со стремлением к подлинному миру Франция и человечество смогут начать марш вперед, и только вперед, вперед, к миру и справедливости».

Но это не были точки зрения государственных деятелей или целых масс, а частные мнения отдельных лиц. Ни одно из них еще не утвердилось, как это случилось потом. Еще не возникла национальная ненависть к Германии. Среди первых и наиболее запомнившихся военных карикатур в «Панче», появившихся двенадцатого августа, была одна под названием «Нет хода». Она изображала маленького решительного бельгийского мальчика в деревянных башмаках-кломпах, преграждающего путь толстому старому бандиту — Германии, из кармана которого свисала гирлянда сосисок. Пока еще он был смешной, не страшный. Другой излюбленной темой в те дни начала войны был Кронпринц, которого изображали этаким хлыщом с очень тонкой талией, высоким тугим воротником, в фуражке набекрень и выражением глупого и пустого самодовольства. Но таким он недолго продержался на страницах прессы. Война становилась все серьезнее, и его сменил более всех известный немец, главный военный Германии, чья подпись стояла под каждым приказом Генерального штаба, и поэтому он казался автором всех германских действий — кайзер. Это был уже больше не допоенный злой гений, потрясающий саблей, — теперь его изображали черным, сатанинского вида тираном, жестокость и враждебность которого сквозили в каждой линии.

Эта перемена началась в августе, и на смену спокойному утверждению Бриджеса «к Германии не было ненависти» пришло то, что сформулировал Стефен Маккенна в 1921 году:

«Среди тех, кто помнит, имя немца и его присутствие были оскорбительными». [362]

Не какой-нибудь псевдогерой и сверхпатриот, а трезвый вдумчивый школьный учитель, мемуары которого являются общественным документом своего времени, Маккенна регистрирует изменения в чувствах, препятствовавших любому урегулированию и заставлявших сражаться до полной победы. Изменение это было порождено тем, что случилось с Бельгией.

Поворот событий в Бельгии явился результатом германской теории устрашения. Клаузевиц предписывал ее в качестве соответствующего метода для сокращения сроков войны. Вся его теория войны основывается на том, что война должна быть короткой, активной и решительной. Гражданское население не исключается из ее сферы, наоборот, оно должно испытывать ее тяготы и в результате воздействия на него самыми сильными мерами должно заставить своих руководителей заключить мир.

Поскольку целью войны является разоружение противника, «мы должны поставить его в положение, которое при продолжении войны окажется для него более тяжелым, чем

капитуляция». Это на первый взгляд правильное предположение годилось для научной теории войны, которая в течение девятнадцатого века была самым лучшим, что мог создать интеллект германского Генерального штаба. Она уже была применена на практике в 1870 году, когда после Седана возникло французское Сопротивление. Жестокость, с которой немцы подавили его, расстреливая пленных и гражданских лиц по обвинению во франтирерстве, позволила им одержать победу через шесть недель, заставив мир разинуть рот от удивления по поводу столь скорых военных успехов Пруссии.

Хотя 1870 год увенчал теорию и практику устрашения выводом, что он усугубляет антагонизм, порождает сопротивление и в конечном счете затягивает войну, германцы по-прежнему придерживались его. Как сказал Шоу, они были народом, презирающим здравый смысл.

Двадцать третьего августа в Льеже были расклеены объявления, подписанные генералом фон Бюловым, оповещавшие, что население Анденна, небольшого городка на Маасе недалеко от Намюра, нападавшее на его войска «самым предательским образом», было наказано «с моего разрешения, как командующего этими войсками, путем полного сожжения города и расстрела 110 человек». Население Льежа извещалось, что его постигнет та же судьба, если оно последует примеру соседей. [363]

Сожжение Анденна и кровавая расправа — бельгийцы считают, что было убито двести одиннадцать человек, а не сто десять, — имели место двадцатого — двадцать первого августа во время битвы под Шарлеруа.

Командиры Бюлова безжалостно осуществляли карательные меры в занятых деревнях. В Сейле, находящейся на другом берегу реки напротив Анденна, было расстреляно пятьдесят жителей, а дома преданы разграблению и огню. В Тамине, захваченном двадцать первого августа, город начали грабить в тот же вечер, и продолжалось это всю ночь и весь следующий день. Обычная оргия разрешенного мародерства, сопровождавшаяся пьянством, привела солдат в состояние, близкое к первобытному, имевшее целью усилить эффект устрашения. На второй день в Тамине перед церковью на главной площади согнали около четырехсот граждан, по которым солдаты открыли стрельбу как по мишеням. Те, кто не погиб от пуль, были добиты штыками. На местном кладбище стоят триста восемьдесят четыре могильных камня с надписью: «1914. Расстрелян немцами».

Когда армия Бюлова взяла Намюр, на улицах были расклеены объявления о том, что с каждой улицы было взято по десять заложников, которые будут расстреляны, если кто-нибудь из жителей выстрелит в немца. Захват и расстрел заложников практиковались так же систематически, как и реквизирование продовольствия. Чем дальше продвигались германцы, тем больше захватывалось заложников. Вначале, когда армия фон Клюка входила в город, немедленно появлялись извещения о том, что в качестве заложников взяты бургомистр, судья и священник, глава прихода с обычными предупреждениями населению об их судьбе. Вскоре этих троих уже было недостаточно, по человеку с улицы, по десяти с улицы — все было мало.

Вальтер Блоэм, писатель, мобилизованный в качестве офицера запаса и служивший в армии фон Клюка, составивший бесценное описание наступления на Париж, рассказывает, как и деревнях, в которых их рота останавливалась на ночлег, каждую ночь «майор фон Клейст приказывал, чтобы от каждого двора брали по мужчине, а если мужчин не было, то по женщине в качестве заложников». По какой-то непонятной

причине система действовала наоборот — чем больше был террор, тем шире требовалось его применение. [364]

Когда сообщалось, что по германским солдатам стреляли, заложников казнили. Ирвин Кобб, сопровождавший армию фон Клюка, наблюдал как-то из окна, как между двумя шеренгами солдат, стоявших с примкнутыми штыками, провели двух жителей. Вскоре за железнодорожной станцией раздались выстрелы, а потом пронесли двое носилок с телами, покрытыми одеялами, Кобб заметил, что эту процедуру немцы повторили еще дважды.

Визе, там, где произошел первый бой по пути на Льеж в первый день вторжения, был разрушен не наступавшими войсками, а теми, кто оккупировал город после того, как наступление пошло дальше. В ответ на сообщение о стрельбе снайперов-бельгийцев двадцать третьего августа из-под Льежа в Визе был прислан германский полк. В эту ночь выстрелы в городе были слышны в Эйсдене, в восьми километрах по ту сторону голландской границы. На следующий день Эйсден был заполнен потоком беженцев: четыре тысячи человек, все население Визе, за исключением расстрелянных и семисот мужчин и юношей, отправленных на работу в Германию. Угон населения на работы был начат в августе. Потом, когда Брэнд Уитлок, американский посланник, посетил то, что осталось от Визе, он увидел только пустые почерневшие дома, «остатки руин, похожие на Помпею». Не было ни живой души, ни одной крыши.

В Динане, на Маасе, двадцать третьего августа саксонцы армии генерала фон Хаузена вели последний бой в битве за Шарлеруа. Фон Хаузен лично наблюдал «вероломство» бельгийских жителей, мешавших восстановлению мостов, что «так противоречило международным правилам». Его войска набрали «несколько сотен» заложников — мужчин, женщин и детей. Пятьдесят человек были схвачены в церкви во время воскресной службы. Генерал видел, как они, «тесно сбитые в кучу, сидели, стояли, лежали под охраной гренадеров. На их лицах были написаны страх, невысказанная боль, ярость и желание отомстить за горе, которое им причинили». Фон Хаузен, человек чувствительный, ощущал, как от них исходила «неукротимая враждебность». Он был тем самым генералом, которому показалось так неуютно в доме одного бельгийца, сжимавшего в карманах кулаки и отказавшегося беседовать с ним за обедом. В этой толпе в Динане он видел французского солдата с кровавой раной на голове, гордо и молча умиравшего и отказывавшегося от медицинской помощи. На этом чувствительный [365] фон Хаузен прерывает свое повествование, умалчивая о дальнейшей судьбе жителей Динана.

Их продержали на площади весь вечер, затем построили, мужчин по одну сторону, женщин — по другую. Они стояли лицом друг к другу на коленях. Затем к центру площади промаршировали два отделения солдат, повернулись друг к другу спиной и стреляли по заложникам до тех пор, пока никого не осталось в живых. Было опознано и погребено шестьсот двенадцать трупов, включая Феликса Фивё, трех недель от роду.

После этого саксонцам дали волю грабить и жечь. Средневековая крепость, орлиным гнездом возвышавшаяся над городом на правом берегу реки и защищавшая его когда-то, глядела сверху на повторение средневекового варварства. Саксонцы покинули Динан, оставив его опаленным, разрушенным и пустынным. «Глубоко тронутый» этой картиной опустошения, совершенного его войсками, фон Хаузен покинул развалины Динана, твердо убежденный, что ответственность за все лежала на бельгийском правительстве, «разрешившем эту вероломную стрельбу на улицах, противоречащую международному праву».

У немцев была просто мания в отношении нарушений международного права. Они, однако, не замечали того, что само их присутствие в Бельгии было таким нарушением, считая протест бельгийцев против него ненормальным. Со вздохом долго испытываемого терпения Веттерле, депутат рейхстага, однажды признался: «Уму, сформировавшемуся в латинской школе, трудно понять германский здравый смысл».

Эта мания состояла из двух частей: что бельгийское сопротивление было незаконным и что оно организовывалось «сверху», бельгийским правительством, бургомистрами, священниками и другими лицами, которых можно отнести к «верху». Вместе эти две части приводили к заключению, что германские карательные меры были справедливыми и законными, независимо от их степени. Расстрел одного заложника или убийство шестисот двенадцати и полное уничтожение города — во всем одинаково было виновато бельгийское правительство — таков был рефрен любого немца, от Хаузена после Динана до кайзера после Лувэна. Ответственность должна была «пасть на тех, кто подстрекал жителей нападать на немцев», — постоянно возражал Хаузен. Нет абсолютно никакого сомнения, настаивал он, что все население Динана и других районов было [366] «враждебным — по чьему приказу? — только из-за желания остановить наступление немцев». А то, что народ мог быть настроен враждебно из-за желания остановить завоевателей без приказа «сверху», это в голове немцев не укладывалось.

Призыв к сопротивлению им виделся во всем. Фон Клюк утверждал, что объявления бельгийского правительства, предупреждавшие народ против враждебных действий, фактически были «подстрекательством гражданского населения стрелять во врага». Кронпринц применял ту же теорию, но в отношении французского Сопротивления. Он жаловался, что «фанатики» в районе Лонгви стреляли в нас «предательски и вероломно» через окна и двери из охотничьих ружей, «присланных для этой цели из Парижа». Если бы во, время своих поездок он получше познакомился с французской деревней, где ружье для охоты на зайцев по воскресеньям было такой же неотъемлемой частью домашнего обихода, как и пара штанов, он бы сообразил, что для вооружения франтиреров не нужно было высылать ружья из Парижа.

Германские сообщения о пребывании войск на вражеской территории истерически вопят о партизанской войне. Людендорф назвал ее «отвратительной». Он, чье имя вскоре стало синонимом обмана, насилия и хитрости, шел на войну, как он говорил, с «благородными и гуманными концепциями» ее ведения, но методы франтиреров «лично в нем вызвали горькие разочарования». Капитана Блоэма преследовала «ужасная мысль», что он может быть ранен или убит выстрелом гражданского лица, хотя еще две недели назад он сам был таким же. Во время изнурительного марша, когда было пройдено за день сорок пять километров, сообщает он, никто из солдат не отстал, поскольку «мысль попасть в руки валлонов была страшнее, чем стертые ноги». Ужас немцев перед франтирерами был порожден тем, что гражданское сопротивление было по своей сути стихийным.

Если есть выбор между несправедливостью и беспорядком, писал Гёте, немец выберет несправедливость. Воспитанный в государстве, где отношение подданного к суверену не имеет никакой другой основы, кроме подчинения, он не в состоянии понять государства, организованного на другой основе, а попав в него, испытывает огромное неудобство.

Чувствуя себя в своей тарелке только в присутствии власти, он рассматривает гражданского снайпера как что-то зловещее. [367] С точки зрения Запада франтирер — герой, для немца он — еретик, угрожающий существованию государства.

В Суассоне стоит памятник из бронзы и мрамора, посвященный трем учителям, поднявшим восстание студентов и местных жителей против пруссаков в 1870 году.

Глядя на него с изумлением, германский офицер сказал американскому журналисту в 1914 году:

«Уж эти французы! Ставят памятник, чтобы прославлять франтиреров. В Германии никому не разрешат сделать что-либо подобное. Да и вряд ли кому в голову придет это».

Для того чтобы настроить соответствующим образом германских солдат, все немецкие газеты с самых первых дней, как вспоминает капитан Блоэм, были полны сообщениями об «ужасных жестокостях... о вооруженных священниках, возглавлявших банды гражданских лиц, совершавших лютые зверства... о предательских засадах, в которые попадали патрули, о часовых, найденных с выколотыми глазами и отрезанными языками». Подобные «ужасные слухи» уже одиннадцатого августа достигли принцессы Блюхер и были записаны в ее дневник. Германский офицер, у которого она хотела проверить их, сообщил, что в аахенском госпитале как раз находятся тридцать офицеров, глаза которым выкололи бельгийские женщины и дети. Страхи, подогретые подобными рассказами, легко давали германскому солдату при одном только крике «снайперы!» повод к убийству и поджогу, которые к тому же поощрялись офицерами. Устрашение должно было заменить оккупационные поиска, которые не могло выделить верховное командование, готовясь к маршу на Париж.

Двадцать пятого августа начался поджог Лувэна. Средневековый город, лежащий на дороге из Льежа в Брюссель, был известен своим университетом и неповторимой библиотекой, основанной в 1426 году, когда Берлин был еще горсткой деревянных домишек. Размещенная в зале XIV века, называемом «залом швейников», библиотека среди двухсот тридцати тысяч томов имела уникальную коллекцию из 750 средневековых манускриптов и свыше тысячи инкунабул. Фасад городской ратуши, называемый «жемчужиной готического искусства», был каменным гобеленом с высеченными рыцарями, святыми и дамами, роскошным уже самим по себе. Церковь Святого Петра украшали панели работы Дирика Бута и других фламандских мастеров. [368] Сожжение и разграбление Лувэна сопровождалось неизбежным расстрелом жителей и продолжалось шесть дней, оборвавшись так же неожиданно, как и началось.

Первый день оккупации прошел тихо. Магазины бойко торговали. Германские солдаты вели себя примерно и добропорядочно, покупали открытки и сувениры, за покупки платили и стояли в очереди вместе с жителями к местным парикмахерам. Второй день был напряженнее. В ногу был ранен германский солдат якобы снайпером. Бургомистр немедленно повторил свое обращение к жителям сдать оружие. Он и еще два чиновника были арестованы как заложники. Участились казни за железнодорожным вокзалом. Нескончаемый марш колонн фон Клюка продолжался день за днем.

Двадцать пятого августа у Малина, находящегося на окраине укрепленного района Антверпена, бельгийская армия сделала неожиданную вылазку против арьергарда армии фон Клюка, отбросив его в беспорядке в Лувэн. В суматохе отступления лошадь, потеряв седока, промчалась в темноте через городские ворота, напугала другую. Та понеслась, но запуталась в упряжи и перевернула фургон. Раздались выстрелы, крики «французы! англичане!» Позднее немцы ссылались на то, что по ним стреляли бельгийские жители, которые также подавали сигналы бельгийской армии с крыш. Бельгийцы же утверждали, что это немцы стреляли друг в друга в темноте.

В течение недель, месяцев и даже лет уже после случившегося, поразившего весь мир, юридические комиссии и трибуналы расследовали происшедшее. Германским обвинениям противопоставлялись бельгийские контрдоказательства. Кто в кого стрелял, так и не было определено, да и вряд ли уже было существенно после того, как немцы сожгли Лувэн не в качестве наказания за бельгийские прегрешения, а для устрашения и предупреждения всех своих врагов — демонстрации германской мощи перед всем миром.

Генерал фон Лютвиц, новый губернатор Брюсселя, на другой день сделал следующее.

Когда американский и испанский посланники посетили его по своим делам, он сказал:

«В Лувэне произошла неприятная вещь. Сын местного бургомистра застрелил нашего генерала. Жители стреляли по войскам».

Он помолчал, взглянул на своих посетителей и закончил:

«Теперь, конечно, нам придется разрушить город».

Посланник Уитлок так часто слышал об убийстве германского генерала сыном, а [369] иногда и дочерью бургомистра, что создавалось впечатление, будто бельгийцы специально вырастили поколение бургомистерских детей — убийц.

Сведения о сожжении Лувэна уже широко распространились. Потрясенные и плачущие беженцы из города рассказывали о том, как поджигались улица за улицей, о безжалостном грабеже и непрестанных расстрелах. Двадцать седьмого августа Ричард Гардинг Девис, лучший из американских корреспондентов, находившихся в то время в Бельгии, приехал в Лувэн с военным эшелоном. Немцы заперли его в вагоне, но к этому моменту пожар уже достиг бульвара Тирлемон, выходящего к вокзалу, и он мог видеть «столбы дыма и пламени, поднимавшиеся над домами».

Немецкие солдаты были пьяны. Один из них сунул голову в окно другого вагона, в котором был заперт еще один корреспондент, Арно Деш, и прокричал:

«Мы разрушили три города! Три! А будет еще больше!»

Двадцать восьмого августа Хью Гибсон, первый секретарь американской миссии, в сопровождении шведского и мексиканского коллег отправился в Лувэн, чтобы убедиться во всем самому. Дома с почерневшими стенами и дымящимися балками все еще горели. Тротуары были горячими, повсюду летала сажа. Кругом были тела мертвых людей и лошадей. Старик с белой бородой лежал на спине. Многие трупы уже распухли, очевидно, эти люди были убиты уже давно. Среди углей валялись обломки мебели, бутылки, рваная одежда.

Солдаты IX резервного корпуса, одни пьяные, другие возбужденные, с налитыми кровью глазами выгоняли жителей из оставшихся домов, чтобы, как пояснил один из них Гибсону, завершить разрушение города. Они шли от дома к дому, взламывали двери, набивали карманы ценностями и подносили факелы. Поскольку большинство домов были каменными, пожар разгорался плохо. Германский офицер, посасывая сигару, наблюдал за происходящим.

Он кипел яростью против бельгийцев и все повторял Гибсону:

«Мы все сотрем в порошок, не оставим камня на камне! Мы научим их уважать Германию. В течение поколений люди будут приходить сюда, чтобы увидеть, что мы сделали!»

Таким был германский способ оставлять о себе память.

В Брюсселе ректор лувэнского университета де Бекер, которого удалось спасти при помощи американцев, рассказал об уничтожении библиотеки. От нее ничего не осталось, одна зола. [370] Когда он дошел до слова «библиотека», он не мог произнести его. Запнулся, пытался сказать снова, выговорил первый слог — «биб...» — и, уронив голову на стол; зарыдал.

Уничтожение библиотеки, о чем официально сообщила американская миссия, вызвало протест бельгийского правительства, обращенный к мировой общественности, также возмущенной этим вандализмом.

Свидетельские показания беженцев, записанные корреспондентами, заполнили иностранную прессу. Помимо университета и библиотеки, «все красивые общественные здания», включая ратушу и церковь Святого Петра со всеми картинами, были уничтожены. Позднее установили, что ратушу и церковь не разрушили до конца. Репортаж Девиса в нью-йоркской «Трибюн» был помещен под заголовком «Немцы грабят Лувэн. Расстреливают женщин и священников». За подзаголовком «Берлин подтверждает ужасы Лувэна» была помещена телеграмма из Берлина, направленная германскому посольству в Вашингтоне, в которой говорилось, что из-за «вероломного» нападения бельгийского населения «Лувэн был наказан разрушением города». Как и заявление генерала фон Лютвица, телеграмма подчеркивала, что Берлин не имеет никакого желания допустить, чтобы мир неправильно истолковал характер случившегося в Лувэне.

Разрушение городов и умышленная, осознанная война против гражданского населения потрясли мир в 1914 году. Передовицы в английских газетах называли это «походом Чингисхана» и «изменой цивилизации». Сожжение библиотеки, сообщалось в «Дейли кроникл», означает войну не только по отношению к мирному населению, но и «последующим поколениям». Даже обычно спокойные и осторожно нейтральные голландские газеты не удержались от комментариев. Какова бы ни была причина происшедшего, писала роттердамская «Курант», «сам факт уничтожения существует», факт «настолько ужасный, что весь мир, наверное, должен содрогнуться от ужаса, узнав об этом».

Сообщения в иностранной прессе появились двадцать девятого августа, а тридцатого уничтожение Лувэна было остановлено. В тот же самый день в официальном коммюнике германское Министерство иностранных дел заявляло, что «вся ответственность за эти события ложится на бельгийское правительство», не забыв упомянуть обычные обвинения в том, что [371] «женщины и девушки принимали участие в стрельбе и ослепляли наших раненых, выкалывая им глаза».

Во всем мире люди спрашивали, почему немцы сделали это?

«Кто вы, потомки Гёте или Аттилы?» — спрашивал Ромен Роллан в открытом письме своему бывшему другу Герхарду Гауптману, немецкому писателю.

Король Альберт в беседе с французским посланником высказал мысль, что основным мотивом варварства было германское чувство ревности и зависти:

«Эти люди завистливы, неуравновешенны и вспыльчивы. Они сожгли библиотеку в Лувэне потому, что она была уникальной и ею восторгался весь мир».

Другими словами, это был варварский приступ злобы против цивилизации. Справедливое, но неполное объяснение, оно забывает о намеренном, даже предписанном применении террора:

> «Войну следует вести не только против вооруженных сил вражеского государства, но также стремиться разрушить все материальные и интеллектуальные ресурсы противника».

Для мира это оставалось действиями варвара. Действиями, при помощи которых германцы хотели запугать мир, навязать подчинение, но вместо этого они убедили огромное количество людей в том, что были врагами, с которыми нельзя договориться или найти компромисс.

Бельгия многое прояснила, стала для большинства «главным вопросом» войны. В Америке, говорит один из современных историков, Бельгия стала «генератором» мнений, вершиной всего был Лувэн. Матиас Эрцбергер, возглавивший вскоре немецкую пропаганду, когда она стала несчастливой необходимостью для Германии, обнаружил, что Бельгия «подняла почти весь мир против Германии». Его контрпронагандистские усилия доказать, что поведение ее было оправдано военной необходимостью и самообороной, были, как пришлось ему признать с вынужденным сожалением, «неудовлетворительными».

Не помогли и попытки, предпринятые кайзером через десять дней после Лувэна, когда он направил президенту Вильсону телеграмму, в которой сообщал, что «его сердце обливается кровью» по поводу страданий Бельгии, вызванных «в результате преступных и варварских действий бельгийцев». Их сопротивление, как он пояснял, было «открыто инспирировано» и «тщательно организовано» бельгийским правительством, что вынудило его генералов предпринимать строжайшие меры против «кровожадного населения». [372]

Не помог и манифест, опубликованный девяносто тремя германскими профессорами и интеллектуалами, адресованный «цивилизованному миру». Прославляя вклад германской культуры в цивилизацию, они заявляли: «Неправда, что мы преступно нарушили нейтралитет Бельгии... Неправда, что наши войска с жестокостью разрушили Лувэн». Несмотря на громкие имена, стоявшие под манифестом, — Харнака, Зудермана, Хампердинка, Рентгена, Гауптмана — мертвая зола Лувэнской библиотеки взывала громче{72}.

Отступление

Подобно режущим ножницам, пять германских армий правого крыла и центра вонзились во Францию из Бельгии после Приграничного сражения. Силы вторжения насчитывали миллион человек, и их передовые колонны, расстреливая и сжигая, вступили на территорию Франции двадцать четвертого августа. В Лотарингии две армии левого крыла под командой принца Рупрехта продолжали сражаться против отчаянно сопротивлявшихся армий Кастельно и Дюбая.

Германские войска прорвались на стодвадцатикилометровом фронте на севере Франции и двигались на Париж, имея на правом фланге армию Клюка, стремившегося обойти союзников. Неотложная задача Жоффра заключалась в том, чтобы, остановив отступление своих войск, в то же самое время перенести тяжесть обороны влево, создав достаточно сильный заслон, способный приостановить обходный маневр противника и «возобновить наступление».

После постигшей катастрофы «возобновление наступления» было доминирующей мыслью французского Генерального штаба. Через двадцать четыре часа после разгрома, не попытавшись даже произвести «проверку», как она официально [374] называлась, французских армий или перестроить стратегию в размерах возможного, двадцать пятого августа Жоффр издал новый Общий приказ, второй в этой войне. Он предлагал создать на пути германского правого крыла новую, 6-ю армию, сформированную из войск, снятых с фронта в Лотарингии. Переброшенная по железной дороге в Амьен, на левый фланг англичан, она вместе с ними, 4-й и 5-й французскими армиями, должна была составить кулак, возобновивший бы наступление. Пока 6-я армия формировалась, трем отступавшим французским армиям предстояло создать непрерывный фронт и «остановить или задержать продвижение противника короткими и энергичными контратаками», осуществляемыми арьергардами. Как указывалось в Общем приказе № 2, Жоффр считал, что 6-я армия прибудет на позиции и будет готова присоединиться к новому наступлению ко второму сентября, Дню Седана.

Этот же срок был назначен и наступавшим немецким войскам, рассчитывавшим завершить маневр Шлиффена: обход и уничтожение французских войск, сконцентрированных на фронте перед Парижем. В течение последующих двенадцати дней обе стороны помышляли о втором Седане. Это были двенадцать дней, когда история колебалась между двумя путями и немцы были так близки к победе, что даже прикоснулись к ней между Эной и Марной.

«Сражаться отступая, сражаться отступая» — таков был приказ, неустанно повторявшийся каждому полку. Необходимость задержать противника и выиграть время для перегруппировки и создания твердой обороны придавала настойчивость, которой так не хватало при наступлении. Она требовала арьергардных действий — почти самоубийства. Стремление немцев не дать французам время на перегруппировку толкало их вперед с не меньшим упорством.

При отступлении французы сражались с умением и постигнутым на горьком опыте искусством, которые не всегда присутствовали во время боев в Бельгии. Участвуя в небольшом и весьма туманно понимаемом наступлении в загадочных лесах, на чужой земле, они были теперь у себя дома, защищая Францию. Местность, по которой они проходили, была знакомой, население — французским, поля, амбары, деревенские улицы

— все было теперь своим, и теперь они сражались так, как дрались 1-я и 2-я армии за Мозоль и Гран-Куроннё. [375]

Хотя наступление и не удалось, они не были еще разбитой армией. Слева, на пути главного наступления немцев, 5-я армия, избежав катастрофы у Шарлеруа и на Самбре, пыталась зацепиться за что-нибудь. В центре, имея за спиной Маас, 3-я и 4-я армии вели упорные сдерживающие бои от Седана до Вердена против двух германских армий центра, срывая попытки противника окружить их и, как пришлось признаться кронпринцу, «восстанавливая свободу маневра». Но, несмотря на действия арьергардов, германское наступление было слишком массированным, чтобы его можно было остановить. Продолжая сражаться, французы отступали, приостанавливали и задерживали врага где могли, но все же отступали.

Каждый километр отступления болью отзывался в сердцах. В некоторых местах солдаты проходили мимо своих домов, зная, что на следующий день туда придут немцы. «Двадцать седьмого августа мы оставили Боломбэ, — писал один кавалерийский офицер 5-й армии. — Десять минут спустя он был занят германскими уланами». Части, вышедшие только что из боя, шли в молчании, не в ногу, без песен. Изможденные солдаты, грязные, голодные, ругали офицеров или приглушенно поговаривали о том, что их предают. В X корпусе армии Ланрезака, потерявшей на Самбре пять тысяч человек, говорили, что все французские позиции были выданы немецким артиллерийским корректировщикам. «Солдаты едва брели, на их лицах было написано полное изможденье, — писал один пехотный капитан. — Они только что завершили двухдневный шестидесятидвухкилометровый марш после тяжелого арьергардного боя». Кавалеристы, когда-то сверкавшие начищенными сапогами и яркими мундирами, а теперь забрызганные грязью, устало качались в седлах.

«Головы не держатся на плечах от усталости, — писал один гусарский офицер 9-й кавалерийской дивизии. — Солдаты почти не видят, куда едут, они живут и полусне. На привалах изголодавшиеся лошади, не дождавшись, когда их расседлают, жадно набрасываются на сено. Мы больше не спим. Ночью мы на марше, а днем деремся с противником».

Двадцать пятого августа немецкие части, принадлежавшие армии герцога Вюртембергского, дошли до Седана и обстреляли Бразейль, где в 1870 году состоялось известное «сражение до последнего патрона». Войска 4-й армии де Лангля контратаковали врага, чтобы помешать ему форсировать Маас.

«Началась [376] горячая артиллерийская дуэль, — записал германский офицер VIII запасного корпуса. — Бой был таким ужасным, что дрожала земля. Даже наши бородачи плакали».

Позднее он участвовал в «страшном бою на лесистом склоне, покатом как крыша. Четыре штыковые атаки. Нам приходилось перепрыгивать через кучи наших убитых. Мы отступили к Седану с большими потерями, недосчитавшись трех знамен».

В ту ночь французы взорвали все мосты в округе. Зная, что они должны задержать врага, и мучась сомнениями, что, может быть, завтра им самим эти мосты понадобятся, они откладывали их уничтожение до самого последнего момента и иногда опаздывали.

Самая большая трудность заключалась в том, чтобы определить каждой части, от корпуса до полка, с их обозами, артиллерийским и кавалерийским сопровождением, свои пути

следования и линии связи. «Вместо того чтобы уступить дорогу транспортным повозкам, пехота топчется на перекрестках», — жаловался интендантский офицер. Отступая, части должны были перестроиться, снова собраться под свое знамя, доложить о потерях, получить пополнения в солдатах и офицерах из тыловых резервов. Только в один IV корпус армии Рюффе из резерва было направлено восемь тысяч человек, четверть его состава, чтобы рота за ротой восстановить потери. Среди офицеров, приверженцев «элана», начиная от генерала и ниже, потери были огромными. Одной из причин разгрома, по мнению полковника Танана, офицера штаба 3-й армии, было то, что вместо управления боем из соответствующего места в тылу генералы находились в передовых цепях, «выполняя функции капралов, а не командиров».

Наученные горьким опытом, французы теперь прибегали к другой тактике. Они окапывались. Один полк целый день рыл траншеи под палящим солнцем, чтобы вести огонь стоя. Другой, получив приказ окопаться и организовать оборону в лесу, провел ночь спокойно и покинул позиции в четыре часа утра, «почти сожалея, что не пришлось сражаться... так как теперь мы уже злы на непрестанное отступление».

Стремясь отдать как можно меньше территории, Жоффр намеревался остановиться максимально близко от места прорыва. Позиция, которую он указал в своем Общем приказе № 2, проходила вдоль Соммы, приблизительно в восьмидесяти километрах от канала Монс и Самбры. Пуанкаре сомневался, нет ли [377] какого самообмана в оптимизме Жоффра. Были и другие, которые предпочитали, чтобы эта позиция была подальше, тогда будет время укрепить фронт. С самого дня разгрома в Париже считали, что фронт не минует города, но Жоффр об этом и не думал, а во Франции не было никого, кто мог бы противоречить Жоффру.

В правительстве царила суматоха. Министры, как говорил Пуанкаре, находились «в состоянии оцепенения», их заместители, по словам Мессими, в «панике, прилепившей на лица маску страха». Не имея прямого контакта с фронтом, без свидетельств очевидцев, не зная ничего о военных планах, завися от «лаконичных и малопонятных» коммюнике Генерального штаба, слухов, предположений и противоречивых сообщений, они несли ответственность перед страной и перед народом, никак не влияя на ход войны. За прилизанными и лакированными фразами доклада Жоффра Пуанкаре мог разглядеть острые углы правды — признание вторжения, поражение и потеря Эльзаса. Он считал своим долгом рассказать стране факты и подготовить народ к «тройному испытанию», которое было впереди. Но он еще не осознавал, что более срочной была необходимость подготовить Париж к осаде.

В тот же день о беззащитности столицы узнал военный министр Мессими. Генерал инженерных войск Хиршауэр, ответственный за оборонительные работы, являвшийся начальником штаба генерала Мишеля, военного губернатора Парижа, прибыл к Мессими в шесть часов утра. Это произошло за несколько часов до получения телеграммы Жоффра, но Хиршауэр уже знал о поражении под Шарлеруа и единым взглядом охватил расстояние от границ до столицы.

Он прямо сообщил Мессими, что оборона города не готова. Несмотря на тщательное изучение и учет всех потребностей, «фортификации существовали только на бумаге, а на местности ничего не сделано». Первоначальная дата, установленная для окончания оборонительных работ, была двадцать пятое августа, но вера во французское наступление была так велика, что ее перенесли на пятнадцатое сентября. Из-за нежелания приступать к разрушению частной собственности, необходимой для расчистки секторов огня и рытья траншей, никакого определенного приказа о проведении этих работ отдано не было.

Строительство огневых точек и наблюдательных постов, установка проволочных заграждений, рубка леса для завалов, подготовка [378] укрытий для боеприпасов — ничто не было закончено и наполовину, а заготовка продовольствия только еще началась.

В качестве военного губернатора и ответственного за оборону города генерал Мишель, окончательно обескураженный отклонением его оборонительного плана 1911 года, не спешил. Его штат, созданный с началом войны, быстро охватили анархия и неуверенность.

Утвердившись еще более в неблагоприятном мнении о Мишеле, сложившемся у него уже в 1911 году, Мессими вызвал тринадцатого августа генерала Хиршауэра, приказал ликвидировать все отсрочки и закончить оборонительные сооружения через три недели. Теперь, ответил Хиршауэр, это было невозможно.

«Одна пустая болтовня, — сказал он. — Каждое утро я трачу три часа на доклады и обсуждения, которые не дают результатов. Каждое решение требует согласования. Даже в качестве начальника штаба губернатора, но являясь простым бригадным генералом, я не могу приказывать дивизионным генералам, которые командуют секторами».

Как уже вошло у него в привычку, Мессими сразу же послал за Галлиени и совещался с ним как раз тогда, когда пришла телеграмма от Жоффра. Ее первые фразы, в которых вся вина сваливалась на «наши войска, не продемонстрировавшие на поле боя наступательных качеств, ожидаемых от них», крайне огорчили Мессими, но Галлиени интересовали факты, расстояния и названия мест.

«Короче говоря, — заметил он спокойно, — вы можете ожидать германские армии у стен Парижа через двенадцать дней. Готов Париж к осаде?»

Вынужденный ответить «нет», Мессими попросил Галлиени зайти попозже, намереваясь тем временем получить у правительства разрешение назначить его военным губернатором вместо Мишеля. В этот момент он был «поражен», 'узнав от еще одного посетителя, генерала Эбенера, представителя Генерального штаба при военном министерстве, что из Парижа отзывались две резервные дивизии, 61-я и 62-я, предназначенные для обороны города. Жоффр посылал их на север для усиления группы из трех дивизий территориальных войск, единственных французских сил, находящихся между англичанами и морем, куда стремились правофланговые корпуса фон Клюка. Разъяренный Мессими ответил, что, поскольку Париж относится к внутренней зоне, а не армейской, 61-я и 62-я находятся под его [379] командованием, а не Жоффра и не могут быть взяты из состава парижского гарнизона без его разрешения, премьер-министра или президента республики. Эбенер ответил, что приказ уже находится «в действии», и добавил с некоторым смущением, что он сам должен отправиться на север в качестве командира этих дивизий.

Мессими бросился в Елисейский дворец к Пуанкаре, который «взорвался», услышав это известие, но был так же бессилен. В ответ на его вопрос, какие же войска остались, Мессими пришлось ответить, что в их распоряжении находятся одна кавалерийская дивизия, три территориальные дивизии и некоторое количество новобранцев на городских призывных пунктах. Оба поняли, что правительство и столица Франции были оставлены без средств защиты и взять их было негде. Оставался единственный источник — Галлиени.

Его снова попросили сменить Мишеля, что он мог сделать сам еще в 1911 году. В возрасте двадцати одного года в качестве второго лейтенанта, только что окончившего Сен-Сир, Галлиени сражался при Седане, попал в плен и провел некоторое время в Германии, тем временем выучив немецкий язык. Впоследствии он решил продолжить свою военную карьеру в колониях, где Франция «выращивала солдат». Хотя армейская верхушка, заканчивавшая, как правило, штабной коллеж, считала службу в колониях «туризмом», слава Галлиени, завоевателя Мадагаскара, подняла его до вершин французской армии.

Он вел дневник на немецком, английском и итальянском языках и не переставал учиться, изучать, был ли это русский язык, вопросы развития тяжелой артиллерии или сравнительная деятельность колониальных администраций. Он носил пенсне и густые седые усы, которые не очень-то вязались с его элегантной, аристократической внешностью. Держался он всегда как на параде. Высокий, худощавый, кажущийся строгим, он не походил ни на кого из своих современников.

Пуанкаре так описал его:

«Прямой, сухощавый и гибкий, с высоко поднятой головой и проницательными глазами, смотрящими из-за пенсне, он был для нас внушительным примером сильного человека».

Теперь ему было шестьдесят пять, он страдал от простаты, от которой через два года и умер, перенеся две операции.

Оставшись одиноким после смерти горячо любимой жены, отказавшись от самого высокого поста в армии тремя годами [380] ранее, он был выше личных амбиций. Человек, которому оставалось мало жить, он не терпел политики в армии, а также междуусобиц политиканов. В последние месяцы перед войной, когда накануне его отставки в апреле вокруг него развивались интриги и одни прочили его на должность военного министра или главнокомандующего вместо Жоффра, а другие пытались уменьшить его пенсию или лишить друзей, записи в его дневнике были полны отвращения к жизни, к «этой жалкой политике», к «клану проходимцев», к отсталости и необученные армии и лишены какого бы то ни было восхищения Жоффром.

Теперь же, в самый тяжелый для Франции с 1870 года момент, его просили занять скомпрометированную должность, звали защитить Париж без армии. Он считал, что удержать столицу было необходимо из соображений морали, а также ради железных дорог, запасов и промышленного значения города. Он хорошо знал, что Париж как крепость защитить невозможно иначе как при помощи армии, встретившей врага на подходах к городу, армией, пришедшей от Жоффра, имевшего другие планы. «Они не хотят защищать Париж, — сказал он Мессими в тот вечер, когда министр официально предложил ему стать военным губернатором. — В глазах наших стратегов Париж — понятие географическое, город, как и другие. Что же вы даете мне для защиты этой громады, где находятся мозг и сердце Франции? Несколько территориальных дивизий и одну, правда отличную, из Африки. Но ведь это капля в море. Если нужно, чтобы Париж не унаследовал судьбы Льежа и Намюра, его нужно прикрыть вокруг на расстоянии ста километров, а для этого нужна армия. Дайте мне армию из трех полевых корпусов, и тогда я соглашусь стать военным губернатором Парижа. Только на этом условии, окончательном и официальном, я соглашусь защищать столицу».

Мессими горячо благодарил его, «несколько раз пожав руки и даже поцеловав», и Галлиени окончательно убедился «благодаря этим теплым проявлениям чувств, что доставшееся место отнюдь не было таким, которому можно было бы завидовать».

Как он добьется от Жоффра не трех, а хотя бы одного корпуса, Мессими не знал. Единственной действительно надежной частью была африканская дивизия, упомянутая Галлиени, 45-я пехотная из Алжира, сформированная по прямому указанию военного министерства и теперь разгружавшаяся на юге. [381]

Несмотря на повторяющиеся телефонные звонки из Генерального штаба, требовавшего эту дивизию, Мессими решил не отдавать ее «чего бы это ни стоило». Но ему было нужно еще пять. Заставить Жоффра прислать их, чтобы удовлетворить условия Галлиени, означало прямое столкновение между правительством и главнокомандующим. Мессими боялся. В торжественный и незабываемый день мобилизации он поклялся себе «никогда не впадать в ошибку, совершенную военным министерством в 1870 году», вмешательство которого, по приказу императрицы Евгении, послало Макмагона на Седан.

Вместе с Пуанкаре они тщательно изучили декреты 1870 года, определявшие полномочия министерства в военное время, и он сам тогда заверил Жоффра, что правительство будет заниматься политической стороной войны, оставляя военную главнокомандующему в качестве «его абсолютной и исключительной сферы». Эти декреты предоставляли главнокомандующему «расширенные полномочия» во всей стране и «абсолютную» власть, военную и гражданскую, в военной зоне.

«Вы — хозяин, мы — ваши поставщики», — тогда сказал он.

Неудивительно, что Жоффр без возражений согласился с этим. Пуанкаре и новый кабинет Вивиани послушно помалкивали.

Где теперь взять полномочия, от которых он сам отказался? Копаясь в декретах в поисках юридического основания до полночи, Мессими ухватился за фразу, касающуюся действий правительства «в жизненных интересах страны». Не отдать столицу в руки врага было, без сомнения, именно жизненно важным интересом страны, но какую форму должен принять приказ Жоффру? Весь остаток этой тревожной и бессонной ночи военный министр пытался заставить себя составить приказ главнокомандующему. После четырех часов мучений он наконец написал два предложения, над которыми стояло слово «приказ». Он указывал Жоффру, что, если «победа не увенчает наши армии и они вынуждены будут отступить, парижскому укрепленному району должны быть высланы по меньшей мере три полевых корпуса. Получение настоящего приказа должно быть подтверждено».

Помимо того, что приказ был передан по телеграфу, он был доставлен посыльным на следующее утро, двадцать пятого августа, в сопровождении «личного и дружественного» письма, в котором Мессими добавлял, что «важность этого приказа будет Вам понятна». [382]

К этому времени сведения о поражении на границах и размеры отступления распространились по Парижу. Министры и их заместители искали кого-нибудь, кто бы «ответил» за это, они говорили, что этого требует общественное мнение.

В приемных Елисейского дворца царило недовольство Жоффром:

«...идиот... неспособный... сместить его немедленно».

Кризис требовал подтверждения «священного союза» всех партий и усиления нового, но слабого кабинета Вивиани. Ведущим политическим фигурам Франции были сделаны предложения войти в правительство. Лучше всех для этого подходил самый старший,

которого больше всех боялись, но и уважали, — Клемансо, «тигр Франции», хотя он и был решительным противником Пуанкаре. Вивиани нашел его в «страшном гневе» и без всякого желания войти в правительство, которое, по его мнению, должно было пасть через две неделя.

«Нет-нет, на меня не рассчитывайте, — сказал он. — Через две недели от нас ничего не останется, и я не собираюсь иметь с вами ничего общего».

После этого «пароксизма гнева» он разрыдался, обнял Вивиани, но продолжал отказываться. Триумвират, состоящий из Бриана, бывшего премьера, Делькассё, наиболее выдающегося и опытного министра иностранных дел предвоенного периода, и Мильерана, бывшего военного министра, был согласен совместно войти в правительство, но только на условии, что Делькассё и Мильеран получат свои прежние должности за счет отставки Домержё, министра иностранных дел, и Мессими, военного министра. При таких обстоятельствах, известных пока только Пуанкаре, самому еще не решившему, как быть, кабинет собрался на свое заседание в десять часов утра.

Мысленно министры уже слышали гром пушек, видели разгромленные и бегущие армии, преследуемые ордами в остроконечных шлемах, неотвратимо двигавшимися на юг: Но, пытаясь сохранить достоинство и спокойствие, они следовали процедуре, по очереди выступая и говоря о своих делах. Пока они обсуждали банковские моратории, нарушение деятельности судов из-за призыва в армию судей, цели русских в Константинополе, возбуждение Мессими все нарастало. После того, что сказали ему Хиршауэр и Галлиени, предупредивший о двенадцати днях, он считал, что «часы стоили веков, а минуты равнялись годам». Когда обсуждение коснулось положения на Балканах и Пуанкаре поставил вопрос об Албании, Мессими прорвало. [383]

«К черту Албанию!» — крикнул он, ударив по столу.

Он обвинил присутствовавших в притворном спокойствии как в «недостойном фарсе», а когда Пуанкаре попросил его успокоиться, веско заявил: «Я не знаю, как ваше, но мое время слишком дорого». Он бросил в лицо своим коллегам предсказание Галлиени, что немцы будут у Парижа пятого сентября. Все начали говорить сразу, раздались требования сместить Жоффра, Мессими обвинили в переходе от «систематического оптимизма к опасному пессимизму». Единственное, до чего наконец договорились, — это о назначении Галлиени на место Мишеля.

Пока Мессими возвращался на Рю-Сен-Доминик, чтобы во второй раз сместить Мишеля с должности, его собственная судьба была решена Мильераном, Делькассё и Брианом. Его обвинили в том, что он подавал приукрашенную информацию, слишком возбудим и нервен». А кроме всего прочего, его должность была нужна Мильерану.

Крепко сбитый, молчаливый и ироничный, Мильеран был когда-то смелым социалистом. Его «неустанная энергия и хладнокровие», по мнению Пуанкаре сейчас были очень нужны. Он видел, что Мессими становился все «мрачнее и мрачнее», а поскольку военный министр, «предвидящий великое поражение», был не очень-то желательным коллегой, президент согласился пожертвовать им.

Министерская перестановка должна была осуществиться весьма грациозно: Мессими и Домержё попросят уйти в отставку, они станут министрами без портфелей, Мишелю предложат миссию при русском царе. Но с этими предложениями их жертвы не согласились.

Мишель возмутился, когда Мессими попросил его уйти с нанимаемой должности, громко и сердито протестовал и упрямо отказывался. Мессими, не менее возбужденный, кричал, что если он будет настаивать, то отправится «из этого кабинета» не к себе в Дом Инвалидов, а в военную тюрьму Шерш-Миди, под конвоем. К счастью, в это время прибыл Вивиани, он успокоил крикунов и в конце концов уговорил Мишеля уступить.

Едва только на следующий день был подписан приказ, назначавший Галлиени «военным губернатором и командиром войск Парижа», настала очередь возмущаться Мессими, когда Пуанкаре и Вивиани попросили его подать в отставку.

«Я отказываюсь уступить свой пост Мильерану. Я отказываюсь доставить вам удовольствие своей отставкой, я отказываюсь остаться [384] министром без портфеля!»

Если они хотят отделаться от него после «колоссальных усилий», предпринятых им в течение последнего месяца, то пусть подает в отставку все правительство, а тогда «у меня есть офицерский чин, и повестка о мобилизации у меня в кармане. Я отправлюсь на фронт». Уговорить его так и не удалось. Правительству пришлось подать в отставку, и на следующий день было сформировано новое. Мильеран, Делькассё, Бриан, Александр Рибо и два новых министра-социалиста заменили пятерых бывших министров, в том числе и Мессими. В чине майора он присоединился к армии Дюбая и пробыл на фронте до 1918 года, дослужившись до звания дивизионного генерала.

Галлиени остался «командующим армиями Парижа», но без войск. Три корпуса, которые были так нужны, Жоффр выделить отказался. Главнокомандующий немедленно усмотрел в телеграмме Мессими «угрозу вмешательства правительства в проведение военных операций». В то время, когда ему была нужна каждая бригада, чтобы на Сомме возобновить сражение, мысль о выделении трех боевых корпусов «в хорошем состоянии» для обороны столицы нравилась ему не более идеи подчинения министерским приказам. Не намереваясь выполнять ни то, ни другое, Жоффр игнорировал приказ военного министра.

«Да, у меня есть этот приказ», — признался его заместитель, генерал Белин, генералу Хиршауэру, которого Галлиени послал на следующий день за ответом.

«Правительство берет на себя большую ответственность, требуя три корпуса для защиты Парижа. Это может быть причиной поражения. Да какое значение имеет Париж!»

Прибывшему Мильерану Жоффр заявил, что Париж может защитить только мобильная армия, нуждавшаяся сейчас в каждом человеке для маневра и битвы, именно она решит судьбу страны. Тревога правительства и угроза столице его совсем не волновали. Потеря Парижа, он сказал, еще не означала конца борьбы.

Для того чтобы закрыть пробел перед германским правым крылом, он намеревался вывести туда новую 6-ю армию. Ядром ее было то, что осталось от «лотарингской армии». Она была собрана всего лишь несколько дней тому назад и брошена в Приграничное сражение под командованием генерала Монури, вызванного из отставки. Это был небольшой, хрупкий человек шестидесяти семи лет, еще лейтенантом получивший ранение в 1870 году. Он был когда-то военным губернатором Парижа и [385] членом Высшего военного совета. Жоффр сказал о нем: «Это настоящий солдат».

«Лотарингская» армия состояла из VII корпуса, того самого, который под командой генерала Бонно сделал первую попытку наступления в Эльзасе, а также из 55-й и 56-й

запасных дивизий, взятых из армии Рюффе, продемонстрировавших замечательную доблесть, как и другие запасные части, благодаря которым удалось спасти Францию. В тот день, когда был получен приказ Жоффра о передислокации на запад, они стойко сдерживали войска кронпринца между Верденом и Тулем, что стало одним из величайших подвигов отступления. Как раз тогда, когда своей надежной обороной они поддерживали фланг контрнаступающей армии Рюффе в важном районе Брийе, их вывели из боя, чтобы укрепить разваливавшийся фронт на левом фланге.

По железной дороге, через Париж, где эшелоны перевели на северное направление, их доставили в Амьен. Хотя действия французских железных дорог не были доведены до совершенств лучшими умами Генерального штаба, как у немцев, переброска была осуществлена быстро и даже сравнительно гладко при помощи французского эквивалента немецкой аккуратности, прогнанного «системой Д» — «se Debrouiller» — «как-нибудь обойдется». Войска Монури уже двадцать шестого августа разгружались в Амьене, но было поздно. Фронт откатывался назад быстрее, чем новая армия могла занять свою позицию, и на левом фланге войска фон Клюка уже настигли англичан.

Если бы наблюдатель мог подняться на воздушном шаре так высоко, чтобы охватить взглядом всю французскую границу от Иогез до Лилля, он увидел бы красную линию, составленную красными штанами 70 французских дивизий, а слева — небольшой кусочек цвета хаки — четыре английские дивизии. Двадцать четвертого августа к ним присоединились вновь прибывшие из Англии 4-я дивизия и 19-я бригада, доведя общее число английских войск до пяти с половиной дивизий. Теперь, когда наконец обходный маневр германского правого края стал очевиден, англичане обнаружили, что удерживают участок более нужный, чем им предназначалось по «плану-17». Однако они оказались без поддержки. Жоффр поспешно направил измотанный кавалерийский корпус Сордё на помощь трем французским дивизиям территориальных войск, которыми командовал генерал д'Амад, находящимся между англичанами и морем. [386]

Они затем были усилены дивизией из гарнизона Лилля, объявленного двадцать четвертого августа открытым городом и эвакуированного. («Если они дойдут до Лилля, — заметил генерал де Кастельно, — тем лучше для нас».) Для осуществления плана Жоффра было очень существенно, чтобы английские экспедиционные силы удерживали промежуток между Ланрезаком и вновь формирующейся 6-й армией. По Общему приказу № 2 англичане должны были отступать вровень со всеми и, дойдя до Соммы у Сен-Квентина, занять оборону.

Но это не входило в английские планы. Сэр Джон Френч, Мэррэй и даже Вильсон, когда-то ярый сторонник французского плана, были поражены надвигавшейся опасностью. Не один или два, а четыре германских корпуса наступали на них. Армия Ланрезака отступала полностью, открывая их правый фланг, все французское наступление провалилось. Френч решил, что кампания проиграна. Его единственной целью было спасти экспедиционные силы, в которые входили почти все английские солдаты и офицеры. Он боялся, что его обойдут либо слева, либо справа в промежутке между ним и Ланрезаком. Следуя приказу Китченера не рисковать армией, он не думал ни о чем другом, как о выводе своих войск из опасной зоны. Пока его войска отступали к Ле-Като, главнокомандующий и его штаб двадцать пятого августа перебрались на сорок два километра в тыл к Сен-Квентину на Сомме.

Английские солдаты, гордившиеся своими действиями у Монса, с горечью принимали постоянное отступление. Желание их командующего избежать обходного маневра фон Клюка было настолько велико, что он не давал войскам передышки. Солдаты брели под

палящим солнцем, страдая от недоедания и недосыпания, стоя засыпали на привалах. Корпус Смит-Дорриена с самого начала отступления из-под Монса вел арьергардные бои, и, хотя Клюку удавалось обстреливать отступавших англичан из орудий, немцы не могли догнать их.

Считая англичан особенно опытными «из-за их малых войн», немцы непрестанно жаловались, что англичане «прекрасно знали все секреты войны» и на второй день сражения под Монсом «опять бесследно исчезли».

Под давлением противника некоторые английские части вынуждены были отступать в непредвиденных направлениях. Пытаясь снабдить их продовольствием, генерал Робертсон, главный интендант, выслужившийся из рядовых, приказал, чтобы [387] запасы для них складывались у перекрестков. Некоторые так и остались там. Донесения об этих складах продовольствия утвердили германский Генеральный штаб в мнении, что противник беспорядочно отступает.

Когда к вечеру двадцать пятого августа англичане достигли Ле-Като, ближайший корпус Ланрезака вышел на свои позиции на одном уровне с ними. Сэр Джон, однако, считая, что «опрометчивое» отступление Ланрезака предало его, был настроен больше на него не полагаться.

Ланрезак, пожалуй, больше, чем враг, казался ему причиной всех неудач, и, сообщая Китченеру о нежелании своих войск отступать, он писал:

«Я объясню им, что причина этого — действия наших союзников».

Он отдал приказ продолжать отступление к Сен-Квентину и Нуайону. У Сен-Квентина, находящегося в 110 километрах от Парижа, дорожные указатели уже сообщали расстояние до столицы.

Во второй половине дня двадцать пятого августа, когда Смит-Дорриен прибыл в Ле-Като несколькими часами раньше своих войск и начал разыскивать главнокомандующего, выяснилось, что Френч уже уехал. Остался пока только сэр Арчибальд Мэррэй, трудолюбивый начальник штаба. Обычно спокойный, уравновешенный и внимательный, прямая противоположность своему начальнику, он являлся хорошим дополнением Френчу, когда тот находился в возбужденном состоянии, но поскольку по натуре Мэррэй был осторожным и пессимистичным, это постоянно передавалось Френчу. Усталый от перенапряжения и множества работы, Мэррэй не мог ничего сообщить Смит-Дорриену о местонахождении корпуса Хейга, который в ту ночь должен был разместиться в Ландриси, в восемнадцати километрах к востоку от Ле-Като.

Когда войска Хейга входили в Ландреси, они столкнулись на дороге с воинской частью. Солдаты были одеты во французскую форму, и офицер говорил по-французски. Неожиданно они «без всякого предупреждения бросились в штыки». Оказалось, что это были солдаты IV корпуса Клюка, намеревавшиеся, как и англичане, провести ночь в Ландреси. В этой стычке с каждой стороны участвовало по два полка и по артиллерийской батарее, но Хейг из-за постоянного напряжения к темноты решил, что отражает «серьезное наступление», и I телефонировал в штаб, прося «прислать помощь... Положение очень критическое». [388]

Получив подобное донесение от хладнокровного Хейга, Френчу и его штабу ничего другого не оставалось, как предположить, что I корпус находился в чрезвычайной опасности.

Мэррэй, присоединившийся к главному штабу в Сен-Квентине, изучал за столом карту, когда адъютант принес телеграмму. Через секунду другой офицер обнаружил, что Мэррэй в обмороке. Сэр Джон был поражен не меньше — с неустойчивым настроением, чувствительный к настроениям других, он долго находился под влиянием этого сдержанного и образцового офицера, который командовал I корпусом. В 1899 году Хейг одолжил Френчу 2000 фунтов стерлингов, чтобы тот расплатился с кредиторами, иначе ему пришлось бы распроститься с армией.

Теперь, когда Хейг просил помощи, Френч немедленно усмотрел в этом обход или еще хуже — прорыв противника между I и II корпусами. Предполагая худшее, главный штаб отдал приказ, изменивший направление отступления корпуса Хейга на следующий день с юго-восточного на южное. В результате этого корпус двинулся по другому берегу У азы, контакт с корпусом Смит-Дорриена был утерян и восстановлен только лишь через семь дней.

Преувеличенная и поспешная оценка Хейгом стычки у Ландреси не только вызвала разделение английских сил, но и имела куда большие последствия. Она усугубила тревогу впечатлительного командующего до такой степени, что он еще более укрепился в намерении вывести английскую армию из тяжелого положения, сделав себя еще более уязвимым для последующего удара. В тот момент, когда суматошная ночь двадцать пятого августа уступала место рассвету, Смит-Дорриен прислал сообщение: противник слишком близко подошел ко II корпусу, ему придется остановиться и принять бой у Ле-Като. Пораженный главный штаб считал его уже погибшим.

А случилось вот что. Генерал Алленби, командир кавалерийской дивизии, находившейся на фланге Смит-Дорриена, ночью обнаружил, что холмы и высоты, которые он должен был занять, чтобы прикрыть отступление на следующий день, уже заняты противником. Не имея возможности связаться с главным штабом, он в два часа утра прибыл к Дорриену для консультации. Алленби доложил, что враг изготовился к нападению и наверняка атакует на рассвете. Если II корпус «немедленно и в темноте не уйдет», он будет вынужден начать бой [389] вместо марша. Смит-Дорриен собрал дивизионных командиров, сообщивших, что некоторые подразделения еще подходят, отставшие солдаты разыскивают свои части, все сильно измотаны. Они добавили также, что дороги забиты обозами и беженцами, а в некоторых местах сильно размыты ливнем.

В маленькой комнате воцарилось молчание. Немедленно отправиться было невозможно, а остаться на месте и принять бой означало не подчиниться приказу. Поскольку телефонной связи с главным штабом не было, командир корпуса должен был решать сам. Повернувшись к Алленби, Смит-Дорриен спросил, будет ли тот подчиняться его приказам. Алленби ответил утвердительно.

«Решено, господа, мы будем драться», — объявил Смит-Дорриен, добавив, что попросит генерала Сноу, командира только что прибывшей 4-й дивизии, поступить под его командование. Донесение с изложением принятого решения было отправлено на автомашине в главный штаб, где вызвало ужас в пять часов утра.

Генри Вильсон, такой же импульсивный, как и Мессими, кинулся в другую крайность — пораженчество. Когда наступательный план, составителем которого он был с английской

стороны, рухнул, он рухнул вместе с ним. По крайней мере, временно, что весьма сказалось на его начальнике, находившемся под его значительным влиянием. Несмотря на то что он долго не мог оставаться угнетенным и был единственным, кто поддерживал дух штаба в последующие дни, он был убежден в грядущей беде и, возможно, чувствовал себя виновным.

Немедленно был отправлен посыльный на мотоцикле, чтобы вызвать Смит-Дорриена к ближайшему телефону.

«Если вы останетесь на месте и будете сражаться, то повторится новый Седан», — передал ему Вильсон.

Находясь на расстоянии сорока двух километров от опасности, он пытался убедить Смит-Дорриена, что она не может быть особенно велика, поскольку «немцы, дерущиеся с Хейгом, не могут драться с вами». Смит-Дорриен терпеливо еще раз объяснил обстановку и добавил, что в любом случае уже невозможно оторваться от противника, так как бой уже начался и он слышит орудийную стрельбу.

«Желаю удачи тогда, — ответил Вильсон. — Ваш голос — первый жизнерадостный голос, который я слышу за три дня».

В течение одиннадцати часов двадцать шестого августа II корпус и полторы дивизии генерала Сноу вели у Ле-Като арьергардный [390] бой, подобный тем, которые французская армия вела ежедневно.

В этот день фон Клюк отдал приказ продолжать «преследование разбитого врага». Являясь самым верным последователем концепции Шлиффена «коснуться плечом пролива», он все еще двигался на запад и, чтобы завершить обход англичан, приказал своим двум корпусам правого крыла совершить форсированные марши в юго-западном направлении. В результате они вообще не действовали против англичан в этот день, а «наткнулись на крупные французские силы». Это были территориальные дивизии д'Амада и кавалерия Сордё, которых Смит-Дорриен информировал о происходящем. Своими маневрами они прикрыли английский фланг и задержали германцев.

Позднее Смит-Дорриен признавал:

> «Храбрые действия территориальных дивизий были для нас крайне важны, иначе почти наверняка двадцать шестого против нас действовал бы еще один корпус».

На левом фланге фон Клюка из-за плохой разведки или неумелого маневрирования бездействовал еще один корпус, так что, хотя Клюк и превосходил в силах, против трех дивизий Смит-Дорриена у Ле-Като действовали только три германских. Однако Клюк подтянул артиллерию пяти дивизий, и на рассвете они открыли огонь.

Из неглубоких окопов, поспешно и неумело вырытых французскими жителями, в том числе и женщинами, англичане отражали атаки немецкой пехоты скорым и метким винтовочным огнем. Тем не менее немцы, бросая в бой все новые силы, продвигались вперед. В одном секторе они окружали роту аргильцев, но те продолжали вести огонь, «вслух ведя счет своим попаданиям». Немцы кричали по-английски «прекратить огонь» и жестами уговаривали сдаться. Наконец после рукопашной их одолели. В обороне начали появляться прорехи. Но еще предстояло самое сложное — выйти из боя. В пять часов утра

Смит-Дорриен решил, что этот момент наступил. Теперь или никогда. Из-за потерь, образовавшихся пустот между частями и прорывов врагов в отдельных местах приказ об отступлении дошел до частей не одновременно. Некоторые продолжали удерживать свои позиции спустя еще несколько часов, ведя огонь, пока их не брали в плен или пока им не удавалось отойти под покровом темноты. Батальон гордонских горцев так и не получил приказа на отступление и, за исключением нескольких [391] человек, перестал существовать вообще. Потери только за один этот день в трех с половиной дивизиях, дравшихся у Ле-Като, превосходили восемь тысяч человек, было оставлено тридцать восемь орудий, вдвое больше, чем у Монса, уровень потерь (двадцать процентов от личного состава) равнялся тому, что потеряли французы в августе. Среди пропавших без вести были и те, кто провел потом четыре года в германских лагерях.

Из-за темноты, усталости после форсированных маршей, собственных потерь и вводящей в заблуждение английской привычки «ускользать невидимыми» в темноте немцы преследования не организовали. Клюк дал приказ остановиться до следующего дня, когда, как он ожидал, завершится обходный маневр его правофлангового корпуса. В тот день решение Смит-Дорриена встретить численно превосходящего противника в открытом бою помешало осуществлению запланированного обхода и уничтожения английских экспедиционных сил.

Прибыв в Сен-Квентин, Смит-Дорриен узнал, что главный штаб отбыл из него в полдень, пока шла битва экспедиционных сил, и передвинулся в Нуайон, на тридцать километров глубже в тыл. Солдаты, расквартированные в городе, с презрением смотрели, как армейское начальство умчалось в автомобилях на юг, тогда как на севере гремели пушки.

«Правда, что двадцать шестого лорд Френч и его штаб окончательно потеряли голову».

Сэр Дуглас Хейг, который к этому времени уже нашел свою, запрашивал:

«От II корпуса нет никаких известий, помимо звуков артиллерийской стрельбы в направлении Ле-Като. Может ли I корпус оказать какую-либо помощь?»

Главный штаб был так растерян, что не мог ничего ответить. Тогда Хейг попытался самостоятельно установить прямой контакт со Смит-Дорриеном. Он сообщил ему, что слышит грохот боя, однако в результате разъединения двух корпусов «мы не знаем, как помочь вам». Когда это донесение отправили, бой уже прекратился. Между тем английский штаб потерял надежда снова увидеть II корпус.

Полковник Угё, все еще выполнявший обязанности офицера связи, телеграфировал Жоффру в восемь часов вечера:

«Английская армия проиграла сражение. Похоже, что взаимодействие между частями нарушено».

В час ночи Смит-Дорриен, находившийся в боях четверо из шести суток пребывания во Франции, достиг Нуайона и обнаружил, что все офицеры главного штаба крепко спят. Поднятый из постели Джон Френч предстал перед ним в ночной рубашке [392] и, увидев Смит-Дорриена живым и здоровым, принялся ругать его за слишком оптимистичную оценку военной обстановки. Пережив отвратительное чувство страха, главнокомандующий теперь бушевал, он еще с самого начала недолюбливал Смит-Дорриена, занявшего пост, на который он хотел назначить своего человека. Командир корпуса не был даже кавалеристом, а при Ле-Като начал самовольничать, игнорируя

приказы штаба. И хотя Джон Френч в своем официальном донесении все-таки признал, что благодаря таким действиям удалось «спасти левый фланг», он не скоро оправился от своего испуга.

Потери при Ле-Като казались ему более серьезными, чем были на самом деле. Тысячи пропавших без вести солдат либо перемешались с французскими беженцами и вместе с ними шли в глубь Франции, либо пробились через линии обороны немцев и вышли к Антверпену, а оттуда добирались до Англии. Все они в конечном итоге вновь оказались в рядах экспедиционного корпуса. Английская армия за первые пять дней боев потеряла убитыми и ранеными почти пятнадцать тысяч человек. Эти факты заставили фельдмаршала еще сильней задуматься над тем, как вывести английскую армию из Франции, подальше от войны и опасностей.

Пока под Ле-Като шли бои, Жоффр пригласил на совещание в Сен-Кантене Джона Френча, Ланрезака и штабных офицеров, чтобы подробно рассказать им об основных положениях Общего приказа № 2. Когда он вежливо осведомился о положении британских войск, Джон Френч разразился тирадой. На левом фланге англичанам угрожало окружение, правый же фланг оказался оголенным после стремительного отступления Ланрезака. Англичане, по его словам, были слишком обессилены, чтобы возобновить наступление. На Жоффра, стремившегося всегда сохранять внешнее спокойствие, особенно в присутствии подчиненных, «нервный тон» английского-фельдмаршала произвел неприятное впечатление. Ланрезак, слушая смягченные в переводе Генри Вильсона резкие высказывания Френча, лишь пожимал плечами. Французский главнокомандующий, который не мог отдавать распоряжения англичанам, высказал пожелание, чтобы командование экспедиционного корпуса действовало бы в соответствии с установками нового Общего приказа, изданного накануне.

Джон Френч выразил удивление — ему ничего не известно об этом приказе. Мэррэй, перенесший накануне вечером шок, [393] на заседании отсутствовал. Удивленные и озадаченные французы внимательно слушали Вильсона. Он объяснил, что приказ поступил в английский штаб ночью, однако его еще «не изучали». Тогда Жоффр сообщил о его сути, однако в его голосе уже не чувствовалось прежней уверенности. Обсуждение плана шло вяло, паузы становились все длиннее, наступило смущенное замешательство, и наконец заседание прервалось. Англичане так и не дали согласия в отношении совместных действий. С мыслями о «хрупкости» левого фланга Жоффр вернулся в свой штаб, где его ждали донесения о нетвердом положении на всех фронтах, общем падении боевого духа, включая и штаб, и, наконец, мрачная телеграмма Угё.

Фон Клюк также считал, что взаимодействие у англичан нарушено. Его приказ от двадцать седьмого августа гласил:

«Перекрыть пути отхода англичанам, бегущим в западном направлении».

Он сообщил в главный штаб о том, что заканчивает окружение шести английских дивизий (во Франции их было всего пять). «Если эти части еще удержатся до двадцать седьмого, тогда двойной обход принесет еще больший успех». Эта блестящая перспектива, открывавшаяся на другой день после падения Немюра, совпавшая с сообщением Бюлова о «разгроме» французской 5-й армии, создала у германского глазного штаба уверенность в неминуемой победе. «Германские армии с победными боями вступили на территорию Франции от Камбре до болот» — говорилось в сводке главного штаба двадцать седьмого августа.

«Враг, разгромленный на всех участках фронта, отступает и не может оказать серьезного сопротивления наступающим германским войскам».

Среди всеобщего ликования Клюк праздновал и свою личную победу. Он яростно сопротивлялся приказу Бюлова взять Мобеж, что, по его мнению, должен был сделать сам Бюлов. Клюк не желал играть роль подчиненного. Двадцать седьмого августа главный штаб подтвердил его право на независимость. Попытки удержать все три армии правого крыла под единым командованием провалились — трения между командующими оказались непреодолимыми, но поскольку победа каралась близкой, это обстоятельство, как считали, не имело решающего значения.

Бюлов, однако, испытывал крайнее раздражение. Находясь в центре правого крыла, он постоянно сталкивался с нежеланием соседей идти в ногу с ним. Отставание Хаузена, предупреждал [394] он, уже привело, к сожалению, к образованию значительного разрыва между 3-й и 2-й армиями. Сам Хаузен, глубоко почитавший титулы и почти страстно заботившийся о своем удобстве во время постоев на квартирах, также проявлял недовольство. Двадцать седьмого августа он впервые ночевал во Франции. Для него и кронпринца Саксонского не нашлось замка. Им пришлось спать в брошенном доме супрефекта. Там царил такой беспорядок, что «постели не были застланы». Следующая ночь оказалась еще хуже: он остановился в доме какого-то Шопена, крестьянина! Обед подали скудный, в комнатах не ощущалось «простора»; офицерам его штаба пришлось разместиться в доме кюре, ушедшего воевать. Мать кюре, похожая на ведьму, везде совала свой нос и «проклинала нас». Небо осветило багровое зарево — горел Рокруа, через который недавно прошли войска Хаузена. К счастью, следующую ночь он провел в прекрасно обставленном доме богатого французского фабриканта, также «отсутствовавшего». И лишь вид «незрелых, к несчастью, фруктов, свисавших с ветвей персиковых деревьев, росших шпалерами у стены», доставил Хауэену некоторое неудовольствие. Тем не менее ему удалось прекрасно провести время в очаровательной беседе с графом Мюнстером, майором графом Кильманзегом, принцем Шенбургом-Вальденбургом из гусарского полка, а также принцем Максом, герцогом Саксонским, выполнявшим обязанности военного священника. Он смог сообщить ему радостную весть о телефонном разговоре с его сестрой, принцессой Матильдой, передавшей 3-й армии пожелания успеха.

Хаузен жаловался, что его саксонцы больше десяти дней в жару идут маршем по чужой стране, зачастую с боями. Тылы не успевают за передовыми частями, не хватает мяса и хлеба, солдатам приходится забивать местный скот, у лошадей нет фуража, и тем не менее его войска делают в день по двадцать три километра. В действительности это был низший предел требований, предъявляемых к немецкой армии. Войска Клюка, находившиеся на крайнем правом фланге, покрывали в день по тридцать и более километров, а во время форсированных маршей и по сорок. Клюк достиг этого, заставив солдат размещаться на ночлег вдоль дорог, не позволяя им удаляться на значительное расстояние вправо или влево. Таким образом, он экономил шесть — семь километров в день. Поскольку германские линии снабжения сильно растянулись, а войска значительно удалились от узловых железнодорожных станций, доставка [395] продовольствия шла с перебоями. Лошадей пасли на полях, где еще не был убран урожай, иногда солдаты питались лишь сырой морковью и капустой. Шагая по жаре, усталые, с истертыми в кровь ногами, голодные, немцы, не в пример своим противникам, точно придерживались графика наступления.

Двадцать восьмого августа Клюк, находившийся на полпути между Брюсселем и Парижем, пришел в восторг, получив телеграмму кайзера, выразившего «императорскую

благодарность» 1-й армии и передавшего поздравления по случаю приближения к «центру Франции». В ту ночь полковые оркестры при свете бивачных костров исполняли «Слава тебе в победном венце», и, как писал в своем дневнике один немецкий офицер,

«песню подхватили тысячи голосов. На следующее утро мы возобновили наш марш, надеясь отпраздновать годовщину Седана перед Парижем».

В тот же день Клюком овладела новая и заманчивая идея, которой еще до исхода недели суждено было повлиять на ход истории. По данным разведки, французская 5-я армия, отступавшая под натиском Бюлова, перемещаясь в юго-западном направлении, через некоторое время оказалась бы на пути поиск Клюка. Он решил «нацелиться на фланг французов, окружить их, отогнав от Парижа». Эта цель представлялась ему более важной, чем изоляция английской армии от баз на побережье. Он предложил Бюлову сделать поворот влево совместно двумя армиями. Но до того как решение было принято, из главного штаба прибыл офицер с новым общим приказом для всех семи армий.

Воодушевленное «общим чувством победы», как сказал кронпринц, германское верховное командование тем не менее серьезно отнеслось к сообщениям о переброске французских войск из Лотарингии и теперь требовало стремительного продвижения с тем, чтобы предотвратить наращивание свежих сил противника и лишить Францию средств к продолжению борьбы. Армии Клюка предлагалось выйти к Сене с юго-западной стороны от Парижа. Бюлов должен был идти прямо на Париж, Хаузен, герцог Вюртембергский и кронпринц получили указание двинуть свои армии к Марне, восточное Парижа, и захватить соответственно Шато-Тьерри, Эпернё и Витри-ле-Франсуа. Вопрос о прорыве линии укреплений 6-й и 7-й армиями под командованием Рупрехта оставался нерешенным, но они, вероятнее всего, должны будут форсировать Мозель между Тулем и Эпиналем, [396]

«если противник отступит». Главный штаб делал ставку на «быстроту», чтобы лишить Францию времени для перегруппировки сил и организации сопротивления. В памяти еще свежи были воспоминания 1870 года, поэтому верховное командование приказало принять «суровые меры в отношении населения, чтобы пресечь в самом начале действия партизан» и не допустить «национального восстания». Считалось, что противник сначала окажет серьезное сопротивление на Эне, а затем, после отступления, на Марне. В этом случае, заявлял главный штаб, вторя новой идее Клюка, «может быть, придется повернуть армии с юго-западного на южное направление».

Не считая последнего предположения, приказ от двадцать восьмого августа следовал первоначальной линии кампании. Однако германские армии, которым следовало его выполнять, уже потеряли свой прежний облик. Их численность сократилась на пять корпусов — эквивалент целой армии. Клюк оставил позади себя два резервных корпуса для осады Антверпена, а также для поддержания порядка в Брюсселе и других городах. Бюлов и Хаузен каждый потеряли по одному корпусу. Эти войска были отправлены на русский фронт. Несколько бригад и дивизий, составлявшие в общей сложности корпус, предназначались для осады Живе и Мобежа. Чтобы перекрыть по площади территорию, определенную стратегическим планом, пришлось бы значительно растянуть правое крыло или смириться с появлением разрывов между его соединениями.

Случилось то, чего опасались: двадцать восьмого августа Хаузен вынужден был повернуть влево, в сторону армии герцога Вюртембергского, обратившегося к нему с просьбой о «срочной помощи». Герцог вел ожесточенные бои с французами южнее Седана. Хаузен направил в этот район подкрепления, сняв их с правого фланга,

оказавшегося ослабленным. Тогда он потребовал, чтобы Бюлов прикрыл его справа. А те два корпуса, которым следовало бы находиться на стыке этих двух армий, были в пути к Танненбергу.

Двадцать восьмого августа главный штаб начал проявлять тревогу. Мольтке, Штейн и Таппен с беспокойством думали, не взять ли резервы у Рупрехта для усиления правого крыла. Однако верховное командование не смогло отказаться от попыток прорваться через французскую линию укреплений. «Идеальные Канны», мечта Шлиффена, от которой он в свое время отказался, то есть двойной обход левым крылом через Лотарингии, [397] а правым — вокруг Парижа, сейчас казался вполне реальным. Рупрехт наносил мощные удары по Эпиналю, его армия стояла у ворот Нанси, обстреливала Туль. После падения Льежа укрепленные пункты, по словам полковника Таппена, «потеряли свой престиж», и с каждым днем, как казалось, победа Рупрехта становилась все ближе. Уничтожение бельгийцами железных дорог затруднило переброску дивизий. Однако главный штаб убедил себя в том, что прорыв в районе Шарма, между Тулем и Эпиналем, вполне осуществим и позволил бы, как выразился Таппен, «взять вражеские армии в кольцо по всем правилам военного искусства и, в случае успеха, завершить войну». Исходя из этих соображений, левое крыло под командованием Рупрехта, состоящее из двадцати шести дивизий, оказалось нетронутым, равняясь по численности примерно значительно ослабленному правому крылу из трех армий.

Не и таком соотношении мечтал Шлиффен, бормотавший в свой смертный час:

«Усилить правое крыло — это главное».

После драмы в Бельгии весь мир с напряженным вниманием следил за ходом военных действий на фронте, растянувшемся от Брюсселя до Парижа. Однако общественность почти ничего не знала о том, что в это время в Лотарингии велась жесточайшая, длительнейшая и упорнейшая борьба за восточные ворота Франции. Две германские и две французские армии — французами командовали Кастельно и Дюбай — вступили в беспощадную, почти не прекращающуюся схватку на стотридцатикилометровом участке между Эпиналем и Нанси.

Двадцать четвертого августа, собрав четыреста пушек, часть которых доставили из арсеналов Меца, Рупрехт возобновил кровопролитные бои. Французы, направив все свое умение на укрепление обороны, врылись в землю и, проявив изобретательность, построили надежные укрытия для защиты от вражеских снарядов. Удары Рупрехта не привели к расчленению XX корпуса Фоша под Нанси; однако южнее немцам удалось форсировать Мортань, последнюю реку на пути к Шарму. Французам пред ставилась возможность нанести фланговый удар, что они и сделали, на этот раз после тщательной артиллерийской подготовки. Ночью в район атаки подвезли полевые пушки. Утром двадцать пятого августа Кастельно огласил приказ:

«Вперед! Всем! До конца!» — и войска начали наступление: XX корпус ринулся вниз с отрогов Гран-Куроннё, захватил три города и [398] углубился на шестнадцать километров в глубь занятой врагом территории. Справа армия Дюбая за день ожесточенных боев продвинулась вперед примерно на такое же расстояние.

К вечеру многие подразделения, поредевшие, измученные в боях, так и не знали, захвачен ли Клезентайм, цель наступления.

Трехдневные бои за Труе-де-Шарм и Гран-Куроннё достигли наибольшего напряжения двадцать седьмого августа. В тот день Жоффр, получивший отовсюду безрадостные вести, приветствовал «храбрость и стойкость» 1-й и 2-я армий. В течение двух недель со времени возникновения фронта в Лотарингии они сражались без отдыха, «с нерушимой, твердой уверенностью в победе». Не щадя своих жизней, армии защищали ворота страны, которые враг стремился разбить таранным ударом. Солдаты знали: если немцы прорвутся здесь, война будет проиграна. Они не слышали о Каннах, но помнили Седан и оккупацию.

Оборона укрепленной линии на востоке имела жизненно важное значение, однако на левом фланге французских войск создалось критическое положение, что вынудило Жоффра перебросить на западный фронт лучшие войска из Лотарингии. Фош, символ «воли к победе», должен был, по мысли Жоффра, влить свежую энергию в слабеющие армии левого крыла.

Опасный разрыв между 4-й и 5-й армиями расширялся и достиг пятидесяти километров. Он возник после того, как генерал де Лангль, командующий 4-й армией, не желая пропускать немцев через Маас без боя, оседлал его высокие берега к югу от Седана и в течение трех дней, с двадцать шестого по двадцать восьмое августа, оказывал ожесточенное сопротивление войскам герцога Вюртембергского. По мнению де Лангля, французы в этих боях у Мааса отомстили немцам за поражение в Арденнах. Но этот успех был достигнут ценой потери контакта с отступающими войсками Ланрезака, правый фланг которых со стороны 4-й армии оказался оголенным. Вот в этот разрыв и бросил Жоффр три корпуса Фоша, составленные из дивизий, взятых из 3-й и 4-й армий. Фош получил этот приказ в один день с сообщением, что его единственный сын лейтенант Герман Фош и зять капитан Бекур погибли в боях на Маасе.

Западные районы удерживали армия Ланрезака и британский экспедиционный корпус. Здесь Жоффр хотел организовать прочную оборону вдоль Соммы, однако все его расчеты оказались построенными на песке. Надеяться на поддержку [399] английского главнокомандующего не приходилось, он отказывался сотрудничать с Ланрезаком, да и последнему Жоффр почти не доверял. Хотя Жоффр в августе расправлялся с генералами беспощадно, он тем не менее не решался сместить Ланрезака, пользовавшегося популярностью в армии. Главный штаб в это время выискивал тех, на кого можно было бы свалить вину за провал наступления. «В моем портфеле головы трех генералов», — сказал один штабной офицер, только что вернувшийся из поездки на фронт. Отделаться с подобной легкостью от Ланрезака вряд ли удастся. По мнению Жоффра, 5-й армии требовался более уверенный руководитель. Однако смещение начальника во время отступления могло бы подорвать моральный дух войск. Как-то Жоффр признался одному из своих адъютантов, что эта проблема стоила ему двух бессонных ночей — единственный известный случай за всю войну, когда главнокомандующий так серьезно нарушил свой распорядок дня.

Тем временем 61-я и 62-я резервные дивизии, шедшие из Парижа к новой 6-й армии, бесследно исчезли на марше. Командир этих дивизий генерал Эбенер разыскивал их весь день, но никто не знал, что же с ними случилось. Опасаясь, как бы немцы не ударили по району сосредоточения 6-й армии, Жоффр, отчаянно пытаясь выиграть время, необходимое для выхода на линию фронта, приказал 5-й армии развернуться и контратаковать противника. Для этого требовалось предпринять наступление в западном направлении между Сен-Кантеном и Гюизом. Полковник Александер, офицер связи с 5-й армией, передал этот приказ в устной форме штабу Ланрезака, располагавшемуся тогда в Марне в сорока милях к востоку от Сен-Кантена. Одновременно, пытаясь польстить самолюбию Джона Френча и подбодрить его дух, Жоффр направил телеграмму, и которой

от имени французской армии выразил признательность британским друзьям за их мужественную помощь. Не успел он отправить это послание, как стало известно об отходе англичан из Сен-Кантена. Таким образом, левый фланг Ланрезака, собиравшегося в этот момент перейти в наступление, оказался незащищенным. Как заявил в одном из своих мрачных донесений Уге, британский экспедиционный корпус был «разбит и не мог предпринять никаких серьезных действий»; три ни пяти его дивизий оказались небоеспособными, они нуждались и пополнениях и основательном отдыхе, на что ушло бы [400] «несколько дней или даже недель». Поскольку Джон Френч сообщал примерно то же самое Китченеру, Угё нельзя порицать за то, что он отразил не истинное положение вещей или состояние войск, а настроения английского главнокомандующего. В довершение всего полковник Александер прислал донесение, в котором говорилось о намерении Ланрезака уклониться от выполнения приказа о наступлении.

Несмотря на проявленный его офицерами энтузиазм, сам Ланрезак считал этот приказ «почти сумасшествием» и заявлял об этом во всеуслышание. Развернуть 5-ю армию на запад — значило подставить под удар противника открытый правый фланг. Он настаивал на выходе из зоны боев и отступлении к Лану. Затем, как считал он, следовало создать прочную линию обороны, и только после этого можно с уверенностью переходить к контратакам. Жоффр же требовал от него повернуть полуразбитую армию почти в обратном направлении, сделать сложный маневр, очень опасный в данной ситуации, учитывая нависшую угрозу справа. Начальник штаба армии Шнейдер попытался разъяснить всю трудность создавшегося положения полковнику Александеру.

«Как! — воскликнул Александер. — Ну что может быть проще? Сейчас вы обращены к северу, а мы просим лишь повернуть на запад и атаковать Сен-Кантен». Он вытянул вперед руку, растопырив пальцы, как бы показывая движение пяти корпусов, и затем описал ею в воздухе полукруг.

«Не говорите чепухи, полковник!» — выпалил, не сдержавшись, Шнейдер.

«Ну что ж, если вы не желаете что-либо предпринять...» — закончил полковник, презрительно пожав плечами.

Ланрезак, наблюдавший эту сцену, вышел из себя и долго и подробно, и не совсем тактично, высказал свое мнение о стратегии главного штаба. В это время он чувствовал такое же недоверие к главному штабу и Жоффру, какое и они к нему. На одном фланге армии Ланрезака находился независимый генерал-иностранец, отказывавшийся от совместных действий, а на другом — никого (группировка Фоша начала свое формирование лишь через два дня, двадцать девятого августа), а верховное командование требовало перехода в контрнаступление.

Естественно, что нервы Ланрезака были напряжены до предела. Ему поручали дело, которое могло повлиять на судьбу Франции, но он уже не верил в правильность решений Жоффра, [401] поэтому, облегчая свою душу, давал волю чувствам, разражаясь язвительной бранью. Этим он славился еще до войны. Ланрезак не стеснялся в выражениях, изливая свое презрение к Жоффру, называя его «сапером», «инженеришкой».

«Я застал генерала в окружении нескольких офицеров, — писал один офицер, пришедший к нему по делу. — Казалось, он был чем-то сильно недоволен и бросал крепкие словечки. Генерал не жалел красок, ругая главный штаб и наших союзников, которые, видно, сильно ему досаждали. Судя по всему, Ланрезак хотел, чтобы его оставили в покое, с тем чтобы

отступить сколько нужно и, дождавшись своего времени, вышвырнуть немцев туда, откуда они пришли».

> «Я ужасно разволновался, и это видели офицеры моего штаба», — признался сам Ланрезак.

Дать волю гневу на глазах подчиненных — это, по мнению главного штаба, было уже само по себе плохо, в довершение всего он публично высказал критику в адрес верховного командования. Жоффр уже подсчитывал дни Ланрезака на посту командующего армией.

На следующее утро, двадцать восьмого августа, Жоффр сам приехал в Марль. Ланрезак, усталый, с покрасневшими глазами, нервно размахивая руками, стал возражать против плана контрнаступления.

Когда он повторил, что противник сразу ударит по правому флангу, как только армия развернется фронтом на запад, Жоффр в припадке гнева закричал:

«Вы хотите, чтобы вас отстранили от командования? Выполняйте приказ без рассуждений. В ваших руках судьба кампании».

Об этой необыкновенной вспышке ярости главнокомандующего услышали и в Париже, слухи распространялись, обрастая новыми подробностями. Как отметил на следующий день в своем дневнике президент Пуанкаре, Жоффр якобы угрожал расстрелять командующего 5-й армией, если тот проявит колебания или откажется перейти в наступление.

Убежденный в ошибочности этого плана, Ланрезак потребовал письменного приказа. Жоффр, немного успокоившись, продиктовал текст начальнику штаба 5-й армии и затем подписал его. По мнению Жоффра, командир, получив приказ, должен исполнять свой долг без возражений. Возможно, он сказал Ланрезаку то, что впоследствии заявил Петэну, когда потребовал от него оборонять Верден, несмотря на небывалый в истории массированный артиллерийский обстрел.

Ланрезак не успокоился, но подчинился. Он предупредил, однако, что выход войск на исходные рубежи завершится лишь [402] к следующему утру. Весь день, когда корпуса 5-й армии производили сложное маневрирование, пересекая оборонительные линии друг друга, главный штаб надоедал Ланрезаку беспрестанными напоминаниями «о срочности операции». Выйдя из себя, командующий приказал не отвечать на телефонные звонки офицеров Жоффра.

В тот же день командиры английского экспедиционного корпуса гнали своих солдат на юг, не давая им ни минуты отдыха, в котором они нуждались больше, чем в удалении от противника. Двадцать восьмого августа, когда англичан уже не беспокоили отряды армии Клюка, Джон Френч и Вильсон так торопились отступить, что даже приказали «выбросить из транспортных фургонов все боеприпасы и другие предметы, не являющиеся абсолютно необходимыми», чтобы освободить место для перевозки людей. Боеприпасы не нужны, если отказываешься от дальнейшего участия в боях. Поскольку война шла не на английской территории, то командующий экспедиционным корпусом решил, невзирая на тяжелые последствия этого шага для союзника, вывести все свои части с передовой линии фронта,

Французская армия проиграла сражение в начале войны и сейчас оказалась в серьезном, почти критическом положении. Ей угрожало полное поражение, поэтому на счету была каждая дивизия. Но немцы не сломили сопротивления французов, шла упорная борьба, и Жоффр не собирался сдаваться. Тем не менее Джон Френч, полагая, что рана смертельна, решил отмежеваться от неминуемого военного разгрома Франции и сохранить тем самым английскую армию.

Командиры на местах не разделяли пессимизма штаба. Получив приказ, означавший практически выход из войны, они были обескуражены. Начальник штаба Хейга, генерал Гаф, в гневе разорвал этот документ на клочки. Смиг-Доррием, который считал военную обстановку «превосходной», направил своим 3-й и 4-й дивизиям контрприказ. Однако генерал Сноу, командир 4-й дивизии, получил его с большим опозданием. Он уже выполнил кодовое распоряжение главного штаба: «Снежку от Генри. Погрузите и срочно отправьте утят». В результате «боевой дух войск резко упал», солдаты считали, что над армией нависла смертельная опасность, к тому же им пришлось выбросить всю лишнюю одежду и обувь.

В нестерпимую жару, глотая дорожную пыль, англичане в подавленном настроении отступали в глубь Франции. Проходившие [403] через Сен-Кантен остатки двух батальонов отказались идти дальше, побросали оружие в кучу у вокзала и расселись на привокзальной площади. Они заявили майору Бриджесу, который должен был отражать атаки немцев до окончания эвакуации войск из города, что их командиры дали якобы мэру письменное обещание сдаться, чтобы предотвратить обстрел города артиллерией противника.

Не поверив этим выдумкам — он лично знал командиров этих батальонов, — Бриджес в отчаянии вдруг вспомнил о военной музыке, которая могла бы заставить этих павших духом людей вновь встать на ноги. Но где взять оркестр?

«И вот удача! Рядом находился магазин игрушек, там я и мой трубач раздобыли барабан и оловянный свисток. Мы начали маршировать вокруг фонтана среди солдат, лежавших как мертвые. Мы играли «Британские гренадеры" и «Типперэри" и словно сумасшедшие колотили в барабан».

Люди заулыбались, повеселели, подымались на ноги и один за другим вставали в строй, и «когда стемнело, мы медленно двинулись в путь под звуки нашего импровизированного оркестра, теперь усиленного парой губных гармошек».

Джон Френч, которого уже не развеселили бы ни барабан, ни дудка, заботился только о своем участке фронта. Он говорил, что «кайзер, преисполненный злобой и ненавистью», пошел на риск и ослабил другие направления, чтобы «уничтожить нас» превосходящими силами. Командующий экспедиционным корпусом просил Китченера прислать ему 6-ю дивизию. Но эти части, ответил министр, будут переброшены во Францию только после того, как их сменят войска из Индии. Френч считал этот отказ «весьма разочаровывающим и несправедливым».

Действительно, вскоре после поражения под Монсом Китченер хотел высадить эту дивизию на фланге немцев в Бельгии. Англичане не желали расстаться со старой идеей использования экспедиционного корпуса в Бельгии самостоятельно, а не в качестве придатка французской армии. В защиту этого плана с недавних пор выступали Фишер и Эшер. Англия предприняла две незначительные и тщетные попытки претворить эту идею и жизнь — один раз в августе и затем через два месяца в Антверпене.

Двадцать седьмого и двадцать восьмого августа три батальона английской морской пехоты высадились в Остенде, чтобы отвлечь на себя часть сил Клюка. К ним присоединились шесть тысяч бельгийских солдат, отступавших вместе с французами [404] после падения Намюра и отправленных на английских кораблях в Остенде. Между прочим, эти части оказались небоеспособными. После отступления французской армии линия фронта отодвинулась на значительное расстояние и операция потеряла смысл. Тридцать первого августа морскую пехоту вновь посадили на корабли и вернули в Англию.

Незадолго до этого, двадцать восьмого августа, Джон Френч эвакуировал из Амьена свою передовую базу, которой угрожали наступающие дивизии Клюка. На следующий день главная база английских войск была переведена из Гавра в Сен-Назер. Этот шаг, как и приказ о выбрасывании боеприпасов, отражал главное стремление Френча — уйти из Франции. Генри Вильсон, разделявший эти настроения и в то же время стыдившийся их, «медленно расхаживал по комнате», писал один из его сослуживцев.

«Лицо его, как обычно, сохраняло смешное и загадочное выражение, он напевал тихим голосом, прихлопывая ладонями в такт: «Мы никогда не попадем туда, мы никогда не попадем туда».

Когда он приблизился ко мне, я спросил его:

«Куда, Генри?» —

«К морю, к морю, к морю», — ответил он нараспев».

Париж — фронтовой город

Большие бульвары опустели, витрины магазинов закрылись ставнями, исчезли автобусы, трамваи, такси и извозчики. Вместо них через площадь Согласия к Восточному вокзалу гнали стада овец. Освободившись от уличного движения, площади и проспекты представали во всем своем великолепии. Большинство газет не выходило, те, что уцелели, сиротливо глядели одностраничными выпусками сквозь стекла журнальных киосков. Пропали туристы, в «Рице» никто не жил, в «Морисе» разместился госпиталь. Впервые за свою историю Париж в августе стал французским и молчаливым. Сияло солнце, в его лучах сверкали фонтаны Рон-Пуа, деревья стояли в зелени, мимо спокойно несла свои воды Сена, и лишь яркие флаги союзных держав оживляли светло-серую красоту самого прекрасного в мире города.

Галлиени, расположившийся со своим штабом в многочисленных комнатах Дома Инвалидов, боролся с обструкцией и нерешительностью властей, добиваясь принятия радикальных мер для превращения Парижа в настоящий «военный лагерь». В его понимании этот лагерь должен был представлять базу для проведения боевых операций, а не осажденную Трою. Опыт Льежа [406] и Намюра говорил, что Париж не сможет выдержать обстрела из новых тяжелых осадных орудий врага, поэтому Галлиени предлагал не ждать приближения немцев, а самим навязать им сражение за внешней линией оборонительных сооружений. Это должна была сделать армия, которой у него еще не было. Изучение войн на Балканах и в Маньчжурии убедило его в том, что система глубоких и узких траншей, защищенных земляными насыпями и бревнами, рядами колючей проволоки и замаскированными «волчьими ямами» с торчащими на дне острыми кольями, окажется практически неприступной, если ее будут оборонять хорошо обученные и стойкие части, вооруженные пулеметами. Именно такие участки обороны между артиллерийскими позициями и пытался построить французский генерал. Правда, у него не было войск, которые заняли бы эти укрепления.

Каждый день, иногда по два или по три раза, Галлиени со все возрастающим отчаянием звонил в главный штаб, требуя три боевых корпуса. Он писал Жоффру, посылал к нему эмиссаров, обивал пороги военного министра и президента, постоянно напоминая о том, что Париж не готов к обороне. К двадцать девятому августа в его распоряжение поступила всего лишь одна морская бригада. Она промаршировала по улицам города в белой форме под резкие свистки боцманских дудок. Ее появление вызвало восторг парижан, но не Галлиени.

Он считал, что необходимо вести работу в трех направлениях — военная обстановка, подготовка войск и населения и тыловое обеспечение. Чтобы добиться успеха в выполнении каждой из этих задач, необходимо было говорить с населением откровенно. Галлиени в той же степени презирал политиканов, в какой уважал народ Парижа. По его убеждению, на него можно было положиться в час опасности. Он верил, что Пуанкаре и Вивиани не хотели сказать стране правду и замышляли какой-то «трюк», чтобы обмануть народ. Его усилия добиться разрешения на снос зданий, ухудшавших обзор и затруднявших ведение огня с укрепленных позиций, наталкивались на сопротивление властей, не желавших беспокоить городское население. Любое уничтожение собственности требовало документа, подписанного мэром округа и начальником инженерных войск, где указывалась сумма компенсации, выплачиваемой владельцу. Этот процесс служил источником бесконечных отсрочек и задержек.[407]

Каждое решение сопровождалось «византийскими» спорами в отношении того, может ли Париж, как место пребывания Правительства, служить «укрепленным лагерем», который следует удерживать военными средствами.

«Этот вопрос, — заметил презрительно генерал Хиршауэр, — великолепное поле для разногласий».

Сторонники идеи открытого города скоро докажут, что пост военного губернатора создан вопреки всем законам. «Убедить юристов можно лишь с помощью документов».

И Галлиени их нашел. Двадцать восьмого августа военная зона была расширена с тем, чтобы включить в нее Париж с пригородами по обеим сторонам Сены. Таким образом, муниципалитет оказался подчиненным власти военного губернатора. В десять часов утра Галлиени собрал военных и гражданских руководителей города на совет обороны. Во время заседания, продолжавшегося 15 минут, все участники стояли. Им было предложено не обсуждать вопрос о том, следует ли оборонять Париж, а просто согласиться с тем, что приближение врага требовало введения «военного положения». Документы, обеспечивавшие юридическую правомочность такого решения, были составлены и лежали здесь же, на столе. Галлиени предложил каждому подписаться и затем немедленно объявил о временном прекращении работы совета. Так состоялось первое и последнее заседание этого органа.

Галлиени, не жалея сил и времени, трудился над укреплением обороны города, беспощадно расправляясь с теми, кто проявлял колебания, слабость, нерешительность или неумение. Как и Жоффр, он избавлялся от неспособных. В первый же день сместил начальника инженерных войск, а спустя два дня — еще одного генерала.

Все жители пригородов, даже «самые старые и немощные», должны были работать киркой и лопатой на строительстве укреплений. Галлиени издал приказ собрать в двадцать четыре часа десять тысяч лопат и кирок. Жители выполнили это распоряжение к вечеру того же дня. Когда для тех же целей понадобилось десять тысяч длинных охотничьих ножей, снабженец из штаба Галлиени запротестовал, говоря, что их покупка является незаконной. «Тем более», — ответил Галлиени, и интендант достал ножи.

Двадцать девятого августа район вокруг Парижа в радиусе тридцати километров, достигавший Мелена на юге и Даммартена и Понтуаза на севере, перешел под управление военного [408] губернатора. Велись приготовления к взрыву мостов вокруг Парижа. Те из них, которые считались «произведениями искусства» или частью «национального наследия», благодаря целой системе мер могли быть взорваны лишь в исключительных случаях. Все входы в город, даже канализационные шахты, закрыли баррикадами. Пекари, мясники, зеленщики находились на специальном учете. В Париж завезли скот, который пасся в Бу донском лесу. Для быстрейшего создания складов боеприпасов Галлиени реквизировал почти весь транспорт, даже парижские такси, вскоре прославившие себя навечно. В артиллерийском штабе служил навсегда вошедший в историю бывший капитан, ныне майор, Дрейфус, вновь зачисленный на действительную службу в возрасте пятидесяти пяти лет.

На фронте в Лотарингии 1-я и 2-я армии под ураганным огнем артиллерии Рупрехта стойко удерживали свои позиции вдоль Мозеля. Линия фронта изгибалась и дрожала, и на некоторых участках немцы даже вклинились в оборонительные рубежи французской армии. Подвергаясь ожесточенным контратакам с флангов, они не могли превратить эти участки в значительные бреши в обороне французов. Бои продолжались; армии Рупрехта

продолжали нащупывать слабое место во французской оборонительной системе, а Дюбай и Кастельно, отдавая Жоффру свои части, перебрасываемые на запад, уже не знали, сколько времени они продержатся и продержатся ли вообще.

В деревнях, захваченных немцами, повторились трагические события Бельгии. В Номени, расположенной в окрестностях Нанси, «граждане стреляли в наши войска», объявил в расклеенном на стенах бюллетене германский губернатор Меца.

«Ввиду вышеизложенного я приказал в качестве наказания сжечь эту деревню дотла. Таким образом, Номени к настоящему времени полностью уничтожена».

Слева от Кастельно, там, где фронт поворачивал на запад, 3-я армия Рюффе, ослабленная выводом из ее состава дивизий для Монури, катилась назад за Маас ниже Вердена. Рядом с ней 4-я армия, остававшаяся на позициях до двадцать восьмого августа, получила двадцать девятого августа приказ возобновить отвод войск, что вызвало у генерала де Лангля приступ возмущения. Дальше слева, где наиболее сильно сказывался нажим немцев, 5-я армия генерала Ланрезака завершила поворотный маневр, готовясь к контратаке на Сен-Кантен, которую Жоффр навязал вопреки сопротивлению ее командующего. С края на [409] позиции выходила 6-я армия Монури. Джон Френч, находившийся между Монури и Ланрезаком, отводил свой британский экспедиционный корпус, хотя он знал о бое, который должен был начаться завтра.

Этот процесс отступления чуть было не прервался благодаря неожиданному сотрудничеству английских и французских армий, которого очень недоставало. Генерал Хейг направил сообщение Ланрезаку, заявив, что его войска готовы к наступлению. Он

«предложил установить прямой контакт с 5-й армией и Принять участие в планируемой операции в районе Сен-Кантен». Ланрезак немедленно отправил к англичанам офицера Штаба, тот увидел Хейга, живописно стоявшего на холме. Рядом, на воткнутой в землю пике, развевался вымпел с белым крестом. Неподалеку вестовой держал под уздцы коня. По словам Хейга, его воздушная разведка сообщила о передвижениях противника к юго-западу от Сен-Кантена, «подставившего под удар свой фланг».

«Отправляйтесь скорее к своему генералу и передайте ему эту информацию. Пусть он действует. Я готов сотрудничать с ним в этой операции».

Ланрезак, получив это предложение, выразил «живое удовлетворение» и даже сказал «несколько комплиментов в адрес сэра Дугласа Хейга». Были согласованы все детали предстоящей утром операции, для участия в которой требовалось разрешение английского главнокомандующего. В два часа ночи из главного штаба сообщили об отказе Джона Френча от совместной операции. Как заявил Френч, его войска «очень устали и должны иметь хотя бы один день отдыха»... Это касалось лишь II корпуса, а I корпус, согласно заявлению его командира, находился в отличной форме. Ланрезака обуял гнев.

«Это предательство!» — закричал он и добавил несколько фраз, содержавших, по свидетельству одного из присутствовавших при этом, «ужасные, непростительные оскорбления в адрес Джона Френча и английской армии».

Тем не менее на следующее утро, зажатый с одной стороны армией Бюлова, двигавшейся на него, и Жоффром, приехавшим наблюдать за проведением операции, Ланрезак не имел другого выбора, кроме как отдать своим войскам приказ о наступлении.

Из бумаг, найденных у пленного французского офицера, Бюлов узнал о готовящемся наступлении и был начеку.

Сомневаясь в намерениях Ланрезака, Жоффр рано утром прибыл в Лан, где располагался штаб Ланрезака, чтобы поделиться [410] с командующим армией хладнокровием из своих несчетных запасов. Лан построен на высоком холме, перед которым на десятки километров расстилаются поля, то поднимаясь, то опускаясь, подобно волнам зеленого океана. В тридцати километрах к северу огромным полукругом развернулась 5-я армия, нацелившись на северо-восток, где находились Гюиз и Сен-Кантен. С башни собора, расположенного на самой высокой точке города, на ландшафт с тупым безразличием взирали морды коров, высеченные в камне вместо химер. Внизу, под ними, Жоффр все в том же молчаливом спокойствии следил, как Ланрезак отдавал приказы и руководил сражением. Жоффр пробыл в штабе Ланрезака более трех часов, не произнеся при этом ни единого слова, и, убедившись, что командующий действует «решительно и методично», отправился хорошенько закусить в привокзальный ресторан, чтобы отправиться затем на автомобиле с шофером-гонщиком для выполнения следующей миссии.

Он хотел встретиться с Джоном Френчем, который, по подозрениям Жоффра, беспокоился больше всего о Ла-Манше и «в течение длительного времени избегал, как кажется, боев на нашем фронте». Френч занимал чрезвычайно важный участок обороны между армией Ланрезака и сосредоточивавшейся 6-й армией Монури и тем не менее был вне сферы влияния Жоффра. Он не мог приказать английскому фельдмаршалу или заставить его сражаться, сев у него за спиной в красноречивом молчании. Ему казалось, что он смог бы убедить англичанина прекратить отступление, тогда он сам стабилизировал бы фронт вдоль реки Эны по линии Амьен — Реймс — Верден и затем перешел в наступление с этих рубежей. После еще одного шага назад английский главный штаб размещался со вчерашнего дня в Компьене, в шестидесяти километрах, или на расстоянии трехдневного марша усталой армии от Парижа. Пока соседняя, 5-я французская, армия весь день вела бои с немцами в Гюизе, изматывая врага, английская армия отдыхала. Вчера она отступила, не преследуемая врагом. Сейчас, после восьми дней маршей, окапываний и стычек с противником — больших и малых, — английские войска наконец остановились. Вечером II корпус совершил короткий марш и переправился через Уазу, однако I корпус весь день отдыхал в лесу Сен-Гобеча, всего лишь в восьми километрах от того места, где левое крыло армии Ланрезака, измотанное четырнадцатидневными боями и переходами, вело крупное сражение. [411]

Когда Жоффр прибыл в Компьен, он призвал английского командующего держать фронт до тех пор, пока не наступит благоприятный момент для возобновления наступления. Его аргументы, как казалось, не возымели действия. Он «ясно видел», как Мэррэй осторожно дернул фельдмаршала за китель, опасаясь, чтобы тот не согласился. Это было излишним, поскольку Френч не переставая твердил Жоффру: «Нет, нет». По его словам, английская армия, понесшая значительные потери, была сейчас небоеспособной, и ей требовалось не меньше двух дней для отдыха и восстановления сил. Жоффр не мог тут же сместить его, как французского генерала; он не позволил себе дать волю чувству гнева, чтобы добиться своего, как в случае с Ланрезаком у Марля. Поскольку англичане отступали, обгоняя фронт между Ланрезаком и Монури, французские армии уже не могли удержать занимаемых рубежей, и поэтому нес надежды на выполнение Общего приказа № 2 окончательно рухнули. Жоффр, по собственному признанию, уехал в «сквернейшем настроении».

Намерения Джона Френча шли гораздо дальше того, о чем он говорил с Жоффром. Не обращая внимания на союзника, находившегося на грани поражения, Френч попросил

своего инспектора по связи генерал-майора Робба подготовить план «неминуемого и длительного отступления к югу, с обходом Парижа с запада и востока». Можно сказать, в данном случае инструкции Китченера были ни при чем. Отражая глубокое недоверие к обязательствам Генри Вильсона по «плану-17», они преследовали цель сдержать не в меру агрессивного Джона Френча и слишком большого франкофила Генри Вильсона с тем, чтобы английская армия не оказалась вовлеченной французами в какую-либо авантюру в рамках «наступления до победного конца», которая могла привести к уничтожению или пленению большей части войск. Однако эти инструкции никогда не предусматривали проявления излишней осторожности, чуть ли не граничившей с предательством союзника. Но невозможно удержать пот, выступающий от страха, а Джон Френч боялся потерять армию, а с ней свое имя и репутацию.

Его войска не представляли, как он утверждал, разбитую армию, неспособную к дальнейшим усилиям. Ее солдаты и офицеры, по их же свидетельству, сохранили высокий боевой дух. Подполковник Фредерик Морис из 3-й дивизии считал, что крайняя усталость, истертые в кровь ноги и отсутствие горячей [412] пищи — все это проходит после хорошей еды, крепкого ночного сна и бани.

«Только это и нужно было нашей армии, чтобы она смогла вновь занять боевые позиции».

По словам капитана Эрнеста Гамильтона из 11-го гусарского полка, после отдыха двадцать девятого августа английский экспедиционный корпус «находился в отличной форме и полной боеготовности». Генерал-адъютант Макреди заявил, что «английским войскам» требовались только отдых и пища для восстановления сил и боевого духа, «чтобы проучить немцев». Тем не менее Джон Френч уведомил Жоффра на следующий день, что английская армия сможет активно участвовать в боях на фронте не «раньше чем через десять дней». Попроси он десять дней, когда враг подступал к Лондону, он немедленно лишился бы поста главнокомандующего. Однако Джон Френч оставался на этом посту еще полтора года.

В тот день, собираясь отдать приказ об отводе войск и выходе из соприкосновения с противником, Джон Френч делал все от него зависящее, чтобы Ланрезак прекратил сражение и возобновил отступление плечом к плечу с его армией. Он не столько хотел прикрыть фланги союзника, сколько защитить собственные. Пытаясь добиться для 5-й армии приказа об отступлении, Генри Вильсон отправился в главный штаб. Жоффр отсутствовал, и Вильсон решил поговорить с генералом Бартело, который наотрез отказался взять на себя такую ответственность, но согласился устроить встречу с Жоффром в Реймсе в отеле «Лион д'Ор» в семь тридцать вечера. Местопребывание Жоффра в часы приема пищи было всегда известно. Вильсон встретился с Жоффром, но переубедить его ему оказалось не под силу.

Жоффр отвечал одно: «Ланрезак должен довести дело до конца».

Он не уточнял, до какого именно конца. Когда Вильсон привез эту новость, Джон Френч решил больше не ждать и приказал британскому экспедиционному корпусу начать отступление на следующий день.

Тем временем наступление Ланрезака на Сен-Кантен столкнулось с трудностями. Один из полков XVIII корпуса, получивший приказ взять деревню, располагавшуюся у дороги, попал под шрапнельный обстрел. «Осколки снарядов сыпались на дорогу и срезали ветви деревьев», — писал сержант, которому удалось остаться в живых.

Немцы отбили атаку на Сен-Кантен, как и предвидел Ланрезак, затем противник начал оказывать сильное давление на [413] правый фланг французов. Бюлов атаковал всеми силами, вместо того чтобы дать французам возможность продвинуться вперед и подставить, таким образом, свой тыл армиям Клюка и Хаузена. По мнению Бюлова, атака на Сен-Кантен была предсмертной агонией разбитой армии, он чувствовал «уверенность в победе».

На одном из участков французам пришлось отойти за Уазу. На мосту и узких дорогах, ведущих к нему, образовалась пробка, началась паника. Проявив «величайшую сообразительность и правильно разобравшись в обстановке», Ланрезак приказал прекратить наступление в районе Сен-Кантена и собрать силы для следующей попытки восстановить положение справа от Гюиза.

Франше д'Эспери, командующий I корпусом, энергичный, сильный человек небольшого роста, обожженный солнцем Тонкинского залива и Марокко, которого Пуанкаре называл «врагом уныния», получил указание объединить силы III и X корпусов, находившихся справа и слева от него. С помощью офицеров, посланных по позициям верхом, и оркестров, непрерывно игравших жизнерадостную «Самбру и Маас», генерал к пяти часам вечера восстановил боевые порядки вдоль линии фронта.

После тщательной артиллерийской подготовки французы вновь двинулись в атаку. Мост в районе Гюиза усеяли горы трупов вражеских солдат. На фланге сопротивление немцев оказалось почти сломленным, французы чувствовали, как враг слабеет.

«Немцы бежали», — писал очевидец, и французы, «обезумев от радости, от этого нового и давно желанного чувства, неслись вперед великолепной всепобеждающей волной».

В конце дня один сержант, принимавший участие в атаке на Сен-Кантен, встретил своего приятеля по полку, знавшего все новости. «Говорят, сегодня свершились большие события. Остановка нашего наступления ничего не значит. Врагу нанесено поражение, мы выиграли этот бой. Полковник убит осколком снаряда. Он умер, когда его несли на носилках. Майор Терон ранен в грудь. Капитан Шлаберти ранен, жить не будет. Много раненых и убитых. Считается, что день прошел удачно, потому что полк будет ночевать две ночи подряд в одном месте».

Отступление гвардейского корпуса — отборных частей армии Бюлова — вынудило его соседей также отойти. Таким образом, Ланрезак одержал тактическую победу если не при Сен-Кантене, то под Гюизом. Однако сейчас лишь его войска, [414] развернутые на север, противостояли немцам. Английская и 4-я французская армии, которые располагались слева и справа от частей Ланрезака, продолжали отступать. Они уже находились на расстоянии дневного перехода от него; каждый их шаг увеличивал угрозу флангам Ланрезака. Чтобы спасти 5-ю армию, надо было срочно отрываться от противника и идти на соединение со своими войсками. Но Ланрезак пока не получил на этот счет никаких указаний от Жоффра.

«Должна ли 5-я армия оставаться в районе Гюиза — Сен-Кантена, несмотря на риск окружения?» — спросил Ланрезак по телефону заместителя Жоффра генерала Белина.

«Что вы имеете в виду — окружение вашей армии! Это же абсурд!»

> «Вы не понимаете меня... Я не могу взять на себя ответственность и приказать войскам отойти к Лану. Именно главнокомандующий должен дать мне приказ об отступлении».

Ланрезак не собирался на этот раз оказаться в положении провинившегося, как при Шарлеруа. Белин отказался отдать такой приказ и сказал, что он доложит обо всем Жоффру, как только тот вернется.

Жоффр прибыл в штаб, внешне по-прежнему спокойный и невозмутимый, но его надеждам был нанесен второй удар, более сильный, чем разгром армий на границах, — враг уже продвигался в глубь страны, Жоффр еще не знал, что Ланрезак и его армия остановили на некоторое время части Бюлова, поскольку результаты боев были неясны. Он понимал, что 5-я армия действительно оказалась в опасном положении, английские войска отступали, и «больше не оставалось надежд на то, что союзники будут удерживать намеченные линии обороны». Еще не закончившая формирования, 6-я армия подвергалась мощным атакам двух корпусов Клюка, которые входили в правое крыло германских армий; фронт распадался, и остановить этот процесс, казалось, невозможно, противник захватывал новые территории; французским войскам придется отступить к Марне, а может быть, и к Сене.

Во время этого периода, «самого трагичного во всей французской истории», Жоффр не поддался панике, как Джон Френч, не колебался, как Мольтке, не лишился на какое-то мгновение присутствия духа, подобно Хейгу или Людендорфу, и не впал в пессимизм, характерный для Притвица. Даже если [415] его спокойствие происходило от недостатка воображения, все равно для Франции это оказалось счастливым обстоятельством.

Обычные люди, писал Клаузевиц, приходят в состояние депрессии от ощущения опасности или навалившейся на них ответственности, если же эти условия «придают крылья уму, укрепляют его, то тогда проявляется необычное величие души».

На умственные способности Жоффра опасность не оказала никакого влияния, она укрепила в нем твердость духа и характера. Когда вокруг все начало рушиться, он сохранил прежний ровный уклад жизни, как и раньше, прочно держал в своих руках власть. Фош, встретившийся с ним двадцать девятого августа, сказал:

«Удивительное спокойствие».

Именно оно удержало французскую армию от распада в час, когда ей была так необходима соединяющая сила уверенности. В один из этих дней полковник Александер, вернувшись из поездки в 5-ю армию, решил, что мрачное настроение Жоффра объясняется «плохими новостями, которые я привез ему».

«Что! — воскликнул Жоффр. — Вы не верите больше во Францию? Идите и отдохните. Вот увидите — все будет хорошо».

Вечером двадцать девятого августа он приказал Ланрезаку отступить и взорвать за собой мосты через У азу. Генерал д'Амад получил указание взорвать мосты через Сомму у Амьена и отходить вместе с армией Монури. Находившаяся справа, 4-я армия получила приказ направиться к Реймсу. Генерал до Лангль, требовавший отдыха для своих войск, услышал от Жоффра, что отдых зависит только от противника. И наконец, этим же вечером Жоффр с тяжелым сердцем приказал подготовиться к уходу из Витриле-Франсуа, города «несбывшихся надежд и утраченных иллюзий». Главный штаб перемещался в

глубь страны, в Бар-на-Обе, восточном притоке Сены. Эти новости распространились среди офицеров штаба и, как выразился неодобрительно Жоффр, «еще больше усилили состояние нервозности и тревоги».

Вследствие ошибки штабных работников приказ Жоффра поступил к Ланрезаку только утром, заставив командующего провести ночь в напрасном беспокойстве. К счастью, Бюлов не возобновил наступления и не стал преследовать отступающие войска Ланрезака. Результаты боев были неясны как французам, так и немцам. Любопытно, что Бюлов сам не имел четкого представления об исходе сражения и поэтому уведомил главный штаб об [416]

успехе и одновременно отправил к Клюку капитана, сообщить, что «армия ослабла после боев под Гюизом и не сможет преследовать противника». Не зная этого, французы — Жоффр и Ланрезак — стремились к тому, чтобы вывести 5-ю армию из зоны боев и соединить ее с другими французскими частями до того, как немцы нанесут удар по ее левому флангу.

Тем временем угроза Парижу со стороны наступающего правого крыла германских армий стала очевидной. Жоффр телеграфировал Галлиени, чтобы тот приказал немедленно заложить взрывчатку под мосты через Сену, западнее Парижа, и через Марну. По требованию Жоффра, у каждого из мостов дежурил взвод саперов, готовых уничтожить их в любую минуту. Отступавшая армия Монури прикрыла бы Париж и, естественно, стала бы той группой из трех корпусов, которые были так нужны Галлиени. Но для Жоффра и его штаба Париж являлся всего лишь «географическим понятием». Оборонять его только ради этого и отдать под командование Галлиени армию Монури совсем не входило в планы Жоффра. Париж, считал он, падет или выстоит, но в результате генерального сражения, которое даст вся французская армия под его личным руководством. Однако парижанам судьба столицы была далеко не безразлична.

Первые впечатления об исходе боев под Сен-Кантеном усугубили мрачные настроения в городе. Утром, когда это сражение еще только начиналось, вице-председатель сената Турон, промышленный магнат севера, словно вихрь ворвался в кабинет президента Пуанкаре.

«Главный штаб, — заявил он, — обманул правительство, наш левый фланг смят, и немцы стоят у Ла-Фера».

Левый фланг, ответил Пуанкаре, повторяя твердые заверения Жоффра, обязательно выдержит, и, как только 6-я армия будет готова к боям, наступление сразу же возобновится. Однако в глубине души он почти соглашался с Туроном. Начали поступать туманные сообщения о ходе сражения. Каждый час к президенту приходили противоречивые сведения. К концу дня в его кабинет вновь влетел Турон, более возбужденный, чем прежде. Он только что разговаривал по телефону со своим коллегой Селином, сенатором от департамента Эна, имение которого находилось в окрестностях Сен-Кантеиа. Селин наблюдал за боем с крыши своего дома. Он видел наступающие французские войска, клубы дыма и черные разрывы снарядов на фоне неба. Затем, подобно армии серых муравьев, подошли [417] немецкие подкрепления и отбросили французов назад. Атака не удалась, бой был проигран, и, сообщив обо всем этом, Турон в слезах покинул кабинет президента.

Вторая стадия этого сражения, бой под Гюизом, не попала в поле зрения сидевшего на крыше сенатора, и правительство знало о ней еще меньше, чем главный штаб. Ясно было

одно — попытки Жоффра остановить продвижение правого крыла германских армий провалились, и Парижу угрожала осада, его жителям, возможно, снова придется есть крыс, как в 1870 году.

В связи с реальной угрозой захвата Парижа министры, которых уже со времени Приграничного сражения стала преследовать мысль об изменении местопребывания правительства, сейчас начали обсуждать этот вопрос открыто и в срочном порядке. Полковник Пенелоп, поддерживавший связь между главным штабом и президентом страны, на следующее утро прибыл в Париж. Его обычно улыбающееся лицо было мрачным, он признал, что сложилась чрезвычайно серьезная обстановка. Военный министр Мильеран тут же предложил перевести правительство в другой город, чтобы оно не оказалось отрезанным от всей страны. Галлиени, срочно вызванный на совещание, посоветовал позвонить Жоффру. Тот признал, что действительно обстановка оставляла желать лучшего; 5-я армия сражалась хорошо, но не оправдала его надежд, англичане «не устояли», продвижение противника замедлить невозможно, и над Парижем нависла «серьезная угроза». Он порекомендовал правительству уехать из столицы, ибо в противном случае оно станет приманкой для врага.

Жоффр прекрасно знал намерения противника, стремившегося в первую очередь уничтожить французскую армию, а не правительство. Однако фронт приближался к Парижу, и пребывание правительства в военной зоне могло бы уменьшить его власть главнокомандующего. Если бы министры переехали в другой город, Жоффр избавился бы от источника помех, а роль его штаба еще больше возросла.

Галлиени позвонил ему по телефону и попытался внушить мысль о необходимости обороны Парижа, что, по его словам, было главной задачей данного периода. Военный губернатор вновь попросил Жоффра выделить для встречи противника еще на дальних подступах к городу армию с тем, чтобы избежать его осады. Главнокомандующий туманно пообещал направить к Парижу три корпуса, хотя и не полной численности и состоящих в основном из резервных дивизий. У Галлиени создалось [418] впечатление, что Жоффр считал оборону Парижа делом нестоящим и по-прежнему не желал ослаблять ради него свою армию.

Президент республики, казавшийся «чрезвычайно озабоченным и даже удрученным», все же сохранял, как и прежде, хладнокровие и выдержанность.

«Сколько времени продержится Париж и следует ли правительству покинуть столицу?» — спросил он у Галлиени.

«Париж не сможет обороняться, и вы должны как можно скорее подготовиться к отъезду», — ответил тот.

Кабинет уже заседал, бурно обсуждал вопрос, который еще десять дней тому назад, когда французы начали наступление, казался немыслимым.

Пуанкаре, Рибо и двое социалистов, Гед и Семба, выступали за то, чтобы остаться в Париже или, по крайней мере, подождать исхода приближающегося сражения. С психологической точки зрения отъезд правительства, заявляли они, мог бы вызвать отчаяние, даже революцию. Мильеран же настаивал на немедленном отъезде. Рота улан, доказывал он, может обойти Париж и перерезать железные дороги, ведущие на юг, поэтому правительство рискует оказаться запертым в столице, как в 1870 году. Но теперь, поскольку Франция сражается в коалиции с другими державами, правительство обязано

поддерживать контакт с союзниками и внешним миром, так же как и с остальной Францией.

Особенное впечатление произвели слова Думерга:

«Требуется больше мужества, чтобы показаться трусом и подвергнуться всенародному осуждению, нежели просто дать убить себя».

Шли бурные споры о том, следует ли в данной критической ситуации созывать парламент, на чем настаивали председатели обеих палат.

Галлиени, не находивший себе места — у него были срочные дела, — вынужден был ждать за дверьми, пока министры спорили. Когда его вызвали, он сказал резко: «Оставаться дальше в городе небезопасно».

Суровый, воинственный вид генерала, «ясность и сила», с которой он излагал свои мысли, произвели «сильное впечатление». Галлиени объяснил, что, не имея войск для боев за линией обороны, невозможно предотвратить вражескую бомбардировку города из осадных орудий.

«Париж, — предупреждал он, — не готов к обороне, и с этим ничего не поделаешь... Было бы наивно полагать, что этот неукрепленный лагерь сможет оказать серьезное сопротивление, если враг [419] покажется завтра у внешних оборонительных рубежей».

«Совершенно необходимо» создать боеспособную армию из четырех или, в крайнем случае, трех корпусов под его командованием. Он возложил ответственность за халатное отношение к обороне столицы на группы, желавшие объявить Париж открытым городом, чтобы спасти его от разрушения, и на главный штаб.

«Это верно, — сказал Мильеран. — Главный штаб считает, что Париж оборонять не имеет смысла».

Гед, впервые выступавший в качестве министра после пожизненного пребывания в оппозиции, возбужденно заговорил:

«Вы хотите открыть ворота врагу, чтобы он не разграбил город. Но только немецкие войска начнут маршировать, из каждого окна в рабочих кварталах полетят пули. Тогда Париж будет сожжен».

После горячих дебатов было решено защищать Париж и потребовать от Жоффра повиновения, даже под угрозой отстранения. Галлиени высказался против поспешного смещения главнокомандующего на данном этапе. В отношении того, следует ли правительству покинуть город или остаться, министры так и не пришли к согласию.

Генерал ушел с совещания кабинета, «охваченного нерешительностью», члены которого, как показалось ему, «не могли принять твердого решения», и направился в Дом Инвалидов. Здесь он с трудом пробился сквозь осаждавшую двери его кабинета толпу граждан. Каждый был озабочен своим делом — одному требовалось разрешение на выезд из города, второму — взять свой автомобиль, третьему — закрыть предприятие. Люди шли к нему с тысячами просьб. В гуле голосов сильнее обычного слышалась тревога; в этот день впервые германские «Таубе» бомбили Париж. Кроме трех бомб, которые упали

на набережную Вальми, убив при этом двух человек и ранив много других, немцы разбросали еще листовки. Германские войска находятся у ворот города, как в 1870 году.

«Вам, — говорилось в прокламациях, — остается лишь сдаться».

После этого ежедневно в шесть вечера самолеты регулярно возвращались и сбрасывали две или три бомбы, причем обычно погибал какой-нибудь прохожий. Все это, конечно, делалось для устрашения населения. Испугавшиеся покидали город и бежали на юг. Те, кто остался в Париже, не знали, что принесет им следующий день — солдат в остроконечных касках, [420] марширующих по улицам города, или германские «Таубе», которые всегда появлялись в час аперитива, вызывая возбуждение, компенсировавшее некоторым образом объявленный правительством запрет на продажу абсента. В первую же ночь после воздушного налета в Париже ввели затемнение. Единственным «маленьким лучом света», писал Пуанкаре, оживлявшим мрачную картину, оставался Восточный фронт, где, судя по телеграмме от французского военного атташе, русские армии «развивали наступление на Берлин». А на самом деле они были отрезаны и окружены под Танненбергом, и в эту ночь в лесу генерал Самсонов покончил с собой.

Жоффр получил более точные сведения после того, как у Бельфора французы перехватили радиосообщение. «Вторая русская армия больше не существует», — говорилось в донесении. Это страшное известие могло бы подорвать уверенность и самого Жоффра, если бы затем не стали поступать другие новости, судя по которой жертвы русской армии оказались не напрасными. Разведка доносила, что немцы перебросили с западного фронта на восток не меньше двух корпусов. На следующий день эти сообщения подтвердились — через Берлин в восточном направлении прошло тридцать два эшелона с войсками. Для Жоффра сверкнул луч надежды, вот та помощь, ради которой Франция оказывала давление на Россию. И все же это не могло компенсировать фактическую потерю английской армии, командующий которой дал приказ к отступлению, поставив под угрозу охвата 5-ю армию. Ее правый фланг также был в опасности.

Каждый раз, чтобы укрепить обескровленный сектор фронта, приходилось снимать части с других участков, опасно ослабляя их. В этот день тридцатого августа Жоффр направился в 3-ю и 4-ю армии в поисках войск, которые можно было бы перебросить Фошу. На дороге ему встретились отступающие колонны, сражавшиеся в Арденнах и верховьях Мааса. Красные штаны солдат выцвели и стали светло-кирпичными, шинели оборвались и обратились в лохмотья, сапоги покрылись дорожной пылью; люди брели безразлично, с почерневшими, давно не бритыми лицами и ввалившимися глазами.

Другие части, все еще полные сил и энергии, напротив, превратились в закаленных ветеранов, гордившихся своими боевыми качествами и стремившихся сделать все, чтобы остановить врага. Особенно отличилась 42-я дивизия армии Рюффе, которая успешно провела арьергардные бои и затем умело оторвалась [421] от противника. Командующий корпусом генерал Саррай сказал о солдатах этой дивизии: «Они показали пример отваги».

Жоффр приказал перебросить эти войска на помощь Фошу. Генерал Рюффе категорически протестовал и говорил о готовящемся наступлении. В противоположность генералу де Ланглю, командующему 4-й армией, который, по мнению Жоффра, держался уверенно и спокойно, оставаясь «самому себе» хозяином — важнейшее качество в глазах Жоффра, — Рюффе казался взвинченным, беспокойным и обладал «чересчур пылким воображением». Полковник Таман, начальник оперативного отдела армии, говорил, что он очень умен; на каждую тысячу его идей приходилась одна гениальная, но вопрос заключался в том, какая именно? Как и депутаты в Париже, Жоффр искал козла отпущения за провал наступления.

Поведение Рюффе решило проблему. В тот же день его сместили с поста командующего 3-й армией, а на его место назначили генерала Саррая. Рюффе, приглашенный Жоффром на следующий день к обеду, объяснил свое поражение в Арденнах тем, что в последнюю минуту лишился двух резервных дивизий, которые главный штаб перебросил на помощь войскам в Лотарингию. По словам Рюффе, если бы в его распоряжении были те сорок тысяч боеспособных солдат и 7-я кавалерийская дивизия, он смял бы левый фланг противника, и тогда «какой успех выпал бы на долю наших армий!»

В ответ Жоффр произнес одну из своих кратких и загадочных фраз: «Не будем говорить об этом». Имел ли он в виду «Вы не правы и поэтому молчите» или «Мы не правы, но не признаемся» — понять было невозможно; ровный, бесцветный голос делал его речь совершенно невыразительной.

В воскресенье тридцатого августа, когда произошло сражение под Танненбергом, французское правительство предупредили о необходимости покинуть Париж, Англия же была потрясена, получив «сообщение из Амьена».

Эту страшную весть опубликовала в своем воскресном выпуске газета «Таймс», озаглавив ее с некоторым преувеличением так: «Самая жестокая битва истории». Подзаголовки гласили:

«Тяжелые потери английских войск», «Сражение с превосходящими силами», «Нужны подкрепления». Последнее выражало цель этих статей; их публикация вызвала бурную официальную реакцию, послужила причиной резких дебатов в парламенте и заставила премьер-министра Асквита сделать ряд язвительных [422] замечаний в отношении этого «прискорбного отклонения» от «патриотической сдержанности» прессы в целом. Тем не менее сообщения из Амьена были обнародованы не без благословения официальных кругов и преследовали далеко идущие цели.

Цензор Ф. Смит, впоследствии лорд Биркенхед, сразу воспользовался ими для развертывания пропаганды призыва в армию. Он поручил это дело газете «Таймс», которая сочла своим патриотическим долгом напечатать эту информацию ввиду «чрезвычайно важной задачи, стоящей перед нами». Сообщения были написаны корреспондентом Артуром Мором, прибывшим на фронт в разгар отступления из Ле-Като, когда английский штаб переживал период отчаяния.

Он писал об «отступающей и разбитой армии», которая вела бои в ходе «так называемой операции под Монсом», о французах, отходящих на фланге, о «непрекращающемся, безжалостном, неотступном» движении немцев и его «неотразимом характере», об английских полках, «несущих серьезные потери», сохраняющих в то же время «дисциплину, твердость духа и веру в окончательную победу». Очевидно, попав под влияние настроений, царивших в английском штабе, корреспондент несколько панически заявлял, что германское правое крыло «имеет такое колоссальное превосходство в численности, что остановить его движение так же трудно, как бег морских волн». Англия, говорилось в заключение, должна осознать тот факт, что «первая мощная попытка немцев оказалась успешной» и что «блокаду Парижа нельзя сбросить со счетов».

И наконец, упирая на необходимость присылки подкреплений, Мор писал об английской армии как «о принявшей на себя главный удар немецких войск» и бросил тем самым зерно, из которого вырос миф. Отсюда следовало, будто французская армия была каким-то несущественным придатком английской армии. В действительности же экспедиционный корпус в первый месяц войны вел бои всего лишь с тремя германскими

корпусами из тридцати, однако убежденность в том, что он «вынес на себе всю тяжесть удара», постоянно звучала во всех отчетах о сражении под Монсом и в «славном отступлении». Таким образом, в английских умах укрепилась вера, будто бы в период мужества и ужасов первого месяца войны английские войска спасли Францию, Европу и западную цивилизацию.

Один английский писатель даже сказал, не краснея от стеснения:

«Монс. Смысл этого слова — освобождение мира». [423]

Единственная из воюющих держав, Англия начала боевые действия без заранее составленного плана мероприятий общенационального масштаба и обязательной всеобщей мобилизации. Все, кроме действий регулярной армии, строилось на импровизациях, и до получения сообщения из Амьена в Англии царило почти праздничное настроение. Правда о наступлении немцев скрывалась вследствие «патриотической сдержанности» прессы, как изящно высказался премьер Асквит. Как английской, так и французской общественности войну преподносили о виде непрерывных побед союзников; при этом было совершенно непонятно, почему же все-таки противник прошел через территорию Бельгии и очутился во Франции, с каждым днем продвигаясь все дальше и дальше. Утром тридцатого августа, открыв за завтраком «Таймс», люди прочли новость, ошеломившую их.

Бритлинг писал:

«Было похоже, что Давид метнул камень — и промахнулся!»

Неожиданная и потрясающая истина, что враг выигрывает войну, заставила людей верить вымыслам, достигавшим огромных размеров и принимавшим характер национальной галлюцинации.

Двадцать седьмого августа семнадцатичасовая задержка с движением поездов по линии Ливерпуль — Лондон породила слухи о том, что срыв расписания объясняется срочной перевозкой русских войск, которые якобы высадились в Шотландии и направляются на помощь союзникам на Западный фронт. Они будто бы вышли из Архангельска, затем через Северный Ледовитый океан попали в Норвегию, откуда на обычном пароходе прибыли в Абердин. Здесь их посадили в специальные железнодорожные эшелоны и отправили в порты Ла-Манша. После этого каждый пассажир, чей поезд опаздывал, уверенно заявлял, что эта задержка связана с «русскими». Мрачное настроение, вызванное поражением под Амьеном и разговорами о «морских волнах» и бесчисленных массах германских солдат, крики с требованиями «людей, людей и еще раз людей» заставляли невольно обращать взоры к России и ее неограниченным людским ресурсам, поэтому призраки, замеченные в Шотландии, обретали плоть, обрастая все новыми подробностями.

Русские сбивали снег с сапог на платформах железнодорожных станций — это в августе-то. Был даже известен рабочий вокзала в Эдинбурге, который убирал потом этот снег. «Незнакомую [424] военную форму» видели в вагонах мчавшихся мимо поездов. Они ехали то через Харвич — спасать Антверпен, то через Дувр — на помощь Парижу. Их видели в Лондоне после полуночи, они маршировали вдоль набережной, направляясь к вокзалу Виктория. Морская битва у Гельголанда, объясняли мудрецы, имела целью отвлечь внимание от переброски русских в Бельгию. Их видели самые надежные друзья или самые правдивые люди. Профессор из Оксфорда знал коллегу, которого пригласили к

русским в качестве переводчика. Один армейский офицер из Шотландии видел их в Эдинбурге, они были одеты в «длинные ярко расшитые шинели и большие меховые шапки», с луками и стрелами вместо винтовок. Их лошади походили на «шотландских пони, только костлявее». Это описание точно соответствовало рисункам казаков столетней давности, напечатанным в начале викторианской эпохи. Житель Абердина, некий Стюарт Коутс, написал своему зятю в Америку, что мимо его поместья в Пертимре проехали сто двадцать пять тысяч казаков. Как уверял своих друзей другой английский офицер, семьдесят тысяч русских «в полнейшей секретности» прошли через Англию, направляясь на Западный фронт. Сначала их было пятьсот тысяч, затем двести пятьдесят тысяч, потом сто двадцать пять тысяч. Цифры медленно уменьшались, пока не достигли семидесяти-восьмидесяти тысяч — численности английского экспедиционного корпуса во Франции. Истории о русских распространялись исключительно устным путем. Из-за официальной цензуры в английских газетах об этом никаких сообщений не появилось. Однако в США рассказы возвращающихся из Англии американцев, многие из которых садились на пароходы в кипевшем возбуждением по поводу русских Ливерпуле, нашли отражение в прессе и поведали потомкам об этом удивительном явлении.

Нейтральные страны подхватили новость. Судя по сообщениям из Амстердама, крупные силы русских срочно перебрасываются для помощи защитникам Парижа. В Париже люди осаждали вокзалы, надеясь увидеть прибытие казаков. Перебравшись на континент, призраки превратились в военный фактор, даже до немцев также дошли эти слухи. Опасения возможного появления в их тылу семидесяти тысяч русских должно было сыграть такую же роль, как и отсутствие семидесяти тысяч солдат, переброшенных Германией на Восточный фронт. И лишь после сражения при Марне, пятнадцатого сентября, в [425] английских газетах появилось официальное опровержение этих слухов.

В то же воскресенье, когда сообщения из Амьена вызвали ужас у публики, Джон Френч составил донесение, явившееся еще более сильным ударом для лорда Китченера. Главный штаб находился тогда в Компьене, в шестидесяти километрах от Парижа. Английские войска, оторвавшиеся от противника, отдыхали, в то время как французы вели ожесточенные бои с немцами. Оперативный приказ, изданный в этот же день за подписью Джона Френча, гласил, что наступление врага приостановлено «благодаря действиям французских войск на нашем правом фланге, с большим успехом атаковавших в районе Гюиза германские гвардейский и X корпуса, которые отступили за Уазу». Это признание действительного положения вещей находилось в полном противоречии с тем, что Джон Френч написал в своем докладе для лорда Китченера. Очевидно, Френч подписал приказ, не прочтя его.

Он информировал своего начальника о просьбе Жоффра в отношении обороны позиций к северу от Компьена. Французский командующий хотел, чтобы английские войска не выходили из соприкосновения с противником. Однако, утверждал далее Френч, наши войска «были абсолютно не в состоянии удерживать передовые позиции», поэтому его штаб решил отвести армию за Сену и держаться при этом «на значительном расстоянии от противника». Отступление включало бы восьмидневный марш, «неутомительный для войск», и обход Парижа с запада с тем, чтобы не удаляться слишком далеко от своей базы. «Мне не нравится план Жоффра, — продолжал Френч, — я бы предпочел решительное наступление», которое, однако, он сам отказался осуществить под Сен-Кантеном, запретив Хейгу поддержать Ланрезака в этом бою.

Далее он высказывал совершенно противоположные взгляды. После десяти дней кампании он принял решение бросить разбитых французов и отправить экспедиционный корпус обратно в Англию. По его словам, «быстро исчезает уверенность в том, что армия

союзника сможет успешно завершить кампанию». Этим и объясняется его намерение «отвести наши войска в глубь страны». Французы «оказывали сильный нажим с тем, чтобы я оставил войска на передовой, несмотря на их пониженную боеспособность», однако он «категорически отверг это требование», в соответствии с «духом и буквой» инструкций [426] Китченера, и настоял на сохранении независимости в действиях, вплоть до «отхода на нашу базу», если этого потребуют обстоятельства.

Китченер читал этот доклад, полученный тридцать первого августа, с удивлением, граничащим с ужасом. Намерение Джона Френча отвести английские войска с фронта, на котором сражались союзные армии, отделить их от французских частей, походило на дезертирство с передовой в решающий час. Он считал это «пагубным» как с политической, так и с военной точек зрения. То было нарушением духа Антанты и превращалось, таким образом, в политическую проблему, поэтому Китченер попросил премьер-министра немедленно созвать заседание кабинета. Пока министры собирались, Китченер отправил телеграмму Джону Френчу, холодно выразив «свое удивление» решением отступить за Сену, и осторожно выразил свое неодобрение следующими вопросами: «Как повлияет этот курс на ваши взаимоотношения с французской армией и на военную обстановку в целом» «Не образуется ли в результате вашего отступления брешь во французской линии обороны, и не вызовет ли это падение боевого духа, и не воспользуется ли этим враг?» Телеграмма заканчивалась напоминанием о том, что через Берлин прошли тридцать два эшелона, это означало — Германия сняла войска с Западного фронта.

Как объяснил министрам Китченер, прочитав им письмо Френча, отвод войск за Сену может означать проигрыш войны. Кабинет, по завуалированному высказыванию Асквита, выразил «беспокойство». Китченеру поручили проинформировать Джона Френча о тревоге правительства по поводу предложенного вывода войск. Кабинет советовал командующему экспедиционным корпусом «согласовывать, если возможно, свои планы с действиями Жоффра в проведении боевых операций». Правительство, добавил от себя Китченер, щадя самолюбие Френча, «полностью доверяет вашим войскам, вам лично».

Когда германский главный штаб узнал о намерении Притвица отойти за Вислу, он немедленно сместил его, но, когда Джон Френч предложил бросить не провинцию, а союзника, такого решения принято не было. Очевидно, это объясняется тем, что после событий в Ольстере в рядах армии осталось немного способных командиров, поэтому кабинет не смог прийти к единодушному мнению в отношении другой кандидатуры на его место. Возможно, правительство не желало этим смещением [427] шокировать общественные круги. Так или иначе все, французы и англичане, зная о крайней раздражительности Френча, продолжали обращаться с ним исключительно тактично, испытывая к нему в то же время очень сильное недоверие.

«Между ним и Жоффром не было ничего напоминавшего душевную близость, — писал Уильям Робертсон, английский генерал-квартирмейстер, годом позже секретарю короля. — Он никогда искренно и честно не сотрудничал с французами, а они, в свою очередь, не считали его сколько-нибудь способным человеком или надежным другом и, естественно, не доверяли ему».

Подобная ситуация ни в коей мере не способствовала успеху военных усилий союзников. Китченер, отношения которого с Джоном Френчем перестали быть сердечными со времен англо-бурской войны, не мог полностью верить ему после письма от тридцать первого августа. И лишь в декабре 1915 года, когда он, используя, по выражению лорда Биркенхеда, средства, не отличавшиеся «пристойностью, разборчивостью или

благородством», начал плести интриги против самого Китченера, правительство, потеряв терпение, сместило Джона Френча с поста командующего английскими экспедиционными силами.

Пока Китченер в Лондоне с нетерпением ждал ответа Джона Френча, в Париже Жоффр обратился за помощью к французскому правительству, чтобы оно повлияло на англичан и убедило их остаться на фронте. Теперь Жоффр знал, что Лан-резак выиграл сражение наполовину благодаря операции под Гюизом. Донесения о том, что немецкие гвардейский и X корпуса понесли значительные потери, а армия Бюлова прекратила преследование, совпавшие с сообщениями о выводе германских войск на восток, придали Жоффру новые силы. Теперь он советовал Пуанкаре и его правительству не покидать Париж; главнокомандующий надеялся остановить продвижение немецких войск с помощью 5-й и 6-й армий. Он отправил в английский главный штаб письмо — 5-я и 6-я армии получили приказ держаться всеми средствами и отступать только в исключительных случаях. Поскольку немцы постараются использовать брешь между английскими и французскими армиями, он «самым настоятельным образом» просил фельдмаршала Френча не отводить войска или, по крайней мере, оставить арьергарды, чтобы у противника не создалось впечатления об отступлении и о существовании незащищенного участка фронта между 5-й и 6-й армиями. [428] Пуанкаре, которого Жоффр попросил использовать свое влияние как президента страны и добиться благоприятного ответа, обратился за помощью к английскому послу. Тот, в свою очередь, запросил главный штаб, однако все визиты и поездки офицеров по особым поручениям не дали никаких результатов.

«Я отказался» — так кратко резюмировал свою позицию Джон Френч. Его ответ нанес сильный удар по кратковременным, хотя и иллюзорным, надеждам Жоффра.

В Лондоне с таким беспокойством и нетерпением ждали сообщения от Джона Френча, что Китченер поздно ночью сам пришел к шифровальщикам и тут же слово за словом читал полученную от него телеграмму.

> «Разумеется, — говорилось в ней, — на французском фронте образуется брешь в результате отвода наших войск, однако если французы будут придерживаться своей тактики и в дальнейшем и отступать справа и слева от меня, обычно без предварительного уведомления, а также откажутся от идеи наступательных операций... они будут нести всю ответственность за возможные последствия. Я не понимаю, почему уже второй раз меня заставляют идти на риск абсолютной катастрофы ради их спасения».

Это воинственное заявление, искажающее действительность и появившееся уже после того, как Жоффр нарисовал ему совершенно обратную картину, было впоследствии включено в книгу френча «1914». Оно заставило его соотечественников подыскивать эквиваленты к слову «вранье» и даже заставило Асквита прибегнуть к выражению «пародия фактов». Даже учитывая недостатки характера Френча, нельзя разгадать тайну, почему английский главнокомандующий, имевший в своем штабе Генри Вильсона, который прекрасно говорил по-французски и был лично знаком со многими офицерами вплоть до самого Жоффра, пришел к заключению о полном поражении Франции.

Закончив в час ночи чтение этой телеграммы, Китченер уже знал, что ему надо делать, и, не дожидаясь рассвета, приступил к действиям. Он решил немедленно выехать во Францию. Как старший фельдмаршал, он возглавлял армию и имел право отдавать приказы Джону Френчу по всем военным вопросам, а выполняя обязанности военного министра, он отвечал за политический курс страны, в рамках которого и должен был

действовать главнокомандующий экспедиционного корпуса. Спешно отправившись на Даунинг-стрит, Китченер провел совещание с Асквитом и другими министрами, в том числе и с Черчиллем; [429] последний распорядился подготовить для него в двухчасовой срок в Дувре быстроходный крейсер. Китченер предупредил телеграфом Джона Френча о своем прибытии и, чтобы своим появлением в главном штабе не обидеть главнокомандующего, предложил ему выбрать место для встречи. В два часа ночи Китченер разбудил Эдварда Грея и здесь же в его спальне сообщил о своем отъезде во Францию. В два тридцать он уже выехал специальным поездом с вокзала Чаринг Кросс и первого сентября прибыл в Париж.

Выглядя «раздраженным, мрачным и сердитым, с перекошенным от злости лицом», фельдмаршал Френч в сопровождении Арчибальда Мэррэя прибыл в английское посольство, выбранное им для встречи. Он хотел этим подчеркнуть гражданский характер совещания, ибо считал Китченера исключительно политическим руководителем вооруженных сил, со статусом гражданского военного министра, не более. Он отнюдь не успокоился, увидев на Китченере военный мундир, приняв это за попытку принизить его в военном звании. В действительности же Китченер надел фрак и цилиндр единственный раз, в первый день своего вступления на пост военного министра, а затем сразу сменил гражданскую одежду на синюю повседневную форму фельдмаршала. Френч воспринял это как личное оскорбление. Мундир был предметом его особого внимания, и он часто использовал его для того, чтобы возвеличить свое достоинство. Его коллеги считали такое поведение не совсем правильным. Король Георг был недоволен, увидев «прикрепленные к хаки звезды», а также другие «иностранные побрякушки».

Генри Вильсон говаривал о Френче:

> «Когда он принимает ванну, он кажется приятным человеком небольшого роста, но одетый не вызывает доверия; трудно сказать, в каком мундире он появится».

Когда встреча в английском посольстве, происходившая в присутствии Фрэнсиса Верти, Вивиани, Мильерана и офицеров — представителей Жоффра, стала принимать чрезвычайно резкий характер, Китченер попросил Джона Френча пройти с ним в отдельную комнату. Версия этого разговора, опубликованная Френчем уже после гибели Китченера, является ненадежной; определенно известны лишь результаты этой беседы. Они отражены в телеграмме, направленной Китченером в Лондон: «Войска Френча занимают позиции на передовой линии фронта, они будут оставаться там в соответствии с планом [430] французской армии». Это означало, что англичане будут отступать не на запад, а на восток, к Парижу. В копии, направленной Джону Френчу, военный министр предложил считать это результатом достигнутого соглашения между ними. Тем не менее в ней далее говорилось: «Пожалуйста, примите это как инструкцию». Находиться «на передовой линии фронта» означало, по словам Китченера, согласовывать действия английских войск с операциями французов. И вновь с фатальной тактичностью он добавил: «Конечно, вы будете самостоятельно принимать решения о действиях наших войск в соответствии с этими инструкциями». После этого главнокомандующий, по-прежнему желчный, снова впал в отвратительное расположение духа, более глубокое и угнетенное, чем прежде.

В этот день, как и накануне, армия Клюка, двигаясь форсированными маршами, пыталась как можно быстрее закончить маневр охвата французской армии, пока та не создала прочной системы обороны. Немцы захватили Компьен, перешли Уазу и, оттеснив союзные силы, первого сентября завязали бои с арьергардами 6-й французской армии и

английских экспедиционных сил в пятидесяти километрах от Парижа. В тот же день документы, найденные у убитого германского офицера, дали французам информацию огромной важности.

Клюк повернул

Подъехал автомобиль, — писал Альберт Фабр, вилла которого в Лассиньи, в пятнадцати километрах от Компьена, была реквизирована немцами тридцатого августа. — Из него вышел офицер с надменной и величественной осанкой. Он прошел вперед один, офицеры, стоявшие группами перед входом в дом, уступали ему дорогу. Высокий, важный, с чисто выбритым лицом в шрамах, он бросал по сторонам жесткие и пугающие взгляды. В правой руке он нес солдатскую винтовку, а левую руку положил на кобуру револьвера. Он несколько раз повернулся кругом, ударяя прикладом о землю, и наконец застыл в театральной позе. Никто, как казалось, не осмеливался к нему приблизиться, он действительно вызывал ужас». Пораженный явлением этого вооруженного до зубов немца, Фабр вспомнил об Аттиле. Потом ему сказали, что это был «уже пресловутый фон Клюк».

Генерал фон Клюк, «крайний правый» в плане Шлиффена, должен был в это время принять роковое решение. Тридцатого августа войска Клюка, по его собственному убеждению, находились накануне решающих событий. Его части справа преследовали отступающую армию, добиваясь, как считал генерал, значительных успехов.[432]

Войскам в центре не удалось настигнуть англичан, однако горы шинелей, ботинок и другого снаряжения, брошенного вдоль дорог англичанами ради спасения своих людей, подтверждали мысли Клюка о том, что он имеет дело с разбитым и деморализованным противником. Клюк был полон решимости не дать ему ни минуты покоя.

Как следовало из донесений о направлении движения армии Ланрезака, французская линия обороны далеко на запад не уходила. Клюк считал, что эту армию можно будет смять севернее Парижа; в этом случае его войскам не придется делать широкие обходные маневры к западу и югу от города. Тогда его армия будет двигаться не строго на юг, а на юго-восток, что позволит одновременно закрыть промежуток между ним и Бюловом. Как и остальные, Клюк надеялся на прибытие подкреплений с левого крыла германских армий. Он остро нуждался в них, чтобы сменить корпус, стоявший на подступах к Антверпену, бригаду в Брюсселе, а также различные части, охранявшие постоянно удлинявшиеся линии коммуникаций. Однако подкрепления не подходили. Мольтке не снял с левого фланга ни одной дивизии.

У германского главнокомандующего было много забот. Вследствие своего темперамента «мрачный Юлиус» был не столько рад победам германских армий, сколько озабочен трудностями, связанными с их продвижением вперед. Шел тридцатый день войны, а по графику Франция должна быть побеждена полностью между тридцать шестым и сороковым днями. И хотя командующие армиями правого крыла доносили о «решающем поражении», нанесенном противнику, используя такие выражения, как «разгром» и «бегство», Мольтке был сильно обеспокоен. Он замечал подозрительное отсутствие обычных признаков разгрома и беспорядочного отступления. Почему так мало пленных?

> «Победа на поле боя не имеет большого значения, — говорил его бывший начальник Шлиффен, — если она не приводит к прорыву или окружению. Отброшенный назад противник вновь появляется на других участках, чтобы возобновить сопротивление, от которого он временно отказался. Кампания будет продолжаться...»

Несмотря на свои сомнения, Мольтке не отправился на фронт, чтобы ознакомиться на месте с обстановкой, а остался в главном штабе, продолжая размышлять над создавшейся ситуацией, ожидая сообщений.

> «Больно видеть, — писал он жене [433] двадцать девятого августа, — что кайзер почти не осознает всей серьезности положения. Он торжествует и чуть ли не кричит «ура» от радости. Как я ненавижу такое настроение!»

Тридцатого августа, когда германские армии полным ходом разворачивали наступление, главный штаб переехал из Кобленца в Люксембург, в пятнадцати километрах от французской Границы. Теперь он находился на территории, население которой относилось враждебно к немцам, хотя официально состояния войны с Люксембургом объявлено не было. Ввиду близости союзникам и симпатий к ним город был наводнен слухами о действиях и планах войск Антанты. Говорили о восьмидесяти тысячах русских, идущих на помощь англичанам и французам. Германский штаб пытался составить из разных сообщений картину о какой-то высадке войск в районе Ла-Манша. Действительно, англичане десантировали три тысячи морских пехотинцев под Остенде. Эта новость, достигнув Люксембурга, уже Приняла серьезные и угрожающие размеры, соответствующие представлению о величине людских ресурсов России. Кажущаяся реальность этих слухов усиливала беспокойство немцев.

Мольтке тревожил призрак России с тыла, а на передовой линии фронта — брешь, особенно между армиями правого крыла, Неприкрытые участки шириной до тридцати километров были между Клюком и Бюловом, между Бюловом и Хаузеном, и также между Хаузеном и герцогом Вюртембергским. Мольтке с болью думал о том, что для закрытия этих расширявшихся промежутков придется перебрасывать подкрепления с левого Крыла, все части которого к этому времени вели сражение за Мозоль. Он чувствовал себя виноватым, вспоминая о требованиях Шлиффена поручить левому крылу только оборону и бросить все резервы на усиление 1-й и 2-й армий. Однако главный штаб по-прежнему манила идея прорыва через линию французских крепостей.

Тридцатого августа Мольтке, все еще колеблясь, направил своего эксперта по вопросам артиллерии майора Бауэра на фронт к Рупрехту для оценки ситуации на месте. В штабе армии Рупрехта было, по словам Бауэра, «все, кроме согласованного плана действий». Командующие и офицеры на передовой придерживались противоречивых взглядов на создавшуюся обстановку. Одни, указывая на явный отвод противником своих дивизий с этого фронта, не сомневались в успехе. Другие говорили о «поросших лесом горах» вдоль Мозеля, [434] южнее Туля, где наступление встретилось бы с трудностями Даже если бы оно удалось, немецким войскам грозил бы фланговый удар со стороны Туля, кроме того, затруднилось бы снабжение армии, так как все дороги и железнодорожные линии проходили через этот укрепленный город. Сначала следовало захватить Туль. В штабе 6-й армии Рупрехт охладил свой когда-то агрессивный пыл и признал, что перед ним сейчас стоит «трудная и неприятная задача».

Для Бауэра, как представителя верховного командования, новости об отводе французами войск с этого участка были плохим признаком — противник мог перебрасывать войска для укрепления фронта, сдерживающего германское правое крыло Бауэр вернулся в главный штаб с убеждением, что если наступление на линии Нанси — Туль и имеет «определенные шансы на успех», то его подготовка потребует значительных усилий. Он не мог найти в себе сил отменить наступление, за которое немцы уже уплатили высокую цену. Кроме того, кайзер хотел с триумфом въехать в Нанси. А пока 6-я армия не

получила никаких приказов в отношении изменения планов, и усилия, направленные на прорыв обороны вдоль Мозеля, продолжались.

Клюку не нравился отказ штаба укрепить крыло, ведущее наступление, в эту критическую минуту. Однако он решил повернуть свою армию влево не столько от желания сузить фронт, сколько от уверенности в том, что французы уже разбиты и их следует лишь окружить. Вместо того чтобы «коснуться плечом» пролива Ла-Манш, он решил преследовать армию Ланрезака и выйти к Парижу. Этим маневром Клюк подставлял свой фланг под удар армии Монури или гарнизона Парижа. Однако эта опасность представлялась ему незначительной. Армия Монури, как думал немецкий генерал, имеет недостаточную численность. Шансов на переброску подкреплений для этой армии почти нет, французы, оказавшиеся на грани поражения и катастрофы, слишком дезорганизованы для такого маневра.

Более тою, он предположил, что все силы противника скованы отражением мощного наступления армии кронпринца под Верденом и обороной линии фронта вдоль Мозеля, где действовали войска Рупрехта. Один из его корпусов, неповоротливый IV, составленный из резервистом, смог бы занять позиции на подступах к Парижу и защитить флат армии, двигающейся [435] на восток мимо французской столицы. Кроме того, на довоенных штабных играх немцы установили, что гарнизон, находящийся внутри укрепленного лагеря, не рискнет покинуть его, вели ему будет угрожать наступление противника. Поэтому IV Корпус, считал Клюк, отразит наступление разношерстного сборища оборванцев, из которого состояла армия Монури. Узнав из перехваченного письма о намерении Джона Френча отвести Поиска с фронта и отойти за Сену, Клюк сбросил со счетов английский экспедиционный корпус, являвшийся до этого одним из его главных противников.

В соответствии с германской системой, в противоположность французской, Клюку, как боевому командиру, были предоставлены широчайшие возможности для принятия независимого решения. Изучив множество всяких теорий, военных карт, приняв участие в бесчисленном количестве военных игр и маневров, научившись решать различные боевые задачи, германский генерал мог, как считалось, автоматически справиться с любой Проблемой. Несмотря на отклонение от первоначального стратегического плана, план Клюка оставить в покое Париж и преследовать отступающие армии был «правильным» решением, поскольку он смог бы уничтожить французские армии на марте, не делая при этом обходного маневра вокруг французской столицы. Как вытекало из германской военной теории, укрепленный лагерь следовало атаковать лишь после того, как сломлено сопротивление мобильных частей. Если эти войска будут уничтожены, плоды победы упадут в руки сами. Несмотря на заманчивые перспективы захвата Парижа, Клюк решил не отклоняться от проверенной военной процедуры.

В шесть тридцать вечера тридцатого августа он получил сообщение от Бюлова, способствовавшее принятию окончательного решения. В нем содержалась просьба повернуть к востоку и помочь Бюлову «использовать все преимущества победы» над французской 5-й армией. Просил ли действительно Бюлов оказать ему помощь, чтобы завершить победу под Сен-Кантепом или компенсировать поражение под Гюизом, остается неясным. Но его просьба соответствовала намерениям Клюка, и он решил этим воспользоваться. На следующий день он приказал двигаться маршем не на юг, а на юго-восток через Нуайон и Компьен и отрезать, таким образом, французской 5-й армии путь к отступлению.

Недовольные солдаты, стершие в кровь ноги, шедшие без отдыха от Льежа более шестнадцати [436] суток, услышали тридцать первого августа приказ:

«Таким образом, войскам вновь предстоят форсированные марши».

Главный штаб, информированный о намерении Клюка повернуть на восток на следующее утро, поспешил одобрить этот маневр. Мольтке, беспокоившийся о брешах между армиями, предвидел опасность того, что части правого крыла не смогут достичь взаимодействия, когда придет время для окончательного удара. Численность войск снизилась ниже положенного для наступления уровня, и, если бы Клюк и дальше придерживался первоначального плана обхода Парижа, фронт растянулся бы еще на целых сто километров или более. Считая маневр Клюка удачным решением проблемы, Мольтке в ту же ночь одобрил предложение генерала.

Впереди забрезжила заветная цель: поражение Франции на тридцать девятый день войны и отправка, по графику, высвободившихся войск на Восточный фронт, против России; доказательство превосходства Германии в подготовке, планировании и организации деятельности армии; достижение половины победы и как ее следствие — установление своего господства в Европе. Оставалось только сжать в кольце отступающих французов, пока они не пришли в себя и не возобновили сопротивления. Ничто: ни разрывы между армиями, ни поражение Бюлова под Гюизом, ни усталость войск, ни колебания в последнюю минуту, ни ошибки — ничто не должно было помешать последнему рывку к победе. Клюк беспощадно, без передышки гнал свою армию вперед. Утром тридцать первого августа офицеры и унтера начали резко выкрикивать команды. Солдаты, уже потрепанные войной, устало становились в строй, и через несколько минут колонны войск двинулись в путь, мерный бесконечный топот сапог заглушил все остальные звуки. Рядовые не имели карт и не знали названий мест; поэтому они даже не заметили изменения направления. Их влекло магическое слово «Париж». Но им не сказали, что они идут не к нему.

К несчастьям немцев прибавился голод. Они слишком удалились от своих линий снабжения, которые действовали неудовлетворительно вследствие разрушения мостов и железнодорожных туннелей в Бельгии. Медлительность восстановительных работ на железных дорогах не соответствовала темпам наступления; например, мост под Намюром не был восстановлен до тридцатого сентября. Часто усталые пехотинцы, вступавшие [437] в деревни после дневного марша, узнавали, что предназначенные для них квартиры уже заняты кавалеристами. Последние должны располагаться вне населенных пунктов, однако они проявляли нервозность по поводу своих эшелонов со снабжением и фуражом для лошадей и, чтобы не упустить предназначенных им грузов, «постоянно размещались», по свидетельству кронпринца, в прошлом кавалериста, в местах, выделенных для пехоты.

Он же неожиданно свидетельствует и о следующем:

> «Они всегда останавливались и оказывались на пути пехотинцев, когда дела на фронте шли из рук вон плохо».

Первого сентября армия Клюка получила неприятный сюрприз. Она вошла в соприкосновение с арьергардами англичан, которые непонятно каким образом — в военной сводке Клюка говорилось об их «отступлении в совершенном беспорядке» — вдруг набросились на немцев и задали им хорошую взбучку. Весь день в лесах под Компьеном и Виллер-Котре шли ожесточенные бои. Английские арьергарды сдерживали врага, а в это время основная часть экспедиционного корпуса опять ушла от

преследования, к величайшему гневу Клюка. Отложив отдых, в котором «очень нуждалась» его армия, Клюк на следующий день вновь приказал выступать, на этот раз войска несколько изменили направление и взяли западнее, надеясь обойти англичан. Однако те снова ускользнули. Это было третье сентября. Шансов прикончить их не осталось. Напрасно потеряв время и людей, пройдя лишние десятки километров, Клюк, настроение которого окончательно испортилось, возобновил марш на восток, преследуя французов.

> «Наши люди дошли до крайности, — записал один германский офицер в своем дневнике второго сентября. — Солдаты валятся от усталости, их лица покрыты слоем пыли, мундиры превратились в лохмотья. Одним словом, они выглядят как огородные пугала».

После четырех дней марша, по сорок километров в сутки, по дорогам, испещренным воронками от снарядов, через завалы из срубленных деревьев «солдаты шли с закрытыми глазами и пели, чтобы не уснуть на ходу. И только уверенность в близкой победе и предстоящий триумфальный марш в Париже поддерживали в них силу... Без этого они упали бы и здесь же моментально уснули». В дневнике говорится и о проблеме, принявшей серьезный характер во время германского наступления, особенно в восточных районах, когда армии Бюлова и Хаузена проходили через Шампань.

> «Они [438] напиваются до предела, но только пьянство поддерживает их силы. Сегодня после смотра генерал пришел в бешенство. Он решил пресечь это повальное пьянство, но мы его упросили не принимать жестких мер. Если мы будем слишком суровы, армия откажется двигаться. Для преодоления ненормальной усталости нужны ненормальные стимулы».
>
> «Мы наведем порядок в частях, когда прибудем в Париж», — пишет с надеждой этот офицер, не подозревая, очевидно, о новом направлении марша.

Во Франции, как и в Бельгии, немцы осквернили и покрыли позором пройденный ими путь. Они сжигали деревни, расстреливали мирных граждан, грабили и разоряли дома, в жилых комнатах держали лошадей, уничтожали сады. На семейном кладбище семьи Пуанкаре в Нюбекуре вырыли отхожие места, II корпус Клюка, проходя через Санлис, в сорока километрах от Парижа, расстрелял мэра города и заложников — мирных граждан.

На камне, установленном в поле, неподалеку от го рода, в том месте, где они похоронены, высечены их имена:

Эжен Оден — мэр

Эмиль Обер — дубильщик

Жан Барбъе — возчик

Люсьен Коттро — официант

Пьер Девер — шофер

Ж.-Б. Элиз Поммье — подручный пекаря

Артур Реган — каменотес.

Второго сентября вечером Мольтке начал беспокоить флат армии Клюка, обращенный к Парижу. Он издал новый общин приказ. Как и в случае с левым крылом, главнокомандующим вновь проявил нерешительность. Он одобрил действия Клюка, приказав 1-й и 2-й армиям «гнать французские войска на юго-восток, в сторону от Парижа». В то же время он пытался предупредить возможную опасность, дав указание армии Клюка следовать «в эшелоне позади 2-й армии и принять все меры для защиты войск с фланга».

В эшелоне! Это для Клюка было худшим оскорблением, чем оказаться под командованием Бюлова, как однажды приказал главный штаб. Этот Аттила с мрачным лицом, с винтовкой в одной руке и с револьвером в другой задавал темп наступлению германских армий на правом фланге и не собирался плестись у кого-нибудь в хвосте. Он издал свой приказ для 1-й армии:

> «Продолжить завтра (3 сентября) движение к Марне, чтобы [439] заставить французов отходить в юго-восточном направлении».

По его мнению, защита флангов, открытых со стороны Парижа, могла быть с успехом выполнена двумя наиболее слабыми частями; IV корпусом резервистов, в котором не хватало одной бригады, оставленной в Брюсселе, и 4 и кавалерийской дивизией, понесшей значительные потери в бою с англичанами первого сентября.

Капитан Лепи, офицер кавалерийского корпуса Сорде, тридцать первого августа вел разведку к северо-западу от Компьена. В этот день армия Клюка повернула влево. Лепи вдруг увидел на небольшом расстоянии от себя вражескую кавалерию, состоявшую из девяти эскадронов, вслед за которыми минут через Пятнадцать показались колонны пехотинцев, артиллерийские батареи, фургоны с боеприпасами и рота самокатчиков на велосипедах. Разведчик заметил, что войска двинулись не на юг к Парижу, а по дороге к Компьену. Так Лепи, сам того не зная, стал свидетелем исторического маневра. Капитан лишь торопился скорее передать в штаб донесение об уланах, которые Поменяли остроконечные каски на английские матерчатые кепи.

> «К местным жителям они обращались на ломаном французском языке и, спрашивая, как проехать в то или иное место, говорили: «Инглиш, инглиш...»

Информация о направлении движения немцев пока мало что значила для французского Главного штаба. По мнению его руководителей, врага привлекал Компьен и расположенный поблизости замок. Немцы все еще могли выйти из этого района на дороги, ведущие к Парижу. Сведения о двух колоннах противника, сообщенные Лепи, еще ничего не говорили о характере движения армии Клюка и целом.

Тридцать первого августа французы, так же как и немцы, поняли, что кампания вступает в критическую фазу. Второй план французского штаба от двадцать пятого августа о перемещении центра тяжести на левый фланг в попытке остановить наступление правого крыла германских армий потерпел провал, 6-я армия, которая вместе с англичанами должна была держать фронт вдоль реки Соммы, не выполнила поставленной перед ней задачи. Теперь этой армии, по признанию Жоффра, предстояло «прикрывать Париж». Англичане, говорил по секрету французский главнокомандующий, «не хотят идти вперед», и поэтому 5-й армии, преследуемой Клюком, грозило окружение. Действительно,

вскоре поступили сообщения о том, что ударные части [440] германской кавалерии вклинились в промежуток между 5-й армией и Парижем, который образовался в результате отвода английских войск. Как заявил полковник Пон, начальник оперативного отдела штаба Жоффра, «по-видимому, мы не сможем сдержать наступление правого крыла германских армий ввиду отсутствия войск, необходимых для отражения маневра охвата».

Возникла потребность в новом плане. Теперь главное заключалось в том, чтобы выстоять. Жоффр провел совещание со своими двумя заместителями — Белином и Бартело, старшими офицерами оперативного отдела. Горячий ветер событий принес новую идею, подхваченную сторонниками наступательной стратегии, — «выстоять», пока французские армии не стабилизируют фронт, чтобы с этих позиций затем перейти к активным действиям. Между тем, по общему признанию офицеров главного штаба, немцы в результате наступления растянут свои силы на огромной дуге от Вердена до Парижа. На этот раз французские генералы предлагали ударить в центр германских армий и разрезать их пополам. Это была прежняя стратегия «плана-17», однако на этот раз поле боя перемещалось в сердце Франции. Неудача означала бы не просто отступление войск от границы, а поражение Франции в войне.

Вопрос заключался в том, как быстро удастся осуществить этот «прорыв». И где — на уровне Парижа, в долине Марны? Или следует отступить еще дальше, на линию, расположенную в шестидесяти километрах — позади Сены? Продолжать отступление — тогда немцы захватят новые территории, однако водный барьер Сены дал бы армиям передышку, остановил преследовавшего их врага, французские войска обрели бы силы. Поскольку немцы поставили себе цель уничтожить французские армии, «главной задачей, — доказывал Белин, — будет сохранение наших войск». Проявить «благоразумие», перегруппироваться за Сеной — в этом заключался национальный долг и наиболее правильный курс, который привел бы к срыву замыслов врага. Белина поддерживал красноречивый Бар-тело. Жоффр слушал — и на следующий день издал Общий приказ № 4.

Наступило первое сентября, канун годовщины Седана, а перед Францией открывались такие же трагические перспективы, как и в то время. Французский военный атташе официально подтвердил сообщение о разгроме русских под Танненбергом. Тон Общего приказа № 4 по сравнению с приказом, последовавшим [441] после поражения на границах, был не такой уверенный и не отражал прежнего оптимизма Генерального штаба — прошла неделя, а немцы захватывали все новые и новые территории.

Армиям 3, 4 и 5-й предписывалось продолжать отступление 41 течение некоторого времени». Главный штаб, ставя задачу выхода на оборонительные рубежи вдоль Сены и Обы, «не был нужным подчеркивать, что этот маневр будет завершен». Как только 5-я армия избавится от угрозы окружения», остальные армии «возобновят наступление», но в противоположность предыдущему приказу не указывалось ни место, ни сроки Проведения этой операции. Однако в нем содержались указания, способствовавшие успеху следующего сражения: из армий под Нанси и Эпиналем выделялись подкрепления для поддержки нового наступления. Этот документ говорил также о «мобильных подразделениях парижского гарнизона, которые, возможно, примут участие в общей операции».

Как этот документ, так и многие другие послужили предметом длительных ожесточенных споров между сторонниками Жоффра и Галлиени, когда выяснялись истоки битвы под Марной. Разумеется, Жоффр имел в виду генеральное сражение вообще, а не битву в

известном месте и в определенное время. Операция, планировавшаяся им, должна была начаться после Того, как германские войска окажутся в «вилке между Парижем И Верденом», а французские армии вытянутся в виде слегка изогнутой дуги, проходящей через центр Франции. Жоффр думал, что у него в запасе еще неделя для подготовки наступления. Мессими, приехавший попрощаться с ним первого сентября, услышал от него о наступлении, которое намечалось на восьмое сентября. Жоффр предлагал назвать его «битвой под Вриенн-ле-Шато». Этот город, расположенный в 40 километрах во Марной, когда-то был свидетелем победы Наполеона над Блюхером. Может быть, Жоффр считал это место хорошим предзнаменованием. В армии, вынужденной отступать перед страшной тенью приближавшегося врага, царило мрачное настроение, и на Мессими произвело сильное впечатление хладнокровие, спокойствие и уверенность ее главнокомандующего. Однако Парижу от этого было не легче — армии, отступающие за Сену, могли сделать его легкой добычей врага.

Жоффр прибыл к Мильерану и нарисовал ему безрадостную картину военной обстановки. «Ускоренный» отход английских [442] войск обнажил левый фланг армии Ланрезака, поэтому отступление придется продолжать до тех пор, пока его части не выйдут из соприкосновения с противником. Монури было приказано отступать к Парижу и там «вступить во взаимодействие» с Галлиени, однако Жоффр не сказал ни слова о том, собирается ли он включить 6-ю армию в состав войск Галлиени. Колонны противника несколько изменили направление и движутся в стороне от города. Это может дать небольшую передышку. Тем не менее он «решительно и настоятельно» потребовал, что бы правительство «без промедления» покинуло Париж в этот же вечер или в крайнем случае завтра.

Галлиени, узнав о таком повороте дел от пришедших в отчаяние министров, отправился с визитом к Жоффру. Последний каким-то образом избежал разговора с Галлиени, но губернатор Парижа просил передать главнокомандующему следующее:

> «Мы не в состоянии оказать должное сопротивление. Генерал Жоффр должен понять, что, если Монури не выдержит, Париж падет. К гарнизону столицы необходимо добавить три боевых корпуса».

В тот же день Жоффр сам прибыл к Галлиени и сообщил о своем согласии предоставить в его распоряжение армию Монури; она будет представлять собой подвижные части укрепленного района Парижа. Такие войска по традиции не включались в подчинение действующей армии и по требованию начальника укрепленного района могли не участвовать в крупных операциях фронта. У Жоффра не было никакого желания отказаться от них. На другой день он предпринял ловкий маневр, потребовав от военного министра поручить ему, как главнокомандующему, общее руководство обороной Парижа, чтобы «иметь возможность использовать подвижные части гарнизона, в случае необходимости, для выполнения общих оперативных задач». Мильеран, находившийся под влиянием Жоффра не меньше своего предшественника Мессими, согласился и издал второго сентября соответствующий приказ.

Наконец Галлиени получил в свое распоряжение армию. Войска Монури, перешедшие под его командование, состояли из одной регулярной дивизии, входившей в VII корпус, бригады канских солдат и четырех резервных дивизий — 61-й и 62-й под командованием генерала Эбенера, первоначально находившихся в Париже, а также 55-й и 56-й дивизий, доблестно сражавшихся в Лотарингии. Они тоже были укомплектованы резервистами. Жоффр согласился добавить к гарнизону столицы [443] первоклассную 45-ю дивизию зуавов из Алжира, которая, между прочим, не находилась под его командованием, она в

это время выгружалась из эшелонов в Париже. Кроме того, главнокомандующий выделил на помощь столице из действующей Армии еще один полевой корпус. Подобно Клюку, он выбрал для этого потрепанный в боях IV корпус 3-й армии, понесший катастрофические потери в Арденнах. Его пополнили, а затем перебросили из-под Вердена, где стояла 3-я армия, в Париж вопреки предположениям Клюка об отсутствии резервов у французов. Как сообщили Галлиени, IV корпус должен был прибыть в Париж по железной дороге между третьим и четвертым сентября.

Галлиени немедленно после получения устного согласия Жоффра дать ему 6-ю армию выехал на север, чтобы познакомиться с приданными ему войсками. Слишком поздно, думал он, глядя на запрудивших дороги беженцев, направлявшихся и Париж. На их лицах он читал «ужас и отчаяние». На северо-востоке, в Понтуазе, неподалеку от Парижа, куда подходили 31-я и 62-я дивизии, царили неразбериха и паника. Солдаты, которым пришлось при отступлении участвовать в ожесточенных боях, шли усталые, многие из них были в крови и бинтах. Посовещавшись с генералом Эбенером, Галлиени отправился в Крей на Уазе, в пятидесяти километрах севернее Парижа, где встретился с Монури. Он приказал ему взорвать мосты через Уазу при отходе к Парижу, сдерживать, насколько возможно, натиск противника и ни в коем случае не допустить, чтобы враг оказался между его войсками и столицей.

В столице, куда он поспешил вернуться, Галлиени ждало более радостное зрелище, чем беженцы, — великолепные зуавы 45-й дивизии маршировали вдоль бульваров, направляясь на отведенные им места на позициях. Своими яркими куртками и шароварами, трепетавшими на ветру, они произвели сенсацию и немного повеселили и подбодрили парижан.

Однако в министерствах ощущалась гнетущая атмосфера. Мильеран сообщил президенту о «безрадостных» фактах: «Нашим надеждам не суждено сбыться... Мы отступаем по всему фронту: армия Монури отходит к Парижу...» Как военный министр Мильеран отказался взять на себя ответственность за безопасность правительства, если оно не покинет завтра, к вечеру второго сентября, Париж. Пуанкаре переживал «самый печальный момент» в своей жизни. Было решено переехать в [444] Бордо всем без исключения, чтобы общественность не делала выпадов в отношении личных качеств тех или других министров.

Галлиени, возвратившийся в Париж в тот же вечер, узнал от Мильерана, что вся военная и гражданская власть в жемчужине европейских городов, подвергшегося угрозе осады, переходит в его руки. «Я останусь один, если не считать префекта Сены и префекта полиции», который, как выяснил Галлиени, приступил к исполнению своих обязанностей не более часа тому назад. Прежний префект, Эннион, узнав об отъезде правительства, наотрез отказался оставаться в городе. Получив официальное распоряжение, что префекту надлежит быть в городе во время осады, он подал в отставку «по причине плохого здоровья». Галлиени отъезд правительства давал по меньшей мере одно преимущество — прекратили свою болтовню проповедники идеи открытого города: они лишились юридической зацепки, и военный губернатор теперь мог беспрепятственно заниматься вопросами обороны столицы. Он предпочел бы обойтись без министров, однако «одному или двоим из них следовало бы остаться в столице для приличия». Это было несправедливостью по отношению к тем, кто не хотел покидать осажденный город, но Галлиени испытывал к политическим деятелям безграничное презрение.

Полагая, что немцы подойдут к воротам города через два дня, Галлиени и его штаб всю ночь не спали, разрабатывая диспозиции для боев севернее города, между Понтуазом и

рекой Урк, то есть на фронте протяженностью в шестьдесят километров. Урк — небольшой приток Марны, впадающий в нее восточнее Парижа.

В тот же вечер в главный штаб поступила информация, которая могла бы избавить правительство от необходимости бежать из столицы. Днем капитану Фагальду, офицеру разведки 5-й армии, принесли портфель. Он принадлежал германскому кавалерийскому офицеру армии Клюка. Автомобиль, в котором ехал этот офицер, обстрелял французский патруль. В портфеле убитого немца были различные документы, в том числе карта с пятнами крови, показывающая ход наступления каждого корпуса Клюка и пункты, которые должны быть достигнуты в конце каждого дневного перехода. Армия, как следовало из карты, двигалась в юго-восточном направлении от Уазы к Урку. [445]

Главный штаб правильно истолковал смысл находки капитана Фагальда. Клюк намеревался проскользнуть между 5-й и 6-й армиями, пройдя неподалеку от Парижа с тем, чтобы обойти и смять левый фланг основных французских сил. Офицеры главного штаба пришли к заключению, что Клюк временно отказался от штурма Парижа, однако никто из них не шевельнул пальцем, чтобы изложить эти выводы правительству. На следующее утро полковник Пенелон, офицер главного штаба по связи с президентом, сообщил Пуанкаре новость об изменении движения армии Клюка. Но никаких предложений Жоффра о том, что правительству не следует покидать город, он не привез. Напротив, главнокомандующий просил обратить внимание правительства на необходимость отъезда, поскольку намерения Клюка неясны, а его части уже вышли к Санлису и Шантийи, в тридцати километрах от столицы. Очень скоро Париж окажется под прицелом германских орудий. Трудно сказать, какое значение придали Пуанкаре и Мильеран этому маневру Клюка, но во время войн и кризисных ситуации обстановка не кажется такой определенной и ясной, как многие годы спустя. Паническая спешка охватила всех. Пройдя сквозь агонию принятия решения, правительство не находило сил, чтобы изменить его. Мильеран, во всяком случае, твердо стоял за отъезд.

Наступило второе сентября, День Седана. Это были «страшные минуты», «горе и унижение» президента достигли предела, когда стало известно, что правительство покинет столицу в полночь, тайно, а не днем, на виду парижан. Кабинет настаивал:

присутствие президента, с юридической точки зрения, обязательно в месте пребывания правительства. Даже просьба мадам Пуанкаре оставить ее в Париже, чтобы она смогла продолжать работу в госпитале, выполняя свой гражданский долг, была решительно отклонена. На морщинистом лице посла США Майрона Геррика, пришедшего попрощаться с министрами, заблестели слезы. Геррику, как и многим другим людям, находившимся тогда в Париже, «страшный натиск немцев» казался, как писал он своему сыну, «почти неотразимым». Германское правительство посоветовало ему переехать из столицы в провинцию — во время боев могли быть «разрушены целые кварталы». Тем не менее он захотел остаться и пообещал Пуанкаре взять музеи и памятники под защиту американского флага, как бы «охраняя их от имени всего человечества». В этот период [446] отчаяния, крайнего физического и морального напряжения, посол предложил (если враг подойдет к стенам города и потребует капитуляции) выйти навстречу немцам и вступить в переговоры с германским командующим или с самим кайзером, если это окажется возможным. Как хранитель собственности германского посольства в Париже, принявший на себя эти обязанности по просьбе Германии, он имел право требовать, чтобы его выслушали. Позднее, когда в дружеском кругу подсчитывали тех, кто оставался в Париже в начале сентября, Галлиени говорил им; «Не забудьте о Геррике».

В семь часов вечера Галлиени поехал попрощаться с Мильераном. Военное министерство на улице Святого Доминика выглядело «печальным, темным и заброшенным». По двору двигались огромные фургоны, набитые до отказа архивами, отправляемыми в Бордо. Все остальное сжигалось. Эвакуация проходила в «мрачной» атмосфере. Галлиени, поднявшись по неосвещенной лестнице, увидел министра одного в пустой комнате. Теперь, когда правительство уезжало, Мильеран, не колеблясь, ставил Париж и всех, кто в нем находился, под огонь вражеских пушек. Галлиени, отлично понимавший свою задачу, выслушал практически бесполезный для себя приказ защищать Париж «до предела».

> «Понимает ли г-н министр значение слов «до предела"? — спросил Галлиени. — Они означают развалины, руины, взорванные мосты в центре города».

«До предела», — повторил министр. Попрощавшись, он посмотрел на Галлиени так, как смотрят на человека, которого, вероятно, видят в последний раз. Сам Галлиени был «уверен, что погибнет, оставаясь в этом городе».

Несколькими часами позже министры и члены парламента в темноте, в полной секретности, которой многие из них стыдились, несмотря на то что сами приняли решение об этом, сели в поезд, направившийся в Бордо, сопроводив этот бесславный поступок благородным обращением к гражданам Парижа. «Сражаться и выстоять, — говорилось в нем. — Такова главная задача дня. Франция будет стойко сражаться, Англия в это время блокирует Германию, перерезав ее морские коммуникации, а Россия нанесет решающий удар в сердце Германской империи!» Для того чтобы французское сопротивление стало бы еще более эффективным, а французы дрались с еще большим «порывом», правительство временно переезжало туда, где [447] оно сможет уверенно поддерживать постоянный контакт со всей страной. «Французы, достойно выполним свой долг в эти трагические дни. Мы добьемся окончательной победы несгибаемой волей, стойкостью, мужеством и презрением к смерти!»

Галлиени опубликовал лишь короткое сообщение, имевшее целью пресечь распространение слухов о том, что Париж становится открытым городом, и сказать людям правду о действительном положении дел. На следующее утро на улицах города он приказал расклеить прокламации.

> «Армии Парижа. Гражданам Парижа.
>
> Члены правительства республики покинули Париж, чтобы дать новый стимул обороне страны. Я получил мандат защищать Париж от захватчика. Я исполню свой долг до конца.
>
> Париж, 3 сентября 1914 года.
>
> Военный губернатор Парижа,
>
> командующий армией Парижа Галлиени».

Это был сильный удар для жителей столицы, ставший больнее оттого, что главный штаб выпускал невразумительные сводки, ничего не сообщавшие о резком ухудшении военной обстановки. Правительство, как могло показаться, вдруг решило без носких причин переехать в другой город. Его ночное бегство произвело болезненное впечатление, которое не сгладилось оттого, что французы с давних пор любили город Бордо. Над

правительством насмехались, его стали называть «говядиной по-бордоски», и, следуя примеру своего правительства, толпы людей начали осаждать вокзалы; это обстоятельство послужило причиной появления пародии на «Марсельезу».

К вокзалам, граждане!

Садитесь скорее в вагоны!

Военное управление Парижа переживало «черные дни». Войска отступали от города на севере и на востоке, поэтому вопросы о том, сколько времени удастся продержаться и когда следует рвать восемьдесят мостов, расположенных в районе Парижа, вызывали мучительное беспокойство. Командующие каждым сектором обороны, пропустив предварительно свои войска, немедленно предлагали уничтожить эти мосты для того, чтобы уйти от преследовавшего их противника. Главный штаб приказывал не оставлять врагу ни одного целого моста и в то же время хотел сохранить их для будущего наступления своих армий. [448]

В этом районе действовали три командования — Галлиени, Жоффра и Джона Френча. Географически английские войска занимали район, расположенный между двумя французскими армиями. После визита Китченера Френч сделал все возможное, чтобы доказать свою полную независимость от кого угодно. Саперы, дежурившие у мостов, приходили в недоумение от противоречивых приказов. «Это кончится катастрофой», — доносил генералу Хиршауэру офицер саперных войск.

К вечеру второго сентября англичане вышли к Марне и форсировали ее на следующий день. За Компьеном солдаты догадались, что они идут не по заранее намеченным маршрутам и что движение армии совсем не похоже «на отход из стратегических соображений», как им говорили офицеры. Их базы в Булони и Гавре к этому времени уже были эвакуированы, и все запасы и люди сейчас находились в Сен-Назере в устье Луары.

Находившаяся на расстоянии дневного марша от англичан 5-я армия все еще де избавилась от угрозы окружения. Стояла сильная жара, и во время погони как преследователи, так и их добыча начали выбиваться из сил. После битвы под Гюизом 5-я армия проходила маршем по тридцать — тридцать пять километров в день. По пути ее следования банды дезертиров грабили деревенские дома и распространяли панические слухи о германском терроре. Дезертиров ловили и казнили. Ланрезак считал, что ни одна армия еще не испытывала таких мук.

В то же время один английский офицер сказал об экспедиционном корпусе:

> «Я бы никогда не поверил, что люди могут так уставать, так голодать и все же оставаться живыми».

Пытаясь найти какую-то надежду, Генри Вильсон в те дни говорил полковнику Уге:

> «Немцы слишком торопятся. Они ведут преследование в спешке. Все натянуто до предела. Они обязательно сделают крупную ошибку, и тогда мы возьмем свое».

Вплоть до этой минуты ни Жоффр, ни его советники из главного штаба, знавшие о повороте Клюка к востоку, не считали возможным или своевременным нанести удар по флангу германской армии. После того как Клюк изменил направление, преследуя

англичан, французский главный штаб начал осторожно думать о том, не собирается ли германская армия возобновить наступление на Париж. Тем не менее все помыслы устремились не на Париж, а к Сене, где намечалось генеральное сражение, которое, однако, могло бы состояться лишь после [449] стабилизации линии фронта. После дальнейших тщательных консультаций в главном штабе было решено продолжить «отступление войск, уже длившееся несколько дней», что позволило бы выиграть время для переброски подкреплений с правого фланга французских армий. Несмотря на риск, связанный с дальнейшим ослаблением и без того непрочного фронта вдоль Мозеля, главнокомандующий все же взял по корпусу от 1-й и 2-й армий.

Это решение он отразил в секретных инструкциях от второго сентября, предназначенных для командующих армиями, в которых Сена и Об были указаны в качестве исходных рубежей. Целью отступления, указывал Жоффр, «является выход из соприкосновения с противником и последующая перегруппировка сил». После выполнения этих задач и подхода подкреплений с востока армии должны будут «перейти в наступление». Английским войскам будет предложено «участвовать в названной операции». Гарнизон Парижа, по планам главного штаба, начнет наступление в направлении города Мо, то есть против фланга Клюка. Пока не указывая даты, Жоффр лишь упомянул, что отдаст распоряжение «через несколько дней». Командиры получили приказ принять «драконовские меры» против дезертиров и обеспечить организованное отступление войск. Жоффр признал своих подчиненных проявить понимание обстановки и мобилизовать все свои силы. От этой битвы, разъяснял главнокомандующий, «зависит безопасность всей страны».

Галлиени, получив приказ Жоффра, осудил этот план за то, что он был «отклонением от реальности» и потому что в жертву приносился Париж. Как считал губернатор столицы, темп немецкого наступления не позволил бы французским армиям закрепиться на Сене и перегруппироваться. В штаб Галлиени поступали лишь отрывочные сведения о марше Клюка в юго-восточном направлении. Сообщений же о чрезвычайно великой находке капитана Фагальда пока еще не было. Вечером второго сентября Галлиени, ожидавший вражеского штурма, провел ночь в штабе, расположившемся теперь в лицее Виктора-Дюрю, женской школе, находившейся напротив Дома Инвалидов. Здание, скрытое среди деревьев и изолированное от улицы, имело меньше входов и выходов, чем Дом Инвалидов, и поэтому его было легче охранять. У дверей стояли часовые, телефонные провода связывали штаб с командирами всех дивизий в укрепленном районе Парижа. Оперативный и разведывательный [450] отделы имели свои помещения, здесь же находилась столовая, в некоторых классах поставили койки, превратив их в спальни. Галлиени наконец смог, к своей радости, переехать в «настоящий армейский штаб, как на фронте».

На следующее утро ему уже точно стало известно о движении армии Клюка к Марне, мимо Парижа. Лейтенант Ватто, летчик парижского гарнизона, видел во время разведывательного полета, как вражеские колонны «скользили с запада на восток» в направлении долины Урка. Позднее эти сведения подтвердил другой летчик.

В комнате Второго бюро штаба Галлиени среди офицеров чувствовалось какое-то особенное возбуждение. Полковник Жиродон, получивший ранение на фронте, но «считавший себя годным к штабной работе», глядел, полулежа в кресле, на большую настенную карту, на которой цветные флажки указывали движение вражеских войск. Начальник штаба генерал Клержери вошел в комнату как раз в то время, когда от авиаторов поступили данные воздушной разведки. Флажки вновь передвинули, и путь частей Клюка теперь прослеживался совершенно четко.

Клержери и Жиродон воскликнули в один голос:

«Они же подставляют нам фланг!»

Мы будем сражаться на Марне{122}

Галлиени сразу увидел благоприятную возможность, открывавшуюся перед армией Парижа. Не колеблясь, он решил нанести удар по флангу германских армий правого крыла. Хотя в распоряжении Галлиени была армия Парижа с ее ядром — 6-й армией Монури, весь укрепленный район Парижа и находившиеся в нем части со вчерашнего дня поступили под командование Жоффра. Переход 6-й армии в наступление зависел от двух условий: от согласия Жоффра и от поддержки ее ближайшего соседа — английского экспедиционного корпуса. Войска союзников оказались между Парижем и флангом Клюка — Монури к северу, а Френч к югу от Марны.

Галлиени вызвал к себе своего начальника штаба генерала Клержери и провел с ним, по словам последнего, «одно из тех длинных совещаний, которые он обычно созывает для обсуждения очень важных вопросов — они длятся, как правило, две — пять минут». Это было в восемь тридцать вечера третьего сентября. Если армия Клюка не изменит направления своего движения, то, решили они, необходимо оказать на Жоффра максимальное давление и заставить его начать наступление общими силами. Авиаторы [452] Парижа получили приказ с самого утра произвести воздушную разведку и полученные данные, «от которых будут зависеть важнейшие решения», представить командованию не позднее десяти утра.

Успех фланговой атаки, предупреждал генерал Хиршауэр, «зависит от успешного вклинивания в оборону противника», а 6-я армия не имела еще достаточной возможности для выполнения маневра так, как хотелось бы Галлиени. Намеченные рубежи занимали войска, измотанные до предела. Некоторые части прошли за день и ночь второго сентября более шестидесяти километров. Усталость подавила моральный дух солдат. Галлиени, как и его коллеги, считали дивизии резервистов «второсортными» войсками, а из них-то в основном и состояла армия Монури. Укомплектованная резервистами, 62-я дивизия во время отступления не имела ни одного дня отдыха, непрерывно вела бои и потеряла две трети офицерского состава. Эти потери восполнялись лишь лейтенантами-резервистами. IV корпус еще не подошел! И только «спокойствие и решительность» парижан, тех, кто не бежал на юг, вселяли надежду на успех.

Фон Клюк вышел к Марне вечером третьего сентября, преследуя армию Ланрезака и англичан. Союзники переправились через реку еще днем. Большая часть мостов через реку оказалась невзорванной вследствие спешки, усталости и неразберихи, характерных для отступления. Поток противоречивых телеграмм в отношении уничтожения переправ скорее навредил, а не принес пользу делу. Клюк захватил предмостные укрепления. Вопреки приказу не отрываться от Бюлова, он решил переправиться через реку утром и продолжить движение на восток в погоне за 5-й армией. Он отправил три донесения в главный штаб, сообщая о своем намерении форсировать Марну, но, поскольку беспроволочная связь с Люксембургом действовала еще хуже, чем с Кобленцем, командование узнало о нем только на следующий день. Германский штаб не имел контакта с 1-й армией почти два дня и поэтому ничего не знал о том, что Клюк нарушил приказ от второго сентября. Об этом стало известно уже после того, как германские войска перешли через Марну.

Немцы третьего сентября прошли примерно тридцать пять — сорок километров. По свидетельству очевидца-француза, солдаты, приходившие на отведенные квартиры, «падали от изнеможения, бормоча, как пьяные:

«Сорок километров! сорок километров!» [453]

Больше они не могли произнести ни слова. В ходе последовавших через несколько дней боев французы часто брали в плен крепко спавших немецких солдат, разбудить которых казалось невозможным. Это были дни страшного напряжения сил. И лишь желание войти «завтра или послезавтра» в Париж гнало их вперед, а офицеры не решались сказать им правду. В своем стремлении уничтожить французские армии Клюк не только довел свои войска до крайнего изнеможения, оторвался от своих линий снабжения, но оставил позади себя тяжелую артиллерию. Его соотечественник в Восточной Пруссии, генерал фон Франсуа, не сдвинулся с места до тех пор, пока не подошла тяжелая артиллерия и фургоны с боеприпасами. Однако Франсуа готовился к сражению, а Клюк, считавший, что ему предстоит лишь погоня за врагом да операция по прочесыванию, не принял никаких мер предосторожности. У французов, думал он, после десяти дней отступления моральный дух и энергия находятся на очень низком уровне, поэтому они, услышав звук горна, вряд ли повернут ему навстречу и пойдут в атаку. Немецкий генерал не беспокоился и о фланге.

> «Клюк считает, что ему нечего опасаться действий парижской армии, — писал один офицер четвертого сентября. — После того как мы уничтожим остатки англо-французской армии, он вернется к стенам Парижа и предоставит IV резервному корпусу честь первому вступить во французскую столицу».

Приказ остаться позади для прикрытия с фланга общего наступления германских армий выполнить невозможно, прямо заявил Клюк главному штабу четвертого сентября, продолжая между тем движение вперед. Остановка на два дня, необходимая для того, чтобы Бюлов смог подтянуть свои войска, ослабит общее германское наступление и даст противнику время для укрепления своих сил. Лишь благодаря «смелой операции», проведенной его армией, удалось захватить переправы через Марну и открыть этим путь другим войскам. Как он отметил далее, «следует надеяться, что будут использованы все преимущества достигнутого успеха». В диктаторском тоне Клюка проскользнули гневные нотки, когда он спросил, почему за «решающими победами других армий» — он имел в виду Бюлова — всегда следуют «просьбы о помощи». Бюлов пришел в бешенство, узнав о том, что «замыкающий эшелон в тылу 2-й армии превратился, вопреки предписаниям главного штаба, в атакующий».[454]

Его войска, как и другие германские части, вышли к Марне физически обессиленными.

> «Мы крайне устали, — писал один офицер из X резервного корпуса. — Люди падают в канавы, едва дыша... Затем вновь команда — по коням. Я еду, положив голову на гриву лошади. Все чувствуют жажду и голод. На нас нападает апатия. Такая жизнь мало чего стоит. Потерять ее — значит потерять немного».

Солдаты Хаузена жаловались на отсутствие «горячей пищи в течение пяти дней». То, что наступление приводило войска к физическому изнурению и падению морального состояния войск, не тревожило командующих армиями. Все они, как и Клюк, были убеждены в полном поражении французов. Третьего сентября Бюлов писал в донесении, что французская 5-я армия потерпела «полное поражение», «совершенно дезорганизована» и бежит на юг к Марне.

Хотя и не «дезорганизованная совершенно», 5-я армия была явно не в хорошей форме. Ланрезак в открытую выражал недоверие Жоффру, оспаривал приказы командования, ссорился с офицерами связи из главного штаба. Это отрицательно влияло на его подчиненных, расколовшихся на две враждующие группы. Из-за бесконечных мучительных попыток оторваться от противника нервы каждого были крайне напряжены, все испытывали раздражение и тревогу. Командир XVIII корпуса генерал де Латри, войска которого находились на кратчайшем расстоянии от противника, думая о состоянии солдат, испытывал «душевную боль». Потрепанная в боях, 5-я армия тем не менее пересекла Марну, находясь на значительном расстоянии от противника, практически выйдя из зоны боев. Таким образом она выполнила условие Жоффра в отношении возобновления наступления.

Жоффр информировал правительство о своем намерении приступить к операции «через несколько дней», не указывая, однако, точной даты. В главном штабе настроение было мрачное. Каждый день из поездок по армиям возвращались офицеры связи. Как сказал один из них, «повсюду дул ветер поражения». Главный штаб решил переехать еще на пятьдесят километров в тыл к Шатильону на Сене, что и сделали через два дня — пятого сентября. За неделю Франция потеряла города Лилль, Валансьенн, Камбрё, Аррас, Амьен, Мобёж, Мезьер, Сен-Кантен, Лан и Суассон, а также угольные шахты и рудники, районы, где выращивали пшеницу и сахарную свеклу, и одну шестую часть населения. Каждый француз воспринял как личное горе весть о том, что Реймс, в кафедральном соборе [455] которого короновались все короли, начиная от Кловиса и кончая Людовиком XVI, был объявлен открытым городом и отдан на милость армии Бюлова третьего сентября. Не прошло и двух недель, как немцы, озлобленные поражением под Марной, стали бомбардировать город, в результате чего Реймский собор был утрачен для человечества так же, как и библиотека Лувэна.

Жоффр, еще сохранявший внешнее спокойствие, регулярно, как и прежде, три раза в день принимал пищу и неизменно ложился в десять часов вечера спать. Но он начал заметно нервничать, когда третьего сентября ему пришлось решать трудную и щекотливую задачу: отстранить Ланрезака от командования. Официальным поводом для этого явились «физическая и моральная депрессия» Ланрезака и его «ненормальные взаимоотношения» с Джоном Френчем, получившие широкую огласку. Это нужно было сделать в интересах будущего наступления, в котором 5-й армии отводилась главная роль; существенное значение имело и участие в нем англичан. Несмотря на твердость, проявленную им во время боев под Гюизом, Ланрезак, как убедил себя Жоффр, тем не менее «окончательно утратил боевой дух». Кроме того, Ланрезак постоянно критиковал приказы главного штаба, зачастую возражая против них. Это, вообще говоря, не являлось доказательством его «морального падения», однако главнокомандующий болезненно реагировал на эти «выходки».

Жоффр редко имел свои идеи, но он очень искусно пользовался советами других и более или менее сознательно поддался влиянию доктринеров из оперативного отдела, которые, как сказал один из критиков французской военной системы, создали своего рода религию, «вне которой нет спасения и прощения тем, кто обнажал фальшь ее доктрины». Грех Ланрезака заключался в том, что он был слишком прав с самого начала, когда говорил о фатальной недооценке правого крыла германских армий. В результате значительная часть Франции оказалась под кайзеровским сапогом. Решив прекратить бой под Шарлеруа, так как армии Бюлова и Хаузена грозили ему двойным окружением, Ланрезак спас левое крыло французских войск. Как признал Хаузен после войны, этот шаг опрокинул все расчеты немцев, стремившихся уничтожить левый фланг французов. В конечном итоге Клюк вынужден был повернуть влево, чтобы ликвидировать 5-ю армию. Почему Ланрезак

отступил, из страха или мудрости, не суть важно, ибо страх иногда есть мудрость. В [456] данном случае отступление подготовило почву для новой операции, которую задумал Жоффр. Все это получило признание лишь после войны, когда французское правительство сделало запоздалый жест и наградило Ланрезака Большой лентой ордена Почетного легиона. Однако в первые месяцы горечи поражения, оскорбительные выпады Ланрезака против верховного командования стали невыносимыми для главного штаба. После того как он с армией пересек Марну, участь его уже была решена.

Жоффр хотел устранить все, что могло бы помешать успеху предстоящего наступления. За первые пять недель кампании он сместил со своих постов двух командующих армиями, десять командиров корпусов и тридцать восемь дивизионных генералов, то есть почти половину от их общего числа. На их место пришли новые и в основном более способные люди, включая трех будущих маршалов — Фоша, Петэна и Франше д'Эспери. Боеспособность армии повысилась, хотя и в результате некоторых несправедливостей.

Жоффр отправился на своем автомобиле в Сезан, где в тот день находилась штаб-квартира 5-й армии. В заранее условленном месте он встретился с командиром I корпуса Франше д'Эспери, который появился с головой, обмотанной полотенцем, — стояла ужасная жара.

> «Вы смогли бы командовать армией?» — спросил Жоффр.
>
> «Как любой другой», — ответил д'Эспери. Когда Жоффр с недоумением посмотрел на него, он, пожав плечами, сказал:
>
> «Чем выше пост, тем легче. Больше подчиненных и больше помощников».

Решив этот вопрос, Жоффр отправился дальше.

В Сезане, оставшись наедине с Ланрезаком, Жоффр заявил:

> «Мой друг, вы выдохлись и стали нерешительным. Вам придется отказаться от командования 5-й армией. Мне не хотелось бы вам этого говорить, но я должен это сделать».

Как вспоминает сам Жоффр, Ланрезак, подумав немного, ответил: «Вы правы, генерал». Он выглядел как человек, избавившийся от непосильной ноши. По свидетельству же Ланрезака, он, напротив, резко протестовал и потребовал обосновать это решение. Жоффр лишь твердил: «Колебания, нерешительность», а потом выразил недовольство по поводу «высказываний» Ланрезака в отношении распоряжений главного штаба. Последний возражал, говоря, что это не может служить причиной отстранения от командования, поскольку все его замечания оказались верными, что в общем-то и было главным. Но Жоффр не хотел [457] ничего слушать.

> «Он делал гримасы, показывая, что я истощил его терпение: он боялся смотреть мне в глаза».

Ланрезак отказался от борьбы. После этого разговора Жоффр, по словам его адъютанта, выглядел «очень нервным» — уникальный случай.

Затем послали за Франше д'Эспери, который в это время обедал. Не доев суп, он выпил стакан вина, надел шинель и отправился в Сезан. На перекрестке, запруженном медленно

двигавшимися военными повозками, его автомобиль остановился. В армии так хорошо знали его коренастую фигуру с головой, напоминавшей снаряд гаубицы, пронзительные черные глаза, короткую стрижку, резкий властный голос, что люди, лошади и экипажи как по мановению волшебной палочки сразу расступались перед ним. В последующие дни, когда он метался из корпуса в корпус, когда обстановка на фронте, а вместе с ней и его характер стали ухудшаться, он, приближаясь к заторам на дорогах, вынимал револьвер и «палил в белый свет» из окна своего автомобиля. Английские солдаты прозвали его «отчаянный Фрэнки». Коллеги д'Эспери считали, что он превратился из живого, общительного и дружелюбного, хотя и строгого, командира в тирана. Он стал свирепым, властным и холодным человеком и терроризировал свой штаб не меньше, чем армию.

Не успел Ланрезак передать ему секретные дела и уехать из Сезана, как вдруг в штабе зазвонил телефон. Трубку взял Эли д'Уассель. Было слышно, как он с раздражением говорил:

> «Так точно, господин генерал. Нет, господин генерал».
>
> «Кто это?» — рявкнул Франше. Ему сказали, что звонит генерал Ма де Латри, командир XVIII корпуса. Он не может выполнить приказа на завтрашний день, так как его солдаты совершенно выбились из сил.
>
> «Дайте-ка трубку, — сказал новый командующий. — Говорит генерал д'Эспери. Мне поручено командовать 5-й армией. Никаких рассуждений. Выступайте или умирайте».

И он бросил трубку.

Четвертого сентября все вдруг ощутили приближение чего-то важного — так иногда появляется подсознательная уверенность в неизбежности великих событий.

В Париже Галлиени также чувствовал наступление «решающего» дня. В Берлине принцесса Блюхер написала в дневнике: «Все только и говорят, что о предстоящем вступлении в Париж». В Брюсселе опадали листья, ветер гнал их по улицам. [458] Осень уже давала о себе знать, и многих мучил вопрос: что же произойдет, если война затянется до зимы? Американский посол Хью Гибсон отметил «возрастающую нервозность» германского штаба, уже четвертый день не сообщавшего о победах на фронтах. «Уверен, сегодня случится что-то значительное».

В германском штабе в Люксембурге напряжение достигло своей высшей точки — приближался триумфальный, исторический момент. Армия, дошедшая до предела человеческих возможностей, была готова завершить на Марне труд, начатый под Садовой и Седаном.

> «Наступил 35-й день, — с торжеством произнес кайзер, когда встретился с одним из своих министров. — Мы заняли Реймс и находимся в пятидесяти километрах от Парижа...»

На фронте немцы рассматривали завершающий этап кампании как капитуляцию французских войск, а не как генеральное сражение.

> «Важная новость, — писал офицер германской 5-й армии в своем дневнике, — французы предложили нам перемирие и готовы уплатить контрибуцию в

> семнадцать миллиардов франков. Пока мы отвергаем предложение о перемирии».

Считалось, что враг разбит, и все доказательства, говорившие об обратном, отбрасывались в сторону. Ужасное сомнение закралось в сердце генерала фон Кюля, начальника штаба Клюка, когда ему сообщили об одной колонне французских войск, отступавшей в районе Шато-Тьерри. Маршировавшие солдаты пели! Но он отбросил все сомнения, поскольку «все приказы о начале новой операции были уже отданы». Не считая нескольких подобных случаев, никто из высшего командования не подозревал о возможности французского контрнаступления. И хотя признаки его подготовки были заметны, германская разведка ничего о них не сообщала. Офицер разведки главного штаба, прибывший в штаб кронпринца четвертого сентября, заявил, что на всем фронте сложилась благоприятная обстановка. «Мы с триумфом наступаем повсюду...»

Лишь один человек в Германии думал по-другому. Мольтке, в противоположность Жоффру, не был уверен в своей звезде, пелена самоуверенности не застилала ему глаз, и он смотрел на мир без иллюзий. Этим он походил на Ланрезака. Четвертого сентября он выглядел «серьезным и мрачным». В беседе с Хельфферихом, министром, с которым только что разговаривал [459] кайзер, он сказал:

«Вряд ли в нашей армии найдется лошадь, способная сделать хотя бы еще один шаг».

Подумав немного, он добавил:

> «Мы не должны обманывать сами себя. Мы достигли успеха, но не победы. Победа — это уничтожение способности противника к сопротивлению. Когда в сражениях участвуют миллионные армии, победитель должен захватить множество пленных. А где они? Тысяч двадцать в Лотарингии, ну еще десять-двадцать тысяч пленных на других участках. Судя по сравнительно небольшому количеству оставленных пушек, французы, по моему мнению, осуществляют планомерное и организованное отступление».

Мысль, считавшаяся запретной, была высказана вслух.

В тот же день главный штаб получил сообщение Клюка о намерении перейти Марну — слишком поздно, чтобы не допустить этого маневра. Мольтке беспокоил фланг Клюка, обращенный к столице. Поступали донесения об усилении железнодорожного движения в сторону Парижа. В тот же день, как сообщил Рупрехт, французы сняли с его фронта два корпуса. Теперь все данные свидетельствовали о том, что сопротивление противника далеко не сломлено.

Переброска французских войск, утверждал полковник Таппен, указывает на подготовку «удара со стороны Парижа по нашему флангу, где мы не имеем резервов». Эта проблема мучила не только Мольтке, но и командиров на местах. Потери, понесенные во время боев с арьергардами французов, нельзя было возместить за счет резервов, подобно тому как это делал противник. На стыке германских армий оставались бреши. Не хватало двух корпусов, переброшенных ранее на русский фронт. Теперь Мольтке уже хотел взять подкрепления у Рупрехта, только что — третьего сентября — начавшего наступление у Мозеля.

Случилось так, что кайзер находился в штабе Рупрехта как раз тогда, когда туда пришло это предложение Мольтке. Кайзер, уверенный в успехе прорыва линии обороны под

Нанси, решительно поддержал Рупрехта, выступившего против какого-либо сокращения его сил. Другой человек на месте главнокомандующего начал бы настаивать, но Мольтке не стал этого делать. Тяжелые переживания в ночь на первое августа, неопределенность и напряженность кампании скорее ослабили, а не укрепили его волю. Не получив подкреплений для правого крыла армий, он решил приостановить их наступление. [460]

Направленный командующим армиям новый приказ, составленный вечером и изданный утром, открыто признавал провал наступления, предпринятого правым крылом, провал стратегии, ради которой немцы принесли в жертву нейтралитет Бельгии. Датированный четвертым сентября, этот документ, появившийся через месяц после вторжения в Бельгию, давал точную оценку положению на фронтах.

«Противник, — говорилось в нем, — сумел избежать окружения 1-й и 2-й армиями. Часть его войск присоединилась к парижской армии».

Вражеские части были переброшены из района Мозеля под Париж; «созданная там группировка угрожает правому флангу германских армий». Ввиду создавшегося положения «1-й и 2-й армиям предлагается развернуть свои силы в сторону Парижа... с тем чтобы отразить любую наступательную операцию противника, предпринятую с этого направления». В это время 3-я армия должна была наступать к югу в направлении Сены, а другим армиям следовало действовать в соответствии с предыдущим приказом от второго сентября.

Остановить армии на пороге победы — так мог поступить только сумасшедший, думал военный министр генерал фон Фалькенхайн, сменивший через две недели Мольтке на посту главнокомандующего.

> «Лишь одно ясно, — писал министр пятого сентября, — наш Генеральный штаб совсем потерял голову. Записки Шлиффена кончились, и Мольтке перестал соображать».

Виноват был не Мольтке — Германия теряла инициативу в войне. По переброске войск противника Мольтке безошибочно увидел опасность, нависшую над правым флангом его армии, и принял разумные меры для ее отражения. Приказ имел лишь один недостаток — был отдан слишком поздно. Он мог бы оказаться даже своевременным, если бы не один беспокойный француз — Галлиени.

Донесения парижских летчиков от четвертого сентября убедили Галлиени в «необходимости быстрых действий». Тыл выгнувшейся дугой армии Клюка представлял прекрасную мишень для Монури и английского экспедиционного корпуса. Следовало лишь, не мешкая, нанести удар.

В девять часов утра, еще не имея согласия Жоффра, Галлиени направил Монури предварительный приказ:

> «Я намереваюсь бросить вашу армию при поддержке англичан на германский фланг. Немедленно отдайте все необходимые распоряжения с тем, чтобы ваши войска смогли выступить днем в ходе проведения общего [461] наступления войск парижского укрепленного района в восточном направлении».

Монури предлагалось также срочно прибыть в Париж для консультации.

Затем Галлиени решил добиться «окончательного и быстрого» согласия Жоффра. Этому в какой-то степени препятствовали остатки их прежних взаимоотношений начальника и подчиненного. Случись что-нибудь с Жоффром, и Галлиени стал бы главнокомандующим. Жоффр восставал против его влияния в армии, его популярности, поэтому Галлиени не столько рассчитывал убедить, сколько заставить главнокомандующего сделать этот шаг. Чтобы добиться этого, он переговорил по телефону с президентом Пуанкаре, находившимся в Бордо, сообщив ему о «благоприятной возможности» немедленно возобновить наступление на фронте.

В девять сорок пять Галлиени позвонил в главный штаб и затем уже не отходил от аппарата. «Битва за Марну велась по телефону». Генерал Клержери вел переговоры с полковником Поном, начальником оперативного отдела главного штаба, потому что Жоффр не желал брать трубку, а Галлиени хотел разговаривать только с Жоффром. Жоффр терпеть не мог телефон и делал вид, что «не разбирает слов», сказанных собеседником. Он, как и многие люди, занимающие высокие посты, уже смотрел в будущее и опасался, как бы сказанное по телефону не было кем-нибудь записано и не стало бы без его ведома достоянием истории.

Клержери сообщил о планах наступления силами 6-й армии и парижского укрепленного района на фланг Клюка севернее Марны; в этом случае бои начались бы шестого сентября. Если бы удар по немцам был нанесен на южном берегу Марны, произошла бы задержка на один день, чтобы Монури смог форсировать реку. В любом случае Клержери просил главный штаб отдать приказ о выступлении 6-й армии сегодня вечером. Он передал мнение Галлиени о том, что пришло время прекратить отвод войск и перейти всей армией к наступательным операциям, в которых приняли бы участие и силы парижского укрепленного района. Теперь слово оставалось за главным штабом.

В противоположность намерениям главного штаба сдать Париж Галлиени с самого начала исходил из предположения, что столицу следует оборонять всеми средствами. Он рассматривал военную ситуацию лишь с точки зрения военного губернатора Парижа, не учитывая положение на других фронтах, и решил [462] использовать те преимущества, которые давал французам маневр Клюка. Операция, начатая парижской армией, должна была бы перерасти в общее наступление, поддержанное всеми вооруженными силами. Это был смелый, даже опрометчивый план, потому что Галлиени, не знавший обстановки на других участках, не мог с уверенностью предсказать исход сражения и даже сам несколько сомневался в успехе. Может быть, инстинкт командующего говорил ему о приближении благоприятного момента, а вероятнее всего, он решил, что для Франции — это единственный выход из создавшегося положения.

В одиннадцать утра прибыл Монури, чтобы посоветоваться, Жоффр пока молчал. В полдень Клержери вновь позвонил в штаб.

Тем временем в школе в Бар-на-Обе, где разместился главный штаб, офицеры оперативного отдела, сгрудившись у большой настенной карты, горячо обсуждали предложение Галлиени о совместном наступлении. Крушение французской стратегии в августе побудило некоторых проявлять особую осторожность, другие же остались по-прежнему горячими сторонниками наступательной тактики и отвергали все призывы к сдержанности. Жоффр находился здесь же, слушая их спор, в то время как его адъютант делал пометки в своем блокноте.

Войска измотаны? Не имеет значения, это французы, и они устали от отступления. Как только они услышат о наступлении, их усталость как рукой снимет. Брешь между

армиями Фоша и де Лангля? Туда можно направить XXI корпус из армии Дюбая. Части не готовы к наступлению? Спросите лучше командиров на местах, и вы убедитесь в обратном. Сотрудничество англичан? Да, это уже серьезнее. Их командующему приказ не отдашь, придется его уговаривать, а времени мало. Но главное — не упустить случай, обстановка быстро меняется. Клюк еще может исправить свою ошибку, так как передвижения частей 6-й армии определенно привлекут его внимание, и он поймет, что его войскам угрожает опасность.

Не сказав ни слова, Жоффр пошел советоваться с Бартело, который выступал против этого плана. Войска не смогут без подготовки перейти в наступление. Необходимо завершить отход на подготовленные позиции и затянуть немцев подальше в сети. Кроме того, численного превосходства не удастся достигнуть до тех пор, пока из Лотарингии не прибудут и не займут свои позиции два корпуса. [463]

Жоффр молча сидел на стуле напротив настенной карты в кабинете Бартело и размышлял. Его план окончательного перехода в наступление и раньше предусматривал использование 6-й армии для атаки правого фланга немцев. Галлиени, однако, предвосхищал события. Жоффру был нужен еще один лишний день, чтобы дождаться подхода подкреплений, подготовить 5-ю армию и заручиться поддержкой англичан. Когда Клержери позвонил снова, ему ответили, что главнокомандующий высказывается за наступление на южном берегу Марны. Клержери начал было протестовать против отсрочки операции, но ему объяснили, что «задержка на один день даст возможность подтянуть больше войск».

Жоффр стоял на пороге еще более важного решения: продолжить ли отступление к Сене или пойти на риск и дать отпор врагу сейчас. Стояла невыносимая жара. Он вышел во двор школы и сел в тени развесистого ясеня. Судья по натуре, он собирал мнения других, сортировал их, делал поправку на личные способности говорившего, тщательно взвешивал все «за» и «против» и потом объявлял приговор. Последнее слово оставалось всегда за ним. В случае успеха его ждала слава, в случае неудачи он нес всю тяжесть ответственности. Сейчас от его решений зависела судьба Франции. За последние тридцать дней французская армия не смогла выполнить ту великую миссию, к которой готовилась тридцать лет. Сейчас ей был дан последний шанс — спасти Францию, вновь вернуть ее к границам 1792 года. Захватчики находились всего в шестидесяти километрах от главного штаба и тридцати километрах от передовых французских частей. А если французы все же решатся на наступление, несмотря на то что армии не готовы к нему, и потерпят поражение?

Теперь требовалось срочно выяснить, способны ли вообще французские войска предпринять наступление.

Поскольку 5-я армия находилась в критическом положении, Жоффр отправил Франше д'Эспери телеграмму:

> «Создалась благоприятная обстановка для нанесения удара по германской армии совместными силами 5-й армии, подвижными частями парижского гарнизона и английской армии. Пожалуйста, немедленно ответьте, в состоянии ли ваша армия предпринять успешные наступательные операции».

Такой же запрос был отправлен соседу Франше д'Эспери, Фошу, войска которого противостояли армии Бюлова. [464] Жоффр сидел под деревом и размышлял. В черном

кителе и красных мешковатых штанах, в армейских сапогах, с которых он, к ужасу своих адъютантов, снял шпоры, главнокомандующий молча и неподвижно провел в раздумьях почти весь день.

Тем временем Галлиени, прихватив с собой Монури, выехал в час дня из Парижа в английский штаб, расположенный под Меленом на Сене, в сорока километрах южнее столицы. В ответ на его просьбу добиться поддержки англичан при проведении предстоящей операции Угё сообщил, что Джон Френч «прислушивается к осторожным советам своего начальника штаба» Арчибальда Мэррэя и не примет участия в совместных действиях, если французы не дадут гарантий в отношении обороны низовьев Сены, то есть пространства между экспедиционным корпусом и морем.

Обгоняя вереницы автомобилей, владельцы которых бежали из Парижа на юг, два французских генерала прибыли в английский штаб в три часа дня. Шотландские часовые в юбках четко взяли «на караул», писари деловито печатали на машинках какие-то бумаги, однако ни фельдмаршала, ни его заместителей на месте не оказалось, а штабные офицеры не знали, где они. После долгих поисков нашелся Мэррэй. Джон Френч, по его словам, уехал для инспекции войск, и никто не знал, когда командующий вернется.

Галлиени попытался объяснить начальнику штаба план операции и то, почему участие в ней английских войск было «совершенно необходимо». Однако англичанин не пожелал «разделить нашу точку зрения». Мэррэй твердил одно и то же; экспедиционный корпус в соответствии с приказом главнокомандующего отдыхает, переформировывается и ждет подкреплений. До возвращения Френча предпринять что-либо Мэррэй отказывался. Два часа прошли в спорах, а главнокомандующий так и не появился. Галлиени уговорил Мэррэя написать вкратце основные положения его плана и предложения в отношении участия англичан в операции. Французу показалось, что Мэррэй «недостаточно хорошо его понял». Перед своим отъездом он добился от начальника английского штаба обещания немедленно уведомить его о прибытии шефа.

В это же время в другом месте — в Бре, в пятидесяти километрах выше по течению Сены, проходили еще одни англофранцузские переговоры, на которых Джон Френч также отсутствовал. [465] Стремясь улучшить испорченные отношения с англичанами, Франше д'Эспери, сменив Ланрезака, договорился встретиться с Френчем в Бре в три часа дня. Для такого случая генерал надел ленту почетного рыцаря Викторианского ордена. Когда его автомобиль прибыл в Бре, к нему подбежал солдат И сообщил, что на телеграфе для генерала получена срочная депеша. Это было послание Жоффра о предстоящем сражении. Изучая его, Франше д'Эспери ходил взад и вперед по улице, ожидая с нараставшим нетерпением прибытия англичан. Через пятнадцать минут подъехал «роллс-ройс», в котором рядом с Шофером сидел «огромный шотландец». Однако «вместо маленького, цветущего фельдмаршала» на заднем сиденье находился «высокий, дьявольски безобразный тип с умным, выразительным лицом». Это был Вильсон, прибывший на встречу в сопровождении начальника разведки полковника Макдонога. Они задержались, потому что Вильсон, встретив по дороге одну французскую даму, попавшую в затруднительное положение, проявил галантность и приказал не только залить бензин в ее автомобиль, но и снабдил ее шофера необходимыми картами.

Военные поднялись на второй этаж мэрии. В дверях поставили часового-шотландца. Макдоног приподнял тяжелую скатерть и заглянул под стол, открыл дверь в примыкающую спальню, посмотрел под кровать, прощупал стеганое одеяло, открыл стенной шкаф и простучал его стенки кулаком. Затем, после вопроса Франше д'Эспери о положении английской армии, он развернул карту, на которой синими стрелами точно

была указана дислокация войск противника на его участке фронта. После этого он дал блестящий анализ продвижения частей 1-й и 2-й германских армий. Это произвело на Франше д'Эспери довольно сильное впечатление.

«Вы — наши союзники, у меня от вас нет секретов», — сказал д'Эспери и прочел телеграмму Жоффра.

«Я отвечу: моя армия готова к наступлению».

А затем, бросив на своих собеседников пристальный взгляд, продолжал:

«Надеюсь, вы не заставите нас действовать в одиночку. Важно, чтобы ваши части прикрыли брешь между 5-й и 6-й армиями».

Затем он изложил точный план действий, разработанный им мысленно за те пятнадцать минут, когда он ждал прибытия союзников. Он основывался на предположении о том, что армия Монури начнет наступление севернее Марны шестого сентября, и пришел к этому выводу самостоятельно, еще ничего не зная о предложениях [466] Галлиени. Вильсон, нашедший общий язык с этим энергичным французским генералом, как когда-то с Фошем, согласился поддержать предлагаемую операцию. Размещение двух армий, исходные рубежи, на которые они должны были выйти шестого сентября, направление атаки — решение этих вопросов не вызвало затруднений. Вильсон предупредил, что добиться согласия Джона Френча и особенно Мэррэя будет нелегко, однако пообещал сделать все от него зависящее. Вильсон поехал в Мелен, а Франше д'Эспери отправил сообщение о соглашении Жоффру.

В Бар-на-Обе Жоффр наконец покинул прохладную тень ясеня. Не дожидаясь ответов от Франше д'Эспери и Фоша, он решил действовать. Командующий прошел в оперативный отдел и распорядился составить проект приказа «о превращении операции местного значения, предложенной парижским гарнизоном, в наступление на левом фланге с участием всех союзных сил». Сражение должно начаться седьмого сентября. Сразу прекратились бурные дискуссии, все почувствовали спокойную уверенность — с отступлением покончено. Приближался переломный момент. Закипела работа — штаб стал готовить подробные приказы. Чтобы свести к минимуму риск утечки сведений, решили не рассылать никаких инструкций или распоряжений до последней минуты.

Это произошло в шесть часов, а в шесть тридцать Жоффр появился на обеде, на который пригласил двух японских офицеров-наблюдателей. За столом ему на ухо прошептали о том, что Франше д'Эспери договорился с англичанами и что из 5-й армии присланы важные документы. Еда для Жоффра была священным делом, кроме того, следовало соблюдать дипломатический этикет, особенно теперь, когда союзники с большой надеждой на успех вели переговоры об оказании Японией военной помощи странам Антанты в Европе. Жоффр не смог прервать обед, однако он несколько бестактно «ускорил его». Прочитав краткое сообщение Франше д'Эспери, Жоффр почувствовал, будто его, не умеющего плавать, бросили в воду на глубоком месте. Своим характерным безапелляционным тоном д'Эспери перечислял точные даты, населенные пункты и условия боевого взаимодействия трех армий — 5-й, и 6-й, и английской. Бои начинаются шестого сентября; англичане «изменяют направление движения», если их левый фланг поддержит 6-я армия; последней, в свою очередь, следует занять позиции [467] по реке Урк в указанное время «и не выступать до тех пор, пока англичане не начнут развертывать свои части»; 5-я армия завтра продолжает отступать до выхода к реке Гран-Морен, Через день она должна будет подготовиться для фронтальной атаки армии Клюка.

Одновременно англичане и Монури атакуют его фланг. «Энергичное участие» армии Фоша в действиях против 2-й армии является одним из главных условий успеха операции.

> «Моя армия сможет выступить шестого сентября, — писал и заключение Франше д'Эспери, — однако ее состояние далеко не блестящее».

Это была неопровержимая правда. Когда через некоторое время он заявил командиру III корпуса генералу Хашу, что наступление начнется на следующее утро, тот «оторопело уставился на командующего, словно получил дубиной по голове».

> «Вы сошли с ума, — запротестовал он. — Солдаты измотаны. Без сна и пищи — почти две недели они отступали с тяжелыми боями! Нам требуются оружие, боеприпасы, техника. Все пришло в упадок. Моральный дух низок. Я вынужден был отстранить от командования двух дивизионных генералов. Штаб ничего не стоит и ни на что не годен. Если бы мы смогли перегруппироваться за Сеной...»

Выбора нет, считали Галлиени и д'Эспери. Их твердая и решительная позиция сыграла решающую роль. Предшественник д'Эспери, вероятно, не стал бы действовать так смело. В этот период со своих постов полетели многие командиры. Генерала Ма де Латри сменил в тот же день стремительный Модюи, служивший ранее в армии Кастельно. Не только командующий 5-й армией потерял свое место, но также и трое из пяти командиров корпусов, семь из тринадцати дивизионных генералов и соответствующее число бригадных.

«Разумная смелость» д'Эспери понравилась Жоффру, и он приказал оперативному отделу приступить к разработке операции в соответствии с предложениями командующего армией, однако проведение ее начать с седьмого сентября. Главнокомандующий получил также ответ и от Фоша, который просто заявил, что «он готов к атаке».

Английский главный штаб отнесся к сообщению Генри Вильсона весьма неодобрительно. Ранее Мэррэй, не дожидаясь возвращения Джона Френча, приказал отступить еще на двадцать километров. «Как ножом в сердце», — заметил Вильсон, узнав [468] об этом.

Прочтя составленное Мэррэем краткое изложение плана Галлиени, он немедленно отправил в Париж телеграмму: «Маршал еще не вернулся».

Вильсон все же надеялся убедить Джона френча отменить приказ об отступлении и поэтому решил пока ничего не сообщать Франше д'Эспери.

Вернувшись, Френч сразу же окунулся в беспокойную атмосферу противоречивых планов и предложений. На своем столе он нашел письмо Жоффра, написанное еще до свершившихся событий. Французский командующий предлагал совместную операцию в районе Сены. Затем Френч прочитал послание Галлиени, записанное Мэррэем. Сам Мэррэй решительно советовал продолжить отступление. Сбитый с толку противоречивыми предложениями, не зная, какому отдать предпочтение, Джон Френч счел, что самое разумное в данной обстановке — бездействие.

Он оставил в силе приказы Мэррэя и попросил Угё передать всем следующее:

> «Окончательное решение будет принято после повторного изучения всей обстановки в целом».

Примерно в этот час Галлиени вернулся в Париж и прочел телеграммы от Вильсона и от Жоффра. Главнокомандующий поддерживал предложение о том, чтобы Монури начал наступление южнее Марны 7 сентября. Новостью это не было, тем не менее эти телеграммы заставили Галлиени приступить к решительным действиям. Времени оставалось все меньше, а армия Клюка по-прежнему развивала наступление. Видя, что шансов почти не остается, Галлиени попытался ускорить ход событий и сам позвонил в главный штаб. Жоффр попробовал было посадить на телефон вместо себя Белина, однако губернатор Парижа требовал к телефону только главнокомандующего. По свидетельству адъютанта Жоффра, записавшего этот разговор, Галлиени сказал: «6-я армия уже подготовилась к атаке севернее Марны. Поэтому изменить направление развертывания этой армии сейчас невозможно. Наступление следует проводить без изменения места и времени, указанных ранее».

Слыша голос своего бывшего начальника, Жоффр, возможно, невольно подчинился властному темпераменту Галлиени. Или, как признавался он позднее, вынужден был «неохотно» согласиться на перенос срока наступления вперед на один день из-за опасений, что переброска частей Монури, ускоренная распоряжениями Галлиени, раскрыла бы немцам план операции. Как Фош, так и Франше д'Эспери, оба заявили о готовности к наступлению. Франше д'Эспери, думал главнокомандующий, [469] благодаря какой-то магической силе сумел добиться согласия англичан на поддержку. Жоффр еще не знал, что это согласие еще не было подтверждено английским командующим. И все же охотно или неохотно, но Жоффр все-таки согласился, чтобы 6-я армия перешла в наступление севернее Марны при поддержке всех французских сил шестого сентября, как «требовал Галлиени». Последний немедленно в восемь тридцать направил Монури телеграмму, в которой подтвердил ранее изданные Приказы о передислокации войск. Главный штаб пересмотрел Сроки выхода всех частей на рубежи атаки с учетом начала общего наступления на один день раньше. В десять вечера, через два часа после того как Мольтке подписал приказ о прекращении наступления правого крыла германских армий, Жоффр издал Общий приказ № 6.

> «Пришло время, — говорилось в нем с чувством важности исторического момента, — воспользоваться благоприятной возможностью, появившейся в результате маневра германской 1-й армии, и нанести по ней концентрированный удар всеми союзными силами левого крыла».

Французские 6-я, 5-я и английская армии получили боевую задачу в точном соответствии с предложениями Франше д'Эспери. Поддержку генеральному наступлению должны были оказать также 3-я и 4-я армии.

Однако на этом события дня не закончились. Едва Жоффр подписал приказ, как стало известно об отказе Джона Френча утвердить план совместных действий. Ему требовалось время для «тщательного изучения обстановки». Жоффр был поражен. Принято важное решение, отданы приказы, через тридцать шесть часов начнется сражение ради спасения Франции, а союзник, занимавший важный участок фронта, вновь отказывался воевать. С учетом времени на рассылку и дешифровку приказы прибудут в армейские штабы только на следующее утро. Жоффр использовал для убеждения англичан последнее средство — отправил союзникам специального курьера с копией приказа № 6. Офицер, прибывший в Мелен в три часа утра, узнал, что войска экспедиционного корпуса в соответствии с распоряжением Мэррэя уже начали ночное отступление.

Пятого сентября на рассвете войска противника также находились на марше. Клюк безостановочно гнал армию вперед, торопясь закончить окружение французов. Приказ

Мольтке об изменении направления движения и принятии мер для ликвидации угрозы с фланга был принят по радио в семь часов утра. [470]

Четыре корпуса, растянувшись на пятьдесят километров, шли в направлении реки Гран-Морен. Клюк не остановил их. Не обратил он внимания и на предупреждение о концентрации французских войск на его фланге, считая, что «германские армии победоносно наступают по всему фронту». Клюк, как истинный немец, верил в собственные военные сводки и не думал, что французы смогут собрать достаточно сил и создать угрозу для его армии. Отступление противника не было совершенно беспорядочным — Клюк в последнее время тоже стал замечать это, поэтому он и требовал не ослаблять натиска и не давать врагу передышки. К тому же следовало сохранить «свободу маневрирования и высокий наступательный дух». Вопреки директиве Мольтке, Клюк продолжал наступление и приказал переместить штаб армии вперед на сорок километров в Ребэ между Гран-Мореном и Пти-Мореном. К вечеру части германской 1-й армии находились на расстоянии пятнадцати-двадцати километров от английских войск и армии Франше д'Эспери. Это был последний день немецкого наступления.

Вечером в штаб Клюка прибыл полномочный представитель верховного командования. Памятуя о скверной радиосвязи и бурном темпераменте Клюка, Мольтке отправил к нему своего начальника разведки полковника Хенша. Тот, проделав 300-километровый путь из Люксембурга, лично разъяснил Клюку суть приказа Мольтке и потребовал его выполнения. К своему «удивлению», Клюк и его штаб узнали, что армии Рупрехта и кронпринца ведут тяжелые позиционные бои, безуспешно пытаясь прорвать оборону французов. Хенш представил офицерам штаба армии доказательства, свидетельствующие о создании «очень сильной группировки противника», перемещающейся в западном направлении и создающей серьезную угрозу флангу немцев. Только грозная необходимость заставила главный штаб отдать приказ об отступлении: 1-й армии предлагалось повернуть обратно и двигаться севернее Марны. Малоутешительными были и слова Хенша о том, что «этот маневр может быть проведен не спеша».

Еще большее беспокойство вызвало донесение IV резервного корпуса, прикрывавшего правый фланг армии с севера от Марны. Германские части столкнулись и завязали бои с отрядом противника численностью до двух дивизий, поддерживаемого тяжелой артиллерией. Это были передовые войска Монури, выходившие к Урку. Хотя атака французов была «успешно [471] отражена», командир IV резервного корпуса все же приказал отступить с наступлением темноты.

Клюк подчинился приказу Мольтке. Теперь армия, вырвавшаяся слишком далеко вперед после форсирования Марны, должна была отойти назад. Клюк отдал распоряжение приступить к отводу войск со следующего утра, то есть с шестого сентября. Совершив победный марш от Льежа почти до Парижа, он тяжело переживал эти минуты. Если бы он шел в эшелоне за армией Бюлова, как ему приказали, и сегодня в семь утра остановил армию, он бы смог противодействовать угрозе, нависшей над его флангом. По свидетельству генерала Кюля, «ни верховное командование, ни штаб 1-й армии не имели ни малейшего представления о том, что вся французская армия готова была перейти в наступление... Не было никаких признаков — ни показаний пленных, ни предупреждений комментаторов газет». Если Клюк не предполагал, что ждало его в будущем, то, во всяком случае, он не мог не понимать, что прекращение преследования противника и отвод войск сейчас, когда до выполнения графика главного штаба осталось всего четыре дня, не было прелюдией к окончательной победе.

Для союзников пятое сентября было, казалось, еще более мрачным днем. Их представители, собравшиеся в Лондоне в то время, когда с фронта сообщали лишь о поражениях, подписали утром договор, который обязывал страны Антанты «не заключать сепаратного мира в ходе настоящей войны».

В Париже Монури спросил Галлиени: «Если операция провалится, куда мы отведем...» Глаза Галлиени затуманились. Он ответил: «Никуда». Готовясь к возможной катастрофе, он отдал секретный приказ командирам парижского укрепленного района сообщить о всех объектах, которые следует уничтожить, чтобы ими не воспользовались немцы. Даже такие мосты в сердце Парижа, как Пон Неф и Пон Александер, подлежали уничтожению. Врагу должна достаться «пустота», если он прорвется через линию обороны, сказал он генералу Хиршауэру.

Главный штаб получил от Кастельно донесение, из которого следовало, что катастрофа могла разразиться раньше, чем начнется генеральное наступление. Командующий предлагал отступить от Нанси, если противник еще больше усилит натиск. Жоффр попросил его продержаться еще сутки, однако на случай неудачи он одобрил представленный Кастельно план отхода на вторую линию обороны. [472]

Взяв у 3-й армии один корпус и сняв два корпуса с фронта под Мозелем, Жоффр пошел на большой риск, чтобы на этот раз достичь над противником численного перевеса, которого у него не было во время наступления в начале войны. Подкрепления еще не заняли боевые позиции, Жоффр, информируя правительство о принятом решении, постарался создать для себя алиби на случай провала наступления.

В телеграмме, отправленной им президенту и премьер-министру, говорилось:

> «Галлиени преждевременно атаковал противника, поэтому я приказал приостановить отвод войск и, в свою очередь, возобновить наступление».

Впоследствии, когда Жоффр систематически пытался умалить роль Галлиени в операции на Марне и даже уничтожить некоторые материалы, относящиеся к этому периоду, эту телеграмму откуда-то выкопал Бриан и показал Галлиени.

«Это «преждевременно» дороже золота», — сказал он.

Утром пятого сентября Жоффр, ничего не знавший о намерениях англичан, переживал «почти агонию». Он отправил Мильерану телеграмму с просьбой использовать влияние правительства, чтобы добиться согласия англичан. Предстоящее сражение «может оказать решающее влияние на ход войны, в случае неудачи оно будет иметь серьезнейшие последствия для страны. Я полагаю, что вы привлечете внимание фельдмаршала к огромному значению будущего наступления. Если бы я мог приказывать английской армии, так же как и французской, я отдал бы немедленный приказ о переходе в наступление».

В три часа утра Вильсон получил от Угё копию приказа № 6. Но Угё, однако, не разрешил капитану де Гальберу, доставившему приказ, встретиться с кем-либо из английских командующих. Почему-то всегда в центре разногласий того периода появлялась зловещая фигура Угё. Решив, что обстановка требует присутствия представителя более высокого ранга, капитан де Гальбер отправился обратно во французский штаб. В семь утра Вильсон передал приказ французского командования Джону Френчу и затем, в течение нескольких часов, убеждал его поддержать операцию союзника. Тем временем в девять тридцать утра

капитан де Гальбер прибыл в свой штаб. По его словам, англичане «уклончиво» отнеслись к предложению об участии в наступлении, а мэр Мелена сказал ему, что багаж Джона Френча уже отправлен назад в Фонтенбло.

Жоффр решил добиться участия английской армии в предстоящем сражении «любой ценой», пусть даже ценой поездки [473] в автомобиле в Мелен, за сто восемьдесят километров от своего штаба. Предупредив англичан о своем приезде, Жоффр отправился в путь в сопровождении адъютанта и двух штабных офицеров. Несмотря на заторы на дорогах и священный для Жоффра обед, гонщик-шофер доставил французов в два часа дня в замок, где разместился штаб Джона Френча. Фельдмаршал встал из-за стола, приветствуя его. С ним находились Мэррэй, Вильсон и Угё. Последний выглядел так, «словно только что похоронил своего лучшего друга». Жоффр впервые заговорил первым. Вместо обычных кратких и лаконичных предложений, окружающие услышали страстную и сильную речь, сопровождаемую стремительными жестами, казалось, «что он хотел вырвать сердце из груди и бросить его на стол». Наступил «величайший момент», говорил он, приказы отданы, и, что бы ни случилось, французская армия до последнего солдата пойдет в бой за спасение Франции. От исхода наступления зависели «существование французской нации, свобода Франции и будущее Европы». «

> Я не могу поверить, что английская армия откажется выполнить свой долг в этот критический час... история сурово покарала бы вас».
>
> Кулак Жоффра с силой опустился на стол.
>
> «Господин маршал, вы рискуете честью Англии!»
>
> Джон Френч, «жадно слушавший каждое слово», вдруг покраснел. Воцарилась тишина. На глаза командующего медленно навернулись слезы и покатились по щекам. Он попытался было что-то сказать по-французски, но не сумел.
>
> «Проклятие. Я не могу этого объяснить. Скажите ему, что мы сделаем все, что в наших силах».
>
> Жоффр вопросительно взглянул на Вильсона. Тот перевел:
>
> «Фельдмаршал сказал «да"».

В этих словах почти не было необходимости — слезы и тон голоса говорили сами за себя. Мэррэй поспешил тут же сообщить, что английские войска отошли на шестнадцать километров от исходных рубежей, указанных в приказе о наступлении, поэтому они смогут начать бой в девять, а не в шесть, как требует Жоффр. Это был голос осторожности, который впоследствии часто давал о себе знать.

Пока Жоффр отсутствовал, главный штаб переместился в Шатильон на Сене, как и было запланировано еще до наступления. Главнокомандующий прибыл туда вечером, примерно в тот же час, когда Хенш беседовал с Клюком.

Войдя в оперативный отдел, чтобы подтвердить уже отданные приказы, [474] Жоффр сказал собравшимся офицерам:

«Господа, мы будем сражаться на Марне».

Он подписал приказ, который на следующее утро после призыва горна будет прочитан солдатам. Обычно французский язык звучит возвышенно во всякого рода прокламациях и обращениях к народу, и нужно приложить усилия, чтобы добиться обратного, однако на этот раз слова подобрались плоские, почти банальные, обращение было сухим и бескомпромиссным:

«Теперь, когда началась битва, от которой зависит безопасность страны, каждый должен помнить, что сейчас не время оглядываться. Все усилия надо направить на то, чтобы атаковать и отбросить врага. Если случится, что какое-либо подразделение не сможет продвигаться вперед, оно должно любой ценой удерживать свои позиции и скорее погибнуть, чем отступить. В данной ситуации командование не потерпит случаев невыполнения приказа». Обращение на этом заканчивалось, время величественной риторики прошло, не было возгласов «вперед» и никто не призывал солдат к славе. После первых тридцати дней войны 1914 года появилось предчувствие — впереди славы не много.

Послесловие

Как известно миру, битва на Марне закончилась отступлением немцев. За четыре дня, оставшиеся до завершения стратегического плана, Германия не смогла добиться «решающей победы» и таким образом упустила возможность выиграть войну. Для Франции, ее союзников и в конечном итоге для остального мира трагедия Марны заключалась в том, что победа, которая была близка, осталась нереализованной.

Фланговый удар Монури и маневр Клюка для отражения его привели к образованию бреши между германскими 1-й и 2-й армиями. Исход битвы зависел от того, удастся ли немцам сокрушить два крыла — Монури и Фоша — до того, как д'Эспери и англичане, воспользовавшись этой брешью, предпримут наступление на центр германских армий. Монури, которого Клюк почти разбил, получил в качестве подкрепления VI корпус, прибывший в эшелонах в Париж. По приказу Галлиени прямо с вокзала шесть тысяч солдат этого корпуса были перевезены на фронт на парижских такси, и благодаря их помощи Монури смог удержать свои позиции.

Фош, зажатый в болотах Сен-Гонда армией Хаузена и войсками Бюлова, в критическую [476] минуту, когда его правый фланг отступал, а левый заколебался, отдал свой знаменитый приказ:

«Атаковать во что бы то ни стало! Силы немцев истощены... Победа достанется тому, кто сумеет дольше продержаться».

Франше д'Эспери оттеснил правый фланг Бюлова, но англичане вошли в образовавшийся прорыв слишком медленно и неуверенно; затем последовало историческое появление на сцене полковника Хенша, посоветовавшего немцам отступить. Германские армии сумели вовремя отойти, и французы не смогли вклиниться в их линии обороны.

Так близко подошли немцы к победе, а французы — к катастрофе, так велико было горестное изумление мира, следившего с затаенным дыханием за триумфальным маршем германских армий и отступлением союзников к Парижу, что битву, решившую исход войны, стали называть «чудом на Марне». Бергсон, сформулировавший в свое время для Франции таинство «воли», рассматривал битву на Марне как чудо, уже однажды имевшее место в истории.

«Сражение на Марне выиграла Жанна д'Арк» — таков был его вердикт.

Противник, наступление которого разбилось о стену, словно выросшую за одну ночь, придерживался того же мнения.

> «Французский «порыв», почти погашенный нами, вдруг снова вспыхнул ярким пламенем», — писал с горечью Мольтке своей жене.

«Главная и основная» причина неудачи на Марне, говорил впоследствии Клюк, «заключается в необыкновенной и удивительной способности французского солдата быстро восстанавливать свои силы. То, что эти люди сражаются насмерть, хорошо известно и учитывалось при составлении военных планов. Но то, что французские солдаты, непрерывно отступавшие в течение десяти дней, спавшие на голой земле, полумертвые от усталости, смогли снова взять в руки винтовки и ринуться в атаку под звуки горна — этого мы не смогли предугадать. Академия Генерального штаба не учла эту вероятность».

Что бы ни говорил Бергсон, не чудо, а взаимосвязанные обстоятельства первого месяца войны решили исход боев на Марне. Что бы ни говорил Клюк, ошибки германского командования и стойкость французского солдата в равной степени привели к поражению. Если бы немцы не перебросили два корпуса на русский фронт, один из них защитил бы правый фланг Бюлова и прикрыл брешь между ним и Клюком; другой корпус поддержал бы Хаузена, и тогда Фоша, возможно, удалось бы разбить. Россия, верная союзническому долгу, начала наступление без [477] соответствующей подготовки и оттянула на себя эти части. Глава французской разведки полковник Дюпон, высоко оценивая действия русских, говорил:

«Воздадим должное нашим союзникам — наша победа достигнута за счет их поражения».

Сыграли свою роль многие «если бы». Если бы немцы не сосредоточили слишком больших сил на левом фланге в соответствии со стратегией двойного охвата, если бы правое крыло не оторвалось от линий снабжения и если бы его солдаты не были так измучены, если бы Клюк действовал в контакте с Бюловом и даже если бы в последний день армия Клюка не пересекла Марну, а направилась к Гран-Морену, результат сражения мог быть другим, и шестинедельный график завоевания Франции оказался бы выполненным; возможно, так бы и произошло, если бы не главное и решающее «если бы», а именно, если бы шестинедельный график не основывался на марше через территорию Бельгии. Вслед за этим Англия, вступив в войну, оказала определенное влияние на ход вооруженной борьбы в Европе, мировое общественное мнение осудило захватчика, Германия, нажив в Бельгии врага, вынуждена была оставлять на ее территории дивизии, очень пригодившиеся бы ей на Марне. В то же время силы союзников пополнялись пятью английскими дивизиями.

На Марне союзники добились численного превосходства, которого им не удалось достичь во время сражения на границах. Частично это объяснялось тем, что немцы сняли с этого фронта несколько дивизий, а французы добились перевеса, перебросив подкрепления, взятые у стойко сражавшихся армий Кастельно и Дюбая, а также у 3-й армии. Первые две армии во время общего отступления сумели защищать восточные подступы к Франции. Почти восемнадцать дней они сдерживали неослабевавший натиск немцев до тех пор, пока Мольтке, слишком поздно убедившийся в провале этой операции, не приказал восьмого сентября прекратить атаки на оборонительные укрепления французов. Если бы французская 1-я и 2-я армии не выдержали, если бы они отступили третьего сентября после последнего штурма армий Рупрехта, немцы выиграли бы свои Канны, и тогда французы не смогли бы предпринять контрнаступление ни на Марне, ни на Сене или в любом другом месте. Если на Марне и случилось чудо, оно было подготовлено боями на Мозеле.

Без Жоффра союзные силы не смогли бы выдержать удара германских армий. Именно его несокрушимая уверенность [478] предотвратила превращение французской армии в бесформенную, деморализованную массу. Более блестящий, более инициативный и оригинально мыслящий командующий, возможно, не сделал бы крупных ошибок на начальном этапе войны, однако после понесенного поражения Жоффр дал Франции то, в чем она так остро нуждалась. Трудно представить другого человека на его месте, который смог бы остановить отступление французских армий и снова вдохнуть в них надежду на победу. Однако, когда наступил критический момент, один Жоффр ничего бы не сделал. Операция, которую он планировал начать с рубежей на Сене, возможно, опоздала. И лишь благодаря Галлиени, решившему немедленно использовать удобный случай, французская армия предприняла контрнаступление в сжатые сроки. Галлиени, в свою очередь, опирался на мощную поддержку Франше д'Эспери. Успеху на Марне способствовал и

Ланрезак, отстраненный от командования, который не только избавил Францию от просчетов «плана-17», но и способствовал ее быстрейшему возрождению. По иронии судьбы его действия под Шарлеруа и последующее смещение с поста командующего армией — вместо него был назначен Франше д'Эспери — были необходимы для того, чтобы контрнаступление состоялось. Но только Жоффр, никогда не поддающийся панике, смог направить армию в бой.

> «Если бы у нас его не было в 1914 году, — сказал Фош, его преемник, — я не знаю, что бы с нами случилось».

С тех пор эта битва неразрывно связана с парижскими такси. Сотни такси находились на службе военного губернатора Парижа. Генерал Клержери высчитал, что, если каждый автомобиль с пятью солдатами совершит два шестидесятикилометровых рейса до Урк и обратно, то на фронт, где положение теперь резко обострилось, можно будет быстро перебросить около шести тысяч солдат. В час дня был отдан приказ, переброска войск началась в шесть часов вечера. Полицейские сообщали о приказе шоферам прямо на улицах. Водители с энтузиазмом подчинялись и, предлагая своим пассажирам освободить машины, гордо заявляли, что им «нужно ехать на фронт». Заправившись бензином, они прибывали на место сбора, где через некоторое время выстроились в идеальном порядке все шестьсот автомобилей. Приехавший туда Галлиени был восхищен. Заполненные солдатами такси, грузовики, автобусы и другие экипажи с наступлением темноты вереницей двинулись [479] к фронту. Это был последний рыцарский поход старого Мира, которым закончилась романтика войны.

Союзники не одержали полной победы на Марне, но германские армии отступили к реке Эна. Потом началась борьба за порты на побережье Ла-Манша, затем пал Антверпен и развернулись бои под Ипром, где офицеры и солдаты английского экспедиционного корпуса дали решительный отпор противнику, сражаясь насмерть, и остановили немцев во Фландрии. Не Монс или Марна, а Ипр стал символом доблести и могилой англичан. Здесь полегло четыре пятых всего экспедиционного корпуса. Пришла зима и вместе с ней страшный период позиционной войны. Западный фронт, как гангренозная рана, растянулся на огромной территории от Ла-Манша до Швейцарии своими залитыми грязью траншеями, миллионами убитых, войной на истощение — безумием, длившимся четыре года.

План Шлиффена провалился, однако немцы оккупировали Бельгию и Северную Францию вплоть до Эны.

Клемансо из месяца в месяц, из года в год непрестанно твердил читателям: «Господа, немцы все еще в Нуайоне».

Из-за ошибки «плана-17» немцы вклинились слишком далеко, французы не смогли, даже перегруппировав силы, выбить их оттуда, им удалось лишь остановить врага.

За то, чтобы не пустить его дальше, пришлось заплатить страшную цену жизнями мужского населения страны, и 1914 — 1918 годы повлияли на возникновение войны 1940 года. Ошибку «плана-17» исправить уже никогда не удалось. Провал этого плана, как и идеи Шлиффена, оказался роковым и привел к тупику на западном фронте. Каждый день уносил пять тысяч, а иногда пятьдесят тысяч человеческих жизней, пожирал запасы, технику, деньги. Все это предрешило исход военных операций на дальних рубежах, как например в Дарданеллах, что в ином случае могло бы привести к скорейшему окончанию войны. После неудач первого месяца воюющие стороны очутились в тупике,

определившем вид будущих боев, а также условия мира, суть послевоенного периода и характер Второй Мировой войны.

Люди не в состоянии вести такую колоссальную и мучительную войну без веры в ее окончание, без надежды на лучшее будущее, на то, что будут заложены основы нового мира. Как мираж Парижа поддерживал силы солдат Клюка на марше, видение этого лучшего мира озаряло голые, изрытые снарядами, [480] когда-то зеленые поля и безобразные обрубки тополей, которые еще недавно украшала густая и красивая крона.

Наступления, похожие на бойню, когда сотни и тысячи людей гибли, чтобы захватить десяток метров чужой территории, сменив одну траншею с болотной грязью на другую, оскорбляли здравый смысл и достоинство человека. Каждую осень говорили, что этот ужас кончится к зиме, но наступала весна, а войне по-прежнему не было видно конца; армии и народы сражались лишь с одной надеждой — человечество извлечет из всего этого хороший урок.

Война наконец кончилась, последствия ее были многообразны и бесчисленны, но над всем преобладало одно: разочарование.

> «У нашего поколения не осталось великих слов», — обращался Д. Лоуренс к современникам.

Эмиль Верхарн говорил с болью о «человеке, которым я был...» Он-то прекрасно знал смысл великих слов и светлых идеалов, ушедших навсегда вместе с 1914 годом.

После Марны война разрасталась вглубь и вширь, втягивая в катастрофу народы всего земного шара{73}, сталкивая их в мировом конфликте, который не в силах был разрешить никакой мирный договор. Сражение под Марной явилось одной из решающих битв в истории человечества не потому, что оно явилось предвестником поражения Германии или победы союзников. Марна показала, что война кончится не сразу, а будет продолжаться еще очень долго.

«Назад дороги нет», — заявил Жоффр солдатам накануне боя.

Но и после него не было пути назад. Страны оказались в западне, созданной ими самими в течение первых ничего не решивших тридцати дней военных действий, в западне, откуда не было и не могло быть выхода.

Приложения

Приложение I.
Хронология политических событий лета — осени 1914 г.

(Эскалация Сараевского кризиса, определение позиции Италии, вступление Турции в войну)

28.06.1914 г. Убийство в Сараево эрцгерцога Фердинанда.

04.07. Письмо императора Франца-Иосифа Кайзеру Вильгельму II:

> «...Сараевское убийство не является делом отдельной личности, а есть результат тщательно подготовленного заговора, нити которого ведут в Белград».

05.07. Австро-Венгерский меморандум относительно политики Центрального Союза на Балканском полуострове.

06.07. Кайзер и германское правительство одобряют политический план Австро-Венгерского руководства. В тот же день даны соответствующие указания германским дипломатам в Бухаресте и Софии.

11.07. М. фон Шпее, командующий Тихоокеанской эскадрой, предупрежден Адмиралтейством об опасности войны и о предположительно негативной позиции Великобритании.

20.07. Во Франции прекращены отпуска высшего комсостава.

23.07. Австро-Венгрия предъявляет Сербии ультиматум.

24.07. Великобритания: премьер-министр Асквит информирует кабинет о том, что политическое положение в Европе следует считать серьезным. Бельгия: приняты предварительные меры к усилению боевой готовности армии. [484]

25.07. Австро-Венгрия разрывает дипломатические отношения с Сербией.

Италия: заявление относительно нейтралитета в возможной австро-сербской войне.

Германия: отозваны из отпусков офицеры, находящиеся за пределами страны, все крупные сооружения взяты под охрану.

Сербия: объявлена мобилизация.

Австро-Венгрия: Берхтольд указывает послу Австро-Венгрии в Петербурге, что «Империя не остановится даже перед возможностью европейских осложнений».

26.07. Германия и Австро-Венгрия отклоняют предложение Э. Грея о созыве международной конференции в Лондоне.

Париж и Петербург склоняются к мнению:

«На этот раз — война» (заявлено Палеологом, Сазоновым, Извольским).

27.07. Германия: Кайзер приходит к выводу, что ответ Сербской стороны на ультиматум в сущности устраняет повод к войне, но тем не менее желательно оккупировать Белград. Начаты работы в крепостях Мец и Дидингофен, начато возвращение войск из лагерей в места постоянного расквартирования, усилена охрана железных дорог, объявлен частичный призыв резервистов.

Франция: войска собраны в пунктах постоянной дислокации.

Великобритания: сосредоточение флота в Портленде.

28.07.1914 г. Австро-Венгрия объявляет войну Сербии.

Бельгия: начата частичная мобилизация.

Великобритания: флот приступил к мобилизационным работам.

Франция: вступили в силу меры по охране границ. Прекращены все отпуска.

29.07. Обстрел Белграда.

Болгария объявляет о своем нейтралитете.

Франция приступает к сооружению и усилению приграничных полевых укреплений. Начата [485] частичная мобилизация младших возрастных классов в восточной приграничной полосе. Великобритания: флот выходит из Портленда в Скапа-Флоу. В стране введено «предварительное военное положение».

Германия: прекращены отпуска и начаты мобилизационные работы в крепостях.

Россия: объявлена частичная мобилизация («только против Австрии»).

30.07. В 02.00 ночи. Сазонов сообщает русским представителям за границей «о вероятной неизбежности войны».

Франция: части прикрытия подняты по тревоге и занимают позиции вдоль границы. Мобилизованы пять приграничных корпусов.

Германия: усилена охрана границ, начато выдвижение корпусов прикрытия к границе, призвано шесть возрастных классов резервистов.

Великобритания: начато наблюдение английскими кораблями за германским побережьем.

31.07. Всеобщая мобилизация в России.

Всеобщая мобилизация в Австро-Венгрии.

Германия предъявляет России ультиматум. В Германии объявлено «положение, угрожающее войной» (около 16.00). Германия обращается к Франции с ультимативным запросом относительно позиции Французской Республики в случае отклонения Россией Германского ультиматума.

Бельгия объявляет всеобщую мобилизацию.

Великобритания: английский флот закончил мобилизацию.

Италия; неофициальное заявление министра иностранных дел Сан-Джулиано послу Франции Барреру о нейтралитете Италии в Европейской войне.

Кайзер Вильгельм телеграфирует Виктору Эммануилу, что он надеется на своего верного союзника.

01.08. 15.55. Во Франции объявлена всеобщая мобилизация. [486]

17.00. В Германии объявлена всеобщая мобилизация.

17.00. Германия объявила войну России.

19.00. Германские войска переходят границу Люксембурга.

Италия: правительство повторяет свои разъяснения по поводу оборонительного характера Тройственного Союза, вследствие которого Италия не примет участия в агрессивной Австро-Сербской войне. В ночь на второе августа итальянский совет министров окончательно постановил, что «ввиду агрессивных действий Австро-Венгрии против Сербии война не составляет для Италии casus foederis».

02.08. В 19.00 Германия предъявляет ультиматум Бельгии.

Великое герцогство Люксембургское оккупировано германскими войсками. Заключение тайного Германо-турецкого военного союза.

03.08. Германия объявляет войну Франции.

Бельгия отклоняет ультиматум Германии. Король Альберт приказывает взорвать мосты через Маас.

Италия официально объявляет о своем нейтралитете (без разрыва обязательств по Союзу).

04.08. Германские войска перешли границу Бельгии (08.02 утра).

США объявляют о своем нейтралитете. (К этому времени нейтралитет объявили Испания, Португалия, Швейцария, Голландия, Норвегия, Швеция, Румыния — без разрыва союза с Австро-Венгрией и Греция — без разрыва союза с Сербией.) В этот же день Япония заявляет, что «по первому обращению Англии» выполнит свои обязательства по Англо-Японскому союзному договору.

Турция объявляет о нейтралитете, начинает всеобщую мобилизацию и минирует проливы. 10.00 утра. В Средиземном море встречается германский крейсерский отряд Сушона («Гебен» [487] и «Бреслау») и английские линейные крейсера. Огонь не открыт, так как война не объявлена, хотя командующий английским соединением получил известие из Лондона о том, что она неминуема. В течение дня Черчилль приказывает атаковать немецкие корабли «при проявлении малейших признаков агрессии против французского судоходства». Совет Министров отклоняет этот приказ. 23.00 (по Гринвичу). Срок английского ультиматума истек. Великобритания объявляет войну Германии.

Мобилизация английской армии. 23.20. Все британские военные корабли оповещены о начале военных действий. 05.08. В Германии и Франции завершена мобилизация постоянной армии.

Турция (в лице Энвер-паши) объявляет свою мобилизацию «дружественной по отношении к России» и предлагает ей заключить военный союз.

06.08. Австро-Венгрия объявляет войну России.

Эскадра Сушона дозаправляется углем в греческих территориальных водах с греческого угольщика.

07.08. Английская армия завершила мобилизацию.

10.08. Германские корабли вошли в Дарданеллы.

11.08. Великий визирь заявляет, что германские корабли куплены Турцией.

15.08. Японское правительство обратилось к Германии с ультиматумом.

24.08. Япония объявляет войну Германии.

05.09. Лондонское соглашение России, Англии и Франции о незаключении сепаратного мира.

27.09. Закрытие Дарданелл для судов Антанты.

27.10. Германо-турецкий флот выходит в море. 29.10. Нападение Германо-турецкого флота на Одессу,

Севастополь, Феодосию, Новороссийск. 31.10. Русский посол Гире покинул Константинополь.

Приложение II.
Военная статистика: численность, состав, структура, потенциальные возможности вооруженных сил противоборствующих сторон

1. Предварительные соображения

Если тактика определяется топографией, а стратегия — географией, то большая стратегия, очевидно, базируется на географии экономической. Сопоставим военно-экономические возможности сторон в 1914 году.

Таблица 1. **Военно-экономические возможности сторон в 1914 году.**

Государство	Население (млн. чел.)	Выплавка чугуна и стали (млн. т)	Армия мирного времени(млн.чел)	Армия по окончании мобилизации	Количество артиллерийских орудий
Германия	64,9	32,5	0,761	2,415	6,528
Австро-Венгрия	52,8	4,5	0,478	2,3	4.088

Итого	**117,7**	**37,0**	**1,239**	**4,715**	**10,616**
Великобритания	47,0	17,7	0,132	0,567	1,352
Франция	39,6	9,2	0,863	2,575	4,648
Россия	169,4	8,5	1,423	5,338	7,088
Итого	**256,0**	**35,4**	**2,418**	**8,480**	**13,088**

Данная таблица может рассматриваться как основа для оперативного планирования. Заметим прежде всего, что она не включает Италию (которая в зависимости от целого ряда условий [489] могла выступить на любой стороне или остаться нейтральной), Бельгию (вступление которой в войну ни в коей мере не было неизбежностью и представляло собой акт свободного выбора со стороны германского командования, принявшего решение нарушить ее нейтралитет), Сербии (она несомненно вступала в войну, если спусковьм механизмом оказывался Балканский кризис, и, вероятно, оставалась нейтральной, если к войне приводили события в Африке, в Проливах или в Центральной Европе). Нет здесь также Болгарии и Турции. Хотя вступление в войну этих стран — первой на стороне противников Сербии, второй — на стороне противников России — и было весьма вероятно, оно не являлось автоматическим. Требовалась определенная дипломатическая подготовка и, во всяком случае, время, исчисляемое месяцами. При оценке первоначальных столкновений ресурсы этих стран учитывать не следует.

Численность населения определяет максимально возможную численность вооруженных сил. Опыт войн XX столетия убеждает нас в том, что в условиях тотальной мобилизации численность армии не превосходит 10% населения страны. Таким образом, Германия и Австро-Венгрия теоретически могли призвать до 12 миллионов, а Антанта — до 25 миллионов солдат. Реально было развернуто соответственно 4,7 миллиона (39% от максимума) и 8,48 миллионов (34% от максимума).

Уровень развития экономики страны можно грубо оценить по выплавке чугуна и стали. Таблица показывает, что возможности противников обеспечить свои армии военным снаряжением были примерно одинаковы. Это подтверждают и данные по артиллерии — 13 100 орудий против 10 700. (Потому Германия и Австро-Венгрия и смогли выставить на поле боя относительно больше солдат, нежели их противники — 4,0% от численности населения против 3,3%.)

Большим преимуществом Центральных держав была высокая связность их территорий. В результате Германия всегда могла оказать быструю помощь Австро-Венгрии — как в отношении военного снаряжения, так и посылкой войск. Напротив, страны Антанты были связаны очень слабо, причем Россия обладала максимумом людских ресурсов при минимуме снаряжения. Это давало Германии возможность в значительной степени обесценить численное превосходство Антанты.

Как правило, государство не может выставить на фронт все призванные под знамена силы. Какие-то соединения должны [490] оставаться внутри страны, какие-то прикрывать границы с нейтральными странами. Назовем «валентными» дивизии, которыми страна может свободно распоряжаться.

Самая высокая доля «валентных» соединений в Германии, которой необходимо отвлекать силы лишь на одну короткую датскую границу. Австро-Венгрия вынуждена была держать дивизии против Сербии и Италии. Франция — против Италии, а также — в Африке.

Великобритания до войны не знала воинской повинности, потому ее сухопутные силы были невелики, и как «валентные» могли быть использованы только шесть дивизий экспедиционной армии.

Самой тяжелой была ситуация в России, имеющей чрезвычайно длинную границу. Кроме внутренних войск, необходимость в которых была вполне очевидной, Империи приходилось держать гарнизоны в Закавказье — против Турции, в Бессарабии — против Румынии, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. Далее, хотя Антанта и имела подавляющее превосходство в морских вооружениях, в Балтийском море Германия всегда могла сосредоточить превосходящие силы флота и высадить десант в любую точку побережья. Это потребовало от русского руководства выделить целую армию — 6-ю на защиту Петербурга.

Первоначальное преимущество Антанты в численности армии мирного времени сводилось, таким образом, на нет. Мобилизацию Центральные державы завершали быстрее. В результате в период от пятнадцатого и приблизительно до сорок восьмого дня мобилизации Германия и Австро-Венгрия имели превосходство в силах. Затем устанавливалось равновесие, а к шестидесятому дню перевес переходил к Антанте, составляя в круглых цифрах 1,5:1.

В дальнейшем ситуация для Центральных держав могла только ухудшаться. Развертывала свою армию Великобритания. Начинали играть роль ресурсы колоний, по которым Антанта имела подавляющее превосходство (449,0 миллионов населения против 12,3). Господство на море позволяло Тройственному Согласию свободно использовать ресурсы нейтральных государств — прежде всего США, в результате чего Антанта могла - в перспективе — вооружить все войска, сколько бы она их ни выставила.

Итак, мы пришли к понимаю реалистичности планирования Шлиффена. Соотношение сил и динамика их развертывания давали Германии шанс выиграть войну. Но эта победа должна быть достигнута не позднее сорок восьмого дня с момента мобилизации [491] и оформлена политически не позднее шестьдесят пятого дня. Длительную войну Германия вести не могла.

2. Высшие соединения

Таблица 2. **Состав пехотной дивизии**

Дивизия	Батальонов	Эскадронов	Батарей	Людей	Орудий
Германская	12	10	12	12000	72
Австро-Венгерская{-1}	12	?	10	12000	60
Французская{-2}	12	1	9	120002	36
Английская{-3}	12	4	13	18000	76
Бельгийская{-4}	18	6	18	14500	72
Русская	16	6	6	16000	48

{-1}. Данные косвенные (расчетные). По некоторым сведениям австро-венгерские дивизии могли иметь реальный численный состав всего в 7 500 человек.

{-2}. В. Новицкий приводит цифру 7 500 человек, что противоречит как прочим источникам, так и приведенной Новицким структуре дивизии. В других источниках

приводится 12 000, 14 500 и даже 15 000 человек.

{-3}. Цифры касаются исключительно дивизий экспедиционного корпуса, имеющих состав, значительно превышающий штатный (прежде всего, по артиллерии).

{-4}. Бельгийская дивизия мирного времени. В военное время численность дивизии доходила до 18 500 человек (24 батальона, 5 эскадронов, 30 батарей, дивизионные части).

Таблица 3. **Состав кавалерийской дивизии (ориентировочно)**

Дивизия	Батальонов	Эскадронов	Батарей	Людей	Орудий
Германская	1	24	3	4000	18
Французская		16-24	2	3500	8
Английская	0,5	36	4	9000	24
Бельгийская	1	36	2	2500	8
Русская		16-24	1	2950	8

Таблица 4. **Состав армейского корпуса (стандартного)**

Корпус	Батальонов	Эскадронов	Батарей	Людей	Орудий
Германский	25	20	28	25000	160
Австро-Венгерский	25	?	22	25000	132
Французский	25	10-15	30	24000	120
Русский	32	12	14	33000	108

Приведенные выше данные следует использовать как сугубо ориентировочные. Прежде всего, они различаются от источника к источнику, часто — достаточно сильно (для французской дивизии, например, есть оценки от 7 500 до 15 500 человек). Далее, единообразие соединений оставляло желать лучшего. Так, корпус лишь в среднем состоял из 2 дивизий. В реальности дивизий могло быть от 1,5 (четвертый германский резервный корпус) до 4 (девятнадцатый французский колониальный корпус). Количество батарей в германском корпусе могло снижаться до 24 (в некоторых резервных корпусах) или подниматься до 32. Снабжение корпусов тяжелой артиллерией было в Германии весьма разнообразным (хотя старались придерживаться стандарта в шестнадцать 155-мм орудий корпусной и восемнадцать 105-мм гаубиц армейской артиллерии), а во Франции — при норме в четыре 155-мм орудия — просто непредсказуемым. В еще большей степени варьировался состав кавалерийских дивизий.

Тем не менее определенные выводы из этих «среднестатистических» данных по составам соединений сделать можно. Заметим прежде всего значительное превышение над «нормальной» численности английских и бельгийских дивизий. Обусловлено это отсутствием в этих армиях корпусного, а в значительной мере — и армейского звена. (Английский корпус был сугубо административным, но не оперативным образованием.) Иными словами, английская или бельгийская дивизия — в отличие от германской, французской или русской — была не высшим тактическим, но высшим оперативным соединением и включала в себя соответствующие части и службы. Реальная боевая численность германской дивизии в составе германского армейского корпуса [493] и

английской дивизии в составе английского экспедиционного корпуса практически совпадала.

Численность русской дивизии (и корпуса) на треть превосходила «нормальную». Связано это было исключительно с нехваткой артиллерии. Большая военная программа 1913 года предусматривала переход на шестиорудийные батареи, доведение артиллерии дивизии до 66 орудий (из них 12 гаубиц), а корпуса до 156 орудий (24 тяжелых). В этом случае русский корпус превосходил бы германский по числу батальонов, не уступая ему в артиллерии. Однако к началу войны на такую организацию успели перевести лишь одну бригаду. (Шестнадцатибатальонный состав русской дивизии должен был, по идее, компенсировать недостаток артиллерии. В действительности перегрузка дивизии ротами лишь уменьшала ее подвижность, усложняла управление и увеличивала потери от артиллерийского огня. С боевой точки зрения дивизии было бы выгоднее этих «лишних» батальонов не иметь.)

Понятно, что при таких различиях в составах дивизий и корпусов сравнивать силы сторон достаточно трудно. В большинстве довоенных и ранних послевоенных источников считали количество батальонов, в более поздние времена главным критерием стало число дивизий. Видимо, в первом приближении силу германской, французской, русской, бельгийской и английской дивизии можно считать одинаковой, несмотря на различие в составе и численности.

При желании можно построить и более точное приближение. Будем исходить из того, что около 2/3 потерь в сражениях августа 1914 г. приходилось на долю артиллерийского огня. (Само собой разумеется, что такая оценка носит апостериорный характер и не могла быть известна сторонам на стадии предвоенного планирования.) Примем, что эффект воздействия артиллерии пропорционален кубу калибра. Назовем «стандартной» французскую двенадцатибатальонную дивизию, действующую в составе двухдивизионного корпуса, и условно присвоим ей силу, равную 1. Тогда германская дивизия имеет силу 1,6, австро-венгерская — 1,5, английская — 1,4, бельгийская и русская — 1,1. Подобные оценки, однако, весьма абстрактны. Так, сплошь и рядом немецкие тяжелые батареи отставали от пехоты, что сразу же уменьшало силу дивизии до 1,1. С другой стороны, французская тяжелая артиллерия (самых разных калибров) могла [494] придаваться корпусам и дивизии. Наконец, малокалиберная артиллерия более скорострельна, что повышает ее поражающее

действие — если, конечно, она имеет достаточное количество снарядов.

Как следствие, результат столкновения «дивизия на дивизию» или «корпус на корпус» далеко не всегда определялся подобными условными коэффициентами. В Приграничном сражении, в котором немецкие дивизии смогли использовать все преимущества своей более многочисленной и более тяжелой артиллерии, немецкая дивизия соответствовала французскому корпусу (например, в Арденнах). В Марнской битве французская и германская дивизии выступали как приблизительно одинаковые по силе (Сен-Гондские болота).

Аналогично, в Гумбиенском сражении русская дивизия показала себя более сильной, нежели германская, а под Танненбергом германские соединения продемонстрировали явное превосходство. В Галицийской битве артиллерия русского девятнадцатого корпуса одержала верх над тремя австро-венгерскими корпусами... В общем, как и во всякой войне реальная сила соединения определялась не столько его структурой и численностью,

сколько уровнем боевой подготовки и качеством организации взаимодействия между родами войск.

Кавалерийские дивизии всех участвующих в войне государств можно считать равносильными (при всей пестроте их организационного состава). Исключение составляет английская дивизия (единственная), эквивалентная германскому или французскому кавалерийскому корпусу. Наличие в германских кавалерийских частях пехотных батальонов давало им некоторое преимущество, которое, правда, осталось нереализованным.

Вообще, организационная структура немецких войск была, по-видимому, наиболее адекватной боевым задачам и удобной для управления.

3. Дополнительные сведения о вооруженных силах противников.

Германская армия. Комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности. Срок действительной службы 2 года (3 года в кавалерии). Отслужившие на 4,5 года зачислялись в резерв, затем переходили в ландвер 1 призыва (5 лет), ландвер 2 призыва (8 лет). Допризывники (17 — 20 лет) и лица старше [495] 39,5 лет входили в состав ландштурма. (В октябре — ноябре 1914 года из молодых ландштурмистов было сформировано несколько новых корпусов.)

Лица, находящиеся на действительной службе, образовывали армию мирного времени. Резерв пополнял части до штатов военного времени. Из состава ландвера формировались резервные корпуса и дивизии. Ландштурм служил для пополнения потерь в полевых частях, гарнизонной, этапной, оккупационной службы.

Перед войной Германия имела следующий запас обученных людей: 761 000 человек в армии мирного времени, 1 100 000 в резерве, 1 919 000 в ландвере обоих призывов, 1 120 000 в ландштурме.

Армия комплектовалась по территориальной системе: территория страны была разбита на 21 корпусной и 3 корпусных баварских военных округа. Гвардейский корпус имел особую систему формирования. Всего 217 полков и 20 отдельных батальонов или 671 батальон. Конница — 110 полков или 545 эскадронов. Артиллерия — 3360 полевых орудий (из которых 378 гаубиц) и 1212 тяжелых орудий.

Армия мирного времени насчитывала, таким образом, 25 армейских корпусов. Корпус состоял из двух дивизий, саперного батальона, полка тяжелой артиллерии и обозного батальона. (Впрочем, единообразие структуры существовало скорее в теории: в корпусах могло быть два полка тяжелой артиллерии, а могло не быть ее вообще, количество саперных батальонов также менялось, иногда включались егерские батальоны и дополнительные пулеметные отделения, в гвардейский корпус входила кавалерийская дивизия.)

Дивизия, высшая тактическая единица, состояла из двух пехотных, кавалерийской и артиллерийской бригады (в шести дивизиях пехотных бригад было три, в трех были две кавалерийские бригады).

Из резервистов было сформировано 14 двухдивизионных резервных корпусов и одна отдельная резервная дивизия. Резервные корпуса имели меньше тяжелой артиллерии и иных средств усиления.

Всего Германия выставила 79 дивизий перволинейных войск; 162 бригады, из которых 3 отдельные; 333 полка, из которых 4 отдельные, или 83,25 стандартных счетных дивизий, 11 кавалерийских дивизий, 4840 легких и 1688 тяжелых орудий [496] (включая и явно устаревшую артиллерию), 52 994 офицера и 1 834 097 солдат. Из второлинейных войск было сформировано 29 ландверных и 15 эрзац-резервных дивизий.

Заметим здесь, что второлинейные части (всех воюющих государств) в августе — сентябре 1914 года практически не использовались.

Французская армия. Также комплектовалась на основе воинской повинности. Сроки службы: действительной — 3 года (до 1913 г. — 2 года), в резерве — 11 лет, в территориальной армии — 7 лет, в резерве территориальной армии — 7 лет. Резерв служил для пополнения войск до штатов военного времени.

Численность армии мирного времени — 863 000 человек (с колониальными войсками), резерва — 993 000 человек, территориальной армии — 719 000 человек, территориального резерва — около 400 000 человек. Общее число военнообязанных достигало 4,5 миллионов человек.

Структура территориальная (19 европейских корпусных округов, алжирский и колониальный корпусные округа). Всего 163 линейных полка, 30 отдельных шестиротных батальонов, 10 африканских полков, 5 батальонов и 8 рот. Итого 618 батальонов и 8 рот (51,5 счетных дивизии). Конницы 79 европейских, 10 африканских полков, 2 отдельных африканских эскадрона, всего 447 эскадронов. Кроме того, 42 полка было сведено в 19 бригад — по одной на европейских корпус, остальные составили 8 (по закону от 07.08.1913 г. — 10) кавалерийских дивизий. Полевой артиллерии 690 батарей или 2798 орудий.

Европейские корпуса двухдивизионные (кроме двух трехдивизионных). Колониальный — трехдивизионный, алжирский — четырехдивизионный.

По мобилизации создавалось 145 резервных полков и большое число резервных батальонов самого разнообразного состава, что доводило французские перволинейные войска до 1121 батальона, 550 эскадронов, 4648 орудий (с крепостной артиллерией и батареями береговой обороны) из которых 84 орудия тяжелой полевой артиллерии (по батарее на корпус), 56 000 офицеров и 1 800 000 солдат. Таким образом, Франция выставила 47 полевых, 26 резервных дивизий, 12 резервных бригад — итого 79 перволинейных дивизий. Второлинейные войска [497] образовывали 13 отдельных территориальных дивизий. Мобилизовано 2 575 000 солдат и офицеров.

Армия Великобритании. Страна имела наемную армию, комплектуемую по вербовке. Добровольцы служили от 3 до 8 лет (обычно 7 лет), после чего от 4 до 9 лет служили в резерве и 4 года в территориальных войсках. Армию мирного Времени составляли 157 европейских батальонов (82 на островах, 75 в колониях) и 138 индийских батальонов, 31 кавалерийский европейский полк (17 в метрополии) и 50 кавалерийских индийских полков. Всего — с индийскими войсками — 409 800 человек, 1236 орудий, не считая крепостной артиллерии, из них 126 гаубиц. Из них в Европе 132 050 человек, 678 легких и 24 тяжелых орудия. По мобилизации численность войск в Европе составила 566 778 человек при 1352 орудиях.

Русская армия. Армия комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности с многочисленными «исключениями». Срок службы — 3 года в пехоте и пешей артиллерии,

4 — в других родах войск. Армия мирного времени составляла 1 423000 человек (1252 пехотных батальона, 113,5 дивизий, 37 корпусов). В запасе находилось 3 115 000 человек. Вместе с 800 000 ратников они образовывали перволинейные войска. Второлинейных войск удалось собрать около 1 200 000. Кавалерия — 93 полка регулярной и 19 иррегулярной конницы, всего 112 полков или 658 эскадронов. Сформировано 22 дивизии и 2 отдельные бригады. Артиллерия — 442 кадровых, 210 формируемых при мобилизации, 32 запасных легких батареи, 24 кадровых, 36 формируемых при мобилизации тяжелых батарей. Дополнительно — 214 горных, конных, гаубичных батарей. Итого 7030 орудий.

Бельгийская армия. Армия укомплектована на основе всеобщей воинской повинности с еще большим числом исключений, нежели русская. Срок действительной службы — 15 месяцев. Срок службы в резерве — 11 лет и 9 месяцев. Армия мирного времени состояла из 117 батальонов и 72 эскадронов (12 из них — запасные). Артиллерия 164 четырехорудийных полевых батареи (656 орудий), 81 крепостная батарея. Всего — около 100 000 человек. При мобилизации создавалось 72 пехотных батальона, что доводило армию до 175 тысяч человек. [498] Высшая оперативная единица, как в военное, так и вмирное время — дивизия. Бельгийская армия насчитывала таковых семь (одна кавалерийская, шесть пехотных).

Дополнительной надежной информации по Австро-Венгерской и Сербской армиям отыскать не удалось.

4. Вооружение.

С практической точки зрения особого различия между техническим оснащением армий августа 1914 г. не было.

Таблица 5. **Стрелковое вооружение**

Оружие	Состояло на вооружении	Калибр	Дальность (прицельная/предельная)	Носимый и возимый запас
Пехотное магазинное ружье 1898 г.{-1}	Германия	7,9 мм	2000/4000 м	375
Пулемет Максима	Германия	7,9 мм	2000/4000 м	12000
Пехотное магазинное ружье 1886 г.	Франция	8,0 мм	2000/4400 м	296
Пулемет Гочкиса{-2}	Франция	8,0 мм	2000/4400 м	???
Пехотное ружье Ли-Энфельда	Великобритания	7,57 мм (0,303 дм)	2200/4400 м	450
Пулемет Максима	Великобритания	7,57 мм (0,303 дм)	2200/4400 м	???

Пехотное ружье Маузера 1869	Бельгия	7,65 мм	2000/4000 м	285

{-1}. Кроме пехотного ружья, войска каждой страны имели на вооружении кавалерийские карабины с теми же тактико-техническими данными.

{-2}. На практике в войсках всех стран находились пулеметы всевозможных систем (чаще всего — системы Максима). [499]

Таблица 6. **Артиллерийское вооружение**

Орудие	Состояло на вооружении	Калибр	Дальность	Носимый и возимый запас	Примечание
Легкая пушка образца 1896 г.	Германия	77 мм	8000	372	Скорострельная, безоткатная, щитовая, унитарный патрон, граната
Легкая гаубица образца 98/09	Германия	105 мм	6000 м - граната, 7000 м -шрапнель	224	Скорострельная, безоткатная, щитовая.
Тяжелая гаубица{-1}	Германия	150 мм	7500 м	432	Скорострельная, безоткатная
Тяжелая мортира	Германия	210 мм	8.000 м	77	Скорострельная безоткатная
Легкая пушка	Германия	105 мм	10300 м – граната, 8300 м – шрапнель	372	Скорострельная безоткатная
Легкая 75-мм пушка	Франция Бельгия	75 мм	8500 м	522	Скорострельная безоткатная щитовая
Горная пушка 1906 г.	Франция	65 мм	5000 м	522	
Легкая гаубица Римольо	Франция	155 мм	6000 м	???	Скорострельная разборная
18-фунтовая пушка 1908 г.	Великобритания	82,5 мм (3,3 дм)	5000 м	498	Только шрапнель, скорострельная
13-фунтовая пушка	Великобритания	75 мм (3 дм)	5000 м	540	Только шрапнель, скорострельная
4,5-дм стальная гаубица	Великобритания	112,5 мм	7000м	250	

60-фунтовая стальная пушка	Великобритания	125 мм	7000м	254	

Сверх этого на вооружении противников находилось множество устаревших артиллерийских орудий самых разнообразных калибров.

{-1}. На 01.08.1914 г. в вооруженных силах Германии насчитывалось 2076 тяжелых орудия, что вдвое больше, нежели во всех остальных армиях, вместе взятых (Россия — 240 орудий, Франция — 688 орудий, Бельгия — 85 орудий, Австро-Венгрия — 168 орудий).

5. Силы сторон в августе 1914 г.

Таблица 7

Государство	Полевых дивизий	Полевых корпусов	Резервных дивизий	Всего стрелковых дивизий	Кав. Дивизий
Германия	50	25	29	79	11
Австро-Венгрия	49,5	19	8	57,5	12
Итого	**99,5**	**44**	**37**	**136,5**	**23**
Великобритания	4	2		4	1
Сербия	11			11	1
Бельгия	6			6	1
Франция	47	22	32	79	12
Россия	56,5	27	24	80,5	23
Итого	**124,5**	**51**	**56**	**180,5**	**38**

(Приведены первоочередные войска — полевые и резервные, 2 бригады приравнены к дивизии. Германские ландверные бригады не включены.)

Данная таблица включает в себя данные о частях и соединениях, развернутых на фронтах (Западном, Восточном и Балканском) по окончании мобилизации. В ней не учтены германские ландверные части и соединения и второочередные русские дивизии. Еще раз подчеркнем, что в связи с различным штатным составом дивизий и еще более разнообразной степенью их укомплектованности личным составом, к подобным таблицам следует относиться как к сугубо ориентировочным.

В комментариях к книге Б. Такман мы решили не останавливаться подробно на соотношении сил на море, поскольку эта тема, требующая отдельной достаточно объемистой статьи, практически не затронута автором. В дальнейших книгах серии мы, разумеется, вернемся к этому вопросу. Пока достаточно сказать, что флот Германии по ударным кораблям примерно вдвое превосходил по силе объединенный флот России, Австро-Венгрии и Франции, но более чем в полтора раза уступал Королевскому флоту Великобритании. По легким и транспортным силам превосходство Англии еще было в большей степени подавляющим. В результате союзники имели неоспоримое господство

на море, могли вести блокадные операции и изолировать центральные державы от источников промышленного сырья и продовольствия.

Приложение III.

Мобилизация и развертывание

Мобилизация постоянных армий противников прошла весьма гладко, что не в последнюю очередь объясняется осуществлением ряда необходимых военных мероприятий (прежде всего, в Бельгии, в несколько меньшей степени в Германии и Франции) до формального объявления состояния войны. Английский флот начал и закончил мобилизационные мероприятия за трое суток до вступления Великобритании в войну (и до начала официальной мобилизации в Германии и Франции). Английская армия, напротив, опоздала с осуществлением мобилизационных мероприятий и закончила их лишь 7 августа — на двое суток позднее завершения французской и германской мобилизации, что для профессиональной армии следует считать совершенно неудовлетворительным результатом.

Сосредоточение войск к границам. Западный фронт.

Германские войска начали перевозки 7 августа, и к 10 — 11 августа главная масса войск уже прибыла на свои места (перевозки резервных корпусов продолжались до 17 числа). Затем до 20 августа прибывали в армейские районы второочередные части, предназначенные для этапной и тыловой службы.

Французские перевозки начались на сутки раньше — 6 августа, основные силы сосредоточились к 13 августа. Необходимость перегруппировки (см. ниже) задержала перевозки до 19 числа, второочередные части прибывали в течение всего августа. [503]

Кроме перволинейных войск, с 5 по 13 августа были перевезены 81, 82, 84 резервные дивизии (группа д'Амада), территориальные части Парижского гарнизона (83, 85, 86, 89 дивизии и 185 бригада). Были также перевезены 14 и 15 корпуса с итальянской границы.

(Сосредоточение войск Германия провела значительно быстрее и эффективнее, нежели Франция, что обусловливалось более удачным начертанием железнодорожной сети. С 1904 г. центр связности германских железных дорог на Западе постоянно смещался к северу: от Меца к Триру. Прокладывались новые рельсовые линии и подъездные пути, строились воинские платформы. Только за полтора последних предвоенных года в развитие железнодорожной инфраструктуры Германия вложила 452 миллиона марок. Все железные дороги региона, в том числе — Люксембургские, управлялись Германским Генеральным штабом.)

Бельгийская армия, ввиду своевременной отдачи мобилизационных приказов, густоты железнодорожной сети и незначительности расстояний, закончила перевозки к 6 августа.

Английский экспедиционный корпус начал посадку на суда лишь 9 августа (потеряв напрасно не менее недели). 11 августа началась перевозка войск на Булонь, Гавр, Руан — ежедневно выходило 13 судов общим тоннажем порядка 52 000 тонн. К 17 августа переброска экспедиционного корпуса завершилась, и к 20 числу он был перевезен по французским железным дорогам в район сосредоточения (Мобеж). Можно согласиться с Ланрезаком, что англичане не очень спешили.

Сосредоточение войск к границам. Восточный фронт.

В отношении сроков мобилизации Центральные державы на Восточном ТВД значительно опережали Россию. Перевозки основных сил 8-й германской армии закончились уже к 10 августа. Позднее (к двадцатым числам августа) был сосредоточен в Силезии ландверный корпус Войрша.

Развертывание Австро-Венгрии было затруднено «маятникообразным» характером движения корпусов 2-й армии, которые первоначально были направлены против Сербии. Таким образом, из 17 армейских корпусов австрийцы направили на русский фронт 12 и несколько отдельных дивизий. Реально к [504] 20 августа (день, который принято считать днем завершения сосредоточения и начала активных действий) Австро-Венгрия развернула на русском фронте 35 пехотных, 10 кавалерийских дивизий и 7 ландверных бригад. Ожидалось прибытие еще 7,5 пехотных и 1 кавалерийской дивизии, но оно произошло уже в сентябре. Заметим, что построив стратегический «маятник», австрийцы не смогли извлечь из этого никакой практической пользы: операции на Балканах развивались довольно медленно, в то время как 2-я армия была жизненно необходима в Галиции. В результате ее все равно пришлось снимать, решающего успеха она достигнуть не успела, зато сосредоточение стратегического эшелона «А» в Галиции было задержано на 5 суток, а эшелона «В» на 10 суток.

Очень трудно составить ясное представление о развертывании русской армии. Перевозки начались в первых числах августа и продолжались, видимо, до конца октября. К 17 — 19 августа было перевезено и сосредоточено около 75% сил, выделенных для первоначальные операций. Остальные силы подходили по мере развертывания Восточно-Прусской и Галицийской битвы и были, насколько можно судить, введены в дело в течение первой декады сентября. (Например, ко 2 сентября на фронт 4-й русской армии прибыли 18-й и Гвардейский армейские корпуса, части 80-й, 82-й, 83-й дивизий, а всего 6 дивизий). На сентябрь и октябрь падает переброска войск с Дальнего Востока и из внутренних регионов Империи (сибирские, туркестанские корпуса), которые сыграли свою роль в Варшавско-Ивангородской, Карпатской, Лодзинской операциях.

Стратегическое развертывание на Западном фронте.

Германские армии выполняли свое развертывание на бельгийской и французской границах под прикрытием кавалерийских частей, «Льежской армии» Эммиха, 8-го, 16-го, 21-го, 15-го, 14-го армейских корпусов.

Всего германские армии развернули на 380-километровом фронте от Крефельда до Мюльгаузена 7 армий и отдельный отряд:

1-я армия генерал-полковника фон Клюка (2-й, 3-й, 4-й, 3-й резервный, 4-й резервный корпуса, 210 000 человек) сосредоточилась к северо-востоку от Аахена. [505]

2-я армия генерал-полковника фон Бюлова (гвардейский,

7-й, 9-й, 10-й, гвардейский резервный, 7-й резервный, 10-й резервный, 2-й кавалерийский корпуса, 260 000 человек) развернулась в районе Мальмеди, южнее Аахена.

3-я армия генерал-полковника фон Хаузена (11-й, 12-й саксонский, 19-й саксонский, 12-й резервный саксонский, 1-й кавалерийский корпуса, 160 000 человек) были сосредоточены южнее Сен-Вита в районе Нейебурга.

Итого в трех армиях Правого крыла 10 армейских, 6 резервных, 2 кавалерийских корпуса, 630 000 человек.

4-я армия герцога Альберта Вюртембергского (6-й, 8-й, 18-й,

8-й резервный, 18-й резервный корпуса, 180 000 человек) развертывались в районе Трира и на территории Великого Герцогства.

5-я армия кронпринца германского (5-й, 13-й, 16-й, 5-й резервный, 6-й резервный, 4 кавалерийский корпуса, 33-я резервная дивизия, дивизия Меца, гарнизон крепости Мец, 230 000 человек) была собрана в районе Дидингофен, Мец, Саарбрюкен.

Итого в двух армиях Центра 6 армейских, 4 резервных корпуса, 2 отдельные резервные дивизии, 1 кавалерийский корпус, всего 410 000 человек.

6-я армия кронпринца Рупрехта баварского (1-й баварский, 2-й баварский, 3-й баварский, 21-й, 1-й баварский резервный и 3-й кавалерийский корпуса, 200 000 человек) занимала позиции по Саару.

7-я армия генерал-полковника Геерингена (14-й, 15-й, 14-й резервный корпуса, дивизия Страсбурга, гарнизон Страсбурга, 140 000 человек) находилась в районе Страсбург-Мюльгейм.

Эльзасский отряд генерала Геде (55-я, 1-я и 2-я баварские ландверные дивизии и ландверный полк, всего 20 000 человек) обороняла Верхний Эльзас.

Итого в двух армиях Левого крыла 6 армейских, 2 резервных корпуса, 4 резервные дивизии, кавалерийский корпус, всего 360 000 человек.

Кроме этого, к 20 августа было сосредоточено 6,5 эрзацре-зервных дивизий (в полосе Левого крыла), 14 ландверных бригад, предназначенных для несения тыловой службы (три в 1-й, две во 2-й, одна в 3-й, 4-й, 6-й и 7-й, пять — в 5-й армиях), 4 пехотных и 7 ландверных полков — всего около 200 000 человек. [506]

На границе с Данией был оставлен 9-й резервный корпус и 3 полка морской пехоты. Позже они были отправлены на фронт.

Всего немцы развернули 22 полевых, 12 резервных, 4 кавалерийских корпуса, около 18 резервных и ландверных дивизий (считая две бригады за дивизию), 1 600 000 человек.

Союзные армии развернулись на Эльзас-Лотарингской и Бельгийской границах под прикрытием 7-го, 21-го, 20-го, 6-го, 2-го армейских корпусов, 8-й, 6-й, 2-й, 4-й кавалерийских дивизий.

Французские войска образовали на 345-километровом фронте Бельфор-Гирсон пять армий, и одну отдельную группу территориальных дивизий:

Группа территориальных дивизий д'Амада (81-я, 82-я, 84-я дивизии, 60 000 человек) образовывала завесу на линии Дуэ — Лилль — Аррас — Армантьер.

5-я армия генерала Ланрезака (1-й, 2-й, 3-й, 10-й, 11-й корпуса, 4-я кавалерийская дивизия, 52-я, 60-я резервные дивизии, 250 000 человек) собиралась в обширном районе Гирсон —

Сюип — Ретель, имея за своим левым флангом 4-ю группу резервных дивизий (51-я, 53-я, 69-я — 60 000 человек), а перед фронтом 1-й кавалерийский корпус. Всего в оперативном подчинении или соподчинении 5-й армии 320 000 человек.

4-я армия генерала де Лангля де Кари (12-й, 17-й, колониальный корпуса, 9-я кавалерийская дивизия) развертывалась между верхним течением Марны и Аргоннами.

3-я армия генерала Рюффе (4-й, 5-й, 6-й — трехдивизионный, корпуса, 7 кавалерийская дивизия, 3-я группа резервных дивизий: 54-я, 55-я и 56-я, 72-я резервная дивизия, как гарнизон крепости Верден, всего 200 000 человек) развернулась в районе Вердена и южнее.

2-я армия генерала Кастельно (9-й, 15-й, 16-й, 18-й, 20-й корпуса, 2-я и 10-я кавалерийские дивизии, 1 группа резервных дивизий: 58-я, 63-я и 66-я, 57-я и 71-я резервные дивизии, как гарнизоны Туля, всего 300 000 человек) заняла район Туль — Невшато.

1-я армия генерала Дюбая (7-й, 8-й, 13-й, 14-й, 21-й корпуса, 6-я и 8-я кавалерийские дивизии, 1-я группа резервных дивизий: 58-я, 63-я и 66-я, 57-я и 71-я резервные дивизии, как гарнизоны Бельфора и Эпиналя, 320 000 человек) сосредотачивалась в районе Эпиналя. [507] Всего французы развернули 21 корпус, 10 кавалерийских, 24 резервных, 4 территориальных дивизии, 1 325 000 человек. Африканский 19-й корпус прибыл во Францию лишь частью сил, остальные его дивизии еще перебрасывались из Алжира.

Британская армия фельдмаршала Френча (1-й, 2-й корпуса, кавалерийская дивизия, всего около 70 000 человек) сосредоточилась в районе Мобежа. (4-я дивизия была посажена на суда лишь 23 августа и присоединилась к главным силам уже после Приграничного сражения.)

Бельгийская армия (6 дивизий, 117 000 человек в полевых войсках, до 175 000 человек вместе с гарнизонами крепостей) развернулась в треугольнике Льеж-Намюр-Брюссель.

Всего союзники развернули 54 полевых, 24 резервных, 13 кавалерийских дивизий. Грубо они превосходили немцев на 3 активных корпуса.

Неадекватность равномерного французского развертывания реальной оперативной ситуации выяснилась с первых же дней мобилизации. Когда мы говорим о крахе «Плана №17», мы как-то упускаем из виду, что этот план, представляющий собой не более, чем набор благих пожеланий, никто и не пытался выполнить. Распад этого плана произошел не в ходе Приграничного сражения, но еще в ходе мобилизации.

К концу первой недели августа стало понятно, что французское наступление в центре запаздывает по отношению к немецкому наступлению на севере. В результате еще до начала боевых действий начала складываться опасная обстановка для французов в Арденнах: немецкое Правое крыло «затеняло» 5-ю армию, выходя ей на открытый фланг. В течение всей следующей недели Ланрезак пытается обратить на это внимание командования. Лишь 14 августа ему было разрешено вытянуть левый фланг армии за Мезьер — на 15 км к северу.

Однако следующей ночью незначительное столкновение в районе Динана открывает Жоффру глаза, и он отдает новую директиву левофланговым армиям.

5-й армии приказано передать 4-й армии 11-й корпус, 52-ю и 60-ю резервные дивизии, 4-ю кавалерийскую дивизию и перейти в район Мариембург — Филиппвиль. В ее состав переходит кавалерийский корпус Сорде и 4-я группа резервных дивизий. В состав 5-й армии назначен также 18-й корпус, который с 17 августа перебрасывается из-под Туля в район Мобежа. В результате структура 5-й армии — 4 корпуса и 5 отдельных [508] дивизий, не имеющих корпусных учреждений, становится сложной для управления.

Усиленной 4-й армии предписывается изготовиться к наступлению с линии Седан-Монмеди в направлении на Невшато. В ее состав был назначен 9-й корпус из Лотарингии, но смогла прибыть лишь одна дивизия этого корпуса с корпусными частями, вторую заменили марокканской дивизией из Марселя.

Данная перегруппировка (в ходе которой перемешивались составы армий и даже корпусов) продолжалась до 22 августа. Одновременно происходила перегруппировка и в центре: 3-й армии было приказано, оставив против Меца 3-ю группу резервных дивизий генерала Дюрана, наступать на Лонгви. Группа была усилена 67-й резервной дивизией из Шалона, причем взаимоотношения группы с командованием армией не были определены приказом. 19 августа Жоффр конструирует из группы Дюрана и еще четырех резервных дивизий «армию Лотарингии», дав ей приказ начать осаду Меца. В войска этот приказ поступил лишь 21 августа, когда уже началось Приграничное сражение, поэтому трудно сказать, в какой мере он был выполнен.

Перегруппировка французских армий может рассматриваться, как чистейшая импровизация, плохо задуманная и еще хуже осуществленная. Рюффе имел полное право сказать, что операции спланированы хуже в 1870 году. Подобная потеря решающих темпов на стадии развертывания войск могла и должна была иметь своим результатом быструю катастрофу союзных армий. За то, что такой катастрофы не произошло (или, вернее, она имела ограниченные масштабы), союзники должны благодарить судьбу и генерал-полковника Мольтке.

За время перегруппировки французские войска усилились восьмью резервными и тремя активными (африканскими) дивизиями. Немецкие армии также получили усиление: 9-й резервный корпус с частями усиления был переброшен с датской границы под Антверпен. Льеж и Брюссель пали, Намюр был осажден, бельгийская армия понесла тяжелые потери и отошла к Антверпену.

Таким образом, к началу Приграничного сражения союзные войска имели следующее распределение сил:

Против германского Правого крыла (36 дивизии) — группа д'Амада, Бельгийская армия, английская экспедиционная армия, 5-я армия — всего 27 дивизий. [509]

Против германского Центра (23 дивизии) — 4-я и 3-я французские армии — 28 дивизий.

Против германского Левого крыла (24 дивизии) — 2-я и 1-я французские армии — 29 дивизий. (Учтены германские второочередные части, французские резервные дивизии и три дивизии африканского корпуса.)

Стратегическое развертывание на Восточном фронте.

Германия развернула в Восточной Пруссии 8-ю армию генерал-полковника фон Притвица (1-й, 17-й, 20-й, 1-й резервный корпуса, 3-я и 35-я резервная, 1-я кавалерийская дивизии,

1-я ландверная дивизия, несколько бригад и отдельных батальонов ландвера, 190 000 человек при 1044 орудиях, из которых 156 тяжелых). Общее число счетных дивизий — 15. (По другим данным 173 000 бойцов и 794 орудия. Разница, по-видимому, вызвана учетом или неучетом крепостных гарнизонов и артиллерии Кенигсберга.)

На южном фланге 8-й армии, в качестве связующего звена между германскими и австро-венгерскими силами был развернут ландверный корпус генерала Войрша (30 000 человек, 72 орудия).

Всего против русского Северо-Западного фронта — 17 пехотных, 1 кавалерийская дивизии, 1116 орудий, 220000 человек.

Австро-Венгрия развернула с севера на юг три армии и две боевые группы: группа Куммера (2,5 пехотных, кавалерийская дивизия, 106 орудий, 50 000 человек) сосредотачивалась в районе Кракова. 1 армия генерала Данкля (1-й, 5-й, 10 корпуса, всего 9,5 пехотных, 2 кавалерийских дивизии, 468 орудий, 228 000 человек) развертывались в районе Сенява, Ниско. 4 армия генерала Ауффенберга (2-й, 9-й, 6-й, 17-й, 1-й корпуса, всего 12 пехотных, 3 кавалерийских дивизии, 462 орудия, 250 000 человек) собрана у Перемышля.

Всего против северного крыла Юго-Западного фронта австрийцы имели 24 пехотных, 6 кавалерийских дивизий, 528 000 человек и 1036 орудий.

3 армия генерала Брудермана (11-й, 3-й, 12-й корпуса, всего 8 стрелковых, 3 кавалерийских дивизии, 482 орудия, 160 000 человек) обороняет Львов.[510]

Группа Кевеса — (3,5 пехотных, 2 кавалерийских дивизии, 448 орудий, 70 000 человек) — прикрывает фланг развертывания у Тарнополя.

Итого против южного крыла Юго-Западного фронта — 11,5 пехотных, 5 кавалерийских дивизий, 230000 человек, 930 орудий.

Всего против русского Юго-Западного фронта — 35,5 пехотных, 11 кавалерийских дивизий, 1966 орудий, 758 000 солдат.

Явная нехватка сил в группе Кевеса вынудила австрийцев уже в ходе боев перебрасывать на русский фронт 2-ю армию Бен-Ермоли, первоначально действующую против Сербии. Она была окончательно сосредоточена лишь 7 сентября 1914 г.

Итак, на Восточном фронте Центральные державы смогли собрать 52,5 пехотных, 12 кавалерийских дивизий, 978 000 человек, 3082 орудия.

Против этих сил в двух группировках было сосредоточено шесть русских армий:

1-я армия генерала Ренненкампфа (3-й, 4-й, 20 армейские корпуса, 5-я стрелковая бригада, 1-я, 2-я, 3-я кавалерийская дивизия, 1-я кавалерийская бригада — всего 6,5 пехотных, 5,5 кавалерийских дивизии, 402 орудия, около 100 000 человек) развернута по реке Неман в районе Ковно;

2-я армия генерала Самсонова (1-й, 2-й, 6-й, 13-й, 15-й, 23-й армейские корпуса, 1-я стрелковая бригада, 4-я, 6-я, 15-я кавалерийские дивизии, всего 11 пехотных, 3 кавалерийских дивизии, 702 орудия, 150 000 человек) действует с фронта Грод-но-Осовец.

В процессе развертывания имела место некоторая путаница и передача корпусов из армии в армию (2-й корпус был передан из 2-й армии в 1-ю).

Итого собрано против Германии в составе Северо-Западного фронта генерала Жилинского 17,5 пехотных, 8,5 кавалерийских дивизии, 1104 орудия, 250 000 солдат.

4-я армия генерала Зальца (14-й, 16-й и Гренадерский корпуса — всего 6,5 пехотных, 2,5 кавалерийских дивизии, 426 орудий, 109 000 человек) прикрывала Люблинское направление.

5-я армия генерала Плеве (25-й, 19-й, 5-й, 17-й армейские корпуса, всего 8 пехотных, 2,5 кавалерийских дивизий, 456 орудий, 147 000 человек) была собрана у Ковеля.

В северном крыле русского Юго-Западного фронта 14,5 пехотных, 5 кавалерийских дивизий, 882 орудия, 256 000 человек. [511]

Развертывание.

3-я армия генерала Рузского (21-й, 11-й, 9-й, 10 корпуса, всего 12 пехотных, 4 кавалерийских дивизии, 685 орудий, 215 000 человек) наступала из района Дубно.

8-я армия генерала Брусилова (7-й, 12-й, 8-й, 24-й корпуса, всего 10 пехотных, 3 кавалерийских дивизии, 472 орудий, ; 139 000 человек) образовывала южный фланг сосредоточения в районе Проскурова.

В южном крыле русского Юго-Западного фронта — 22 пехотных, 7 кавалерийских дивизии, 1157 орудий, 354 000 человек.

Итого против Австро-Венгрии — 34,5 пехотных, 12 кавалерийских дивизий, 2039 орудий, 610 000 солдат.

Всего на Восточном фронте русские собрали 52 пехотных и 20,5 кавалерийских дивизий, 3.143 орудия, 860 000 солдат.

Значительных перегруппировок до конца первого этапа операций русские не производили, но вновь прибывающие резервные корпуса и дивизии направлялись на угрожаемые участки. В результате к концу августа на северном крыле Юго-Западного фронта была образована новая 9-я армия генерала Лечицкого в составе 12 дивизий. (Армия эта начала приобретать форму в середине августа, когда стало ясно, что вступление в войну Англии и Японии дало возможность уменьшить число войск, предназначенных для охраны Балтийского побережья и Дальнего Востока. Формально 9-ю армию формировали в районе Варшавы, боевой задачей для которой были наступление на Познань и Бреславль. Реально Великий Князь воспользовался удачной конфигурацией железных дорог в русской Польше и сосредоточил новое крупное оперативное соединение в Варшаве, откуда его можно было быстро перебросить туда, где возникала потребность резко изменить характер боевых действий.)

Приложение IV. **Баланс сил в августе — сентябре 1914 г.**

Таблица 1. **Баланс сил на Западном фронте в августе — сентябре 1914 г.**

Группир. войск	Воюющие стороны	15 авг.	22 авг.	28 авг.	04 сен.

Правое крыло	Германия	32	36	23	18
Союзники{-1}	12	27	29	31	
Центр	Германия	20	23	23	26
Союзники	32	28	21	25	
Левое крыло	Германия	20	24	24	24
Союзники	30	29	25	23	
Всего в боевой линии	Германия	72	83	70	68
Союзники	74	84	75	79	
Вне боевой линии	Германия	0	0	9	11
Союзники	0	0	10	10	
Всего на ТВД	Германия	72	83	79	79
Союзники	74	84	85	89	

{-1}Во всех таблицах указано число расчетных пехотных дивизий на соответствующем участке фронта. Кавалерия не учитывается. Бригада считается за 0,5 дивизии.)

Вне боевой линии находятся 6 бельгийских дивизий, гарнизон Мобежа (принятый за 3 дивизии), гарнизон Живе (принятый за 1 дивизию) у союзников, 3-й и 9-й резервные корпуса, осаждающие Антверпен, 7-й корпус, осаждающий Мобеж, одна дивизия в Льеже, одна на берегу Мааса, одна в районе Живе.

Причины изменения баланса с 15 по 22 августа

Германия: прибытие ландверных бригад и девятого резервного корпуса с датской границы.

Союзники: 1. сосредоточение у Мобежа английской армии, завершение переброски алжирского корпуса из Африки, мобилизация четырех резервных дивизий;

2. переброска на север основных сил 5-й армии;

3. перераспределение сил между армиями.

Причины изменения баланса с 22 по 28 августа

Германия: 1. выделение на восточный фронт двух корпусов;

2. выделение частей на блокаду Антверпена, Мобежа, Живе,

для охранной службы в Льеже, на Маасе и пр.

Союзники: 1. переброска 4-й английской пехотной дивизии,

блокада группировок войск в Антверпене, Мобеже, Живе;

2. формирование 6-й армии (Монури) и переброска ее в район Амьена;

3. переброска сил из района Эльзаса-Лотарингии в полосу Правого крыла.

Причины изменения баланса с 28 августа по 04 сентября

Германия: выход 3-й армии в полосу «Центра» в связи с общим смещением расположения германских армий к востоку, оставление в тылу ландверных бригад.

Союзники: переброска корпуса, мобилизация резервных дивизий. [514]

Таблица 2. **Баланс сил на Восточном Фронте в августе — сентябре 1914 г.** (Для 15 августа данные расчетные. Нештатный состав австро-венгерских дивизий не учтен.)

Оперативные направления	Воюющие стороны	15 авг.	22 авг.	28 авг.	04 сен.
Восточная Пруссия	Германия	13	17	17	19
Россия	13,5	17,5	17,5	22	
Люблинское направление	Австро-Венгрия	20	21,5	25	17,5
Россия	11J5	14,5	16	26,5	
Львовское направление	Австро-Венгрия	9,5	10,5	17,5	29
Россия	20	22	22	26	
Всего на ТВД	Центр, державы	42,5	49	59,5	65,5
Россия	45,1	54	55,5	74,5	

Причины изменения баланса с 15 по 22 августа

Германия: завершение мобилизации ландверных и крепостных частей 8-й армии, сосредоточение ландверного корпуса Войрша.

Австро-Венгрия: завершение мобилизации второочередных дивизий 1-й и 4-й армии, начало сосредоточения группы Кевеса.

Россия: доведение дивизий Северо-Западного фронта и Правого крыла Юго-Западного фронта до штата, завершение сосредоточения 8-й армии.

Причины изменения баланса с 22 по 28 августа

Австро-Венгрия:

1. ввод в боевую линию группы Кумера;
2. частичное сосредоточение против Левого крыла русского Юго-Западного фронта 2-й армии Бен-Ермоли с Балканского ТВД.

Россия: усиление 4-й армии резервами.[515]

Причины изменения баланса С 28 августа по 04 сентября

Германия:

1. переброска двух корпусов с Западного ТВД;
2. переброска корпуса Войрша с Восточно-Прусского на Люблинское направление.

Австро-Венгрия:

1. завершение сосредоточения 2-й армии;
2. переброска девяти дивизий 5-й армии Ауфенберга на Львовское направление (подготовка к Городокскому сражению).

Россия:

1. разгром 2-й армии Самсонова;
2. формирование 10-й армии на Восточно-Прусском направлении (шесть дивизий);
3. развертывание 9-й армии на Люблинском направлении;
4. усиление 4-й армии шестью резервными дивизиями;
5. усиление Левого крыла Юго-Западного фронта четырьмя дивизиями.

Таблица 3. **Баланс сил в Европе в августе — сентябре 1914 г.**

ТВД		15 авг.	22 авг.	28 авг.	04 сен.
Западный	Германия	72	83	79	79
Союзники	63	84	85	89	
Франция	57	74	74	78	
Бельгия	6	6	6	6	
Великобритания		4	5	5	
Восточный	Германия	13	17	21	21
Австро-Венгрия	29,5	32	42,5	44,5	
Центр, державы	42,5	49	63,5	65,5	
Россия	45,1	54	55,5	74,5	
Балканский	Австро-Венгрия	11	18	11	11
Сербия	12	12	12	12	
Весь ТВД	Центр, державы	125,5	150	153,5	155,5
Союзники	120,1	150	152,5	175,5	

Изменение австрийских сил на Балканском ТВД расчетное и учитывает переброску семи дивизий 2-й армии. В реальности эта армия никогда не была полностью сосредоточена на Балканском фронте и перебрасывалась как в Сербию, так и в Галицию эшелонами. Практически на все указанные даты около половины войск этой армии находились между театрами военных действий. Некоторые разночтения с таблицей 7 Приложения 2 вызваны тем, что в данном балансе учтены второочередные германские и австро-венгерские ландверные части и выброшены полностью потерявшие боеспособность и не допускающие восстановления соединения сторон (прежде всего, это относится к русским корпусам, разбитым под Танненбергом).

Приложение V.

Комментарии к операциям августа 1914 года.

Мировой кризис 1914 года: очерк стратегического планирования

Многое навсегда ушло из истории с залпами «салюта наций», прозвучавшими одиннадцатого ноября 1918 года, — слишком многое, чтобы мысли историка не обращались снова и снова к событиям Мирового кризиса.

Дело не только и не столько в человеческих жертвах Великой войны и не в огромных материальных и финансовых потерях. Хотя эти потери многократно превысили осторожные подсчеты довоенных теоретиков, называть их «неисчислимыми» или «превосходящими человеческое воображение» неоправданно. В абсолютных цифрах людские потери были меньше, нежели от эпидемии гриппа 1918 — 1919 годов, а материальные — уступали последствиям кризиса 1929 года. Что же касается относительных цифр, то Первая Мировая война не выдерживает никакого сравнения со средневековыми эпидемиями чумы. Тем не менее именно вооруженный конфликт 1914 года воспринимается нами (и воспринимался современниками) как страшная, непоправимая катастрофа, приведшая к психологическому надлому всю европейскую цивилизацию. В сознании миллионов людей, даже не задетых войной непосредственно, течение истории разделилось на два независимых потока — «до» и «после» войны. «До войны» — свободное общеевропейское юридическое и экономическое пространство (лишь политически отсталые страны — вроде царской России — унижали свое достоинство паспортным и визовым режимом), непрерывное развитие «по восходящей» науки, техники, экономики; постепенное, но неуклонное расширение личных свобод. «После [518] войны» — развал Европы, превращение большей ее части в конгломерат мелких полицейских государств с примитивной националистической идеологией; перманентный экономический кризис, метко прозванный марксистами «общим кризисом капитализма», поворот к системе тотального контроля над личностью (государственного, группового или корпоративного).

Само по себе это уже обозначило характер следующей войны — Второй Мировой — и послевоенного «холодного мира».

Данный очерк предлагает вашему вниманию нетрадиционный подход к изучению событий военной истории. Исследуя события Первой Мировой войны, мы постараемся «распаковать» их смысл. Для этого нам придется принять неумолимую логику развития антагонистического межцивилизационного конфликта. Логику, воплощенную в столкновении идей, картин мира и стратегических планов сторон. Логику, проявляющуюся во взаимодействии отдельных людей — вершителей судеб и исполнителей воли противостоящих эгрегоров.

Чаще всего военно-исторические труды — либо мемуары, либо аналитические обзоры. Для мемуаров характерно построение автором своей собственной личной Вселенной, имеющей иногда очень мало точек соприкосновения с тем, что мы зовем действительностью. В этом случае работа мемуариста — это конструирование Отражения{74}, комфортного для автора. [519]

Заметим, что практически всегда «официальные истории» носят мемуарный характер и написаны в стиле:

> «Да! Мы победили, хоть и была сильна Неправедной Силой ведома — Та сторона...» (Райан, Толкиенистский «эпос».)

История же аналитическая склонна отклонять официальные версии или, по крайней мере, «проверять их на всхожесть». Это создает иллюзию объективности у всех, не исключая и авторов. Однако, на мой взгляд, именно эта претензия на объективность является главным недостатком «аналитиков».

«Мемуаристы по крайней мере осознают, сколь случаен был исход многих боевых эпизодов. Постоянно ища оправдание сделанным ошибкам, они не могут отделаться от мыслей: «Все могло быть по-другому. Если бы тогда я прислушался к мнению Х... Если бы я не повернул к востоку от Парижа... Если бы я вышел в море на час раньше...» «Аналитики» же настолько увлечены желанием объяснить случившееся как единственно возможное, что отказывают случайности (равно как и субъективным факторам) в праве на существование и делают далеко идущие выводы из совершенно недостаточных предпосылок. [520]

1. Структура конфликта

Обычно рассказ о политическом аспекте истории Первой Мировой войны начинают с аннексии Германией Лотарингии и Эльзаса. Находясь в безнадежном военном положении, Франция была принуждена подписать мирный договор, который даже немцы не считали сколько-нибудь справедливым. Аннексии, против которой возражал Бисмарк, персонифицирующий политическое руководство новоявленной империи, требовали — и добились — победители из Прусского Генерального штаба. Свои резоны имелись у обеих сторон.

Франция — в лице правительства, парламента и народа — отказалась признать захват Эльзаса и Лотарингии.

Это означало, что отныне при любых правительствах и при любых обстоятельствах Париж будет вести последовательную антигерманскую политику, причем тяга к возвращению утраченных территорий станет во Франции национальной сверхидеей, если не национальной паранойей. Само по себе это, конечно, делало неизбежной (в более или менее отдаленном будущем) новую франко-германскую войну, но никак не предрешало ее общеевропейского характера.

Надо заметить, что, поставив своей непременной целью возвращение восточных департаментов (и ориентировав соответствующим образом пропаганду), Франция не проявила должной государственной мудрости. Ее политика стала предсказуемой. Это означало, что вне всякой зависимости от авторитета своей армии и степени экономического процветания Франция перестала быть субъектом международной политики и сделалась ее объектом. Грамотно используя ограничения, которые «великая цель» возвращения Эльзаса накладывала на внешнеполитические акции Третьей Республики, Францией стало возможно манипулировать. Но в таком случае французская политика должна быть признана несамостоятельной и говорить о германо-французских противоречиях как о причине или даже одной из причин Первой Мировой войны нельзя.

Внимательно посмотрев на довоенную политическую карту Европы, мы увидим, что объяснить характер и происхождение Мирового кризиса 1914 года, отталкиваясь от геополитических интересов стран — участниц конфликта, невозможно. Германия играет в

Мировой войне роль нападающей стороны, не имея вообще никаких осмысленных территориальных притязаний. [521]

(Идеологи пангерманизма говорили, разумеется, об аннексии Бельгии, русской Польши и Прибалтики, но как серьезная политическая цель эти завоевания никогда не рассматривались, поскольку теории «жизненного пространства» еще не существовало, а с геополитической точки зрения пространство империи и без того было избыточным. Что же касается требования о переделе колоний, то сомнительно, чтобы оно вообще когда-либо выдвигалось{75}.) Франция, выступающая под знаменем реванша и возврата потерянных территорий, напротив, обороняется. Россия, которой исторической судьбой уготовано южное направление экспансии (Зона проливов и Ближний Восток), планирует операции против Берлина и Вены. Пожалуй, только Турция пытается (правда, безуспешно) действовать в некотором соответствии со своими геополитическими целями.

Сравним эту ситуацию с русско-японской войной 1904 — 1905 годов. В этом конфликте экономические интересы стран сталкивались в Корее и Маньчжурии. Японские острова перекрывали русскому флоту выход в Тихий океан. С другой стороны, географическое «нависание» Российской империи над Японией сдерживало японскую экспансию в любом стратегическом направлении. При сильном русском Тихоокеанском флоте Япония не могла продвигаться ни на континент, ни к южным морям, ни к архипелагам островов центральной части Тихого океана. Эффект «стратегической тени» был продемонстрирован Японии сразу же после заключения победного для нее Симоносекского договора с Китаем.

Перед нами типичный геополитический конфликт, когда ни одна из сторон не может достигнуть своих внешнеполитических целей без подавления другой. Такой конфликт не вел фатально [522] к войне: Япония могла не решиться на чрезвычайно рискованное нападение. В этом случае она осталась бы второразрядной державой.

Стремление Японской империи к активной внешней политике (обусловленное логикой борьбы за источники сырья и рынки сбыта) спровоцировало развитие конфликта и переход его в военную стадию. Заметим, что, несмотря на всю ожесточенность боевых действий на море и на суше, война рассматривалась обеими сторонами как ограниченная. Ни для Японии, ни тем более для России преобладание в Корее и на Тихом океане не было вопросом выживания. Потому Россия и заключила благоприятный для Японии мир, далеко не исчерпав своих возможностей продолжать военные действия. Война закончилась, как только ее стоимость превысила в глазах России значимость конфликта.

Итак, в случае русско-японской войны стороны действовали в соответствии со своими геополитическими интересами. Возникший конфликт они решили в форме ограниченной войны.

В Первой Мировой войне стороны действуют если не прямо вразрез собственным интересам (Германия, Австро-Венгрия), то во всяком случае «перпендикулярно» им (Россия). Результат разрешения возникшего конфликта — всеобщая война и крушение цивилизации. Разумно предположить, что этот конфликт вообще не имел геополитической природы.

Ортодоксальный марксизм, объясняющий происхождение Великой Войны экономическими причинами — прежде всего острейшей конкурентной борьбой между Германией и Великобританией, вероятно, ближе к истине, нежели геополитическая концепция. Во всяком случае, британо-германское экономическое соперничество

действительно имело место. Резкий рост промышленного производства в Германии (при сравнительно низкой стоимости рабочей силы) серьезно подорвал позиции «мастерской мира» на рынках и вынудил правительство Великобритании перейти к протекционистской торговой политике. Поскольку преференционные тарифы для стран Британской империи (идея Джозефа Чемберлена) провести через парламент не удалось, протекционизм привел к заметному увеличению «транспортного сопротивления» империи. Это не могло не повлиять на состояние финансово-кредитной мировой системы с центром в Лондоне и опосредованно — на мировую систему торговли. Между тем именно положение «мирового перевозчика» [523] обеспечивало Великобритании экономическое процветание и политическую стабильность.

На рубеже веков Германия переходит к строительству огромного военного и гражданского флота. Пользуясь поддержкой со стороны государства, крупнейшие немецкие судоходные компании (ГАПАГ и «Норддойчланд Лайн») выходят на первое место в мире по суммарному тоннажу судов водоизмещением более 5000 тонн. Суда этих компаний последовательно завоевывают самый престижный в торговом судоходстве приз — Голубую ленту Атлантики. Речь идет, следовательно, о самой основе экономического и политического могущества Великобритании — о «владении морем».

Экономическое содержание структурного конфликта, приведшего к Первой Мировой войне, очевидно. Увы, именно в данном случае динамика экономических показателей выступает лишь отражением более глубоких социальных процессов. В конечном счете Великобритания заплатила за участие в войне цену, неизмеримо превышающую все реальные или надуманные потери от немецкой конкуренции. За четыре военных года мировые финансово-кредитные потоки, ранее замыкавшиеся на лондонское Сити, переориентировались на Уолл-стрит. Следствием стало быстрое перетекание английских капиталов за океан. Великобритания начала войну мировым кредитором. К концу ее она была должна Соединенным Штатам более 8 миллиардов фунтов стерлингов. (Для сравнения — совокупные затраты Великобритании в ходе «дредноутной гонки» 1907 — 1914 годов не превышали 50 миллионов фунтов.)

Разумеется, финансовые круги в Великобритании прекрасно оценили ситуацию и выступили в 1914 году против вступления страны в войну. (Равным образом, категорическими противниками войны были германские промышленники.) Иными словами, легенда о «заговоре банкиров против мира» не выдерживает критики. Вообще, обосновывать неограниченную войну торговыми, финансовыми или иными деловыми причинами — не слишком серьезно...

«Вещи, которые поважнее мира и пострашнее войны», редко обусловлены меркантильными причинами и обычно определяются психологией масс, то есть — в рамках воззрений К. Юнга — носят архетипический характер. Ожесточенность, с которой сражались народы, указывает на то, что речь шла не о [524] деньгах, не о сравнительно ничтожных территориальных приобретениях, не о политическом престиже. Так защищают свой очаг, свой образ жизни, свою культуру.

Колоссальные успехи цивилизации в XIX столетии были прежде всего успехами Великобритании, «мастерской мира». Во всей английской литературе викторианской эпохи подчеркивается невозмутимая гордость англичанина своим отечеством.

Но «владеющий преимуществом обязан атаковать под угрозой потери этого преимущества». И нелегко осознать эту обязанность — снова и снова рисковать

кораблями, людьми, честью, судьбой народа — для того, чтобы только сохранить достоинство, гордость, цивилизационный приоритет.

Германия за вторую половину XIX века превратилась из конгломерата третьестепенных государств в сверхдержаву. Скорость ее экономического развития значительно превысила английские темпы. На рубеже веков немцы впервые почувствовали себя великой нацией с великим будущим.

Таким образом, в качестве основного вопроса войны выступает вопрос о цивилизационном приоритете — о праве на лидерство, по сути о владении миром. (Разумеется, здесь «владение» следует понимать, не как оккупацию, а, скорее, в духовном смысле. Некогда Сатана показал Христу «все царства земные» и сказал: «Поклонись мне, и ты будешь владеть ими». Разговаривая с Сыном Божьим, Князь Тьмы тоже не имел в виду «чечевичную похлебку» завоевания.)

Конфликт дополнительно усугублялся тем, что Британская и Германская империи принадлежали к разным цивилизациям.

Это утверждение выглядит достаточно неожиданным, однако его подтверждает весь ход войны. В конце концов, как было показано А. Тойнби, именно межцивилизационные конфликты отличаются максимальной ожесточенностью.

Когда речь идет о судьбе того уникального транслятора между информационным пространством и Реальностью, который мы называем своей цивилизацией, никакая цена не кажется чрезмерной.

Исследуя семиотическую культуру Третьего рейха, Бержье и Понель пришли к выводу о ее магическом характере. Под маской машинной, рационалистической, западной цивилизации таилась совершенно иная — чуждая нам — структура. Интуитивно ощущая это, многие авторы связывали германский фашизм со средневековьем. Однако это не более чем упрощение, попытка найти подходящее слово для обозначения объекта, у которого [525] нет и не может быть имени. Таким же упрощением является и формула Бержье: нацизм есть магия плюс танковые дивизии.

Определение структуры магической цивилизации гитлеровской Германии выходит за рамки данной работы. Разумно, однако, поставить вопрос: неужели развитая чужая цивилизация могла быть создана за неполные полтора десятилетия нацистского господства? Не будет ли более естественным предположить, что ее формирование началось задолго до Гитлера? В конце концов, «Общество Туле» было создано еще при Кайзере...

Сложность в том, что немецкая цивилизация по очень многим параметрам близка к классической западной. (Поэтому всегда есть соблазн объяснить отклонения как ошибки или преступления.) Можно даже сказать, что в статике эти цивилизации совпадают. Различие — в динамике. Германская цивилизация изначально содержала значительно большую долю Хаоса{76}, нежели европейская. Потому она быстрее развивалась. Потому она была менее устойчивой, с явно прослеживающимися тенденциями к социальному суициду.

Представить немцев, олицетворение порядка, параграфа, закона, как обитателей Хаоса, трудно. Однако поставим вопрос: почему это именно немцы, и именно на границе веков, то есть на вершине своего развития, стали карикатурным воплощением дисциплины?

— Будет ли в Германии революция?

— Нет, потому что революции в Германии запрещены распоряжением Кайзера.

— Разве вы умеете водить самолет? [526]

— Согласно пункту первому параграфа третьего раздела седьмого Инструкции немецкий офицер обязан уметь все.

Видимо, именно такие (смешные с точки зрения внешнего наблюдателя) попытки «упорядочить Хаос» поддерживали связь государства и нации с упорядоченной Реальностью.

Заметим здесь, что умный и наблюдательный Блок называет германский гений «сумрачным», то есть неясным, неопределимым, и противопоставляет его «острому галльскому смыслу».

Итак, две цивилизации, одна из которых стала великой, а другая хотела ею стать, столкнулись в схватке не на жизнь, а на смерть. Схватке, ставкой в которой была будущая картина мира{77}.

Из-за отсутствия необходимого понятийного аппарата (формализмов теории информации, кибернетики, теории систем Л. фон Берталанфи, теории квазиобъектов, описывающих структуры массового бессознательного) подобный анализ в принципе не мог быть проведен в начале столетия. Это означало, что люди того времени были обречены на непонимание ситуации. В сущности, даже самые информированные из них видели лишь надводную часть айсберга. Исследуя события Великой войны, мы все время должны иметь это в виду.

2. Фон Шлиффен и германский план войны на суше

Конфликты цивилизаций развиваются десятилетиями. В Мировой кризис 1914 года страны вступили по-разному, но ни одна из них не была вправе назвать себя неподготовленной. [527]

Подготовка государства к войне включает военное планирование, создание и обучение армии и флота, развитие экономики. И, наконец, мобилизацию духовных сил нации. Эти задачи, разумеется, должны решаться совместно.

Поскольку мы определили Первую Мировую войну как межцивилизационный конфликт, движущими силами которого были Великобритания и Германская империя, мы будем рассматривать структуру этой войны прежде всего как результат взаимодействия германского и английского стратегических планов.

Задача, стоявшая перед графом Альфредом фон Шлиффеном, начальником Германского Генерального штаба, была исключительно тяжелой. После заключения франко-русского соглашения 1894 года война на два фронта превратилась из эвентуальной возможности в неизбежность. При этом военные возможности Франции были сравнимы с германскими, в то время как Австро-Венгрия в схватке «один на один» сражаться с Россией была не в состоянии. Использование же сухопутных сил третьего союзника — Италии — было затруднено по географическим соображениям.

Первые наброски плана войны на два фронта принадлежали еще старшему (великому) Мольтке. Собственно, Мольтке, который все свое стратегическое планирование строил на железнодорожных картах, описал основополагающий принцип решения задачи: воспользовавшись мобильностью, которую обеспечивали одиннадцать сквозных железнодорожных линий, связывающих Западный и Восточный театры военных действий, разгромить войска противников поочередно.

Это означало, что Германия должна стремиться к быстротечной военной кампании, союзникам же было выгодно затягивание ее. Подготовку театра военных действий (ТВД) стороны осуществляют в соответствии с этим принципом.

Франция отгораживается от Германии линией крепостей Туль — Эпиналь — Бельфор — Верден. Россия принимает в качестве оборонительной меры более широкую железнодорожную колею (что практически лишает немцев возможности использовать русскую железнодорожную сеть) и эвакуирует западный берег Вислы. Германия всемерно улучшает работу железных дорог и вкладывает деньги лишь в две крепости — Кенигсберг на востоке и Мец на западе. При этом обе они мыслятся как укрепленные лагеря, взаимодействующие с активными полевыми войсками. [528]

Важнейшей проблемой Шлиффена был выбор направления первого удара. Затяжная мобилизация в России вынудила Германский Генеральный штаб поставить первоочередной задачей разгром Франции. Тем самым подразумевалось, что немцы готовы пойти на риск потери Восточной Пруссии и, возможно, всей Австро-Венгрии.

Оправдать такой риск могла только быстрая и полная победа над Францией. Вошедшая во все учебники военного искусства оперативная схема 1870 года не устраивала Шлиффена по причине медлительности. Добиться своего «идеального конечного результата» Шлиффен мог только за счет осуществления операции на окружение.

Собственно, сейчас под «шлиффеновским маневром» понимается едва ли не любая операция на окружение. В этом немалая «заслуга» самого Шлиффена, назвавшего свой классический труд «Канны» и постоянно ссылавшегося на опыт Ганнибала.

> «Битва на уничтожение и сейчас может быть дана по плану, предложенному более двух тысяч лет назад...»

Не имея — по условиям местности и составу сил — возможности произвести двойной обход, Шлиффен принял асимметричную оперативную схему. Главный удар наносился правым крылом. Это крыло, развернутое на 2/5 протяженности Западного фронта, включало 73% всех наличных сил Германии. Шлиффен создавал колоссальное оперативное усиление. Активный — Западный — ТВД получал 7/8 войск, причем 5/6 из них направлялись на активный участок.

План Шлиффена последовательно логичен:

1. Война с Францией неизбежна.

2. В сложившихся политических условиях это может быть только война на два фронта.

3. При заданном соотношении сил единственная возможность выиграть такую войну — это разгромить войска противников по частям, воспользовавшись преимуществом, которое предоставляют действия по внутренним операционным линиям.

4. По условиям и местности быстрая победа над русской армией невозможна. Следовательно, первый удар должен быть нанесен на Западе.

5. Французская армия должна быть разгромлена до полного развертывания сил русских. Это может быть осуществлено только в рамках операции на окружение. [529]

6. Ввиду нехватки сил маневр на окружение должен быть асимметричен.

7. Французская линия крепостей не может быть быстро прорвана и, следовательно, должна быть обойдена.

8. Такой обход можно провести только через нейтральную территорию — Бельгию или Швейцарию. По условиям местности второй вариант неприемлем.

Шлиффен пришел к выводу о необходимости нарушить нейтралитет Бельгии, гарантированный всеми великими державами, в том числе самой Германией и Великобританией.

Итак, план Шлиффена подразумевал вступление в войну Великобритании, крайне негативную позицию США и иных нейтральных стран. К вооруженным силам противников Германии (и без того превосходящих немецкие) добавлялись шесть бельгийских дивизий и три крепостных района — Льеж, Намюр, Антверпен. «Сдавалась» противнику Восточная Пруссия, Галиция, Эльзас с Лотарингией, Рейнская область. Пожалуй, ни одна операция не требовала такого серьезного обеспечения и не подразумевала столь огромного риска. И все это — только ради выигрыша темпа!

Дело в том, что при всех остальных вариантах шансов на победу не было вообще. Здесь же выигрыш темпа мог трансформироваться в нечто более реальное:

1. По окончании развертывания Правого крыла шесть бельгийских дивизий попадали под удар 35 — 40 немецких и должны были быть списаны со счета (вместе с крепостными районами). Германия получала возможность пользоваться богатой дорожной сетью Бельгии и Фландрии.

2. Марш-маневр правого крыла приводил к захвату побережья Фландрии и в дальнейшем — портов Ла-Манша, что создавало угрозу Англии.

3. В течение десяти-двенадцати дней движение армий правого крыла должно было осуществляться в оперативном «вакууме» — при полном отсутствии сопротивления противника. За это время обходящее крыло, усиленное резервами, успевало развернуться на линии франко-бельгийской границы, выходя на фланг частям союзников.

4. В этих условиях контрманевр противника неизбежно запаздывал. Превосходящие немецкие силы все время выходили бы во фланг войскам союзников, угрожая их тылу и заставляя [530] прерывать бой. Отступление союзных армий происходило бы в условиях сильного флангового давления и, следовательно, неорганизованно. Союзные войска, стремясь выскользнуть из-под удара, вынуждены были бы отступать на юг, затем — на юго-восток, что не могло не привести к перемешиванию войск и окучиванию их юго-восточнее Парижа.

5. Французская столица, являющаяся важным узлом дорог, политическим и духовным центром Франции, захватывалась в ходе операции без боя.

6. Итогом наступательного марш-маневра через Бельгию и Северную Францию должно было стать колоссальное сражение, которое союзникам пришлось бы вести с «перевернутым» фронтом юго-восточнее Парижа. Это сражение, начатое немцами в идеальной психологической и стратегической обстановке, могло привести к разгрому союзных армий. Последние были бы отброшены на восток или северо-восток и уничтожены главными силами армии во взаимодействии с войсками немецкого левого крыла.

Итак: «Пусть крайний справа коснется плечом пролива Ла-Манш. Равнение направо, слева чувствовать локоть».

Расчет операции по времени: развертывание — 12 дней, марш-маневр через Бельгию и Францию — 30 дней, решающее сражение — 7 дней, «прочесывание» территории и уничтожение остатков армии союзников — 14 дней. Всего 9 недель. Переброска сил на Восток могла начаться между 36-м и 42-м днями операции.

План Шлиффена был шедевром, но он требовал от исполнителей геометрической точности и отчаянной смелости. От Генерального штаба он требовал еще и тщательной проработки деталей.

Первой проблемой была общая нехватка сил для задуманного маневра. Шлиффен решил ее простым и революционным путем: составил из резервистов старших призывных возрастов резервные корпуса и включил их в боевую линию.

Трудности представляли ключевые фортификационные сооружения Льежа и Намюра, которые нужно было взять не быстро, а очень быстро, поскольку Льеж входил в зону оперативного развертывания 1-й германской армии. Оперативно эта задача была решена созданием (из соединений мирного времени) виртуальной «льежской армии», которая предназначалась [531] для решения одной-единственной задачи — штурма Льежа — И расформировалась сразу после ее выполнения. Технически подвижность «льежской армии» обесточивалась приданием ей парка сверхтяжелых артиллерийских орудий (выполнено уже при Мольтке).

В плане Шлиффена основополагающую роль играла геометрия исполнения. Ведущей силой наступления должна была стать правофланговая армия (в 1914 году — 1-я армия фон Клюка). В движении на запад, юго-запад, юг-юго-запад и юг она должна была опережать другие армии Правого крыла (в 1914 году — 2-я армия фон Бюлова и третья Хаузена), так же, как те должны были обгонять армии Центра. Практически на первом этапе операции все армии двигались по дугам концентрических окружностей, причем центр этих окружностей лежал где-то в южных Арденнах. При этом путь, который предстояло пройти 1-й армии, был вдвое больше пути 3-й армии и в четыре раза превосходил протяженность маршрута 5-й армии. Это подразумевало либо «торможение» центральных армий, либо огромный (свыше 40 км в сутки) темп движения 1-й армии. В противном случае 1-я армия начинала отставать, превращаясь из ударной группы во фланговое прикрытие (против несуществующего противника), центр выпячивался вперед, и вся партитура наступления разваливалась.

Шлиффену необходимо было любой ценой выиграть время. Нужно было замедлить продвижение центральных армий и ускорить темпы операции на правом фланге.

Первая задача решалась легко.

Шлиффен до предела ослабил войска не только в Эльзасе — Лотарингии, но и в Арденнах. Он предполагал, что противник начнет две наступательные операции: вторжение в Эльзас по соображениям психологического порядка и наступление в Арденнах по соображениям стратегическим. Шлиффен отдавал себе отчет в том, что его грандиозный обходный замысел станет в общих чертах известен противнику. У французов было два возможных ответа:

1. Отказавшись от всякой идеи наступления, принять чисто оборонительный план. Вложить крупные денежные средства в модернизацию крепости Лилль и развернуть армии северного фронта на линии Верден — Лилль — побережье.

Такая схема, предложенная генералом Мишелем, была разумна, хотя при том оперативном усилении, которое планировал [532] Шлиффен, она могла оказаться недостаточной. В любом случае принятие ее было маловероятно по политическим соображениям (национальная паранойя с Эльзасом).

2. Проверить на практике шахматный принцип: фланговая атака отражается контрударом в центре. Наступлением крупных сил через Арденны выйти на коммуникации армий немецкого правого крыла и обезвредить их; при благоприятной обстановке самим осуществить операцию на окружение, прижав неприятельские войска к голландской границе.

Именно эта стратегическая идея легла в основу французского плана развертывания (Плана № 17).

Хотя наступление союзников в Арденнах выглядело для немцев очень опасным, Шлиффен его всячески приветствовал. Этот удар останавливал армии центра и даже заставлял их податься назад, что исправляло немецкую оперативную геометрию. Между тем «короткий путь» по бездорожью Арденн требовал для армий начала века больше времени, нежели «длинный путь» по бельгийским дорогам. По мысли Шлиффена, союзники должны были бы проигрывать темп в Бельгии быстрее, нежели выигрывать его в Арденнах.

(Кроме природных условий свою роль в этом замедлении темпа должна была сыграть и крепость Мец, занимающая фланговое положение относительно арденнского маневра союзных войск.)

Но задержка центра — лишь одно (и но существу — негативное, в том смысле, что непосредственно к достижению цели не приводит) звено маневра. Шлиффену нужно было обеспечить максимальную подвижность правого крыла. На уровне тактики эта задача была решена включением в состав полевых войск (в качестве наступательного оружия!) тяжелой гаубичной артиллерии. Мне представляется, что в этом заключена техническая основа плана Шлиффена. Штатное включение тяжелой артиллерии в состав корпусов дало немцам решающее тактическое преимущество в бою.

Итак, правофланговые армии имели возможность легко подавить сопротивление неприятельских арьегардов и двигаться в свободном пространстве. Оставалась, однако, проблема непрерывных тяжелых маршей.

Если и можно говорить о просчетах графа Шлиффена, то именно в решении этой задачи. Идея частичной механизации — использования автотранспорта — для ускорения движения армий [533] правого крыла — напрашивалась... Пройдя мимо этой

возможности, Шлиффен допустил ошибку, в общем-то незначительную, в условиях августа 1914 года неожиданно ставшую решающей.

Психологические особенности плана Шлиффена

Альфред фон Шлиффен принадлежал к тому редкому психологическому типу, для которого характерны точное и глубокое понимание времени (в войне — темп операции, ритм), склонность к созданию алгоритмов, описанию и осуществлению последовательности действий, направленных на разрешение во времени некоторой системы противоречий (в войне — стратегическое и оперативное планирование).

Он обладал мышлением системным, глубоким, точным, скорее стратегическим, нежели тактическим (видит общее, а не частное).

Такие люди, как правило, смелы и азартны.

Качества эти были скрыты у Шлиффена под маской холодной замкнутости и аристократизма, но прорывались в дискуссиях, играх, в характере стратегического планирования.

Шлиффен готов пойти на страшный риск, поскольку отчетливо видит, что при «более правильных» и «менее рискованных» действиях выигрыша нет.

(Другой знаменитый своими военными заслугами человек подобного же психологического и умственного склада, адмирал японского флота Исироко Ямомото, в ответ на фразу:

> «Весь ваш план — это азартная игра», не отрываясь от партии в го, заметил:
> «Угу. И я выиграю».

Эти слова важны для оценки плана Шлиффена. О нем можно сказать много хороших слов, но объективно он был азартной игрой. Говорят, что план Шлиффена можно было выполнить только в том случае, если бы германскими войсками командовали «боги», а французскими — «идиоты». Это, разумеется, не так. Точнее было бы сказать: если бы немцы принимали в ходе осуществления плана «правильные» решения, а французы — «естественные». При этом немцы изначально имели то преимущество, что «правильные» ходы были им известны: Шлиффен их нашел, просчитал и тщательно [534] выверил. «За доской»- немцам следовало аккуратно воспроизводить «домашний анализ», в то время как французы вынуждены были бы импровизировать.

Шлиффену был, конечно, знаком основной парадокс планирования, заключающийся в том, что противник, как правило ведет себя не так, как требуется в его лучших интересах. Поэтому он старался создать идеальный план, практически вообще не зависящий от действий противника. Это ему удалось, но психологически дорогой ценой. По сути, Шлиффен на тридцать пять — сорок дней подвешивала войну, оставляя и своих, и чужих в состоянии неопределенности, психологически очень тяжелом для человека, в особенности для человека военного.

Ситуация дополнительно усложнялась тем, что верховное командование германскими армиями принадлежало кайзеру Вильгельму II, человеку, чья психологическая устойчивостъ оставляла желать лучшего. Современные исследователи любят указывать на то, что командовал кайзер чисто номинально, реальной же властью обладал начальник

Генерального штаба. Это и верно и неверно одновременно. Германские уставы, несмотря на их пресловутую точность и обстоятельность, недостаточно четко определяли взаимоотношения командира и начальника штаба крупного соединения. Иногда первую скрипку играл командир, а начальник штаба низводился до роли регистратора приказов (1-я германская армия 1914 года — фон Клюк и Кюль), иногда вся реальная власть сосредотачивалась в руках начальника штаба (Гинденбург и Людендорф на всех постах), иногда управление делилось более сложным образом. Но при любом раскладе работают они совместно и настроение одного не может не отразиться на настроении другого. Во всяком случае, уверенный в себе и в ходе операции кайзер был значительно полезней для штаба и армии, нежели кайзер сомневающийся и растерянный.

И Шлиффен, организуя ежегодные маневры германской армии, все время дает кайзеру возможность насладиться победой. Выигрывает только та сторона, за которую «играет» кайзер. Позднее, уже после ухода Шлиффена в отставку, его преемник, Гелъмут Молътке, прекращает это развлечение:

«Маневры лишаются смысла, офицеры теряют к ним интереса». Шлиффен мог бы [535] заметить:

> «Интерес не важен. От них требуется выучить — на уровне подкорки — алгоритмы действий в стандартных ситуациях. Их не просят побеждать, их просят, не отвлекаясь V сторону и не внося отсебятины, выполнить простые инструкции. Что же касается кайзера, то мне нужна его уверенность в себе».

Если вы воспитываете от природы трусливую собаку, Вы — для начала — подсовываете ей для драки заведомо слабого противника. Шлиффен воспитывал своего кайзера.

Свою деятельность на посту начальника Генерального штаба Шлиффен полностью подчинил единственной цели — подготовке «геометродинамической» войны с Францией, первого плана общеевропейской войны. Можно сказать и больше — вся немецкая армия создавалась и воспитывалась только для осуществления асимметричной операции на окружение. Операции, в ходе которой противники Германии выигрывают все схватки, кроме одной — последней и решающей.

3. Лорд Фишер и английский план войны на море

Военные планы всегда носят отпечаток личности создателя. Английский план ведения войны связан с именем Первого лорда Адмиралтейства сэра Джона Фишера.

Джон Фишер начал службу на бывшем флагмане Нельсона «Виктори», и возможно, это событие, само по себе случайное, оказало влияние на всю историю XX столетия.

Нельсон — не только слава Англии, не только героическая смерть в разгар победоносного сражения и пример будущим поколениям моряков. Нельсон в значительной мере — это символ самой Великобритании.

Дело даже не в том, что великолепная Трафальгарская битва положила конец всяким попыткам Наполеона создать адекватные морские силы и организовать их высадку на Британских островах. Важнее было осознание Англией своей морской мощи, своей роли в охране морской торговли, своего ведущего места в мировой политике.

Фишер соприкоснулся с историей британской морской славы в тринадцать лет. Особенности личности обусловили у [536] Фишера сильное эмоциональное ощущение истории и своего места в ней. Это ощущение усилилось фактом службы на «Виктори», корабле, принадлежащем Истории.

Так Фишер обрел свою судьбу — сделать для своей Англии то, что для своей Англии сделал Нельсон.

Ироничный и циничный логик, Фишер, конечно, не собирался повторять жизненный путь Нельсона (и его героическую смерть). Он слишком хорошо знал французскую пословицу:

«Когда двое делают одно и то же — это не одно и то же».

И свою задачу Фишер определил как полную реорганизацию британского флота.

Оперативная ситуация к концу XIX века казалась просто великолепной: флот Великобритании — торговый и военный — не знал соперников на морях и океанах, промышленность был» на подъеме, международное положение страны — арбитра мира — не внушало никаких опасений.

Сейчас мы твердо знаем, что именно такая обстановка чревата катастрофой. (Тем забавнее наблюдать за сегодняшней Америкой, которая, кажется, поставила себе задачу совершить все ошибки, характерные для «страны-гегемона» и ни в коем случае не пропустить ни одной.) У Фишера не было необходимого исторического опыта, так что рабочую модель он, надо полагать, построил сам.

Оперативная обстановка на конец XIX — начало XX века по оценке Джона Фишера:

1. «Блестящая изоляция» Великобритании автоматически делает ее противником державы, претендующей на европейское или мировое господство.

2. Отклонение от этой политики, выразившееся в подготовке соглашения с Францией (заключено в апреле 1904 года), является тяжелой ошибкой. Это соглашение, не предоставляя Великобритании никаких дополнительных возможностей (конфронтация между Францией и Германией из-за Эльзаса — Лотарингии позволяла и без него направлять французскую политику в угодном Великобритании направлении), демонстрирует утрату страной уверенности в себе.

(Великобритания — владычица морей и лидер цивилизованного мира — должна была стремиться к союзу «делосского [537] типа» с откровенно слабыми государствами, никак не посягающими на прерогативы великой державы. С этой точки зрения "англо-японский морской союз был тогда вполне приемлем для Фишера — в отличие от Антанты.)

3. Развитие политической обстановки с деизбежностью приведет Великобританию к войне с Германией.

4. Эта война начнется с разгрома Франции и оккупации ее Территории.

(Здесь, как легко видеть, Фишер сходится со Шлиффеном. Более того, даже интересы их совпадают. Шлиффену нужен разгром Франции, чтобы получить шансы в дальнейшей борьбе против всего мира. Фишера поражение Франции устраивает с точки зрения долговременных интересов Британской империи. Кроме того, логика Фишера

противопоставляла сухопутной стратегии Шлиффена исконно английский ответ — блокадную морскую стратегию. Но в таком случае Фишер обязан был а своем планировании исходить из того, что сильнейшая сухопутная держава подавит своего противника в одной скоротечной кампании.

Перед нами ситуация, которую шахматисты назовут «столкновение дебютов». Обе стороны развертывают свои силы независимо и до поры до времени не обращают внимания на действия соперника.)

5. Последнее обстоятельство в известной мере благоприятно для Великобритании, поскольку устраняет негативные стороны англо-французского союза и дает возможность вернуться к прежней политике мирового лидера.

6. Для этого необходимо разбить Германию и восстановить Францию силами исключительно или почти исключительно Британской империи и зависимых от нее стран.

7. Таким образом, речь идет о последовательном использовании господства на море для полного разгрома противника, неоспоримо доминирующего на континенте.

8. Уничтожение экономической и военной мощи Германии должно быть произведено таким образом, чтобы косвенно нанести урон Соединенным Штатам Америки и вынудить их согласиться с ролью младшего партнера (уровня Японии). [538]

Может создаться впечатление, что подобный анализ носит ретроспективный характер и принципиально не мог быть про веден тогда. Но именно на рубеже веков создавалась классическая стратегия. В шахматах (которые, на мой взгляд, представляют собой более точную модель войны или, точнее говоря, механизма принятия решений на войне, чем это принято считать) это было сделано Стейницем и Таррашем{78}.

Теория войны на суше была создана старшим Мольтке и Шлиффеном. Задача разработки стратегии использования морской мощи выпала на долю Фишера.

Как мы видим, план Фишера был рассчитан на применение Германией формально континентальной стратегии (в развитие идей Бисмарка). Однако интеллект Альфреда Тирпица и амбиции Вильгельма II резко усложнили «игру». Готовясь к войне за европейское господство, Германия начала создавать флот.

Здесь, заметим, Шлиффен допустил серьезную ошибку. Его план на первом и важнейшем этапе не предусматривал взаимодействия с этим флотом. В результате в 1914 году армия делала одно, а флот — другое (вернее сказать, ничего — по крайней мере, полезного).

Нужно было быть Фишером, чтобы, руководя английским флотом, почувствовать опасность со стороны державы, которая сорок лет назад вообще не имела морских сил. Которая напрочь была лишена флотских традиций.

Пожалуй, в распоряжении Фишера был лишь один непреложный и очень тревожный факт: мы уже отмечали, что на рубеже веков «Голубая лента Атлантики» перешла от английских лайнеров к германским. В этом изолированном факте адмирал [539] увидел моральную устарелость могучего броненосного флота «владычицы морей».

До наших дней Фишера упрекают в том, что, начав в 1904 — 1907 годах «дредноутную революцию», он обесценил абсолютное превосходство своей страны как морской державы

и предоставил Тирпицу и Германии шанс. Эти критики не хотят понять, что даже без русско-японской войны и вызванной Цусимой переоценки ценностей создание турбинного броненосного корабля с однокалиберной артиллерией было неизбежно. Только, по логике исторического развития, реализоваться эта идея должна была в молодых флотах — германском, итальянском и американском. Великобритания же обречена была до конца цепляться за свое превосходство в старых броненосцах и быть последней в «дредноутной гонке». Фишера такой оборот событий не устраивал.

С момента спуска на воду «Дредноута» стратегические расчеты на море уступают место оперативному планированию: началась темповая игра.

Было очевидно, что если Великобритания и получила преимущество во времени, то оно незначительно: развитые судостроительные возможности Германии позволят ей быстро освоить постройку дредноутов. Поскольку все броненосцы предшествующих типов мгновенно устарели и превратились во вспомогательные корабли, прогнозировалось соотношение сил от 1 : 1 при неблагоприятных для Великобритании до 2 : 1 — в пользу английского флота при особо благоприятных для Британии обстоятельствах. Тем самым вопрос технической абсолютной блокады снимался с повестки дня.

Тирпиц принял вызов, назвав спешно создаваемый линейный флот Германии «Флотом Открытого Моря».

Итак, первым введя в строй дредноут, Фишер лишь избежал быстрого и полного поражения, вопрос же о возможности победы оставался открытым. Линейный флот обеспечивал оборону Великобритании (в том числе и в случае полного разгрома ее континентальных союзников). Но, как четко осознавал Фишер, он не был орудием наступления. Нужен был корабль для вытеснения противника с морских театров, корабль, который вынудил бы его поддерживать любые свои операции вне территориальных вод всем линейным флотом.

И параллельно с «Дредноутом» Великобритания создает «Инвинсибл», первый в мире линейный крейсер. [540]

Если создание «Дредноута» было практически неизбежным результатом эволюции класса эскадренных броненосцев, то «Инвинсибл» я склонен считать почти чистой фишеровской инновацией.

Гимн линейным крейсерам

Перефразируя высказывание Р. Шекли об Искаженном мире, можно сказать: мы называем их линейными крейсерами, хотя они вовсе не линейные и крейсерами не являются. Весь этот класс кораблей появился вследствие грандиозного замысла Джона Фишера, конструировавшего в 1906 году схему своего будущего Трафальгара.

Ироничное название battlecruiser, едва ли не мистификация... Крейсерские качества этих кораблей, прежде всего — дальность хода, были изначально принесены в жертву скорости и артиллерийской вооруженности.

Эти корабли разом обесценивали все усилия Тирпица по подготовке крейсерской войны. «Шарнхорсты» не смотрелись против «Инвинсиблов», что и было продемонстрировано в 1914 году у Фолклендских островов: «Quod erat demonstrandum», — заключил наглядный урок доктор Тарраш, очень любивший латинские изречения. Далее, один патруль

линейных крейсеров запирал все немецкие надводные корабли в Гельголандской бухте, превращая «Флот Открытого Моря» — во «Флот закрытой бухты». Действительно, легкие, универсальные, броненосные немецкие крейсера, как и броненосцы-додредноуты, не имели ни единого шанса против этого патруля. И это тоже было блистательно продемонстрировано в 1914 году. Теперь любую операцию надводных сил немцы были обязаны поддерживать линейными кораблями, что создавало возможность решающего эскадренного боя. И в этом бою именно линейные крейсера должны были обеспечить цусимский «crossing», охват головы неприятеля с последовательным помещением его кораблей в фокус эскадренного огня.

Иными словами, если на линейный флот была возложена задача обеспечения устойчивости боевой линии — как в оперативном, так и в стратегическом масштабе, то флот линейных крейсеров создавался для того, чтобы обеспечить подвижность и изменчивость ее. И, следовательно, выигрыш сражения. [541]

Фишера постоянно упрекают за недостаточное бронирование своих «battlecruiser'ов». Однако основана эта критика на непонимании оперативных замыслов, для осуществления которых создавались эти корабли.

Задача вытеснения кораблей противника с театра военных действий однозначно требовала размещения на кораблях максимального количества орудий главного калибра. Необходимость навязать бой противнику, задача охвата головы его эскадры, наконец, задача борьбы с быстроходными легкими крейсерами — все это требовало максимальной скорости и, соответственно, энерговооруженности корабля. Но при фиксированном — прежде всего по экономическим соображениям — водоизмещении решить эти задачи совместно можно было только за счет бронирования.

Это, разумеется, поднимало вопрос о цене победы. Основной удар в морском сражении должны были принять на себя слабозащищенные корабли. Очень дорогие корабли. Самые красивые корабли своего времени.

В создание «Инвинсибла» Фишер вложил столько выдумки и лукавства, что Тирпицу так и не удалось до конца разобраться в глубине его замысла. Во всяком случае, рефлекторная ответная реакция Германии оказалась неудачной.

Конечно, свою роль сыграла и шутка английской разведки с «Блюхером». И здесь таится первая загадка стратегического плана Фишера. Умный и информированный Конан Дойл прямо связал тяжелейшую ошибку германского Адмиралтейства с работой своего любимого героя. Ну, Холмс или не Холмс, но кто-то же передал немцам откровенную «дезу» по поводу вооружения «Инвинсибла». Это при том, что и слова такого: «деза» тогда не было.

Мне представляется, что если Фишер и не сам организовал эту разведывательную операцию, то, во всяком случае, он о ней знал. И с этого момента организация морской разведки и контрразведки становится его постоянной головной болью.

Что касается немцев, то они поверили информации о том, что «Инвинсибл» будет уменьшенной копией «Дредноута» — с 203-мм или 234-мм орудиями — прежде всего потому, что такой шаг показался им вполне логичным — будучи по определению крейсером, новый корабль должен был стать естественным [542] результатом развития обширного семейства английских броненосных крейсеров. Аккуратно мыслящий Тирпиц

не мог подумать, что Фишер решится на создание предельно несбалансированного ударного корабля.

«Блюхер» оказался самым несчастливым кораблем кайзеровского флота. Огромные средства были потрачены на создание прекрасного броненосного крейсера, который из-за существования у противника «Инвинсибла» не мог найти себе никакого применения и в результате бесполезно погиб.

Итак, «Инвинсибл» мгновенно обесценил и «Шарнхорст» с «Гнейзенау», и еще не готовый «Блюхер», вынудив германское Адмиралтейство принять какие-то меры, противопоставить английским линейным крейсерам свои. И здесь немцами была допущена решающая ошибка.

Тирпиц справедливо рассудил, что строить прямые подражания английским ЛКР невыгодно Германии. Отставая в линейном флоте, немцы не были заинтересованы в быстроходных кораблях, могущих при любых условиях втянуть противника в бой. То есть устойчивости боевой линии они вынуждены были дать приоритет над ее подвижностью. В результате немецкие линейные крейсера отставали по энерговооруженности от английских, причем со временем это отставание лишь возрастало. (Время от времени всплывающие данные о великолепных скоростных качествах немецких ЛКР: 28 узлов для «Мольтке», более 28 для «Дерфлингера» — имеют мало общего с реальностью. В боевых условиях немецкие ЛКР всегда отставали от английских того же поколения. При сколько-нибудь длительной погоне это отставание увеличивалось вследствие переутомления кочегаров.) В результате соединение Хиппера практически не могло действовать изолированно от основных сил «Гохзеефлитте». Но в таком случае оперативное назначение германских ЛКР становилось несколько туманным. По существу дела, немцам вообще не стоило создавать свои технические кентавры (ударные корабли, у которых, однако, оборонительная функция превалировала над наступательной). Вместо этого следовало сосредоточиться на постройке быстроходных линкоров.

Существовало, однако, гораздо более сильное решение. Думаю, Фишер, глубоко проработавший концепцию линейного крейсера и способы его применения, знал о нем и весь период с 1908 по 1914 год молил Бога, чтобы немцы не пошли по этому пути. [543]

Правильным ответом на ударный линейный крейсер, каким был «Инвинсибл», мог стать океанский линейный крейсер, у которого защита была бы принесена в жертву не скорости, но автономности. Подобно тому, как два «Инвинсибла» обесценили весь крейсерский флот Германии, два таких автономных рейдера обесценили бы весь британский флот защиты коммуникаций и вынудили бы английское Адмиралтейство использовать свои линейные крейсера для оборонительных функций (для которых, заметим, они были мало пригодны).

После того как Германия прошла мимо этой сильнейшей возможности, победа стала для Фишера делом техники.

В период с 1908 по 1912 год обе стороны играют на повышение ставок, быстро загибая вверх «главные последовательности» технических характеристик своих дредноутов и линейных крейсеров. Получив преимущество, Фишер атакует под угрозой потери этого преимущества. За «дредноутной революцией» следует «сверхдредноутная» — отказ от 12" калибра в пользу калибра 13,5". Как следствие, немцы вынуждены оставить излюбленное 280 мм орудие и перейти к калибру 305 мм. (Мало кто заметил, что «Орионы» по

существу выбросили на свалку истории первое поколение «дредноутов», обреченных вслед за броненосцами стать вспомогательными кораблями.)

По мере ухудшения международной обстановки нервозность усиливается. И без того скверный характер Фишера портится еще больше. Успех собственной разведывательной операции против немцев заставлял Фишера искать в любых, самых невинных событиях следы аналогичной германской акции. Пытаясь организовать борьбу с самой возможностью таких действий, Фишер прилагает усилия к созданию на флоте атмосферы взаимного контроля, иначе говоря доносительства. То есть теперь уже он — и притом на пустом месте — допускает решающую ошибку.

В этот период Фишер и Черчилль уговаривают друг друга пойти на откровенную авантюру — заказать постройку кораблей с 15" орудиями — орудиями, которых в тот момент еще не было не только в металле, но и на чертежных столах.

Успех этой сомнительной затеи заставляет меня вновь вспомнить великолепные комментарии Д. Бронштейна:

> «Иной раз волей-неволей приходится отдавать пешку или даже качество, фигуру — в этом есть резон, если вы видите, что нормальный ход борьбы приведет вас к тяжелой позиции». [544]

Защищая интересы дряхлеющей Британской империи, старый Фишер вложил в подготовку к войне энергию, волю и авантюризм юности.

4. Развертывание сил и борьба за союзников: 1905—1914 годы

Поверхностный анализ «столкновения дебютов» Шлиффена и Фишера наводит на мысль, что английский адмирал на один ход «пересчитал» оппонента. Действительно, план Фишера начинает свою разрушительную работу в тот момент, когда Шлиффен достигает цели. Единственное, что требуется Фишеру, — доказать приоритет «морской» стратегии над «сухопутной», заставив Германию сражаться против экономических возможностей всего остального человечества. (Что, заметим, полностью соответствует логике разрешения межцивилизационного конфликта.)

В действительности дело обстояло не так просто.

Оба плана базировались на неявном предположении, что страна вступает в войну при благоприятной политической обстановке.

Для Англии абсолютно необходимо было заручиться поддержкой России. В противном случае блокада Германии не была бы герметичной. Гранд Флит, конечно, превосходил по силам Флот Открытого Моря, и этого превосходства было достаточно, чтобы замкнуть Северное море. Его должно было хватить и на блокаду континентальной Европы. Но не всей же Евразии! По крайней мере, институировать войну в «вековой конфликт» в планы Фишера никак не входило.

Тонкость заключалась, однако, в том, что интересы России и Германии нигде не сталкивались. (Всерьез защищать концепцию, согласно которой Российская империя вступила в мировую войну из-за торгового конфликта с Германией по поводу хлебных пошлин, сейчас не взялся бы, наверное, и самый ортодоксальный марксист.) Тема страданий «братьев-славян» была в русском обществе достаточно популярна, но считать

реальной причиной войны выяснение отношений между Австро-Венгрией и южнославянскими народностями вряд ли уместно. Конечно, Россия могла пойти на все ради овладения зоной Проливов, но парадокс истории в том и заключался, что именно Великобритания была ее главным противником на пути к Константинополю. [545]

К тому же и откровенная помощь, которую Англия оказывала Японии во время войны 1904 — 1905 годов, не способствовала укреплению дружеских отношений между будущими партнерами по Антанте.

Почему-то никто, анализируя историю Первой Мировой войны, не обратил внимания на тот факт, что, заключая союзы с Францией и Англией, Россия, по существу, шла против собственных национальных устремлений. Английская дипломатия переиграла не только русскую, но и немецкую политику, создав Предпосылки для использования «русского парового катка» в своих собственных интересах.

Второй политической задачей Великобритании было создание благоприятного имиджа страны в глазах нейтральных государств (прежде всего США). Проблема здесь состояла в том, что фишеровская блокада резко ограничивала нейтральную торговлю. Здесь Фишер мог смело рассчитывать на двух человек — Шлиффена, который предрешил вступление немецких войск на территорию Бельгии и Люксембурга, и кайзера Вильгельма, чье довоенное красноречие немало способствовало превращению Германии в «империю гуннов».

Здесь надо отметить, что формирование Шлиффена как военного теоретика происходило в эпоху князя Бисмарка. Великий канцлер задолго до Черчилля выучил знаменитую формулу: «Война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным». Имея дело с такими высококлассными профессионалами, как Роон и Мольтке старший, он все же стремился к тому, чтобы военным оставалось лишь доделать начатую им работу. Б. Лиддел Гарт в «Стратегии непрямых действий» отмечает, что во всей военной истории трудно отыскать примеры большей беспомощности одной из сторон, нежели беспомощность Австрии в 1866 и Франции в 1870 году. Заметим, что во всех трех бисмарковских войнах Пруссия, по сути, была агрессором. Однако же в первом случае Бисмарк создал Пруссии имидж страны, защищающей нерушимость международных обязательств, а в двух других — спровоцировал нападение неприятеля на «бедную маленькую миролюбивую уступчивую» Пруссию.

Увы, Бисмарк был не только первым, но и последним великим немецким политиком. Его преемникам не хватало прежде всего гибкости. В результате Германия быстро потеряла союзные отношения с Россией, поссорилась с англичанами, а [546] к началу Мирового кризиса оказалась в хвосте австро-венгерской дипломатии: по сути, в Вене решали, вступать ли Берлину в войну!{79}

Для того чтобы обеспечить выполнение плана Шлиффена, от немецкой дипломатии требовалось подлинное искусство. Быть может, и сам Бисмарк не сумел бы корректно решить задачу «отмывки черного кобеля». Но во всяком случае Шлиффен был вправе ждать от Министерства иностранных дел хоть какого-то осмысленного содействия.

Если благоприятная позиция нейтральных держав представляла собой «непременное условие» выполнения плана Фишера, то для замыслов Шлиффена позитивное отношение нейтралов было не столь принципиально. Однако была одна страна, вступление которой в войну на стороне Германии было для него абсолютно необходимо. В той же мере, в которой участие России было необходимо Антанте. Речь идет об Италии.

Италия — это не только добавочные 25 дивизий (сомнительного, впрочем, качества), не только высвобождение значительных сил австро-венгерской монархии, не только второй фронт для Франции. Италия — это флот. Если Италия остается нейтральной или воюет на стороне Антанты, ее флот и флот Австро-Венгрии взаимно уравновешивают друг друга. Тогда французский флот, усиленный английской эскадрой, получает неоспоримое господство в Средиземном море.

Но если Италия выполняет свои обязательства по Тройственному союзу, ситуация выглядит по-иному: к концу 1914 года германский флот имеет в Средиземном море 8 дредноутов против 4 французских (худшего класса). Если же в результате разгрома Франции французские корабли будут затоплены (например, в Ту лоне), преимущество немцев на Средиземном море становится подавляющим, и они начинают всерьез угрожать важнейшим узловым точкам Британской империи — Гибралтару, Мальте, Александрии. 547

На этом рассуждении и основывался второй этап плана Шлиффена: английская блокада прорывается в Средиземном море. Англичане вынуждены либо отдать этот регион и потерять империю, либо перебросить туда не менее трети наличных сил Гранд Флита. При этом оставшихся сил для полной блокады не только Северного моря, но и французского побережья могло не хватить.

Именно здесь срабатывает «поправка Шлиффена» к идеям Фишера: поставить блокаду под сомнение периферийной (средиземноморской) стратегией. Шансы на успех этой операции (разумеется, при условии разгрома Франции и вступления в войну Италии) можно оценить, как «50 на 50». Очень многое зависело бы от баланса потерь на море кампании 1914 года.

Теперь замысел Шлиффена ясен. Ключ к победе над Францией лежит в юго-западной Бельгии. Ключ к победе над Англией лежит на Средиземном море, и владеют им итальянцы.

Именно на этом фронте дипломатия Тройственного союза потерпела свое самое тяжелое поражение. Италия, имеющая территориальные претензии исключительно к своему союзнику — Австро-Венгрии, сославшись на формально оборонительный характер Тройственного союза, отказалась вступить в войну и тем предрешила успех Великобритании.

Итак, предвоенная борьба за союзников с огромным перевесом выиграна Антантой. Если не считать Турции, которая была обречена выступить против России (как Франция — против Германии), Германии удалось обеспечить себе (и то скорее случайно) содействие только одной державы — Болгарии, в то время как Великобритания перетянула на свою сторону весь остальной мир.

«Неужели у нас совсем не осталось друзей?» — спрашивали друг друга немцы в 1914 году.

С. Переслегин

План Шлиффена в действии

I. Западный Фронт. Общие контуры операций во Франции и Бельгии

«Искусство шахматиста не только в том, чтобы наметить правильный план, но главным образом в том, чтобы провести его точными, порой единственными ходами» (Д.Бронштейн).

План Шлиффена был очень сложен для исполнения. Сложен чисто технически: командующий должен был постоянно согласовывать между собой движения семи армий Западного и одной армии Восточного фронта. Для каждой армии следовало найти маршрут следования, организовать систему снабжения, обеспечить охрану коммуникаций. При колоссальной численности правого крыла даже дорожная сеть Бельгии и Северной Франции могла стать для него недостаточно плотной. Весь план имел успех или, напротив, терпел неудачу в зависимости от владения немцами только одной железнодорожной линией.

Шлиффен, ориентирующийся в тонкостях собственного оперативного замысла так, как может только создатель, ушел в отставку и умер за несколько лет до войны. Даже умирая, он говорил в бреду об усилении армий правого крыла. «Нельзя быть достаточно сильным в решающем пункте».

Сменивший его Г. Мольтке не был бездарностью, что бы ни писали на этот счет послевоенные германские военные публицисты. Не был он и трусом. Когда в начале войны Мольтке пишет своей жене, что с радостью отдал бы жизнь, чтобы завоевать победу, он вполне искренен. Но еще древние римляне [549] знали, что «храбрость приличествует солдату; командующий же приносит пользу своей предусмотрительностью».

Хотя проработкой оперативной схемы Шлиффена Мольтке занимался почти десять лет, суть плана, его идею он не понял абсолютно. Не понял даже и относительно. В результате все изменения и дополнения, внесенные Мольтке в план, оказались неудачными, более того — противоречащими самой логике Шлиффена.

Утверждая, что в августе 1914 года немцы осуществили на Западном фронте «Шлиффеновский маневр», мы забываем, что шедевр мастера от поделки подмастерья отличают не столько общие контуры, сколько тонкости. Два самолета могут иметь близкие размеры, схожую форму крыла, быть почти неразличимы внешне, но при этом один будет прекрасно летать, а другой не сможет оторваться от земли.

План Шлиффена был прежде всего цельным. Ничто не должно было помешать правому крылу в его безостановочном геометрически точном движении. Из этого и только из этого исходил Шлиффен при балансировке сил между участками фронта.

Конечно, он полностью игнорировал действия противника. Если французы смогут противопоставить четкости, мощи и скорости маневра что-нибудь реальное — значит, тут уж ничего не поделаешь. Еще раз повторю, что план Шлиффена был, по существу, азартной игрой.

Первой ошибкой Мольтке было то, что, имея заранее сформулированную стратегию, он начал думать, анализировать и, естественно, сомневаться. С сомнениями в правоте заученных оперативных идей появился интерес к возможностям противника.

Мольтке пришел к выводу, что помощь со стороны Великобритании и Франции усилит сопротивление бельгийцев, вследствие чего наступление на правом фланге пойдет медленнее, нежели предполагалось. Очень трудно понять соображения Мольтке в этом

вопросе. Бельгийские дивизии равномерно распределены вдоль границ. Если англо-французские армии не вступают в Бельгию еще до войны, точнее говоря, если они не развертываются непосредственно на бельгийской территории, взаимодействие между войсками союзников в первые 15 — 20 дней с момента мобилизации организовать невозможно. Никакой реальной помощи бельгийцам англо-французские войска оказать не в состоянии. В этих условиях бельгийцы, скорее, [550] ускорят отступление, чтобы выйти из под удара и соединиться с главными силами союзников. Насколько можно судить, англофранцузское развертывание на территории Бельгии — по схеме маневра «Диль» 1940 г., в Германском Генеральном штабе считалось маловероятным. Оно и в действительности не планировалось.

Далее, из факта общего усиления французской армии Мольтке делал тот вывод, что противник начнет наступление в Лотарингии и Эльзасе, и это наступление будет иметь успех, быстрее, нежели правое крыло достигнет решающих результатов. Это еще менее понятно. Наступление правого крыла приводило немцев к сердцу Франции. Наступление в Лотарингии в лучшем случае приводило французов на Рейн, форсирование которого с боями представляло бы серьезную проблему.

В 1871 г. старший Мольтке потребовал у Франции Мец (и пошел из-за этого города на конфликт с Бисмарком), чтобы создать такое начертание границы, при котором французы не могли бы сконструировать сколько-нибудь осмысленный наступательный план. В последующие годы Мольтке, затем Шлиффен не жалели денег и сил на укрепление «расширенного военного лагеря Мена».

Разумеется, Мец мыслился как крепость, взаимодействующая с полевой армией. Мец оставался на фланге возможного французского наступления в Арденнах. Мец серьезно мешал наступлению с решительной целью в Лотарингии. Штурмовать эту огромную современную цитадель (во всяком случае, с той-артиллерией, которую имели французы) было невозможно. Осада отвлекала на 3 — 6 месяцев ресурсы целой полевой армии. Между тем, идти на Рейн, а тем более за Рейн, имея на фланге Мец, французы не могли: связность их позиции уменьшалась при продвижении вперед катастрофически. (Иными словами, используя Мец в качестве оси маневра, немцы могли выиграть сколько угодно темпов для того, чтобы громить французские дивизии южнее и севернее крепости по частям.)

Наступление через Бельгию было для французов неприемлимо с политической точки зрения, и к тому же никуда не вело. Собственно, Мишель и говорил о наступлении только для проформы. Его план носил чисто оборонительный характер и был, вероятно, стратегически нежизнеспособным. Во всяком случае, применение его в следующей войне привело Францию к быстрой и бесславной катастрофе. [551]

Но и план № 17, несмотря на громкие призывы к наступлению «до конца», также был оборонительным. Задача форсирования Рейна в рамках этого плана не ставилась. Речь шла лишь о том, чтобы при благоприятном стечении обстоятельств вернуть Лотарингию, а при сверхблагоприятном попытаться захватить германские прирейнские земли. И решать эти наступательные задачи должны были две армии из пяти. (Наступление в Арденнах всегда рассматривалось французским командованием как одна из форм активной обороны против германского правого крыла.)

Шлиффен исступленно мечтал о большом французском наступлении — все равно, в Лотарингии ли, в Арденнах, — поскольку оно давало возможность задействовать в интересах операции ресурсы Меца и позволяло даром выиграть несколько важнейших

темпов. Шлиффен горько сожалел, что французы, но всей видимости, не окажут немцам столь «любезной услуги». Мольтке, напротив, очень опасался такого наступления.

Если предположения «Мрачного Юлиуса» были неочевидны, то выводы оказались абсурдными, даже если исходить из справедливости этих предположений. Ввиду возможного замедления наступления правого крыла в Бельгии Мольтке принял решение... усилить левое крыло в Лотарингии. На этом участке вместо одной (10 стрелковых дивизий, 3 кавалерийские дивизии) было развернуто две армии (16 стрелковых дивизий, 3 кавалерийские дивизии).

По мнению Мольтке, это изменение не носило решающего характера, поскольку силы правого крыла все равно существенно превосходили противостоящие ему армии союзников. И на начало войны это действительно было так. Дело не в том, что правое крыло стало слишком слабым, а в том, что левое — стало слишком сильным.

(Вспоминая пример с самолетом: если уменьшить площадь крыла, увеличив при этом площадь стабилизатора, несущая поверхность останется неизменной, и аэродинамическая подъемная сила не изменится. Однако точка приложения этой силы сдвинется назад, в результате чего возникнет паразитный пикирующий момент. Если он окажется достаточно большим, самолет станет аэродинамически неустойчивым и не сможет подняться в воздух. Проблема состояла в том, что все изменения, которые Мольтке вносил в план — от существенных, до самых мелких — неизменно сдвигали центр приложения сил к югу.) [552]

В результате оперативное усиление, которое в плане Шлиффена составляло 2,08 (5/6 войск на 2/5 фронта), упало в плане Мольтке до 1,3 (2/3 войск на 1/2 фронта). Ось операции (линия, количество войск «направо» и «налево» от которой одинаково) сдвинулась на 20 — 25 километров к югу (5,6%). В плане Шлиффена ось проходила севернее линии Эйпен — Намюр. В плане Мольтке — южнее директрисы Сент-Вит — Живе. (В начале войны Мольтке под влиянием каких-то случайных факторов дополнительно усилил левое крыло резервными и эрзац-резервными дивизиями, доведя его состав до 24 счетных дивизий и сместив ось операции еще на несколько километров к югу.)

Мольтке дополнительно усложнил себе задачу, приняв решение не переходить голландскую границу. С внешнеполитической точки зрения эта его «умеренность» не особенно улучшила положение Германии, а вот со стратегической создала много проблем. Немцам не нужна была голландская территория, за исключением узкого перешейка, лежащего к югу от Мааса и называемого «Маастрихтским аппендиксом». Но отказавшись от использования этого перешейка, они встали перед необходимостью протаскивать всю 1-ю армию через Аахен, как единственный проход между районом сосредоточения 2-й армии и голландской границей. В довершение всех неприятностей 1-я армия пересекала Маас южнее, чем это было необходимо, и вынуждена была на его западном берегу склоняться к северу, проходя лишние километры и тратя драгоценное время.

Аккуратное сравнение развертывания Шлиффена и Мольтке приводит к выводу, что Мольтке хотел как-то уменьшить риск операции. Но риск лежал в самой природе шлиффеновского маневра, и в результате получилось нечто вроде попытки перепрыгнуть пропасть в два приема.

Боевые действия в период развертывания сводились к штурму немцами фортов Льежа и бестолковой французской демонстрации в Верхнем Эльзасе. И та, и другая операция были

проведены не лучшим образом. В Бельгии Мольтке на двое суток опоздал с сосредоточением осадной артиллерии, видимо, полагая, что форты падут сами собой. Понеся тяжелые и совершенно неоправданные потери в прямых атаках, немцы поняли, что придется делать все «по правилам». Форты Льежа пали за расчетное время, но первоначальная задержка в двое суток так и осталась. Она еще более возросла после мучительного [553] протягивания 1-й и 2-й армий через Маас и развертывания их на бельгийской территории.

В результате этих медленных и тактически негибких действий бельгийская армия избежала поражения и отступила на север — в крепостной район Антверпен.

Решение короля Альберта об отходе к Антверпену (а не к Намюру, как настаивали союзники). Б. Такман, как и большинство военных историков, подвергает вежливой критике. Между тем, по моему мнению, Альберт нашел наилучший ход. При той важности, которую представляли для Германии бельгийские коммуникации, немцы просто не могли предоставить бельгийские войска в Антверпене самим себе. Брать форты было нечем — сверхтяжелая артиллерия с трудом продвигалась от Льежа к Намюру, который был первоочередной целью. Волей-неволей опасную крепость пришлось блокировать, используя для этого не только ландверные части, но и два боевых корпуса, которые пришлось снимать с Правого крыла. В результате ось операции снова чуть-чуть отклонилась влево.

Будь понесшая тяжелые потери бельгийская армия направлена на Намюр, она была бы зажата между соединениями Бюлова и Клюка и, скорее всего, быстро раздавлена. В данном же случае она оставалась постоянной угрозой немецким сообщениям. Поскольку Антверпен был крупным портом, а на море господствовали союзники, я бы сказал — неопределенной и потому опасной угрозой.)

В верхнем Эльзасе французы заняли одним корпусом Мюльгаузен, что дало Жоффру возможность обратиться с пламенным воззванием к жителям потерянных провинций. Контрударом немецких частей (14-й и 15-й корпуса) французы с большими потерями были отброшены к границе. В двадцатых числах августа попытка была повторена большими силами, но приблизительно с тем же результатом. Совершенно невозможно понять, зачем одной стороне потребовалось бесцельно тратить силы на захват района, который они сами же называли «глухим закоулком», а второй — столь упорно оборонять его.

В целом «этап развертывания» несомненно выиграли немцы, которые, пусть и не самым гладким образом, но решили свою первую стратегическую задачу: переход Мааса и развертывание армий правого крыла в Северной Бельгии. К середине августа французское командование осознало неадекватность расположения своих сил той грозной реальности, которую представляло [554] собой движение германских корпусов через Бельгию. Реагировало оно так, как и предполагал Шлиффен — естественно и неудачно. 5-я армия Ланрезака была изъята из группировки, предназначенной для наступления, и передвинута к северу — в угол, образованный слиянием Самбры и Мааса, заняв таким образом положение между 4-й армией и англичанами.

Итак, к двадцатым числам августа войска противников на Западном театре военных действий (ТВД) были сосредоточены и готовы к активным действиям. Не отвлекаясь на подробное изложение отдельных боевых столкновений, проследим общую логику событий августа и проанализируем решения, принимаемые сторонами.

Приграничное сражение

Первым оперативным кризисом на Западном фронте явилось Приграничное сражение, разыгравшееся 20 — 25 августа на обширном фронте от Вогезов до канала Конде.

С точки зрения логики Шлиффена, это сражение было для немцев преждевременным. В их интересах было как можно быстрее его прервать. При этом на левом фланге и в центре результат не имел существенного значения, на правом же фланге следовало заставить противника отступать (в идеале — в северо-восточном направлении). Соотношение сил и их группировка позволяли добиться этого.

Для понимания дальнейшего необходимо уяснить одну интересную особенность шлиффеновской схемы. В период нарастания операции германский фронт заведомо длиннее французского. Любой французский контрудар, поэтому, ставит контратакующую группировку в опасное положение. Но естественное желание немцев использовать это обстоятельство требует сдвига сил влево — для того, чтобы ударом во фланг и выходом в тыл разгромить противника, тем самым реализовав преимущество охватывающего положения. Если противник увлечется своими действиями, он несомненно будет уничтожен. Если, однако, он успеет отступить (а это реально, поскольку геометрически на выполнение маневра охвата — движение по дуге — требуется больше времени, нежели на выполнение маневра отхода — движение по хорде этой дуги), никаких реальных выгод достигнуто не будет, зато ось операции сдвинется для немцев [555] влево, приближаясь к оси действий французских армий. Иными словами, частные сражения, если они не приводят к разгрому противника, заставляют немцев перегруппировать войска справа налево и тем потерять выгоды охватывающего положения. Поскольку чем короче германская линия, тем быстрее французы могут предпринять необходимые перегруппировки, чтобы нейтрализовать маневр охвата, можно сказать, что контрудары приводят к потере немцами активного оперативного времени — темпа.

Шлиффен прекрасно это понимал, потому и не хотел гнаться за тактическими успехами. Он требовал действий не против фланга, а против глубокого тыла противника, что подразумевало смыкание армий не влево, а вправо. По его мысли, этап реализации преимущества должен наступить только на последней стадии маневра, когда войска союзников, сбившиеся в кучу между Парижем и линией восточных крепостей, потеряют способность к маневру, в том числе — и к маневру быстрого отхода. До этого, как я уже писал, его вполне устраивало, чтобы тактические победы доставались французам.

Эта схема, однако, требовала от командующих армиями поступиться своими частными интересами в пользу единой операции. Поскольку люди, как правило, склонны считать приоритетными именно свои проблемы, следовало обеспечить жесткое руководство армиями со стороны Верховного командования.

Но Мольтке (равно как и Кайзер) органически не был способен осуществить такое руководство. Началось все с того, что главная квартира разместилась в Люксембурге в помещении школы для девиц, в котором не было ни нормальных столов, ни электрического освещения. Не была она, естественно, оснащена и подходящими средствами связи. Шлиффен с его любовью к элементарному комфорту в штабной работе ехидно осведомился бы, неужели во всем Люксембурге не нашлось помещения похуже? Далее Верховный Главнокомандующий кайзер Вильгельм II вместо того, чтобы заниматься делом, начал наводить порядок, запретив (ввиду военного времени) употребление пива офицерами Генерального штаба. Опять же ввиду военного времени за столом кайзера почти не кормили. Возложив таким образом военные тяготы на себя и

старших офицеров государства, император счел свой долг исполненным. Оставшееся до сражения на Марне время он потратил главным образом на поздравительные телеграммы и награждения. [556] Мольтке остался наедине со своими армиями, и 20 августа ему предстояло принять первое важное решение.

Приграничное сражение было по сути не единой операцией, а тремя сражениями, единственной логической связью между которыми был замысел Шлиффена (поскольку французский план № 17 был скорее набором благих пожеланий). Содержание операций представляется следующим образом.

В Лотарингии: для французов — наступление с целью вернуть захваченные провинции и закрепить южный фланг на Рейне, для немцев — заманивание противника к Рейну с целью выигрыша времени на маневр Правого крыла.

В Арденнах: для французов — контрудар в центре с целью нейтрализации немецкого наступления через Центральную и Северную Бельгию, для немцев — «ходьба на месте» в общем шлиффеновском маневре.

При Шарлеруа — Монсе: для союзников — прикрытие основной операции с севера, для немцев — сокрушение сопротивления противника и создание условий для свободного продвижения правого крыла к юго-западу.

Иными словами, в Лотарингии немцы должны были наступать, в Арденнах вести активную оборону, на франко-германской границе от них требовалось то, что в уставах называлось «наступление до предела».

Здесь-то и сыграла свою негативную роль избыточная мощь левого крыла. Рупрехт Баварский не захотел отступать. Ему казалось, что нужно теперь же разбить врага. Достигнув этой цели в Саарбургском сражении, он просит Мольтке санкционировать переход 6-й и 7-й армий в наступление. Мольтке отвечает уклончиво. В отсутствие явного и категорического запрещения Рупрехт отбрасывает французов на запад и начинает атаку укрепленных позиций между Тулем и Эпиналем. Заметим, что Шлиффен пошел на вторжение в Бельгию и войну с Англией только для того, чтобы избежать необходимости прорывать Эпинальскую линию крепостей.

Тактически сражение в Лотарингии закончилось полной победой немцев. Стратегический баланс был, однако, отрицательным: отбросив 1-ю и 2-ю французские армии на запад, немцы только помогали противнику консолидировать фронт.

На пересеченной лесистой местности Арденн в густом тумане утром 22 августа столкнулись во встречном сражении четыре армии. Первоначальные действия Альберта Вюртембергского и [557] Кронпринца Германского едва ли оставляют желать лучшего:

французы потерпели полное тактическое поражение. К вечеру корпуса Лангля небоеспособны и, невзирая на приказы Жоффра, откатываются за Маас. Пытаясь их окружить, Альберт стягивает свои корпуса к южному флангу, вследствие чего возникает разрыв между 4-й и 3-й армиями, то есть между центром и правым крылом германских армий. При этом центр, вместо того чтобы «шагать на месте», бросается вперед, Правое же Крыло, которое должно задавать темп всему наступлению, задержано у Намюра и отстает. Германское командование, однако, взирает на происходящее с удивительным спокойствием, одобряет действия герцога Вюртембергского и разрешает кронпринцу Германскому «отбросить врага (...) в направлении к западу, а 5-я армия исполняет это,

продвигаясь к фортам Вердена. Вскоре принц Вильгельм получит Железный Крест эй победу при Лонгви. Явись в этот день в штабе 5-й германской армии тень Шлиффена, принц бы услышал, что на эту побрякушку он променял корону Империи.

Вновь перед нами блестящая тактическая победа, отягощенная стратегическим злом. Немцы нарушают геометрию плана Шлиффена и сами помогают противнику найти опору в Верденском укрепленном районе.

Ситуация на бельгийской границе изначально складывалась для союзников неблагоприятно. Основой их сил являлась 5-я армия Ланрезака, расположенная между Самброй и Маасом, и имеющая задачей наступление в северном или северо-восточном направлении. Оба варианта были для нее гибельны.

Фланги армии были открыты. Разрывы с 4-й армией Лангля и британскими экспедиционными силами составляли на начало операции около 30 км. Наступай Ланрезак на север или на восток, форсируй он Самбру или Маас, он окончательно терял тактическое взаимодействие по крайней мере с одним из соседей.

Общего руководства на фронте не было. Английская армия не подчинялась Жоффру и не стремилась согласовывать свои действия с Ланрезаком. Бельгийские части в Намюре руководствовались приказами своего командования. В действия 5-й и 4-й французских армий диссонанс вносил план, согласно которому они решали совершенно разные задачи и должны были наступать в расходящихся направлениях. [558]

Ну и, наконец, немцы превосходили в этом районе силы союзников вдвое: против 310 000 человек в 5-й армии, гарнизоне Намюра и британских экспедиционных силах развернулись 610 000 человек в трех германских армиях правого крыла.

Обстановка грозила союзникам быстрой и полной катастрофой, причем в их распоряжении оставался лишь выбор редакции этой катастрофы. Решение Жоффра изменить схему развертывания войск, перебросив 5-ю армию к северу, оказалось на поверку тем самым «естественным, но не неудачным ходом», которого так ждал Шлиффен.

Прежде всего, эта операция запоздала. Несмотря на бесцельную потерю 48 часов активного времени в Бельгии, немцы подошли к Самбре раньше, чем Лаирезак успел хотя бы наметить контуры взаимодействия с англичанами, бельгийцами и 4-й армией. Структура 5-й армии, обремененной кучей резервных дивизий, не имеющих корпусных структур, была рыхлой и неудобной. Войска устали из-за форсированных маршей, предпринятых для исправления ошибок исходного развертывания, появились проблемы со снабжением. В такой обстановке трудно что-то посоветовать Ланрезаку.

Рассмотрим варианты развития событий. При наступлении в восточном или северо-восточном направлении немцы продолжают выполнять «шлиффеновский маневр» и автоматически охватывают левый фланг 5-й армии, если англичане не переходят канал Конде, или английской армии, если Френч решает примкнуть к Ланрезаку. Наступление в северном или северо-западном направлении опровергается переходом 3-й германской армии через Маас.

Даже оставаться на месте 5-я армия не могла: этим немедленно создавался разрыв между ней и 4-й армией. Такой разрыв срывал французское наступление в Арденнах (независимо от достигнутых там успехов) и ставил французское войско перед, катастрофическим

оперативным балансом: противник четко выполняет свой план, в то время как союзные армии лишены всякой контригры и обречены на полную пассивность.

Мольтке, однако, пожинал плоды своего решения в отношении «Маастрихского аппендикса». Нехватка пространства и вызванное этим фактором нагромождение корпусов на дорогах юго-восточной Бельгии и немногочисленных мостах через Маас требовала принять все меры для согласования движения 1-й и 2-й армий. Желая избавиться от лишней головной боли, Мольтке [559] формально решил эту проблему, подчинив 1-ю армию Бюлову и взвалив на него разработку маршрутов для обеих армий. По логике операции подчинение Клюка Бюлову должно было закончиться если не сразу за Маасом, то за Самброй, но Мольтке соответствующего распоряжения не отдал. (Трудно сказать, было ли это связано с простой забывчивостью или с желанием наладить взаимодействие внутри правого крыла, не прикладывая к этому никаких усилий. Последнее в общем характерно для стиля руководства Мольтке.)

Бюлов не принадлежал к числу командиров, способных поступиться хоть толикой своих интересов ради общей победы. Несмотря на яростный протест Клюка, он притягивает 1-ю армию к своему правому флангу. В результате Клюку, который по соотношению сил и оперативной геометрии имел и возможность, и желание обойти англичан справа, отбросить британские экспедиционные силы на тылы 5-й французской армии и во взаимодействии со 2-й и 3-й армиями уничтожить, пришлось и лоб атаковать неприятеля, укрепившегося на закрытой местности канала Конде.

К вечеру 23 августа оперативное положение союзников резко ухудшилось. На Самбре армии угрожал прорыв фронта англичан, прорыв в стыке между 5-й французской армией и британскими экспедиционными силами (оборона на этом стыке была лишь обозначена Ланрезаком), обход англичан. По составу сил, времени и рельефу местности Клюк имел полную возможность осуществить любую из этих операций.

На Маасе противник (3-я германская армия) уже вошел крупными силами в разрыв между Ланрезаком и де Ланглем, причем корпуса 4-й армии отходят на юго-запад — к Вердену, расширяя разрыв.

Здесь уже можно объявлять конкурс на нахождение невыигрывающего продолжения борьбы за немецкое правое крыло.

> «Уникальный случай в турнирной практике за много лет. Оба гроссмейстера не видят мата в два хода». (Д. Бронштейн.)

Бюлов, запутав положение на своем правом фланге, теперь обращается за помощью к Хаузену. В результате 3-я армия, имеющая возможность простым движением вперед в свободном от противника пространстве перерезать 5-й армии пути отхода, вынуждена с боем форсировать Маас.

Англичане держались сутки. К середине дня 24 августа Френч осознал суть происходящего, он отдал приказ отступать [560] к югу. Нечеловеческие усилия правофланговых корпусов Клюка, которым была поставлена задача обогнать англичан и отрезать им пути отхода, успеха не принесли.

Ланрезак, разобравшись в обстановке, также приказал отступать. Промедли он хотя бы еще один час, и даже Бюлов не

спас бы 5-ю армию: с востока на ее тылы выходил Хаузен, с запада — Клюк.

Конечно, поражение союзников было очень тяжелым. 5-я армия и британские экспедиционные силы отступали в полном расстройстве. Немцы выиграли Приграничное сражение на решающем участке и получили возможность приступить к исполнению следующего этапа стратегического плана.

Строго говоря, Шлиффен не мог чересчур строго осудить Бюлова за ошибки на Самбре. По его мнению, одержать решительную победу на этой стадии операции можно было только в случае слишком уж большой глупости противника. Пока что германцы лишь не воспользовались случайным шансом быстро закончить войну.

Битва за Маас и преследование

Решающие ошибки были сделаны сразу после Приграничного сражения.

К этому времени состав армий Правого крыла изменился. Два корпуса ударной армии Клюка были оставлены у Антверпена, одна из дивизий Хаузена задержана на правом берегу Мааса. Еще один корпус был выделен для блокады Мобежа. По идее Шлиффена эти задачи должны были решать подходящие корпуса эрзац-резерва, однако все они уже были растрачены. До войны Мольтке предполагал, что к этому моменту он заберет у Левого крыла те дополнительные силы, которые были ему приданы во изменение развертывания Шлиффена, и за их счет решит проблемы питания главной операции. (Подобный маневр — обратное скольжение вправо — является правильным ответом на прослеженную нами тенденцию к движении оси операции влево.) Однако, санкционировав действия Рупрехта против Эпиналя и Нанси, Мольтке потерял возможность забрать корпуса у 6-й армии и перебросить их на правый фланг. Так что все проблемы обеспечения наступления обходящему крылу пришлось решать «за свой счет». [561]

Двадцать пятого августа 4-я германская армия вышла к Маасу.

Исходный оперативный замысел Шлиффена был настолько удачен, что даже в этот день, несмотря на ряд сомнительных действий и неочевидных, а то и просто ошибочных решений, германцы сохраняли более чем выигрышное положение.

Их правофланговые армии уже были за Маасом. Армии центра задержаны у реки, армии левого крыла увязли на линии Крепостей. Правое крыло, однако, могло продвигаться свободно. В этих условиях кажется естественным сдвинуть расположение 4-й армии к северу (где французы не могут прикрыть Маас, Поскольку участок «затеняется» войсками обходящей группировки), спокойно там переправиться через Маас и в полном соответствии с планом Шлиффена «сомкнуться вправо».

Однако герцог Вюртембергский при попустительстве Верховного командования разворачивает армию к юго-западу и в течение четырех дней с маниакальным упорством форсирует укрепленный участок Мааса. Вновь одержана крупная тактическая победа. Вновь она одержана за счет сдвига корпусов плево. Вновь войска противника отбрасываются на запад, то есть туда, куда им нужно попасть.

Итак, герцог Альберт потерял много людей и четверо суток ирсмени на достижение результата, который вообще был немцам не нужен. Напротив, они были заинтересованы,

чтобы французы как можно дольше задержались бы на Маасе, дав возможность правофланговым армиям свободно продвигаться.

В битве на Маасе проявилась опасная тенденция, возникшая у немецких командиров после Приграничного сражения: решать любые возникающие проблемы тактически. И пока сохранялся положительный стратегический баланс, им это удавалось.

Приграничное сражение (и это еще одна причина, по которой я называю его преждевременным) исчерпало элемент внезапности. Замысел немецкой операции стал ясен, очевидны были и меры противодействия. Союзникам было необходимо:

1. вывести из-под удара британские экспедиционные силы к 5-ю армию;

2. консолидировать фронт 3-й и 4-й армий, привести эти соединения в порядок;

3. обеспечить надежную связь между 4-й и 5-й армиями;

4. перебросить из 1-й, 2-й и 3-й армий крупные силы на запад, прикрыть ими левый фланг английской армии, обезопасив ее от угрозы обхода; [562]

5. удлинить линию развертывания на северо-запад, чтобы противопоставить обходящей группировке свою, столь же сильную;

6. постараться самим обойти противника с запада. Все это — именно те естественные решения, которых ждал от противника Шлиффен. Он несомненно отдавал себе отчет, что по условиям дорожной связности французы будут перебрасывать силы из Лотарингии к Сомме быстрее, чем немцы. Потому и считал, что там у немцев изначально не должно было быть крупных сил. Наращивание удара правого крыла должно было идти за счет резервных корпусов, прибывающих из Германии. Именно для этого Шлиффен привлекал к операциям эрзац-резерв.

Не следует преуменьшать опасность положения союзников в эти дни (25 — 27 августа). Они были на грани катастрофы. На юге немцы обстреливали Нанси, угрожая прорывом. На севере начался развал фронта. Британское командование считало кампанию проигранной и ставило вопрос об отходе к морю и посадке на суда. В центре положение было более устойчивым, но и там нарастали неблагоприятные тенденции. В этих условиях контрмеры союзников, как и предполагал Шлиффен, должны были запаздывать.

Это понимало (теперь) и французское руководство. По идее осознание приближающегося разгрома должно было привести к психологическому надлому всей системы управления. Этого, однако, не произошло.

Жоффр спокойно отказался от плана № 17 (который более инициативный и блестящий командующий попытался бы проводить в жизнь еще несколько дней). Он отказался и от наступательной доктрины, безраздельно господствующей во Франции еще неделю назад. Не теряя времени, он приступил к созданию двух новых армий: 6-я, генерала Монури (из дивизий, снятых с восточного участка), развертывалась на Сомме. 9-я (два корпуса из 4-й и несколько дивизий, собранных «с миру по нитке») под командованием Ф. Фоша получила приказ поддерживать связь между 4-й и 5-й французскими армиями. Рискованными контрударами, на которые Жоффр буквально вынудил Ланрезака, французское командование пыталось дать этим соединениям время развернуться.

Ничего другого за французов, пожалуй, и не предложишь. Недостаточность этих мер была понятна всем, и самому Жоффру прежде всего. [563]

Итак, несмотря на все ошибки, война во Франции выигрылась. Тем более что в решающий момент Мольтке был сделан подарок самой судьбой.

Армия Притвица (8-я) потерпела поражение под Гумбиненом и начала отход к Висле. Появилась возможность втянуть русских в затяжные бои за Данциг и Кенигсберг и перебросить войска с Восточного на Западный фронт, поддержав наступление правого крыла.

Мольтке поступил в соответствии со здравым смыслом и в полном противоречии с принципами стратегии: он перебросил два корпуса с Западного фронта на Восточный.

Это решение нельзя ни оправдать, ни понять.

Корпуса эти на Востоке были не нужны. Для обороны Восточной Пруссии (не говоря уже о линии Вислы) они были избыточны. Для наступления на Седлец их все равно не хватило (особенно если учесть, что такое наступление немцы не планировали вообще).

Корпуса были взяты из армий правого крыла. Вот теперь оно наконец стало слабым.

Полоса наступления для дивизии определялась тогда в четыре километра. По замыслу Шлиффена на фронте от Вердена до моря протяженностью в 240 километров должно было действовать около 60 дивизий, что как раз и соответствует этой цифре. Но сейчас на этом участке оставалось лишь около 40 дивизий, причем в трех армиях, осуществляющих захождение, их было только 23, остальные маячили у Вердена. Средняя плотность войск упала до 6 километров на дивизию. Это означало, что маневр шлиффеновского размаха («пусть крайний справа коснется плечом Ла-Манша») уже не мог быть выполнен никоим образом. Для этого просто не хватало войск. Теперь в самом движении обходящего крыла должна была проявиться тенденция отклонения к югу и востоку. В литературе, особенно немецкой, «поворот Клюка к юго-востоку» принято объяснять конкретными тактическими соображениями или просчетами. Между тем, все обстояло очень просто. Клюк просто не мог идти на Париж, потому что в этом случае между армиями правого крыла образовались бы разрывы общей протяженностью километров в 80.

К этому времени у Клюка уже не было большого выбора. Брать укрепленный лагерь Парижа значило терять очень много времени. Обходить его с запада — создавать огромный разрыв [564] либо со 2-й армией, либо — между правофланговыми армиями и центром. Именно поэтому решение о повороте армии на юго-восток Мольтке, хотя и задним числом, но одобрил.

Клюк, разумеется, понимал опасность со стороны Парижа. Первого сентября он записывает в своем дневнике:

> «Продолжать продвигаться вперед в южном направлении опасно при угрозе правому флангу со стороны Парижа. Необходимо остановиться и перегруппировать армию, чтобы продвинутся в конце концов или к югу, прикрываясь со стороны Парижа, или к Нижней Сене, ниже Парижа... Если мы будем продолжать идти прямо к югу и если французы будут обороняться на Марне, следует ожидать действий со стороны Парижа против нашего фланга».

Однако, «остановиться и перегруппироваться» было трудно. Германские армии тянула к югу инерция наступления и отклоняла к востоку общая нехватка сил на правом фланге.

К первым числам сентября на фронте возникла ситуация, которую граф Альфред фон Шлиффен мог увидеть только в страшном сне.

1. Ослабленное правое крыло стало равным по численности левому.

2. Движение обходящей группировки настолько склонилось к югу и востоку, что Париж оказался правее правого фланга немецкой армии. Более того, ударное крыло втянулось в промежуток между Парижским и Верденским укрепленными районами, не имея сил на прорыв, и потеряв всякую возможность к обходу.

Ось операции сдвинулась от Парижа (схема Шлиффена) почти к Вердену и практически совпала с осью расположения войск союзников.

3. Армии центра приступили к боям за Верден и Маасские высоты, боям, которые Шлиффен считал априори безнадежными.

4. Армии правого крыла вели наступление в Лотарингии, в то время как по плану они должны были заманивать противника к Рейну.

5. Союзные армии в районах южнее Вердена отошли на свои оборонительные позиции и получили свободу действий для переброски сил в Северную Францию, что они успешно и провели.

6. В результате обходящее крыло само оказалось обойденным (6-й армией Монури), притом общее превосходство в силах [565] на фронте армий Клюка, Хаузена и Бюлова перешло к Противнику.

Понятно, что в этих условиях «решающее сражение» прошло не там, где этого хотел Шлиффен, и закончилось не МК, как он предполагал.

В. Восточный фронт. Общие контуры операций Восточной Пруссии и Галиции

Говоря о «плане Шлиффена», современный исследователь, как правило, имеет в виду только асимметричный маневр немецкого правого крыла в Северной Франции и Бельгии. Между тем план Шлиффена (как и план лорда Фишера) объединял в единую структуру весь комплекс военных усилий страны. Наступление на Западе было неразрывно связано с действиями на Восточном фронте — активной обороной Восточной Пруссии.

Район военных действий представляет собой неровный четырехугольник, ограниченный с севера Балтийским морем, с востока линией Западная Двина — Днепр, с юга Карпатскими горами, с запада реками Висла и Сан. Особенностью театра является так называемый «польский балкон»: на средней Висле граница глубоко врезалась в территорию Германии.

Подобно немцам на Западе, русские на Востоке могут ставить перед своими войсками решительные цели. Венгрия, Померания, Силезия, не говоря уже о Восточной Пруссии и Галиции, находятся в «зоне досягаемости» русских армий. Потеря этих территорий практически лишает Центральные державы Возможности продолжать войну.

Но если отход на рубеж Вислы и Сана ставит Австро-Венгрию и Германию перед лицом катастрофы, то для русских Потеря западных провинций малосущественна. Иными словами, география диктует Центральным державам оборонительную стратегию: их армии не имеют перед собой практически достижимой осмысленной оперативной цели. Речь может идти только о действиях против живой силы противника, об ослаблении его мощи и оттеснении его войск к востоку — о создании базы для будущих операций.

Шлиффен не обсуждал всерьез основную оперативную идею войны против России. Замысел двойного удара на Седлец принадлежит, насколько можно судить, Конраду фон Гетцендорфу. Шлиффен (в дальнейшем — Мольтке и Людендорф) не [566] возражали против этой схемы, за отсутствием чего-то боле разумного.

Возможность использовать «польский мешок» как ловушку для русской армии учитывалась, разумеется, обеими сторонами еще в предвоенном планировании. Именно исходя из этой возможности, немцы стремились все-таки удерживать Восточную Пруссию, а русские — развертывать свои войска на восточном берегу Вислы. Операция на окружение в Польше не стала бы для русских неожиданной. Уже поэтому она имела немного шансов на успех. К тому же дорожная связность Польши вы сока, и русские получали возможность действовать по внутренним линиям.

Вообще говоря, Германия, вероятно, исходила из того, чти после вывода Франции из войны Россия пойдет на заключении мира на более или менее приемлемых условиях. При этом, разумеется, предавалась Австро-Венгрия (которая в лучшем случае могла рассчитывать на довоенные границы), но подобная политика по отношению к данному конкретному союзника была предопределена со времен князя Бисмарка.

С точки зрения Шлиффена, Восточный Фронт в первом кампании носил подчиненный характер по отношению к Западному, и 8-я армия Притвица в Восточной Пруссии получил, распоряжение действовать сугубо тактически: нанести короткий удар по ближайшей русской армии, отойти, изматывать противника подвижной обороной, вынудить его потратить время на овладение Восточной Пруссией, выделить силы на осаду Кенигсберга и подойти к Висле не раньше чем через 8 — 10 недель после начала операции. С учетом времени, необходимого на подготовку форсирования крупной реки, Шлиффен мог считать, что у него есть где-то около трех месяцев до падения Данцига и развала обороны в Померании.

Шлиффен считал, что 8-я армия сможет продержаться этот срок, только если она будет действовать наступательно, воспользовавшись тем, что Восточная Пруссия еще в мирное время оборудовалась как театр военных действий, оптимизированный для мобильной обороны.

Идея активно-оборонительных действий 8-й армии основывалась на том, что летценская линия укреплений не давала возможности организовать взаимодействие между Наревской и Неманской русскими армиями и могла прикрыть развертывание войск для маневра против внутреннего фланга любой из русских [567] армий. («Контрольное решение» Шлиффена для выпускной задачи академии Генерального штаба 1901 г.)

Конечно, рано или поздно взаимодействие будет налажено, И армии сомкнут внутренние фланги. Останется, однако, возможность для действий против внешних флангов, опираясь на Кенигсберг или Бреславль. Чтобы решить эту проблему, русским снова понадобится время. И даже после этого можно будет потянуть еще несколько недель на линии Вислы.

Шлиффен потребовал от Австро-Венгрии, сосредоточив силы, начать наступление против России. Единственной реальной Целью этого наступления был срыв сосредоточения русских войск в левобережной Польше. (Такое развертывание Шлиффен считал маловероятным, но оно было вполне возможным. о всяком случае, стоило подстраховаться.)

В начале войны быстрее мобилизующиеся австро-венгерские армии могут нанести противнику поражение. Это поражение ставит под угрозу русские армии на западном берегу Вислы и вынуждает командование отвести их на восток, отложив решающую операцию против Германии на несколько недель. Если же, однако, русские войска целиком развертываются на правом берегу, австрийский удар оказывается направленным в пустоту. В результате, войска двуединой монархии, даже одержав победу, попадают в стратегически тяжелое положение, тем более что со временем перевес в силах должен перейти к России. Шлиффен относился к этим чисто австрийским проблемам с нордическим спокойствием: «Судьба Австро-Венгрии решается не на Буге, а на Сене».

В августе — ноябре 1914 г. противники настойчиво проводят в жизнь свои довоенные планы. Это привело к четырем большим встречным сражениям. Их стратегическим содержанием была борьба за «польский балкон».

Одним из важнейших принципов военного искусства является принцип экономии сил (он же — принцип наименьшего действия), утверждающий, что следует придерживаться такого плана операций, при котором минимизируются свои потери. Следствием этого общего утверждения служит стратегическое правило наносить удар по слабейшему пункту. Здесь под «пунктом» может подразумеваться участок фронта, ТВД, один из партнеров по коалиции. [568]

Австро-Венгрия была слабым звеном Четвертного Союз; гибель ее предопределяла победоносный для Антанты конец войны, поскольку и сам Шлиффен признавал, что Германия не в силах бороться против «коалиции Кауница» и вести военные действия одновременно на трех фронтах.

Русский Генеральный штаб правильно оценил ситуацию и принял решение нанести главный удар по Австро-Венгрии, имея целью разгромить ее вооруженные силы и вывести двуединую монархию из войны. Однако кампания 1914 г. была «темповой игрой». Немцы могли выключить из борьбы Францию раньше, нежели Россия добьется решающего результат; в Венгрии. Даже если эти события произойдут одновременно, «размен» Франции на Австро-Венгрию никак не мог устроить руководство Антанты. Поэтому от России требовалось не только уничтожить Австро-Венгрию, но и активными действиями против Германии выиграть темпы для Западного фронта.

Поскольку план Шлиффена строился на здоровой позиционной основе (русская мобилизация действительно отставал от немецкой, овладение Восточной Пруссией и форсирование Вислы действительно требовало 10 — 12 недель активного времени), речь шла не столько о физическом воздействии на Германию, сколько о дополнительном психическом давлении на нервы ее командования.

Контуры кампании 1914 г. на Восточном фронте. Восточно-Прусская операция.

Содержание этой операции, одной из самых знаменитых в военной истории, не соответствует ее форме. Хотя обе стороны действуют решительно и стремятся достичь

крупных тактических результатов, стратегически действия в Восточной Пруссии носят позиционный характер. Целью операции было:

— для русских — захватом кенигсбергского выступа обеспечить устойчивость своего правого фланга в будущих операциях в Центральной Польше;

— для немцев — выиграть время, при благоприятном стечении обстоятельств сохранить кенигсбергский выступ как базу для наступательных операций против русской Польши.

Тактически активная оборона 8-й армии строилась на том, что по географическим условиям организация взаимодействия [569] между 1-й и 2-й русскими армиями крайне затруднена, если и невозможна.

В этой операции обе стороны не смогли решить свои задачи. Германцы под руководством Людендорфа (сменившего Притвица 21 августа) добились впечатляющей победы, разгромив под Танненбергом 2-ю армию и окружив ее центральные корпуса. Этим оборона Восточной Пруссии была надежно обеспечена. Однако победа пришла уже после того, как встревоженный развитием событий на русском театре Мольтке отправил на Восточный фронт два корпуса из состава правого крыла. Иными словами, главной цели — выиграть на Востоке время для завершения кампании на Западе — немцы не достигли.

Галицийская операция

Одно из крупнейших сражений войны, сравнимое по масштабу и последствиям с Марнской битвой, почти неизвестно не только западному, но и русскому читателю, хотя, возможно, что одна из самых славных страниц русского оружия. Цель операции:

— для немцев — затруднение развертывания русских армий в левобережной Польше;

— для австрийцев — фланговое прикрытие операций на сербском фронте, выигрыш времени для завершения шлиффеновского маневра в Западной Европе;

— для русских — разгром австро-венгерских армий, обеспечение за собой линии Вислы — Сана, как базы для будущего наступления против Германии или Австро-Венгрии.

В этом сражении, несмотря на великолепное руководство войсками со стороны Конрада фон Гетцендорфа, Австро-Венгрия терпит полное поражение. После Галицийской битвы она, по сути, перестает существовать как независимое государство.

Россия в Восточной Пруссии и Австро-Венгрия в Галиции пожертвовали собой ради оказания помощи союзнику, решающему более важную стратегическую задачу. Франция распорядилась подарком более толково. К концу Галицийской битвы стало очевидно, что план Шлиффена в исполнении Мольтке потерпел полное крушение. Старый фельдмаршал оказался прав: судьба Австро-Венгрии решилась на Сене, а не на Буге.

После катастрофы на Марне и в Галиции Германия была поставлена перед необходимостью как-то определить свою стратегию [570] на Восточном фронте. Эту задачу она решала до конца кампании 1914 г. Обе завершающие операции — и Варшавско-Ивангородская, и Лодзинская — представляли собой ж более чем тактические импровизации без единой стратегической идеи. Идея их заключалась в том, чтобы оказать помощь Австро-Венгрии и как-то сцементировать разваливающийся фронт на Востоке.

Варшавско-Ивангородская операция

Рисунок сражения определяется рокировкой войск противников с оперативных флангов (Восточная Пруссия и Галиция) на Среднюю Вислу. Задача для обеих сторон одинакова — обеспечить связь между своими операциями на севере и юге театра военных действий. Обе стороны пытаются решить ее наступательно. В результате на широком фронте разыгрывается прямое встречное сражение, не давшее решительного результата. К последствиям операции можно отнести:

— отвлечение русских войск с австро-венгерского фронта, что дало возможность Конраду сцементировать войска и удержать позицию;

— обеспечение (по крайней мере временное) Верхней Силезии от вторжения русских;

— переход русских армий на левый берег Вислы;

— привлечение на Восточный ТВД свежих (так называемых «молодых») германских корпусов.

Лодзинская операция

В данном сражении русские пытались воспользоваться благоприятными для них итогами Галицийской и Варшавско-Ивангородской операций. Предполагалось крупными силами вторгнуться на территорию Силезии и развернуть наступление на Берлин, имея своей целью закончить войну до конца 1914 года. Испытывая недостаток в силах, немцы не могли противопоставить этому замыслу ничего конкретного. Людендорф, однако, воспользовался случайно подвернувшимся тактическим шансом и продемонстрировал Николаю Николаевичу, что наступательные операции в левобережной Польше при находящейся в руках противника Восточной Пруссии не могут иметь успеха. [571]

Кампания 1914 года зафиксировала разгром Австро-Венгрии (Галицийская битва) и предопределила поражение Германии (переброска корпусов с запада на восток и провал плана Шлиффена). Но при столь глобальных последствиях сама эта Кампания закончилась с неопределенным результатом. Несмотря на все достижения русских, немцам удалось сохранить целостный и прочный фронт. Несмотря на эффектные контрудары Людендорфа, русские войска перешли на левый берег Вислы и заняли удобные позиции для дальнейших действий как Против Германии, так и против Австро-Венгрии.

В целом обе воюющие стороны могли быть равно довольными (или равно недовольными) итогами кампании. Вновь была доказана правота Шлиффена: австро-германский фронт сохранял свою жизнеспособность значительно дольше тех 10 — 12 недель, которые требовались. Искусно маневрируя небольшими силами, немцы сумели удержать даже безнадежно слабые пункты своей позиции и к концу 1914 г. закрепиться на Неприятельской территории. Но одновременно была доказана И правота Великого Князя Николая Николаевича: нервы германского командования не выдержали непредвиденно раннего русского наступления, следствием чего стала бессмысленная переброска корпусов с Запада на Восток и поражение на Марне.

С. Переслегин

Приложение VI.

Библиографический указатель

Библиография всей Великой Войны 1914 — 1918 гг. и даже только одного августа 1914 г. насчитывает сотни названий книг, большинство из которых является в России библиографической редкостью. Исходя из этого, мы решили предложить читателю лишь краткий список литературы, который, однако, дает достаточное представление о периоде.

В список включены два художественных произведения. Книга Я. Гашека пользуется заслуженной известностью и популярностью в мире. С нашей точки зрения, она еще и содержит неоценимый фактический материал о состоянии Австро-Венгерской армии и особенностях внутренней и внешней политики двуединой монархии в 1914 — 1916 гг. В «Капитальном ремонте» Л. Соболева дается картина состояния русского императорского флота и петербургского общества в июле 1914 г. Поскольку именно эта тема освещена в книге Б. Такман недостаточно подробно, мы настоятельно рекомендуем воспользоваться указанным изданием.

«Первая Мировая война» (Зайончковского, Ростунова, Строкова и пр.) — официозная русская (советская) версия событий 1914 — 1918 гг. Эти книги неоценимы при первом ознакомлении с проблемой, содержат отлично изложенный фактический материал и обширную библиографию.

Работы Новицкого, Коленковского, Галактионова, Гренера представляют несомненный интерес знатоков оперативного искусства. Это лучшие профессиональные работы, посвященные маневренному периоду Мировой войны. Работы Коленковского [573] и Новицкого неудобочитаемы, Гренер и Галактионов, напротив, написали свои исследования блестящим литературным языком.

Мемуарная литература (Фош, Игнатьев, Бюлов, Людендорф, Тирпиц) обладает всеми достоинствами и недостатками своего жанра: это «личная история» авторов, иногда близко подходящая к Реальности, иногда — уводящая в другое ее Отражение.

Работы по дипломатии периода 1914 — 1915 гг. более или менее соответствуют друг другу по качеству. К сожалению, по уровню анализа все перечисленные книги уступают Б. Такман. Их можно рекомендовать только ради содержащегося в них фактического материала.

Книги серии «Политическая биография» (Бисмарк, Черчилль, Клемансо и др.) сочетают хороший литературный стиль с выверенным содержанием и могут быть рекомендованы любому читателю.

В список не вошел ряд изданий на иностранных языках (мемуары Черчилля, Жоффра, Конрада фон Гетцендорфа), которые предполагаются к изданию в данной серии.

1. Международные отношения. 1870 — 1918 гг. Сборник документов. М., 1940.

2. История дипломатии. Т. 2, 3. М., 1967 — 68.

3. История Первой Мировой войны. 1914 — 18 гг. М., 1975.

4. Первая Мировая война. 1914 — 18 гг. М., 1968.

5. Зайончковский А.М. Мировая Война. 1914 — 18 гг. Кампании 1914-15 гг. М.: Воениздат, 1938.

6. Емец В. А. Очерки внешней политики России в период Первой Мировой войны: взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М., 1977.

7. Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения 1905-11 гг. М., 1972.

8. Игнатьев А. В. Русско-английские отношения накануне Первой Мировой войны. М., 1962.

9. Бовыкин В. И. Из истории возникновения Первой Мировой войны. Отношения России и Франции в 1912 — 14 гг. М., 1961.

10. Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы Первой Мировой войны. М-Л., 1947.

11. Полетика Н. П. Возникновение Первой Мировой войны (Июльский кризис 1914). М., 1964.

12. Строков А. А. Военное искусство в Первой Мировой войне. М., 1974.

13. Ростунов И. И. Русский фронт Первой Мировой войны. М., 1976.

14. Коленковский А. К. Маневренный период Первой Мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940.

15. Новицкий В. Мировая война 1914 — 18 гг. Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции. М., 1938.

16. Галактионов М. Темпы операций. М., 1937.

17. Гренер В. Завещание Шлиффена. М., 1937.

18. Бюлов Б. Воспоминания. М: Гос. социально-экономическое изд., 1935.

19. Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986.

20. Фош Ф. Воспоминания (Первая Мировая война 1914 — 18 гг.). М., 1939.

21. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914^-18 гг. М., 1923-24.

22. Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957.

23. Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1934 — 38.

24. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957.

25. История Военного искусства. Сборник материалов под ред. проф. Готовцева А. И., том III (военное искусство эпохи империализма). М., Воениздат, 1952.

26. Чубинский В. В. Бисмарк. М., 1988.

27. Уткин А. И. Теодор Рузвельт. М., 1989.

28. Гершов З.М. Вудро Вильсон. М., 1983.

29. Прицкер Д. П. Жорж Клемансо. М., 1983.

30. Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.

31. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1977.

32. Молчанов Н. Н.Ж.Жорес. М.: Молодая гвардия, 1969.

33. Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. М., 1967.

34. Соболев Л. Капитальный ремонт. М., 1972.

Комментарии

Книга Б. Такман «Августовские пушки» была впервые издана в 1972 году издательством «Молодая Гвардия». Вступительная статья принадлежала перу переводчика О. Касимова.

Редакционные комментарии «МГ» даны в тексте книги как постраничные примечания. Они сохранены практически полностью (за исключением одной ссылки на В. И. Ленина, не имеющей никакого отношения к излагаемым Б. Такман событиям и вставленной, очевидно, по идеологическим соображениям, и одного или двух комментариев к Восточно-Прусской операции, дословно повторяющих материал Предисловия).

{*1}. Мы сочли необходимым воспроизвести предисловие О. Касимова в настоящем издании, хотя многие реалии текста принадлежат минувшей — советской — эпохе. В конце концов, эта эпоха создала свою, может и ограниченную, но по крайней мере последовательную, концепцию истории вообще и военной истории в частности (чего нынешняя историческая наука, кажется, сделать не в состоянии).

Статья О. Касимова написана с позиций ортодоксального марксизма. Книга Б. Такман относится к буржуазно-либеральному направлению западной историографии.

В Приложении используется сравнительно новый подход к изучению истории, основанный прежде всего на Общей теории систем Л. фон Берталанфи. [576]

Читателю предоставляется возможность сравнить описания одних и тех же событий в разных историко-философских «калибровках» и сделать свой выбор.

{*2}. С точки зрения современной исторической науки, такой фатализм в отношении неизбежности Первой Мировой войны вряд ли оправдан. Война была, конечно, очень и очень вероятна. Напряженность противоречий — экономических, военных, геополитических, цивилизационных — стала к 1914 году нестерпимой. Эти противоречия должны были как-то разрешиться. Но никто не доказал, что это разрешение обязательно и всенепременно должно было принять форму «горячей» войны.

Касимов сам приводит убедительный контрпример — Карибский кризис 1962 года. Хотя военное противостояние США и СССР достигло в тот момент апогея, кризис не привел ни к атомной, ни к обычной войне. В дальнейшем «вековой конфликт» между тоталитарно-социалистической и либерально-буржуазной общественно-политическими структурами был благополучно разрешен без использования военной силы — в экономическом и информационном пространстве.

Конечно, возможность такого развития событий не в последнюю очередь связана с накопленным историческим опытом и прежде всего именно с опытом Первой Мировой: уклониться от «горячей» войны в 1962 году было не в пример легче, нежели в 1914 г.

В реальной политической обстановке десятых годов XX столетия эскалация очередного боснийского или балканского кризиса в мировой конфликт была «главным вариантом» исторического развития. Это мы и подразумеваем, говоря о «значительной вероятности» Первой Мировой войны. Но «значительная вероятность» никоим образом не есть синоним «неизбежности», поскольку «главный вариант» исторического развития реализуется не всегда.

Ортодоксальный марксизм как-то незаметно подменил первоначальную концепцию принципиальной предсказуемости истории сомнительной доктриной исторической неотвратимости.

{*3}. В текстах О. Касимова и Б. Такман упоминаются десятки, если не сотни фамилий военных и политических деятелей, ученых, публицистов. Мы сочли неразумным организовывать биорафическую [577] информацию в форме последовательных ссылок, упорядочили ее по алфавиту и включили в специальный раздел I. Комментариев — Биографический указатель.

{*4}. О соотношении сил и структуре соединений смотри Приложение 3. «Мобилизация и развертывание».

{*5}. Галицийской битве будет посвящена одна из последующих Книг серии «Биографии знаменитых сражений».

{*6}. Особенности характера «кесаря» Фердинанда дорого обошлись как его подданным, так, возможно, и всей Европе.

В 1912 году усилиями русской дипломатии был создан антитурецкий (в некоторой степени и антибританский) Балканский Союз. России удалось объединить вооруженные силы Болгарии, Сербии, Греции и Черногории, на сносном уровне обеспечить войска «братьев-славян» военным снаряжением и таким образом организовать на Балканах армию, соответствующую возможностям крупной европейской державы.

Семнадцатого октября 1912 года началась война между Балканским союзом и Турцией. Хотя боевые действия велись неоптимальным образом, к маю 1913 года поражение Турции стало свершившимся фактом. Оттоманская империя потеряла все владения на европейском континенте, кроме полуостровов Чатанджи и Галиполи.

Дележ добычи привел к резкому ухудшению отношений внутри Балканского Союза. Старания России локализовать конфликт были сорваны Болгарией, войска которой внезапно без объявления войны атаковали недавних союзников (30 мая 1913 г.). Этот акт вероломства дорого обошелся Болгарии.

Фердинанд Кобургский привел страну к полной международной изоляции. После поражений болгарской армии от греков и сербов в наступление на Софию перешли румыны и только что разбитые турки. Уже тринадцатого июля Болгария запросила мира.

Усилия русского правительства заключить для Болгарии хотя бы сносный мир оказались тщетными. На предательство Фердинанда союзники ответили предательством же, отдав болгарские земли вековечному врагу — туркам.

С этого момента Болгария явственно переходит к прогерманской ориентации. В 1915 году она вступает в Мировую [578] войну на стороне противников России и наносит смертельный удар Сербии. Союзники не находят решения лучшего, нежели оккупировать часть Греции, создав Салоникский плацдарм. После трехлетней кровавой борьбы фронт болгар разваливается, и Фердинанду вновь приходится капитулировать — на этот раз перед победоносной Антантой.

Итак, жертвы, понесенные болгарским народом, оказались напрасными. Итоги Второй Балканской войны в сущности были противоположны результатам Первой. Турция

вернула свои европейские владения. Балканский Союз распался. Болгария перешла на сторону Тройственного союза. Политическое положение Сербии резко ухудшилось.

Для Болгарии политика Фердинанда обернулась национальной катастрофой. Но и нейтральная Россия потерпела во Второй Балканской войне геополитическое поражение, сравнимое по масштабам с Цусимой. Есть соблазн представить. развитие событий на Балканах как результат работы германской или австрийской дипломатии (или разведки). Скорее всего, однако, для «кесаря» Фердинанда просто не имели смысла такие понятия, как умеренность, великодушие, благодарность.

{*7}. Англо-японский союз был заключен 30 января 1902 года и просуществовал более двадцати лет. Первоначально имел выраженную антирусскую направленность, затем мог рассматриваться как антигерманский. После Мировой войны приобрел скорее антиамериканский характер. США на Вашингтонской конференции 1921 — 1922 г. добились ликвидации англо-японского морского союза, что, несомненно, было крупной победой американской дипломатии.

Договор предусматривал нейтралитет одного из союзников при войне другого с одной из держав и военную помощь в случае войны с коалицией. Гарантировал «особые права» Великобритании в Китае и Японии в Корее.

Англо-французский договор («Сердечное согласие») был заключен в 1904 году и предусматривал отказ Франции от притязаний на Египет в обмен на признание Великобританией прав Франции на Марокко. В последующие годы — прежде всего в связи с резким усилением германского флота — получил антигерманскую направленность.

В 1907 г. Россия и Великобритания договариваются о разделе сфер влияния в Иране и Афганистане. Этот результат [579] следует считать важнейшим успехом французской дипломатии, сумевшей таким образом оформить нечеткие двусторонние соглашения с Англией и Россией (договор 1891 года) в военно-политический союз.

{*8}. Фашода — селение на верхнем Ниле (ныне Кодок). В июле 1898 года у Фашоды встретились английский отряд, продвигающийся вглубь Африки с севера на юг, и французский отряд капитана Маршана, двигающийся с запада на восток. Французы заняли Фашоду. В сентябре Великобритания потребовала эвакуировать селение. Французы ответили отказом, в результате чего в воздухе явственно запахло войной. Третьего ноября Франция все-таки согласилась отвести отряд Маршала. По соглашению от 21 марта 1899 г. Франция отказывалась от выхода к Нилу в обмен на компенсации в Центральной Африке.

{*9}. Межцивилизационный характер англо-германских противоречий (См. Приложение) делал вероятность заключения такого соглашения совершенно ничтожной. Германия могла его получить только ценой серьезных уступок — прежде всего, в военно-морских вопросах. Идя на такие уступки, Германия добровольно становилась младшим партнером Великобритании, ее уполномоченным по установлению английского порядка в Европе. Трудно было ожидать положительной реакции Кайзера на подобные предложения.

{*10}. Вежливый Эдуард не счел нужным спорить по военно-морским вопросам с французским врачом. С точки зрения «континентальной» школы стратегии Наполеон был разбит под Лейпцигом и окончательно добит при Ватерлоо. С точки зрения «морской» школы, к которой, скорее всего, принадлежал король Великобритании, решающая победа

над Наполеоном была достигнута именно у Трафальгара. Во всяком случае, после Трафальгарского сражения трудно предложить за Наполеона какие-либо шаги, которые последовательно улучшили бы для него общую стратегическую обстановку. Англия теперь была недоступна. Английское золото создавало против Императора одну коалицию за другой. Колоссальные победы, одержанные Наполеоном над этими коалициями, оказывались поразительно бесплодными. А «континентальная [580] блокада», которую Наполеон организовал не то от отчаяния, не то по недомыслию, била прежде всего по французской экономике.

{*11}. В известной мере Анжелл был прав. С рационалистической точки зрения войны должны быть ограниченными, то есть — вестись ради какого-то конкретного результата (на пример, завоевания Эльзаса) и заканчиваться, как только для одной из сторон затраты на войну начинают превосходить ценность приза. Под «затратами» понимаются, разумеется, не только деньги, хотя в первую очередь именно они.

(Хорошим примером ограниченной войны может служить русско-японская. К лету 1905 года Япония добилась всего, чего хотела, и нуждалась в немедленном мире. Российская империя имела возможность продолжать войну — и даже не без реальной надежды на успех — но после гибели Тихоокеанского флота ценность Порт-Артура и Кватунского полуострова не оправдывала новых военных усилий. Был заключен мир.)

Анжелл исходил из того, что очень высокая экономическая связность Европы делает любую войну на этом континенте нерентабельной для обеих сторон.

Он не учел, однако, что и люди, и государства, и цивилизации далеко не всегда поступают рационально, что XX век породил концепцию глобальной войны, заведомо невыгодной обеим сторонам.

Насколько можно судить, переход к неограниченным войнам был вызван прежде всего резким усилением на рубеже веков технического оснащения пропаганды. В результате возросла степень влияния широких народных масс на процесс принятия политического решения. Характерная для массовой психологии истерия препятствовала проведению умеренной и рациональной военной политики.

В начале войны средства массовой информации создают «образ врага» («избирательно уничтожающего исключительно стариков, женщин и детей»). Когда — с рациональной точки зрения — приходит время для мирных переговоров, оказывается, что правительства стали заложниками толпы, которая не приемлет даже самую возможность установления мира с очередной «Империей зла».

Именно по этой причине жизнь опровергла и рассуждения Анжелла, и даже более очевидную формулу, согласно которой [581] затяжная война в Европе является экономическим самоубийством для всех, участвующих в ней наций.

{*12}. Концепция Фердинанда Фоша, часто выражаемая словами «Победа — это воля» и «Выигранная битва — это та битва, в которой вы не желаете признать себя побежденным», значительно глубже и интереснее, нежели это принято считать. Прежде всего, Фош, подобно всем мастерам военного дела со времен Древнего Китая не противопоставлял наступление и оборону. Далее, Фош, разумеется, считал, что победа в бою определяется прежде всего материальными и оперативными факторами. Однако его-то более всего интересовало столкновение равных противников — Германии и Франции. У Фоша были все основания считать, что сражающиеся армии будут очень близки по

своим боевым возможностям. И тогда психологическая устойчивость войск и прежде всего их командования может приобрести решающее значение. По сути, Фош был первым, кто, пусть не достаточно последовательно, учитывал в военном планировании не только материальные и моральные, но и сугубо личностные, психологические факторы. Правильность его идей отчасти подтвердила Марна.

{*13}. «Дело Дрейфуса» — крупнейший политический скандал в истории Третьей республики. А. Дрейфус, еврей, ставший благодаря своим способностям офицером Генерального штаба, был обвинен в передаче Германии военных секретов. Обвинение целиком и полностью основывалось на почерковедческой экспертизе, проведенной Бертильоном. Военный суд приговорил Дрейфуса к пожизненному заключению (смертной казни тогда во Франции не было), причем его защитникам не было разрешено даже ознакомиться с подлинниками документов, на основании которых было вынесено судебное решение.

«Правила игры» были нарушены настолько явно, что в стране поднялась волна возмущения. Проведенное независимое расследование довольно быстро установило действительного виновника утечки информации. Тем не менее повторный военный суд вновь признал Дрейфуса виновным. В дальнейшем в борьбе сторонников и противников Дрейфуса — «дрейфуссаров» и «анти-дрейфуссаров» приняли участие Э. Золя, А. Франс, Ж. Жорес, Ж. Клемансо.

Пересмотр происходил крайне медленно. Первоначально была придумана странная, вызвавшая насмешку Клемансо формулировка [582] «виновен в измене Родине при смягчающих обстоятельствах». Затем было президентское помилование. Формально все обвинения с Дрейфуса были сняты лишь тогда, когда «дело» уже стало достоянием истории.

Как правило, в «деле Дрейфуса» обращают внимание на национальный момент: военная клика травит еврея. Франция Третьей республики, несомненно, была антисемитской страной, армия была заражена национальным предрассудком сильнее, нежели народ, а Генеральный штаб — сильнее, чем армия. Однако вряд ли это было причиной фабрикации «дела». Собственно, оно и не было сфабриковано. Первоначально военные были уверены в виновности Дрейфуса, причем их уверенность основывалась на признанном в Европе авторитете Бертильона. А когда появились новые факты и документы, военно-судебный механизм было уже не повернуть и не остановить. Дрейфус попал в его жернова, и национальная принадлежность не играла здесь никакого значения.

Материалы по, «делу Дрейфуса» публиковались в сборнике «Судебные речи французских адвокатов». Условно-ироничное описание этой неприглядной истории А. Франс включил в «Остров пингвинов».

Редакция предполагает подробно рассказать о «деле Дрейфуса» в планирующемся к изданию сборнике «Правосудие от Генерального штаба».

{*14}. Марокканский кризис 1911 возник в связи с оккупацией французскими войсками столицы Марокко и последовавшим за этим входом в порт Агадир германской канонерской лодки «Пантера» и легкого крейсера «Берлин». Под давлением Англии Германия отступила. Кризис был ликвидирован путем соглашения четвертого ноября 1911, которое не устранило противоречий между Антантой и Германией. Тридцатого марта 1912 года большая часть Марокко была объявлена французским протекторатом. В

свою очередь, Франция уступила часть французского Конго и признала за Германией право «открытых дверей» на тридцать лет.

{*15}. Понятно, что идея прорыва в Балтийское море и высадки десанта на Куршской косе относится к разряду стратегического бреда с оперативными галлюцинациями. Во всяком случае, циничный прагматик Фишер, заметим, приложивший все усилия [583] для того, чтобы «зарезать» значительно более осмысленный вариант действий Флота против Берега — Дарданелльскую операцию, вряд ли мог относиться к этой идее сколько-нибудь серьезно. В самом деле, как это вообще должно было выглядеть? Огромный транспортный флот форсирует заграждения в Бельтах, проходит через все Балтийское море и, предположим, высаживает десант в Померании. Возникает плацдарм. Как его снабжать? Какие задачи ставить перед войсками на те сорок восемь часов, которые им остается жить? Вообще — зачем вся эта операция, сильно напоминающая попытку почесать левой ногой правое ухо?

Остается предположить, что вся «балтийская схема» существовала только как дезинформация.

Что касается идеи высадки английских вооруженных сил в Антверпене — то она выглядит вполне рационально. Во всяком случае, войска в Антверпене можно снабжать (хотя и не без проблем). Стратегически же они нависают над немецким правым крылом, что при определенных обстоятельствах может быть опасно. Заметим, что Мольтке очень опасался возможной высадки крупных сил Великобритании в Антверпене.

{*16}. Здесь Б.Такман не вполне права. В России начальник Генерального штаба был фигурой скорее технической, его роль в создании и проведении в жизнь плана войны была значительно меньшей, нежели у его коллег на Западе. Российская империя последовательно работала над оперативными планами войны против Германии и Австро-Венгрии, и смена технических исполнителей никоим образом не нарушала последовательность этой работы.

{*17}. Хотя чисто технически развернуть германские войска на востоке действительно было вполне возможно, стратегически это решение никуда не годилось. Весь план Германии строился на том, что войну на одном из ТВД нужно быстро закончить и затем опять-таки очень быстро перебросить войска на второй. По условиям местности, по скорости мобилизации, по особенностям железнодорожной сети на русском ТВД было невозможно добиться решающего успеха в обозримые сроки. Это и привело Мольтке старшего, а затем и Шлиффена к пониманию необходимости сначала выиграть войну на Западе. [584]

Вообще при анализе «оперативного приказа Кайзера» создается впечатление, что он был типичной психологической ошибкой. Нередко шахматист, потратив длительное время на обдумывание какого-то хода, внезапно и импульсивно делает другой ход, последствия которого он не проверял вообще, но который вдруг показался очень заманчивым. Последствия — в виде нуля в турнирной таблице, как правило, не заставляют себя ждать.

Германия имела прекрасный план войны. Она превосходила своих противников как в искусстве, так и в культуре оперативного планирования. Естественно, это преимущество следовало использовать.

Отказ Мольтке выполнить приказ Кайзера был, следовательно, совершенно правильным. Если бы и в дальнейшем «мрачный Юлиус» сохранял подобную верность плану, история Европы могла бы пойти по иному пути.

{*18}. Ж. Жорес вполне обоснованно считал, что если Франция не будет использовать резервистов на передовой, увеличение срока действительной воинской службы с двух до трех лет ее не спасет. Кроме того, он задолго до У. Черчилля пропагандировал ту мысль, что война есть слишком серьезное дело, чтобы поручать ее военным. Несомненно, Жорес был антимилитаристом. Но вот ярлык пацифиста наклеен на него по недоразумению.

{*19}. Гомруль (Home Rule, буквально — самоуправление, автономия), борьба за осуществление автономии в Ирландии. Программа автономии Ирландии была впервые выдвинута либералом И. Баттом в 1869. В 1870 им же была основана Ассоциация самоуправления Ирландии. В дальнейшем был внесен билль о гомруле, который был принят только семнадцатого сентября 1914 королевской санкцией, однако с оговоркой, изымающей из Ирландии Ольстер (северную Ирландию). Принятие закона не сняло противоречий. Ирландские националисты продолжали вести борьбу, теперь не только с британскими войсками, но и с силами местного самоуправления.

{*20}. Речь шла, по сути, об изменении не только «Плана № 17>>, но и всей схемы стратегического развертывания. На стадии сосредоточения войск французское командование понемногу начало осознавать реальную опасность обхода северного фланга. Качество французского планирования это характеризует [585] однозначно: такая очевидная вещь, как слабость фланга, обнаружилась не в военных играх на картах, не в ходе маневров, ни при спокойном и вдумчивом оперативном анализе, а непосредственно при столкновении с противником.

Ввиду очевидной неадекватности развертывания реальной ситуации, пришлось срочно вытягивать армии к северу. Собственно, при правильном и последовательном командовании с Немецкой стороны эта потеря темпа была бы вполне достаточной для того, чтобы Франция потерпела поражение.

{*21}. В. Гренер так комментирует это распоряжение Мольтке:

«Высшее командование уклоняется от ответственности, предоставляя „собственному усмотрению" командующего армией решение „трудной задачи". (...) Слова — „в какой мере можно будет осуществить наступление, должна показать общая обстановка" — означают меньше, чем игральная кость, данная командующему армией». И в заключение следует роковой совет:

«В крайнем случае Пруссия восточнее Вислы должна быть оставлена».

В шлиффеновском духе приказание о развертывании примерно гласило бы так:

«Операции по внутренним линиям требуют разума, отваги и дерзновения. Русские при их наступлении будут разобщены Мазурскими озерами. Это обстоятельство мы используем, чтобы разбить одну русскую армию прежде, чем сможет подойти другая. При ограниченном числе войск, которыми должно обойтись командование армией, будет легче создать превосходство против внутреннего фланга противника, чем против внешнего. Мазурские озера дают хорошее прикрытие для сосредоточения армии. Там может она занять выжидательное положение, чтобы атаковать тот фланг противника, который раньше подставится.

(...)

Вы имеете перед собой чудесную задачу. Думайте при этом не о вашем тыле, но только о победе. Если вы будете таким образом действовать, и, несмотря на это, военное счастье не будет к вам благосклонно, я приму ответственность на себя».

{*22}. Марнской битве будет посвящена одна из последующих книг сериала «Биографии знаменитых сражений».

Примечания

{1}Holsti O. Crisis, Eskalation, War. McGill— Queen's University Press, 1972. P. 192-193.

{2}Sorensen T. Kennedy. New York, 1966. P. 577-578.

{3}Taylor E. The Fall of the Dynasties. Garden City, 1963. P. 220-221.

{4}Mackworth N. H. and Mackworth J. F. Visual Scach for Successive Decisions. «British Journal of Psycology», IL, 1958. P. 210—221.

{5}Holsti O. Crisis, Escalation, War. P. 25.

{6}Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 361.

{7}Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 473.

{8}Tuchman B. The Guns of August. New York, 1967. P. 491. В сокращенный русский перевод обзор источников и литературы к книге Такман не помещен.

{9}Tuchman B. The Guns of August. P. 530.

{10}Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1925. С. 4 — 5.

{11}Радус-ЗенковичЛ.А. Некоторые выводы из сражения при Гумбинене в августе 1914 г. // Военно-исторический сборник. М., 1920. №3.

{12}Вацетис И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г.: Стратегический очерк. Высший Военный Редакционный Совет. М., 1923.

{13}Колспковский А. Маневренный период войны 1914 г. М., 1940. С. 64.

{14}Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. С. 63 — 64.

{15}Меликов В. А. Стратегическое развертывание. Т. 1. С.300 — 301.

{16}Восточно-Прусская операция: Сборник документов. М., 1939. С. 12-13.

{17}Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. С.103.

{18}Вацетис И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г.: Стратегический очерк. С. 22.

{19}Рухле И. О характере начального периода в двух мировых войнах // Военно-исторический журнал. 1959. №10. С. 4.

{20}Медиков В. А. Стратегическое развертывание. Т. 1. С.307 — 308

{21}Franco! s H. Marncschlacht und Tannenberg. Berlin. 1920. S. 156.

{22}Hesse K. Der Feldherr - Psychlogos. Berlin, 1923. S. 6.

{23}Зайончковский А. М. Первая мировая война 1914 — 1918 гг. Т. 1. М., 1938. С. 113.

{24}Радус-ЗепковичЛ.А. Некоторые выводы из сражения при Гумбиненс // Военно-исторический сборник. 1920. №3. С. 92.

{25}Der Grosse Krieg 1914 — 1918. Hcrausgcg von M. Schwarte. Berlin, 1923. S. 289.

{26}Военно-исторический сборник. 1920. № 3. С. 88.

{27}Восточно-Прусская операция: Сборник документов. С. 15.

{28}Вацетис И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г.: Стратегический очерк. С. 52.

{29}Зайончковский А. М. Первая мировая война 1914 — 1918 гг. Т. 1. С.117.

{30}Зайончковский А. М. Первая мировая война 1914 — 1918 гг. Т. 1. С.135.

{31}Paleologue M. La Russic dcs tsars pendant la grande guerre. V. 1. Paris, 1920. P. 55 и далее.

{32}Военно-исторический сборник. 1920. № 3. С. 94.

{33}Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. С. 160.

{34}См.: Будберг А.П. Гумбинен — забытый день русской славы. Париж, 1937. С. 12, 14, 10.

{35}Колеиковский А. Маневренный период войны 1914 г. С. 203.

{36}Бержховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914 — 1918 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1964.

{37}Военно-исторический журнал. 1965. № 7. С. 77.

{38}Восточно-Прусская операция.: Сборник документов. С. 23.

{39}Иссерсон Г. Канны мировой войны (Гибель армии Самсонова). М., 1926. С. 115.

{40}О военно-исторической работе в СССР двадцатых годов см.: Ростунов И. У истоков советской военной историографии // Военно-исторический журнал. 1967. № 8. С. 84 — 96.

{41}Иссерсон Г. Канны мировой войны. С. 131.

{42} Зайончковский А. И. Первая мировая война 1914 — 1918 гг. С.147.

{43}Вацетис И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г. С. 98.

{44}Храмов Ф. Восточно-Прусская операция, 1914 г. М., 1940. С. 100-101.

{45}Плохо воспитанным (франц.).

{46}Обострение франко-германских империалистических противоречий в связи с притязаниями этих держав на Марокко. Первая вспышка относится к 1905 году, вторая к 1911-му. — Прим. ред.

{47}Русский посол во Франции.

{48}Мольтке (старший) Хельмут Карл Бернхард (1800 — 1891) — граф, прусский фельдмаршал, один из военных идеологов юнкерства. Сподвижник Бисмарка, первого канцлера Германской империи, друг и наставник Вильгельма I. В военном деле особое значение придавал фактору внезапности. Мольтке был первым автором плана ведения войны на два фронта — против Франции и России, принятого за основу его последователями — Х. Мольтке (младшим), его племянником, и А. Шлиффеном.

{49}Автор книги весьма поверхностно представляет себе политическое положение страны, настроения народных масс и ограничивается лишь беглым рассмотрением умонастроений правящей верхушки России. — Прим. ред.

{50}Заключен в 1902 году. — Прим. ред.

{51}Это не так. См. вступительную статью. — Прим. ред.

{52}Германскому послу было прислано из Берлина два варианта ноты в зависимости от возможного ответа Сазонова. В любом случае Германия объявляла войну. Разволновавшийся Пурталес передал министру иностранных дел России оба варианта. «Международные отношения...», т. 5, с. 396.

{53}Социал-демократическая фракция в рейхстаге, проголосовав вместе с буржуазными представителями за предоставление кайзеровскому правительству 5-миллиардного военного займа, тем самым одобрила империалистическую политику Вильгельма II. Позднее стало известно, что левые социал-демократы при обсуждении этого вопроса на фракции до заседания рейхстага высказались против предоставления военных кредитов, но подчинились решению оппортунистического большинства и проголосовали за кредиты. От имени всей социал-демократической фракции Г. Гаазе огласил декларацию, в которой говорилось:

«Теперь мы стоим перед железным фактом войны. Нам грозят ужасы враждебных нашествий. Мы должны теперь голосовать не за войну или против нее, а решать вопрос об отпуске средств, необходимых для защиты страны». Декларация заканчивалась обязательством социал-демократов «голосовать за требуемые кредиты».

{54}Это была пропагандистская кампания, имевшая в виду, помимо всего прочего, отвлечь внимание от разнузданной расправы с русскими, находившимися в те дни в Германии. В момент объявления войны только в Берлине скопилось до 50 тысяч русских путешественников, торопившихся вернуться на родину. Все они подверглись диким издевательствам со стороны немецких властей. Пытавшихся протестовать против избиений и насилий расстреливали на месте. Такая же участь постигла некоторых сезонных рабочих, которые отказывались идти на военные работы и требовали отправки в Россию. Очевидцы с возмущением рассказывали, что солдаты вели себя нагло и беззастенчиво, особенно «усердствуя» при обыске.

«Обыскивали только женщин и притом наиболее молодых, — вспоминал один из тех, кто был согнан в казармы драгунского полка вблизи Берлина. — Один из лейтенантов так

увлекся обыском молодой барышни, что ее отец не вытерпел, подбежал к офицеру и дал ему пощечину. Несчастного отца командир полка приказал схватить, и тут же на глазах русских пассажиров его расстреляли».

Мужчин призывного возраста в Германии задерживали, разлучив с семьями, и объявляли военнопленными. — Прим. ред.

{55}Речь идет о поиске, организованном генерал-лейтенантом В. И. Гурко. Высланный им в целях разведки 14 августа отряд в тот же день вернулся на русскую территорию. — Прим. ред.

{56}В 1-й и 2-й русских армиях было 68 самолетов, в 8-й немецкой — 58. — Прим. ред.

{57}Как рождались эти слухи о «победах» германского оружия, иллюстрирует следующий обмен телеграммами. 19 августа из Петербурга запросили штаб 1-й армии:

«Агентство Вольфа телеграфирует в Копенгаген 5 (18) августа, что командир 1-го германского корпуса доносит об одержанной корпусом 4 августа победе у Сталюпенена, причем захвачено будто бы свыше 3000 пленных, прошу телеграфировать для доклада военному министру, имеет ли это сообщение хоть какое-нибудь основание». 20 августа штаб 1-й армии ответил: «4 (17) августа на фронте Будвейгеи, Иогельн армия имела короткий частичный неуспех вследствие внезапного флангового огня, открытого противником из пулеметов на бронированных автомобилях по частям 27-й дивизии. Дивизия отошла на фронт Ромейки, Капсозде и при отходе потеряла значительное число раненых, которые, по-видимому, были взяты в плен. Полагаю, что этот случай послужил командиру 1-го германского корпуса основанием считать себя победителем в бою под Сталюпененом, из которого он отступил в ночь, оставив там раненых своих и наших, а также большие интендантские запасы, 25-я дивизия, сражавшаяся правей 27-й, в этом же бою не только не отошла, но взяла с боем 7 полевых орудий, 2 пулеметам 12 зарядных ящиков». «Восточно-Прусская операция». Сборник документов, стр. 184.

{58}«При более решительных действиях III и IV русских корпусов I германский корпус мог быть раздавлен и уничтожен». И. Вацстис, Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г., стр. 32.

{59}Описание этого боя дастся по книге Н. Н. Головина (стр. 134 — 135), где цитируется «Краткий стратегический очерк войны 1914 — 1918 годов», вып. 1, стр. 71 — 72, М., 1919. Сравним рассмотрение этого же боя профессором А. Колепковским, сделанное на основе того же источника:

«I германский корпус попытался развить свой успех в направлении на Катенау, но был решительно остановлен частями, хотя и потрясенной, русской 28-й дивизии, особенно благодаря блестящим действиям русской артиллерии. Об этом ярком боевом эпизоде пишет участник боя так: «...Утром на 28-ю дивизию обрушился удар германского корпуса, подкрепленного частями кенигсбергского гарнизона. Долго и упорно держалась наша пехота. Отдельных выстрелов слышно не было, казалось, что кипело что-то в гигантском котле. Все ближе и ближе, и вот на батарее стали свистеть немецкие пули. Под страшным огнем, наполовину растаявшая и потерявшая почти всех офицеров, медленно отходила 28-я дивизия на линию артиллерии 4, 5 и 6-й батарей. Менее чем в версте перед батареями тянулось шоссе, а через минуту, насколько хватал глаз, по шоссе хлынула серая волна густых немецких колони. Батареи открыли огонь, и белая полоса стала серой от массы трупов. Вторая волна людей в остроконечных касках, снова беглый огонь, и снова все

легло на шоссе. Тогда до дерзости смело выехала на открытую позицию германская батарея, и в то же время над нашими батареями пролетел немецкий аэроплан с черными крестами. На батареях стоял ад. Немецкая пехота надвигалась на батареи и обходила 4-ю, которая била на картечь, а в тылу уже трещал неприятельский пулемет, она погибла. С фронта немецкая пехота подошла к нашим батареям на 500 — 600 шагов и, лежа, стреляла. Батареи били по противнику лишь редким огнем, ибо уже не было патронов. Понесшие большие потери немцы дальше не пошли, и поле боя осталось ничьим».

А. Коленковский, Маневренный период Первой Мировой войны 1914 г., стр. 185.

{60}В 1-й русской армии не было тяжелой артиллерии. — Прим. ред.

{61}«Действия Франсуа очень показательны с отрицательной точки зрения. Рейхсархив дает богатый фактический материал, но избегает критики самостийных действий этого германского «сверхинициативного» генерала, который не погубил свои войска лишь потому, что царское командование не умело воспользоваться в Восточной Пруссии ошибками германцев». В. А. Медиков, Стратегическое развертывание, стр. 308.

{62}Мартос впоследствии был взят немцами в плен. В своих воспоминаниях он писал:

«В газетах (немецких) меня стали яростно травить, думаю, что по благосклонному указанию Людендорфа, а через 15 — 20 дней вызвали к следователю, который мне объявил, что я обвиняюсь: в обстреливании необоронявшихся населенных пунктов, в грабеже, в насилии над мирными жителями и особенно над женщинами и детьми, и что за эти деяния мне угрожает смертная казнь. Через полгода, в марте или феврале 1915 года, мне было прочитано очень пространное постановление, суть которого заключалась в том, что по недоказанности обвинения я освобожден от суда. Это нисколько не помешало ген. Франсуа в своих воспоминаниях повторить на стр. 223 гнусную клевету на поведение русских войск в Нейденбурге. Это тем более недостойно, что еще во время войны на бешеные нападки немецких газет на русскую армию за ее «грабежи» в Восточной Пруссии пастор Нейденбурга в газете «Берлинер Тагеблатт» поместил статью под заглавием «Пребывание русских в Нейденбурге», в которой подчеркнул порядок и дисциплину в русских войсках и заявил, что никому из жителей не было причинено никаких обид или имущественного ущерба».

См.: Н. Н. Головин, Из истории кампании 1914 года на русском фронте, стр. 340.

{63}Телеграмма 23 августа 1914 года. — Прим. ред.

{64}«Глазами и ушами» А. В. Самсонова был полковник А. М. Крымов, исполнявший при нем обязанности генерала для поручений. На автомобиле, верхом, а где пешком он мотался по фронту, информируя Самсонова о происходящем. 23 августа он сообщал:

«Я приехал к ген. Мартосу около 7 часов утра — корпус начал движение на Нейденбург, шел он четырьмя колоннами. Движение было великолепное, порядок образцовый... Гор. Нейденбург небольшой, но чистенький город. Встречаются отличные постройки. Часть жителей покинула его, а часть осталась. Отнеслись очень спокойно. Когда я проезжал по улице, все кланялись, а поляки восторженно встречали. Немцы, уходя, подожгли большие магазины».

О порядках в некоторых соединениях А. М. Крымов писал:

«Штаб 1-го арм. корпуса — одно огорчение. Начальник штаба — это какой-то кретин. Артамонов в своем донесении, что в Сольдау была дивизия, — врал, там были два ландверных полка. Он врал, что они перехватили какой-то телефонный провод. Он даже не сделал попытки атаковать Сольдау... Лично я убежден, что у нас на левом фланге ненадежные командиры корпусов (Кондратович и Артамонов)».

Оценивая ход боев, А. М. Крымов настаивал:

«Я, находясь под впечатлением виденного, считаю долгом сказать, что, по-моему, они умышленно нас затягивают в Глубину. Лучше бы бросить правый берег Вислы и переходить на левый. Но я глубоко убежден, что они не разгадали нашего движения».

См.: «Восточно-Прусская операция. Сборник документов», стр. 263 — 264.

{65}«Интересно отметить, что на французском театре германцы были принуждены в начале войны также перейти к незашифрованным радиограммам после почти общих случаев путаницы шифра». А. М. Зайончковский, Мировая война 1917 — 1918 гг., т. 1, стр. 140.

{66}Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников, служивший под начальством Пестовского в 1913 году, так характеризует этого человека: прибыв к месту службы в Варшаву и «отрекомендовавшись осовелому генералу (Пестовскому), я получил приказание сесть и рассказать свою биографию. Выслушав меня, генерал сказал:

«Итак, капитан, вы служите у генерала Орановского. Если вас будут притеснять, обращайтесь сразу ко мне!» Я раскланялся и вышел, пораженный тем, что мне предлагали жаловаться на свое начальство. Да, недаром его называли в штабе «сумасшедшим муллой». «Военно-исторический журнал», 1967, №1, стр. 78.

{67}«I корпус, на который была возложена главная задача — атаковать русских во фланг у Уздау и направиться в дальнейшем на Нейденбург, фактически топтался на месте. Но и эта неудача послужила германцам на пользу, так как XV и XIII русские корпуса продвинулись еще вперед и еще более завернули свой фронт на запад, тем самым подставляя еще более свой тыл действию немцев». А. М. Зайончковский, Мировая война 1914 — 1918 гг., т. 1, стр. 143.

{68} В докладе правительственной комиссии, назначенной в 1914 году для расследования условий и причин гибели 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии осенью 1914 года, о XV армейском корпусе, которым командовал генерал от инфантерии Н. Н. Мартос, сказано:

«Всего из состава XV корпуса вернулось в Россию — 107 офицеров, 25 классных чинов и нижних чипов, около 3000 строевых и 3200 из тыловых учреждений, а всего около 6200 нижних чинов... Большинство офицеров, пробивавшихся в одиночку или с нижними чинами, выдержали ряд самых тяжелых испытаний и опасностей и выказали незаурядное личное мужество и храбрость, преодолевая на своем пути превосходного по силам противника, борясь с бронированными автомобилями, вооруженными пулеметами и даже артиллерией противника, уничтожая то и другое».

«Восточно-Прусская операция. Сборник документов», стр. 586.

{69} Командовал корпусом генерал-лейтенант А. А. Душкевич. — Прим. ред.

{70}По мнению русских исследователей, «германцам в период 29 — 31 августа удалось взять в плен около 30 тыс. чел., между тем по их источникам количество пленных исчисляется до 90 тыс. чел., что не соответствует действительности, так как в XIII и XV корпусах и 2-й пехотной дивизии, вместе взятых, всего насчитывалось до 80 тыс. чел., из них около 20 тыс. прорвались из окружения и отошли на юг, 6 тыс. чел. было убито и до 20 тыс. раненых остались на поле боя». Ф. Храмов, Восточно-Прусская операция 1914 г., стр. 69.

{71}Грюнвальдская битва 1410 года. — Прим. ред.

{72}Действительно, слепое следование провозглашенной Клаузевицем «доктрине устрашения», выразившееся в педантичной и ничем не оправданной жестокости германской армии, не только вызывало возмущение мировой общественности, но и послужило причиной активного сопротивления франтиреров — местных жителей оккупированных районов Бельгии и Франции.

Эта «эмоциональная сторона», то есть германское вторжение, варварство мародерствующих германских солдат, уничтожение исторических и культурных ценностей, убийство мирных граждан по прямому приказу германского командования, которой столь много внимания уделяет автор, может создать ложное представление того, что страны Антанты и присоединившиеся к ним позднее США вели справедливую войну, целью которой, как выразился тогда русский министр иностранных дел Сазонов, было «уничтожение германского империализма». Однако следует помнить, что суть и цели Первой Мировой войны на всем ее протяжении были империалистическими и вели ее империалистические государства. Чрезмерная жестокость является неотъемлемой частью такой войны, достаточно лишь вспомнить действия американского империализма во Вьетнаме. Только для Сербии и Бельгии война являлась в определенной степени национальной, освободительной, но это отнюдь не меняло общего характера войны.

{73}Согласно данным справочника «Французская армия», французские потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести лишь за август составили 206 515 человек при общей численности действующей армии 1 600 000. Поскольку в эти данные не включены офицеры, крепостные и территориальные войска, считается, что общие потери были около 300 000 человек. Большая часть их падает на четырехдневное Приграничное сражение. По окончании войны считалось, что во Франции один погибший приходился на 28 человек, в Англии — на 57 и в России — на 107 человек от общего числа населения. — Прим. авт.

{74}Под Отражением мы будем понимать некоторую последовательность событий (мировую линию), зафиксированную конкретным наблюдателем. При анализе шахматной партии комментатору нередко приходится отступать от действительного хода-борьбы, дабы показать оставшиеся за кулисами варианты, возможности, которые не были реализованы в данной партии, но могли реализоваться при ином стечении обстоятельств. Самим фактом своего существования («Нельзя играть 17...Kb5 из-за 18. Л: g7+») эти возможности оказывают влияние на ход и исход партии. Борьба на войне, будучи примером системы более сложной, нежели борьба на шахматной доске, также требует от историка анализа вариантов — Отражений реальности. Поскольку наши знания о прошлом принципиально содержат в себе неопределенность, историческая Реальность не может быть определена объективно. (Пример: по немецким источникам в ходе Германо-Польской войны 1939 г. германские войска взяли Львов. По советским источникам Львов ими взят не был.) Поэтому имеет смысл не выделять Реальность, как таковую, и рассматривать ее как одно из Отражений, выделенное лишь числом наблюдателей, отождествляющих себя с ним.

«За доской, — пишет гроссмейстер Давид Бронштейн в предисловии к своей книге „Международный турнир гроссмейстеров", — сидит живой человек со своими сегодняшними мыслями и переживаниями, иной раз далекими от шахмат. Выбирая план игры или даже очередной ход, он невольно сообразуется со своим положением в турнире, вспоминает результат вчерашней партии, смотрит на доски других участников. Партия — не анализ: все нужно рассчитать в уме, фигуры двигать нельзя, в справочник не посмотришь, посоветоваться не с кем... Гроссмейстер задумался, бросил последний взгляд на часы — пора решаться, рискну! Он переставил коня на e5. Легко, конечно, год спустя, познакомившись со всеми анализами, просидев не один день над позицией, авторитетно сообщить читателю: „Ошибка. Следовало предпочесть осторожное e1..."» (Д.Бронштейн. Международный турнир гроссмейстеров. — М., 1983.)

{75}Несомненно, в бульварной прессе появлялись статьи, требующие расширения германской колониальной империи. С похожими высказываниями выступали и функционеры Морской лиги. Однако нет никаких оснований считать, что эти заявления имели какое-либо конкретное политическое содержание. Во всяком случае, ни в военной, ни в технической, ни в экономической политике Германской империи не прослеживается колониальной составляющей. Что же касается германской дипломатии, то ее, похоже, проблема передела колоний не интересовала вообще. В рейхстаге вялые дебаты по этому поводу закончились резолюцией социал-демократов, призывающих «колонизировать не острова, а Вислу».

{76}Термин «Хаос» используется здесь как символ для обозначения принципиально неустойчивой структурной системы. В классической теории систем можно выделить три различных класса объектов:

1) примитивные системы, структура которых неизменна (примером может служить математический маятник);

2) аналитические системы, которые «почти всегда» имеют фиксированную структуру, но иногда претерпевают бифуркации, скачкообразно изменяющие структуру (простая экосистема);

3) хаотические системы, постоянно меняющие свою структуру (например, атмосфера Земли). В этом смысле «Хаос» есть синоним изменчивой, внутренне противоречивой, нестабильной культуры, культуры развивающейся (ибо «развитие» есть прежде всего отказ от требований гомеостаза). Культуры, которую с некоторым основанием можно отнести к хаотическим, а не аналитическим структурным системам.

{77}Первая и Вторая Мировые войны закончились поражением Германии, что породило тенденцию рассматривать немецкую цивилизацию как некую империю зла. Такой взгляд, по-видимому, неоправдан. С другой стороны, у нас нет оснований и для критики западных демократий, «стерших с лица Земли великую культуру». Прежде всего, лидеры Запада не подозревали, что Германия представляет собой чуждую им цивилизацию.

Далее, если у нас и есть определенное недовольство современным устройством мира, то никто не доказал, что альтернативная картина устроила бы нас больше. Лучшим результатом было бы, на мой взгляд, сосуществование обеих великих культур

{78} «...Тарраш был убежденным сторонником активной стратегии, методичного стеснения противника, использования пространства для удобной перегруппировки сил и подготовки решительного наступления. С неумолимой последовательностью проводя

свои замыслы, он выиграл подобным образом десятки поучительных партий — цельных от начала и до конца. Способность Тарраша создавать далекие планы, предусматривающие кардинальную перегруппировку сил, отмечал Ласкер...» (Я. Нейштадт. Тарраш и учение Стейница. Классик шахматной стратегии. В кн.: Я. Нейштадт. Зигберт Тарраш. — М., 1983).

{79}Пытаясь выйти из дипломатического тупика, Бюлов выдвинул идею соглашения с англичанами, которое, разумеется, не прошло, как противоречащее логике межцивилизационного конфликта. Кайзер на уровне личной дипломатии сконструировал мертворожденное Бьерк-ское соглашение с Николаем II. Эта попытка распустить Антанту, опоздавшая на десять лет, могла вызвать у профессионала лишь чувство глубокого удивления.